

Олег Лукьянов

МИФ
О ПЛАНЕТАРНОМ
КОСМОСЕ

«Роза Мира» Даниила Андреева

Москва –2010

УДК 1
ББК 87
Л84

Лукьянов О.М.

Л84 Миф о планетарном космосе: «Роза Мира» Даниила Андреева. — М.: МАКС Пресс, 2010. — 616 с.

ISBN 978-5-317-03291-3

Мифы пронизывают всю современную жизнь. Для нормального существования общества они не менее важны, чем экономика или система обороны. Мифы бывают светлыми и тёмными, духовно облагораживающими и духовно опустошительными. Миф «Розы Мира» при всём его драматизме светел и оптимистичен. Его вхождение в сознание нашего раздробленного общества, людей разных убеждений и вер, могло бы способствовать культурному и экономическому возрождению России. Эта мысль составляет конечную цель концепции, развиваемой Олегом Лукьяновым.

**УДК 1
ББК 87**

E-mail для связи с наследниками автора: oleglukianoff@yandex.ru.

ISBN 978-5-317-03291-3

© Лукьянова Л.М., Лукьянов М.О., наследники, 2010

Познанию премудрости Божией последует несомненная на Бога надежда. Яко хотя по нашему слепому уму непостижимо и противно кажется, тое Он в пользу нам обратить может и обращает. И где кажется нам, что способа нет к избавлению и спасению нашему, тамо способ обретает яко премудрый, а что по мнению нашему к худому концу идёт, тое Он по мудрости своей к доброму концу приводит. Отсюда последует терпение во всяких искушениях, бедствиях, теснотах, ожидание милостиваго избавления.

*Творения иже во святых отца нашего
Тихона Задонского.*

Исторически победа фашизма нелепа и невозможна, но спасти человечество от гибели можно только сражаясь.

*Дмитрий Шостакович,
«Ленинградская правда», 5 июля 1941 года.*

От автора

В предлагаемой книге сделана попытка взглянуть на наше время через мировоззрение Даниила Андреева, изложенное в его «Розе Мира».

Развиваемые здесь философские, религиозные, исторические, политические сюжеты имеют конечную цель — попытаться показать, опираясь на метафорические откровения «Розы Мира», что происходит сейчас в России, какие силы и куда её ведут и в чём должен состоять её действительный путь.

Почему моё внимание остановил именно Даниил Андреев, а не какой-либо другой русский философ?

«Роза Мира» выделяется среди философских произведений прежде всего тем, что в ней с ошеломляющей прямоотой представлен взгляд на историю, жизнь народов и государств, как на мистический процесс, происходящий под невидимым воздействием сверхъестественных существ и потому именно в своих ключевых моментах не поддающийся рациональному прогнозированию. Этот взгляд, продолжающий древнюю мифологическую традицию, выражен Андреевым на высочайшем художественно-эстетическом уровне и вместе с тем последовательно, чётко, доказательно, что позволяет причислить «Розу Мира» к лучшим образцам современной философской мысли.

Но Андреев не просто философ или поэт, а *вестник*, как называет он себя сам. Он получил из высших миров информацию огромного значения для России и всего человечества и с твёрдой уверенностью говорит о светлой духовной природе этого источника. Необходимо, следовательно, основательно разбираться с его трудом. Между тем, «Роза Мира» как-то сразу отошла на обочину внимания нашей интеллигенции, а церковные мужи прямо-таки «с порога» отвергли её. Поэтому я не увидел особой дерзости в том, чтобы в меру своих способностей попытаться выполнить эту работу.

Читатель, может быть, будет более снисходительным к этой книге, если я расскажу, что заставило меня оставить свои привычные литературные занятия и взяться за дело рискованное и неблагодарное.

Главную роль тут сыграли события, связанные с «перестройкой». Как и большинство советской интеллигенции, я встретил её с радостью и в Горбачёве, несмотря на его подозрительную отметину на лбу и редкий дар политического словоблудия, увидел светлую личность, спасителя

отечества.. Однако по мере того, как разворачивалась «перестройка», мой первоначальный энтузиазм угасал. Россия как будто ухнула от своего коммунистического прошлого, а меня «шестидесятника», неутомимого читателя «самиздата» и слушателя забугорных «голосов», это почему-то не радовало. Я никогда не состоял в КПСС, с комсомолом расстался вскоре после окончания института; меня возмущала тупая и безбожная коммунистическая идеологическая машина, подавлявшая в обществе дух творчества и свободы... Но идеология «светлого капиталистического будущего», сломавшая эту машину, оказалась ничуть не лучше. Своим разрушительным пафосом и революционной наглостью она заставляла вспоминать недавний сюжет из отечественной истории, когда большевики ломали Россию через колено не ради самой России, как это делал, например, Пётр I, а во имя химеры «всемирного интернационала». Теперь же Россию ломали ради счастья «приобщения к мировому сообществу», не объясняя, на каких условиях оно будет происходить и что это вообще такое.

В своё время «Вехи» научили меня не верить революционерам. Нынешние же не заслуживали доверия вдвойне. В большинстве своём они вышли из советской партноменклатуры, жили всегда припеваючи, а теперь стали жить ещё лучше, несмотря ни на какие экономические потрясения в стране. Не удивительно, что «перестройка», совершаемая руками этих людей, очень скоро приняла ярко выраженный химерический характер. Провозглашённая ею экономическая свобода губилась на корню распоясавшимся криминалитетом и хозяйственным хаосом, долгожданная свобода слова обернулась невиданной вакханалией массового растления молодёжи, а доброе и умное слово в условиях всеобщей криминализации культуры стало иметь ещё меньше свободы, чем при коммунистах; освобождение церкви было куплено ценой молчания её высших иерархов по поводу творимого в стране бесовства. Как-то стремительно и жестоко, провоцируемая экстремистами слева и справа, передралась творческая интеллигенция, явив при этом совершенно изумительные примеры беспринципности и подлости; хорошие слова «демократ» и «патриот» были превращены в оскорбительные клички.

По мере того, как разрушалась страна, многие люди стали догадываться, что «перестройка» это совсем не то, за что её выдаёт официальная пропаганда, и что совершается она отнюдь не в интересах народов бывшего СССР. Лично мне «перестройка» представлялась загадочной политической аферой планетарного масштаба, далёкие цели которой не извест-

ны ни политологам, ни футурологам, ни в Москве, ни в Вашингтоне. Я увидел в ней пока одно бесспорное положительное явление — выход из подполья великих произведений религиозно-философской мысли. Одно из них и помогло мне начать разбираться с загадкой «перестройки».

В начале сентября 1991 года, когда демократическая печать обрушивала мегатонны праведного гнева на злосчастный ГКЧП, даже не подзревая, какие кошмары готовит стране победивший режим, я купил «Розу Мира».

Эта книга произвела на меня совершенно особое впечатление. Я читал её легко и быстро, словно она была написана специально для меня. В ней обнаружились ответы на многие, мучившие меня вопросы. Главным из них был вопрос о «хромой судьбе» России, о небывалой этнической катастрофе, когда огромная страна с тысячелетней культурой дважды в течение одного века полностью лишалась своей государственности. Мне стало понятно главное заблуждение активистов «перестройки», обусловленное тем, что все они были закоренелыми материалистами, хотя бы и притворялись иногда верующими. Эти люди, разрушившие дотла старую систему, вообразили, что новую систему можно сконструировать по готовым решениям, как какой-нибудь механизм. В основе их идеологии лежала идея возвращения России на «столбовую дорожку мировой цивилизации», глубоко сомнительная для всех, кто по-настоящему понимает Евангелие и знает о нынешнем положении дел на планете. С точки зрения современных столпов православия, такой дороги просто не существует. Человечество, по их убеждению, идёт к царству антихриста, к «последним дням», предсказанным в пророчествах Иоанна. Об этом, в частности, весьма убедительно написал в известном труде «Православие и религия будущего» о. Серафим Роуз.

Из «Розы Мира» следует, что при помощи одного человеческого держания государства и культуры никогда и нигде на земле не создавались. Не были они и результатом игры безличных сил природы. Их непредсказуемые метаморфозы, бесконечно разнообразные, неповторимые формы, этническая и социальная конкретика всегда имели *информационную* природу. Требовалось поступление неких информационных импульсов из внебиологического источника, из высших миров, и требовались мистически одарённые люди, способные их воспринимать, чтобы могла возникнуть та или иная культура.

Мне представляется, что в отношении нашей страны это таинственное действо свершилось за 40 или 50 лет до её второго разрушения в виде метаисторических озарений, пережитых Даниилом Андреевым. Поэтому Россия может рассчитывать на возрождение только в принципиально новом качестве и только в том случае, если её действенные, творчески одарённые силы сумеют понять это, сумеют по достоинству оценить «Розу Мира».

Таковы идейные и событийные предпосылки этой книги. По замыслу она представляет собой популярно изложенную религиозно-философскую концепцию с элементами публицистики и рассчитана на широкий читательский круг.

В основе развиваемой здесь концепции лежит старая, как мир, идея существования злого метафизического интеллекта, враждебного Богу и человеку. Очень остро пережитая историческим христианством, грозно напоминающая о себе лавиной человекоразрушительных событий XX века, и особенно событий в России, она всё ещё не нашла отклика у современных философов и учёных, вполне благосклонных ко многим другим религиозным идеям (например, к закону кармы, реинкарнации). Она вообще трудно воспринимается большей частью интеллигенции, даже отторгается ею. По этой причине мне пришлось с самого начала книги потратить много страниц для её обоснования, прежде чем заговорить непосредственно о «Розе Мира». В результате работа оказалась довольно большой, но доказывая концепцию, невозможно пропустить ни одного из основных этапов, даже если сообщаемая информация может быть кому-то хорошо известна.

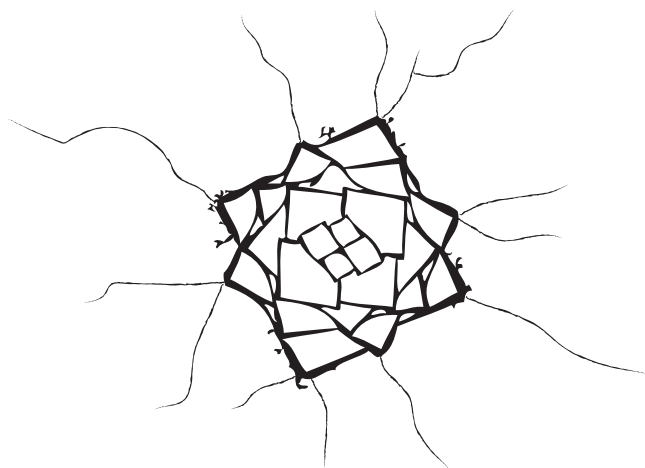
...«Роза Мира» появилась удивительно вовремя, в тот момент отечественной и мировой истории, когда становится крайне опасной инерция застарелого упрямства, мешающего философам, учёным и политикам признать сверхъестественную, демоническую родословную всех великих зол истории и возможность ещё худших зол в будущем, если не будет учтён демонический фактор. Привлечь общественное внимание к этой невероятно сложной теме — главная цель этой книги.

Я далёк от мысли, что мне удалось удовлетворительно решить эту задачу. Это по плечу только соборному гению человечества. Поэтому буду полностью удовлетворён, если моя книга пробудит у какой-то части читателей живой интерес к выдающемуся творению Даниила Андреева и желанию самому разобраться в нём.

1997 год

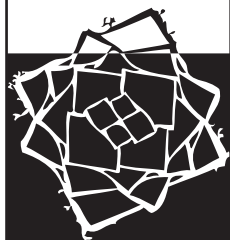
Книга первая

ЗА ЗАВЕСОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ МАТЕРИИ

Глава 1

СОТВОРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА, РАЗРУШЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Время, в которое мы живём

Чувство растерянности перед будущим знакомо в наше время всем, кто всерьёз задумывался над сакраментальным вопросом: куда идёт современный мир? Тревожное ощущение, что человеческая история запрограммирована и уже недалёк фатальный финал, предсказанный в Апокалипсисе, становится содержанием миллионов сердец. Многие люди испытывают настоящий страх за судьбу своих детей и внуков, пытаясь представить себе мир, в котором им придётся жить, когда они станут взрослыми. Жизнь, наполненная страхами, — особенность не только нашего лишь века. «Страх лежит в основе жизни всего мира», — говорил Николай Бердяев. Но старые страхи были страхами частными и привычными. Страх же перед неумолимо приближающейся глобальной катастрофой, имеющей основания не только в христианском откровении, но уже в цифрах и фактах мировой статистики, есть, безусловно, нечто качественно

новое. XIX век ещё жил верой в грядущее царство справедливости, в социальный и духовный прогресс. Во всяком случае, она была широко распространена среди образованных людей Европы и России, не говоря уже об Америке. XIX век верил в способность человечества управлять своим будущим.

Век XX сильно поколебал эту веру. Мировые войны, тиранические режимы, жуткие средства массового уничтожения, прогрессирующее разрушение биосферы, невиданный в истории взлёт преступности, наркомании, алкоголизма, психических болезней, половых извращений и т.д. заставили даже убеждённых прогрессистов-наукопоклонников усомниться в самой идее управления социальными процессами. Прозрение стало наступать у них во второй половине XX века. В начале 60-х годов один из таких наукопоклонников, всемирно известный писатель и философ Станислав Лем, выразил это настроение в следующих достойных внимания словах:

«Хотим мы этого или не хотим, радует это нас или пугает, но мир мчится вперёд, в будущее, в неизвестное, несмотря на все усилия футурологов. Мы перестаём ориентироваться в нагромождении событий в мире, или, вернее, мы не в состоянии определить их реальной градации — различить *постепенное увеличение их значения для нашей сегодняшней и будущей жизни*. Мы чувствуем, что цивилизация в могучем движении отрывается, её отрывают от традиционных исторических корней, а раз так, то она должна принимать сейчас решения, результаты которых спасут или погубят наших детей и внуков. Такое положение свыше наших сил, его иногда называют “шоком будущего”, то есть потрясения при виде картины непостижимого, раздираемого противоречиями, а вместе с тем неотвратимо приближающегося будущего».

Нет необходимости доказывать, что за 30 лет, прошедших со времени этого высказывания, положение в мире не изменилось к лучшему. Напротив, ещё более непредсказуемым стал ход мировых событий. Последним самым крупным и ошеломляющим из них можно считать внезапное крушение коммунистической системы, повлёкшее за собой неисчислимы бедствия для народов, входивших в её состав. Теперь и мы, бывшие обитатели огромного советского муравейника, развороченного неведомыми силами, лишились своей привычной уверенности в будущем и повергнуты в шоковое состояние.

Человеку всегда нелегко жилось на земле, но в донаучную, религиозную, эру, когда душа его была гораздо более цельной, он, право

же, чувствовал себя увереннее. Он знал, как будет жить завтра или через год, чем будут заниматься его дети, что ожидает его после смерти. У многих народов веками не менялся жизненный уклад или менялся медленно, не травмируя человеческие души. Оставалась неизменной стоимость денег, не менялось мировоззрение. Люди прошлого умели сохранять культурную преемственность, и это сильно замедляло перемены, неизбежные в нашем земном мире.

В нынешние времена социальные процессы, ввиду их динамичности и колоссальной сложности, всё больше выходят из-под человеческого контроля, несмотря ни на какое усовершенствование средств управления. Иррациональные силы, стоящие выше всех земных правительств и организаций, несут человечество в направлении, предсказанном самыми мрачными древними пророчествами, и это последняя услуга, которую великие гении прошлого могут сделать для нас.

Весь XX век прошёл под знаком безграничной веры миллионов людей в науку, и, хотя к концу его эта вера основательно пошатнулась, многие люди по-прежнему убеждены, что последнее слово остаётся за наукой. Она, де, ответит на самые животрепещущие вопросы современности и выведет народы к свету. Но достаточно ли основательны подобные надежды? Для того чтобы наука могла предложить верную стратегию развития человечества, она должна иметь правильные представления о мире и человеке, то есть иметь глубочайшее понимание мира. Но ещё Кант доказал, что эмпирическое знание, как бы оно ни углублялось, не приближает разум к познанию сокровенной сущности Бытия («вещи в себе»). А внеэмпирический путь постижения мира принципиально отрицается современной наукой. Поэтому она ничего не может сказать о мире как «целом», как «объекте». Сами эти понятия в отношении Бесконечного теряют в рамках научного, познавательного метода всякий смысл. В то же время, признавая единство и взаимосвязь явлений в мире, наука обязана признавать, что ни одно, даже самое привычное, тривиальное явление на самом деле не тривиально. Его нельзя рассматривать изолированно от этого «целого». Физики уже пришли к мысли, что свойства и формы макромира каким-то образом определяются строением микромира. Существует блистательная гипотеза, что в любой точке Вселенной содержится информация о «всей» Вселенной. Наука, следовательно, приходит к пониманию,

сколь глубока и масштабна взаимосвязь явлений в физическом мире. Было бы правильным рассматривать в рамках этой гипотезы и феномен человека, то есть мыслить его как часть какой-то неимоверно сложной «системы», сверхсистемы, не поняв которую, невозможно понять и человека. Приблизительно таким и изображают человека древние мифы. Ещё более совершенную модель универсума создали своими уникальными методами познания многие философские школы Востока.

Нельзя сказать, что наука и философия XX века равнодушны к этому опыту. Некоторые европейские и русские учёные, особенно физики и математики, уже давно проявляют острый интерес к восточным системам. Но всё ещё сильны в науке и предрассудки века XIX, ещё господствует в умах представление о человечестве как автономной системе, вписанной в биосферу, но не имеющей существенных связей с остальным мирозданием и развивающейся по собственным законам. Отсюда распространённое убеждение, что нынешние нестроения на земле происходят из-за плохой организации этой автономной системы: несовершенных экономик, недостаточных экологических знаний, неумения бороться с преступностью, устаревших политических, социальных и религиозных институтов и т.п. По накатанной этой дорожке скользит мысль многих современных учёных, философов, политиков, внушающих массам, что с помощью последней всемирной перестройки на земле будет создан «новый порядок» и земля, наконец, вступит в эру благоденствия. Они не понимают очевидного: разрушительные процессы в системе «Человечество» имеют сугубо субъективную природу. Людям религиозного сознания доказывать это не надо, материалистам же следовало бы задуматься над непреложным фактом: всё зло на земле сделано человеческими руками, которыми управляли конкретные человеческие головы. Именно здесь, в недоступном для научного моделирования психическом космосе человека — невидимом, неосознаваемом, отнюдь не замкнутом в себе, но связанном, как утверждают решительно все религии, с какими-то высшими, внефизическими сферами Бытия, — зловеще-загадочным образом рождались смертоносные изобретения, братоубийственные идеологии, агрессивные военные планы и т.д. — все те демоны истории, от которых страдали и страдают миллиарды людей. Именно отсюда вышла безумнейшая из всех цивилизаций биосферы, существующая за счёт пожирания

собственной обители. Спрашивается, можно ли навести на земле хотя бы относительный порядок, не учитывая постоянно действующий внефизический источник возмущений? Материалисты, однако, упорно не замечают аномальности психического мира, его нетождественности миру физическому. Самое глубокое обобщение, до которого они доходят, состоит в объяснении человека с помощью одних только законов физического мира, и это ограниченное мировоззрение широко пропагандируется. В современной массовой литературе можно встретить такие, к примеру, философские «откровения» людей науки:

«Вселенная движется к своему вырождению с ухудшением качества энергии. Кролики, как и цветок примулы, поросята и даже мы, люди, — всего лишь элементы гигантской сети взаимодействий, имеющих космические масштабы. Именно благодаря таким локальным нарушениям общей тенденции к деградации энергии возможно возникновение временно упорядоченных структур, хотя деградация неумолимо ведёт Вселенную к состоянию полного равновесия».

Кто это говорит: вездесущий Господь Бог или возомнившая себя таковым «временно-упорядоченная структура»? Окидывая взглядом Вселенную и не обнаруживая в ней трансцендентного, она не замечает собственного «я», которое тоже есть «наблюдаемое», как и физическая материя, но физическими категориями не описываемое. Наше «я», душа, самосознание присутствуют в мире со всей очевидностью. Трудно найти в нашем мире что-либо более для нас очевидное, чем «я». Но эта очевидность есть, в сущности, призрак в физическом мире. Она не подвластна числу, мере, форме, которым безропотно подчиняется вся физическая материя. Она действительно порождена высшими, метафизическими сферами бытия, которые не могут не оказывать на неё влияния.

Христианский духовный опыт утверждает бесконечно ценную для нас идею, что человек сотворён свободным существом, способным выбирать между добром и злом, созиданием и разрушением. Это означает, что положение человека на земле нельзя считать безнадёжным. Понять таинственную природу искажающих человеческую душу внефизических воздействий — значит переломить фатальный ход событий и отодвинуть глобальную катастрофу на неопределённый срок. Такова главная задача, которую ставит перед нами наше апокалиптическое время.

Главная загадка человека

Мы живём в эпоху, духовный облик которой сформировался в значительной степени под воздействием научной мысли. Поэтому прежде чем черпать информацию из других источников, необходимо разобраться, что думает наука о происхождении разрушительных процессов в биосфере и насколько убедительны её объяснения.

Влияние дальних и ближних космических излучений на биосферу, на поведение живых существ составляет предмет специальных интересов космобиологии. В монографии одного из корифеев этой науки, А.Чижевского, «Земное эхо солнечных бурь», в работах его многочисленных последователей содержатся обширные статистические данные в связи с эпидемией болезней, землетрясений, нашествия саранчи, самоубийств, метеорологических воздействий на живые организмы, с радиационной активностью солнца, с характером и цикличностью солнечных излучений и т.д. Нелишне будет заметить, что Чижевский с уважением относился к астрологии, считал, что её опыт имеет самостоятельную ценность. Ещё более широкая картина даётся в учении В.И. Вернадского о биосфере как космическом объекте, включённом в необозримо громадный ансамбль других планет, звёзд, галактик. Вернадский считал биосферу земли своеобразным фокусом, в котором сходятся творящие излучения Вселенной. Он говорит о косной материи Земли, подвергаемой творческим воздействиям из Большого Космоса. Авторитет современной науки о Вселенной не вызывает сомнений, как не вызывает сомнений и то, что область её исследований, хотя и обширна, всё же имеет свои границы, за которыми становится бессильной сама научная методология. Там, где бессильны число и мера, наука умолкает. В психокосмосе человека они бессильны, поэтому, констатируя факт, что космические излучения способны возбуждать психику высших животных, в том числе и человека, космобиология ничего не может сказать об эмоциональном наполнении этих излучений. Обнаруживается зияющая пустота между регистрируемыми приборами излучениями Вселенной и психокосмосом, бушующим в нём океане страстей. Пустоту эту невозможно заполнить никакими, сколь угодно сложными, формулами. Невозможно вывести эмоциональную формулу Французской или русской революций, великой индийской культуры, Второй мировой войны и т.д. Создаётся впечатление, что эмоциональные эффек-

ты, вызываемые электромагнитными излучениями космоса, не тождественны самим этим излучениям и имеют какую-то совсем иную, внефизическую, природу. Нечто подобное обнаружила в своё время теория психофизического параллелизма, утверждающая, что физиологические процессы, сопровождающие любой психический акт, не являются его причиной и самим этим актом, но протекают параллельно с ним. Приходится повторять очевидную для религиозного сознания мысль, что научная концепция человека, оперирующая количественными показателями, принципиально не способна дать сущностное определение феномена человека. Она может предложить лишь весьма приближённую схему, за пределами которой остаются как раз самые важные проблемы. Чтобы решить их, мы вынуждены обращаться к опыту религий, к духовному опыту, не имеющему ничего общего с научным опытом.

Союз науки и религии — настоящей науки и настоящей религии — не нарушался, по сути, никогда. Враждебны друг другу могут быть только лженаука и лжерелигия. Были времена, когда религиозные мракобесы яростно боролись с ими самими созданным искажённым образом науки. Были и времена, когда мракобесы от науки столь же яростно боролись с искажённым ими образом религии. Высокие же души с той и с другой стороны не знали такой проблемы. Многие великие учёные, например, Лейбниц, Ньютон, Пастер, Гейзенберг, Паскаль, Эйнштейн были религиозны. Священник о. Павел Флоренский, автор глубоких православных богословских трудов, известен также как математик и физик. Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) был хирургом высочайшего класса и оставил ряд работ по гнойной хирургии, ставших научной классикой в этой области. Подобного рода примеров можно привести сколько угодно. Религиозность учёного означает, как минимум, понимание им того, что он исследует Творение, а не самодвижущуюся материальную машину, объяснение которой находится в ней самой. Поэтому для него очевидно, что человек, как сложнейшее, загадочнейшее из творений, не сводится к одним материальным взаимодействиям, но требует для своего понимания выхода в сферы, недоступные для эмпирического знания. Паскаль называл человека пограничным существом, принадлежащим двум глубоко разным мирам. Человек — это и есть воплощённый союз науки и религии, из чего следует, что без обращения к религиозному опыту разобраться в делах человеческих невозможно.

Венец творения или промежуточное существо?

Многое из того, о чём дальше пойдёт речь, не будет, вероятно, новостью для людей с развитым религиозным сознанием. Но особенность переживаемой нами эпохи состоит в том, что не они решают сейчас судьбы планеты и тем более не они играют главную роль в историческом выборе, совершаемом посткоммунистической Россией. Материализм нового времени сделал своё дело, породив чрезвычайно распространённый ныне рационалистический тип мышления. Люди этого типа преобладают сейчас в ключевых сферах современной цивилизации — в экономике, политике, науке, культуре. Материалистическим мироощущением в значительной степени поражено массовое сознание. Это особенно осложняет разговор о метафизической стороне современных проблем. Поэтому вести его придётся на предельно простом языке.

Общехристианское учение, опираясь на авторитет Библии, утверждает, что человек есть *венец творения*. Человек был сотворён сразу совершенным существом, несравненно более совершенным, чем он есть сейчас, и на нём творение закончилось. Так учит Церковь. После грехопадения перволюдей и изгнания их из рая качество человеческой природы в целом резко ухудшилось и будет оставаться таким до тех пор, пока актом Божественного вмешательства в конце истории не свершится Преображение мира.

Представление о человеке как венце творения в наше время принято считать анахронизмом, сохранившимся с донаучных эпох, когда даже самые выдающиеся умы ничего не знали о биологической эволюции, о первобытном человечестве.

Действительно, данные палеонтологии, палеоботаники, эволюционной геологии, эволюционной генетики, многих и многих наук, изучающих прошлое нашей планеты, убедительно как будто доказывают, что эволюция на земле прошла длительный путь развития, биосфера меняла свой облик много раз, качественно усложняясь на каждом новом этапе, пока на земле не возникли условия, необходимые для появления человека. Эти важные мировоззренческие обобщения науки XIX–XX веков составляют фундамент эволюционной теории, ставшей философией современной науки.

Тем не менее, с теорией эволюции всё не так просто, и библейское воззрение на человека заслуживает самого серьёзного внимания. Необходим, следовательно, специальный разговор на эту тему.

Вспомним прежде всего о том, что наука XX века успешно преодолела дарвинизм — материалистическое учение об эволюции как процессе постепенного перехода одних видов живых существ в другие за счёт случайных мутаций и механизма естественного отбора. Блестящая критика дарвинизма содержится, например, в работах советского академика Л.С.Берга. Опираясь на данные целого спектра естественных наук, Берг доказывает ошибочность основных положений дарвинистской теории и выдвигает хорошо аргументированную теорию *номогенеза*, то есть направленного развития.

Постепенный переход одних видов в другие не обнаружен ни в одном из геологических пластов — нигде и никогда, говорит Берг. Главный парадокс эволюции состоит в том, что, как развёрнутая во времени картина, она, несомненно, существует, а её механизмы, скрыты. «Геологическая летопись», изображая процесс поэтапного усложнения живых форм, хранит молчание о том, каким образом один вид переходил в другой. Факт видообразования, сообщает Берг, обнаружен во многих организмах и растениях путём изучения пластов от более старых к более молодым, но естественный отбор как механизм не играл при этом никакой роли, так как изменения:

- 1) Захватывали сразу громадную массу особей.
- 2) Шли в определённом направлении.

«В течение известных, иногда больших промежутков времени организмы остаются в неизменности, а затем наступает мутационный период, когда видообразование идёт особенно интенсивно».

Берг констатирует, что развитие жизни на земле шло не плавно и постепенно, как полагал Дарвин, а «скачками, пароксизмами, мутационно». Он утверждает также, что все виды живых существ произошли не от одной филы (ветви), а развивались из многих самостоятельных ветвей. «Эволюция есть историческое творчество, то есть создание нового в процессе истории», — даёт фундаментальное определение Берг. При этом «виды ... следуют друг за другом путём замещения, а не путём постепенного превращения, и это происходит, по видимому, на разных уровнях».

Вот образ эволюции по Бергу:

«Если изображать наглядно процесс эволюции органического мира, то следует представить его не в виде роста дерева, развивающего всё новые и новые ветви, а в виде переворачиваемой книги, где одна страница (форма) сменяет другую. Перевернутые

страницы отходят в историю, открытые до поры до времени продолжают жить».

Эволюционная теория не претендует на полную завершенность. В ней немало проблем и «белых пятен», их обсуждает Берг в своих работах, но ни одно из них не даёт поводов для сомнений в главном положении теории эволюции: творчество живых форм было не единовременным актом, но процессом, растянутым во времени, продолжавшимся миллионы и миллионы лет. Так как теория эволюции была создана на основе изучения «геологической летописи», хранящей следы уже свершившихся событий, то её обобщения, строго говоря, относятся только к прошлому нашей планеты. Она не может сказать ни слова о дальнейшем развитии биологической жизни, не может даже утверждать саму его возможность, ибо источник творческих сил, двигавших эволюцией, ей не известен.

Тем не менее, многие учёные-эволюционисты убеждены, что на человеке эволюция не остановится. Такой крупный научный авторитет XX века, как В.И. Вернадский, утверждал, что человек «есть промежуточное существо в длинном ряду существ, которые имеют прошлое, настоящее и, несомненно, будут иметь будущее». Его современник, столь же известный учёный-антрополог и католический богослов Пьер Тейяр де Шарден, в своём фундаментальном труде «Феномен человека» рисует грандиозную картину эволюции жизни к сверхжизни, в которой человек также представлен «промежуточным существом».

Между библейским откровением о «венце творения» и эволюционизмом обнаруживается, таким образом, серьёзное противоречие, оставленное без внимания учёными-эволюционистами. Они не предприняли даже попытки разрешить его в рамках эволюционного учения, явно недооценив Библию как источник важных мировоззренческих откровений. Между тем стоило серьёзно поразмышлять над сообщением книги Бытия, что Бог творил мир шесть дней, а на седьмой почил.

Эта оплошность эволюционистов дала повод для появления во второй половине XX века целого научного направления, которое весьма неожиданным образом снимает названное противоречие. Его последователи, называющие себя «креационистами», по вероисповеданию — протестанты, а по роду занятий — учёные самых разных специальностей, сделали своей целью сокрушить идею эволюции

как таковую. Они пытаются доказать документальную подлинность сюжетов книги Бытия, описывающих сотворение мира. Никакой эволюции не было, утверждают креационисты. Шесть дней творения следует понимать не как указание на эволюционный путь творчества, а буквально: мир был сотворён Богом за 6 календарных суток 20 или 30 тысяч лет назад.

Гипотеза, скажем прямо, ошеломляющая. Эволюционное учение усваивается современным человеком со школьной скамьи. Одними только внушениями, что Библия — богодухновенная книга, в которой надо буквально понимать каждое слово, отвратить от него затруднительно даже христиан. Уж они-то знают, что богодухновенная, но знают, что и наука в какой-то степени богодухновенна, а значит, к её самым важным словам тоже надо прислушиваться. Эволюционное учение — одно из величайших творений соборного научного гения последних веков. Сокрушать его за то, что оно содержит ряд нерешённых и некоторых неразрешимых проблем, можно только имея гораздо более основательное построение. Но что же предлагают креационисты?

Здесь нет места для обстоятельного обсуждения бесчисленных вопросов, которые порождает сама креационистская гипотеза. Их, по крайней мере, на два порядка больше, чем «белых пятен» в эволюционном учении. Однако оставить без ответа вызов креационистов тоже нельзя ввиду принципиальной важности идеи эволюции для настоящей книги. Рассмотрим поэтому лишь наиболее яркие «перлы» креационистской мысли, позволяющие судить о её научном уровне.

Едва ли не главным аргументом креационистов против существования «геологической летописи», свидетельствующей о поэтапности творения, являются обнаруженные ими ошибки в радиоуглеродном методе датирования органических отложений. Действительные возрасты отложений, утверждают критики этого метода, могут быть в тысячи раз меньше. Значит, истинный возраст Земли исчисляется не миллиардами, а десятками тысяч лет. У Земли не было времени на эволюцию, из чего следует, что она была сотворена вместе со всей Вселенной сразу в готовом виде.

Что можно сказать об этой действительно ошеломляющей гипотезе, распространяемой протестантами в ярких, рассчитанных на массового читателя брошюрах? Прежде всего, то, что главный аргумент,

которым она подкреплена, способен убедить кого угодно, только не геологов и астрономов. Стратиграфия — очень серьёзная наука, изучающая возрасты и взаиморасположение геологических пластов, — сообщает нам, что радиоуглеродный метод предназначен для датирования самых молодых органических отложений (кости, торф, древесина и т.д.), возраст которых не превышает одного миллиона лет, что составляет приблизительно 0,03% времени в масштабах всей «геологической летописи». Ошибочность этого метода означает только то, что необходимо поискать какой-то другой, более надёжный метод датирования молодых возрастов. Но «геологическую летопись», охватывающую миллиарды лет, сей казус отменить не может никак. Дело тут в том, что составлялась она с помощью нескольких параллельных методов, одним из которых (для геологов наименее существенным) является радиоуглеродный. Вот эти другие методы: калий-аргоновый (возрасты до 400 миллионов лет), рубидий-стронциевый, свинцово-изотопный, калий-кальциевый (это самый глубокий метод, датирующий возрасты до 4-х миллиардов лет). И что самое важное, во всех пластах, датированных этими методами, обнаружены в явной или косвенной форме следы некогда существовавшей жизни. Именно на основе этого поразительного факта В.И. Вернадский определил жизнь как мощную геологическую силу. Все геологические процессы в земной коре, говорит Вернадский, во все эпохи происходили при непосредственном участии живого вещества. Наш учёный доказывает в своих трудах, что не только горные породы и ископаемые, но и атмосфера Земли являются целиком продуктом биосферы, результатом жизнедеятельности растений и бактерий, продолжавшейся целые геологические периоды. Живая природа возникла не в результате эволюции земной коры, а сама эта эволюция была лишь следствием воздействия жизни.

С учением Вернадского «креационисты», как видно, не знакомы или изначально его отвергают, открытия Берга, очевидно, — тоже. Во всяком случае, в упомянутой литературе ссылок на эти имена нет. С ними даже не спорят...

Утверждая, что всё живое на Земле, от микроба до человека, было создано Богом сразу, после чего творение прекратилось, креационисты оказываются перед труднейшим вопросом: откуда взялись те современные виды животных и растений, о которых молчат древние страницы «геологической летописи», и почему в современной био-

сфере отсутствуют бесчисленные ископаемые виды, отмеченные на этих страницах, в частности — мамонты, саблезубые тигры, птеродактили и другие экзотические существа?

На этот вопрос «креационисты» дают комплексный, так сказать, ответ. Прежде всего, само понятие «ископаемый» для них не существует, так как оно из словаря эволюционного учения. Недостающие ныне виды они настойчиво рекомендуют как следует поискать, возлагая при этом большие надежды на известное «лохнесское» чудовище и на сообщения о всякого рода фантастических существах, как будто виденных разными людьми в разные времена и разных местах планеты.

Проблему, считают «креационисты», сильно осложнил всемирный потоп, насланный Саваофом на землю за грехи человеческие пятнадцать или двадцать тысяч лет назад. Потопу, уничтожившему почти всё живое на земле, уделено центральное место в креационистской гипотезе. Это событие предлагается понимать буква в букву, как если бы автор книги Бытия был его очевидцем и имел возможность наблюдать (с космического спутника?), что вода действительно в течение года покрывала весь земной шар с самыми высокими горными вершинами. Понятно, откуда взялись кладбища мамонтов, сохранившиеся целиком скелеты некоторых других древних животных. Они погибли все до одного во время потопы.

Любопытные сведения о нраве Бога, в которого верят «креационисты», можно почерпнуть из их соображений о том, как мог быть организован потоп. Чтобы иметь наготове циклопическую массу воды, необходимую для полного затопления планеты, Бог загодя создал вокруг неё мощную «паровоздушную оболочку», своего рода законсервированный резервуар, готовый по божественной команде обрушиться в нужный момент на злосчастную планету. Так что Адам и Ева были просто обречены на грехопадение. И можно представить, какая тьма царила по всей земле до потопы под облачным одеялом толщиной, надо думать, не в одну сотню километров...

Ну, хорошо: желая наказать людей, мстительный Бог уничтожил живую природу, не пожалев при этом невинных неразумных тварей. Осуществил, можно сказать, геноцид в планетарных масштабах. Но тогда каким образом катастрофически повреждённая природа быстро восстановилась после потопы в своём прежнем многообразии? А самым простым, какой мог прийти в голову автору предания,

не имевшему ни малейшего понятия о масштабах и сложности биосферы. Её спас праведный Ной. По указанию Бога, поступившему за неделю до потопа (Быт. 7:4), он собрал на своём заблаговременно построенном ковчеге всякой твари по паре, а через год плаванья, после того как земная кора, поплясав недельку-другую (именно так!), приняла воду в образовавшиеся впадины-океаны и освободила часть суши, выпустил пассажиров ковчег на волю.

«Креационисты» не объясняют, почему эти твари — крохотная, в сущности, горстка — не передохли от голода на мёртвой, изуродованной страшными землетрясениями планете и не пожрали друг друга, а начали бурно размножаться и расселяться. Ничего они не говорят и о том, каким образом Ной и его сыновья, не будучи учёными-биологами, не имея многотысячного штата сотрудников и соответствующих технических средств, ухитрились за неделю собрать всех представителей фауны Земли, коих в современной биосфере насчитывается более 2-х миллионов видов. Абсурдность версии очевидна. Между тем она является одной из основных опор, поддерживающих шаткое построение «креационистов».

Рассмотрим ещё один курьёз. Богодухновенная наука объясняет нам, что биосфера есть структура, состоящая из множества связанных между собой биогеоценозов, и может существовать только как структура. Это означает, что всемогущий Бог должен был сотворить всю биосферу единомоментно — сразу как целостную систему со всеми её бесчисленными связями. А он в третий день творит растения, в четвёртый — отвлекается на планетки, звёздочки и иную астрономическую мелочь, а в пятый и шестой дни — остальных существ, включая человека. С точки зрения современных знаний о Творении, это такая же нелепость, как если бы в один день Бог создал человеку голову, в другой — туловище, а в третий — руки и ноги. Отметим попутно, что из учения нашего великого соотечественника В.И. Вернадского недвусмысленно следует, что первичная, первобытная биосфера могла возникнуть именно сразу как системная целостность, а потом уже эволюционировала до нынешнего её состояния. Весьма оригинальны аргументы «креационистов» против астрономов, справедливо считающих, что раз расстояния до самых дальних звёзд исчисляются миллиардами световых лет, то и возраст Вселенной — несколько миллиардов лет. Сомневаться в правильности астрономических измерений креационисты не рискнули и пошли по

другому пути. В «Книге ответов» с детской серьёзностью развивается гипотеза, что в неделю творения Бог нарушил им же созданные физические законы и временно увеличил скорость света в миллиарды раз, чтобы свет от сотворённых в четвёртый день (среду) звёзд успел дойти до земли к пятнице из самых дальних уголков Вселенной, и появившийся в этот день Адам мог бы лицезреть звёздное небо во всей его красе. После этого Бог снизил скорость света до 300 000 км/сек, сделав её физической константой.

А вот дискуссия совсем уже запредельного уровня. Зачем Бог создал клыки, когти, зубы и прочие «плохие вещи» (выражение «креационистов»), предназначенные со всей очевидностью для убийства? Ведь смерть-то появилась на земле только после грехопадения перволюдей. Грешно думать, что Бог, смерти, как известно, не создавший, конструировал бессмертных существ «с учётом» того, что они могут стать смертными, и тем помог дьяволу. Но и креационисты так не думают. Они выдвигают смелую версию, что «плохие вещи» были созданы Богом вовсе не для убийства, а для разнообразия и вполне подходят для вегетарианского питания. Тигры в раю кушали траву (акулы, очевидно, — планктон, волки — грибы и т.п.), что доказывается тем, что кошки иногда едят траву, вспоминая о временах своей прежней, безгрешной жизни. Ну, явилась такая Богу фантазия — наделять кротких, мирных акул пастью с тремя рядами страшных зубов, которые потом очень имгодились. На очереди, надо ожидать, ещё более интересные дискуссии на тему: зачем Бог создал в те 6 дней бактерии чумы, сибирской язвы, вирусы СПИДа и полиомиелита, аскарид, вшей — список можно продолжать до бесконечности. «И увидел Бог, что Он создал, и вот, хорошо весьма» (Быт. 1:31).

Можно было бы написать отдельную книгу, разбирая бесчисленные забавные нелепицы «креационизма», но стоит ли? Представляется очевидным, что это эклектичная смесь науки и религии — что-то вроде советского «научного атеизма», только с противоположным духовным знаком и чуть более высокого качества. Ущербность «креационизма» в том, что вместо исследования многосложных причин тяжёлого духовного кризиса христианской цивилизации, приведшего в XX веке к потрясению самих её основ, он предпринимает неуклюже удобные попытки вернуть человечество в состояние детства, оживив с помощью «научной» аргументации древние мифы. Но это затея заведомо утопическая.

По сравнению с фундаментальными произведениями мировой научной и религиозно-философской мысли, с работами наших великих соотечественников — В. Соловьёва, В. Вернадского, Л. Гумилёва, П. Флоренского, Д. Андреева и других гениев, ярко иллюстрированные креационистские книжицы выглядят просто комиксами. Это типичное порождение западной масскультуры с завораживающим интеллигентного потребителя «настоящим американским качеством».

Возникает, следовательно, проблема: каким-то образом примирить эволюционную теорию с «венцом творения». Предположим такое её решение. Да, биологическую эволюцию можно считать неопровержимо доказанной, и креационистская ересь только вносит сумятицу в не слишком крепкие головы. Но откуда науке известно, закончился ли на человеке процесс творения или он ещё продолжится? Поскольку нет ни единого научно приемлемого факта, который позволил бы дать утвердительный ответ на этот вопрос, то остаётся задать его Творцу. Но Творец уже ответил нам через библейское откровение: нет, не будет: человек есть венец творения. Если мы внесём эту поправку в теорию биологической эволюции, то получим искомое решение. На каком-то этапе эволюции человек полностью сформировался как вид и с тех пор качественно не меняется. Человек вошёл в мир бесшумно, говорит Тейяр де Шарден, «он шёл столь тихо, что, когда мы начинаем его замечать по нестираемым следам каменных орудий, выдающих его присутствие, он уже покрывает весь Старый Свет — от Мыса Доброй Надежды до Пекина. Безусловно, он уже говорит и живёт группами. Он уже добывает огонь. Но, в конце концов, не этого ли как раз и следовало ожидать? Разве мы не знаем, что всякий раз, когда новая живая форма поднимается перед нами из глубин истории, то она появляется совершенно законченной и что её уже легион?».

В истории первобытного человечества есть одна волнующая проблема, по поводу которой некогда разошлись во мнениях эволюционисты и христианская Церковь. Имеются в виду останки питекантропа, неандертальца и других «обезьянолюдей», обнаруженные археологами в различных частях света в очень скудных количествах. По антропологическим показателям и умственному развитию эти существа стоят на ступень ниже «кроманьонского человека», которым открывается эра *homo sapiens*. Но и к обезьянам, даже высшим, их отнести тоже нельзя, потому что по ряду признаков это всё-таки

люди. Дарвин и его последователи считали их едва ли не главным доказательством того, что человек произошёл от обезьяны. Эволюция, полагали они, сначала ошущью, вслепую создала «обезьянолюдей», а потом из них путём борьбы за существование и естественного отбора получился кроманьонский человек.

Современное понимание эволюции как процесса, имеющего информационную природу, позволяет поставить под сомнение такую возможность, более того — допускает даже (по оригинальному предположению Берга) эволюцию с обратным знаком, то есть деградацию отдельных групп за счёт вредных мутаций или неблагоприятных условий обитания. В своих статьях Берг иллюстрирует это предположение рядом примеров в природе. Вполне возможно, что и «обезьянолюди» были не что иное, как деградировавшие ветви кроманьонского человека,

Тут обнаруживается некая точка соприкосновения современной эволюционной теории с «креационизмом», решительно отказывающимся считать «обезьянолюдей» предками Адама и Евы. По убеждению «креационистов», это именно деградировавшие группы, мутанты, отколовшиеся от допотопного человечества.

Так или иначе, но *homo sapiens* появился по геологическому времени совсем недавно — в эпоху неолита и сразу. В неолите, считает Тейяр, он пребывает и по сей день¹. Тейяр говорит о «неолитической метаморфозе», когда повсеместно стали возникать оседлые, социально организованные человеческие группы, и происходило их распространение по всему земному шару.

Всю дальнейшую историю человека можно понимать как процесс раскрытия возможностей нового вида. Как и в дочеловеческие эпохи, происходил он, конечно же, под воздействием творческих импульсов, управляющих биосферой, но у человека принял совершенно особую, ранее неизвестную форму — психическую. Физиологически новый вид был завершён полностью, но психическое его совершенствование продолжалось ещё некоторое время и достигло стабильности на том уровне социальной организации, который обозначается общим словом *культура*.

¹ Тейяр де Шарден не видел, например, принципиальной разницы между каменным топором и ЭВМ. И то и другое, пишет он в одной из своих статей, суть неолитические орудия.

«Культура — ... специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе. В понятии культуры фиксируется как общее отличие человеческой жизнедеятельности от биологических форм жизни, так и качественное своеобразие исторически-конкретных форм этой жизнедеятельности на различных этапах общественного развития».

Появление человека культуры означает, что отныне он остаётся неизменным не только физиологически, но в некоторых общих чертах и психически, душевно. Пожалуй, лучше всего о душевной неизменности человека свидетельствует художественная литература. Библия, Махабхарата, поэмы Гомера, греческая трагедия создавались в первом тысячелетии до Р.Х., в эпоху господства патриархально-родовых отношений и примитивной техники. Казалось бы, с тех пор мир колоссально изменился, но изменился ли человек? Мы читаем эти великие произведения и понимаем поступки и чувства их персонажей потому именно, что в главном похожи на них. В сущности, вся мировая литература из века в век описывает в различных вариациях приключения одной и той же, сотворённой Богом человеческой души — великой и грешной.

Мысль о консервированности человеческой природы присутствует в трудах отцов Церкви, в святоотеческой православной литературе. Церковь претендует, в сущности, лишь на самое малое, но как оказалось, чрезвычайно трудное дело — очищать человеческую душу от постоянно вносимых в неё искажений. Она и помыслить не может о каком-то принципиальном изменении душевного естества человека, считая выведение новых видов людей занятием и утопическим, и греховным. Позиция Церкви по отношению к проблеме человека находит подтверждение в эволюционной биологии. Установлено, что в процессе эволюции животные виды либо деградировали и исчезли в результате отрицательных воздействий среды, вредных мутаций, либо появлялись новые виды под влиянием таинственных творческих импульсов. Почему человек должен составлять исключение из этого правила? Никаких творческих импульсов, направленных на качественное улучшение человеческой природы, в биосферу не поступало. Об этом можно говорить совершенно уверенно по той хотя бы причине, что качественное улучшение человека или появление нового вида должно

было бы проявиться в качественном улучшении всей человеческой цивилизации. Можно, конечно, говорить о том, что учение Христа сыграло большую роль в сдерживании тёмных инстинктов христианских народов, в возвышении отдельных избранных душ, но о духовном преобразении всего рода человеческого в историческом, земном бытии Церковь никогда нигде не утверждала. Напротив, последние столетия мы наблюдаем нечто прямо противоположное — предсказанное Апокалипсисом Иоанна нарастание духовной деградации цивилизации. Трагическая эта тема нашла отражение в произведениях таких столь разных мыслителей недавнего прошлого, как К. Леонтьев, Н. Фёдоров, М. Нордау, О. Шпенглер и др., а также в статьях современных философов, близких к православному миропониманию.

Существует, впрочем, парадоксальная точка зрения, рассматривающая глобальный кризис человеческой цивилизации не как признак смертельной её болезни и приближения царства Антихриста, но как симптом скорого пришествия эры Света и появления человека новой расы. Уже к началу XX века была достаточно разработана оптимистическая философская система, отвергшая якобы устаревшее и ложное «пессимистическое» христианство, категорически отрицавшая библейское учение о человеке как венце творения. Назовём имена таких корифеев этого направления, как Е. Блаватская, П. Успенский, Н. и Е. Рерихи, Р. Штейнер, Г. Гурджиев. Из последних известных авторов, развивающих ту же тему, можно назвать, например, петербургского экстрасенса А. Мартынова. Его книга философских этюдов «Исповедимый путь» нашла среди внеправославной российской интеллигенции широкую читательскую аудиторию. Имеет смысл немного поговорить о ней.

Приметы начавшегося уже формирования новой человеческой расы из нынешнего, нравственно и физически деградирующего человечества Мартынов усматривает в появлении у некоторых современных людей парапсихологических способностей — ясновидения, телепатии, телекинеза, левитации, экстрасенсорного целительства и т.д. В их широком распространении и совершенствовании Мартынов видит путь в «эру космического сознания», путь преодоления современного духовного кризиса. Приведём несколько ярких отрывков из названной книги:

«...Да, нынешняя цивилизация идёт к своему неизбежному логическому концу, и как бывало уже многократно в истории предыдущих

цивилизаций в недрах стареющей зарождаются ростки новой — суперцивилизации. Её чертами будут овладение психической энергией, постижение многомерности, утверждение космического сознания... В работе В.Д. Успенского «Ключ к загадкам мира»¹ приведены слова доктора Бекка: «История развития и появления космического сознания у человека совершенно одинакова с появлением всех остальных психических возможностей. Эти способности сначала появляются у отдельных, исключительных личностей, потом делаются более частыми, дальше становятся доступными для развития или приобретения у всех и, наконец, начинают принадлежать всем людям от рождения"... В заключение я приведу высказывание уже самого Успенского: "Это будет действительно высшая раса, и тут не будет возможна никакая фальсификация, никакая подмена, никакая узурпация. И эта раса не только будет, она уже есть, и люди новой расы начинают узнавать друг друга. Уже устанавливаются лозунги и пароли. И, может быть, социальные и политические вопросы, так остро выдвинутые нашим временем, разрешатся совсем в другой плоскости, чем мы думаем, и совершенно иным образом — разрешатся выступлением на сцену сознающей себя новой расы, которая явится судьёй старых". Эта новая раса, владеющая космическим сознанием, сменяющая эру Христа, должна обладать и новой религией, как сферой реализации своих духовных сил».

Нужно, по-видимому, чувствовать себя равным по масштабам Христу, чтобы осмелиться говорить об отмене «эры Христа», но об этом более обстоятельно — позже. Сейчас же мы позволим себе несколько охладить романтический пыл провозвестников «новой расы».

Решительно ничего нового в парапсихологических способностях, присущих некоторым людям, нет. Они были известны с глубокой древности и считались простыми смертными сверхъестественными, что верно лишь отчасти, ибо за многими из них стоят непоз-

¹ Хотелось бы знать, не являются ли цитированный Мартыновым В.Д. Успенский, писавший в начале XX века книгу «Ключ к загадкам мира», и П.Д. Успенский, автор фундаментального труда «Новая модель Вселенной», работавший в то же время (см. переиздание Чернышёва, С.-Петербург, 1993) одним и тем же лицом? И о каком докторе Бекке ведёт речь Мартынов? Не тот ли это фон Бок, который перевёл с английского на русский книгу П.Д. Успенского?

нанные способности природы. Выход сознания из тела, чудесные исцеления, хождение по огню, вызов духов, воскрешение только что умерших являлись элементами эзотерического искусства отдельных, исключительных личностей — шаманов, магов, колдунов и др. Эпоха материализма сумела глубоко укоренить в массовом сознании высокомерное отношение к религиозному прошлому человечества. Древняя магия долгое время считалась людьми, преклоняющимися перед наукой, шарлатанством, и вот, по причинам весьма загадочным, вызывающим большие подозрения, человечество нашего времени возвращается на круги своя. Оно получает чудесные дары из неизвестных источников, но в гораздо более широких масштабах, чем в былые эпохи, и это-то подозрительно. Идеологи «новой расы» фатально не понимают истины, известной ещё мудрецам древности, что знание, научное ли, оккультное, само по себе неспособно сделать народы добродетельнее, зато способно умножить их скорби, испортить ещё больше. Путь к улучшению человеческой природы проходит через воспитание души, а не через приобретение людьми сверхвозможностей. Это совершенно разные задачи, не только не совпадающие, но часто противоречащие одна другой. Можно стать великим магом и колдуном, быть внешне благопристойным, но скрывающим душевные пороки, сатанинскую жажду власти над массами людей, а можно быть обыкновенным, но высоконравственным человеком. Кому и зачем понадобилось направлять мир по ложному пути, щедро и без разбора наделяя сверхвозможностями людей страстных и самонадеянных? Человечество, может быть, становится от этого более могущественным, но не станет более нравственным. XX век уже пережил горькое разочарование в техническом прогрессе, вырвавшемся из-под этического контроля. Веку XXI грозит разочарование ещё более горькое. Грядёт не новая раса осиянных нимбом сверхлюдей, грядёт всё тот же венец творения, но овладевший сверхзнанием и сверхвозможностями, отягощённый новыми пороками и, следовательно, гораздо более опасный и для природы, и для самого себя.

Теперь самое время поразмышлять над вопросом — что значит быть венцом творения? Венец — это высший, наиболее совершенный из всего сотворённого до него. Опыт культурных народов показывает, что быть венцом творения — это, как минимум, знать и любить

Творца, жить в мире с Его творением, быть нравственно совершеннее сотворённых ранее существ. Разумеется, в это понятие входят и другие, более высокие требования, но их, очевидно, невозможно осуществить без осуществления предыдущих.

Можно ли считать венцом творения человека, хищно истребляющего биосферу, профанирующего или отрицающего Бога, устрашающего Бога, устраивающего мировые войны, совершающего гнусности и жестокости, невозможные даже среди рептилий? Защитники пороков «цивилизованного человека» могут возразить — человек всегда был таким, почитайте историю. Что ж, почитаем...

Нет спору, в истории были и дикие набеги ордынцев, и зверства римских императоров, и застенки средневековья, и многое другое сходное у разных народов прошлого. Давно, однако, замечено наблюдательными людьми, что историки и летописцы отдают предпочтительное внимание событиям и фактам исключительным, персонам выдающимся, одержимым таинственными вспышками тёмных страстей, и очень мало говорят о жизни миллионов простых людей, о повседневной жизни, составляющих плоть истории. Оттого и создаётся впечатление, что история — это цепь сплошных ужасов, а наше время лишь очередное звено в этой мрачной цепи. Думающие так смешивают всё в кучу, не разбираясь в акцентах, масштабах, пропорциях. Читая исторические документы, изучая психологию наших предков, их идеалы и деяния, мы обнаруживаем, что они были в чём-то похожи, а в чём-то совсем не похожи на нас. Похожи в частях и непохожи в том, что обозначается сейчас словом «менталитет».

Под влиянием вспышки гнева наш далёкий предок, скажем, некий обобщённый русич-язычник, мог быть очень жесток, штурмуя крепость врага, мог обмануть соплеменника или даже украсть у него что-нибудь, если попадал в крайнюю ситуацию, поддавался соблазну, мог быть великодушен или груб, хитёр или простодушен, но невозможно представить его атеистом, насильником природы. Мысль о создании оружия, способного убивать миллионы людей, показалась бы ему дьявольской, наркомания, алкоголизм, проституция как массовые явления не уместились бы в его сознании. Он не догадывался, что можно торговать деньгами, а став позже христианином, не мог бы себе представить, что постыдный порок — сребролюбие — станет когда-нибудь массовым явлением, породив мировую *банковскую* систему ограбления и удивительную экономическую систему.

Он не мог вообразить общества, в котором ложь была бы для людей такой же необходимостью, как дыхание.

Он был таким, вероятно, потому, что был человеком биосферной культуры. Мы стали такими, каковы мы есть, потому что принадлежим технологической цивилизации. Построенная на системе ценностей, враждебных Творцу и Его творению, она исподволь сильно деформировала наши души, и в этом всё дело.

Он, человек биосферной культуры — древний славянин, таёжный охотник, японский рыбак, североамериканский индеец, якут-оленьевод и т.д. — был венцом творения в чистом, незамутнённом смысле этого понятия¹. Нужно долго и последовательно разрушать человеческую душу, чтобы венец творения, незаметно для самого себя, стал непохож на самого себя и увидел бы в этом прогресс. Самонадеянность современного серийного индивида, его высокомерие по отношению к прошлому безграничны. Само слово «современный» он считает синонимом слова «лучший», даже не догадываясь о том, сколь далёк от истины. Всякая культура есть процесс ограниченного роста, наподобие роста дерева из семени, поэтому она всегда *ограничена* определёнными формами. Это ограничение, проявляемое также и в человеке культуры, «цивилизованные люди» привычно считают признаком отсталости, примитивизма. Конечно, культура в начальный период своего роста может быть примитивной, но это явление временное. Сам же принцип ограничения роста отождествлять с примитивизмом ошибочно и даже нелепо. Технологическая цивилизация сняла всякие ограничения с роста и превратилась в... раковую опухоль биосферы.

Интересно в связи с этим разобраться, что же она всё-таки сделала с человеческой душой? Имеет ли «цивилизованный человек» основания считать себя выше и совершеннее человека биосферной культуры? Может быть, цивилизация и вправду преодолела библейское откровение о венце творения, открыла новые перспективы и теперь движется по пути создания высокосоввершенного человека?

Чтобы сколько-нибудь доказательно ответить на этот вопрос, обличительного пафоса недостаточно. Нужно показать, что произошло

¹ Эту мысль подтверждает глубоко поэтический фильм режиссёра Никиты Михалкова «Урга — территория любви», в котором изображено семейство кочевника-монгола.

с человеком. Если он действительно разрушается, то, что именно в нём разрушается как в венце творения?

Нам остаётся предположить, что в огромном многообразии человеческих культур должно содержаться некоторое единообразие, первооснова, из которой образовалось многообразие. Ведь если все люди принадлежат к единому виду живых существ, а вид, по определению, характеризуется суммой некоторых обязательных, неизменных признаков у каждой его особи, то культуры, создавая бесчисленные «модификации» человека, должны были использовать эти общие признаки. Попытаемся найти их, и тогда многое станет ясным.

Сложность и простота в человеческой природе

Человеческую душу можно, пожалуй, сравнить со скрипкой, музыкальные возможности которой намного превышают способности исполнителя. На скрипке можно сыграть и концертное произведение, и «чижик-пыжик», а если скрипка расстроена, то и «чижик» не получится. Воспользуемся этим, кстати подвернувшемуся сравнением, чтобы разобраться в загадке человека.

У каждого, даже самого малого народа существовала своя оригинальная «партитура» для индивидуальной души. Она формировала национальный характер народа, его самобытную этническую физиономию. Многообразие «партитур» определяло и многообразие культур. Вместе с тем, принадлежа к единому виду разумных существ, ведя свою родословную от единого пранарода, возможно, и от одной пары, всечеловеческие души должны быть одним, в сущности, «инструментом», исполняющим разные произведения. Иначе говоря, человек как особое существо, одновременно природное и сверхприродное, и как венец творения, кроме отличительных физиологических признаков, открытых антропологами, должен также иметь отличительные *психические* признаки или, лучше сказать, качества, которых не может быть у чисто природных существ. Их высший смысл не поддаётся рациональному толкованию, поскольку связан с тайной сотворения человека, но именно поэтому их следует считать неотъемлемой особенностью человека как вида.

Ясно, что эти *психоантропные* качества (назовём их так) должны быть общими для всех без исключения народов. Так открывается

смысл диалектики множественности и единообразия в человеческой природе. Множественность народов и рас, множественность их опытов делает приспособляемость человечества в целом неизмеримо выше приспособляемости отдельного племени, практически обеспечивает ему видовое бессмертие, необходимое, очевидно, для выполнения им какой-то высокой миссии в биосфере.

В то же время, чтобы человечество оставалось именно человечеством, а не конгломератом абсолютно чуждых друг другу видов людей, все народы земли должны иметь некую единую психическую основу. Род человеческий держится на диалектике множественности и единообразия, нарушение которого крайне опасно. Множественность без единообразия превращает человеческое сообщество в сумасшедший дом, единообразие без множества — в животное стадо. Представляется очевидным, что разрушительные процессы антропогенного характера, вся эта глобальная какофония, разыгравшаяся в XX веке, вызваны деградацией в «цивилизованных народах» единой психической основы. Об этом свидетельствует растущая атомизация современных обществ, превращение людей в изолированные, чуждые друг другу миры.

Речь, стало быть, идёт о том, чтобы дополнить традиционную антропологию новым разделом, изучающим психоантропные качества человека как совершенно особого вида существ. Необходимо осознать, что такие качества действительно существуют и являются столь же неотъемлемыми признаками человека, как разум, членораздельная речь, прямой позвоночник, пятипалые конечности и т.д., и что отсутствие всех этих качеств у конкретного *человекоподобного* существа не позволяет признать его человеком, будь это даже королева всемирного конкурса красоты.

Виктор Гюго в романе «Человек, который смеётся» рассказывает о жестоком искусстве компрачикусов, жертвой которых стал несчастный Гуинплен. С помощью специальных механических приспособлений они выращивали из детей уродцев.

Современная цивилизация совершает нечто гораздо худшее. Она бесщётно калечит человеческие души. Иногда это делается гнусно-сознательно, в коммерческих, политических или иных целях, но чаще — стихийно, в силу автоматически действующих порочных социальных механизмов.

Незнание «психической анатомии» человека является одной из причин, по которой выборная система власти, существующая во

многих современных странах, оказывается менее защищённой от проникновения в неё духовно увечных личностей, чем власть наследственная. Монархии и аристократия прошлого, при всех их известных недостатках, имели несомненное достоинство, что верховных правителей специально готовили к управлению государством, воспитывали с юных лет в духе освящённых веками культурных принципов. Выборная система власти открыта для любого самозванца, обладающего талантом создавать себе «имидж» в глазах невежественных и доверчивых масс.

Современная техника предъявляет к людям, которые ею управляют, достаточно жёсткие требования. Невозможно, скажем, представить безрукого, слепого инвалида в качестве пилота пассажирского авиалайнера, а вот духовные инвалиды, распоряжающиеся судьбами и жизнями миллионов людей, — в наше время не редкость. Такого рода деятелями кишмя кишат коридоры власти бывшего СССР, охватившего перестроечной смутой.

Человека признают душевно больным, только если у него со всей очевидностью расстроена психика так, что это невозможно скрыть. А если патологический лжец, если абсолютно бессовестен, если в его душе нет Бога, если одержим жаждой власти, если он полностью разрушен, но обладает при этом умом, хитростью, волей, красноречием, то разве не опаснее он для общества, чем те, кого оно вынуждено изолировать в психиатрических лечебницах?

Обратим внимание, что животный мир не знает этого бедствия. Здесь чётко работает аристократический принцип отбора лидеров. Вожаком волчьей стаи, например, может стать только особь, наиболее полно воплощающая в себе лучшие видовые качества волка — силу, смелость, жестокость, ум и т.д.

Проблема названа и настало время заняться ею.

Видовые психические качества человека

Остановить разрушение человека можно, очевидно, не раньше, чем выяснив, что же в нём, собственно, может разрушаться? Есть ли в психической организации человека что-нибудь такое, что отсутствует у высших животных? Сознание, ум? Как ни странно, нет. Сознание и ум есть у всех животных, хотя развиты они, конечно, слабее,

чем у человека. Известно, как умны собаки, лошади, крысы, кошки; большие умницы — слоны. Наблюдательность и память — важнейшие характеристики сознания. У животных они носят строго ориентированный, избирательный характер, зато бывают проявлены гораздо сильнее, чем у человека. Сознание — универсальное, в высшей степени загадочное свойство живого вообще. Современная биология считает, что в зачаточном состоянии оно присуще даже микробам и растениям.

Традиционное определение «*homo sapiens*» вызывает ряд трудных вопросов, ибо понятие «разумный» далеко не самоочевидно. Во всяком случае, его уже нельзя считать прерогативой только человека. Пессимисты идут даже дальше, справедливо вопрошая: можно ли считать разумным существо, *бессознательно* уничтожающее среду своего обитания, устраивающее грандиозные внутривидовые войны, способное к жестокости, невиданной в животном мире, к иррациональным поступкам? Сознание и ум сами по себе не только не делают человека человеком, но при известных обстоятельствах могут превращать его в сущего дьявола.

Нельзя отнести к видовым психическим качествам человека и различные черты характера: добродушие, смелость, чувство юмора, доброту, преданность. Они тоже есть у животных, что вам дружно засвидетельствуют все владельцы собак. Речь идёт о неких фундаментальных качествах психики человека, которые со всей очевидностью отсутствуют у животных и не подлежат отрицанию ни при каких социальных играх. Пока эти универсальные качества не выявлены, нельзя с уверенностью утверждать, становится ли человек технологической цивилизации совершеннее и сложнее или деградирует, невозможно поставить точный диагноз нашей эпохе. Христианские церкви, по крайней мере, те из них, которые признают авторитет Апокалипсиса, считают, что человек деградирует. Провозвестники «новой эпохи», оптимисты, говорят, что совершенствуется. Правы, похоже, апокалиптики, но их правота должна быть подтверждена убедительными доказательствами.

Так как человеческая душа — это всё же не скрипка и, вообще, не устройство, которое можно разобрать на части, то аналитический метод поиска истины, применяемый в науке, здесь вряд ли приемлем. Он не срабатывает уже на уровне физиологии человека, поскольку организм есть сложнейшая системная целостность открытого типа.

«Наука о человеке» в принципе не пригодна для решения нашей задачи, ибо она есть не что иное, как наука о *модели* человека, а не о самом человеке, представляющем собой объект бесконечной сложности. Полагаться придётся в основном на интуицию, черпая её из таких источников, как религия, художественная литература, живой жизненный опыт и интроспекция (самонаблюдение). Последний источник представляется самым достоверным. Загляните в собственную душу, сосредоточьтесь, проанализируйте мотивы ваших поступков, и если только вы серьёзно не искалечены, вы увидите там, в глубине, сквозь туман наслоений и искажений того первоизданного человека, каким его создал Бог.

Так что же это за качества, не замеченные «наукой о человеке»? Поскольку задача относится к области объективной психологии, дисциплины описательной, то в нашем распоряжении остаётся только один способ её решения — попытаться описать и обосновать их, как это делается в отношении анатомических признаков, оставляя за читателем право принять или отвергнуть предложенную аргументацию.

О первом фундаментальном качестве человеческой души сообщает нам Библия: «И создал Бог человека из праха земного и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт. 6:8). Человек есть смешение разнородных начал — материи и духа, учат многие религии, а это значит, что его ни в коем случае нельзя считать только лишь физической системой, как бы он на неё ни походил. Здесь пропасть, пролегающая между научным и религиозным пониманием человека.

Проиллюстрируем библейское откровение о человеке такой, к примеру, картинкой. Если бы в вас прямым попаданием угодила ядерная боеголовка, и ваше тело в миллионную долю секунды испарилось, это вовсе не означало бы, что вы навеки вычеркнуты из книги бытия. После исчезновения вашего физического тела благополучно сохранилась бы основная часть вашего существа, для которой ядерный взрыв не опаснее, чем весенний ветерок для бронзового памятника.

Дуализмом тела и души человек, однако, не исчерпывается. Несколько более сложной видит проблему православие. Человек, считает оно, есть единство тела, души и духа — трёх начал, из которых первое материально, второе *иноматериально*, третье нематериально.

Ещё более сложным предстаёт человек в восточных религиозно-философских учениях. Восток гораздо основательней христианства занимался изучением человека, причём занимался практически и подтвердил правильность своей антропологии впечатляющими результатами, известными в наше время любому человеку. Восточная антропология, основанная на богатейшем опыте йоги, утверждает, что человек — многоуровневое существо. Он состоит из грубого физического тела и нескольких более тонких тел, законам физического мира неподвластных. Человек по йоге — это нечто вроде нескольких матрёшек, вложенных одна в другую. Первую, явленную в физическом мире, мы видим, остальные невидимы. Последняя — чистый дух, наше трансцендентное «Я». Восточная антропология в целом не противоречит православному пониманию структуры человеческой личности. Скорее, она расширяет и углубляет его.

Подавляющее число людей, конечно же, не сознаёт всей своей сложности. Мы, простые смертные, воспринимаем себя упрощённо, как нечто *двойственное*, то есть как материальный сосуд, в котором горит таинственный свет явно нематериальной природы. Это восприятие отражено в Библии.

Человек есть микрокосм, считали мудрецы древности. Человек несёт в себе отражение организации Большого Космоса, приходит к выводу современная наука. Космологи предлагают модели, в которых наша трёхмерная физическая Вселенная является частью гораздо более сложной, многоуровневой, многомерной реальности. Её-то, очевидно, и следует считать Большим Космосом, а не физическую Вселенную только.

Безусловно, человек существо многомерное, из нашего трёхмерного мира целиком не созерцаемое. В физическом мире представлено только его физическое тело, остальные тела принадлежат «параллельным мирам». Время жизни физического тела ограничено законами физического мира, тогда как остальная часть нашего существа после смерти сохраняется. Исследованием её посмертной судьбы всегда занимались мистики — уникальные личности, обладавшие способностью получать информацию из этих миров по особым каналам, отсутствующим у большинства людей. Мы сравнивали человека с комплектом матрёшек, вложенных одна в другую. Образ яркий, но недостаточно убедительный. Чтобы лучше понять, каким образом существо, обитающее в физическом мире, может одновременно

принадлежать каким-то иным мирам, представим себе человека в виде линии пересечения нескольких плоскостей. Одна из них — физический мир.

Все религиозные системы, каждая на своём языке, решительно утверждают, что посмертная судьба души зависит от образа жизни в физическом мире — от того, был ли человек нравственной личностью или был порочен и преступен. Поэтому светлые религиозные учения на протяжении веков и тысячелетий культивировали в людях ценности высшего порядка, учили избегать тёмных страстей и дурных поступков. Приуготовление души к посмертному существованию, к Страшному Суду является главной задачей и отличительной особенностью православия. Религии и только они заложили фундамент для этики, а этика легла в основу культуры. Представить себе культуру, лишённую религиозных корней, мы не можем. Таких культур в истории не было, если не принимать в расчёт атеистическую «советскую культуру», оказавшуюся химерой.

Но в человеке как природном телесном существе генетически предопределены потребности более древние, потребности физического плана, необходимые для существования в физическом мире. Они перешли к человеку от животного мира, проявившись в виде ценностей физиологического ряда, которые религиозное сознание воспринимает как низшие. Их, тем не менее, нельзя отрицать, но и нельзя возводить в культ, идти ради них на подлость, обман, преступления. Существование в человеческой душе двух разных групп ценностей делает человека дисгармоничным существом, является источником постоянных внутренних и внешних конфликтов. Первая группа ценностей подчинена императиву «должен», вторая — императиву «хочу». Долг есть категория сугубо религиозная, даже если обнаруживается в убеждённых атеистах. Чувство долга в атеисте — это свет от погасшей звезды.

Конфликт между «должен» и «хочу», как обычное для человека внутреннее состояние и есть первое и основное, общее решительно для всех культурных народов качество, которое можно назвать *биполярностью души*.

Животное состояние души есть состояние чистого хотения. Оно не имеет иных ограничений, кроме физических. Духовный ограничитель — долг животным природой не дан. Его в какой-то степени можно воспитать в домашнем животном, например, собаке, путём дресси-

ровки, но с долгом как религиозной категорией он, конечно, не будет иметь ничего общего.

Качество биполярности души культивировалось религиями, но, как мы убедились, оно ими не выдуманно. Оно имеет опору в самой структуре человеческого существа и в структуре мира, иначе его просто невозможно было бы воспитать. Биполярность души рационально необъяснима. С точки зрения биологической эволюции, как естественного процесса совершенствования видов, это абсурд — создавать неустойчивое, беспокойное существо для биосферы крайне опасно. Но совсем другое дело, если человек — это не просто очередной, более сложный биологический вид, а существо качественно новое, от которого создавшие его высшие силы сознательно требуют нравственного поведения в биосфере и в среде себе подобных. Тогда биполярность души есть драгоценный дар высших сил, который нужно беречь во имя спасения отдельной личности и всего рода человеческого. Печальна судьба тех, кого не коснулся свет высших миров, кто целиком подчинён тёмным страстям. Согласно христианским воззрениям, им угрожает перспектива попасть после смерти в ад, восточные религии обещают им новые земные воплощения и новые страдания в качестве расплаты за преступления, совершённые в прежней жизни.

Утрата качества биполярности души есть тяжкое духовное увечье. Отдельного человека оно может сделать социально опасным существом, если же оно приобретает массовый характер, то оборачивается угрозой для самой жизни на земле. Вся энергия направляется тогда на безудержное потребительство, на поиски всё новых наслаждений, на борьбу за власть, на гордынное самоутверждение. Происходит разрушение природы и культуры, и наступает апокалипсис.

Свобода — это второе важнейшее психоантропное качество человека, и оно также обнаружено религиозным сознанием. На Востоке — буддизмом и йогой, на Западе — христианством. Сущность его в том, что человек, хотя и подчинён законам природы, пассивным физическим телом всё же не является. Он не только природный объект, он также субъект, способный контролировать своё поведение и не подчиняться иногда бессознательному зову природы. Зверь в состоянии ярости убивает своего врага, человек способен укротить в себе ярость. Биполярность была бы злой насмешкой над человеком, если вместе с ней ему не была бы дана свобода.

Ужасно сознавать, что ты губишь себя и своих близких, но абсолютно неспособен укротить в себе тёмные страсти. К счастью, такая способность есть в каждом нормальном человеке, но многие люди о ней не знают и понимают под свободой нечто прямо ей противоположное. Люди животного типа считают себя свободными, если имеют ничем не ограничиваемые возможности исполнять любые свои прихоти, вплоть до самых гнусных и низменных. Но прихоти суть проявление бессознательно-инстинктивного в человеке, а инстинкты — это ниточки, с помощью которых природа управляет животными. Так человек добровольно опускается сначала до уровня животного, а потом ещё ниже, потому что животные *грязных* страстей не знают.

Потеря свободы не была бы большой бедой для человека, если бы вместе с ней он лишился своего человеческого разума, то есть действительно превращался бы в животное. Но разум остаётся, вместе с ним остаётся острое осознание человеком своей смертности, и жизнь его превращается в духовный ад. В таком аду влачат существование алкоголики, наркоманы, сексуальные маньяки — все одержимые грязными страстями люди.

Современный высокоинтеллектуальный материализм, опасный своей философской утончённостью, отрицает в человеке свободу. Многими изощёрёнными способами он внушает людям, что они — запрограммированные природой или «высшими инопланетными цивилизациями» существа и что их способность выбирать между добром и злом суть фикция. Человек создан из потребностей, твердят вслед за Марксом нынешние материалисты. Удовлетворение потребностей вызывает у человека положительные эмоции, и это, де, единственная сила, движущая его поступками. Маркс говорил ещё резче: человек всегда и везде действует ради органа той или иной потребности. А коль скоро органы созданы природой, то по этой логике человек — марионетка природных сил.

Глупо отрицать правоту Маркса в отношении низшей группы потребностей, подчинённых императиву «хочу», но позволительно будет задать сторонникам его теории потребностей следующий вопрос: ради какого органа и какого удовольствия Христос добровольно пошёл на крест, хотя вполне мог избежать казни?

Крестный подвиг Христа открыл новую эру в мировой истории, эру подлинно свободных людей, способных сознательно пойти на

мученическую смерть во имя высшей истины. Жертвовать собой умели и язычники. Героические эпохи оставили нам немало примеров красивой смерти на поле брани. Но то были жертвы в состоянии аффекта, движимые, если внимательно к ним присмотреться, гипертрофированным инстинктом самоутверждения. Они вполне укладываются в теорию потребностей. Христианская эра показала, что человек не исчерпывается кругом природных побуждений и мотивов. Как теория потребностей объяснит, к примеру, почему Сотников, герой одноименной повести В. Быкова, по воспитанию атеист, добровольно пошёл на смерть, а его товарищ Рыбак, человек вовсе не слабый и не подлый, спас себе жизнь ценой предательства? Таких случаев христианская история знает тысячи.

Нет, впрочем, необходимости обращаться только к героическим примерам для доказательства существования человеческой свободы. И в повседневной жизни самые обыкновенные люди совершают поступки, с точки зрения теории потребностей, невозможные. Любой человек, от крестьянина до государственного деятеля, жертвуя хотя бы малым личным интересом без всякой на то для себя выгоды, доказывает тем самым, что он свободное существо. Можно без колебаний утверждать, что именно эти миллионы и миллиарды невидимых миру маленьких светлых выборов ещё спасают нашу планету от гибели. Вот когда все люди будут вести себя в точном соответствии с теорией потребностей, тогда и наступит конец света.

Размышления о свободе приводят нас к обнаружению ещё одного чисто человеческого душевного качества — *нравственного чувства*.

Человек свободен выбирать между добром и злом, но, для того чтобы сделать правильный выбор, он должен уметь отличать одно от другого. Нравственное чувство и есть это умение. Оно позволяет человеку самостоятельно, часто вопреки влиянию дурной среды безошибочно отличать добро от зла. «Человек правильно думает тогда, когда поступает не думая», — говорит кубинская пословица. Нравственное чувство сверхъестественно по своей природе, то есть оно не получено человеком от животного мира как элементы его телесной конструкции, как многие чисто животные эмоции и инстинкты. Его можно, пожалуй, уподобить обонянию и вкусу, позволяющему человеку отличать свежие продукты от испорченных.

Нравственное чувство прививается только воспитанием, но у народов, имеющих за плечами тысячелетний культурный опыт, оно

может быть врождённым качеством личности. Требуются длительный отрицательный социальный отбор, разрушительная деятельность тёмных сил на протяжении нескольких поколений, чтобы такой народ полностью утратил нравственное чувство и пришёл к духовному одичанию. Процесс формирования нравственного чувства у народов, берущий своё начало из глубины времён, из доисторических эпох — рационально необъяснимая загадка. В. Эфроимсон в своей статье «Родословная альтруизма», почитаемой среди материалистов, пытается доказать, что нравственное чувство возникло ещё в дочеловеческие эпохи в стадах человекообразных обезьян путём естественного отбора. По мнению автора статьи, альтруизм, как высшая характеристика нравственного чувства, помогал обезьяньим стадам выживать в борьбе за существование, вследствие чего и закрепился с помощью механизма естественного отбора.

Эта вульгарно-дарвинистская гипотеза опровергается, прежде всего, биологической эволюцией. Почему альтруизм не возник с помощью того же механизма у других стадных животных — лошадей, коров, волков и т.д.? Опровергается она и всей человеческой историей. Когда люди поставлены перед необходимостью выживания, например, во время войн, революций, голода, происходит отрицательный нравственный отбор, выживают преимущественно худшие, а не лучшие. Об этом много писал выдающийся социолог и философ XX века Питирим Сорокин, к работам которого мы ещё обратимся. Тяжёлые жизненные обстоятельства могут сплотить только людей с уже воспитанным нравственным чувством, как это было, скажем, в блокадном Ленинграде. А тех, у кого его нет, эти обстоятельства превращают в обезьян. Но главное не в этом. Главное в том, что для благополучного существования биосферы нравственное чувство просто не нужно. Конечно, мы ещё плохо знаем психику диких животных, чтобы с абсолютной уверенностью утверждать, что у них не может быть даже зачатков нравственного чувства. Может быть, в качестве исключения из общего правила у некоторых высших животных, например у слонов или дельфинов, эти зачатки есть, но у акул, рептилий, кротов, зайцев, тысяч и тысяч других видов их определено нет. Для биосферы в целом они столь несущественны, что о них можно и не говорить, как о каком-то стоящем внимания биологическом механизме. Зато для человеческого общества нравственное чувство — едва ли не важнейшее условие нормального его существо-

вания. Его утрата в массах людей может иметь разрушительные последствия для общества.

Сверхъестественная природа нравственности была убедительно доказана отрицательным историческим опытом советской системы. Коммунистическая партия отвергла Христа и христианскую нравственность и на пустом месте попыталась создать свою собственную, материалистическую, основанную на учении о классовой борьбе и атеизме. Но у неё ничего не получилось, несмотря на все усилия пропаганды. Итогом этого социального эксперимента явилось глубокое нравственное разложение КПСС, словно в насмешку называвшей себя «умом, честью и совестью нашей эпохи», и последующее её самоуничтожение.

Против сверхъестественного толкования нравственного чувства выступила в XX веке ещё одна материалистическая система — фрейдизм. Как врач-психоаналитик, Фрейд обнаружил, что гипертрофированное, обострённое нравственное чувство, присущее некоторым людям, подавляет в них вполне естественные, природные инстинкты и желания (в основном это относится к сексуальной стихии), что провоцирует у них невротические синдромы. Указанное наблюдение дало Фрейду повод для рационалистической критики всех институтов культуры, включая религию. Последнюю он считает иллюзией, а некоторые, абсолютно невыводимые из опыта религиозные идеи — бредовыми состояниями. Методология Фрейда — это методология мыслящей машины, лишённой не только мистического, но и поэтического чувствования мира, представляющей себе и мир как машину. Во всём своём холодном блеске и ограниченности она продемонстрирована им в работе «Будущее одной иллюзии». Сейчас уже нет нужды опровергать эту работу, поскольку философский рационализм, как претендующая на универсализм система мышления, к концу XX века дискредитировал себя окончательно. Наука не заменила религию, как пророчествовал Фрейд в своей работе полстолетия назад, и теперь уже ясно, что не заменит никогда, ибо истина откровения всё-таки существует, хотя научной истиной и не объёмлется.

Но даже как учёный-психоаналитик, Фрейд страдал ограниченностью кругозора. Обнаруженная им крайняя форма внутреннего, личностного конфликта между чувственной стихией человека и нравственными установками культуры — проблема отнюдь не общечеловеческая

и всевременная. Это, по преимуществу, проблема христианских государств, обострившаяся в эпоху перехода Европы от культуры к цивилизации — от христианских культур с их ограничениями к буржуазной, капиталистической цивилизации с её свободами и соблазнами. Средневековая католическая церковь нещадно эксплуатировала качество биполярности души, внушая массам идею греховности, мерзости плоти и всех её физиологических отправлениях, объявляя сатанинским искусом попытки отдельных смелых умов изучать её. Под мощным воздействием такой идеологии человеческая душа на протяжении многих веков была распята между жёсткими моральными требованиями Церкви и соблазнами плоти.

Одному Богу известно, сколько бессмысленных личных драм спровоцировала эта идеология в Средние века, но настоящие её плоды обнаружились только в эпоху капитализма. Буржуазные европейские общества XIX века породили тысячекратно большие чувственные соблазны, а церковная идеология, хотя и сильно к тому времени ослабленная, всё ещё закрепощала сознание многих людей. В итоге некоторые чувствительные натуры с гипертрофированным чувством вины не выдерживали...

Подобной проблемы, заметим, никогда не знал Восток, поскольку жёсткое отрицание плоти ни в одной восточной культуре не принимало характера массово внушаемой идеологии, оставаясь уделом аскетов. Напротив, древние восточные системы уделяли исключительное внимание изучению человеческого тела, спокойно относились к сексуальной сфере. По этим причинам Фрейд не имеет на Востоке (в Индии, Японии, Тибете и других странах) никакого авторитета. С точки зрения восточного мирозерцания, высокоинтеллектуальный для нас фрейдизм — философия достаточно примитивная. Мы скажем больше: Фрейд предлагает дьявольский рецепт разрешения драмы человеческого существования, прекрасно Церкви известный, так как в нём нет ничего нового. Фрейд хочет уничтожить в человеке качество биполярности души, объявляя его бредовым состоянием, отклонением психики, порождённым религиозной эрой.

Изыди, сатана! Человеческая жизнь есть мучительная и радостная игра — борьба духа и плоти, проходящая под контролем внутреннего арбитра, уничтожится игра — наступит мерзость и скука.

Сделаем ещё один поворот в нашем сюжете. Наличие у человека нравственного чувства ещё не означает, что он всегда будет совер-

шать выбор в пользу добра. Найдётся сколько угодно людей, которые прекрасно умеют отличать добрые поступки от дурных и всё же совершают дурные, не испытывая при этом никаких внутренних неудобств. Поэтому нравственное чувство бесполезно без ещё одного психоантропного качества — *стыда*.

В жизни часто бывают ситуации, когда человек имеет возможность безнравственным путём получить желаемое, точно зная, что никто об этом не узнает и, тем не менее, он не совершает дурного поступка из-за чувства стыда. Бесстыдство открывает в человеческих душах шлюзы для самых омерзительных чувствоизъявлений, самых низменных и гнусных поступков. Массовое бесстыдство способно полностью дезорганизовать жизнь общества.

У животных этого чувства, разумеется, нет. Можете ли вы представить себе стыдящегося льва, крокодила, кота? О домашних животных, живущих бок о бок с человеком, разговор, впрочем, должен быть особый. Собаки иногда способны проявлять нечто похожее на чувство стыда, но только в одном случае — если их ругают. Весьма сомнительно, чтобы собака испытывала стыд в момент совершения недолжного поступка.

Каково происхождение чувства стыда? Владимир Соловьёв считал, что в его основе лежит метафизический по своей природе половой стыд. Этой теме он посвятил отдельную главу в своей работе «Оправдание добра»:

«Есть одно чувство, которое не служит никакой общественной пользе, совершенно отсутствует у самых высших животных и, однако же, ясно обнаруживается у самых низших человеческих рас. В силу этого чувства самый дикий и неразвитый человек *стыдится*, т.е. признаёт недолжным и скрывает такой физиологический акт, который не только удовлетворяет его собственному влечению и потребности, но сверх того полезен и необходим для поддержания рода. В прямой связи с этим находится и нежелание оставаться в природной наготе, побуждает к изобретению одежды и таких дикарей, которые по климату и простоте быта в ней вовсе не нуждаются. Этот нравственный факт резче всего отличает человека от всех других животных, у которых мы не находим ни малейшего намёка на что-либо подобное. Сам Дарвин, рассуждающий о религиозности собак и т.п., не пытался искать у кого бы то ни было животного зачатка стыдливости... Благородный в других отношениях конь дал библейскому

пророку подходящий образ для характеристики бесстыдных юношей из развратной иерусалимской знати, доблестный пёс издавна и справедливо почитается типичным представителем полнейшего бесстыдства, а у существа, ещё более развитого в известных отношениях, — у обезьяны, именно вследствие её наружного сходства с человеком, а также её до крайности живого ума и страстного характера, ничем не ограниченный цинизм выступает с особенной яркостью».

Полемизируя с Дарвином, Соловьёв даже фаллические культы считает порождёнными чувством стыда:

«Намеренное, напряжённое, возведённое в религиозный принцип бесстыдство, очевидно, предполагает чувство стыда».

Метафизические корни полового стыда Соловьёв обнаруживает в Ветхом Завете, в том месте книги Бытия, где Саваоф вопрошает Адама, застыдившегося вдруг своей наготы: «Кто возвестил тебе, что ты наг?» (Быт. 3, 7–11).

Можно ли безоговорочно принять соловьёвскую концепцию происхождения стыда как универсальную или считать, что она предопределена христианским догматом о первородном грехе, которого нет в других религиях? Вопрос спорный... Мы знаем, что такой религиозно одарённый, создавший глубоко оригинальную культуру народ древности, как египтяне, имел институт «священных блудниц». Знаем, что другой, не менее одарённый народ высоко ценил искусство интимных контактов между женщиной и женщиной, отобразив его в знаменитой «Кама Сутре». Знаем, что в Древней Индии не считались предосудительными даже групповые половые сношения. Были в истории народы, не стеснявшиеся открыто совокупляться, но стыдившиеся принимать пищу за общим столом (процесс еды считался у них глубоко интимным актом). Известно, что для ортодоксальной мусульманки считается позором обнажить лицо, но являются нормой гаремные игры с участием одного мужчины и нескольких женщин. Подобных примеров, как будто опровергающих соловьёвский тезис о врождённой половой стыдливости человека как вида, можно привести достаточно.

Может быть, Соловьёв и не прав, привязывая чувство стыда исключительно к половой сфере, но в главном он абсолютно прав: это чувство есть у всех народов и рас, тогда как у животных нет ни малейших его признаков. Остановить животное в удовлетворении естественных потребностей, даже когда оно ради этого лишает жизни дру-

гое животное, способно только препятствие физического характера, но никак не стыд. Чувство стыда у других (нехристианских) народов может выражаться в формах, которые покажутся христианам экстравагантными, но оно есть у всех без исключения народов. Стыд удерживает человека от поступков, считающихся у данного народа недолжными, — так следует скорректировать соловьёвскую формулу, и тогда всё встанет на свои места. Стыд в таком понимании есть важнейшее условие устойчивости культуры, а объекты стыда целиком определяются его особенностями. Метаморфозы чувства стыда бывают весьма причудливы. У многих кочевых народов прошлого считалось величайшим позором нарушить закон гостеприимства. Чувство стыда надёжно охраняло от опасности даже смертельного врага хозяина юрты, если он каким-то образом оказывался в ней. Но стоило ему перешагнуть порог юрты, как его тут же могли убить. Таким образом, мы можем говорить о разнообразии проявлений чувства стыда, подчас парадоксальных, подчас ложных с точки зрения других народов, признав одновременно, что именно поэтому природа его сверхъестественна.

Сделаем важное обобщение: в человеке постоянно присутствует или постоянно возбуждается высшими силами импульс к совершенствованию. Ведь человек любой культуры стыдится таких поступков, которые бросают вызов общепринятым, освящённым традицией представлениям об идеальном для данного народа человеческом типе.

Надо ли после этого доказывать, что бесстыдных культур попросту не существует, ибо разрушение чувства стыда в людях означает деградацию и гибель культуры. Тот, кому дорога своя национальная культура, должен быть непримирим по отношению к тем силам и тенденциям в обществе, которые разрушают в людях чувство стыда.

Перечень психоантропных качеств будет неполон, если не назвать те из них, в которых, быть может, ярче всего проявилась божественная природа человека. Бог есть всесильная и всемогущая *творческая* сущность, наделившая способностью к творчеству и свои разумные создания. Творит Бог, творят ангелы, творят даже демоны, хотя их творчество глубоко ущербно, творит и человек. Такова природа человеческого творчества с теистической точки зрения. Творчество — настолько распространённое человеческое качество, что представляется самоочевидным, в обосновании не нуждающимся. Творчество

есть способность создавать нечто новое, ранее не бывшее. Копирование уже созданного — не есть творчество. «Се, творю новое», — говорит Бог устами автора книги Бытия, объясняя суть творчества. Творчество — это также неизбежность *трудного*, то есть сопряжённого с большим трудом поиска воплощения смутно осознаваемого творцом конечного идеала, который он стремится выразить.

Все люди на земле боятся и ненавидят рабство, потому что оно несовместимо с творчеством и свободой, и как к величайшему из благ стремятся к труду свободному, то есть творческому. Это качество тоже отсутствует у животных. Бобры строят весьма сложные гидротехнические сооружения, пчёлы — соты, муравьи — муравейники со сложной системой ходов и т.д. но... по достаточно жёсткой программе, происхождение которой — загадка. Создаваемые ими постройки строго одинаковы — никаких «архитектурных излишеств», никаких проявлений индивидуальной фантазии.

Как это ни странно для божественного качества, творчество *внеэтично*. Существует не только светлое, но и тёмное творчество, разлагающее человеческие души, часто высокоталантливое. Если оно отмечено подлинным мастерством, то становится особенно разрушительным. К счастью, такого рода творчество ограничивается, как правило, культурной элитой общества, кастой профессионалов и свидетельствует о переживаемом ею духовно-нравственном кризисе. Народное творчество, как показывает история культуры, каким-то образом защищено от этой напасти. Кроме того, для простого народа творчеством является сама жизнь, его историческое бытие, и чем более он свободен, тем более яркую и цветущую культуру способен создать.

Нация может обладать всеми названными ранее психоантропными качествами, но если по тем или иным причинам она надолго попадает в рабство, лишаясь свободного, творческого труда, то через два-три поколения в ней начинает заметно ощущаться деградация и остальных качеств. Нельзя не согласиться с теми историками, которые считают, что слишком затянувшееся в центральной России крепостное право было одной из важных причин революции. Лишив огромный народ радости свободного труда, оно породило целый пласт людей низкого этического уровня — тех самых «хамов», которые легко отреклись от веры своих отцов и стали мощной разрушительной силой в руках большевиков. Многие из них впоследствии заняли высокие посты в советском государстве.

О форме и бесформенности

Итак, биполярность душ, свобода, нравственное чувство, стыд, творчество — вот, предположительно, те фундаментальные психоантропные качества, которые присущи всем народам и которых нет у высших животных. Они характеризуют человека не просто как биологический вид, но как нечто уникальное в биосфере, как духовно-физический феномен. Можно построить сколько угодно прогнозов эволюции «хomo сапиенс» (смело теперь берём это определение в кавычки). Но при этом надо раз и навсегда договориться о том, что понимать под «хomo сапиенс» — безволосую обезьяну с усложнённым психическим миром, подверженным бесконечным трансформациям без меры и границ, или оригинальное, психически завершённое разумное существо, ограниченное в своём развитии принципом формы? Опыт перехода народов от эпохи биосферных культур к эпохе технологической цивилизации, связанный с сильнейшими деформациями психоантропных качеств (о чём ещё пойдёт специальный разговор), показывает, что это очень серьёзный вопрос — в сущности, вопрос о существовании человека как вида. Это верно, что человека нельзя исчислить, насильно ограничив его раз и навсегда заданными культурными формами. В конечном счёте, человек иррационален, как мир, частью которого он является. Но ведь и миром управляют не только недоступные для рационального познания силы, но и вполне постигаемые рационально законы. Следовательно, и в человеке иррациональное обязано органически сочетаться с рациональным. Если физическая субстанция человека подчинена принципу формы, будучи при этом текучей, изменяющейся, то и психическая его субстанция не может быть абсолютно бесформенной, не имеющей никаких ограничений стихией. Она должна быть как-то *организована*. В противном случае оказалось бы просто невозможным возникновение этносов, культур, государств. Функцию организации психического мира человека как раз и выполняют психоантропные качества. Они являются данной человеку свыше формообразующей матрицей, своеобразным духовно-генетическим кодом человеческой души, который спасает человеческий род в целом от губительных метаморфоз, от расчеловечивания. Остаётся ответить на один принципиальный вопрос, который не преминет задать критически мыслящий читатель. А допустимо ли вообще структурирование духовного мира человека?

Не ожидает ли нас на этом пути опасный соблазн искусственного снижения разнообразия человеческой природы во имя упрощения задачи организации общества? Через этот соблазн прошли все жёсткие идеологии, основанные на духовной нивелировке масс.

Исторический опыт показывает, однако, что идеологии, эффективные в экстремальных ситуациях (войны, идеологическая конфронтация, хозяйственная разруха и т.п.), когда от общества требуются высокие адаптивные способности, терпят поражение в условиях нормального течения жизни. Идеологическая нивелировка резко снижает их у общества в целом. Этот факт подтверждается хотя бы опытом советской тоталитарной системы. Не несёт ли подобную опасность и «психоантропология»?

Вопрос серьёзный, но вполне разрешимый. Ответить на него можно так. Все люди имеют прямой позвоночник, одинаково устроенные внутренние органы, две руки, две ноги и т.д. Однако, при всех этих «идеологических ограничениях» творческие силы, управляющие человечеством, произвели огромное разнообразие расовых, национальных, физиономических типов, сумев при этом сделать каждого отдельного человека неповторимой индивидуальностью. Вряд ли кто-нибудь рискнёт утверждать, что люди с врождёнными физическими уродствами увеличивают разнообразие общества, повышают его адаптивность. На протяжении веков механизм естественного отбора жёстко контролировал подобное «разнообразие», предотвращая физическое вырождение человечества. Истинная мудрость состоит, очевидно, не в том, чтобы во имя ложно понимаемой свободы отказаться вообще от идеи воспитания человеческой души, ибо это не мудрость вовсе, а безумие, но в том, чтобы не превращать воспитание в духовное насилие, в производство оловянных солдатиков. Необходимо признать, что существуют некие незыблемые видовые психические качества человеческой души, не позволяющие ей распознаться в бесформенный кисель. Они задуманы для человека высшими творческими силами, и требуется только одно — сделать их нормой индивидуального сознания, чтобы было для всех аксиомой: люди, лишённые биполярности души, стыда, нравственно-го чувства и т.д. суть тяжёлые калекки.

Всем большим народам приходится переживать смутные времена, когда рушатся создаваемые веками социальные институты, государственность, вера — всё то, что культивирует в людях основные

психоантропные качества. И везде наблюдалась одна и та же картина: в обществе обильно начинали плодиться духовные уродцы, которые, подобно гнилостным бактериям, ускоряли его разложение. Крошка Цахес у власти — последний кошмарный этап разложения большого общества, свидетельство его полной духовной слепоты.

Духовная слепота, если она поражает массы, превращает мир в королевство кривых зеркал. Красивые люди выглядят в нём уродами, а уроды — красавцами. Лучшие перестают сознавать, что они лучшие, у них развивается комплекс неполноценности. Мудрецы века сего, недовольные «примитивизмом» человека культуры, рассматривают разложение человеческой души как некий объективный процесс её усложнения. Они, кажется, совсем не понимают, что душа — это *цельность* и только в таком качестве имеет *ценность*.

Если у нас ещё есть мужество и воля ответить на вызов неведомых разрушительных сил, то начинать надо с восстановления нашего духовного зрения. Нужно, в конце концов, увидеть образ современного «усложнённого» человека в том неискривлённом зеркале, которое оставило нам прошлое.

Что происходит с человеком?

Путь человека в ад вымощен благими намерениями. Иные мотивы не хотелось бы приписывать знаменитым учёным и философам нового времени, приложившим немало усилий для разрушения в человеке фундаментального психоантропного качества — *биполярности души*. Тут можно выстроить длинную цепочку имён, в ином контексте вряд ли совместимых, например: Гельвеций, Дарвин, Маркс, Мечников, Ленин, Винер, Фрейд и многие, многие другие.

Всех их объединяет то общее, что своими теориями, философскими системами, научными обобщениями и гипотезами они доказывали, а, точнее сказать, внушали глубоко ошибочную идею, что человек есть не более чем физический объект. Сознание, дух, чувство, интуиция, душа — это «свойство материи», «функция», «рефлекс», «информация» и т.д. — что угодно, миру сему принадлежащее, только не проявление в человеке иных миров. Все эти мыслители понимали смерть, разумеется, как необратимое и полное уничтожение личности.

Для тех, кто со школьной скамьи усвоил физицистское, материалистическое миропонимание, качество биполярности души представляется абстракцией, а противоборство двух разных природ в человеке — чисто психологическим фактом. Любым проявлениям сверхъестественного в человеке физиционисты ищут естественное объяснение. Чарльз Дарвин, например, пытался вывести религиозное чувство из животных инстинктов. Ленин вообще не верил в его существование, считая религию заблуждением ума, вызванного невежеством. Об отношении к религии Фрейда уже говорилось. В научно-популярной литературе, фантастике, в серьёзных научных статьях до сих пор проповедуется, что человек при всей своей сложности не содержит в себе тайны. Это всего лишь высокоорганизованная кибернетическая система, включённая в биосферу и в таком качестве целиком относящаяся к ведомству естественных наук.

«Каждый человек — это великолепно сконструированная, паразитически компактная, самодвижущаяся вычислительная машина, способная в случае необходимости принимать самостоятельные решения и регулировать окружающие физические условия» (Карл Саган, США).

Вряд ли возможно более коротко и чётко сформулировать всю суть идеологии, разрушающей человека, на которой сформировалось сознание активистов современной технологической цивилизации.

Но материалистическая интерпретация человека — ещё не самое эффективное духовно-разрушительное средство. Простые люди научно-популярную литературу не читают, предназначается она в основном для интеллигенции. Уничтожением качества биполярности души в массах занимаются в наше время телевидение и кино. Целенаправленный, идеологический характер их деятельности не вызывает сомнений — настолько впечатляющи их успехи, настолько дружно и организованно они действуют на мрачном этом поприще. Типичный персонаж современного *коммерческого кино* — суперэнергичный молодой мужчина с повадками хищника: властный, сексуальный, драчливый, лишённый даже проблеска духовности. Роскошные самцы и самки человека — волевые, бессовестные, жестокосердые — заполнили мировой экран. Красочные типографские «иконы» с изображением их сексуальных игр — столь же обычное явление в посткоммунистической России, как лозунги и транспаранты

в России коммунистической. Конечно же, мы тут имеем дело не просто с коммерцией, но с идеологией планетарных масштабов, которая захватила, наконец, и Россию. Её задача — внушать новым поколениям, что всеми этими скульптурными телесами, гениталиями, бесовски самоуверенными личинами человек исчерпывается полностью. В победном рёве «нового человека» гложет голос христианских церквей, не теряющих надежды образумить его.

Положение, однако, ещё не безнадежно. Есть ещё во властных структурах государств люди, готовые противостоять духовному разбою, и им следует твёрдо знать, что деградация человека начинается с разрушения основы всякой духовности — биполярности души. Человек, не ведающий внутренней борьбы, перестаёт быть свободным ответственным существом и превращается в марионетку.

Покушение на свободу. Следует признать, что свобода для очень многих людей есть в большей степени возможность, чем факт. Человек, безусловно, свободное существо, и лучше всего это доказывается на самых обыденных примерах. Снаряд летит по точной траектории, он не может в процессе полёта произвольно уклоняться вправо или влево, тем более не может свернуть с траектории. Его траектория определяется углом наклона ствола орудия, энергией взрыва, массой снаряда, направлением и силой ветра и другими параметрами. Иное дело человек. Ему дана способность в сотнях больших и малых выборов управлять траекторией судьбы, и если у некоторых людей она заканчивается жизненным крахом, то это доказывает лишь то, что их не научили пользоваться присущим им по природе божественным даром свободы.

Секрет свободы — в религиозной вере. Человек становится свободным, только если верит в высшую реальность, в бессмертие души. Вера наполняет человеческую душу мощным зарядом оптимизма, мобилизует её на борьбу с пагубными страстями и, таким образом, открывает человеку реальную возможность управлять своей судьбой. Глубоко ошибаются «сделавшие себя» атеисты, полагая, что они — свободные люди, что атеизм — мировоззрение свободных людей. Несравненно больше атеистов, которые не сумели удовлетворить свои жизненные претензии, как ни старались. В борьбе всех против всех все не могут стать победителями. Убеждение атеиста в том, что он хозяин своей судьбы, иллюзорно. Удача, случай, рок — вот подлинные хозяева его судьбы.

Последние два века европейской истории чрезвычайно преуспели в насаждении атеистического мировоззрения и разрушении веры в свободу. В XIX веке основным орудием разрушения был материализм. В XX его дополнило то высокоинтеллектуальное, широко пропагандируемое духовное направление планетарных масштабов, которое целиком подчиняет человека космическим силам и природной необходимости, весьма пёстрое по своему составу. На современное сознание обрушиваются водопады научно-популярной и оккультной информации, имеющей, кажется, единственную задачу — скомпрометировать христианское учение о свободе. Людям внушается, что они суть функция генетической машины, что их судьба от рождения запрограммирована расположением небесных тел или таинственными космическими экспериментаторами, посеявшими жизнь на земле. Бог как внемирная, абсолютно нематериальная сущность, гарант свободы, присутствующий в каждой человеческой душе, даже преступной, подменяется различными суррогатами — Старшими Братьями человечества, Космическим Разумом, Высшими цивилизациями, Шамбалой и т.п. Но ведь ясно же, что любая из этих инстанций, какой бы совершенной она ни была, есть так же, как и я, — производное космоса. Она посясторонняя и поэтому не может заменить собой трансцендентного Бога в моей душе.

Когда люди начинают верить, что линия их судьбы расчерчена при появлении их на свет, они отрекаются от свободы вполне добровольно. Но в действительности судьба есть возможность, а не функция. Она преодолевается с помощью божественного дара свободы. Эта идея, следует признать, присутствует отчасти в некоторых современных оккультных учениях (например, в «христианской астрологии»), но выражена в них слабо и поэтому подавляется общим детерминистским настроением этих учений. Для сравнения обратимся к индийской йоге, где идея свободы является фундаментальной основой её духовной практики. Вот замечательно яркое рассуждение на эту тему:

«Человеку дана Богом свобода воли — сила куда более значительная, чем необходимость, о которой гласит опрокинутая чаша небес... Бог сотворил каждого человека как душу, наделённую отдельным бытием, индивидуальностью — явлением, следовательно, значительным в структуре вселенского ансамбля. Освобождение человека окажется окончательным и необратимым, если он этого захочет, и зависит не от внешних побед, а от внутренних».

Духовная практика йогов представляет неопровержимые доказательства существования свободы воли. Различные йогические системы — карма-йога, раджа-йога, крийя-йога, хатха-йога и другие позволяют любому (!) человеку под руководством опытного учителя достичь высокого духовного совершенства, научиться управлять своим телом и духом. Христиане могут не соглашаться с религиозными идеалами йогов, но обязаны признать их исключительные заслуги перед человечеством в деле утверждения идеи свободы.

Разрушение нравственного чувства. Нравственная дистрофия — старейшая болезнь человечества, обусловленная тем тёмным качеством человеческой природы, которое христианские церкви называют «греховностью». Нравственная дистрофия есть крайняя степень вечного конфликта с высшими силами, стремящимися духовно облагородить человека, и слепой, чувственной стихией его души. Корни этого конфликта, безусловно, метафизичны, о чём свидетельствуют хронические неудачи чисто рационалистических попыток его объяснения. Падение нравственности в обществе не может быть исчерпывающе объяснено на языке науки, ибо оно происходило в самые разные исторические эпохи, в обществах с самыми разнообразными укладами. Не удалось до сих пор и не удастся изобрести такую социальную систему, которая автоматически предохраняла бы общество от нравственного разложения.

О метафизике нравственной дистрофии говорит нам библейское предание о всемирном потопе, когда Бог был вынужден уничтожить тогдашнее человечество за нарушение Его заповедей:

«И воззрел Господь Бог на землю, и вот она растлена, ибо всякая плоть извратила свой путь на земле. И сказал Господь Бог Ною: конец всякой плоти пришел пред лице Мое, ибо земля наполнилась от них злодеяниями, и вот я истреблю их с землею» (Быт. 6:12, 13).

Библия не произносит ни звука в осуждение социального строя, существовавшего у тех или иных допотопных народов. Автора книги Бытия он абсолютно не интересует, и надо думать, не от недостатка мудрости, а от её избытка. Истинной мудрости всегда было открыто, что не в социальности лежат коренные причины глубоких нравственных провалов, случавшихся с народами земли. В послепотопные времена были и Вавилон, и Содом с Гоморрой, и Древний Рим, погибший под ударами молодых варварских племён. Все эти и более поздние,

подобные им, драматические сюжеты истории имели своей перво-причиной нравственное разложение общества.

Современная цивилизация повторяет опыт допотопного человечества — нравственная дистрофия приобретает в ней характер пандемии, грозя ей гибелью. Этот факт очевиден для православных христиан, менее очевиден для многих протестантских конфессий и совсем неочевиден для нехристианских вероисповеданий, для «космистов», прогрессистов, сциентистов и т.д., не понимающих духовной природы кризиса цивилизации. Поскольку людей с сильно деформированным нравственным чувством сейчас слишком много, то приходится доказывать то, что, вообще говоря, в доказательствах не нуждается.

Назовём два грозных симптома нынешней нравственной дистрофии, свидетельствующих о её глобальном характере. Это стирание в нравственном сознании миллионов людей границ между добром и злом и чрезвычайно разросшаяся во всём мире, оснащённая современной техникой, система общественной безопасности. Лидерство в обоих пунктах принадлежит самой богатой и технически развитой стране мира — США.

Если представить, что во всём мире исчезли бы вдруг «силовые структуры» — полиция, армия и служба государственной безопасности, то за короткий срок землю бы затопила мощная волна преступности, соизмеримая по своей разрушительной силе со всемирным потоком. Стирание границ между добром и злом приводит к тому, что люди начинают рассматривать друг друга только как средство для удовлетворения своих личных интересов. Этот основополагающий принцип преступного мира становится нормой сознания у многих народов, что и проявляется в росте «силовых структур».

Но и нынешнее плачевное состояние нравственности в обществах — далеко не предел падения. Человечеству XXI века, на который уповают утописты, грозит нравственная идиотия. Её ужасные признаки обнаруживаются у современной молодёжи и особенно режут глаз в «перестраивающейся» России у юнцов, попавших под лавину антропоуничтожающих событий.

Творчество, как уже говорилось, внеэтично. Оно может иметь и жизнесозидательный, и жизнеразрушительный характер, может нести миру свет любви и истины, а может отравлять души эгоизмом и ложью. Творческий потенциал современного человечества вряд

ли уменьшился по сравнению с человечеством эпохи биосферных культур. Может быть, он даже увеличился. Но знак его определённо изменился. В биосферных культурах веками шли культуротворческие процессы: создавались религии, обычаи, разные искусства, ремёсла, фольклор, народная медицина, магия и т.д. Творческая деятельность человека биосферной культуры была органическим продолжением эволюционного творчества, но только более сложным его этапом.

Творчество человека технологической, городской цивилизации по преимуществу жизнеразрушительно, ибо положительные начала культуры, которые в нём ещё есть, значительно уступают началам отрицательным. Это не трудно доказать, да и давно уже доказано историками культуры. Человечество технологической цивилизации не создало ничего подобного Библии, Бхагаватгите, И-цзин, народным мифам и сказкам и т.д. — всем тем неувыдающим духовным ценностям, которые до сих пор помогают ему жить. Зато оно создавало духовно разрушительные философские системы, сверхмощное оружие, антиискусство и антилитературу, бесчестную политику и т.д. — все глобальные жизнеразрушительные средства, которые сводят на нет усилия положительных творческих сил.

Нетрудно обнаружить метаморфозу, происходящую с духом творчества во всех странах, совершавших переход от биосферной культуры к антибиосферной и к антибиосферной промышленной цивилизации. Культуротворчество в них быстро шло на убыль. Происходила переориентация творческой энергии народа на создание средств покорения пространства, времени, земных недр, воздушной стихии. Творчество вечных ценностей подменялось творчеством ценностей временных, преходящих. Согласимся, к примеру, что «Троица» Рублёва — ценность качественно более высокого порядка, чем автоматическая линия по производству обуви или даже синхрофазотрон, создание которых, несомненно, потребовало огромных творческих усилий. Но этого долго не понимали. В технике видели освободительницу человека от рабства природе, ведущую его в царство свободы. Пафос научно-технического творчества составил характерную черту общественной жизни США и европейских государств в конце XIX — начале XX веков. Чуть позже он охватил и Россию в её советском обличье. Но состояние пафоса не может быть долговременным. Поколение природы оказалось не таким уж сложным и интересным делом,

и фаза творчества материальных ценностей довольно быстро сменилась на Западе нетворческой фазой потребления. Великий изобретатель и великий путешественник перестали быть героями времени, техника перестала казаться чудом. Ныне человек потребляющий расходует всю свою инициативу и энергию на расширение и воспроизводство бездуховной машинной цивилизации, рождённой вдохновенными головами предыдущих двух-трёх поколений романтиков Прогресса. Романтики быстро съели небогатый духовный запас философии Прогресса, оставив своих потомков наедине с созданной ими Машиной. Машина освободила человека от многих прежних материальных пут, но не сделала его более независимым, так как породила тысячи новых. «Машина убила творчество, она превратила человека в одномерное существо!» — вопиёт западная философия в лице наиболее умных своих представителей. И это действительно так. Мощный товарный поток производится нынче машинами, не требуя от миллионов людей творческого участия. Занятия наукой, искусством, изобретательством, равно как наслаждение оригинальными плодами культуры — это для элиты общества. Массам же определено нетворческое, единообразное существование — более или менее сытое (или голодное в нищих странах), здоровое или не очень, густо нашпигованное мелкими радостями, огорчениями и страхами, которые только и придают жизни какой-то колорит. Церковь? Она давно уже стала в западных странах элементом поп-культуры, обслуживающим скудные религиозные потребности «одномерного человека».

«Освобождая — порабощая», — так можно было бы сформулировать ядовитый парадокс прагматичной технологической цивилизации, утратившей способность к творчеству духовных ценностей. Можно сколько угодно манипулировать цифрами и смещать акценты, доказывая обратное, но есть неопровержимые доказательства угасания творческого духа в массах современных людей. Это телемания, наркомания, пьянство, изощрённый разврат и другие всем известные формы ухода человеческой души от бессмысленного, нетворческого существования. Вся драма цивилизации, построившей свою скудную духовность на покорении материи и утратившей чувство высшей реальности, уместается в словах Христа: «Какая польза человеку, если он приобретёт весь мир, а душе повредит?» (Мтф. 16:26).

Об иррациональной природе духовно-разрушительных сил

Таким образом, на вопрос о том, что происходит с современным человеком, можно дать такой ответ: идёт процесс деградации его психоантропных качеств, обусловленный совершённым им самим фундаментальным выбором в пользу технологического пути развития. Став на этот путь, человек отрывается, или, как верно заметил Станислав Лем, его отрывают от его исторических корней, и он засыхает.

Лев Гумилёв в монографии «Этногенез и биосфера земли» рассматривает историю человечества как историю отдельных этносов, переживавших периоды рождения, расцвета, стабильного существования и упадка, уходивших в небытие, чтобы освободить место на исторической сцене для других этносов, проигрывавших те же сюжеты. Он отказывается признать направленность эволюции человечества как целого, считая, что в мире происходит вечная борьба между культуротворческими и культуроразрушительными силами, борьба систем и антисистем, лишённая какого-либо смысла.

Эта сугубо позитивистская концепция, может быть, и применима по отношению к минувшим эпохам, но XX век она объяснить не может. В XX веке, и в этом качественное его отличие от прежних веков, благодаря научно-технической революции с её ярко выраженным космополитическим духом, происходит формирование человечества как некоей системной целостности, по отношению к которой обобщения теории этногенезов не срабатывают. И вот в этой-то, чрезвычайно динамичной, раздираемой противоречиями планетарной суперсистеме вполне можно обнаружить единую тенденцию — вектор с отрицательным знаком. Она состоит, как и говорилось, в общем ухудшении качества человеческой природы, творившейся на протяжении тысячелетий. И уже не имеет значения, где она ухудшилась больше — в США, европейских странах, России или Африке. Современный американец, помешанный на «делании денег», как антропологический тип качественно хуже индейца, которого он вытеснил. «Советский человек» ниже русского православного крестьянина, из которого мы получились путём духовных мутаций, а нынешние «новые русские» ниже «советских людей». Современный китаец, японец, монгол, негр качественно ниже своих предков, не знавших власти машин. И так везде, и нет исключений из этого правила...

Но разве не о том же говорит нам Откровение Иоанна Богослова? Разве не пророчествует оно о временах духовной деградации именно всего человечества, а не какого-то отдельного народа? Этот невидимый внутренний процесс обязан был проявиться во внешнем — в тяжелейших противоречиях нашей цивилизации. «Ищите прежде Царства Божия, остальное приложится», — учит Христос. Но народы Европы поддались искушению сделать предметом главных своих забот «остальное», человеческая душа была принесена в жертву «остальному» — материальному благополучию, идее социальной справедливости, принципу свободы личности и т.д. Так христианская Европа сделала выбор апокалиптического пути развития, на который позже ступили и другие народы. Невозможно отрицать, что великие социальные революции, мировые войны, материализм, коммунизм, фашизм, расизм, экологическое самоедство, сама породившая всё это капиталистическая система вышли из чрева европейской цивилизации и явились следствием антропо-разрушительных процессов, начавшихся именно в Европе. Именно в головах европейских учёных и философов родился ложный миф об «объективных законах экономики», якобы не зависящей от состояния человеческой души. Он оправдал исторически тупиковую экономическую систему, основанную на постоянном развращении масс духом безудержного потребительства и непрерывном росте, аналогичных росту злокачественной опухоли. Каков образ мыслей человека, таков и образ действий, таковы его жизнь и судьба. Сначала деградирует сознание, а потом — общество, но никак не наоборот. С чего бы деградировать обществу, если оно состоит из полноценных людей?

Зададимся вопросом столь же простым, сколь и каверзным: почему в благополучных, ограждённых от внешних влияний обществах могут появляться люди, преступающие вековые этические нормы? Вы убеждены, что таких, полностью изолированных обществ существовать не может, что зло есть род заразной болезни, заносимой извне? Тогда второй вопрос: почему в условиях цивилизации с её информационной свободой, в единой духовной среде, часто в одной семье воспитываются прямо противоположные по своим нравственным качествам люди? Почему на одних отрицательная среда оказывает духовноразрушительное действие, а на других не оказывает: они остаются нравственными существами вопреки дурному влия-

нию среды? Не правильнее ли будет признать, что разрушение общества *всегда и везде* есть следствие разрушения человека? Духовные, внутренние процессы первичны, социальные, внешние — вторичны.

Если Фрейд прав в том, что любая культура несёт в себе семена собственной гибели в виде враждебных к ней чувств, порождаемых её ограничениями и запретами, как бы рассеянными по человеческим душам, то иррациональная природа процесса деградации и гибели культуры становится очевидной. В самом деле, эти рассеянные культуроразрушительные чувства и инстинкты сами по себе ещё не могут сделать человека открытым врагом культуры. Для неразрушенной, цельной души они так же не опасны, как микробы для здорового организма. И всё же наступает момент, когда «количество переходит в качество». Л. Гумилёв сделал крупное научное открытие, конкретизирующее слишком расплывчатое обобщение Фрейда. Он показал, что деградация культуры не является повсеместным процессом, охватывающим сразу весь этнос, но начинается всегда с появления людей с негативным мироощущением, которых не устраивает данная культура. Гумилёв идёт дальше Фрейда, описывая универсальную модель формирования антисистемного мышления внутри системы, то есть культуры. Оно складывается под влиянием ряда факторов, которым невозможно найти строгое научное объяснение (Гумилёв его и не ищет). Это — внедрение чужеродного этноса в коренной, пассионарное оскудение последнего, пребывание его в фазе надлома и некоторые другие. Антисистемное мышление не имеет объективных психологических предпосылок, делает важное наблюдение Гумилёв:

«И нельзя ведь сказать, что к принятию негативного взгляда на мир побуждают ухудшение бытовых условий или экономические затруднения. Нет, их стало не больше, чем было, а иной раз и меньше... Очевидно, причина в другом».

Это другое и есть антисистемное мышление как самодовлеющая разрушительная сила, происхождение которой Гумилёв вынужден в конечном счёте искать за пределами не только этносов, но и самой биосферы. Теория этногенезов, таким образом, отвергает одну из самых опасных идей нашего времени — найти первопричину всех зол здесь, на земле, в виде какой-либо нации, расы, класса или социальной системы.

Можно, наконец, сослаться на известное обобщение Ф. Энгельса, подтверждающее наш вывод о самодовлеющем характере антропо-разрушительных процессов:

«Власть этой первобытной общности должна быть сломлена — она была сломлена. Но она была сломлена влияниями, которые представляются нам упадком, грехопадением по сравнению с высоким нравственным уровнем старого родового общества. Самые низменные побуждения — вульгарная жадность, грубая страсть к наслаждениям, грязная скаредность, корыстное стремление к грабежу общего достояния — являются восприемниками нового цивилизованного классового общества: самые гнусные средства — воровство, насилие, коварство, измена — подтачивают старое бесклассовое родовое общество и приводят его к гибели».

Три очень разных мыслителя-материалиста, практически не имеющие точек соприкосновения, создают, дополняя друг друга своими обобщениями, фундаментальные предпосылки для метафизической концепции зла. Случай, согласимся, редчайший.

... Человеческая личность состоит из трёх психологических уровней: мыслей, слов и поступков. Благородный человек, в высоком, не искажённом смысле этого понятия, — это человек, у которого мысли, слова и поступки всегда совпадают. Благородство души высоко ценилось у многих народов. Благородны были лучшие представители слоёв старого классового общества — дворяне, короли, цари, воины, купцы, крестьяне, духовные лица — все праведного склада души люди, которые говорили то, что думали, и делали то, что говорили. И хотя слово «благородный» понималось тогда совсем по-другому, суть дела от этого не меняется.

Высочайшим образцом благородства был Иисус Христос. Во всех четырёх Евангелиях невозможно обнаружить даже намёка на неискренность с Его стороны, хоть малейший разлад у Него между мыслью, словом и делом. Он целен и чист, как кристалл. Разумеется, Он говорит далеко не всё, что знает («всего не вместите»), но то, что Он говорит, всегда соответствует тому, что Он думает, соответствует Его собственным поступкам.

Человек — слабое на соблазн существо, а современная жизнь полна соблазнов. Даже самым лучшим, самым чистым из людей не всегда удаётся сохранять единство мыслей, слов и поступков. Но они, по крайней мере, стремятся к этому, стараются сохранить душевную

цельность. Разрушение основных психоантропных качеств ввергает человека в совершенно противоестественное состояние непрерывной внутренней и внешней лжи — лжи перед самим собой и перед другими людьми. Симптомы этого состояния проявляются в поведении миллионов современных людей, являются отличительной особенностью властных структур. Может быть, самой опасной и распространённой болезнью нашей цивилизации является преобладание такого стереотипа поведения, когда человек думает одно, говорит другое, а делает третье. Эта болезнь жила в человеке всегда, то вспыхивая, то затихая, но никогда ещё в истории не приобретала таких масштабов, как сейчас. Её происхождение загадочно, во всяком случае, она не унаследована человеком от животного царства: ничего подобного нашей тотальной лжи животный мир не знает. Животные вынуждены прибегать к мимикрии, к хитростям и уловкам, но их маленькие лжи не только не разрушают видовых качеств, не уничтожают вид, но способствуют его сохранению. Тотальная ложь разрушает человечество как вид и при нынешнем его техническом могуществе становится разрушительной для биосферы. Она, может быть, и *предназначена* специально для того, чтобы разрушать человека.

Агрессия тотальной лжи очень остро пережита в XX веке русским народом. Какие бы недостатки и пороки мы ни обнаруживали в своей истории, мы не можем отрицать того факта, что это была по преимуществу история сотворения человека. Православная Церковь, как могла, культивировала в русском человеке все названные выше психоантропные качества, за исключением, может быть, творчества. Но последний недостаток с лихвой восполняется творческой стихией самого народа, проявлявшей себя во внецерковном — фольклоре, обрядах, песнях, ремеслах, танцах и т.д. Так или иначе, но за минувшие века в России был создан самобытный человеческий тип, интересней тем, что совесть он ставил выше богатства, худой мир предпочитал доброй ссоре, был способен на любовь до гробовой доски и достойной для человека считал жизнь по божьей правде.

И вот этот уникальный человеческий тип, вовлечённый с начала XX века в водоворот глобальных человекоуничтожительных событий, подвергся агрессии со стороны множества враждебных ему политических, социальных и духовных сил, агрессии столь мощной и последовательной, что за ней угадывается некая явно сверхчеловеческая стратегия, направленная на полное его уничтожение.

Первая мировая война, революция, гражданская война, чрезвычайка, атеистическая идеология коммунизма, раскрестьянивание, репрессии, ещё одна великая война, массовое спаивание и т.д., а в годы «перестройки» — открытое растление душ средствами массовой информации, культ денег, пропаганда половой распущенности и нравственного релятивизма — вот далеко не полный перечень основных антропоразрушительных ударов, пережитых русским народом в XX веке.

Современный русский математик и философ Виктор Тростников в статье «Чума XX века» анализирует более чем столетний период в истории России — от момента проникновения в сознание революционной интеллигенции марксистских идей до наших дней, до «перестройки». Автор показывает, что он состоит из отдельных, не связанных между собой политической преемственностью этапов, направленных на единую цель — разрушение русской культуры с её особым мироощущением и особой системой базовых ценностей. Тростников выявляет *информационную* природу этой крупнейшей в истории этнической катастрофы, вызванной особым духовным вирусом, название которому марксизм.

Его действие и в самом деле напоминает работу вируса. Вирус, напомним, есть один из парадоксов природы, нечто промежуточное между веществом и существом. Это молекула РНК, «спиралька», заключённая в белковую оболочку — «колбочку». Вирус не может развиваться в питательном бульоне, как любой микроб, но только в готовой конструкции — живой клетке. Он является в клетку как «свой», сбрасывает оболочку и затем РНК таинственным образом проникает в «мозг» клетки — её ядро. Информация, заключённая в «спиральке», вносит помехи в работу ядра, в результате чего ядро продуцирует разрушительные программы. Механизм воспроизводства необходимых клетке веществ нарушается, клетка постепенно истощается и гибнет...

Такая постановка вопроса снимает акцент с личности Маркса, заставляет пристальнее присмотреться к его учению. И тут обнаруживается, что его страшная разрушительная сила содержится в искушении хлебами, властью и чудом, отвергнутых Христом в пустыне, когда Его искушал враг рода человеческого. Кроме того, марксизм отвергает Бога, на любви к которому зиждется всё христианство.

Тростников считает, что марксизм представляет собой разновидность христианской ереси, то есть сумму ловких подмен. Видимо,

поэтому ему и удалось взорвать Россию. Русскими марксистами, порвавшими с Церковью, но сохранившими в своих душах некоторые христианские черты, он был опознан как «свой».

Остаётся предположить, что марксизм был духовным вирусом, специально предназначенным для России и рассчитанным на долгосрочную работу. Это тем более загадочно — сам Маркс меньше всего рассчитывал на успех своего учения в России и был неприятно удивлён, узнав об этом.

В России, может быть, ярче и очевиднее, чем где-либо ещё, проявилась метафизическая, сверхъестественная природа духовноразрушительных сил, калечащих человеческую природу. Здесь, повторим, был создан уникальный душевный тип, он был опознан как любящий, самоотверженный, негордый, нестяжательный, глубоко пленённый Христом и Богородицей. Расправа над ним, совершённая в XX веке, столь значительно опошшила великорусский суперэтнос в целом, что в этом одном можно усмотреть самостоятельную, рационально не объяснимую цель.

Современная психология говорит о прогрессирующей деградации человека технологической, городской цивилизации. Наиболее яркие её проявления — психические болезни и половые извращения. Психопаты составляют угрожающе большой процент современных обществ и, что самое опасное, отмечают социопсихологи — на вершине социальной пирамиды их процент гораздо выше, чем в основании. Психопаты рвутся к политической и духовной власти в современном мире! Послушаем на сей счёт мнение профессора социальной психологии Вудхэйвенского университета США Б. Сахарова:

«Сколько их? Ну, например, согласно американской статистике, в США около 18,5% населения нуждается в психиатрическом лечении, то есть 37 миллионов человек. А если подойти к этой проблеме с другого конца, со стороны секса, и взять статистику доктора Кинси — и если верить Фрейдю — то получается больше: 37%, то есть 74 миллиона человек на 200 миллионов населения. Легион получается довольно солидный. И такие легионы в большей или меньшей мере имеются в каждой стране — вплоть до новых африканских республик. Какую роль играют эти легионы? Сидят эти легионеры спокойно в приёмных врачей-психиатров? Или принимают успокоительные таблетки? Или именно эти психопаты решают судьбы мира?».

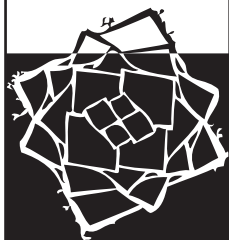
На последний вопрос Сахаров отвечает выдержкой из дневника Льва Толстого: «Я серьёзно убеждён, что миром управляют совсем сумасшедшие. Несумасшедшие или воздерживаются, или не могут участвовать... Сумасшедшие всегда лучше, чем здоровые, достигают своих целей. Происходит это оттого, что для них нет никаких нравственных преград: ни стыда, ни правдивости, ни совести, ни даже страха».

Все приведённые выше умозаключения и гипотезы о проблеме разрушения человека позволяют сделать вывод, что в истории действует некий иррациональный фактор, принципиально враждебный человеку как венцу творения. Он разрушает не человека вообще, а человека культуры и достигает огромной силы в условиях так называемых *свободных обществ*.

Что же это за фактор, не учтённый теорией прогресса, ускользнувший от учёных-генетиков, отсутствующий в животном мире, составляющий специфическую болезнь *духовного* существа-человека. Уж не дьявол ли?

Глава 2

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ДЬЯВОЛ?

Тема, закрытая для науки

Шутки в сторону — названо имя персонажа, слишком хорошо знакомого христианским церквям, но отрицаемого наукой, замалчиваемого философией, мифологизированного художественным сознанием, профанированного современной массовой культурой. Почему никто из светил науки и философии XX века не рискнул помыслить о дьяволе и его воинстве как о грозной потусторонней силе, способной существенно влиять на поведение отдельных людей и судьбы народов? Идея эта даже не промелькнула в блестящем потоке высокоинтеллектуальных философских и научных творений, изливаемом современной мудростью, хотя поводов поразмышлять над ней наше время давало более чем когда-либо в истории. Интеллектуальная элита наложила на неё негласное табу. Говорить всерьёз о бытии дьявола среди образованных людей до сих пор считается почти неприличным. К Богу сейчас относятся достаточно серьёзно. Бытие

Бога пытаются доказать с помощью законов термодинамики и парадоксов эволюции жизни. А вот к Его оппоненту интеллектуалы почему-то упорно не проявляют интереса.

Отвергнутый профессионалами, дьявол «пошёл по рукам». Бульварная литература мистического толка, фильмы ужасов, фантастика, рок-музыка и другие энергичные детища современной поп-культуры успешно «забалтывают» дьявола, превращая его в нечто столь же привычное для слуха, набившее уже оскомину, как сотни других *банальностей* современной жизни. Если люди, обладающие некоторыми необычными способностями, которые с гордостью называют себя колдунами, ведьмами или магами, устраивают «научные» конгрессы, напоминающие шабаши ведьм на Лысой Горе, значит, дьявол для них действительно банален. Это нечто посюстороннее и совсем не страшное — свой парень, которого можно не бояться. Уже вылезают на свет Божий из подполья сатанисты, призывающие людей, во имя их же собственного блага, забыть беспомощного Бога и пойти на поклон к действительному хозяину мира сего. Этакие здравомыслящие мистики...

В подобной ситуации людям действительно здравомыслящим не остаётся ничего другого, как выбросить дьявола из головы вообще, как дикое суеверие, как болезнь сознания, время от времени охватывающую массы людей. Они вспоминают «мрачное средневековье», всеобщую одержимость идеей дьявола, охоту на ведьм и прочие крайности средневекового сознания и говорят о новом средневековье. Так вместе с крайностями бездумно отвергается действительно ценный духовный опыт средневековья и не только, заметим, средневековья, свидетельствующий о том, что люди могут иногда подвергаться прямым воздействиям со стороны тёмных потусторонних сил.

С тихой скорбью, как пагубное для души невежество, взирает на нынешние игры с дьяволом Православная Церковь. Для неё-то, с её двухтысячелетним опытом духовной брани, дьявол есть такая же реальность, как для врача вирус смертельно опасной болезни.

Один из высоких авторитетов Русской Православной Церкви, святитель Игнатий Брянчанинов, труды которого ещё не раз будут цитироваться в этой книге, даёт следующее, краткое и точное описание методики дьявольских воздействий на человеческую душу:

«Духи злобы с такой хитростью ведут брань против человека, что приносимые ими помыслы и мечтания души представляются как бы рождающимися в ней самой, а не чуждого ей злого духа, действующего и вместе с тем старающегося укрыться».

По причинам, не слишком понятным, нынешние церковные иерархи в своих проповедях и произведениях не слишком охотно обращаются к этой теме, предпочитая концентрировать внимание православной паствы на идее полной личной ответственности человека за свои поступки, хотя именно православие располагает богатейшим опытом борьбы с дьявольскими силами, глубоко и правильно понимает проблему.

Гораздо смелее ведут себя протестантские и католические проповедники, разоблачая козни дьявольских сил перед миллионами людей в яркой, доступной пониманию форме. Послушаем одного из них.

«Дьявола умаляли, изображали смешным и отталкивающим существом с хвостом и рогами, с вилами. Истина, однако, заключается в том, что дьявол — существо, обладающее высшим умом, могущественный и талантливый дух с даром бесконечной изобретательности. Мы забываем, что дьявол может быть самым одарённым ангелом Божиим. Он был совершенным духом, решившим воспользоваться своим божественным даром для своих собственных целей вместо целей Божьих. Его аргументы блестящи, его логика почти неопровержима. Могущественный противник Бога — не скачущее существо с рогами и хвостом, а величественный князь с неограниченной силой и блестящим умом... дьявол вполне способен произвести ложного пророка, о котором повествует Библия. На развалинах современного неверия и сомнений дьявол создаст ложного царя, Антихриста, он создаст религию без Спасителя, он построит церковь без Христа, он призовет служить ему без Божьего слова... Не сомневайтесь ни на мгновение в существовании дьявола! Это личность и совершенно реальная личность! Он чрезвычайно умён! Взгляните на первую страницу вашей сегодняшней газеты, если вы сколько-нибудь сомневаетесь в существовании дьявола. Включите ваш радиоприёмник, если вам нужны явные доказательства... Разве могли бы люди с сердцем, преисполненным Божьей любовью и благодатью, так предавать и совершать подобные акты насилия и злобы, о которых мы слышим каждый день? Разве могли бы образованные, интеллигентные, честные люди собираться за столом конференций и проявлять полное

непонимание потребностей и целей других людей, если бы образ их мыслей не был сознательно затемнён и испорчен?.. Современный разум может отрицать дьявола, но сам принцип зла от этого не исчезает. Как же объясняют отрицающие дьявола ту быстроту, с которой распространяется зло? Как они объясняют те бесконечные препятствия, которые ставятся на пути праведных? Какими доводами они разубеждают в том факте, что разрушение и гибель распространяются с молниеносной быстротой, в то время как созидательная работа и восстановление происходят так ужасающе медленно?.. то, что мы видим здесь, на земле, — это только отражение сильнейшей борьбы, происходящей между добром и злом в невидимых сферах».

О мистической природе враждебных человеку сил говорит и то критическое, по отношению к историческому христианству, универсалистское учение современности, признанными лидерами которого являются Е.И. и Н.К. Рерихи и Е.П. Блаватская:

«Исключив из сознания людей такой важный фактор жизни, как существование враждебной человеку тёмной силы, позитивная наука оказала плохую услугу человеку, но хорошую услугу врагам его, ибо исключение из поля сознания человека врага ослабило сопротивляемость человека и усилило позицию врагов его. Можно утверждать, что величайшая победа, какую тёмная сила одержала над человеком в последнем столетии, есть отрицание существования её».

Необходимо пояснить, что Рерихи, вслед за Блаватской, отрицали общехристианское учение о дьяволе как вселенском противнике Бога, существовавшем до появления человека. Зло на земле, согласно «миропониманию новой эпохи», исходит от самого человека, который, обладая свободной волей, нарушает законы космической эволюции. Но ошибки человека усугубляются, провоцируются некоторой тёмной сверхчеловеческой силой, которую необходимо принять во внимание:

«Кроме упомянутых выше двух великих сил — Теоса и Хаоса, на нашей планете действует ещё одна сила — это хозяин нашей Земли Люцифер. Прибыв вместе с другими Силами Света с Высших планет для развития человечества нашей планеты и став хозяином Земли, он вздумал вести развитие человечества не тем путём, какой существует в Космосе, но своим путём. В этом состояло восстание Люцифера и его падение, что сказалось в неисчислимых последствиях для человечества».

Таким образом, дьявол как частное и временное явление планеты Земля, согласно «новому пониманию», — существо вполне реальное.

Могущественными *иноматериальными* существами считает злых духов православная демонология. Они подчиняются законам пространства, времени, причинности:

«Демоны свободно и быстро обтекают Вселенную, свободно совершают такие дела, которые невозможны для человека... всё, что бы ни было, не имеющее густого и плотного тела, по всеобщему употреблению называется духами. И потому демоны, как не имеющие таких тел, называются духами... в невидимом нами мире имеются средства, разумеется, вещественные, действующие сильным образом на предметы видимого мира».

Можно было привести массу извлечений о демонах, хотя и несколько иного рода, из католической, протестантской, мусульманской, иудаистской духовной литературы. О бытии демонов свидетельствуют восточные религиозные системы: индуизм, тибетский буддизм, ламаизм и др.

Погружаясь в глубины веков, знакомясь со священными текстами древних религий, с мистическим опытом народов земли, воплощённом в преданиях, легендах, сказках, мы решительно везде обнаруживаем сведения о злых потусторонних существах, об их пристальном интересе к человеку. Колоссальный пласт религиозной истории человечества — первобытный анимизм есть не что иное, как изложенный на тысячах языков опыт общения человечества с невидимым миром духов. В эпоху материализма, которую мы переживаем, весь этот грандиозный совокупный опыт был объявлен плодом фантазии, вымыслом, имеющим чисто психологическое объяснение.

Но что же получается? Если бессчётные рассказы о потусторонних силах — всего лишь выдумки, ни на чём не основанные, то налицо затянущаяся на тысячелетия клиническая картина массового бредового состояния, охватившего решительно все континенты и народы. Оторопь берёт при мысли, что предки всех без исключения современных народов были психически неполноценными людьми, попросту, — душевнобольными.

Станный, однако, это был бред — весьма часто совпадающий в сюжетах и даже деталях у народов, никогда не имевших культурных контактов. Не вернее ли предположить, что произошло что-то нехорошее как раз с теми, кто вопреки фактам и здравому смыслу отрицает

объективный источник информации о существовании потусторонних тёмных сил? Их можно уподобить некоторому воображаемому упрямцу, который не желает воспользоваться микроскопом для того, чтобы убедиться, что отрицаемые им болезнетворные микробы всё-таки существуют.

Нет, впрочем, ничего удивительного в нежелании учёных серьёзно заниматься проблемой нечистой силы. У людей науки острый интерес к новому и неизведанному сочетается с вполне оправданным скептицизмом. Учёный не примет новое и необычное до тех пор, пока не переживёт его в личном опыте и не подвергнет опытной проверке традиционными методами экспериментальной науки. «Если не вложу руки моей в ребра Его, не поверю!» — эти бессмертные слова апостола Фомы огненными буквами можно начертать над храмом науки.

Когда В.И. Вернадский в своей книге «Живое вещество» писал о том, что религиозная мысль способна подспудно стимулировать научную¹, то даже он, учёный необычайно широкого кругозора, не остановил своего внимания на одной из центральных тем религиозного сознания — теме потусторонних тёмных сил, оказывающих влияние на человеческую жизнь. Тут дело, конечно, не в том, что тема эта была жестоко скомпрометирована фанатизмом средневековых охотников на ведьм. Чтобы заняться исследованием проблемы, нужно прежде всего её обнаружить. Нам, однако, не приходилось слышать признание кого-либо из всемирно известных учёных, что он пережил личный опыт встречи с существами из потусторонних миров, в достоверности которого он не сомневается. Зная некоторые особенности поведения этих существ, последнему обстоятельству можно найти объяснение. Одно из них состоит в том, что контакты с ними целиком и полностью зависят от их инициативы. Ясно, что они постарались скрыть своё существование от авторитетнейшей инстанции XX века — науки. Соккрытие прошло тем успешнее, что рациональное мышление обладает тенденцией укладывать бесконечно слож-

¹ Приведём небольшую выдержку из названной книги Вернадского: «...Луи Пастер, как верующий христианин, не мог примириться с тем, что между живыми и мёртвыми нет в основе вещества никакого различия. Очень вероятно, и почти, наверное, так, мы здесь видим один из многочисленных примеров науки, когда только благодаря религиозному сознанию получается новое научное достижение. Мимо явления, перед которым остановилась научная мысль Пастера под влиянием его религиозных переживаний, другие проходили, ничего особенного в нём не видя».

ную реальность нашего мира в ограниченные, но достаточно убедительные для «левополушарных голов» схемы. А таковые в науке пока составляют большинство.

Рационалистического соблазна не избежал даже Тейяр де Шарден. Его «феномен человека» представляет собой широкомасштабное полотно, изображающее восхождение Жизни во Вселенной, в котором её метафизический враг отсутствует. Ни слова, ни намёка на существование демонических сил. Горизонты чисты, будущее разума светло и прекрасно... Итак, если вопрос о дьяволе имеет принципиальное значение для обсуждаемой здесь проблемы разрушения человека, то необходимо поначалу разобраться с ним в рамках того мировоззрения, которое наиболее упорно его не замечает. Так ли оно убедительно в своём неприятии дьявола, каким представляется миллионам его последователей?

Почему учёные не замечают дьявола?

Естественно-научная картина мира повествует об обусловленной законами природы эволюции вселенской материи. На некотором её этапе возникает жизнь, «живое вещество», которое существует только на планетах, созданных на предыдущих этапах эволюции, и только в виде системных целостностей — биосфер. Эволюция биосферы Земли, единственно доступная нам для изучения, есть процесс развития или, по Берту, скачкообразного усложнения живых форм, происходящий под воздействием неких, неизвестных пока науке, информационных импульсов. Его последним по времени этапом является человек — разумное, творческое существо, создающее качественно новую *историческую* форму жизни. История в рамках естественно-научной картины мира мыслится как ускоренная эволюция самого вида *homo sapiens*. Она с железной необходимостью отбракует когда-нибудь «старого человека» и создаст нового, обладающего принципиально новыми возможностями, в сущности, новый вид разумных существ. В антропологических фантазиях учёных о далёком будущем человечества перед нами предстаёт устрашающего вида суперинтеллектуальный головастик с бесстрастной безгубой мордашкой и отмирающими за ненадобностью конечностями — так сказать, венец творения естественно-научной мысли...

Один из основателей современной эволюционной биологии, В.И.Вернадский создал учение о биосфере как сложном космическом объекте, развитие которого происходит под воздействием космической энергии, космических излучений и, прежде всего, солнечных излучений. Вернадский и связанная с ним научная школа считают появление человека ключевым моментом эволюции биосферы. В человеке, учат они, эволюция познаёт самоё себя. Через человека совершается *естественный*, как бы запрограммированный переход биосферы в более сложное состояние — техносферу, а потом в ещё более сложное — ноосферу, т.е. сферу разума.

Человек проявил себя как мощная геологическая сила в биосфере, любил повторять Вернадский, и эта сила, считал он, имеет в целом детерминированно положительную направленность. Вера Вернадского в объективную необходимость разума, в его творческую космическую миссию так велика, что он не слишком смущался отрицательными последствиями технического прогресса, проявившимися уже на первом его этапе. Похоже, он воспринимал их как неизбежные издержки метода проб и ошибок, к которому вынужден прибегать человек, познавая окружающий мир и приспособлявая его к своим нуждам. Как уже замечалось выше, в эволюционной теории Вернадского человек есть промежуточное звено в длинной эволюционной цепи существ, которые были до него и будут после. Будучи по своим убеждениям последователем европейской гуманистической философии, значительно отошедшей от христианского миропонимания, Вернадский не принимал библейского откровения о человеке как венце творения. Ему, естественно, был чужд тезис о греховности человека и конце света, то есть человеческой истории.

«Научное знание, проявляющееся как геологическая сила, создающая ноосферу, — с оптимизмом пишет он в одной из своих работ, — не может приводить к результатам, противоречащим тому процессу, созданием которого является».

Даже обе мировые войны не смогли поколебать в Вернадском его светлой веры в предопределённость положительной эволюции человеческого разума. Тут кончается собственно наука и начинается область веры. Но в отличие от религиозной, обращённой к трансцендентным предметам, научная вера замкнута эмпирическим миром, и поэтому её догматы проверяемы на опыте — в данном случае, на историческом опыте. Если бы Вернадский дожил до наших дней,

если бы познакомился с данными современной статистики о физическом и духовном состоянии человечества и среды его обитания, он, может, и признал бы, что его прогноз о человеческом разуме как возрастающей мощи подтверждается совсем не в том смысле, какой он в него вкладывал.

XX век продемонстрировал невиданные по масштабам и разрушительной силе выплески зла из человеческой души. Столь почитаемая гуманистами научная мысль рабски служила и служит злу, уклоняясь от своего высокого призвания — творить ноосферу. В лице многих и многих она, словно похотливая жёнка, напропалую блудит со злом, официально считаясь замужем за добром. Грустной пародией на космогенез, о котором возвестили научные пророки, стал выход человека в космос во второй половине XX века. На космические орбиты человечество вывел не светлый дух познания и, тем более, не религиозный дух, а всё та же иррациональная по своей природе сила, и лучше всего об этом могут сказать научные спецы из ВПК¹.

Может быть, только к концу века, после многих выдающихся частных успехов науки, обнаружилось, что создать целое мировоззрение, способное ответить на вопросы не только ума, но и сердца, она не может. Вселенная, именуемая «человеком», оказалась ей не по зубам. Многоуровневое, многомерное существо со своим загадочным психокосмосом не пожелало укладываться в прокрустово ложе плоско-рассудочной схемы. Наука не сумела удовлетворительно решить фундаментальные проблемы человеческого бытия: проблемы происхождения мира, происхождения разума, происхождения творческих импульсов, управляющих биосферой.

Эти проблемы очертили границы возможностей естествознания, заставив некоторых наиболее смелых учёных подвергнуть сомнению принцип физического монизма, на котором держится сама философия научного познания. Физический монизм есть исходный мировоззренческий постулат естествознания, отождествляющий Бытие с физической материей — измеряемой, исчисляемой, дробимой до бесконечности субстанцией, которая исследуется с помощью из неё же создаваемых приборов. Бог физических монистов — математика. Чем больше в данной области исследования математики, тем больше в ней науки, говорят они. Тот, кто твёрдо усвоил эту установку, обязан

¹ См. об этом, напр., статьи в журнале «Новый мир», 1982, № 1.

отвергать бытие иных, не физических, миров и форм материи, а тем более — не материальных субстанций, современной математикой не описываемых — либо ему придётся допустить возможность появления математики, способной описывать потустороннее. Но возможна ли в принципе подобная математика? Наука, надо заметить, приложила громадные усилия, пытаясь перевести названные выше мировые проблемы в разряд естественно-научных. О том, что из этого вышло, имеет смысл поговорить отдельно.

В системе идейно чистого монизма, не приемлющего никаких компромиссов с религией, вроде «научного креационизма», вопрос о происхождении мира решается гениально просто — он снимается вообще. По стародавнему материалистическому рецепту, разработанному ещё в древней Элладе, мир объявляется некой извечной данностью — самосушей, самодостаточной, развивающейся благодаря изначально присущим ей законам (сколько их? изменяются ли они сами в бесконечности времени и если да, то по каким другим гиперзаконам?). В естественно-научной интерпретации мир выглядит гигантской, неизвестно откуда взявшейся заводной игрушкой, по поводу которой среди космологов до сих пор ведутся споры о том, кончается ли у неё завод? Цитированный ранее П. Эткинс, например, считает, что кончается. Но что дальше?

Заблуждение, извинительное для Демокрита или Эпикура, не представлявших себе, в сколь высокой степени организована материя во Вселенной, совершенно неизвинительно для современного материалиста, который об этом знает. Абсурдность постулата о предвечном существовании неразумной, нечувствующей *развивающейся* материи, способной создавать сложнейшие формы, в частности, — разумных, чувствующих существ, доказывается в рамках самого научного мировоззрения. В природе неизвестны процессы *бесконечного* развития той или иной системы. Всякий процесс развития цикличен. Он имеет начало и конец, сколь бы протяжён по времени он ни был. Представляя собой переход материи из состояния большей вероятности в состояние меньшей вероятности, процесс развития системы требует поступления в неё *информации*. Можно ещё, с большим умственным усилием, представить вечной косную, неподвижную материю, но как представить вечно развивающуюся материю? Откуда она получает информацию для «вечного развития»? И вообще: если у нынешней Вселенной, в которой мы живём, за спиной — бесконеч-

ность, бесконечные игры атомов, то нетрудно убедиться, с помощью соответствующих формул из теории вероятности, что она повторялась уже бесщётное число раз в этом бесконечном прошлом, и значит, все мы повторялись — живые, разумные индивидуальности со своими судьбами.

Даже из этих элементарных рассуждений становится ясно, что постулат о вечном существовании развивающейся материи попросту антинаучен, а не замечается это материалистами, по-видимому, потому, что он *внушён* им высокими для них авторитетами с помощью гипнотизирующего приёма многократного повторения и сделался, таким образом, умственной привычкой. С привычками же, как известно, расставаться очень трудно...

Время, однако, показало, что это далеко не безобидная и даже опасная привычка. Она формирует в людях ущербное мировоззрение, отрицающее высшие ценности, имеющие внеэмпирическую, сверхъестественную природу. А без таких ценностей, как показал опыт советской атеистической идеологии, человек разрушается. Человеческая жизнь становится тогда бессмыслицей, и это логично. Если бессмысленен по своей природе мир, то бессмысленны игры и рождаемые им человеческие индивидуальности, и уж лучше бы им тогда вообще не рождаться на свет. То есть рождение детей должно быть признано аморальным актом. Таков последовательный и честный вывод, к которому приводит попытка снять вопрос о происхождении мира.

Между тем всё становится на свои места, если отказаться от нравственно и научно порочной идеи физического монизма и принять универсальное религиозное откровение о том, что наш мир — эмпирический мир при всей его огромности и сложности — является всё же лишь частью гораздо более сложной внеэмпирической реальности. Христианские церкви называют её невидимым миром, утверждая, что обитающие там существа или сущности способны оказывать воздействие на человеческую жизнь. Речь, стало быть, идёт о возможности своего рода системной связи невидимого мира с миром видимым. Так, на самочувствие рыб оказывают влияние метеорологические процессы в атмосфере, о существовании которой рыбы не имеют никакого представления. Вот как эта идея, вполне заслуживающая названия «космологической», описывается в одном из религиозных сочинений:

«... наш материальный мир — всего лишь часть обширной системы миров, и всё доступное нашему восприятию из происходящего

в нём тесно связано со всем, что находится выше нашего мира и ниже его. Иначе говоря, нефизические сущности других миров проецируются на наш мир, приспособляясь к его ограниченности, к его времени и пространству. Таким образом, несмотря на кажущуюся обособленность нашего мира, в нём присутствуют высшие миры, и их влияние порой ощутимо».

Принцип физического монизма обрек естествознание на неудачу в решении второй из названных выше загадок — загадки происхождения жизни. Оказалось совершенно невозможным сколько-нибудь доказательно обосновать материалистическую идею *образования* живого из неживого с помощью законов природы. Напротив, новые знания о клетке, открытия в области генетики, обобщения теории информации и теории вероятности свидетельствуют против такой возможности.

В науке с XVIII века ведётся спор между верующими учёными и учёными-атеистами по поводу происхождения жизни. Вряд ли можно отнести к числу первых В.И. Вернадского, но достаточно того, что он был принципиальным противником школы академика-материалиста Опарина, прославившегося своей варварской гипотезой происхождения жизни из «коацерватных капель». Вернадский считал антинаучной саму постановку вопроса о происхождении живого из неживого ввиду полного отсутствия у него научных предпосылок. На протяжении всей истории биосферы земли, подчёркивает Вернадский, мы косвенно обнаруживаем следы живого в виде продуктов его распада в различных по возрасту слоях земли, но нигде и никогда, ни прямо, ни косвенно не обнаруживаем процессов обратного порядка — возникновение живого из неживого.

Вернадский сформулировал гипотетический закон постоянства биомассы Земли, согласно которому эта величина представляет собой константу, не меняющуюся на сколько-нибудь значительную величину со времени образования биосферы до нашей эпохи. Вернадский считает ошибочной опаринскую идею, что жизнь могла первоначально возникнуть в какой-то одной точке земного шара, а потом распространиться. Биосфера, и это неоспоримый научный факт, может существовать только как системная целостность, обладающая определённым однообразием. Только в такой форме она способна противостоять жизнеразрушающим воздействиям. Если это так, то жизнь на Земле возникла единовременно в виде биосферы, в необ-

ходимой для её тогдашней фазы сложности и затем уже эволюционировала. Иначе говоря, была *сотворена*.

Особый разговор о человеке и человеческом разуме. Зададимся вполне научно корректным вопросом: каково назначение разумного существа — человека — в системе природы? Функции, выполняемые микробами, растениями, рыбами, птицами, биологам известны. Они составляют определённую системную целостность или целостности, именуемые «биогеоценозами». Но зачем биосфере понадобился человек? Какова его функция в тех или иных биогеоценозах?

Если из биосферы исчезнут все микробы, то рухнет фундамент, на котором держится биогеоценоз, прекратятся многие биохимические процессы, и жизнь погибнет. Если исчезнут растения, исчезнет единственный источник кислорода в биосфере, жизнь деградирует до своего первобытного состояния. Но если исчезнет её высшее, сложнейшее творение — человек, какие произойдут потрясения? Похоже, никаких. Планета только облегчённо вздохнет, избавившись от своего страшного губителя.

Если мыслить биосферу по Эткинсу и ему подобным учёным, то *функционально* человек — не только совершенно бессмысленное, но и чрезвычайно опасное творение природы. Благодаря высокоразвитому мозгу и свободной воле, склонной к уклонению во зло, человек успел за короткое время своего существования причинить биосфере колоссальный вред, причём сделал это в последние исторические мгновенья, когда в его сознании восторжествовало материалистическое мировоззрение, и он стал изобретать мощнейшие средства покорения природы.

Что же он дал биосфере взамен, чем компенсировал свою разрушительную деятельность? Ровным счётом ничего и ровным счётом ничем. С точки зрения последовательно материалистической, человека следует признать болезнью биосферы, о чём уже давно заявили наиболее мрачные пессимисты. «И ни птица, ни ива слезы не прольёт, если сгинет с лица земли человеческий род»¹, — вот подлинно научно-материалистическая оценка человека, данная поэтом.

Может быть, самое драгоценное открытие эры материализма состоит в том, что естественно-научное мировоззрение принципиально не способно объяснить человека. Это странное существо ни в коем

¹ Из рассказа Р. Бредбери «Будет ласковый дождь».

случае нельзя считать естественным порождением эволюции, как все другие виды. Человек есть тайна, рационально необъяснимая.

И, наконец, о проблеме высших сил, двигавших развитием жизни на Земле. Обозревая картину эволюции, нарисованную наукой, мы обнаруживаем в ней существенный просчёт. В эволюции действуют не только творческие силы явно мистической природы, о которых так убедительно рассказывает А.С. Берг, но также силы разрушительные, имеющие *ту же природу*. Особенно откровенно последние обнаруживают себя с появлением человека. Человек есть высшее достижение творческих сил, венец творения, предназначенный, очевидно, для каких-то высших целей, коль мы не находим для него целей утилитарных. И он-то подвергается наиболее разрушительным воздействиям.

Мы приходим к выводу, что определённую часть ответственности за деградацию современного человека следует снять с самого человека и перенести на этот духовноразрушительный источник, желающий, по-видимому, сорвать восхождение человека.

Отрицание бытия дьявола как догматическая установка

К счастью своему, человек, кроме рационального мышления, наделён ещё мистическим разумом, который проявляется в способности отдельных, хотя и редких людей проникать в сферы Бытия, абсолютно не проницаемые для эмпирического, рационального знания. На мистическом опыте, мистическом переживании основаны откровения всех великих религий. Они представляют собой облечённые в форму мифа сведения о неких важных событиях или сущностях мирового значения, имеющих принципиальную ценность для человечества или для отдельного народа. Таковы, например, христианское откровение о трёхипостасности Бога, сообщённое самим Христом, о восстании против Бога одного из его высших Ангелов — Люцифера, индусское откровение о реинкарнации души.

Авторитет мировых религий ни в коей степени не поколеблен и не может быть поколеблен никакими научными открытиями, поскольку наука и религия исследуют разные, несовместимые друг с другом пласты Бытия, опираясь при этом на принципиально раз-

ные познавательные способности человека¹. Поэтому расстанемся пока с научной теорией эволюции и посмотрим, какие разъяснения по интересующим нас проблемам даёт одна из авторитетнейших религиозных систем — христианство.

Как уже говорилось ранее, христианское богословие, по крайней мере, в лице православия и католицизма учит, что Бог сотворил человека свободным существом, способным выбирать между добром и злом. Непременным условием нравственного выбора является *искушение*, провоцирующее человека к совершению недолжного поступка. Человек может уступить искушению, а может устоять, и это не теоретическая выдумка, а эмпирический факт, который каждый может проверить на своём личном опыте. Как бы фатально в целом ни развивались события в обществе, каждый человек в отдельности всегда остаётся свободным существом. Это, конечно, парадоксально, но мир человеческий как раз и состоит из парадоксов.

Православная Церковь называет три источника искушений: плоть человека, среду его обитания и... дьявола. Первые два вполне согласуются с естественно-научной концепцией человека, их изучением занимаются специальные науки, например, физиология, социология, генетика. Третий же источник науке не известен, так как не относится к понятию «наблюдаемое». Мы знаем, что человека могут возбуждать тёмные, животные инстинкты, его может провоцировать на дурные поступки неблагоприятная социальная среда. Но что такое «дьявол»? Таинственную силу мистического существа невозможно обнаружить экспериментально, тем более описать математически, как гравитационное или электрическое поле. Между тем этот-то источник Церковь считает главным из трёх. Она понимает, что никакие внешние, организованные действия — социальные преобразования, физическое воспитание, раскрытие в человеке экстраординарных способностей и т.д. — не способны остановить разрушение человека, если люди не осознают реальность дьявольских сил и не умеют с ними бороться. Дьявол будет мутить разум и чувства, возбуждать в людях гордыню, зависть и другие пороки, способные свести к нулю, извратить всякое благое начинание, сделать неэффективной самую разумную социальную систему.

¹ С этой точки зрения, убеждённые материалисты суть люди, духовно ущербные и не видящие своей ущербности. Они лишены даже зачатков мистического чувствования мира. В сущности, это не меньшее её несчастье, чем потеря зрения.

Мысль о существовании злого метафизического интеллекта представляется многим людям раздражающе нелепой. Особенное неприятие вызывает она у современных интеллектуалов, одержимых страстью творческого *самовыражения*, часто не знающей никаких этических ограничений. Ведь в противном случае им пришлось бы подвергнуть радикальной переоценке всё своё творчество, а на это способен далеко не каждый.

Ещё раз отметим, что о существовании тёмных духовных сил люди знали с древних времён, задолго до того, как появились монотеистические религии. Но в языческих культах тёмные силы обожествлялись наравне со светлыми, и это сильно снижало их этический уровень. Одно из величайших достижений христианства состояло в том, что оно разобралось в сложном субстрате духовных воздействий, поступающих из иных миров в человеческие души, и чётко разделило их на два полярных типа. О дьявольских силах постоянно говорит Христос в своих проповедях. Его учение сформулировало основные принципы отделения добра от зла и тем самым способствовало резкому нравственному прогрессу человечества.

Научное мировоззрение отвергло христианский духовный опыт (такие люди, как Пастер, явление не слишком частое в науке), но не смогло своими рациональными средствами решить проблему зла. Поднятый здесь вопрос о дьяволе порождён, прежде всего, фатальной неразрешимостью этой проблемы внерелигиозными средствами. Наука так и не смогла ответить на вопрос, почему зло сопутствует человеку на протяжении всей его истории, являясь во всё новых обличьях, но в этих обличьях всегда оставаясь самим собой — невидимой силой, разрушающей человеческие души.

Идею метафизического источника зла можно было бы считать опровергнутой, если бы естественные науки сумели обнаружить земные корни зла. Мы знаем, однако, что такого открытия или открытий они не сделали, и нет ни малейшей надежды на то, что успеют сделать до конца Света и Второго Пришествия, когда их услуги будут больше не нужны. Умы, создавшие космические ракеты, взвесившие атом, заглянувшие на миллиарды лет в глубины прошлого и на миллиарды световых лет в глубины Космоса, оказались бессильными перед проблемой зла. Всевозможные социальные, экономические, политические и другие рецепты умиротворения человека, освобождение его хотя бы от страшного ига войн и перманентной преступности ока-

зались несостоятельны. Известно, к каким последствиям приводят силовые методы решения проблем зла. Полный крах потерпели надежды на то, что новое знание, открытие новых законов природы, в том числе и человеческой природы, помогут обуздать зло, сведя его к минимально необходимой для развития норме. Сказано было мудрецом древности: знание умножает скорби. Как трудно было поверить в это гордому XX веку! И вот он убедился, что новое знание несёт с собой и новое зло, как правило, более страшное, чем прежде. Но так и должно быть, если источник зла мистичен. Научное познание мира, увеличивающее могущество человека и совершенно неучитывающее его греховную природу, неизбежно подвергается искажающим воздействиям со стороны врага рода человеческого. Наука, отрицающая дьявола и при этом наращивающая свою исследовательскую активность, неизбежно кончит тем, что превратит землю в один из филиалов ада.

Приходится признать, что отрицание бытия дьявола, как и отрицание Бога, есть не что иное, как негативная догматическая установка, имеющая своё основание в чувстве, но никак не в разуме. Я верю, что дьявола нет — и всё тут. Пусть зло пожаром охватит всю планету, погубит миллионы людей, пусть до конца обнаружит свою мистическую сущность — всё равно не поверю в дьявола!

Аргументы в пользу бытия дьявола

Итак, ни одного серьёзного научного аргумента против дьявола мы не имеем. А за? Тут дело обстоит гораздо лучше. Часть из них мы уже приводили. Это были аргументы общего характера. Теперь становится возможным более конкретный разговор.

Начнём с определения сущности феномена, которое даёт ему Иисус Христос, обличая врагов своих: «Ваш отец диавол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего; он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нём истины. Когда он говорит ложь, говорит своё, ибо он лжец и отец лжи» (Инн. 8:44).

Таким образом, вся суть дьявола сводится к тому, что он — человекоубийца по призванию и генератор лжи. В самом широком смысле это означает, что с помощью лжи дьявол убивает людей руками самих же людей. Так был убит Христос, так были убиты миллионы

людей другими миллионами, охваченными ложными страстями или идеями. Так в повседневной жизни, в быту люди медленно убивают друг друга: злобой, завистью, вспышками гнева, обманом, унижением — всем тем, что ложно по самой своей природе.

Нет, человек не является марионеткой дьявола, как тем более не является марионеткой Бога. Он пребывает в постоянном неустойчивом состоянии выбора между добром и злом. И если он не знает Бога, не хранит в душе Его заповедей, то такого человека дьявол может незаметно для него подтолкнуть на путь зла. Именно так понимает взаимоотношения между человеком и дьяволом христианство.

Будучи объективно необнаруживаемой силой (инициатива всегда на его стороне!), дьявол и его потустороннее воинство имеют возможность невидимо управлять человеком изнутри. Они проникают в человеческую личность через ту часть его структуры, которая принадлежит родственным им нефизическим мирам (или миру) — вспомним сравнение человека с линией пересечения разных плоскостей. А поскольку люди в подавляющем большинстве не знают о своей открытости этим мирам и отождествляют себя только с физическим телом, то воспринимают дьявольские инспирации как собственные желания или мысли. Как о том и говорит Игнатий Брянчанинов...

Православный духовный опыт обнаруживает два канала проникновения дьявольских внушений: интеллектуальный и эмоциональный. К интеллектуальным искушениям (церковь называет словом «прелесть») склонны люди рационально-рассудочного типа мышления. Это они создавали, возводя в ранг окончательной истины, различные рационалистические модели мира и человека, социальные утопии, революционные теории, «великие учения» и прочие интеллектуальные водородные бомбы, которые произвели самые большие разрушения на земле. Назовём только две из них, чья мистическая природа не оставляет сомнений, — коммунистический тоталитаризм и германский национал-социализм. Мистика последнего глубоко исследована в блестящем труде Луи Повеля и Жака Бержье «Утро магов», о мистике коммунизма рассказывает «Роза мира» Даниила Андреева. О ней разговор впереди.

Когда видишь, сколько несчастий принесли миру эти химерические создания самонадеянных человеческих умов, начинаешь понимать Мартина Лютера, проклявшего разум. У человечества накопилось достаточно отрицательного опыта, чтобы на его основе можно

было попытаться вывести универсальную «формулу прелести» для всякого рода «великих деятелей», которая позволила бы безошибочно угадывать среди них марионеток дьявола. Вот эта формула:

Если вдруг, словно бы на пустом месте, появляется новый гений, начертивший самый правильный чертеж мироздания, нашедший единственно правильную цель или социальный идеал для *всего* человечества без различия духовных типов, культур, рас, индивидуальностей, и если при этом он равнодушен к религиозным откровениям, решительно отрицает мистику и потусторонние тёмные силы и лишён поэтического видения мира, знайте — перед вами наверняка очередная жертва дьявольских инспираций. Ибо ничего, кроме очередной всемирной свары, из его затеи не получится. Обыкновенно такие люди лишены сомнений и обладают неукротимой энергией.

Искушения эмоциональные проявляются в виде вспышек беспричинной злобы, агрессивности, в виде иррациональной жажды насилия и крови. Предельная степень поработённости человека дьявольскими силами — состояния одержимости. Одержимы сексуальные маньяки, садисты, параноики, патологические убийцы, люди, страдающие комплексом саморазрушения (из последних дьявол вербует революционеров-террористов, готовых пожертвовать своей жизнью); особо отвратительные формы полового извращения — весь этот смрад человеческой души, вину за который естественно-научное мышление безуспешно пытается целиком взвалить на животных предков человека. Но где в животном мире можно встретить те иррациональные мерзости и иррациональную жестокость, на которые способен человек? Не довольно ли наговаривать на наших братьев меньших?

Два названных типа искушений имеют универсальный, общечеловеческий характер. Им подвергались и подвергаются миллионы людей — разница в отдельных случаях лишь в степени вреда, который они причинили, так что бытие дьявола и его воинства можно принять хотя бы как эмпирическое обобщение.

Дьявол — обычный персонаж Ветхого Завета, о нём много говорится в Евангелии. Защите от него посвящены некоторые молитвы,

например, православная «Да воскреснет Бог...» Убедительное свидетельство существования дьявола приводит нам Евангелие в сцене искушения Христа в пустыне. Свидетелей этого события не было и не могло быть. Ясно, что апостолы узнали о нём от самого Христа, и это придаёт ему характер высокой достоверности. Читая евангельский текст, почти физически ощущаешь, как в душу Спасителю из inferнальных глубин проникает соблазнительнейшие, опаснейшие идеи — с таким знанием человеческой психологии они сформулированы, на такую долгую перспективу рассчитаны! Обыденным состоянием сомнения этот эпизод объяснить невозможно. Великие учителя человечества выходили к людям с готовым учением, ничего не рассказывая им о том, в каких духовных трудах и сомнениях оно рождалось. Зачем?

Но совсем иное дело, если Христос хотел предупредить своих учеников о том, что искушения хлебом, властью и чудом будут всегда угрожать роду человеческому, поскольку исходят от самого дьявола.

Так оно и оказалось. Два тысячелетия спустя дьявол подобрал ключи к душам двух великих христорборцев — Ницше и Маркса, и уже в следующем столетии сначала гражданская война в России и сталинизм, затем Вторая мировая война и гитлеризм показали, какая чудовищная разрушительная сила заключалась в советах «умного духа». В сцене искушения Христа мы, несомненно, имеем дело с проявлением сверхчеловеческого интеллекта, антилога, пытавшегося заложить бомбу под грядущую цивилизацию.

Л. Гумилёв совершил крупное научное открытие, сформулировав понятие этнической *химеры*. Химера возникает, если в какой-то большой, жизнеспособный этнос вторгается глубоко чуждая ему этническая целостность.

«... она, не находя для себя экологической ниши, вынуждена жить не за счёт ландшафта, а за счёт его обитателей. Это не просто соседство и симбиоз, а химера, то есть сочетание в одной целостности двух разных, несовместимых систем. В зоологии химерными конструкциями называются совмещение животного с глистом в кишечнике. Животное может существовать без паразита, тот без хозяина погибает. Но, живя в его теле, паразит соучаствует в его жизненном цикле, диктуя повышенную потребность в питании и изменяя биологию организма».

Химеры, показывает Гумилёв, изобилуют людьми с негативным мироощущением, которое, умножаясь, порождает губительный соци-

альный фантом — антисистему. Поражают вскрытые Гумилёвым масштабы этого феномена. Антисистемы возникали постоянно на протяжении всей человеческой истории. Они давно погубили бы человеческий род, утверждает учёный, если бы им не противодействовали культуротворческие процессы, порождаемые некими космическими импульсами.

В высшей степени любопытен заключительный вывод автора о природе антисистем, сделанный им в полушутливой форме, скрывающей, однако, вполне серьёзную мысль:

«Мы, люди XX века, знаем, что чёрта нет. И всё же, когда окинешь взглядом историю антисистем, — становится жутко. Это концепции-вампиры, обладающие свойством оборотней и устремлённостью поистине дьявольской. Ни могучий интеллект, ни железная воля, ни чистая совесть людей не могут противостоять этим фантомам. Там, где слагается этническая химера — наложение полей разного ритма — появляются антисистемы. А так как за время существования человечества на земле все этносы давно вступили между собой в контакты, то, казалось бы, антисистемы должны были вытеснить этносы, заменить их собой... а ведь ничего подобного не произошло. Значит, в мире есть какой-то могучий импульс, противодействующий распространению антисистем и, возможно, очищающий лик земли».

Вряд ли кто-нибудь из современных учёных-естественников подходил так близко к красным флажкам, отделяющим науку от мистики!

...Человеческая история полна трагических загадок, которым до сих пор не найдено удовлетворительного научного объяснения. Почему всё-таки человек способен иногда проявлять жестокость поистине дьявольскую? Как, например, логически объяснить личности Калигулы, Нерона, Гитлера, Сталина, Ленина и т.п.? Пираты Индийского океана развлекались тем, что нагружали доверху лодки конечностями, отрубленными у жителей туземных деревень. Мы знаем вспышки массового безумия, не имеющего видимых причин, жестокие немотивированные убийства. В современных телепередачах на юридические темы стал появляться убийца, ранее неизвестный криминальной науке, — молодой, нормального вида симпатичный человек совсем не из уголовного мира, совершивший жестокое убийство под влиянием внезапного помутнения разума и глубоко потрясённый случившимся.

Что может сказать по этому поводу наука? Удовлетворяют ли нас открытия А. Чижевского о влиянии солнечных вспышек и излучений на поведение живых организмов? Удовлетворяют ли изыскания З. Фрейда, его теория конфликта сознательного с бессознательным?

Невозможно отрицать выдающиеся достижения гелиобиологии, психоанализа, молекулярной генетики и других специальных наук, имеющих отношение к проблеме человека. Но по-прежнему остаётся открытым вопрос, с древних времён занимающий умы философов: почему из всех живых существ только человек не имеет меры в проявлении разрушительных инстинктов? Почему, например, у собак, гораздо ближе находящихся к царству инстинктов, мы не наблюдаем немотивированной иррациональной жестокости (как, впрочем, и высокой любви)? Почему все дети так очаровательно милы, но в одних и тех же условиях из одного вырастает добрый человек, из другого — хищник, а из третьего — сущий дьявол в человеческом образе? Да, под влиянием каких-то возбуждающих импульсов дикие слоны могут устраивать вроде бы бессмысленные побоища, киты выбрасываются на берег, стаи чёрных каспийских бакланов уничтожают целые косяки рыб, но почему именно на человека с наибольшей силой обрушиваются таинственные разрушительные воздействия?

В биологической революции имеется своя логика. В каждом новом, более совершенном виде живых существ отсекаются многие прежние поведенческие программы и инстинкты, что, очевидно, обусловлено требованиями биогеоценоза. Поэтому мы не встречаем в природе зайцев с агрессивностью их эволюционных предшественников — рептилий, хотя это качество очень пригодилось бы им для выживания. В природе всё устроено очень разумно. Закономерно допустить, что и в человеке должна быть соблюдена логика эволюционного восхождения, но она не соблюдается. Человек — это действительно венец творения, но поскольку он имеет какое-то высшее назначение в биосфере, то именно поэтому и подвергается постоянным атакам со стороны разрушительных сил, изначально враждебных жизни. Человек — это не просто высшее животное, в котором арифметически просуммированы все этапы биологической эволюции. Древние инстинкты могут быть в нём сильно заглушены, а могут вспыхивать ярким пламенем, как костёр, в который плеснули бензина. Крохотная «поправка» в наборе хромосом — и человек рождается с врождённым комплексом саморазрушения и садистом. Сама собой

напрашивается мысль, что высокоинтеллектуальные тёмные силы, контролирующие человечество, пользуясь чрезвычайной, превосходящей возможности науки, сложностью механизмов наследственности и самой психики человека, могут влиять на ход истории, этнических процессов, оставаясь практически неуловимыми. Дьявола невозможно «схватить за руку», он вырисовывается в смутных очертаниях на фоне протяжённых во времени исторических процессов. И чем более фатальный характер они принимают, тем более очевидным становится его присутствие.

Тема дьявола очень коварна, подходить к ней нужно с большой осторожностью. В спектре знаний о мире её можно уподобить ядовитому веществу в сложном лекарственном составе. Без него знание значительно утрачивает свою целительную силу, но его переизбыток может сделать ядовитым всё лекарство. Правильный подход состоит не в том, чтобы решительно все дурные поступки людей объяснять кознями дьявола, ибо это гибельный путь, а в том, прежде всего, чтобы разгадывать дьявольскую стратегию в социальных процессах и находить духовные, социальные, политические и другие средства борьбы с ней.

...На протяжении тысячелетий люди успешно использовали в практических целях силу земного тяготения, не задумываясь над тем, что это такое, просто зная, что она существует. Легендарное яблоко, упавшее на голову Исаака Ньютона, вызвало в ней вспышку озарения, и он сделал эмпирическое обобщение, вошедшее в науку под названием «закона всемирного тяготения». Мы до сих пор не знаем глубинной природы тяготения или инерции (как, впрочем, и многих других физических явлений), но не сомневаемся в их существовании и отлично знакомы с их свойствами. Человек не будет без крайней необходимости перебегать дорогу перед несущимся троллейбусом, он обойдёт стороной глыбу льда, свисающую с крыши дома. Так почему же люди, считающие себя умными и образованными, никак не желают понять, что постоянными всплесками в истории откровенно-бессмысленного, иррационально-жестокоего зла, убивающего в людях веру в высшую благу Первооснову мира, о себе заявляет загадочная сверхчеловеческая, сверхъестественная воля? Почему они упрямо изобретают всё новые объяснения каждому новому губительному всплеску зла — как бы попадают бесщётное число раз под разные виды транспорта? Почему, наконец, не желают принимать

всерьёз духовный опыт христианских подвижников, людей кристальной душевной чистоты и ясного ума, которые свидетельствуют о бытии сверхразумных, иррациональных существ из иных миров, изначально враждебных по отношению к человеку и Богу?

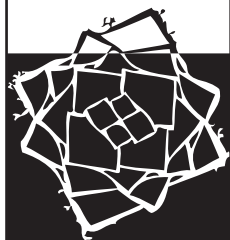
Может быть, из-за недостатка настоящего ума и наблюдательности, а может быть, потому, что ум их запрограммирован этими существами как раз на то, чтобы отрицать их и давать им возможность действовать без помех.

Духовная слепота современного внехристианского сознания достигла парадоксальной фазы, когда потусторонние существа имеют возможность вступать в открытые контакты с отдельными людьми, не рискуя быть ими опознанными. Как, наверное, догадался читатель, речь идёт о так называемых АЯ (аномальных явлениях), давно уже ставших привычным элементом нашей громокипящей, сюрреалистической действительности. Поскольку тема эта обширна и достаточно важна для понимания опасности духовной слепоты, объявшей миллионы современных людей, необходимо посвятить ей отдельную главу.

Стремительны психологические сдвиги в наше время! Сейчас практически уже не стоит вопрос о том, признавать АЯ или нет. При нынешнем изобилии материалов об АЯ отрицать их реальность могут только крайне предубеждённые люди, не желающие даже знакомиться с этими материалами. Вопрос сейчас стоит об оценке масштабов АЯ и их мировоззренческом смысле. У нас имеется достаточно информации, чтобы попытаться решить его...

Глава 3

СКОЛЬКО У ДЬЯВОЛА ЛИЧИН?

Общие сведения о мире духов

В предыдущей главе уже говорилось, что человечество религиозных эпох — а они составляли 95% всей истории — накопило огромный и разнообразный опыт контактов с потусторонними существами. Говорилось и о том, что весь этот опыт был совершенно безосновательно отвергнут наукой и философией нового времени. Главная причина этого легкомыслия кроется, по-видимому, в некоторых свойствах «левополушарного», рационального мышления. Оно оказалось совершенно неспособным понять, что мир нельзя считать сугубо пассивным объектом, всегда готовым уступить настойчивому человеческому дерзанию (первая заповедь материалиста — мир бесконечно познаваем, познание он уподобляет передвижению по местности: с помощью соответствующей техники можно одолеть любые пространства).

Есть в мире явления, области, сущности, по отношению к которым познающий субъект сам становится пассивным объектом —

в том именно смысле, что одного дерзания и одной только хитроумной техники для познания этих явлений, областей, сущностей недостаточно. Именно таковы взаимоотношения между человечеством и потусторонними мирами, между человечеством и Богом. Есть люди, которым потусторонняя реальность может по тем или иным причинам иногда открываться, и вовсе не обязательно это должны быть люди с отклонениями в психике, как полагают материалисты. Много среди них ясных, сильных и трезвых умов. А есть люди, для которых, по причинам опять же непонятным, эта реальность наглухо закрыта и как бы не существует. Такие люди и становятся материалистами.

Так ещё в глубокой древности возникло эзотерическое, то есть предназначенное только для посвящённых, знание, изучавшее своими специфическими методами потустороннюю реальность и её связь с нашим физическим миром. По мнению исследователей оккультного знания из числа материалистов, оно всё насквозь фантастично и ложно. Это, конечно, крайность. В действительности оно было отчасти основано на подлинном духовном опыте, свидетельствующем о существовании потусторонней реальности.

В середине XIX века в США получил распространение *спиритизм*, смутивший тогдашнюю, ещё молодую, самоуверенную техническую цивилизацию ошеломляющей новизной своих исследований. На спиритических сеансах особо подготовленные люди — медиумы — вызывали духов умерших! На самом деле ничего нового в этих опытах не было. Спиритизм возник на основе древнего оккультного знания, неизвестного духовно невежественной молодой американской цивилизации. Новое увлечение быстро охватило всю Америку и перекинулось на Европу, где встретило непримиримых оппонентов в лице науки и церкви. Церковь осуждала спиритизм с помощью авторитета Библии, где ясно сказано, что чародеи, волхвы, вызыватели духов мерзки перед Господом. Наука сочла спиритические сеансы чистой воды фокусами, поскольку они не укладывались в тогдашнюю ньютоновскую модель мира.

Наука конца XX века, значительно помудревшая, высокоинтеллектуальная, утратившая идеологическую непримиримость своей юности, уже признаёт в лице наиболее смелых своих представителей, что спиритические сеансы, если они проводятся серьёзными и честными людьми, а не шарлатанами, которые есть и в науке, вполне заслу-

живают доверия, как опыты контактов с какими-то неизвестными силами Космоса. Христианские церкви по-прежнему тверды в своём убеждении, что медиумы во время спиритических сеансов общаются не с духами умерших, а с низшими существами потусторонних миров — бесами, умеющими принимать любой облик.

Так или иначе, но в обоих случаях нам дорог сам факт признания потусторонних миров, неописываемых физической моделью Вселенной. Он даёт нам право на заключение, что контакты с иносуществами есть явление мировой истории, охватывающее все времена и все народы, но имеющее разные формы выражения. Если кому-то угодно по-прежнему отрицать его, тем для него хуже. Умственная ограниченность способна порождать только идеологии, профанирующие реальный, бесконечно сложный и загадочный мир.

Что же говорит издавна существовавший у всех народов опыт общения человека с потусторонними силами? Если собрать воедино то общее и сущностное, что сообщают различные источники, отбросив частное и второстепенное, то получается приблизительно следующая картина.

Потусторонняя реальность иррациональна. Наша человеческая логика на неё не распространяется. Может быть, отсюда странности техники вызова духов, которые кому-то могут показаться нелепыми и смешными. Существует много забавных способов войти в контакт с домовым.

Потусторонняя реальность биполярна. Существа, в ней обитающие, бывают двух родов — тёмные и светлые. Внутри родов они составляют целые иерархии, разнящиеся между собой степенью недружелюбия к человеку (тёмные) или степенью совершенства и могущества (светлые). Тёмные могут быть изначально злы, жестоко-свирепы, могут быть умеренно злы, а могут быть иронично-добродушны, проказливы. Светлые всегда добры и сочувственно-серьёзны по отношению к человеку. И те, и другие обладают сверхъестественными, недостижимыми с помощью законов физического мира, возможностями.

Из православного духовного опыта можно заключить, что тёмные существа (бесы) являются людям несравненно чаще, чем светлые (ангелы). Бесы не слишком щепетильны в выборе «контактёров», объектами их интересов могут быть и святые, которых они искушают, и самые обыкновенные люди, которых они любят иногда просто погугать,

не причиняя, впрочем, особого вреда. Ангелы, напротив, чрезвычайно разборчивы. Они вступают в общение только с редкими людьми — святыми, подвижниками, иногда с маленькими детьми — и никогда «просто так», но с целью сделать какое-то важное сообщение или наделить человека какими-то необычайными способностями. Создаётся впечатление, что нравственно увечные люди вызывают у них непреодолимое отвращение, как у нас — мерзкие насекомые. Общение с ангелами всегда вызывает чувство огромной, ни с чем не сравнимой радости, о чём свидетельствуют все святые подвижники, которым приходилось их лицезреть. Христианский духовный опыт не знает ни одного исключения из этого правила. Не наблюдалось ещё, чтобы небесные чины куражились над людьми, смущали их бессмысленными фокусами или нелепыми речениями, как это делают бесы. Вот что пишет по этому поводу Игнатий Брянчанинов:

«Явление святых духов не производит смущения в душе. Не возопиет бо святой ангел, ниже ослабит, ниже услышится глас его. Он столько приятен, столько благ, что от зренья его является душе веселие, радость, восторг... Напротив того, нашествие и привидение злых духов сопровождается шумом, звуками и криком, подобным тому, который производят неблаговоспитанные юноши и разбойники».

Светлые существа, как правило, антропоморфны. Часто они являются в виде людей необыкновенной красоты и благородства. Это существа материальные, но состоящие из какой-то иной, не физической материи, очень тонкой. Тёмные предстают перед человеком во множестве малоприятных, часто устрашающих обликов. Встречи с некоторыми из них опасны в духовном плане. Частые контакты со злыми духами могут привести к глубокой душевной депрессии, к одержимости, умопомешательству, самоубийству. «От присутствия их является душе страх, в мыслях — смущение и недоумение, тоска, отвращение от подвига, лень, уныние, нравственное расстройство...».

Таковы в общих чертах сведения о потусторонних мирах и их обитателях, собранные за много тысячелетий кропотливым духовным трудом всех народов земли, всех религий и культов. Их ценность не подлежит сомнению. Никакое научное дерзание, никакой единственный мистический опыт не могут быть столь авторитетны, как соборный духовный опыт всего человечества.

Научно-философский материализм последних двух веков фактически лишил человеческий разум стереоскопического видения мира,

которое невозможно без видения потусторонней, внефизической реальности или хотя бы осознания, что она существует. Речь, разумеется, идёт не обо всём населении планеты, но о тех странах и тех группах людей, где по тем или иным причинам он имел наибольший успех. Этот серьёзный мировоззренческий дефект сделал их психологически совершенно неподготовленными к так называемым «аномальным явлениям», которые буквально обрушились на человечество во второй половине XX века. Потребовалось время, чтобы их вообще заметили, и ещё время, чтобы наиболее смелые из учёных сообразили, что эти явления не укладываются в научную картину мира. Этот драматический сюжет хорошо известен тем, кто проявлял специальный интерес к проблеме АЯ. С различными вариациями он разыгрался во многих странах мира, но, пожалуй, наибольшего драматизма он достиг в СССР, где публикации об АЯ долгие годы были вообще запрещены цензурой.

Рассмотрим этот захватывающий сюжет в развитии.

Миф об инопланетянах

Первые сообщения о таинственных «летающих тарелках» появились в западной печати (в Европе и США) в 50-е годы нашего столетия и были дружно отвергнуты научным миром как заведомая чепуха. В них увидели лишь приметку времени — фольклор «космической эры», родившийся на основе явлений вполне естественного, земного порядка. Дальнейшие публикации, сделанные со слов очевидцев, содержащие описания внешности «инопланетян», их удивительной техники, попыток общения с людьми и даже умыкания (в экспериментальных якобы целях) отдельных людей, казалось бы, подтверждали пророчества научной фантастики о «братьях по разуму». Однако основной части научного мира эти публикации не только не прибавили энтузиазма, но настроили к ним враждебно.

Нет, учёные не отрицали возможности инопланетных цивилизаций. Как раз наоборот, такая возможность считалась более чем вероятной в рамках естественно-научной картины мира. Неприятие НЛО было вызвано причинами вполне обоснованными. Экипажи предполагаемых инопланетных кораблей *никогда и нигде* не вступали в официальные контакты с земными авторитетами, предпочитая

появляться перед самыми заурядными людьми, всегда неожиданно, застигая их врасплох, ошеломляя чудесами и так же неожиданно исчезая, не пожелав оставить сколько-нибудь убедительных материальных доказательств своего визита. Основным источником информации о таких встречах стали рассказы потрясённых до глубины души очевидцев, иллюстрируемые в крайне редких случаях фото или кинокадрами сомнительного качества.

Приходившая таким образом информация работала отнюдь не в пользу инопланетной версии НЛО. Технические возможности инопланетян, принадлежавших, судя по антуражу, к технологической цивилизации, решительно противоречили фундаментальным законам природы, а их поведение не укладывалось ни в какую логику, было просто абсурдным. Многотонные громады развивали теоретически невозможные в земной атмосфере (и под водой) космические скорости, они делали на полном ходу резкие повороты, бесшумно зависали в воздухе, возникали из ничего и дематериализовывались на глазах у зрителей и т.д. Ещё более шокировало поведение экипажей. Они вступали в контакты с людьми без всяких серьёзных причин, без какого-либо общего плана и смысла. Вот ставшие классическими сюжеты. НЛО садится в поле или у дороги, разыгрывает вполне бессмысленную сценку с собиранием палок, камней или ремонтом якобы повреждённой машины и внезапно улетает... «НЛОнавты» предлагают землянину или землянке, человеку, как правило, самому заурядному, покататься на космическом чудовище... Посетитель обнаруживает внутри сценку из научно-фантастического романа: за разноцветным кнопочным пультом сидит торжественно-молчаливый пилот в красивом скафандре... «НЛОнавт» входит в прямой контакт с человеком — вылечивает ему зуб или сломанную руку и молча исчезает. Или более распространённый вариант: НЛО нагоняет на людей ужас, тоску. Сюжетов много, они известны сейчас широкому читателю по многочисленным публикациям в периодике и специальной литературе.

К началу шестидесятых годов вокруг проблемы НЛО создалась комическая, в сущности, ситуация. Уже действовал международный научный центр по изучению возможности радиосвязи с внеземными цивилизациями, созывались представительные симпозиумы, сверхчувствительные радиотелескопы обшаривали звёздные миры в поисках сигналов от «братьев по разуму», и уже неугомонный советский

астрофизик И.С. Шкловский выступил на международном конгрессе с экстравагантной гипотезой об уникальности жизни во Вселенной, отрёкшись от своей прежней веры во множественность обитаемых планет. А в это самое время в разных частях планеты «НЛОнавты» морочили головы тысячам людей, демонстрируя неистощимую изобретательность. Они показывали десятки самых разнообразных конструкций кораблей, типов «гуманоидов», всевозможные, всё более фантастические трюки и при этом... решительно не желали вступать в торжественно-официальный контакт с планетой Земля, многократно описанный в научной фантастике. К этому времени было сделано любопытное наблюдение: среди сотен тысяч людей разных профессий и возрастов, избранных «НЛОнавтами» для прямых контактов, не оказалось ни одного известного учёного и ни одного духовного лица. Словно бы пародируя Христа, «космические боги» оказывали предпочтение самому простому люду, очень часто — детям, только, в отличие от Спасителя, речи их были темны и невняты, а последствия этих контактов оказывались иногда печальными; не меньше, впрочем, было и случаев, когда контакты не причиняли вреда людям и таким образом превращали их в сторонников и пропагандистов идеи «высшего разума», наблюдающего за человечеством.

Пока учёные отмалчивались или вяло спорили с защитниками инопланетной версии НЛО, «инопланетяне» наращивали свою активность. Всё чаще стали появляться сообщения об исчезновении людей, о таинственных «зонах» на земле, в которых творятся всякие чудеса. Посещающим их отважным «сталкерам» являются там видения, они слышат голоса из космоса, в телепатических контактах отдельные счастливые избранники из землян ведут диалоги с «инопланетянами». Число контактёров быстро росло. Некоторые из них наделялись свыше даром прорицать катастрофические события. Иные предсказания сбывались, иные нет.

Обстоятельную картину всей этой фантасмогории рисует Джон Киль в своей широко известной книге «НЛО: операция "Троянский конь"». Мнение Киль тем интереснее, что он учёный, человек аналитического склада мышления; до знакомства с проблемой, по собственному признанию, отрицал существование НЛО, к религиозному опыту относился скептически.

Киль приходит к выводу: НЛО и подобные им «аномальные явления» действительно существуют, однако это не проявление

деятельности инопланетных цивилизаций, обитающих в нашей Галактике. Это гости из миров иных измерений, их поведение иррационально, они состоят из какой-то совершенно иной, не физической материи.

В самом деле, зададимся вопросом: как должна вести себя высоко развитая цивилизация по отношению к стоящей гораздо ниже её по развитию? Фантасты давно ответили на него в своих произведениях. Она либо совершает акт агрессии («Война миров» Г.Уэлса), либо ведёт наблюдение, не выдавая себя и оказывая некоторую дозированную помощь («Трудно быть богом» А. и Б. Стругацких), либо торжественно вступает в контакт с младшими братьями по разуму, протягивая им руку помощи. И уж, конечно, она уважает фундаментальные законы природы: закон сохранения энергии, закон энтропии, закон инерции, мировые физические константы, нарушение которых в наблюдаемой Вселенной пока не обнаружено, поскольку они поддерживают неизвестное отношение между порядком и беспорядком и не дают ей стать хаосом.

«НЛОнавты» отвергли все три вполне логичные модели поведения и продемонстрировали четвёртую, абсурдную, не учтённую фантастами, а над законами природы прямо-таки поглумились. Их игры с простодушными землянами удивительно напоминают проделки воландовской компании. Вспомним, к примеру, полёт невидимой Маргариты верхом на метле, телепортацию Стёпы Лиходеева из Москвы в Ялту, фокусы Бегемота. Всё это в иных модификациях и кое-что похлеще показывали «пришельцы» толпам людей.

В сущности, они поставили нас перед выбором: либо признать, что наука наговорила массу глупостей о Вселенной, либо согласиться с тем, что «пришельцы» явились к нам из потусторонних миров со своими собственными законами, которым физические законы нашей вселенной — не указ. Выбор, согласимся, нелёгкий. К науке большинство людей относится серьёзно, а вот к нечистой силе, к сожалению, нет. Сколько бы она ни вертелась на языке современного человека, он не поверит в объективность её существования, как верит в объективные законы природы.

Тут-то и становится понятной психологическая стратегия «пришельцев», их странный интерес к простому люду, к дилетантам от науки и уклонение от контактов с профессионалами. Последних сбить с позиции невозможно. Они слишком хорошо знают цену за

конам природы. Они умрут, но не поверят, что законы природы (а верующие учёные почтительно называют их «законами творения») могут позволить многотонным кораблям перемещаться со скоростями, превышающими скорость света, материализовать и дематериализовать их и т.д. Их ответ бескомпромиссен: таинственные фокусники суть кто угодно, только не наши соседи по Галактике, где действуют точно такие же физические законы, как и у нас.

А вот дилетант однозначно совершит выбор в пользу «братьев», тем более, что ни в Христа, ни в Аллаха не верит, а кому-то поклоняться надо. Нужно только как следует ошеломить его бесчисленными видами космических аппаратов, «гуманоидов», металлическими голосами, плазмомётами, красивыми скафандрами и прочей бутафорией, возможно, позаимствованной из земных фантастических романов. Дилетанту с его деформированным материализмом сознанием психологически легче поверить в существование сверхразвитых галактических цивилизаций, «которым всё позволено», чем допустить реальность запредельных миров. Материализм настолько высушил ему душу, что полностью заглушил в ней древний, Богом данный, человеку дар мистического чувствования мира. Научная же фантастика и научно-популярная литература давно стёрли в его сознании границу между возможным и невозможным, которая в реальной, нефантастической Вселенной, по-видимому, всё-таки существует. Объект для бесовских опытов получился идеальный, что и показали дальнейшие события. Активизация НЛО, всё более открытые и фантастические формы их проявления вызывали соответственно рост публикаций, фильмов, телепередач о них. Результат не замедлил сказаться. Буквально на наших глазах, за какие-нибудь два-три десятилетия сформировалась, завладев умами, некая интернациональная квази-религия. Умами, разумеется, атеистическими. Как и положено религии, основана она на откровении и чуде. Первые годы в основном шли чудеса, потом через своих избранников — «контактёров» — гости стали мало-помалу излагать само «учение».

Оно эклектично, состоит из серии подмен и рассчитано на духовно неразвитых людей, обладающих, однако, интеллектом. Бытие в нём ограничено нашим физическим миром, роль Бога выполняет посюсторонний «космический разум», борьба дьявола с Богом профанирована до борьбы между «фашистскими» и «гуманными» цивилизациями, разделившимися по неизвестному нам принципу. Иисус

Христос — инопланетянин. Мистический источник зла, разумеется, отсутствует, всё зло — только в самом человеке. За человечеством ведётся пристальное наблюдение. Неоднократно вещалось по телепатическим каналам, что если, де, мы, люди, не перестанем безобразничать на земле, то в самое ближайшее время наши высокие наблюдатели учинят нам Страшный суд. Одновременно сообщается, что мы — результат некоего космического эксперимента, судьбы всех людей от рождения до смерти запрограммированы. За что же тогда карать запрограммированных, лишённых свободного выбора, несчастных существ?

«Они показывали, как могут влиять на головной мозг человека, управлять его мыслями... доказали: наша цивилизация — продукт их вмешательства, которое ставит целью не поработить цивилизацию Земли, а решить проблемы существования других цивилизаций, во имя чего, собственно, и была "оживлена" Земля... Им отвечали, что существует программа спасения Земли и что они были рассчитаны задолго до своего рождения методом генного программирования, как, впрочем, и многие другие люди, которых они не знают».

Подобные сообщения получали многие «контактёры» — и якобы с планет Солнечной системы и с планет других звёздных систем. Их названия и имена «инопланетян», как правило, цветисто-безвкусны, как в скверных научно-фантастических романах: Ядивод, Ашотбус, Эзодюс, Игакидц и т.п. (см. творение «Двух Ирин»). Скорее всего, большая часть этих сообщений есть плод воображения самих «контактёров» (учтём высокий процент психически неуравновешенных и просто больных людей в этой среде). Но имеются, без сомнения, и факты подлинно духовного опыта, когда «контактёры» действительно получали информацию от потустороннего источника.

Приходится констатировать, что миф об инопланетянах, создаваемый самими «инопланетянами» и их духовно развитыми «апостолами», вторичен по существу. Он наивен, безвкусен, путан, материалистичен, говоря одним словом — бездарен и вполне соответствует уровню развития потребителя современной массовой культуры.

И вот парадокс: в этой стряпне, в этих бесконечных эффектных инсценировках с участием «высших существ» есть, оказывается, определённая логика, которую уже обнаружили проницательные люди.

Маска, кто вы?

Обратимся к книге современного православного монаха, безвременно почившего о. Серафима (Роуза)¹ «Православие и религия будущего». Проблему НЛО, полтергейста и других «аномальных явлений» о. Серафим считает настолько серьёзной для человечества, что отводит ей в книге отдельную главу. Свою концепцию АЯ он строит на обширном, заслуживающем доверия материале, собранном к тому времени западными уфологами. Она, естественно, выражает точку зрения православного христианина на «аномальные явления».

Сначала послушаем исследователей АЯ, процитированных в книге о. Серафима, — известных на западе учёных, чей моральный и научный авторитет не вызывает у автора сомнений.

Доктор Жак Валле² в своей последней книге «Невидимый колледж» рассказывает о том, что думают известные учёные-исследователи.

Он считает, что мы уже «вплотную приблизились к пониманию этого явления». Он отмечает, что идея о внеземной разумной жизни стала за последние годы удивительно модной и в равной степени среди учёных и среди гадалок, и это результат «великой жажды контакта с высшими формами разума, которые могут указать путь нашей несчастной, замученной, тяжело больной планете». Знаменательно, что он видит, как мысль о гостях из космоса стала «великим мифом» или чудесной неправдой нашего времени. Тем не менее, он считает веру в этот миф слишком наивной: «Это объяснение слишком простодушно

¹ Интересна жизнь этого человека (1934—1982). Родился в США, в типичной американской семье, крестился подростком в методистской церкви. После окончания колледжа был зачислен в Американскую академию азиатских наук, где изучал индуизм, буддизм, иудаизм, суфизм, йогу. Был высокообразованным человеком, учёным. Древние тексты читал в подлинниках. Потом познакомился с православной духовной литературой и перешёл в православную веру, которой беззаветно служил всю оставшуюся жизнь. Совершенно свободно говорил по-русски. Основал в Северной Калифорнии православный монастырь и пребывал в нём в постоянных трудах до своей кончины. Внешне был неотличимо русским православным монахом.

² Французский учёный, живущий в Калифорнии, имеет высокие научные степени в области астрофизики и кибернетики, много лет был связан с научным анализом сообщений об НЛО. «Его свидетельство для нас особенно ценно потому, — говорит Роуз, — что он пристально изучал встречи с НЛО вне США, особенно во Франции, и, таким образом, может дать объективную интернациональную картину распространения этого явления».

и недостаточно для объяснения разнообразного поведения НЛО-навтов и их общения с людьми»... Доктор Валле считает, что «они сконструированы одновременно и как физические экипажи (этот факт давно казался мне не вызывающим сомнений), и как *психические* устройства, точные свойства которых ещё предстоит определить. Собственно говоря, теория, утверждающая, что НЛО — вовсе не физические экипажи, а некая разновидность парафизических или психических явлений, выдвигалась некоторыми учёными ещё в начале 50-х годов, но это мнение позднее было опровергнуто, с одной стороны, приверженцами культов, настаивавшими на внеземном происхождении НЛО, а с другой стороны, официальными объяснениями правительственных органов, поддерживающими широко распространённое мнение, что эти явления — плод воображения зрителей. И только недавно серьёзные исследователи стали соглашаться с тем, что НЛО, хотя и имеют некоторые физические характеристики, всё же не могут быть чьими-то космическими кораблями, но явно принадлежат к области парафизических или оккультных явлений... Доктор Валле не без основания задаёт вопрос, не служит ли идея “гостей из космоса” для прикрытия и маскировки реальной, бесконечно более сложной природы технологии, которая дала повод для наблюдений?» Он утверждает, что «мы имеем дело не с идущими одна за другой волнами нашествия из космоса. Мы имеем дело с системой управления. То, что происходит при контактах с НЛО, можно назвать управлением человеческими верованиями... С каждой новой волной НЛО их влияние на общество становится всё значительнее. Всё большая часть молодых людей увлекается космосом, психическими феноменами, новыми областями сознания. Появляется всё больше книг, изменяющих нашу цивилизацию». В другой книге он замечает, что «вполне можно заставить большую часть общества поверить в существование сверхъестественных рас, в реальность летающих машин, в многочисленность обитающих миров, разыграв перед ними несколько тщательно разработанных сцен, отдельные детали которых приносивлены к культуре и суевериям данного времени и места». (Ж. Валле. Пропуск в Магонию. Чикаго, 1969 г.). Один исследователь, Бред Стайгер, преподаватель колледжа в штате Айова, написавший несколько книг на эту тему, после недавнего тщательного изучения картотеки «Синей книги» военно-воздушных сил пришёл к такому выводу: «Перед нами многомерное парафизическое явление»

ние, которое в значительной степени принадлежит планете Земля...» Джон Киль, начавший исследования НЛО с позиции скептицизма и убеждённый, неверующий агностик, пишет: «Настоящая история НЛО — это история о духах и привидениях, о странных умственных расстройствах, о невидимом мире, который окружает нас и временами врывается в наш мир... Это мир иллюзорности..., где сама реальность искажена неведомыми силами, которые, очевидно, могут управлять пространством, временем и физической материей — силами, которые почти полностью недоступны нашему пониманию... в общем и целом, свойства и характеристики их представляют собой мелкие вариации известных многие века феноменов демонологии». (Дж. Киль. НЛО — операция Троянский конь). «Наблюдения необычайных явлений хлынули на нас тысячами, вызвав всеобщее смещение привычных для людей основ убеждений, всего отношения к восприятию невидимого. Что-то происходит с человеком, та же мощная сила, влиявшая на род человеческий в прошлом, влияет на него в наши дни». (Ж. Валле. Невидимый колледж). «Но близкие контакты с НЛО чреваты также лейкемией и радиационной болезнью, часто наступают трагические психологические явления деградации личности, безумие, самоубийства... Шутки с НЛО так же плохи, как шутки с чёрной магией. Это явление делает своими жертвами невротиков, легковерных и незрелых людей. Параноидальная шизофрения, демономания и даже самоубийство могут настичь их. Лёгкое любопытство к НЛО может превратиться в разрушительную одержимость. По этой причине я настоятельно советую родителям удерживать детей от интереса к НЛО». (Дж. Киль).

Особое внимание в своей книге о. Серафим уделяет НЛО, сообщая, однако, что они являются частью более широкого круга так называемых «паранормальных явлений». Сюда мы отнесём полтергейст, лохнесское чудовище, явления всякого рода потусторонних существ (привидений, бесов и т.п.), таинственные исчезновения экипажей морских судов (целые картотеки случаев), появление у некоторых людей сверхчеловеческих способностей и прочие подобные феномены, известные ныне широкой аудитории. Изучением их занимаются и энтузиасты-любители, и серьёзные научные группы, работающие на весьма высоком профессиональном уровне.

Стремительны психологические сдвиги в наше время! Сейчас практически уже не стоит вопрос о том, признавать аномальные

явления или нет. При нынешнем изобилии материалов об АЯ отрицать их реальность могут только крайне предубеждённые, ограниченные люди, не желающие даже знакомиться с этими материалами. Вопрос сейчас стоит об оценке масштабов АЯ и их мировоззренческом смысле. У нас имеется достаточно информации, чтобы попытаться решить его...

С начала сороковых годов, когда ВВС США обнаружили первые «летающие тарелки», принятые ими за новое оружие нацистов, идёт нарастающий процесс активизации НЛО и других «аномальных явлений», захвативший практически все страны мира. Накопленный к настоящему времени обширнейший документально подтверждённый материал описательного характера по разным группам АЯ позволяет с уверенностью говорить о глобальном прорыве в земной план во второй половине XX века неких таинственных сил, имеющих, как полагают многие исследователи, единую внефизическую природу. Оказалось, однако, что оценка этих сил прямо зависит от содержания сознания наблюдателя. Если это материалистическое сознание, то АЯ однозначно интерпретируются как проявление деятельности высших цивилизаций нашей Галактики. Иногда допускается крамольная ещё в первой половине XX века идея «параллельных миров» или вселенных, разумеется, физических, входящих в многомерную систему Большого Космоса. У этой гипотезы сейчас достаточно сторонников, и весьма примечательно, что некоторые из них повторяют в точности то, что говорит об АЯ Православная Церковь:

«... вполне логично можно представить себе, чего следует ожидать от такого соседства. Если быть честным до конца перед самим собой — всего, что угодно. Логика добра и зла в иных мирах может отличаться от нашей — тому свидетельствами, если хотите, могут послужить порезы и ушибы, а также прочие неприятности, проявляющиеся во время полтергейста, встреч с йети и другими зубастыми представителями иного мира...».

А вот что пишет об АЯ православный автор:

«В отличие от физического мира духовный мир морально не нейтрален. Если физический огонь можно использовать как в добрых целях, так и во зло, то существа духовного мира сами по себе имеют добрую или злую волю. Первых по традиции именуют ангелами, вторых — демонами, бесами... Не связанные конкретной физиче-

ской оболочкой¹, духовные существа могут принимать самый различный вид, но всегда тот, который люди в меру их развития готовы воспринять.

Так, в 40-е года нашего века, когда человечество уже психологически было подготовлено к межзвёздным полётам и встречам с “марсианами”, появились первые НЛО. Как ни захватывающи рассказы об их появлении, как ни головокружительны перспективы “контактов”, но сами НЛО и их “пилоты” — всё те же древние лукавые существа, которые морочили головы нашим предкам в виде уродцев с рожками и копытцами, а теперь являются их просвещённым потомкам во всеоружии последних достижений межпланетной и космической техники. Многие западные исследователи давно уже оставили гипотезы о внеземном происхождении НЛО. Они решили заняться не самими бесконечно ускользающими объектами, а последствиями, которые оказывают на человека контакты с ними. Постепенно от трудов по космической технике они добрались до творения святых отцов Православной Церкви о духовном мире, о взаимодействии этих двух миров.

Другого рода мистические явления и демонстрации являет собой и “полтергейст”, когда на глазах милиции, учёных и общественности бесы разводят такое хулиганство, что порой стыдно становится за растерянных “исследователей” с высокими учёными степенями, которые до сих пор не могут понять, что над ними просто издеваются!».

Нам остаётся узнать мнение о. Серафима о мировоззренческом смысле АЯ, чтобы всё стало на свои места. Это первый человек в современной православной Церкви, который дал развёрнутое и ясное объяснение духовной сути феномена.

«Наиболее загадочные аспекты феноменов НЛО для большинства учёных, а именно — странная смесь физических и психических характеристик, присущих им, вовсе не удивительна для тех, кто читает

¹ То же самое на своём языке говорит об «НЛОнавтах» крупнейший современный астрофизик Фред Хойл: «Эти сверхразумные сущности настолько отличаются от нас, что представляется совершенно невозможным понять или описать их человеческими понятиями. Похоже, что эти сущности полностью лишены таких физических ограничений, как тела, и больше похожи на чистый разум. Они достигают любой точки Вселенной в считанные мгновения. Эти сущности находятся повсюду — на небе, на море, на земле. Они находятся здесь несчётное количество сезонов и, возможно, управляют эволюцией хомо сапиенс».

православную духовную литературу, особенно жития святых. Бесы тоже имеют физические тела¹, однако материя их настолько тонка, что они не могут быть видимы человеком, если его духовные двери восприятия не открыты по Божьему соизволению. Православная духовная литература даёт много примеров явления бесов, которые точно укладываются в схему НЛО: видения “телесных существ”, “осязаемых” предметов, которые мгновенно материализуются и дематериализуются всегда с целью устрашения людей и приближения их гибели».

По убеждению о. Серафима, активизация НЛО в наше время свидетельствует о его апокалиптичности, о приближении нашей цивилизации к катастрофическому финалу:

«Теория “гостей из космоса” — всего только один из предлогов, с помощью которых они пытаются внушить людям мысль о том, что “высшие существа” собираются взять на себя судьбу человечества... Во-вторых, НЛО — всего лишь новейший из медиумических приёмов, с помощью которого дьявол вербует сторонников своего оккультного мира. Они ужасный знак того, что человек стал доступен демоническому влиянию как никогда в прежние христианские времена. Человечество растеряло всё то, что ещё оставалось от основ христианского понимания, и теперь пассивно предоставляет себя в распоряжение любых сил, которые могут спуститься с небес... В-третьих, вот в чём заключается миссия НЛО: подготовить путь Антихристу. “Спаситель мира отступников грядёт, чтобы властвовать над ним. Возможно, он сам придёт с небес, чтобы походить на Христа” (Мтф. 24:30, Деяния 1:11); может быть, только “гости из космоса” приземлятся на глазах у всех, чтобы люди могли совершить “космическое поклонение” своему властелину, а может быть, “огонь с неба” (Откр. 13:13) будет только частью великого бесовского зрелища последних времён. Как бы то ни было, послание к современному человечеству таково: ждать освобождения, но не от христианского

¹ Не слишком удачное выражение или неточный перевод. Можно подумать, что бесы состоят из физической материи нашей Вселенной, то есть из молекул, атомов, электронов и др. Если бы это было так, то они подчинялись бы законам нашего мира. Но они появляются из запредельных миров и тела их иноматериальны. Это какая-то иная, не физическая материя, возможно, более совершенная. По-видимому, правильное было сказать не «физические тела», а «материальные тела». Небезынтересно вспомнить, что Тертуллиан даже душу считал материальной, понимая при этом иную, не физическую материю, чрезвычайно тонкую.

откровения и веры в невидимого Бога, а от космических пришельцев. Православный христианин знает, что человеку не предназначено эволюционировать во что-то высшее, и нет никаких причин верить, что на других планетах и взаправду есть “высокоразвитые существа”. Но он хорошо знает, что во Вселенной и вправду есть “высшие разумные существа”, кроме него, и они бывают двух родов, так что он стремится быть с теми, кто служит Богу (с ангелами), и избегать контактов с другими, которые отреклись от Бога и стараются из зависти и злобы втянуть человека в своё жалкое состояние. Он знает, что человек из себялюбия и слабости склоняется к разным заблуждениям и верит в “волшебные сказки”, которые сулят ему контакты с “высшими существами” без подвига христианской жизни... Такой человек имеет возможность противостоять религии будущего, в какой бы форме она ни появилась. Остальное человечество, если не будет спасено чудом Господа, обречено на гибель».

Подведём некоторый итог. Инопланетная версия НЛО и других АЯ одинаково отвергается и с позиции последовательной науки, и с позиции последовательного христианства. Следует надеяться, что беспрецедентное нашествие гостей из «параллельных миров», наблюдаемое ныне, заставит всё большее число людей науки обратиться к христианскому духовному опыту, в частности, к православному, тем более что большинство христианских конфессий единодушны в демонической оценке АЯ.

Наука конца XX века в лице лучших своих представителей постепенно преодолевает материализм и атеизм, сознавая *красоту и логичность* идеи Бога. Она обнаруживает невидимое присутствие Бога в бесконечной сложности материального мира, в высочайшей целесообразности его форм, его системных связей, в том, что мир вообще существует, а не распадается в хаос.

Учёным остаётся сделать ещё один мужественный шаг: взглянуть в лицо фактам человеческой истории и признать и второй персонаж христианского мифа; дьявол — отнюдь не глупая выдумка невежественных попов, не знающих диалектики, а реальная потусторонняя сущность, несравненно меньшая Бога, но большая человека, вполне способная жестоко исказить предназначенный ему путь на земле. История с «аномальными явлениями» даёт прекрасный повод для такого шага.

Ошибки современного космизма

Этим кратким, далеко не полным анализом АЯ, можно, пожалуй, завершить сбор доказательств в пользу бытия дьявола. Что же нам удалось выяснить?

Мы установили, что духовная эволюция человека происходит под воздействием двух противоборствующих сил метафизического свойства — культуротворческой и культуроразрушительной. За ними скрываются некие сверхразумные сущности, которые качественно отличаются от аналогичных физических сил и энергий природы, так как действуют опосредованно, через открытую иным мирам сферу человеческого сознания. Было высказано предположение, что творческие сущности формируют в человеке комплекс психоантропных качеств, необходимых для культуротворчества. Тёмные сущности их разрушают, что ведёт к уродливым деформациям в культуре, к беспощадной эксплуатации природы, к демонизации науки, к росту преступности и т.д.

Христианская традиция называет эти силовые полюса Богом и дьяволом, понимая последнего только как отбившееся от Бога Его творение, обречённое, в конечном счёте, на поражение, но не как силу, равную Богу. Однако и в таком качестве дьявол представляет величайшую опасность, самую большую из всех опасностей для человека.

Прогрессирующая тенденция к разрушению человека, проявившаяся в XX веке с небывалой ранее силой, заставляющая даже атеистов задуматься над Апокалипсисом, почти открытое вмешательство потусторонних миров в человеческую жизнь в виде «аномальных явлений», потеря мироправителями контроля над ближайшим уже будущим во весь рост ставят вопрос об этих мирах. Всё больше людей, в том числе серьёзных учёных, начинают понимать, что разобраться в нынешнем мировом хаосе невозможно без хотя бы самого общего знания событий, происходящих в потусторонних мирах. Сам ход истории привёл человечество к дилемме: либо продолжать исповедовать физицистскую концепцию человека как «продукта» только физических (космических) сил и воздействий, либо вернуться к древнему религиозному дуализму, к осознанию на качественно новом уровне мышления, что человеческая история есть в значительной степени отражение событий, происходящих в запредельных сферах

Бытия. Древние мыслили запредельное статичным, неизменным, вне-временным. Эти представления отлились в понятие «метафизика».

«Метафизика — наука о сверхчувственных принципах и началах бытия», — объясняет современный философский энциклопедический словарь. Но, оказывается, может быть и *метаистория*. Этого слова в словаре нет. Впервые его употребил, кажется, русский религиозный философ Сергей Булгаков, обозначив им «ноуменальную сторону того универсального процесса, который одной из своих сторон открывается для нас как история». Понятие «метаистория» использует в качестве религиозно-философской категории Н. Бердяев в своей последней, самой глубокой по мысли работе «Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого»:

«...историческое... откровение есть символизация в феноменальном историческом мире событий, происходящих в ноуменальном¹ историческом мире.

Но вся тайна в том, что ноуменальные события прорываются в мир феноменальный, метаисторическое прорывается и вступает в мир исторический, нет абсолютного разрыва между этими двумя планами».

Обратим внимание на то, что бердяевская формула выглядит как перевод на философский язык мистики иудаизма, иудаистских представлений о взаимосвязях между двумя мирами, с которыми нас познакомил ранее А. Штайнзальц.

Существование метаистории косвенно доказывается феноменом пророчества. Грандиозные прозрения ветхозаветного пророка Даниила о судьбах человечества позволяют предполагать наличие событийного метаисторического плана, который дано ему было увидеть в смутных очертаниях. Отсюда многозначный, условный язык его пророчеств. Читаем у Бердяева:

«Но когда метаистория вступает в историю, то она не только открывается в истории, но и приспосабливается к ограниченности исторического времени и исторического места. Свет излучается в тёмной среде. Бесконечный Бог говорит ограниченным человеческим языком, в ограниченных положениях известной эпохи и известного народа».

¹ Ноумен — понятие идеалистической философии, обозначающее умопостигаемую сущность, предмет интеллектуального созерцания, в отличие от *феномена*, как объекта чувственного созерцания.

Именно события могут влиять на события, иначе пришлось бы признать, что нет свободы, нет Бога, а есть неизвестно кем сочинённая программа, по которой пункт за пунктом механически развивается человечество. Но это положение противоречит и современному научному пониманию эволюции как творческого процесса.

В мировоззрении современного *космизма* присутствует смешение этих двух, глубоко различных планов Бытия, вследствие чего и стала возможной рационалистическая интерпретация «аномальных явлений». Поясним, в чём тут дело.

Сейчас во всех промышленно развитых странах в результате разочарования в прежнем грубом философском материализме наблюдается всплеск массового интереса к «нетрадиционным» религиозным учениям, мистике, оккультным наукам. Оккультная терминология ныне в широком ходу, книги Моуди и Роулингса об опытах посмертного выхода души из тела стали бестселлерами. Материалистом сейчас быть, пожалуй, не в моде. Этому общему настроению как раз и отвечает философия космизма. Вселенная в ней выглядит гораздо сложнее естественно-научной Вселенной недавнего прошлого. Она наполнена образами и сущностями религиозного и оккультного происхождения, такими, как Бог, душа, дух, бессмертие, воскресение, чудо, но переведёнными в область рационального, рациональных понятий. Например, Бог — это «космический разум», дух — «энергия» и т.п. Суть философии космизма состоит в попытке создать единое материальное учение о Космосе с большой буквы, которое преодолело бы ограниченность естественно-научной модели, объявив собой волнующие человека метафизические проблемы, находящиеся вне круга интересов науки. Разрушается, таким образом, граница между физическим и метафизическим. «То, что сегодня понимает мистик, возможно, завтра сможет измерить учёный», — написано на знамёнах этой новой, утончённо материалистической, философской системы, проникнутой верой в беспредельные познавательные возможности человеческого разума. Тут проходит пропасть между религиозным и материалистическим видениями мира, которую современные материалисты пытаются заполнить всевозможными философскими и религиозными суррогатами. У того же автора можно обнаружить много «изобретений» такого рода, например:

«С современной точки зрения Христос был сильнейшим экстрасенсом. Все его чудеса и прочие деяния очень напоминают то, что

в разное время могли осуществить многие индийские йогины, достигшие ступени сидхи, да и наши феномены — такие, как Джуна Давиташвили, А.Криворотов, Н.Кулагина и т.д... Я хочу высказать ряд соображений о современном взгляде на христианский догмат и попытаться демистифицировать личность Христа... Если рассмотреть описанный факт (воскресение Христа. — *О.Л.*) с наших сегодняшних воззрений, то можно с уверенностью сказать, что все свидетели видели классический НЛО... По всей вероятности, если вспомнить очевидцев вознесения Христа, то можно предположить, что с НЛО было произведено фазовое преобразование тела Христа в состояние, близкое к плазме... Интуитивное мышление позволяет нам напрямую общаться с Вселенским Разумом или информационным полем и получать оттуда информацию в зависимости от контура настройки, сформированного вашим сознанием¹. Здесь, как и в других местах, под Богом я понимаю всё высшее, всевышнее (включая по этой логике и демонов, и злых духов, и пр., которым первобытные люди поклонялись, наряду со светлыми духами, именно как “высшим силам”! — *О.Л.*»).

Космисты убеждены, что разом преодолели и материализм, и идеализм и создали высокоинтеллектуальное, совершеннейшее универсальное учение. Некоторым людям может показаться, что именно так оно и есть. Но что-то до боли знакомое видится в этом назойливом стремлении всё рационально объяснить, лишить мир творчества и тайны, свести сложное к простому: Сына Божия — к «экстрасенсу», душу — к «информационному полю», мистическое — к «ещё не познанному», творчество — к «законам эволюции». Ну, конечно, это всё тот же душеотвратительный материализм, только изготовленный по новому рецепту — противоестественная и безвкусная смесь науки и мистики, приправленная псевдонаучной терминологией. Левитация, ясновидение, материализация и дематериализация, колдовство, чёрная и белая магия и т.д. — всё это проявления непознанных законов Великого Космоса, элементом которого является и человек. Здесь и душа, и жизнь после смерти посюсторонни. С помощью специальных «энергетических» приёмов человек может

¹ Отменный образец псевдонаучной фразеологии. Что такое «контур настройки сознания»? Из каких элементов он состоит, можно ли начертить схему этого «контура», как это делается в радиотехнике?

выходить на связь с высшим и низшим слоями Космоса, «астралами», «менталами», общаться с «информационными полями» умерших и даже перемещаться в прошлое. Рисуется картина этакого тысячеэтажного дома, вселенского общежития с лифтом и телефонной связью между этажами. Да полноте, существует ли оно в действительности, это суверенное, всепроницаемое для настырного человеческого дерзания, общежитие, в котором возможны любые чудеса? Не создано ли оно в воображении доверчивых «космистов» теми самыми силами, которые убедительно показали, сколь велики их возможности в деле манипулирования человеческим сознанием?

Научные ортодоксы, верные присяге, упорно твердят, несмотря ни на какие НЛО и полтергейсты, что наша материальная Вселенная какой была, такой и осталась — невообразимо огромной, невообразимо сложной, но при этом подчинённой строгим законам, которые никому не позволено нарушать, даже самым могучим колдунам. Они утверждают, что открытие новых законов не отменяет старые, а лишь очерчивает границы их применения. Законы квантовой механики не отменяют небесную механику, геометрия Лобачевского не отменяет евклидову. Для того чтобы вывести на орбиту тысячетонную ракету, всегда и во все века потребуется реактивная тяга, и никакими заклинаниями и пассами эту задачу не решить.

И, ей-Богу, они правы, эти старомодные упрямы, убеждённые, что Вселенная, космос — это *организация*, в которой, как и во всякой организации, не может действовать принцип «всё позволено». Что же до нарушений некоторых законов этой организации, то происходят они, скорее всего, на земле и только *в связи с человеком*. То, что мы называем чудесами, достигается либо прометеевским прорывом отдельных людей в запредельные миры (магия, колдовство, шаманство, прорицание, ясновидение и прочие занятия, осуждённые Библией), либо прорывами запредельных миров в наш физический мир. Безумие принимать соблазны этих миров, ничего не зная о них, пренебрегая духовным опытом христианских подвижников, получивших милостью Божьей наиболее точное о них представление. Их опыт предупреждает нас о существовании там грозных, сдерживаемых Богом и Его ангельским воинством, сил, принципиально враждебных по отношению к человеку и обладающих колоссальными возможностями. Весёлая воландовская компания — лишь плод булгаковской фантазии, вдохновлённой, как считают некоторые критики, настоя-

щим, вовсе не добродушным Воландом с далёкими от интересов человека целями. Есть все основания полагать, что чудесные способности, внезапно появляющиеся в наш глубоко падший век у самых заурядных, часто греховных и порочных людей, — суть данайский дар тёмных потусторонних сил человечеству, за которым скрывается рассчитанная на сто ходов вперёд стратегия. Прислушаемся к мнению профессионала:

«Святые духи уклонились от общения с человеком, как недостойным такого общения, духи падшие увлекли нас в своё падение, смешались с нами».

Это было сказано полтора века назад, во времена, кажущиеся теперь почти идиллическими. Что же говорить о нашем времени?

Человечество «эпохи НТР» пребывает в состоянии духовного невежества, сравнимого с невежеством первобытного человечества, не знавшего о существовании законов природы. Многие нынешние люди, в особенности творческие личности, настолько «смесились» с падшими духами, что принимают возбуждаемые ими мысли и страсти за свои собственные и бездумно «самовыражаются», отравляя ими ещё не испорченные души. Е. Рерих, оценивая духовное состояние человечества в начале XX века, утверждала, что едва не половина населения планеты находится в состоянии одержимости тёмными иррациональными сущностями. Учение Живой Этики подробно изображает разнообразные формы воздействия тёмных сил на человека — от разжигания нечистых страстей до вовлечения в занятия спиритизмом, чёрной магией, направленным на зло колдовством. Как могли распространиться такие пагубы? Во многом, в основном из-за невежества, считает Рерих:

«Отрицание существования тёмной силы в наше время должно рассматриваться не как мнимое, но как бесспорное невежество и не только как невежество, но и как сотрудничество с тьмою, ибо лишь представители тьмы могут отрицать своё существование для того, чтобы беспрепятственно устраивать свои тёмные дела».

Мы имеем дело с некоторой разновидностью массового гипноза, смысл которого в том, чтобы закрыть людям глаза на очевидное. Он особенно опасен тем, что совершается наяву и абсолютно не осознаётся его жертвами. Но заставить людей поверить в реальность тёмных потусторонних сущностей с помощью одних только обличительных проповедей и декларативных заявлений, как делают

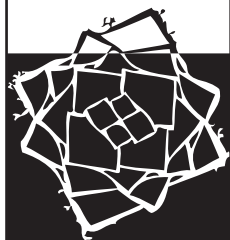
Рерихи, увы, невозможно. Не поможет тут и массовая оккультная литература, профанирующая по своей бездарности самую идею потусторонних миров. И православная тоже вряд ли поможет, ибо её язык и её образы, ориентированные на простые, не мудрствующие лукаво души, не воспринимаются всерьёз людьми не православными.

Чтобы пробить современное, скептически настроенное сознание, нужны средства на порядок более мощные. Нужен великий духовидец и гениальный поэт, наделённый в то же время сильным и трезвым умом, который сумел бы *изобразить* картины жизни потусторонних миров и показать на конкретных исторических примерах, сколь велико их влияние на жизнь нашего мира. И это должен быть наш современник, человек, явственно отмеченный печатью избранности, способный дать метаисторическую оценку узловым проблемам человечества.

Обзревая наиболее яркие, отмеченные глубиной обобщающей мысли, философские, религиозные, художественные произведения XX века, мы обнаруживаем удивительную книгу, появившуюся на свет в переломный момент отечественной и мировой истории, вполне способную пробудить от опасного гипноза не окончательно ещё уснувшие души. Это «Роза мира» Даниила Андреева. О ней и пойдёт речь дальше.

Глава 4

ФЕНОМЕН «РОЗЫ МИРА»

Много оригинальных и ярких произведений подарила нам великая русская литература, но такое ошеломляюще оригинальное, как «Роза Мира», появляется, по-видимому, впервые. Не об этом ли косвенно свидетельствует осторожно-выжидательная позиция, занятая по отношению к ней российской гуманитарной элитой, обыкновенно столь чуткой ко всякому новому явлению в литературе или философии? За несколько лет, прошедших после первой публикации «Розы Мира», кажется, никто из наших известных писателей, литературоведов, философов не рискнул обстоятельно высказаться по существу содержащихся в ней новых идей, хотя многие из этих идей имеют прямое отношение и к прошлому России, и к нынешним, происходящим в стране драматическим событиям. Даже в наиболее благожелательных выступлениях проглядывает стремление подменить серьезное обсуждение книги малообоснованными частными мнениями о ней. словно бы желая занизить истинный масштаб личности Даниила Андреева, «Розу Мира» называют то красивой сказкой, то

прозаическим аналогом поэмы Данте, то фантастической моделью мироздания — как угодно, только бы не углубляться в её суть... «Роза Мира» одновременно и притягивает, и отпугивает. Притягивает самобытностью и духовной мощью и отпугивает также самобытностью и духовной мощью. Грандиозные панорамы изображённых в ней потусторонних миров и событий способны повергнуть читателя в состояние умственного шока, когда рассудок говорит «нет», а сердце — «да». Чтение «Розы Мира» можно уподобить путешествию по экзотической реке с обильно заселёнными берегами. За каждым поворотом открываются удивительные ландшафты, картины непонятной чужой жизни. Они следуют одна за другой, не давая глазу отдохнуть ни на минуту, заставляя мысль находиться в постоянном напряжении (информационная насыщенность книги беспрецедентна), и постепенно в сознании читателя возникает смутный, но достаточно целостный образ огромной, поражающей воображение, доселе ему совершенно не известной страны. Именно страны, а не собрания разрозненных фантастических картин, каким предстают перед нами древние мифы народов, пышные космологии гностиков времён первоначального христианства или свидетельства других визионеров, предшественников Андреева, например, стяжавшего всемирную славу Эм. Сведенберга. В книге, насыщенной столь огромным объёмом информации, казалось бы, неизбежны серьёзные сбои в виде всякого рода противоречий и просчётов. Не в силах человеческих соединить в единое осмысленное целое множество разнородных идей, концепций, образов, прошлое, настоящее, будущее, вскрыть метаисторическую подоплёку драмы исторического христианства, включая трагедию России, заключительной частью которой вполне может стать всемирная власть Антихриста. Задачу подобного масштаба не удалось решить ни одному из известных миру творцов универсалистских учений — ни Блаватской, ни Фёдорову, ни Рерихам, ни Ауробиндо, ни, тем более, Марксу. Их системы либо не ставят её вообще, либо полны натяжек и умолчаний, излучают колючую неприязнь, а то и ненависть к каким-то другим системам. Фёдоров, например, резко отрицал буддизм, считая его чуть ли не самым зловредным учением на земле, Блаватская ненавидела православие, Рерихи свысока смотрели на историческое христианство и были убеждены, что их учение гораздо совершеннее. Идеологическая нетерпимость и грубость Маркса общеизвестны. «Роза Мира» лишена этих фатальных просчё-

тов, что, конечно, не означает, что она вообще не имеет недостатков. Но это недостатки частного характера, не снижающие общего высокого духовного уровня произведения. «Роза Мира» совсем *неидеологична*, нет у неё идеологического противника, с которым нужно бороться, чтобы утвердить себя. Она не отрицает ни одну из великих религий, не обрушивает критических стрел на науку, но показывает её место в познании мира, не осуждает, а скорее сожалеет о технологическом выборе, сделанном европейскими народами, одновременно вскрывая его демоническую родословную; она ставит нас перед фактом многомерности, многослойности Бытия, одну из видимых частей которого составляет человеческая история. Автор «Розы Мира» негневлив, нигде не рубит сплеча, речь его спокойно мудра, ум кристально ясен. Основными источниками информации для Андреева были потрясающие по силе акты мистического прорыва в его сознание иноматериальных миров планетарного космоса Земли. Это сразу выделяет «Розу Мира» из числа философских и богословских трудов, авторы которых обходились ресурсами собственного мышления. Но вместе с тем это делает книгу открытой для жёсткой критики со стороны православных «фундаменталистов», уже зачисливших Андреева в разряд слуг Тьмы. В одной из таких статей со ссылкой на православный духовный опыт, в частности, на труды святителя Игнатия Брянчанинова, утверждается, что Андреев общался с демоном, которого по духовному, де, невежеству своему принял за ангела. Автор статьи настолько убеждён в ложности мистического опыта Андреева, что считает бессмысленным «копаться в этой мешанине из адских наваждений и игры воспалённого воображения» и настоятельно советует «братии», из тех, кто по легкомыслию приобрел «Розу Мира», сжечь её, не читая. Сжечь буквально, как сжигали в средневековые еретические книги. Что «копаться в этой мешанине» смысл всё-таки есть, можно убедиться далее по мере знакомства с настоящей работой, а пока совершенно необходимо разобраться, действительно ли православное вероучение позволяет поставить однозначно отрицательный диагноз мистическому опыту Андреева. Почитаем епископа Игнатия... В «Слове о чувственном и духовном видении духов» кратко и популярно излагается православная концепция взаимоотношений человека с невидимым миром, разбираются различные случаи общения людей с духами, даются соответствующие рекомендации.

Согласно учению Церкви, человек был сотворён сразу высокосовременным существом. Его чувства были настолько тонки, что наряду с миром физическим он мог воспринимать и мир духов. Но после грехопадения чувства человека сильно огрубели, и эту способность он утратил — как бы частично ослеп и оглох. Однако люди, подавляющее большинство, утратили только способность видеть ангелов — «святых духов», ибо «святые духи уклонились от общения с человеками, как недостойными такого общения». А вот падших ангелов, бесов, демонов они могут иногда воспринимать с помощью своих грубых органов чувств. Падшие духи появляются сами перед отдельными людьми, навязывая им своё общение (привидения, бесы, в наше время — НЛО и т.п.), либо вызываются самими людьми с помощью магии, спиритизма, заклинаний. Церковь предупреждает об опасности такого рода контактов, советует «никак не вверяться духам, когда они являются чувственным образом, не входить в беседу с ними, не обращать на них никакого внимания, признавать явление их величайшим бедствием».

«Непозволительно человеку устранять смотрение Божие и собственными средствами... отверзать свои чувства и входить в явное общение с духами... Очевидно, что собственными средствами можно достигнуть общения только с падшими духами». Брянчанинов говорит о людях, «заражённых тщеславием и самомнением», которые «посредством магнетизма» входят в общение с падшими духами. Существует единственный «законный вход в мир духов» — христианское подвижничество, которое позволяет достигнуть *духовного* видения духов, то есть у человека как бы восстанавливается утраченная способность к тонкому чувству. Таким образом, лишь информация, полученная через духовное видение, *духовидцами*, имеет несомненную ценность. Всё это звучит очень актуально в наше безумное время, когда бесообщение становится настолько распространённым увлечением, что его технике обучают за плату на специальных курсах... и всё же бывало в истории народов, «когда и грешникам являлись святые Ангелы, но это случалось по особенному смотрению Божию и крайне редко». При этом «внезапно неприметным и необъяснимым для человека образом» происходило изменение его чувств, и он «начинал видеть то, чего доселе не видел, и чего не видят другие, слышать то, чего доселе не слышал». Речь тут, разумеется, идёт о людях с совершенно нормальной психикой, а не об умалишённых... Измене-

ние чувств, при котором человек входит в чувственное общение с существами невидимого мира, называется в Священном Писании *отвержением чувств*. «Отверзе Бог, — говорит Писание, — очи Валааму, и узрел Ангела Божия противостояща на пути, и меч извлечен в руке его». Брянчанинов описывает ряд случаев «отвержения чувств», происходивших с различными персонажами Библии, грешными людьми, и делает важное для нас заключение: «Из приведённых мест Священного Писания явствует, что телесные чувства служат как бы дверями и вратами во внутреннюю клеть, где пребывает душа, что эти врата открываются и затворяются по мановению Божию». Если мы теперь внимательно прочтём книгу вторую «Розы Мира», где Андреев протокольно подробно рассказывает о своём мистическом опыте, то убедимся, что обвинения его в общении с бесами не имеют ни малейших оснований.

Остановимся на двух наиболее существенных моментах его свидетельств. Момент первый, характеризующий условия, в которых Андреев получал информацию. Все прорывы планетарного космоса в его сознание происходили внезапно, без каких бы то ни было дерзаний с его стороны, в местах, способствующих высокому настрою чувств, — в церкви во время службы, на природе, позже — в тюремной камере, которая стала для него чем-то вроде монашеской кельи. У Андреева и в мыслях не было проникать в запредельные миры «собственными средствами», как не было в его душе ни тени тщеславия или самомнения. Поэтому сразу же следует отвергнуть допускаемое автором статьи оскорбительное уподобление его колдуну или наркоману и предположить, что произошедшее с Андреевым более всего походит на «отвержение чувств». Момент второй — содержание духовного опыта Андреева. Оно очень сложно и, если быть точным, не вполне охватывается даже понятием «отвержение чувств», под которым, как это видно из труда Брянчанинова, понимается достаточно простой сюжет: появление перед избранным Ангела, воспринимаемого им чувственным образом. В православной духовной литературе, посвящённой контактам людей с невидимым миром, вряд ли найдётся что-либо подобное тому, что Андреев называет «метаисторическим озарением»:

«Первая стадия заключается в мгновенном внутреннем акте, совершающемся без участия воли субъекта и, казалось бы, без видимой предварительной подготовки, хотя, конечно, в действительности

такая подготовка, только протекающая за порогом сознания, должна иметь место. Содержанием этого акта является молниеносное, но охватывающее огромные полосы исторического времени переживание нерасчленимой ни на какие понятия и невыразимой ни в каких словах *сути* больших исторических феноменов. Формой же такого акта оказывается сверх меры насыщенная динамически кипящими образами *минута или час*, когда личность ощущает себя как тот, кто после долгого пребывания в тихой и тёмной комнате был бы вдруг поставлен под открытое небо в разгар бури, вызывающей ужас своей грандиозностью и мощью, почти ослепляющей и в то же время переполняющей чувством захватывающего блаженства. О такой полноте жизни, о самой возможности такой полноты, личность раньше не имела никакого представления. Синтетически охватываются одновременно целые эпохи, целый — если можно так выразиться — метаисторический космос этих эпох с великими, борющимися в нём началами. Ошибочно было бы предполагать, что эти образы имеют непременно зрительную форму. Нет, зрительный элемент включается в них, как, может быть, и звуковой, но сами они также относятся к этим элементам, как, например, океан относится к водороду, входящему в состав его воды. Дать представление об этом переживании крайне трудно за отсутствием сколько-нибудь точных аналогий с чем-либо другим, более известным.

Переживание это оказывает потрясающее действие на весь душевный состав. Содержание его столь превосходит всё, что находилось раньше в круге сознания личности, что оно будет много лет питать собою душевный мир пережившего. Оно станет его драгоценнейшим внутренним достоянием.

Такова первая стадия метаисторического познания. Мне кажется допустимым назвать её метаисторическим озарением» (РМ, 31–32)¹.

Где тут «чувственное видение духов»? Где явления потусторонних существ, пытающихся ошеломить, очаровать застигнутого врасплох зрителя или зрителей (вспомним многочисленные сюжеты с НЛО)? Где хоть малейший намёк на демоническую природу метаисторических озарений? Представляется очевидным, что перед нами описание уникального события — прорыва в сознание духовидца инфор-

¹ Здесь и далее текст «Розы Мира» цитируется по изданию: Андреев Д. Роза Мира. — М.: Прометей, 1991.

мации колоссального для человечества значения. Но и в случаях, когда Андреев, руководимый своим «небесным вожатым», совершал путешествия по иным мирам — сознанием или эфирным телом поднимался в высшие слои планетарного космоса или спускался в демонические, — вряд ли можно говорить о чувственном видении духов, как его опять же понимает Брянчанинов — то есть, о видении, слышании, обонянии, осязании телесными чувствами.

Андреев сам предостерегает нас от упрощённой, чувственной, интерпретации этих глубоко мистических сеансов: «Видел ли я их самих во время этих встреч? Нет. Разговаривали ли они со мной? Да. Слышал ли я их слова? И да, и нет. Я слышал, но не физическим слухом. Как будто они говорили откуда-то из глубины моего сердца» (РМ, 35). «При этом крайне важно то, что содержанием подобного созерцания бывают в значительной мере и явления иномерных слоёв материальности; ясно, что воспринимать их могут не физические органы зрения и слуха, но некоторые другие, имеющиеся в составе нашего существа, но обычно отделённые как бы глухой стеной от зоны дневного сознания» (РМ, 32).

Осторожные люди могут тут напомнить нам о существовании болезненных состояний психики (галлюцинации, бред), а другие осторожные люди — о том, что выход эфирного тела из физического практикуется различными оккультными системами. Этих двух подозрений вполне достаточно, чтобы скомпрометировать духовный опыт Андреева одновременно в глазах и материалистов, и христиан. Но вспомним в таком случае, что галлюцинации — это всегда стихия бессмысленных, иррациональных видений, из которой невозможно извлечь какой-либо положительной информации. Что же касается африканских шаманов, тибетских йогов, адептов «трансцендентальной медитации» и других мастеров оккультных дел, то подобные выходы они совершают как раз «собственными средствами». Соответственны и результаты. Что-то мы не встречали сколько-нибудь связных и значительных по мысли произведений, созданных на основе подобных опытов. Вот тут вполне уместен вопрос о галлюцинаторной природе если не всех, то очень многих из них. Совсем иное дело — «Роза Мира».

Это стройное, концептуальное произведение, отмеченное высоким духовным вкусом. Тема демонических сил в нём — одна из основных. Андреев рисует ошеломляющую, можно даже сказать, удручающую картину зависимости человека от них, показывает их тлетворное

воздействие на институты власти, мироправителей, науку, церкви, художественное и религиозное творчество. Он постоянно подвергается соблазну перейти на обличительный тон, посеять дух вражды к сильно демонизированным социальным системам, учениям, народам или ещё хуже — поддаться искушению уравнивать добро и зло в качестве равно необходимых, исходящих от Бога начал мироздания.

Но нет, ни на минуту Андреев не забывает, что главный источник всех великих трагедий человечества, их потусторонний режиссёр — планетарный демон Земли, тот, кого религиозная традиция называет дьяволом. Поэтому «Роза Мира» скорее вразумляет, чем обличает. Если дьяволу нужно, чтобы люди вечно избивали друг друга, не ведая о том, кто их на это провоцирует, то «Роза Мира» делает нечто прямо противоположное.

Обнаруживая демонические искажения во всех земных начинаниях, во многих творениях человеческого духа, она внушает мысль о сдержанности в оценке чужих религий, культур, социальных систем, заставляет вспомнить поучение Христа: «Что ты смотришь на сучок в глазу брата твоего, а в своём глазу бревна не чувствуешь?». Она убеждает, что только на основе противостояния дьявольским инспирациям возможно объединение светлых сил человечества и кардинальное улучшение общего морального климата на планете. Никакие другие принципы — религиозные, политические, социальные, экономические — для достижения этой цели непригодны, так как всегда будут содержать поводы для споров и несогласий. Положительные, объединительные принципы вообще уступают принципу противостояния какому-либо противнику и уступают намного. История изобилует примерами, когда народы, находившиеся в состоянии бесконечных внутренних раздоров, в короткое время образовывали духовный монолит перед лицом общего врага. От дьявольских инспираций страдают все государства, религии, культуры — тут намечается интерес всеобщий и всевременной. Окультиная литература, популярная ныне мистическая фантастика широко эксплуатируют языческую философию вечной борьбы «светлых» сил с «тёмными», с христианством абсолютно не совместимую.

С точки зрения христианского вероучения, никакого «противостояния» добра и зла онтологически не существует. Есть лишь *временное* восстание против Бога одного из сотворённых Им ангелов.

Оно может продолжаться достаточно долго, но неминуемо закончится поражением дьявола. Языческая философия уравнивает оба начала, внушая морально порочную идею вечности и необходимости зла, оправдывая тем самым и религиозное поклонение силам зла. Поэтому Православная Церковь однозначно указывает на дьявольскую родословную этой философии. «Роза Мира», при всей грандиозности и драматизме изображённых в ней картин борьбы Провиденциальных и демонических начал, в точности следует христианскому пониманию мистики добра и зла. Борьба происходит между сотворёнными Богом сущностями, но не между Богом и дьяволом, и поражение последнего предрешено. Это ещё один аргумент в пользу того, что источник, вдохновлявший Андреева, никак не мог быть тёмным.

Светлую природу «Розы Мира» подтверждает и редкий универсализм творческого дара её автора. Немного найдётся в мировой литературе произведений, создатели которых были бы в равной и высокой степени одарены аналитическими способностями, мистическим разумом, религиозным сознанием и поэтическим талантом. Аналитик, мистик, религиозный мыслитель и поэт в одном лице — таково редкое сочетание творческих качеств Даниила Андреева. В русской культуре XIX века можно назвать, пожалуй, только одного человека столь же сложного качества духовности — философа Владимира Соловьёва, которого Андреев, кстати, высоко ценит. Не представляет большого труда показать, что в этой оценке творческого дара Андреева нет никакого преувеличения. «Роза Мира» изложена языком простым и точным, в хорошо продуманной последовательности, со знанием читательской психологии, что сразу же делает её заметной на фоне тёмно-путаных оккультных сочинений, в обилии наводнивших современный книжный рынок.

Сначала автор знакомит нас с целями и задачами своего произведения, обусловленными глобальными проблемами XX века, затем подробно рассказывает о метаисторическом и трансфизическом методах познания, с помощью которых он получил информацию, необходимую для их решения; далее описывает объект мистического созерцания — планетарный космос Земли — и только потом приступает к основному изложению. Читателю открывается мистика добра и зла, стоящие за ними сущности и существа, их влияние на ход исторических процессов...

Каков основной критерий ценности философского произведения? Освальд Шпенглер считал им глубину понимания автором великих фактов современности, и это определение представляется очень точным. По крайней мере, оно выделяет из многоглаголивого философского племени тех редких числом подлинных мыслителей, которые помогли своему народу или своей эпохе понять самоё себя. Что же в таком случае сказать о «Розе Мира», охватывающей своим пониманием огромный исторический цикл — от пришествия Христа до событий XX века? Мы узнаём из неё нечто совершенно новое о тех силах, которые толкнули европейские народы на путь технологической цивилизации, о мистике Октябрьской революции и таких грандиозных личностей, как Ленин и Сталин, о демонической природе политического конфликта между СССР и США и тех опасностях, которые будут угрожать человечеству после развала социалистического лагеря и многое-многое другое. Нужно было обладать блестящими аналитическими способностями, не говоря уже об эрудиции и памяти, чтобы добыть всю эту информацию из сложнейшего субстрата мистических переживаний, полученных на протяжении многих лет, и создать на её основе стройное концептуальное произведение...

Мистический дар Андреева уникален — во всяком случае, для нашей эпохи, — хотя сам он, кажется, не вполне сознавал это, считая свои способности лишь началом глобального процесса раскрытия таких же способностей в массах людей:

«Я убеждён, что не только в России, но и во многих других краях Земли ... происходит тот же процесс: та же грандиозная потусторонняя реальность вторгается в человеческое сознание, сначала — сознание единиц, потом сотен, чтобы позднее стать достоянием миллионов. Да, теперь, сейчас, вот в эту самую минуту, люди ... иногда разделённые огромными пространствами и рубежами государств, ... переживают потрясающие прорывы сознания, созерцают трансфизическую высь и трансфизическую глубь, и некоторые селятся ... выразить или хоть приближённо отобразить этот опыт в творениях слова, кисти и музыки» (РМ, 30).

Вторжение потусторонней реальности в сознание тысяч людей — яркая примета нашего апокалиптического времени. Словно отверзлись вдруг хляби небесные — «откровения» контактёров с НЛО, колдунов, магов, вождей тоталитарных религиозных сект и т.п. выплёт-

киваются ныне на экраны телевизоров и страницы популярных изданий. Может быть, только единичные случаи, с которыми надо специально разбираться, в какой-то мере соответствуют надеждам Андреева. В подавляющем же большинстве подобная продукция имеет тёмную природу, о чём уже достаточно говорилось в современной православной литературе. «Роза Мира» выглядит высокой одинокой скалой в этом мятущемся потоке пёстрой, противоречивой информации и, видимо, потому, что создана на основе уникального духовного опыта светлой природы.

Выскажем предположение, что такого рода опыт и не может быть тиражирован Провиденциальными силами. Мы уже познакомились с мнением Православной Церкви, которая считает, что вход в высшую реальность наглухо закрыт для обычных, грешных людей, всегда составлявших большинство у любого народа. Откуда бы взяться массовым проявлениям святости в нашу, глубоко демонизированную эпоху? В реальной жизни мы видим нечто прямо противоположное. Многим нашим соотечественникам, со школьной скамьи зомбированным материалистической идеологией, всё же трудно поверить в существование потусторонних миров, приборами не обнаруживаемых, но способных оказывать сильнейшее влияние на ход земных событий. Можно попробовать разбудить их воображение с помощью системологии — науки о системах, созданной в XX веке. Её основное положение, полученное из обобщений многих естественных наук, гласит, что все явления в нашем мире взаимосвязаны, взаимообусловлены и образуют системные целостности разных уровней. Вот банальный пример. Я начинаю понимать смысл поршневого пальца автомобиля, только увидев его в поршне, смысл поршня — только рассматривая его в системе «двигатель», смысл двигателя — только в системе «автомобиль». «Системное мышление предполагает, что рост понимания достигается путём расширения исследуемой системы, а не разложения её на отдельные элементы... (главная ошибка традиционной исторической науки! — *О. Л.*). Если поведение системы можно объяснить, обратившись к системе, в которую она входит (системе более высокого порядка), то как объяснить поведение последней? Ответ очевиден: рассмотрев более сложную систему, охватывающую и эту». Наука о системах позволяет представить мироздание как иерархию систем, входящих одна в другую наподобие матрёшек — от бесконечно малой до бесконечно большой.

Предельной, всеобъемлющей и всеобъясняющей суперсистемой является по этой терминологии Бог. В Нём — смысл всего мироздания, всех частных его проявлений. Системное мышление не является открытием научной мысли XX века. Оно было присуще многим биосферным культурам. Карлос Кастанеда в одной из своих книг приводит интересный диалог, показывающий, что североамериканские индейцы обладали ярко выраженным системным мышлением: «— Знаешь ли ты что-нибудь об окружающем тебя мире? — спросил он. — Я знаю всякого рода вещи, — сказал я. — Я имею в виду — ощущаешь ли ты мир вокруг себя? — Я ощущаю в мире столько, сколько смогу. — Этого недостаточно. Ты должен чувствовать всё, иначе мир теряет свой смысл».

Ясно, что если мы не можем понять смысл биосферы и происходящих в ней процессов, в том числе самого загадочного — человеческой истории, оставаясь в пределах самой биосферы и даже в пределах физического космоса, то приходится предполагать, что она является частью некоей более сложной системы, недоступной для научного знания.

Суть духовного опыта Андреева как раз и состоит в том, что он созерцал «сверхсистему». Эта система более высокого порядка, чем биосфера, открытая Андрееву высшими иерархиями, именуется в «Розе Мира» *брамфатурой*; «Почти каждое небесное тело обладает рядом разноматериальных слоёв, образующих взаимосвязанную и взаимообусловленную систему. Брамфатурами называются такие системы, объединённые общностью процессов, протекающих в их слоях. В большинстве брамфатур нашей Галактики основной процесс, объединяющий слои каждой из них, есть процесс борьбы Провиденциальных и демонических сил» (РМ, 273).

Открытие Андреевым планетарного космоса, само введение этого понятия в круг наших знаний о мироздании конгениально великим астрономическим открытиям эпохи Возрождения, когда был взорван небесный купол уютного птолемеевского мира, и потрясённый разум увидел подлинную Вселенную — необозримо громадную, загадочно сложную, наполненную мириадами подобных Земле и Солнцу небесных тел. Одним из побочных духовных последствий великих астрономических открытий стало появление в христианском мире веры в существование высокоразвитых инопланетных цивилизаций, несовместимой с церковным учением. Впервые решительно выска-

занная Джордано Бруно, она долгое время ограничивалась тонким слоем свободомыслящих людей и широкое распространение получила только в XX веке в духовном поле научно-технической революции. *Очень вовремя* подоспевшие НЛО подлили масла в огонь этой веры, не представив, однако, ни единого научно приемлемого факта в пользу того, что они — именно инопланетяне, а не мистические сущности. Зато обстоятельств, заставляющих подозревать последнее имеется, как мы уже разобрались ранее, более чем достаточно.

Для мировоззрения «Розы Мира» существование инопланетных цивилизаций есть нечто само собой разумеющееся. Однако Андреев ни слова не говорит о том, что они когда-либо посещали Землю и уж тем более контролируют человеческую историю, как заявляют иногда «контактёрам» космические вещатели по телепатическим каналам связи. «Роза Мира» позволяет предложить новое, близкое к церковному истолкование появления нынешних «гостей из космоса». Гости действительно из космоса, но только не из астрономического, а из планетарного. В «Розе Мира» и некоторых других произведениях Андреева описывается цивилизация *игв* — высокоинтеллектуальных демонических существ, научившихся с помощью специальной техники проникать в наш физический слой, на поверхность Земли. Утверждается, что *античеловечество* игв планирует завоевание нашей планеты. Таким образом, НЛО можно считать ещё одним серьёзным доказательством подлинности мистических озарений Андреева и правильности позиции, занятой по отношению к ним Православной Церковью.

О религиозности «Розы Мира»

Религия устанавливает отношения между личной душой и той сверхъестественной сущностью или сущностями, которым она поклоняется. Какова душа, таково и её понимание высшего. Можно поклоняться безобидным духам природы, животным-тотемам, инопланетянам, демонам, даже самому дьяволу... а можно поклоняться Богу-Отцу, единому Творцу всего сущего. Коренная религиозная проблема состоит в том, чтобы понять, кто есть Бог — грозный дух язычников, требующий кровавых жертвоприношений, безличный абсолют йогов, Космический Разум современных оккультистов или всё-таки

любящий Отец, гарантирующий спасение всякой чистой и доброй душе? «Роза Мира» глубоко религиозна, но не просто религиозна вообще, а является творением христианского гения, хотя и совсем неортодоксального. Она подтверждает не только богословские истины христианства, но и некоторые религиозные идеи, объявленные в своё время ересями. Таковы, например, восточная идея реинкарнации и гностическая поправка к учению о Пресвятой Троице. Нечто новое сообщает Андреев и о миссии Иисуса Христа. Андреевское понимание Бога в основных своих чертах совпадает с каноническим: Бог есть абсолютно нематериальный дух, Бог трёхипостасен. Все три ипостаси нераздельны и неслиянны и образуют единую совершенную Личность. Политеизм, пантеизм, все низшие формы богопонимания «Роза Мира» отвергает.

Религиозная эволюция человечества, направляемая Провиденциальными силами, шла по пути освобождения от идоло- и демонопоклонства, от грубых и примитивных представлений о Боге к более высоким и совершенным. Так возникла христианская Троица, которую чисто монотеистические религии — иудаизм, ислам — считают языческим привнесением в монотеизм. Может быть, они и правы, и тогда можно говорить о положительном вкладе язычества в процесс богопознания. Но гораздо очевиднее отрицательные влияния язычества, коснувшиеся, кстати сказать, всех трёх религий семитического корня: «Древние верования ещё мира языческого остаются и в мире христианском и искажают саму идею Бога. И это после того, как христианство освободило человека от власти демонов и духов природы. Древняя душа предков верила, что боги нуждаются в умилоостивляющих и питающих их жертвах, в крови, в человеческих жертвоприношениях. В трансформированной форме это остаётся в вере, что для умилоостивления гнева Божия нужны человеческие страдания. Старое рабство человека сказалось в судебном понимании искупления, в переживании отношений между Богом и человеком как судебного процесса». «Бог накажет!» — говорили во все века и христиане, и иудаисты, и мусульмане, не задумываясь, что уподобляются при этом язычникам.

«Роза Мира» предлагает очень высокое понимание Бога, даже более высокое, чем христианское. Если оно и отступает от христианского, то только вверх, но никак не вниз и не в сторону. Застарелой христианской проблеме теодицеи — оправдания Бога за соверша-

емое в мире зло — найдено, наконец, удовлетворительное решение. Согласно богословию «Розы Мира», Бог творит не сами живые существа, а *монады* — «первичные, неделимые, бессмертные духовные единицы», которые потом создают себе материальность. Есть также очень редкие *богорождённые* монады, призванные для выполнения особо высоких миссий. Монады всех разумных существ несут в себе начала творчества и свободы. Бог не мог лишить их этих начал, как Солнце не может лишить свои лучи тепла и света. Он сотворил не зло, но сущности, способные уклоняться ко злу:

«...Господь творит из себя. Всем истекающим из Его глубины монадам неотъемлемо присущи свойства этой глубины, в том числе абсолютная свобода. Таким образом, божественное творчество само ограничивает Творца, оно определяет Его могущество той чертой, за которой лежат свободы и могущества Его творений. Но свобода потому и свобода, что она заключает возможность различных выборов. И в бытии многих монад она определилась их отрицательным выбором, их утверждением только себя, только богоотступничеством. Отсюда то, что мы называем злом мира, отсюда страдание, отсюда жестокосердные законы и отсюда же то, что эти зло и страдание могут быть преодолены. Законы оберегают мир от превращения в хаос. Сами демоны вынуждены считаться с ними, дабы миры не распались в пыль. Поэтому они не опрокидывают законы, а утяжеляют их» (РМ, 49–50). Живые существа наделены способностью чувствовать, испытывать боль. Это биологический закон. Но демоны могут тысячекратно утяжелять его, вызывая, например, большие войны, в которых страдают массы людей. Отрицательные психические излучения, сопровождающие боль, как сообщает Андреев, восполняют убыль жизненных сил у целых полчищ демонов. Войны дают их в изобилии...

Такой взгляд на Бога отменяет теодицею, переадресуя проблему Его страдающим от зла разумным творениям. Нужно не жаловаться на Бога, не отрицать его в отчаянии, а бороться со злом и просветлять законы, используя тот же самый дар, который и породил зло — свободу. «Роза Мира» утверждает абсолютную благодать Бога, считая недопустимым искать в Нём первопричину разрушительных начал, действующих в природе и истории: «Ложно и кощунственно приписывать Божеству законы взаимопожирания, возмездия, смерти. «Бог есть Свет, и нет в Нём никакой тьмы». От Бога только спасение. От Него только радость. От Него только благодать. И если мировые

законы поражают нас своей жестокостью, то это потому, что голос Бога возвышается в нашей душе против творчества Великого Мучителя» (РМ, 47). «Господь — это неизменное, невыразимое первоверховное стремление, это — одухотворяющая власть, действующая во всех душах, не умолкающая даже в глубине демонических монад и направляющая миры и миры, от микробрамфатур до сверхгалактик, к чему-то более совершенному, чем добро, и более высокому, чем блаженство...» (РМ, 49). «Само учение оказалось искажённым, перепутанным с элементами Ветхого Завета, — как раз с теми элементами, которые преодолевались жизнью Христа ... Основная особенность этих элементов — привнесение в образ Бога черт грозного, безжалостного судьи, даже мстителя, и приписывание именно Ему бесчеловечных законов природы и нравственного возмездия. Эта древняя подмена служит немалым тормозом на восходящем пути души: спутанность в сознании божественного с демоническим заставляет свикнуться с идеей справедливости, предвечности и неизменности тех самых законов, ответственность за которые несёт Гагтунгр (планетарный демон Земли, дьявол. — *О.Л.*) и которые должны быть облегчены, одухотворены, изменены в корне. Такое снижение уровня этического понимания естественно ведёт к сосредоточению внимания на своём личном спасении, а импульс социального сострадания и активное стремление к просветлению мира оказываются в параличе» (РМ, 115–116).

В религиозности «Розы Мира» необычным образом соединяются два очень разных взгляда на миссию человека. Безапокалиптический, естественный путь освобождения от зла исключается ввиду глубокой поражённости человека грехом и огромной мощи демонических начал. Своими лишь силами и знанием совершить преобразование жизни человек не сможет. Но он может и обязан стремиться к этому, противостоять демоническим началам в ожидании Второго Пришествия Христа. Можно сказать, что это православная религиозность, вобравшая в себя большую долю социально-преобразующей энергии и образовавшая новое качество.

Даниил Андреев — высокоодарённый поэт, мастер художественного слова, вследствие чего иногда выделяют именно это качество его творческой личности, считая его, прежде всего, поэтом, а потом уже — мистиком или религиозным философом. Но то, что Андреев сделал как мистик, безусловно, превосходит сделанное им как по-

этом. Он стал широко известен только благодаря «Розе Мира», которая есть, несомненно, вершина его творчества и одна из великих вершин мировой философской мысли. Но никогда бы она не стала такой, если бы её автор был лишён высокого поэтического дара. Её нельзя без больших натяжек отнести к жанру эзотерической литературы, назвать даже религиозно-философским произведением. Скорее, это эпическая поэма о мироздании, основанная на подлинном духовном опыте, выходящая за рамки и собственно поэзии. Можно сказать даже более решительно — «Роза Мира» есть уникальное, адресованное конкретной эпохе и конкретному народу произведение, не имеющее аналогов в мировой литературе. Всякий большой труд философского характера содержит в себе ряд наиболее важных положений или идей, которые автор, прежде всего, хотел донести до читателя. Обыкновенно они обнаруживаются по прошествии времени. Это как раз те идеи, которые остаются в памяти после того, как прочитанное основательно забыто. В «Розе Мира» их можно свести к следующим пунктам:

1. Убедить людей разных вер и умонастроений в серьёзности христианских пророчеств о всемирном царстве Антихриста. Задача в нынешних условиях труднейшая. Люди настолько устали от всевозможных страхов и зол, что охотно дают себя обманывать различным проповедникам оптимистического направления, толкующим о Золотом Веке, Новом Мировом Порядке, Эре Водолея и т.п. как некоем неизбежном счастливом будущем, которое объективно придёт на смену нашей катастрофической эпохе. Но с какой стати? Если XX век со всеми его ужасами вышел из чрева века XIX, когда люди были, несомненно, нравственнее, то, спрашивается, какое чудовище может вылезти из чрева XX века?

2. Художественно и философски доказать то, о чём второе тысячелетие настойчиво говорит Православная Церковь, — что земля находится под сильнейшим воздействием тёмных мистических сил, которые с помощью своих человекоорудий пытаются привести человечество в царство Антихриста.

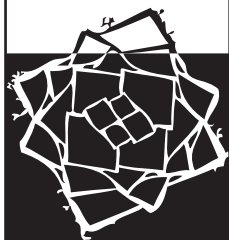
3. Объяснить также, что на этом пути им оказывают мощное сопротивление Силы Света, нуждающиеся, тем не менее, в помощи человека.

4. Предложить человечеству некоторую сумму религиозных, социальных, политических и культурных идей, с помощью которых ещё

есть время противопоставить уже созидающемуся всемирному Вавилону соцветие самобытных народов и религий. Иными словами, речь идёт о том, чтобы остановить катастрофическое разрушение человека, совершаемое демоническими силами. Задачу такого масштаба никто никогда не ставил, да и не мог ставить. Наука и философия не принимают всерьёз христианскую эсхатологию, очень многие интеллектуалы по-прежнему исповедуют веру в прогресс, и вообще социальный оптимизм имеет большие преимущества перед религиозным оптимизмом в глазах людей, утративших основы христианского миропонимания. Православная же Церковь, которой открыта порочная духовная суть происходящих в XX веке событий, покорно ждёт конца света, и не помышляя об организации всемирного сопротивления пришествию Антихриста. Пока что идею всемирности наиболее энергично воплощают в жизнь под разными лозунгами слуги тёмных сил... Книга столь необычного содержания, феноменально яркая, появившаяся в переломный момент мировой истории, когда речь идёт не менее чем о новом фундаментальном выборе, совершаемом человечеством, заслуживает гораздо большего внимания, чем то, которое ей до сих пор уделялось. В СССР она не имела ни малейших шансов увидеть свет и много лет пролежала в столе, ожидая своего часа, а когда этот час пришёл, затерялась в потоке эзотерической литературы, вдруг хлынувшей на книжный рынок. Потребуется время и терпение, чтобы выделить «Розу Мира» из этого, не всегда чистого потока и определить её настоящую цену...

Глава 5

БОГ СМЕРТИ НЕ СОЗДАЛ

Загадка смерти

Коренная проблема любого религиозного мировоззрения есть проблема зла. От того, как она решается, зависит его судьба в человеческом мире, его облагораживающее или, напротив, духовно разрушительное воздействие на людей. В предыдущей главе было в самых общих чертах показано, что в мировоззрении «Розы мира» Бог ко злу непричастен, что страдания и смерть имеют демоническую природу. Теперь настало время более подробно обосновать эту идею.

Каждое живое существо вместе с даром жизни обретает сокровенное знание о своём бессмертии. Оно присутствует в нём в виде некоего врождённого, глубоко интимного чувства, которое вряд ли можно передать на человеческом языке. Понаблюдайте за поведением любого животного: кошки, коровы, лошади; вспомните, с каким спокойным любопытством ваш пёс обнюхивает у края дороги труп своего сородича, и вы согласитесь с тем, что наши братья меньшие

вряд ли сознают, что они смертны. Чувство личного бессмертия полностью заглушает в них самую возможность вывести обобщённое понятие «смерть» из случаев отдельных смертей.

Даётся это божественное знание-чувство и человеку, но время его пребывания в человеческой душе недолго и в большинстве случаев ограничивается ранним детством. Для всякого нормального, благополучного ребёнка это чувство столь же естественно, как любовь к матери, радость жизни, наслаждение от вкусной еды. Малыш, делающий свои первые шаги по земле, настроен жить вечно. Это знакомо всем нам по воспоминаниям детства: почти блаженное ощущение неуничтожимости, вечности нашего «я», своеобразная младенческая мудрость — без сомнения, божественного происхождения. Бог создал человека по своему образу и подобию и, значит, наделил его чувством бессмертия.

Помним мы и то глубокое потрясение, которое пережили, узнав впервые, что все люди рано или поздно умирают. Детский разум не может примириться со страшным открытием, потому что это противоречит божественному чувству бессмертия, и ребёнок бессознательно находит компромиссное решение: пусть другие *иногда* умирают, но я знаю, что не умру и мама не умрёт.

Но проходит время, человеку открывается полная правда о смерти, и его детская мудрость умолкает перед скорбной мудростью взрослых. Отныне он смертник с отсрочкой приговора на неизвестный срок, который, впрочем, не может превысить отмеренного природой человеку срока жизни.

Мировая философия оставила нам в наследие убеждение, что смерть есть всеобщий, неумолимый закон природы, вытекающий из самого устройства мироздания — к нему можно приспособиться, но невозможно устранить. Современная наука о Вселенной как будто подтверждает это обобщение, рисуя с помощью уравнений и формул картину вечных превращений материи и энергии, вечной сменяемости форм. Восточные религии ещё в глубокой древности рассматривали смерть как необходимое условие земных перевоплощений трансцендентного «я» в его ступенчатом восхождении от низших форм к высшим.

Есть только одна религия на земле, которая отказалась признать смерть неотъемлемым атрибутом творения. Это христианство. «Бог всемогущ и всемогущ», — учит Ветхий Завет. «Бог есть любовь», — до-

бавляет христианство, основываясь на свидетельстве об Отце Сына Божия Иисуса Христа. Добавление чрезвычайно важное. Если Бог есть любовь, то Он не мог замыслить к творению мир, подверженный страданию и смерти. «Бог смерти не создал», — твёрдо говорят основатели христианства, опираясь на авторитет Библии. В Библии же ясно сказано, что человек сотворён бессмертным, и его первая обитель, Эдем, со всем обитавшим в нём, также не знал смерти. Смертным человек сделал себя сам, совершив первородный грех. Он вкусил запретный плод с дерева познания Добра и Зла и стал смертным.

Тот факт, что биологическая жизнь не может существовать и развиваться без непрерывного потока рождений и смертей, ещё не означает, что любая жизнь обязана быть смертной. За символикой древнего, в высшей степени загадочного мифа вполне может скрываться какая-то важная объективная истина. Можно сформулировать проблему так: в той единственно известной нам форме, которая существует на земле, жизнь действительно не может обходиться без рождений и смертей. Но нам известно также и то, что эту форму жизнь приобрела после таинственного акта грехопадения, сделавшего ущербной только её саму, но не творение в целом. Так, может быть, Вселенная со всеми её законами к смерти вовсе не причастна? Поразмышляем...

В Большом Космосе царствует закон энтропии — происходит рассеивание вещества и энергии, упрощение ранее созданных структур — всё то, о чём цитированный ранее Питер Эткинс говорил как о «мировом ухудшении качества энергии».

Действует закон энтропии и на Земле, но тут ему был противопоставлен направленный творческий процесс усложнения живых форм, который привёл к появлению современной биосферы. А «живое вещество» (в религиозном понимании — «одухотворённая материя») обладает уникальной, в высшей степени загадочной способностью *чувствовать*. Распад живых существ мучителен, и в этом их главное отличие от космических тел. Вряд ли кто-нибудь, кроме крайних панпсихистов, рискнёт утверждать, что звёзды и кометы обладают способностью чувствовать.

Тот, кто равнодушен к христианскому откровению о всеблагом Боге, сочтёт это отличие не стоящим серьёзного внимания. Христианин же сразу обнаружит в нём нравственную загадку. Благой Бог никак не мог распространить законы, управляющие неживой материей, на живую без обдумывания нравственных последствий, которые они

вызовут. Механически перенести закон энтропии на живое — означает сделать страдание и смерть условием эволюции жизни. Как могло всемогущее, вселюбящее верховное существо принять столь безнравственное решение? Может быть, наука проглядела тут кое-что интересное?

Одно из двух: либо жизнь порождена неразумной, слепой, не чувствующей материей (материализм), либо высшей, а значит нравственной сущностью — Богом. Современная биология вплотную подошла к признанию творческого источника эволюции жизни, осознаны его колоссальные возможности. Самое время задуматься над вопросом: действительно ли этот могучий творческий источник нуждается в непрерывном разрушении, умерщвлении создаваемых им существ? (Шива и Кали — в индуизме, Ариман — в зороастризме, Танатос — у древних греков, карающий Саваоф — в Ветхом Завете). Это вполне соответствует определённому этапу богопознания и тогдашнему уровню нравственного сознания, не изжитому до конца и поныне. Допустив, что Бог может нуждаться в человеческих страданиях (хотя бы как в педагогическом факторе), традиционное, историческое христианство подвергло человеческую душу искушению богоборчеством. Мы должны честно признать, что миллионы людей в XX веке впали в атеизм не по умственной гордыне и не от бездушия или бесовства, а по тем же *нравственным* мотивам, которые толкнули на бунт против Бога библейского праведника Иова. Их совесть не могла примирить бытие всемогущего, всеблагого Творца с разнузданным, превосходящим всякую меру разгулом зла на земле. Не примет она и холодно-ортодоксального объяснения, что Бог попустил злу в научение человеку. В реальной жизни не существует абстрактного «человека», но есть только конкретные человеческие личности. Вот безгрешное человеческое дитя, которому «Бог попустил» врождённый церебральный паралич совокупно со слабоумием. Если восточная идея реинкарнации ещё может в подобных случаях успокоить совесть (болезнь как наказание за грехи, совершённые в предыдущем существовании, как действие неумолимого, не подчинённого Богу закона кармы), то что тут может сказать христианство? Нужно иметь каменное сердце и заскорюзлый ум, чтобы продолжать твердить, что Бог хочет чему-то научить такого калеку.

«Роза мира» даёт столь высокое понимание Бога, что оно полностью исключает какую бы то ни было нужду Бога во зле — Бог

и разрушение, Бог и смерть нравственно не совместимы! Но в таком случае нельзя ли допустить, что Бог способен достигнуть поставленной им далёкой цели, оперируя одним и тем же исходным материалом, то есть постепенно преобразовывая и совершенствуя свои творения, не уничтожая их?

Живое вещество, некогда появившееся на земле в виде первичной биосферы, вполне можно уподобить куску глины в руках скульптора. Но что бы вы сказали о скульпторе, который, едва вылепив первое грубое подобие задуманного образа, сминал кусок, выбрасывал и брал новый — и так до бесконечности? Ну, положим, с глиной так поступать можно. А если бы он знал, что его недоделки обладают способностью чувствовать, страдать, что они до ужаса боятся уничтожения? Неужели он не употребил бы всё своё искусство, чтобы обрабатывать один и тот же кусок? Обратим внимание, что именно этот принцип действует повсеместно в неживой природе. Горы, моря, материки, реки, планеты, звёзды, и т.д. остаются тождественны сами себе на протяжении тысяч и миллионов лет, претерпевая при этом определённые изменения.

Способность сострадать есть качество, присущее только живым существам. Грубо говоря, оно есть свойство *систем*. Страдание, очевидно, испытывает некая таинственная сущность (душа) клетки, органа, организма, а не те материальные кирпичики, из которых они собраны, и которые можно увидеть под микроскопом. Неживое, мёртвое, тело состоит из тех же кирпичиков (атомов, молекул, электронов), но оно уже не чувствует. Поэтому, если уж организм сотворён, а тем более если это высокоорганизованное существо, то всеэволюционные процессы должны проводиться именно с этим экземпляром. Никакие законы физики, химии, астрономии, ни закон сохранения энергии, ни закон всемирного тяготения *сами по себе* не требуют, чтобы данный индивидуальный организм, представляющий собой крохотный элемент суперсложной системы, заменялся *точно таким же* новым элементом. Разве станет станок работать лучше, если в нём каждую неделю заменять все детали? Пожалуй, он будет работать хуже из-за необходимости притирки новых деталей друг к другу. Такой глупости от всемогущего Творца ожидать никак нельзя. Наоборот, он стремится сделать свои создания вечными. Об этом красноречиво свидетельствует жажда бессмертия, живущая в человеческой душе. Это доказывается и на чисто биологическом уровне. Мы знаем, что живое обладает невероятной, превосходящей всякое воображение,

стойкостью. Закон энтропии неузнаваемо меняет геологический лик планеты, превращает в пыль громады косной материи, но он оказывается бессилен перед хрупкими живыми творениями, которые, казалось бы, так легко уничтожить. Жизнь как феномен обладает фантастическим, возможно, беспредельным запасом прочности. Некоторые её творения, например, бактерии прокариоты, осуществляющие бескислородный обмен веществ, не меняют своей структуры и функций в биосфере многие сотни миллионов лет! Биологи привыкли считать, что именно благодаря смертности индивидуальных организмов обеспечиваются бессмертие и высокая адаптивность жизни в целом. С точки зрения биологической науки, смерть есть благо. Но как в таком случае объяснить поразительный факт, что идея потенциального бессмертия заложена и на уровне индивидуального организма? Индийским йогам принадлежит одно выдающееся открытие, до сих пор ни религиозно, ни научно глубоко, кажется, не осознанное. Они доказали в собственной практике, что человек, это самое сложное из всех существ биосферы (а значит, по меркам технологической цивилизации, — и самое ненадёжное), имеет неисчерпаемые запасы продолжительности жизни. Законы творения действительно не принуждают его уходить из жизни. Существует специальная йогическая техника, включающая в себя нравственную и интеллектуальную дисциплину, правильное питание, приёмы дыхания, образ жизни и т.д., которая позволяет человеку подключаться к океану космической жизненной энергии — праны: он становится «открытой системой». Может излечиться от любой болезни, остановить процесс старения, отодвинуть смерть на весьма неопределённый срок. Говорят, что йоги высших ступеней могли бы стать бессмертными, если бы физическое бессмертие не было абсурдом с точки зрения их религиозных идеалов.

Нам остаётся допустить, что непрерывное рождение всё новых и новых, потенциально бессмертных особей есть *вынужденная* мера, принимаемая творческим источником эволюции с тем, чтобы компенсировать действие враждебной его творениям и совершенно ненужной ему для творчества разрушительной силы. Признание смерти законом творения страшно умаляет Бога, если вообще не устраняет его.

Додумавшись до этой странной и неожиданной мысли, мы, впрочем, тут же обнаруживаем в ней противоречие. Что это за всемогущий и всемогущий Бог, который мог допустить, чтобы какое-то враж-

дебное ему начало разрушало его живые, чувствующие творения? Это и есть проблема теодицеи, и мы не можем идти дальше, не попытавшись решить её.

Есть в учениях йогов один важный пункт. Физическое совершенствование человека они рассматривают только как средство для достижения религиозных целей и считают его невозможным без одновременного нравственного и духовного очищения. Человек бездуховный, одолеваемый тёмными страстями, эгоистичный и аморальный не может быть по-настоящему здоровым и физически. Связь между здоровьем и нравственностью, духовностью понятна сейчас многим. И христианские церкви (православная и католическая) учат, что первая причина болезней и смерти — грех, греховное состояние души человека.

Но точно такая же проблема существует и в отношении биосферы, частью которой является человек. Очевидно, природа несёт в себе некоторый изначальный грех, раз она убивает своих детей. Просто в человеке этот грех природы обнаружился с предельной ясностью, он дошёл до абсурда уничтожения человеком среды своего обитания во имя прагматичных и низких целей.

У нас имеются все основания предположить, что библейский миф о грехопадении человека, а с ним — и природы, отобразил некое, исключительной важности событие в истории нашей планеты, которое *ухудшило* качество жизни только в обратной, разумеется, последовательности — сначала произошло ухудшение творения, а потом венца творения — человека. В «Розе мира» это мистическое событие, происшедшее на самом раннем этапе сотворения биосферы земли, обозначено как акт вмешательства высшего демонического разума в процесс творения. Планетарный демон Земли искажил и утяжелил законы, предназначенные для живых существ, внедрил свой закон взаимопожирания и смерти (РМ, 47), которого, по замыслу творческих сил, не должно быть.

Таким образом, Андреев лишает зло и высшее его проявление — смерть — статуса мирового закона, как понимает эту проблему научно-философская мысль Запада и все без исключения восточные религии. Зло есть явление временное и локальное, сколь огромными ни казались бы человеку его масштабы, и оно имеет сознательно волевую природу.

Было бы интересно разобраться, насколько основательно такое решение проблемы теодицеи.

Хронический недуг биосферы

Земля, если задуматься, есть пока единственное достоверно известное место Вселенной, где существуют страдания и смерть, где радость жизни *отравлена* злом. Строго говоря, пессимисты не имеют ни малейших объективных предпосылок для того, чтобы возводить страдания и смерть в ранг универсального и вечного закона Природы. Наблюдения над физическим миром рисуют нам картину постоянного круговорота космической материи, постоянной сменяемости материальных форм. Ошибка безрелигиозного сознания, не видящего нравственного начала во Вселенной, состоит в том, что оно представляет чувствующее, страдающее существо как одну из бесчисленных, обречённых на уничтожение, материальных форм — и только.

Мы знаем, однако, что тайна жизни не умещается в прокрустово ложе физической картины мира, а христианское откровение говорит о всеблагодати и всемогуществе Творца Вселенной, для которого не может быть ничего невозможного. По этим двум причинам нет оснований для того, чтобы глубочайшую мистику добра и зла сводить к физическим понятиям «негэнтропии» и «энтропии», объявляя нравственную биполярность человеческой жизни прямым продолжением закона биполярности, действующего в физической Вселенной.

Мы ведь ровным счётом ничего не знаем о жизни на других планетах, в других галактиках, а тем более в других мирах, если не считать знанием невнятное бормотание лукавых гостей из планетарного космоса Земли. А может быть, существуют миры, не знающие страданий и смерти, живущие по каким-то гораздо более сложным и совершенным законам, чем простейший закон нравственной биполярности?

Если всё-таки смотреть на феномен жизни религиозно, если отвергнуть профанирующую Бога идею, что Он — творец страданий и смерти, не сумевший придумать ничего лучше этих ужасных «механизмов развития», виновных во многих уродливых деформациях человеческой жизни, то придётся ввести некоторые поправки в традиционную идею Бога-творца. Мы имеем полное право предположить, что жизнь на Земле, поскольку она несовершенна именно в своей грубой нравственной биполярности, не могла быть сотворена всесовершенным Существом, о котором христианское богословие говорит, что оно лишено внутренней биполярности. Тогда, скорее всего, жизнь

была сотворена творческими силами *второго* порядка, специально созданными Богом для такого рода творчества.

В этой идее нет, разумеется, ничего нового. Она лежит в основе космологии гностиков, в которую попала, в свою очередь, из древне-греческой мифологии или из ещё более древних источников. Ей уже несколько тысяч лет и поэтому она заслуживает уважения.

Творцом видимого мира гностики считали демиурга — духовную инстанцию, менее могущественную, чем Бог.

«В противоположность иудейско-христианской традиции, гностики помещают между Богом и миром серию ипостасей. У Василида их число доходит до 365, функция которых заключается не в том, чтобы соединить идеальное и материальное, а наоборот, разделить их».

У Платона демиург творит мир из со-вечной ему материи, он — ремесленник в отличие от всемогущего иудео-христианского Бога, который сотворил мир из ничего. В позднем платонизме, осознавшем трансцендентность высшего мирового начала, функции демиурга переложены с Бога на вторичного «бога-посредника». Так или иначе, но человеческие головы давно уже посещала мысль, что далёкий от совершенства, подверженный всяким пагубам материальный мир не мог быть сотворён всесовершенным существом. У гностиков, считавших материю абсолютным злом, эта идея была доведена до абсурда. Они считали демиурга источником мирового зла, в сущности, проклинали Творение.

Если бы христианская церковь с первых своих шагов не боролась с многочисленными ересями, в том числе самой опасной из них, гностицизмом, христианство расплылось бы в некую мировоззренческую бесформенность и не смогло бы стать той могучей духовно-преобразующей силой, какой являлось на протяжении многих столетий. Однако удовлетворительно решить проблему оправдания Бога за творимое на земле зло церковь так и не смогла. С ней европейское человечество и пришло в XX век, в атеизм и безнравственность. Теодицея из чисто богословской темы давно уже стала содержанием сердец многих и многих людей, убивая в них веру в благого, всесовершенного Бога. Обходить её молчанием больше невозможно. Нужно либо признать правоту *нравственного* атеизма, либо допустить, что здесь, на Земле, творческим силам, управляющим эволюцией, противостоят с самого начала сотворения жизни очень мощные, высокоинтеллектуальные демонические сущности и что наибольших успехов достигли

они на этапе человеческой истории. Мы можем спасти для себя веру во всеблагого и всемогущего Бога-Отца, только избавив его от мелочной опеки над своими творениями и в то же время сохраняя чувство живой связи с Ним как заступником и помощником нашим, как абсолютным гарантом окончательной победы добра над злом.

Противоборство сил творчества и сил разрушения не должно порождать примитивно-арифметического понимания феномена земной жизни. Ни одно из её проявлений не может быть разрублено идеологическим мечом на божественную и демоническую части, ни один человек не может быть назван ангелом или демоном, ни один народ, культура, религия, класс не могут быть только черны или только светлы.

Научное знание о живой природе, в ценности которого невозможно сомневаться, заставляет нас рассматривать эти две силы в динамике, в виде непрерывно действующих в эволюции факторов. За многие миллионы лет они образовали органическую целостность — биосферу, весь её сложный и противоречивый облик, одновременно и божественный, и демонический. Смерть как высшее проявление демонизма биологической жизни, можно, пожалуй, назвать хроническим недугом биосферы. Уничтожая отдельные индивиды, она не опасна для биосферы в целом и потому как бы не замечается ею. И все земные существа, включая человека, покорно принимают смерть. Нужно иметь религиозное сознание высшего типа и способность глубоко любить, чтобы увидеть в смерти абсолютное зло. Для таких людей смерть есть *дефект*, обесмысливающий биологическую жизнь, а бессмертие — норма, от которой она уклонилась.

...Попытаемся представить некую отдалённую планету, которая никогда не знала демонических вмешательств, а значит, не знала закона взаимопожирания и смерти. Могла бы на ней возникнуть жизнь? Могли бы существовать бессмертные создания, способные к бесконечной духовной эволюции?

Если первую возможность здравый смысл, поупрямившись, может, ещё согласится допустить как фантастическую, но в принципе вероятную, то вторую решительно отвергнет, представив набор классических аргументов в пользу зла. Вот они:

Жизнь, лишённую нравственной биполярности, можно в лучшем случае представить в виде примитивного бесформенного киселя, осуществляющего обмен веществ с окружающей средой. К эволюции

он не способен. А уж социальная революция без нравственной bipolarности, без ярко выраженных полюсов добра и зла, любви и ненависти и т.д. есть, вообще, утопия. Человечество погибнет в одном из двух случаев, говорит старая индийская мудрость, — если все люди станут безусловно плохими, или все люди станут безусловно хорошими. Зло выполняет функцию активного, возбуждающего, стимулирующего начала развития. Оно подстёгивает добро, заставляет его совершенствоваться и, в конечном счёте, служит... добру же. Добро, не ведающее ударов зла, становится косным и слабым и гибнет при первом же столкновении со злом. «На то и щука в море, чтобы карась не дремал», — гласит народная поговорка. Мудрость же философская навеки оправдывается словами Гёте: «Кто ты? Часть силы той, что вечно хочет зла и совершает благо».

Оправдательная формула Гёте считается непререкаемой среди нехристиан. Под ней подписался своим романом «Мастер и Маргарита» даже Михаил Булгаков, а уж он-то мог за ненавидимым режимом увидеть самого Князя Тьмы без всякого романтического флёра. Не увидел, если противопоставил ему выдуманного симпатичного Воланда.

Но так ли уж глубока мысль Гёте? Будучи по складу своей души язычником, он боготворил природу, считая её воплощением совершенной мудрости. Если же в действительности природа ущербна, то ущербен и человек. Добро не могло воплотиться в нём во всей своей полноте, поэтому человек и нуждается во зле.

Ущербность добра в человеке ярче всего проявляется в его эволюционной пассивности, в стремлении добра законсервироваться в единожды выработанных формах. Человек, как и природа, болен злом, и только острые приступы этой болезни могут заставить его действовать — человек начинает бороться со злом, происходит смена социальных формаций, ломка старых религий и рождение новых и т.д. Так зло становится вынужденным, исторически необходимым благом, но от этого не перестаёт быть злом.

Представить природу и человека здоровым от рождения наше сознание, привыкшее к разрушительной работе зла, абсолютно неспособно. Это задача не под силу даже самой мощной фантазии — отсюда наивность всех утопий о Золотом Веке. В Библейском мифе об Адаме и Еве не содержится ни малейших подробностей об их жизни до грехопадения, из чего можно заключить, что не хватило фантазии и у автора книги Бытия.

Любовь, искусство, религия, наука, музыка — всё человеческое творчество и все человеческие качества были бы иными в мире без зла. Иными были бы идеалы и пути к ним. Мы можем лишь предположить, что это был бы мир бессмертных, одарённых младенчески-радостным чувством бытия, не знающих тяжести существования *во времени* и печали разочарования в бренном материальном мире, энергичных и деятельных, как дети, духовно утончённых, индивидуально бесконечно разнообразных существ, мир несравненно более полный жизнью, чем наш — воистину Царство Божие, которого ждут все добрые христиане после Второго Пришествия Христа.

Что могло двигать таким обществом вместо дьявольского закона взаимоистребления и конкуренции? Дух Божий, разумеется! Та, разлитая по всей Вселенной таинственная нематериальная субстанция, которая открывается высокому религиозному чувству как божественный сплав бесконечной и творческой энергии, бесконечной мудрости и бесконечной любви. Вот так о ней говорит «Роза Мира»:

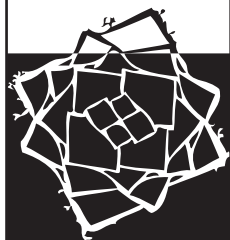
«Дух же Божий воистину вездесущ. Он пребывает даже там, где нет никаких монад, например, в покинутых всеми монадами руинах брамфатур. Без Него не может существовать ничто, даже то, что мы называем мёртвой физической материей. И если бы Дух Божий покинул её, она перестала бы быть — не в смысле перехода в другую форму материи или энергии, но совершенно» (РМ, 45).

Мы живём в океане божественной энергии и божественной любви. Здесь, на Земле, демонические силы страшно ограничивают её приток в наши души, закупоривая каналы нашего восприятия тёмными, нечистыми страстями. Только редчайшие из людей, духовные богатыри, те, кого называют «святыми», обладали даром в полной мере стяжать Святого Духа. Это они открыли простым смертным, что Бог смерти не создал.

Воистину так — Бог смерти не создал. Не законы Творения, а искажение этих законов в нашей космической области породили в ней страдания и смерть. Не только человек повинен в том, что на земле никак не создаётся Царство Божие, но и эти невидимые страшные силы, не оставляющие его в покое ни на один исторический миг.

Глава 6

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ВНЕНАУЧНОСТИ «РОЗЫ МИРА»

Похоже, нам не избежать ещё одного разговора о познавательных способностях человека. Прежде чем погружаться в исследование «Розы мира», мы должны полностью избавиться от ощущения, что имеем дело с фантастическим произведением, облечённым в оригинальную форму, гибридом реального, достоверно известного о человеке и его истории, с религиозными фантазиями автора.

Найдётся очень много людей, может быть, их сейчас большинство, которым всё же трудно соединить в сознании исторический план с метаисторическим как две *реальности*, хотя и глубоко разные, и понять, что такая модель совокупного человеческого бытия, Бытие вообще, обладает истинной полнотой. Даже обобщения системологии не заставят их переступить границу между миром видимым и невидимым. Что поделаешь! Духовная близорукость — распространённый дефект современного прагматически мыслящего ума. Попытаемся преодолеть его с помощью как раз того качества ума, которое его и породило — здравого смысла.

Попытаемся понять, что одним только рациональным, эмпирическим познанием человек глубоко постигнуть мир не может и поэтому к мировоззренческим обобщениям, полученным на этом пути, следует относиться с большой осторожностью. *Комплекс* познавательных способностей человека включает в себя также мистическое озарение и религиозное чувство, и даже поэтическое видение мира — все они в равной степени ценны, ибо только в совокупности могут дать достаточно полный образ мира.

Попытаемся также понять, что этот совокупный образ мира содержит в себе истины, для человека чрезвычайно важные, которые невозможно вычислить, но только *описать*. Это истины религиозные, открываемые только мистикам. Мера и число суть характеристики физического мира, благодаря которым он вообще может существовать. Но есть сферы Бытия, где эти критерии истины дают сбои или вообще не работают. Одной из таких сфер является биологическая жизнь. Сбои начинаются уже на уровне биохимических процессов, которые не всегда удаётся описать с помощью точных формул неорганической химии. Ещё труднее исчислить поведение живых существ, что пытаются делать такие науки, как зоопсихология, психология, социология, и совсем не поддаётся исчислению сфера психического. А есть ещё, как и говорилось, метафизические сферы, абсолютно непроницаемые для всех пяти органов чувств человека, а значит — и ненаблюдаемые. В их существование мы, простые смертные, можем только верить, как верит слепоглухонемой от рождения в мир цветов и звуков, о котором ему рассказывает «на языке пальцев» его воспитатель.

Вряд ли есть необходимость доказывать, что человеческая история как точная наука невозможна, а как естественная наука неполноценна и именно потому, что в неё со всей очевидностью вмешивается метафизический, творчески-волевой пласт Бытия, числу и мере неподвластный. А между тем, как утверждают некоторые мистики (в этом весь пафос «Розы Мира»), его влияние на ход истории колоссально! Ясно, что он не может быть вычислен, но только описан «на пальцах» этими редчайшими людьми.

Наиболее фанатичные слепоглухонемые из нас упрямо отрицают подлинность мистического опыта, считая его плодом галлюцинаций. Этим определением они хотят скомпрометировать его, но попадают впросак, так как не могут материалистически объяснить, а что же такое

галлюцинации? Тут начинается та самая сфера Бытия, которую они отрицают. Ну и Бог с ними! Их мнение не имеет для нас авторитета.

Истинно мудрый, уравновешенный ум должен понимать, что физический план Бытия находится в компетенции научного опыта, невидимый — в компетенции опыта мистического. Оба опыта одинаково нужны и важны. Они не только противоречат, но в разумном, целостном мировоззрении дополняют друг друга. Оба, заметим, одинаково не гарантированы от отрицательных последствий, ошибок и заблуждений. Учёный может изобрести оружие массового поражения, мистик — вступить в связь с силами тьмы и погубить поверившие ему человеческие души.

Даниил Андреев прибегает к удачному сравнению, чтобы показать характер взаимосвязи между физическим и творчески-волевым планами Бытия:

«Что за нелепость, — подумают иные. Как будто мы не располагаем исчерпывающими данными, отчего и как возникают туманы, ветер, роса, не знаем механики образования дождя, рек, растительности? И такие сказки преподносятся с серьёзным видом в середине XX столетия! Недаром автор намекает на то, что ему легче столкнуться с детьми: зрелому человеку не пристало слушать такие басни.

Они заблуждаются, эти абсолютисты научного метода познания: ни малейшего противоречия науке здесь не имеется. Подчёркиваю: науке объективной и серьёзной, а не философской доктрине материализма. Ведь если бы существовало какое-нибудь разумное микроскопическое существо, изучающее мой организм и само в него входящее, оно имело бы основание сказать: в ту минуту, как я шевельнул рукой, эта глыба вещества, состоящая из таких-то и таких-то молекул, дёрнулась оттого, что сократились некоторые её части — мускулы. Сократились же они потому, что в моторных центрах произошла такая-то и такая-то реакция, а реакция была вызвана такими-то и такими-то причинами химического порядка. Вот и всё! Ясно, как день. И уж, конечно, такой толкователь возмутился бы, если бы ему вздумали указать, что “глыба” шевельнулась потому, что таково было желание её обладателя, свободное, осознанное желание, а мускулы, нервы, химические процессы и прочее — только передаточный механизм его воли.

Изучением этого механизма занимается физиология. Это не мешает существованию психологии — науки о том сознании, которое этим механизмом пользуется» (РМ, 41).

Теория относительности, квантовая механика, теория биологической эволюции, астрология, теория игр, сотни других наук и научных школ изучают физическую материю во всей её величайшей сложности, и «Роза мира» не вступает с ними ни в малейшее противоречие, поскольку описывает совсем другой план Бытия. Но она поставит на место всякого, кто вздумает с помощью позитивного знания говорить об окончательном смысле тех или иных мировых событий или процессов или будет отрицать за ними какой-либо смысл вообще. Она предрекает поражение любому философу, который попытается учить людей, как им жить и к чему стремиться, ничего не зная о творчески-волевом плане Бытия. Там, в недоступных для эмпирического знания областях, находятся ключи к пониманию процессов, происходящих в физическом мире.

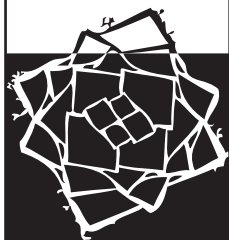
Итак, «Роза Мира» — произведение сугубо повествовательное, но то, о чём оно рассказывает, может оказаться гораздо более ценным для человеческого существования, чем открытия фундаментальных наук. Вопрос лишь в том, насколько достоверен мистический опыт автора? В какой степени ему можно доверять?

В науке существует незыблемый принцип, позволяющий отсекал от неё лженауку. Всякое новое знание не отрицает старого, но включает его в качестве части более общей и более глубокой картины явления. Новая парадигма разрешает противоречия и парадоксы, не решённые в старой, и позволяет делать новые прогнозы, последней недоступные. Тот же принцип может быть распространён и на знание, полученное из мистического опыта. Если оно позволяет понять прошлое, настоящее, будущее в единой взаимосвязи, развязывает узлы губительных нравственных и религиозных противоречий, накопленных за века, если не отрицает пророчеств Христа о судьбах человечества в угоду утопической идее бесконечного прогресса, но учит, как следует жить и действовать в предсказанную Им катастрофическую эпоху — значит, по существу, оно верно.

Поступим самым простым и логичным образом — будем знакомиться с «Розой Мира» в той последовательности, в какой она написана, держа в уме обозначенные выше критерии. И пусть теперь здравый смысл читателя сделает окончательный выбор, разобравшись, достоверен или ложен мистический опыт Даниила Андреева.

Глава 7

ОНТОЛОГИЯ «РОЗЫ МИРА». МИФ О ДОБРЕ И ЗЛЕ

О структуре произведения

В «Розе Мира», произведении композиционно очень стройном, можно выделить четыре смысловые части. Назовём их условно так: вступительная, онтологическая, историческая, пророческая.

Вступительная часть — книга первая и две первые главы книги второй. В них автор сообщает, какие причины побудили его взяться за перо. Он обрисовывает общие контуры мировоззрения «Розы Мира», подробно рассказывает о мистическом источнике воспринятой им информации. Читатель получает представление, о чём пойдёт речь в книге. Он садится в лодку, чтобы отправиться вместе с автором в путешествие, обещающее быть захватывающе интересным. Он полон ожиданий.

Онтологическая часть — третья глава первой книги, книги третья, четвёртая, пятая и шестая. На читателя обрушивается лавина информации ненаучного, сугубо описательного характера. Перед ним

разворачиваются панорамы творчески-волевого плана Бытия, рассказывается о Провиденциальных и демонических началах планетарного космоса Земли — Шаданакаре, о многослойной структуре человеческого существа, о происхождении зла, о характере связей потусторонних миров с нашей физической реальностью. Раскрываются некоторые, до сих пор не разгаданные тайны мировой истории, главная из которых — явление Христа. Историческая часть — седьмая, восьмая, девятая, десятая и одиннадцатая книги. Это триумф трансфизического и метаисторического методов познания. История — не бессмысленная игра природных стихий в человеке, не однонаправленный бесконечный «процесс развития» и, тем более, не проявление абсурдизма Бытия. История — это космос, в котором все основные события так или иначе связаны между собой; в протяжённых во времени исторических циклах есть высшая логика и высший смысл. Практически вся эта часть посвящена русской истории.

Пророческая часть вряд ли может быть ограничена последней, двенадцатой, книгой, в которой гуманистический идеал земного рая парадоксальным образом соединён с православной апокалиптикой. Изображённые в ней картины воспринимаются, скорее, как высокохудожественная, высокоэтичная фантастика, чем как прозрения ясновидца. Так, видимо, и следует их понимать, ибо автор уже объяснил нам, что история есть творческий процесс, будущее инвариантно и в значительной степени зависит от выбора, совершаемого человеком.

Наиболее ценные для нас пророческие мысли, позволяющие ориентироваться в сумбурном потоке современных событий, высказаны Андреевым в предыдущих главах. Верность метаисторического анализа русской истории подтверждается в глазах читателя всем ходом перестройки в СССР с её ярко выраженным демоническим аспектом. «Роза Мира» — это книга, написанная *одним* человеком, закладывающая основы нового миропонимания, которое в одиночку или даже коллективом авторов создано быть не может. Она не отвергает историческое христианство и учение Православной Церкви, но освещает тёмные, загадочные провалы в истории христианства, исполняя евангельское речение о том, что нет ничего тайного, что не стало бы явным. Необходимость такого миропонимания грозно диктуется нашим временем. Пока светлые, созидательные

начала в человечестве пребывают в разобщении, начала разрушительные успешно действуют в едином направлении, словно по единому плану. Люди, находящиеся в их власти, не нуждаются в примиряющем мировоззрении. Они просто проникают во все важные структуры и институты современных государств, включая церкви, стремятся к ключевым постам. Иногда они выступают в виде партий или тайных организаций, но чаще действуют независимо друг от друга, повинувшись голосу бессознательного. Разрушенные личности легко становятся слепыми орудиями демонических сил Шаданакара. Даниил Андреев называет это предполагаемое будущее мировоззрение «религией итога», признавая определение не слишком удачным. Действительно, мысль о замене традиционных религий единой общечеловеческой уже давно набила оскомину и вызывает отвращение у всех искренне верующих людей, к какой бы религии они ни принадлежали. Особенно чужда она православным христианам. Видимо, по этой причине Андреев даёт более подробное и менее пугающее определение будущего мировоззрения: «Это не есть замкнутая религиозная конфессия, истинная или ложная. Это не есть и международное религиозное общество вроде теософического, антропософского или масонского, составленного наподобие букета из отдельных цветов религиозных истин, эклектически сорванных на всевозможных религиозных лугах. Это есть интеррелигия или панрелигия в том смысле, что её следует понимать как универсальное учение, указующее такой угол зрения на религии, возникшие ранее, при котором все они оказываются отражениями различных пластов духовной реальности, различных рядов нематериальных фактов, *различных* сегментов планетарного космоса. Этот угол зрения обнимает Шаданакар как целое и как часть божественного космоса Вселенной. Если старые религии — лепестки, то Роза Мира — цветок с корнем, стеблем, чашей и всем содружеством его лепестков» (РМ, 13).

Последнее уточнение очень существенно для понимания принципиальной разницы между мировоззрением «Розы Мира» и различными универсалистскими космополитическими учениями, появление которых есть признак духовного вырождения технологической цивилизации. «Роза Мира» говорит о *лепестках*, собранных в цветок, универсалистские же системы предлагают ту или иную смесь из кусочков этих лепестков, приготовленную автором

по собственному вкусу. Принципы «Розы Мира» предписывают сохранение культурного и религиозного разнообразия народов, поскольку в нём проявляется в нашем физическом слое многообразие метакультур Шаданакара, оно как бы узаконено мистически. Любая рукотворная универсалистская система — коммунизм, масонство, агни-йога, теософия, антропософия и т.д. — опирается на искусственную идею «всечеловека», требует выведения единой породы людей. Не удивительно, что ни одна из них до сих пор не находила и не найдёт опоры в людях с развитым религиозным и национальным самосознанием. Отношение к мировым культурам и религиям как к феноменам, имеющим абсолютную ценность, даже если они закончили своё существование в физическом плане, есть главное, что отличает «Розу Мира» от универсалистских систем. Поэтому её принципы вполне способны объединить светлые творческие силы современных народов.

Об оригинальности андреевской онтологии

Устройство физического мира совершенно не интересует Андреева, ибо, в конечном счёте, не физические процессы определяют судьбу человека на земле, а духовные воздействия, проникающие в человеческие души из иноматериальных миров планетарного космоса. Законом Энрофа (физического слоя) в онтологии «Розы Мира» уделено приблизительно столько же внимания, сколько нравственным законам в физической модели — они лишь упомянуты. Кесарю кесарево. Даниил Андреев с чистым сердцем и полным уважением к науке отказывается от услуг научного знания, считая при этом, что интересов науки Роза Мира¹ не затрагивает: «Кроме этих чисто методологических противоречий, между Розой Мира и наукой никаких точек столкновения нет и не может быть. Им негде сталкиваться. Они *о разном*... Оставим же в покое философию и политику: в чисто научных областях Роза Мира не утверждает ничего из того, в чём наука имеет право на отрицание. Налицо другое: о тех реальностях, кото-

¹ Поясним сразу же во избежание терминологической путаницы, что «Роза мира» — это книга, написанная Даниилом Андреевым, а Роза Мира (без кавычек) — будущее мировоззрение, основы которого она закладывает.

рые утверждает Роза Мира, наука пока молчит. Но и это — явление недолговременное» (РМ, 18). Вот к этой-то особенности онтологии «Розы Мира» труднее всего привыкнуть после более чем векового тотального господства над умами физической картины мира. Тут надо, очевидно, понять, что онтология Даниила Андреева заслуживает не менее серьёзного внимания, чем космология. Она тоже основана на опыте, только совершенно особого рода. На протяжении пяти книг, шаг за шагом Андреев разворачивает грандиозную панораму мировой жизни — от Бога до человека, от метафизических событий бесконечно далёкого прошлого до исторических процессов, всем нам известным. Религиозные мифы народов суть не что иное, как уловленные особыми, очень чуткими душами, расцвеченные народной фантазией, искажённые субъективными привнесениями фрагменты подлинной трансфизической реальности. Андреев называет эту невидимую реальность термином «трансмиф», поясняя, что в отличие от мифа, навеки застывшего в некогда созданных художественных образах, трансмиф находится в постоянном развитии, движении. Различие между мифом и трансмифом приблизительно такое же, как между детским рисунком, изображающим городской пейзаж, и живым городом со всем сонмом его событий и проблем.

Читая книгу Андреева, погружаясь вместе с автором в бездны иноматериальных миров, созерцая полные драматизма картины потусторонней жизни, вслушиваясь в экзотические имена персонажей и названия местностей, поневоле поддаёшься обаянию андреевского художественного гения и начинаешь воспринимать описываемое им как некую объективную реальность, которая, в принципе, может быть увидена любым человеком и всегда будет одной и той же. Но возникает отрезвляющий вопрос: почему в откровениях духовидцев прошлого ни у одного из них (например, Данте, Сведенберга, иудаистских мистиков, православных монахов, буддистов Тибета), кому было дано видение потусторонних миров, мы не обнаружим даже фрагментов увиденных Андреевым картин, хотя бы подобия услышанных им имён и названий? Почему вообще свидетельства всех визионеров не совпадают, а если совпадают, то не в конкретном, а в самых общих идеях, которые уже перечислялись ранее? Из их сообщений абсолютно невозможно составить единую объективную картину потусторонних миров. «Роза Мира» даёт нам ещё одно их видение, внутренне цельное и непротиворечивое, но в конкретике

своей совершенно самостоятельное, никак не связанное с видениями других мистиков. Одно из двух: либо Андреев — первый человек, которому было дано увидеть подлинную потустороннюю реальность, либо эта реальность совершенно особого рода и не может быть объективизирована. В таком случае, это тайна за семью печатями и всякое её изображение в конкретных образах есть не что иное, как миф. Тогда миф, созданный Андреевым, не может быть уподоблен рассказу путешественника, побывавшего в других землях, хотя автор именно так себя и воспринимает и даже предрекает появление «колумбов и магелланов планетарного космоса» в недалёком, по его мнению, будущем, которые увидят то же, что первым увидел он. Но можно ли быть уверенным, что образы, возникавшие в его человеческом мозгу, выплывавшие из глубин памяти, были точным воспроизведением воспринимаемых им сигналов? Так различные живые существа видят окружающий мир: один и тот же объект совершенно по-разному. Фасетчатое зрение мухи, тепловое зрение змеи и бинокулярное в пределах видимого спектра зрение человека дадут разные субъективные образы одного и того же предмета.

Может быть, ещё большим разнообразием отличается духовное зрение разных мистиков, хотя бы они и принадлежали к одному виду живых существ? Что вообще представляют собой эти таинственные «органы» духовного видения? Мы не имеем об их свойствах ни малейшего представления — знаем только, что никогда ни у каких мистиков виденные этими органами потусторонние образы *не совпадают*. Будет, по-видимому, разумным остановиться пока на том, что Андреев слагает миф, как это делали до него все мифотворцы — от автора книги Бытия до современных космологов, что в основе его лежит несомненно подлинный духовный опыт и что сработан он на высочайшем интеллектуальном и художественном уровне. Что же рассказывает этот последний по времени великий религиозный миф человеческой истории?

0 материальности мира духов

Начнём с высшей инстанции — Бога. Бог есть абсолютно благая, абсолютно свободная, рационально непознаваемая творческая первопричина мира. Это Солнце Мира — так называет Бога Андреев.

Богу в «Розе Мира» посвящены немногие, но глубокие по мысли и чувству строки. Часть из них уже цитировалась. Можно добавить к сказанному, что Андреев в точности подтверждает учение Православной Церкви о Боге. Бог есть Дух, лишённый какой-либо материальности. Бог самобытен, то есть не имеет внешней по отношению к Себе причины Своего Бытия. Бог свят и благ. Бог един в трёх Лицах. Бог, открывший Себя во всей Своей полноте христианам, есть истинный Бог всех народов, хотя бы другие религии понимали Его иначе, чем христиане. Такой образ Бога обнаруживаем мы в «Розе мира». Бог сотворил мир видимый (физический) и мир невидимый (мир духов). Здесь нас ждёт первая неожиданность. Оказывается, невидимый мир тоже материален, но материя его совершенно особого рода, чрезвычайно тонкая, качественно отличающаяся от физической. Впрочем, сообщение о материальности мира духов будет неожиданностью только для тех, кто не знаком с православным учением о духах. В этом пункте некогда разошлись богословы западной и восточной христианских церквей. Католическая идея об абсолютной нематериальности мира духов была решительно отвергнута Православием. Православное вероучение утверждает, что духи суть тонкоматериальные существа, подчинённые законам пространства, времени и причинности, но по сравнению с человеком гораздо менее ими стеснённые и гораздо более могущественные. Абсолютно нематериален лишь Бог. Нематериальность духов означала бы, по мнению отцов Церкви, их единосущность с Богом, то есть равенство по природе, что ведёт к профанации идеи единобожия. Читаем по этому поводу у Игнатия Брянчанинова: «Ипотеза о совершенной невещественности сотворённых духов, не подчиняющихся ни времени, ни пространству, приписывающая сотворённым духам одинаковую сущность с Богом, явилась в XVII столетии. Она заимствована Декартом, как мы уже сказали, в значительной степени у древних языческих философов... Как мог бы Архангел Гавриил, являсь Захарии, встать одесную алтаря кадильного (Лук. 1,2), если бы он не имел никакого отношения к пространству? Ипотеза Декарта ведёт к отвержению Писания и неверию... Учение Декарта о совершенной невещественности духов, об их независимости от времени и пространства, будучи проверено наукою, является равновесным отрицанием существования духов... Истина Веры находится в единении истиной науки. Но зачем принимать из науки бредню, которую она

сама признала одною из неизбежных погрешностей на пути своём... Западные, принявши в недавние времена много учений чуждых и противных Православной Церкви, недавно приняли чуждое ей учение о совершенной невещественности сотворённых духов, приписали им духовность в той степени, в какой имеет её Бог... Они поставили Бога, Творца всех и всего, в один разряд с сотворёнными духами, признают их независимость от пространства, отрицают в них подобную телам способность к передвижению, словом сказать, приписывают существу их свойства, одинаковые с Богом... Всё, что бы то ни было, не имеющее густого и плотного тела, по всеобщему употреблению называется духами. И поэтому демоны, не имеющие таких тел, называются духами. В невидимом мире имеются средства, разумеется, вещественные, действующие самым сильным образом на предметы видимого мира». Итак, изображённые Андреевым потусторонние миры со всеми их слоями и обитающими в них существами — материальны. Но эта материальность совершенно особого рода, не физическая. Она, конечно, многообразна, её качества зависят от мерности пространства и времени того или иного слоя. В Шаданакаре, сообщает Андреев, существуют двумерные и даже одномерные демонические слои, материальность которых во много раз плотнее нашей. Есть двумерные миры с несколькими временными координатами, что создаёт в них особую, духовную духоту (PM, 77). А есть миры восхождения, четырёх- и пятимерных пространств, состоящих из тонкой, тончайшей материи. Общий принцип — чем больше число пространственных измерений, тем больше свободы и тем тоньше, светлее материя. Андреев называет отличие материи от духа «стадиальным». Утончаясь по стадиям или уровням, материя в бесконечно далёком, высшем, пределе обращается в чистый дух. И этот Дух — Бог. Кроме Бога, есть ещё одна абсолютно нематериальная сущность, проявленная в нашем мире, во всех мирах. Это *монада*. Монады, по оккультной терминологии, суть бессмертные, неделимые духовные сущности, составляющие первичную основу всего, что имеет бытие: «Всё, что существует, начиная с атомов и кончая планетами, имеет элемент жизни, обладает частью Божественного Духа, иначе говоря, обладает монадой». Согласно оккультному учению «Тайной Доктрины» Е. Блаватской, Бог творит первичное Зерно Духа — основу будущей монады. Сама же монада подвержена закону космической эволюции. Переходя из объекта в объект, она прохо-

дит длинный путь совершенствования и развития, который начинается из недр неживой материи, с самых примитивных физических объектов, и уходит вверх, к высшим, духовным формам жизни. Для теософии Блаватской, вообще говоря, не существует принципиальной разницы между живым и неживым: вся Вселенная изначально пронизана жизнью, смерти не существует. Работает автономный конвейер, постепенно трансформирующий низшие формы жизни в высшие, вплоть до самых высоких духовных иерархий. Все живые существа начинали когда-то свой путь с минералов, даже ангелы...

Оккультное учение об эволюции «зерна духа» неприемлемо для христиан по многим причинам, главная из которых — профанация Бога. Участие Бога в сотворении живых существ, в жизни мира сводится к ничтожнейшему минимуму. Он как бы и не нужен, поскольку Вселенная в оккультной модели — это лишённая тайны гигантская суперфабрика, способная производить даже трансцендентные сущности — монады. Поэтому христианские богословы абсолютно правы, считая современный оккультизм завуалированной формой материализма. «Роза Мира» — совершенно самостоятельное, глубоко оригинальное и самобытное произведение, никак не связанное с оккультной традицией, как теософия или антропософия. Она не является «продуктом развития» ранее высказанных оккультистами идей. Поэтому мы не обнаруживаем здесь теософского учения о «монадостроении», которое, казалось бы, должно импонировать автору «Розы Мира», создавшему эволюционистское мировоззрение. У Андреева вообще нет математически выверенной монадологии. Всё не так просто, как считала Блаватская. Ангелы не могли произойти от минералов. Подобного рода духовной безвкусицы в «Розе Мира» нет. Сказано лишь по поводу монад, что это высшие «Я», неделимые духовные субстанции, являющиеся центром всех живых существ. Творит монады Бог и только Бог, изначально закладывая в них *идею* данного организма или существа. Все монады разные и отличаются друг от друга «степенью своей врождённой потенциальной масштабности, неисчерпаемым многообразием своих материальных обликов и дорог своей жизни» (РМ, 45). Существуют монады простейших живых существ, монады человеческие, монады ангельские. Демонические монады суть те же ангельские, но сделавшие некогда ложный выбор. И хотя каждая из этих групп совершает духовную эволюцию (демонические монады — отрицательную

«эволюцию»), андреевское понимание Творения и Творца несравненно ближе к христианскому, нежели к оккультному. Разнообразие живых существ в мироздании объясняется тем, что Бог наделил их разными по своим возможностям и смыслу монадами. Важно понять, что живое, в конечном счёте, творит Бог, а не автоматический космический конвейер.

О творчески волевом плане Бытия

Ну, хорошо, Бог создал материальный мир. Мир есть объект по отношению к творческому субъекту — Богу. Тогда возникает принципиальный вопрос: какая сила или силы осуществляют движение и развитие мира, дают жизнь всё новым и разным формам? Может быть, материя и в самом деле обладает способностью к саморазвитию, как утверждает синергетика? Но тогда отпадает нужда в Боге. Может, Бог управляет миром, как мозг — человеческим телом, доходя своим пониманием до каждой последней материальной единицы? Но в таком случае мир становится театром марионеток, против чего протестует христианство и современная наука, пришедшая к идее «вероятностного мира». А может быть, Бог смешался с миром, Бог и есть сам мир? Но пантеизм отвергнут христианством, утверждающим, что Бог есть Личность, пребывающая вне мира, трансцендентная, не смешивающаяся с миром.

На поставленный выше вопрос Даниил Андреев отвечает так: мир есть творчество. Блистательный ответ! То, что наука называет развитием, эволюцией, что подчинено определённым закономерностям и в то же время не ограничено одними законами, но содержит момент вероятностного, неопределённого, непредсказуемого есть проявление творчества высших разумных существ — ангелов, демиургов, стихийалей и ещё более высоких и могущественных инстанций, сотворённых, в свою очередь, Богом. И человеку дана для проявления его творческих сил ограниченная сфера мироздания — планета Земля. Если бы развитие мира осуществлял сам Бог, то мир был бы абсолютно совершенен и... лишён свободы. Ведь свобода предполагает возможность выбора и ошибки при выборе, а Бог ошибаться не может, ибо в нём заключены полнота истины, всеведение и всезнание. Было бы странно, если бы всеведающее, всезнающее

существо сознательно совершало ошибки, сомневаясь в выборе. Ошибаться могут только существа не всезнающие и не всемогущие, являющиеся частью мира и не обладающие полнотой истины. Но как-то в таком случае участие Бога в жизни мира? Огромно! Само вселенское творчество, его направленность и далёкий провиденциальный смысл, не постигаемый даже самыми могущественными из духовных иерархий Вселенной, существование Вселенной как целостности возможны только благодаря Духу Божию. Если Бог внемирен, то Дух Божий пребывает с миром вовек. «Дух же Божий воистину вездесущ. Он пребывает даже там, где нет никаких монад...» — впрочем, это великолепное место из «Розы мира» уже цитировалось. Таким образом, Бог сотворил мир со всеми необходимыми для его существования и развития законами и предоставил ему определённую свободу. Но свобода не означает произвола. Творчество высших иерархий ограничено законами Творения. Законы суть инструменты в их руках, не более того. Ими можно пользоваться, но их нельзя ломать. Мы знаем, какая строгая математика лежит в основе Вселенной, как точно соблюдаются в макромире законы небесной механики, а в микромире — законы квантовой механики и т.д. О каких-то малопонятных пока закономерностях говорят астрология, гелиобиология, теория игр, за этими науками — будущее. По тем же причинам различные слои Шаданакара достаточно независимы, изолированы друг от друга. Свободный переход обитателей одного слоя в другой иногда возможен, иногда нет. Если бы таких ограничений не было, чудеса на нашей планете соседствовали с естественными явлениями, нарушая органическое развитие жизни. И, может быть, человечество в ещё незапамятные времена было бы буквально, физически завоёвано бесами. Так оставляется обширная область для рационального познания мира, основанного как раз на неизменности законов и отсутствии чудес.

Ограниченность рационального взгляда на мир проявляется в том, что он видит только инструменты и производимые ими действия, но не видит за ними творцов, что остроумно проиллюстрировал Андреев, сравнив материю мира с человеческим организмом, а творчески-волевой план Бытия — с духовными и нервными импульсами, им управляющими. Но если материализм физиков и астрономов, изучающих автоматически действующую, по их мнению, вселенскую машину, ещё можно понять, то в биологии, а тем более

в истории он совершенно непростителен. Уж здесь-то налицо творчество, ограниченное определёнными правилами. Именно по этой причине ни биологическую, ни социальную эволюцию не удалось до сих пор объяснить действием одних только законов, хотя и биологические и, наверно, социальные законы, несомненно, существуют. Относясь с полным уважением к науке, «Роза Мира» открывает нам творчески-волевой план Бытия, показывает множественность связей между человечеством и высшими иерархиями Шаданакара. Не может быть ничего кощунственного, унижающего Бога в утверждении Андреева, что материальность нашей астрономической Вселенной, которую описывали в своих трудах великие физики, создана не непосредственно самим Богом, а его высшими творениями — светлыми иерархиями невообразимой творческой мощи, известными в христианской мистике под названием *властей*. Не умаляет Бога и то, что верховной духовной инстанцией нашего планетарного космоса — Шаданакаром является Планетарный Логос — богосотворённая монада, способная творить жизнь, что в творчески-волевом плане развитие жизни на земле определяют «ваятельница плоти» Лилит, стихии, Ангелы и другие сверхразумные духи. Об их существовании поведало нам на своём языке древнее язычество. Их образы, антропоморфные, ярко расцвеченные народной фантазией, мы встречаем в мифах дохристианских религий. Непреложно одно: идеальную нематериальную основу всех живых существ творит только Бог. Ни одна самая могущественная иерархия творить монады не может, и в этом глубоком смысле все мы — и люди, и ангелы — сотворены Богом. Каждая из монад проходит колоссальный по протяжённости цикл становления, облекаясь на каждом новом этапе новой материальной сущностью, суммируя предыдущий опыт в форме некоего глубинного интуитивного знания. Отсюда столь яркое неравенство в духовном и интеллектуальном плане, наблюдаемое среди людей. Этот огромный цикл разбивается для обитателей Земли на два этапа: эволюцию в пределах биологической жизни с многократными смертями и рожденьями и, по выходе из неё, — несравненно большую по протяжённости и масштабам эволюцию в мирах иной материальности с иными, более высокими задачами и целями. На земном отрезке существования у монады возможны срывы. Кармический закон может повергать её в демонические миры и возвращать к новым рожденьям в новых телах, но он не мо-

жет отменить более общего закона — закона восхождения монады к Богу. Андреев со спокойной уверенностью рассказывает о своих собственных предыдущих жизнях, о происхождении могучих монад Толстого, Микеланджело, Лермонтова, о циклах перевоплощения в демонических мирах, которым подвергаются демоны, о лестнице восхождения до самых высоких иерархий мироздания, которые монада проходит уже без перевоплощения, пребывая в одной и той же личности...

Христианство и Восток

Здесь обнаруживается наименее защищённое место в онтологии «Розы мира», из-за которого Андреев рискует быть отвергнутым всеми христианами. Христианские церкви единодушны во мнении, что теория перевоплощения суть оккультная ересь, несовместимая с учением Христа. Христос обещал спасение каждой *единожды* сотворённой Богом личности, а не кочующей по телам и судьбам, безличной, себя не помнящей монады. Величайшим достижением христианства является то, что высшей ценностью мироздания оно объявляет *личность* как неразрывное единство тела, души и духа.

Нарисованная Андреевым картина космической эволюции монады, приходится признавать, ставит под сомнение обетование Христа и может прельстить кого угодно, только не христианина. В любящей православной душе она вызовет мертвящий холод, оттолкнёт своим кажущимся равнодушием к живой человеческой личности. Проблема слишком серьёзна, чтобы можно было оставить её без внимания. Какие доводы могли бы примирить два столь не схожих по видимости взгляда на посмертную судьбу человека? Если бы Андреев эклектически позаимствовал идею эволюции монады из оккультной философии, спорить было бы не о чём. Но «Роза Мира», как мы уже выяснили, — это не крошка из различных религий и учений, поэтому образ трудолюбивого компилятора, обложившего себя стопами чужих трудов, к её автору никак не подходит. «Даниил не был ни теософом, ни антропософом, ни кем-либо ещё такого плана, — говорит об Андрееве человек, знавший его лучше всех, его жена Алла Андреева. — Состояние особого видения, посещавшее его с ранней юности, а в тюрьме перешедшее в ровный и сильный

свет трансфизического *знания*, есть редкий, но встречающийся у людей дар Светлых Сил. В принадлежности этих Сил Свету не остаётся сомнений, когда читаешь книгу» (PM, 5). Из свидетельств самого Андреева о мистической природе его вдохновения становится ясно, что он просто не нуждался в заимствованиях из религиозной литературы, поскольку получал информацию, так сказать, из первоисточника. Надо думать, из этого первоисточника он узнал, что все положительные религии под разными углами изучают одну и ту же сверхсложную невидимую реальность и поэтому не отрицают, а дополняют друг друга своими основными откровениями. «Но столь же беспочвенно и нелепо утверждение, будто бы все учения или какое-либо одно учение *ложно*. *Совершенно* ложных учений нет и не может быть. Если бы появилось мнение, лишённое даже крупинцы истинности, оно не могло бы стать учением, то есть переданной кому-то суммой представлений. Оно осталась бы собственностью того, кто произвёл его на свет, что и случается, например, с философическими или псевдонаучными построениями некоторых душевнобольных. Ложными, в строгом смысле слова, могут быть отдельные *частные* утверждения, которым способен придавать иллюзию истинности заёмный свет от частноистинных тезисов, соседствующих с ними в общей системе. Однако имеется известное соотношение количества и весомости частноистинных и ложных тезисов, при котором сумма ложных начинает обесценивать крупинцы истины, в данном учении заключённые. Далее следуют учения, в которых ложные утверждения не только обесценивают элемент истинного, но переводят всю систему в категорию отрицательных духовных величин. Подобные учения принято именовать учениями «левой руки». Будущее учение Противовобога, которым, по-видимому, ознаменуется предпоследний этап всемирной истории, построится таким образом, что при минимальном весе частноистинного элемента свет от него будет придавать ему вид истинности максимуму ложных утверждений» (PM, 23).

В самом начале книги, очевидно, с целью психологически подготовить читателя к обвалу ошеломляющей информации о планетарном космосе, Андреев показывает, как можно устранить наиболее резкие разногласия между христианством, исламом, язычеством и восточными религиями, не покушаясь на религиозный суверенитет этих систем: «Здесь налицо типичный случай разствования рели-

гий по горизонтали: не противореча друг другу, не сталкиваясь друг с другом по существу, не сталкиваясь друг с другом в необозримом духовном космосе, христианство и индуизм, буддизм и ислам, иудейство и религия шинто говорят *о разном*, о разных, так сказать, духовных странах, о разных сегментах Шаданакара; ограниченность же человеческая толкует это как противоречия и объявляет одно учение истинным, а остальные ложными. — “Если Бог един, то другие боги суть, так сказать, самозванцы: это — или бесы, или игра человеческого воображения”. Какая детская мысль! Господь Бог един, но богов много; начертание этого слова в русском языке то с большой, то с малой буквы достаточно ясно говорит о различиях содержания, вкладываемого в это слово в обоих случаях» (РМ, 27). По поводу реинкарнации Андреев высказывает следующее примечательное суждение: «Ошибочность религиозных догматов заключается, по большей части, не в их содержании, а в претензиях на то, что утверждаемый догматом закон имеет всеобщее, универсальное, космическое значение, а утверждаемый догматом факт должен исповедоваться всем человечеством, ибо без этого будто бы нет спасения. Всё изложенное приводит нас к признанию подлинности того духовного опыта, который отлился в идею перевоплощений: да, такой путь становления имеет место; ничего принципиально неприемлемого для христианства в существовании этой идеи *нет*, кроме, разве, того, что об идее перевоплощений до нас не дошло никаких высказываний основателей христианства и ислама (что, впрочем, само по себе ничего не доказывает, так как в Евангелие и в Коран попало, как известно, далеко не всё, что они говорили). Но решительно ни из чего не следует, что путь перевоплощений будто бы есть единственно возможный, единственно реальный путь становления индивидуального духа. Отшлифованное в таком направлении, чтобы постигнуть этот тип пути, сознание индийского народа, как часто в подобных случаях бывает, абсолютизировало своё открытие, стало глухо к восприятию других типов пути становления» (РМ, 25). Абсолютизация идеи перевоплощений оказалась ловушкой, в которую попало нравственное сознание философов оккультного направления. Оккультная онтология изображает космическую эволюцию монады как конвейер рождения и смертей, задуманный самим Богом. Рождение — смерть, рождение — смерть... работает космическая фабрика, точно подсчитывая все грехи и ошибки себя не помнящего «Я», равнодушная к трагедии окончательной

гибели конкретной, уникальной личности. Читаем у А.Клизовского: «Космические законы не знают ни пощады, ни сострадания. Когда в конце циклов и при смене рас приходит срок для уплаты по счетам, то за нарушение законов жизни будут платить все, кто нарушил их... Таким образом, сущность закона перевоплощения заключается в том, что человек рядом последовательных жизней на физическом плане Бытия всё более приобретает жизненный опыт, который в промежутках перед воплощениями, то есть во время нахождения в развоплощённом состоянии, в высшем ментальном плане — в Девагане по индусской терминологии или Раю по христианской, претворяет в способности и характер человека. С этими способностями и тем характером, с которым человек является в новую жизнь, продолжая предыдущую, начинается с той ступени развития, на которой человек остановился в предыдущей жизни».

...Звересты трупов, моря человеческой крови, жуткие пытки, увечья, страшные болезни, ужас жертв и злоба палачей — всё, что в реальной жизни может стоять за словом коротким «смерть», всё её многообразное, непереносимое для души содержание в этой холодной интеллектуальной схеме отсутствует. Все эти малозначительные *детали* есть результат авидьи, заблуждение ума и только. Человечество должно преодолеть авидью, усвоив Великое Новое Учение, вручённое избранным, отменяющее все старые, и тогда весь этот ужас останется в прошлом. Такова воля «Старших Братьев Человечества». А чтобы людей Новой Эпохи не мучила совесть, что живут они, счастливые, знающие Истину, на вершине горы из трупов, «новое миропонимание» разработало специальную теорию жертвы. Из неё следует, что жестокая борьба за существование и кровавые жертвоприношения, революции, войны, эпидемии болезней, землетрясения и т.д. имеют нравственно религиозный смысл. Каждое предыдущее, несовершенное должно быть принесено в жертву последующему, иначе конвейер совершенствования монад не сможет работать. «К числу основных законов, которыми управляется и живёт Вселенная, принадлежит закон жертвы... Закон жертвы есть основной закон и главный принцип развития жизни в мироздании... Одни формы животных жертвуются для того, чтобы поддерживалась жизнь других животных. Но животное, послужившее пищей другому животному, хотя и принудительно выполняет закон жертвы и тем приобретает право на дальнейшую эволюцию... Эта вызванная в жи-

вотном царстве появлением плотоядных животных, свирепая борьба за существование имеет в своей основе величайшую мудрость и благо в результате».

Трудно поверить, что этот текст, годный в качестве учебного пособия по социал-дарвинизму, мог родиться в голове, обладающей религиозным сознанием! Нужно было бесконечно далеко уйти от православия и от Христа, чтобы написать эдакое. Да мог ли всемогущий, всеблагий Бог замыслить к сотворению кошмарный конвейер смертей? Мог ли допустить, чтобы его создания, заранее обречённые на ошибки, подвергались бы мучительному и безрадостному пути перевоплощений? Каждый умирает в одиночку?

«Роза Мира» решительно отвергает такое предположение, сообщая нам нечто новое о Творце: «Он абсолютно благ. "Он всемогущ", — добавляло старое богословие. Но если Он всемогущ — Он ответствен за зло и страдания мира, следовательно, Он не благ. Казалось бы, выйти из круга этого противоречия невозможно. Но Господь творит из Себя. Всем истекающим из Его глубины монадам неотъемлемо присущи свойства этой глубины, в том числе абсолютная свобода. Таким образом, божественное творчество само ограничивает Творца, оно определяет Его могущество той чертой, за которой лежат свободы и могущество Его творений. Но свобода потому и свобода, что она заключает возможность различных выборов. И в бытии многих монад она определилась отрицательным выбором, их утверждением только себя, их богоотступничеством. Отсюда то, что мы называем злом мира, отсюда страдание, отсюда жестокосердные законы и отсюда же то, что эти зло и страдания могут быть преодолены. Законы оберегают мир от превращения в хаос. Сами демоны вынуждены считаться с ними, дабы миры не рассыпались в пыль. Поэтому они не опрокидывают законов, но утяжеляют их. Законы слепы. И просветлены они могут быть не во мгновение ока, не чудом, не внешним вмешательством Божества, но длительнейшим космическим путём изживания богоотступническими монадами их злой воли» (РМ, 49).

Здесь отчётливо обнаруживается превосходство андреевской мистики зла над нравственно ущербным оккультным решением проблемы, обусловленное гораздо более высоким пониманием Бога. Бог создал мир, не нуждающийся для своего развития и совершенствования в злой воле, искажающей его законы, в том числе

и законы нравственные. Но Он не мог предотвратить появления злой воли, поскольку творит монады разумных и сверхразумных существ свободными, способными уклоняться от предлагаемых им путей. Бог *вынужден* терпеть зло на некотором, протяжённом во времени и пространстве, цикле вселенской эволюции, поскольку изжито оно может быть только постепенно, а не единовременным актом устранения из Творения демонических начал. Таким образом, зло есть, в сущности, *эпизод* в истории Творения, притом эпизод начальной его истории, каким бы колоссальным по масштабам он ни казался ограниченному временем и пространством человеческого разуму.

Такова самая общая формула оправдания Бога за невыносимые, неприемлемые для чуткой христианской совести «механизмы» духовной эволюции, с которыми так легко и просто мирится оккультная философия. Миф «Розы Мира» облакает эту формулу в соответствующие образы и сюжеты. Кроме светлых творческих иерархий, в мироздании, оказывается, действуют и тёмные, способные к творчеству демонические иерархии. Это ангельские монады, некогда отпавшие от Бога. Могучим источником творчества является любовь, говорит «Роза Мира». У ангелов любовь огромна и обращена к миру. У демонов тоже огромна, но обращена исключительно на себя, поэтому их творчество изначально ущербно. Они не способны создавать новые миры, не способны творить жизнь и красоту, но могут лишь паразитировать на творении. Вторгаясь в уже сотворённые миры, они вводят в них закон смерти. Линия непрерывной эволюции монады дробится на множество отрезков, и возникает *трагический* путь перевоплощений, связанный с полным уничтожением данной личности в конце каждого отрезка. Это путь смертей и страданий, часто очевидно *бессмысленных*. Но смысл в них, оказывается, есть. Андрей свидетельствует о существовании особых видов демонов, которые восполняют убыль своих жизненных сил при каждом акте пролития крови, при всяком мучении живых существ. Один этот факт заставляет нас по-новому взглянуть на все религии и культы, в которых сакрализуется акт кровавого жертвоприношения, в том числе — на книги Ветхого Завета.

«Роза Мира» позволяет благополучно разрешить самое острое противоречие между христианством и восточными религиями. Зная о могуществе и всеблагости Бога, о свободе, которую он дал своим

творениям, мы вправе применить в разрешении этого противоречия принцип: каждому по вере его. Тот, кто внутренне, душевно готов к переселению своей души после смерти в новое тело и новую судьбу, доказывает этим, что он ещё не поднялся до осознания того, что поскольку Бог есть личность, то личностное бытие является высшей ценностью мироздания. Его удовлетворяет суррогат бессмертия — путешествующая из жизни в жизнь, себя не помнящая монада. Ему недороги все те бесчисленные светлые связи с миром, из которых состоит жизнь души и которые разрушает смерть. Справедлив Бог, такой человек совершает абсолютно свободный, добровольный выбор, и ему приходится рождаться снова и снова, проигрывать в иных нарядах много раз сыгранную роль. Мистики Востока исчисляют земные воплощения монады сотнями!

Нет сомнения, что все до единого люди, живущие ныне на земле, рождались и умирали много раз, даже иерархи христианских церквей. Это вытекает из самого факта их появления на свет и восточного откровения о реинкарнации. За каждым из нас тя, длинная цепочка рождений и смертей, уходящая, возможно, в доисторические времена. Но для тех, кто поверил в Христа, кто не умножал своими делами зла, не служил демонам, но служил добру, это цепочка *обязана* оборваться последним воплощением. Монада сотворена Богом, Бог бесконечно могуществен и добр, и если наша монада в некий момент своей духовной эволюции сделала свободный выбор, сказав: «Воскресни!», то Бог изымет её из потока сансары. В этом всё упование и вся надежда христиан.

Следует признать, что приведённые выше суждения об ущербности восточного варианта бессмертия несколько огрубляют проблему. В действительности всё не так просто. Путь перевоплощений — это всё-таки не арифметическая сумма жизней, никак не связанных друг с другом, абсолютно разных личностей. Его проходит некоторое, глубоко индивидуальное, уникальное «Я», которое для индийского йога или тибетского монаха и есть личность. Поэтому правильнее будет сказать, что ущербно то легкомыслие, с каким некоторые современные интеллигенты, потомки христиан, отрекаются от христианского упования. Они по-настоящему не понимают ни христианства, ни восточных религий. Завершаясь воскресением мёртвых и обретением вечной жизни, христианский религиозный идеал охватывает лишь *первый* этап космической эволюции монады, который

происходит в нашем физическом мире и ограничивается физическим миром, только преображённым. *Христиане просто хотят узнать, какой может быть нормальная, то есть бессмертная, жизнь в освобождённом от демонических сил мире, открытом высшим, более тонким мирам.*

Христианство почти ничего не говорит о том, как будут жить воскресшие в новом мире. Выше смутных догадок о вечном блаженстве, о том, что по воскресении изменится весь состав нашей плоти, что мы встретимся с родными и близкими нам людьми, фантазия христианских учителей подниматься не осмеливалась. А там, впереди, свидетельствует Андреев, нас ожидает перспектива бесконечной духовной эволюции и рост нашей личности. Там есть высшие слои и сферы, куда, минуя телесное воскресение, уходят души святых людей Востока. Об этом немного рассказывается в главе «Миры просветления».

Почему демоны злы?

Ответ на сложный вопрос порождает новые вопросы. Что за странные существа эти демоны? Что ими движет в стремлении искажать творение и причинять страдания живым существам? Не фантастична ли сама мысль о таких существах? Вот загадка для любого нормального человека, который, если и вынужден причинять кому-то страдание, то сам страдает от этого. Добрые люди часто бывают простодушны и не подозревают о том, что зло — это бездна, отрицательная нравственная бесконечность, допускающая возможность духовной деградации монады до невысказанных пределов падения. Остроумно и мудро сказал об этом Ежи Лец в одном из своих афоризмов: «Я думал, что достиг дна, но в ту же минуту снизу постучали». Происхождение этой бесконечности есть такая же тайна, как тайна бесконечного вообще, и не человеческому уму пытаться разгадать её. Но о её существовании косвенно свидетельствует сама наша жизнь. Пусть простодушные люди внимательно присмотрятся к жизни, памятуя о том, что она подвержена влияниям со стороны потусторонних миров. Разве не приходится нам встречать людей, которым доставляет наслаждение тиранить и мучить других? Разве не приходится недоумевать, почему такие люди никогда не скажут ничего хо-

рошего о другом, даже если он этого, безусловно, заслуживает, но готовы ухватиться за любой пустяк, чтобы наговорить гадостей? Это люди демонического склада души, хотя ещё не демоны. Главный мотив их поведения, очень часто самими не осознаваемый, — стремление получить наслаждение и улучшить самочувствие, многие из них подобным образом даже поправляют своё здоровье. В современных оккультных сочинениях их называют *энергетическими вампирами* и учат приёмам защиты от них. Из «Розы Мира» мы узнаём, что страдания живых существ сопровождаются психическими излучениями, имеющими для демонов жизненно важное значение: «Всякое страдание существа, всякая его боль и мука дают излучение — и здесь, в Энрофе, и там, в мирах посмертия. Всякое его чувство, всякое волнение его душевного естества не может не давать соответствующего излучения. Излучения злобы, ненависти, алчности, похоти животных и людей проникают в демонические слои, восполняя убыль жизненных сил у различных классов и групп их обитателей. Но этих излучений едва достаточно, чтобы они восполняли убыль сил именно у отдельных демонических сообществ. Зато излучения страдания и боли — они называются гаввах — способны насыщать гигантские толпы демонов почти всех видов и рангов. По существу, гаввах — их пища» (РМ, 47).

Андреев говорит о том, что брамфатуры многих планет и даже целых галактик, включая нашу, поражены демоническими силами. Не проявленные в физическом плане, они подобны невидимым для невооружённого глаза паразитам, которые подтачивают организм, не давая ему жить в полную силу. В отличие от колоний биологических паразитов, колонии демонов отличаются большим внутренним разнообразием. В них входят демоны разных уровней — от сравнительно безобидных мелких бесов до исключительно злобных, могущественных существ. Во главе каждой колонии стоит верховный демон, обладающий чрезвычайно высоким интеллектом.

Один из таких демонов, по имени Гагтунгр, рассказывает миф «Розы Мира», существо совершенно непредставимой для человека мощи интеллекта, вторгся в незапамятные времена с полчищами других демонов в планетарный космос земли — Шаданакар. Он вмешался в творчество светлых сил, исказил и утяжелил законы природы, внёс в них закон борьбы, взаимопожирания и смерти. Так на земле появилось зло.

Поскольку зло не является порождением законов мироздания, не запрограммировано в его «устройстве» как неперемное условие развития живого, то оно не повсеместно и изживаемо. В иных брамфатурах оно сгущено до высокой концентрации, в иных ослаблено, в иных его может не быть совсем. Андреев сообщает об отдалённой добиологической эпохе в истории Земли, ещё до нашествия Гагтунга, когда свободная от демонических воздействий жизнь существовала в других слоях планетарного космоса Земли: «Там не было закона взаимопожирания: там, в мирах существ, которые теперь нам известны под общим именем ангелов, господствовал принцип любви и дружбы всех. Не было закона смерти: каждый переходил из слоя в слой путём материальной трансформы, свободной от страдания и не исключавшей возможности возврата. В этих мирах, тогда обладавших тремя измерениями пространства и, следовательно, таких же плотных, как Энроф, не было, однако, закона возмездия: совершённые ошибки исправлялись с помощью высших сил. Проблески воспоминаний об этом, из сокровищниц глубинной памяти поднимавшиеся в сознание древних мудрецов, но сниженные и упрощённые их сознанием, привели к кристаллизации легенд об утраченном рае. В действительности, не рай, а прекрасная заря, и не над земным Энрофом, тогда ещё лишённым органической жизни, а над миром, который теперь называется Олирной, сияла тогда...» (РМ, 46).

Здесь же Андреев пишет: «Но есть макробрамфатуры и целые галактики, вторгнуться в которые силам восставшего не удалось. Внутри нашей Галактики системой, полностью освобождённой от демонических сил, является Орион — макробрамфатура необычайного могущества духовного Света. Тот же, кто будет созерцать в рефлектор великую туманность Андромеды, увидит воочию другую галактику, не знавшую демонических вторжений никогда. Этот мир, с начала и до конца восходящий по ступеням возрастающих блаженств» (РМ, 46).

Андреевская концепция зла как извращения нормальной жизни, которая в нём совершенно не нуждается, может показаться, на первый взгляд, наивной выдумкой. Слишком уж очевидным в своей универсальности предстаёт перед нами закон борьбы за существование, действующий в природе и в человеческом обществе. Слишком крепко сидит в наших головах, что он столь же вечен и необходим, как физические законы.

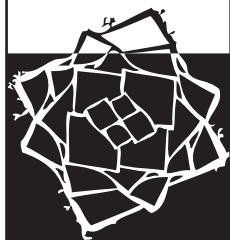
Но присмотримся к поведению животных в дикой природе. Закон взаимопожирания распространяется только на те виды, которые в системе биоценоза являются пищей один для другого. Между «нейтральными» видами столь же успешно действует закон сотрудничества, именуемый в биологии «симбиозом». Картины тотального взаимопожирания, наблюдаемые иногда в человеческом обществе, в природе вы не встретите никогда. Животные пожирают друг друга явно по необходимости, в силу *навязанной* им потребности. Спрашивается, почему воспитанный человеком волк не пожирает своего хозяина? Куда деваются его инстинкты, диктуемые жестоким законом? Ведь волк и человек — враги. Можно, оказывается, приручить ядовитую змею, и она станет для вас не опаснее ягнёнка. Известны истории о кошках, выкормивших своим молоком щенков, о коте-наседке, высидевшем птенцов. Труднее всего найти контакт с крупными хищниками: в них демоническое начало укоренено глубоко. Однако и с ними человек способен достигать душевного взаимопонимания. Известно, что католический святой Франциск Ассизский, преподобный Серафим Саровский дружили с хищниками. О Серафим кормил с рук медведя, приходившего к его лесной отшельнической келье. Ещё более показательны истории человеческих младенцев, воспитанных волками. Центральное телевидение России показывало как-то документальные кадры о реальном Маугли, поразившие и заставившие задуматься многих зрителей. Узбек по национальности, он был грудным ребёнком унесён волчицей (случилось это в начале шестидесятых годов), выкормлен ею и до юношеских лет прожил в волчьей стае. Потом волчицу убили, юношу поймали и привезли в город. Опытные педагоги пробудили в нём человеческое сознание, даже научили немного говорить. И этот молодой человек с полубесмысленным взором, еле выговаривая русские слова, называл волчицу... мамой! Он продолжал любить её и скорбел о её гибели!

Кому ведом таинственный путь этой монады? А может быть, в одном из своих предыдущих существований он был волком? Что может сказать по этому поводу Церковь? А может быть, Провиденциальные силы сознательно разыграли этот сюжет, чтобы открыть нам, людям, глаза на одну из тайн зла? Если даже волчица способна на нежную материнскую любовь к человеческому детёнышу, к которому должна питать врождённое отвращение, значит зло — это действительно болезнь, от которой можно лечить землю.

«Почему так очаровательны, так милы детёныши почти всех животных? Почему, не говоря уже о волчатах и львятах, даже поросята и маленькие гиены не вызывают в нас ничего, кроме доброго и трогательного чувства? Потому что проявление демонического начала в животном начинается с той минуты, когда ему приходится вступать в борьбу за жизнь, то есть подпасть закону взаимопожирания. Маленькие зверёныши Энрофа напоминают те образы зверей, которыми они обладали в смежном мире, откуда впервые попали в Энроф. Даже змеи в том слое были прелестными существами, весёлыми, очень резвыми. Они танцевали, славя Бога. И ещё прекраснее, разумнее, мудрее они должны были стать в Энрофе, если бы не Гагтунгр» (РМ, 100). Этот блистательный по глубине чувств пассаж доводит истину о действительной природе зла до самого сердца, а заодно даёт прекрасный повод окончательно отвергнуть какие бы то ни было сомнения в чистоте творческого вдохновения Андреева.

Глава 8

ОНТОЛОГИЯ «РОЗЫ МИРА», ПРОДОЛЖЕНИЕ. ЧЕЛОВЕК И ЕГО ПОСМЕРТНАЯ СУДЬБА

О структуре человеческой личности

Метаисторические откровения «Розы Мира» мало чего стоили бы, будь они только плодом философских размышлений её автора. Философ-метафизик, подобно астроному, пытается постичь тайны иных миров, оставаясь здесь, на Земле. В его распоряжении только «телескоп» интуиции, с помощью которого он ухитряется увидеть в смутных очертаниях метафизический план физических явлений, скрытый от обычных людей. Совсем иное дело *вестника*, каким считал себя Андреев. Он свидетельствует о мирах, которые видел воочию, своим внутренним, духовным, зрением, и рассказывает о них так живо, последовательно и убеждённо, что способен озадачить самого непробиваемого скептика, если у него есть хоть капля воображения. Всё это слишком похоже на правду, чтобы быть чистой фантастикой, и слишком фантастично, чтобы быть чистой правдой, — в такую приблизительно формулу можно было бы отлить то противоречивое, сложное

чувство, которое вызывают картины жизни запредельных миров, изображённые Андреевым.

К счастью, Андреев — не первый человек на земле, свидетельствующий о невидимом. Невидимое глаголет о себе на языках многих религий. У нас есть, следовательно, с чем сравнивать и на что опереться при оценке метаисторических откровений «Розы Мира».

Поскольку Андреев, будучи приобщён к тайнам потусторонней реальности, продолжал оставаться православным, причём по существу, а не формально, то из этого следует, что его мистический опыт не содержал чего-либо такого, что решительно опровергало бы православное учение о человеке и его посмертной судьбе. Постараемся разобраться, так ли это.

Начнём с того, как «Роза Мира» понимает «устройство» человека. Структура человеческого организма разноматериальна, говорит Андреев. Человек — это монада + шельт + астральное тело + эфирное тело + физическое тело — всего пять уровней. Есть ли тут серьёзные расхождения с православным учением о человеческой личности как триединства тела, души и духа? Серьёзных нет. Те же три уровня обнаруживаются у Андреева. Это: монада + шельт, астральное тело, эфирное тело + физическое тело. Монада представляет собой чистый дух, лишённый материальности, об этом мы уже знаем. Шельт, астральное тело и эфирное тело иноматериальны. Андреев называет шельт и астральное тело словом «душа», но душа, по православным представлениям, обладает особой тонкой телесностью. Физическое же тело материально, оно состоит из наиболее грубой — физической материи.

Послушаем для сравнения, что говорят о «структуре» человеческой личности авторитеты Православной Церкви:

«Грубое человеческое тело служит одеждой для тонкого тела души... Ангелы и души, хотя и тонки по существу своему, однако при всей тонкости своей суть тела. Они — тела тонкие, эфирные, так как, напротив, наши земные тела очень вещественны и грубы. На глаза, уши, руки, ноги, принадлежащие душе, надеты подобные члены...» (Макарий Великий).

«Душа человека сама имеет вид человека и его тела, подобно прочим сотворённым духам, по наружному виду и естеству». (Игнатий Брянчанинов).

В андреевской антропологии, как и в православной, смерть есть отделение от физического тела остальной, нефизической, части его

личности. И там и тут смерть есть, по сути, частичное развоплощение личности, не ведущее к уничтожению личности, самосознания. Иноматериальная и нематериальная части личности переходят в иные сферы Бытия, в *инобытие*. После смерти, учит православие, душа покидает тело, сохраняя, однако, сознание, память, способность чувствовать и мыслить.

Первые часы и даже дни посмертия изучены достаточно хорошо различными религиями, а теперь — уже и врачами-реаниматорами. Сошлёмся на такие источники, как книга Серафима Роуза «Душа после смерти», созданная им на основе православного духовного опыта, «Тибетская книга мёртвых», бестселлеры Моуди и Ролингса, труды русского религиозного мыслителя XIX века Григория Дьяченко. Все они замечательно согласуются друг с другом и дополняют друг друга.

Менее глубокий, но наиболее убедителен опыт, накопленный реаниматорами. Свидетельства людей, оживлённых после наступления клинической смерти, подтверждают религиозный духовный опыт, по крайней мере, в двух основных пунктах: 1) утрата физического тела не означает утраты сознания и способности чувствовать. Напротив, как свидетельствуют «бывшие мертвецы» (не все, разумеется, но лишь те, кому по неизвестным нам причинам было дано пережить состояние отделения души от тела), все чувства, особенно память, в этот момент обостряются, появляется ощущение необыкновенной свободы; 2) умершие оказываются после смерти в окружении светлых или тёмных духовных существ. Некоторые пациенты доктора Ролингса пережили ужас временного погружения в адские слои, откуда (буквально!) были извлечены реаниматорами. Пациенты Моуди напротив, свидетельствуют только о светлом радостном чувстве, о встречах с ранее умершими друзьями и родственниками.

Оценка этого опыта, в силу его сугубо субъективной природы, естественно, не может быть однозначной. Многие учёные относятся к нему скептически, считая его плодом предсмертных галлюцинаций, не приводя, однако, серьёзных аргументов в пользу такого утверждения. Христианские церкви считают посмертный опыт достоверным (исключение — адвентисты седьмого дня, догматически отрицающие существование загробных миров и бессмертия души), но расходятся в его трактовке. Католики и протестанты, как правило, принимают его лишь в светлом варианте. Сложнее обстоит дело с Православной Церковью. Здесь мнения священства разделились. Такая неординарная

личность, как о. Александр Мень, видел в нём знак высших сил, желающих выволить из духовной тьмы современное, погрязшее в материализме, человечество. Серафим Роуз, напротив, указывал на демоническую природу посмертного опыта. Он утверждал, основываясь на святоотеческих писаниях, что оживлённые были обмануты бесами, которые принимали облик их близких с целью внушить им ложное представление о том, что всех людей без разбору за гробом ждёт радость. Следует сказать, что православная духовная традиция описывает посмертие в весьма суровых тонах. Каждая душа, учат святые отцы, проходит тяжкий сорокадневный путь мытарств, в продолжение которого идёт борьба за неё между ангелами и бесами. Если груз грехов слишком велик, то бесы утаскивают душу в ад, где она будет пребывать в полном сознании до Страшного Суда и воскресения, а потом, соединившись с телом, вернётся назад в вечные муки.

О многодневных страданиях души после отделения её от тела рассказывает «Тибетская книга мёртвых». У души в посмертии, учат тибетские монахи, есть три пути: она может угодить в ад, либо попасть в рай, либо вернуться назад на землю для нового рождения. «Книга мёртвых» читается над покойником в течение сорока дней и является своего рода пособием, разъясняющим душе, проходящей в данный момент испытания (предполагается, что она слышит ттеца), как надо вести себя в тех или иных ситуациях, чтобы избежать ада или несчастливого нового рождения.

Необходимо сказать, что православие, и тибетский буддизм, и некоторые традиционные религии рисуют грустную картину загробных странствований души. Плохо живётся человеку на земле, но и со смертью не кончаются неприятности. Верно замечено: разница между атеистами и верующими в том, что атеисты боятся смерти, верующие — того, что будет после смерти.

Насколько оправданы эти тысячелетние страхи? Что нового говорит о посмертии «Роза Мира»?

«География» планетарного космоса

Рай и ад православие понимает буквально — как реально существующие потусторонние области, имеющие своего рода географическую привязку к земле: «Несомненно, Небо — это место, и оно выше

любой точки на земле, и ад, несомненно, внизу, во внутренностях земли, но люди не могут видеть эти места и их обитателей, пока не откроются их духовные очи. Кроме того, эти места находятся вне «координат» нашей пространственно-временной системы. Авиалайнер не пролетает невидимо через рай, а спутник земли через третье небо, а с помощью бурения нельзя добраться до душ, ожидающих в аду Страшного Суда. Они там, в пространстве иного рода, начинающемся непосредственно здесь, но простирающемся в другом направлении... Наше любопытство не должно простираться дальше общего знания о том, что Небо и ад — это действительно «места», но не места в этом мире, в нашей пространственно-временной системе. Эти «места» настолько отличаются от нашего земного понятия «места», что мы безнадежно запутаемся, если попытаемся свести воедино их «географию». Для оценки достоверности потусторонней реальности, описываемой Андреевым, приведённые рассуждения представляют особый интерес — настолько они близки в основном, в главном, к тому, что говорит по этому поводу «Роза Мира». Андреев никак не мог знать Роуза, а Роуз — Андреева, хотя бы потому, что Андреев умер за десять лет до первых публикаций американского иеромонаха, а тот — за несколько лет до появления «Розы Мира». Тем не менее, взгляды обоих на потусторонние миры во многом совпадают. Только Андреев изображает их гораздо детальнее и ярче — какими ему было дано их увидеть. ...Перед нами открывается колоссальная по масштабам «подводная часть» айсберга, верхушкой которого является биосфера. Имя этому айсбергу — Шаданакар. Роуз прав: изобразить планетарный космос целиком в виде некоей, даже очень упрощённой, пространственной модели совершенно невозможно. Говорить о «географии» потусторонних миров можно только с большой степенью условности. Андрееву, как он признаётся сам, удалось дать лишь самый общий, смутный образ Шаданакара, расцвеченный фрагментами картин отдельных слоёв. При этом у нас не может быть твёрдой уверенности, что Андреев описывает в точности сами эти слои, а не своё субъективное их видение. Ведь он имел дело, если можно так выразиться, с ирреальной реальностью, воспринимал её с помощью нефизических органов чувств, поэтому вопрос о точном соответствии изображаемого действительному остаётся открытым.

Однако и эта эскизная, в сущности, работа потребовала для своего воплощения четырёх книг: 3, 4, 5, 6. Андреев подтверждает мнение

православия, что потусторонние миры материальны, но материальность их иная, чем наша. Они *иноматериальны*. В изображении Андреева Шаданакар предстаёт именно космосом — необозримо громадным, многомерным и многослойным. Как это ни парадоксально, но ему наиболее соответствует птолемеевская модель мироздания, на которой выросло христианство. Астрономическая Вселенная в этой модели присутствует лишь в виде прибитых к небесному куполу звёздочек, совершенно не интересовавших христианских богословов. Зато обширные области отведены в ней и Небесам, и аду, и ангелам, и демонам, и Богу. Поэтому, с канонической точки зрения, не может быть никакой ереси в сообщении Андреева, что Христос и Богородица, ангелы и святые — суть иерархии только Шаданакара, а не вообще всей Вселенной со всеми её галактиками. «Роза Мира» неожиданным образом соединяет в единое целое птолемеевскую модель мироздания с ньютоновской, получая новую, оригинальную.

Изобразить удобную для понимания пространственную схему Шаданакара, наподобие школьной модели атома Бора, решительно невозможно, ибо трёх измерений для этого недостаточно. С точки зрения человеческой логики, «конструкция» Шаданакара глубоко иррациональна, так как представляет собой систему взаимосвязанных миров с разным числом пространственных и временных координат, пребывающих в некоем едином общем пространстве — гиперпространстве. Представить такую геометрию не способно, конечно, самое мощное воображение. Видимо, понимая это, Андреев не стал искать сюрреалистические изобразительные средства, адекватные сложности объекта, и дал упрощённое изображение Шаданакара, как если бы он был громадным скоплением ячеек, причудливым образом прилепившихся одна к другой. Не следует слишком придираться к тем малопонятным местам книги, где на доступном нашему разумению языке Андреев пытается объяснить необъяснимое — связь отдельных географических зон Земли с иноматериальными слоями Шаданакара: «Шрастры — различные области единого четырёхмерного пространственного мира; каждый из них обладает, однако, своим неповторимым числом временных координат. Кольцо шрастров метагеологически связано с нижними слоями земной коры, с её компенсационными выступами, и противостоит тёмными двойниками-антиподами Эанне, Олимпу, Раю, Монсальвату, Небесной России и остальным затомисам. Компенсационные выступы,

уравновешивающие горные массивы на поверхности Земли, обращены своими остриями и гребнями к центру планеты. В Энрофе (нашем физическом слое. — *О.Л.*) эти области безжизненны и мертвы: базальт, лава и ничего более. Но в четырёхмерном мире не так. Ниже, к центру, под ними лежит пустота — рыжая, полыхающая, перебегающая волнами света и жара, тускло-оранжевая полость. На изнанке коры господствует равнодействующая двух притяжений: к толще коры — и к центру земли; понятия верха и низа не совпадают с нашими. В подземном оранжево-рыжем небе там неподвижно стоят инфралиловые и инфракрасные, почти чёрные светила: так воспринимаются оттуда Гашшарва (двухмерный мир, гнездилище демонических сил. — *О.Л.*) и страдалища земного ядра» (РМ, 85).

Было бы любопытно подойти с мерками андреевской метагеологии к оценке так называемых «аномальных географических зон» Земли, о которых написана обширная литература, ничего, однако, не прояснившая. Вполне возможно, они представляют собой места «стыка» иноматериальных слоёв Шаданакара с физическим миром.

В андреевской условно-геометрической модели Шаданакара биосфера занимает как бы центральное место. От неё «вверх» и «вниз» уходят два ряда иноматериальных миров. Миры восходящего ряда, возрастая по красоте и совершенству, достигают Мировой Сальватэрры — обители самых высоких иерархий нашего планетарного космоса. Миры нисходящего ряда, демонические миры ведут в Дигм — слой, в котором миллионы лет обитает планетарный демон Гагтунгр. Его интеллект столь огромен и остёр, что он способен управлять сонмищами своих слуг в разных демонических слоях, способен вмешиваться в ход эволюционных и исторических процессов. Великое противостояние Мировой Сальватэрры и Дигма — основное событие в истории Шаданакара, решительным образом определяющее судьбу человечества, судьбы отдельных народов и даже отдельных людей. Существует Провиденциальный замысел о человеке, но существует и великий демонический разум, пытающийся его сорвать. Противостояние двух мощных полюсов Шаданакара создаёт момент неопределённости в отношении будущего, исключающий предопределённость. Невелика сила — человек — по сравнению с могучими сверхъестественными силами Шаданакара. Но как тоненькое перо руля, поворачиваясь, изменяет ход многотонного судна, так и человек способен изменить свою земную судьбу. Для этого он должен, прежде

всего, знать, что уводящие его в погибель демонические силы — отнюдь не психологический феномен, но грозная потусторонняя реальность. Именно эту цель — убедить читателя в реальности существования демонических сил — и преследует Андреев, изображая миры нисходящего ряда и их обитателей.

...Красочно-мрачными, завораживающе-жуткими предстают перед нами эти скрытые за мощной завесой физической материи миры — недостигаемые на космических аппаратах, не улавливаемые самыми чуткими земными приборами. Красноречивы сами их названия, соощённые Андрееву его высокими информаторами: Сквивнус, Мород, Агр, Лафаг, Дромм, Биаск. Все они созданы демоническими силами, сюда попадают после смерти глубоко порочные, увечные, преступные души. Это область в высшей степени иррационального бытия. Андреев пытается рассказать о нём в доступных нашему пониманию образах, но мозг то и дело пробуксовывает, отдельные фрагменты никак не складываются в единую, цельную, картину, иные сознание инстинктивно отталкивает как глубоко абсурдные. В самом деле, возможно ли, не насилуя здравый смысл, представить, например, Гашшарву — мир двух пространственных и нескольких временных измерений, обиталище могущественных демонических иерархий антикосмоса? Или одномерное *дно* Шаданакара, обладающее самой плотной материальностью — страдалище демонических душ и некоторых, особенно преступных, человеческих? Слово кадры из фильма ужасов, проплывают перед нашим мысленным взором тоскливые ландшафты Сквивнуса, алые пещеры Биаска, безмолвный мрак Морода, твёрдые магмы Проуплка. Мы созерцаем картины жизни шрастров, где обитает античеловечество игв, красочные портреты демонических существ (например, Гагтунгра), дикие оргии и жестокие междоусобные сражения между ними.

Глава «Миры возмездия», несомненно, самая тяжёлая для восприятия часть «Розы Мира», если говорить, конечно, о тех обладающих религиозным сознанием читателях, кто находится вне православия и католицизма и представляет себе загробную судьбу души исключительно в розовых тонах. ...Сознание не приемлет, отталкивает изображаемые в ней картины ужасных мучений преступных душ. У Андреева хватает чувства меры не увлечься соблазнительной темой. Экспозиции строго дозированы и составляют (в отличие, например, от «Божественной комедии» Данте) ничтожно малую часть про-

изведения. Однако к ним возвращаешься снова и снова. Сопоставляя их с тем, что говорят о загробной судьбе души православие и католицизм, убеждаешься, что, по существу, всё это правда, которую надо знать всем живущим. Да и можно ли допустить, чтобы человек такого глубокого внутреннего благородства, как Андреев, мог опуститься до запугивания читателя страшными сказками, выдавая их за правду? Легкомысленное отношение к такому серьёзному источнику знаний о нашем мире, как мистический опыт, неверие в способность редких, Богом избираемых, душ к видению потусторонней реальности — тяжкая духовная болезнь современного «цивилизованного человечества» и нашего, искалеченного атеизмом, народа в особенности. Об этом без обиняков говорит сам Андреев, завершая страшную главу о мирах возмездия: «Я хорошо знаю, что гуманистическому сознанию нашего века хотелось бы встретить совсем другие картины, чем те, какие намечены мною в этой главе. Одних отпугнёт то, что мои свидетельства покажутся им слишком напоминающими, несмотря на все отличия, популярные образы, исток которых — в историческом христианстве. Других будет шокировать дикарская суровость законов и материальный характер ужасающих мук в страданиях. Но первых я готов спросить: неужели они думали всерьёз, что учение отцов церкви не содержит ничего, кроме игры испуганного воображения? Только сознание безрелигиозное, как трактор или прокатный стан, может полагать, например, что “Божественную комедию” мы в силах исчерпать, толкуя её как сумму художественных приёмов, политической ненависти и поэтических фантазий. В первой части Данте показал лестницу нисходящих слоёв, наличествовавших в средние века в инфрафизике Романо-католической метакультуры. Нужно учиться отслаивать примесь, внесённую в эту картину ради требований художественности либо вследствие aberrаций, присущих эпохе, от выражения подлинного трансфизического опыта, беспримерного и потрясающего... а тем, которые возмущены суровостью законов, можно ответить одно: так работайте над их просветлением!» (РМ, 84).

...Миры восходящего ряда сотворены Провиденциальными силами, многие — задолго до появления жизни на земле. Знакомство с ними позволяет сделать в высшей степени интересный и новый для нас вывод об абсолютной ценности всех великих религий и культур, когда-либо существовавших на земле.

Пресловутое «колесо истории», позади которого якобы проваливаются в небытие народы и государства, с точки зрения «Розы Мира», не более чем затасканная метафора, отражающая духовную убогость материалистических воззрений на историю. В действительности феномен культуры не исчерпывается её ограниченным временем земным бытием, но имеет продолжение в иноматериальных слоях планетарного космоса. Туда попадают души умерших в новом тонкоматериальном облачении, там кипит неведомая, непонятная нам жизнь, идут сложнейшие метаисторические процессы, оказывающие огромное воздействие на ход человеческой истории. И если здесь, на земле, какой-то великий народ сходит с исторической сцены, то это вовсе не означает, что он навеки вычеркнут из книги Бытия или сохранился лишь в других, более поздних культурах, как свет от погасшей звезды. Нет, он существует буквально: «...своеобразие сверхнарода не ограничивается культурной сферой в Энрофе, но сказывается также во многих иноматериальных слоях как восходящего, так и нисходящего ряда, поскольку некоторые участки этих слоёв охватываются воздействием лишь одного данного сверхнарода. Ведь нельзя забывать, что под сверхнародом понимается совокупность не тех только личностей, которые принадлежат к нему сейчас, не только наших современников, но и весьма многих из тех, которые принадлежали ему раньше, хотя бы и на заре его истории, а позднее, в своём посмертии, действовали и действуют в трансфизических слоях, с этим сверхнародом связанных» (РМ, 51).

Картины запредельной реальности, изображённые в «Розе Мира», не противоречат, как видим, мировой религиозной традиции, но соотносятся с ней приблизительно так же, как современная физическая картина мира с неподвижной и простой птолемеевской моделью мироздания. Запредельная реальность, объясняет Андреев, не сводится к опыту какой-либо одной из религий. Она столь же разнообразна, сколь разнообразны религии и культуры Земли, и таким образом снимается вопрос о том, какая из религий истинна, а какая ложна. Снова пытаюсь объяснить необъяснимое, Андреев прибегает к моделированию: «...значительная часть Шаданакара состоит из отдельных многослойных сегментов; слой Энрофа в каждом из таких сегментов занят только одним сверхнародом и его культурой. Эти многослойные сегменты Шаданакара носят название метакультур» (РМ, 51). Вершины метакультур Андреев называет «затомисами».

В них обитают высшие иерархии, водители данного народа в Энрофе и просто люди праведного склада души, послужившие своему народу. Затомиссы заняты не только творчеством, но и борьбой. Они ведут тяжёлую борьбу с нижними слоями метакультур, с обитателями шрастров — демонами, игвами. Вообще, вся запредельная реальность находится в бурном кипении, в высоком накале чувств, победах и поражениях. Метакультуры в той их части, которая находится вне Энрофа, — это многосложные, бурлящие миры. В значительной степени интересы затомисов сосредоточены на соответствующих народах в Энрофе, но они также открыты другим, более высоким мирам Шаданакара.

Мы имеем возможность привести ещё один серьёзный аргумент в пользу подлинности мистического опыта Андреева. Может быть, впервые в истории религиозного творчества он сумел преодолеть хронический недуг последнего, наносящий ему большой урон в глазах многих людей. Он осуществил на уровне мистического опыта принцип единства процесса познания мира, составляющий замечательную особенность научного творчества. В отличие от религиозных систем отдельные науки не требуют для утверждения своих истин отрицания истин, добытых другими науками, поскольку отражают разные уровни и сферы одной и той же физической реальности и так образуют некое постоянно развивающееся единство. Тот же принцип единства многогранного религиозного опыта разных народов осуществляется и в «Розе Мира». Как будет показано в одной из следующих глав, в системе взглядов «Розы Мира» находит место также христианский идеал веры в воскресение мёртвых, требующий в рамках ортодоксального христианства безусловного отрицания восточных религиозных систем, как несовместимых с воскресением.

Посмертная судьба души

Загробные миры Андреев созерцает, похоже, умом не человеческим, но ангельским, способным видеть одновременно под многими углами зрения. Иначе невозможно объяснить, как ему удаётся на протяжении всей книги развивать одну из многочисленных её тем — тему эволюции монады в Шаданакаре — и снова возвращаться к ней и не допустить ни одного противоречия ранее высказанным

суждениям. Как человек, он, разумеется, не может вместить в себя всю полноту знания. Ему, конечно же, была показана лишь малая, может быть, ничтожно малая часть иноматериальных миров, но показана так, чтобы стало ясно, что основные откровения великих религиозных систем не противоречат друг другу. Да, есть и рай, и ад, и чистилище, и закон кармы, и реинкарнация, и выход монады в высшие миры, и возвращение её на землю, и сохранение личности в виде *человекодухов*, и в ряде случаев полное её развоплощение. Существуют пути, общие для многих людей, и существуют пути индивидуальные. Загробная реальность не открывается только лишь христианским, буддистским, мусульманским, спиритическим, иудаистским, языческим и др. мистическими ключами. Она *многообразна*. В то же время она подчинена некоторым единым принципам, открытым мистиками разных времён и народов.

Общая картина загробных странствий души, изображаемая в «Розе мира», складывается из отдельных фрагментов, эпизодов, деталей, разбросанных по всему её обширному литературному пространству. При этом Андреев постоянно вынужден говорить на языке доступных человеческому пониманию понятий и образов, поневоле огрубляя картину. В одном из мест книги он считает необходимым сделать специальное разъяснение по поводу своей методологии:

«Это формула. Но формула, в которой все понятия антропоморфизированы, дабы сделать их соизмеримыми с нашими способностями разумения. Так придётся делать и впредь. Я не знаю других способов сделать мою тему удобно излагаемой» (РМ, 41).

Одной из характерных черт менталитета человека технологической эпохи является глубоко им усвоенное, подсознательное убеждение, что подобно тому, как Вселенная держится на *объективных* физических законах, и человеческое общество держится на объективных экономических, социальных и прочих законах. Особенно глубоко это убеждение в атеистах. Таким людям, наверно, трудно будет понять, что в действительности главными законами человеческого общества и мироздания вообще являются законы нравственные. Их соблюдение определяет степень красоты и упорядоченности мира, их нарушение ведёт к бессмысленным страданиям, дисгармонии, хаосу. А получается это вследствие того, что мир в целом и человеческое общество в частности — это не автоматически действующая машина, а *творческий процесс*. Именно нарушение демонами

нравственных законов, установленных Богом, сделали земную жизнь ущербной.

В полной мере эти законы распространяются и на человека: они были открыты ему Богом через великие религиозные системы. «Ищите прежде царства Божия, остальное приложится», — учит Христос, имея в виду безусловный приоритет нравственных законов над всеми остальными. Соблюдение или несоблюдение нравственных законов определяет также и характер посмертного бытия человека, каждой человеческой личности:

«...механическая сторона Закона возмездия остаётся, конечно, неизменной, всегда и везде: она состоит в том, что нарушение нравственных законов влечёт за собой утяжеление эфирного тела совершившего. Пока он жив, утяжелённое эфирное тело остаётся как бы на поверхности трёхмерного мира: при этом тело физическое играет роль спасательного круга для утопающего. Но как только связь между ними разрывается смертью, эфирное тело начинает погружаться всё глубже и глубже, из слоя в слой, пока не достигнет равновесия с окружающей средой. Таков, в основном, механизм. Но есть и существа, которые следят за его безотказным действием: *блюстители кармы*... Это существа высокого интеллекта, но с холодной, как лёд, сферой чувств. Им равно чужды ненависть и любовь, злоба и сострадание. Они взяли на себя заботу о механизме кармы, восполняя убыль своих жизненных сил эманациями душевных мук тех людей, что после жизни в Энрофе принуждены спускаться в Сквивнус, Ладреф и Мород...» (РМ, 80).

Андреев подтверждает центральную нравственную истину восточных религиозных учений, согласно которой за все порочные, то есть по сути своей жизнеразрушительные, противобожеские поступки, нам придётся расплачиваться после смерти, если только мы не устраним их дурных последствий при жизни. Существующее в христианстве таинство отпущения грехов ошибочно понимается многими людьми как исключительное право Церкви освобождать от загробного наказания сколь угодно страшных преступников, убийц — достаточно, де, тем искренне покаяться и совершить кое-какие богоугодные дела ¹. С точки зрения учения о карме, это заблуждение.

¹ Остроумно-поучительный диалог на эту тему между якутом-идолопоклонником и архиереем находим мы в рассказе Н.Лескова «На краю земли».

Что их покаяние, что их жертвования в пользу церкви тем невинным душам, которые они растоптали, растлили, лишили жизни! Расплатиться сполна можно только равным за равное, и не Бог нуждается в уплате долгов, а мир человеческий, который такие люди духовно загрязнили своими деяниями. И не столько о церковном покаянии должны они думать, сколько о том, чтобы добрыми делами успеть до своей смерти удалить из мира хотя бы часть этой грязи. Второе, разумеется, не исключает, а дополняет первое, как, впрочем, и учит тому Церковь.

Человеческие судьбы глубоко индивидуальны, говорит «Роза Мира». Большинство из тех, кого мы знаем как величайших гениев человечества, прошли длинный путь предыдущих существований, спускались в своих посмертиях в демонические слои и снова рождались, забывая о своём прошлом или храня о нём смутные, отрывочные воспоминания. Некоторые из великих монад после своего последнего воплощения ушли в высшие миры, чтобы никогда больше не возвратиться на землю. Тысячи и миллионы праведных душ — и простых, и знатных людей Древней Руси — обитают в Небесной России, затомисе российской метакультуры. Они, конечно же, избежали новых воплощений.

...Говорят, умирающий Эдгар По, желая утешить своих близких, сказал им, что не боится смерти, так как считает её началом последнего, самого интересного путешествия в своей жизни.

В отношении Шаданакара, каким он предстаёт в «Розе Мира», эти слова американского писателя-мистика приобретают буквальный смысл. Действительно, смерть может означать для человека начало его путешествия по иноматериальным мирам планетарного космоса Земли: для одних — уныло-тягостного, для других — увлекательного и радостного, а для иных может обернуться ужасными искупительными страданиями с последующим возвращением на землю для нового воплощения.

Следует заметить, что оба великих религиозных откровения — христианское и восточное, говорящие о посмертной судьбе личности, в равной степени идеологизированы и абсолютизированы. Учение о реинкарнации предполагает, что на протяжении десятков или сотен своих жизней монада не покидает физического плана мироздания, а если покидает, то не надолго: на короткий промежуток между последней смертью и новым воплощением. Развоплощение чаще

всего понимается как полное и безусловное исчезновение предыдущей личности и немедленное появление новой, которая, не сознавая этого, несёт в новой жизни наказания за грехи, совершённые в прежней. Только избранные, монахи могут помнить о своих предыдущих воплощениях. Из рассказов европейцев о Востоке известно, что после смерти далай-ламы его сподвижники могут предсказать время и место его нового воплощения. На поиски нового воплощения ламы тибетские монастыри в былые века снаряжали специальные экспедиции, которые продолжались иногда несколько лет и завершались успехом.

Согласно христианским представлениям, наиболее концентрированно выраженным в православии, душа, то есть как бы личность без физического тела, «раздетая личность», пребывает в загробных мирах — в аду или на Небе — в ожидании телесного воскресения и Страшного Суда и потом ещё не известно, куда попадёт — в обитель вечного блаженства или в геенну огненную на вечные муки. Таким образом, восточные религии избавляют человека от страха вечных мук, но ценой отречения от собственной личности, что для христианина равносильно отречению от Бога и смысла жизни вообще.

«Что хорошего, сударь, было бы, — вопрошал Лейбниц, — если бы вы стали китайским императором при условии, что вы забудете, кем вы были? Разве это было бы не то же самое, если бы Бог в момент, когда он уничтожил вас, создал в Китае императора?»

Если истинны оба откровения, как и свидетельствует об этом Андреев, то обе религиозные схемы разрушаются, и вместо них появляется некая, гораздо более сложная, реальность. Андреев не объясняет, так как не может объяснить, по каким законам и на каких принципах работает загробная «механика», определяющая одних к развоплощениям и повторным рождениям, других — к сохранению. Он создаёт, повторим, миф, а в мифе вовсе не обязательно сводить все концы с концами. Этот миф замечателен тем, что примиряет идею бессмертия личности с идеей перевоплощений, преодолевая одновременно ограниченность обеих идей. Христианские церкви, по видимому, правы — загробные муки за совершённые на земле неискуплённые преступления существуют. Они могут быть в отдельных случаях, увы, ужасными, но не могут быть вечными. Принцип божественной справедливости требует, чтобы человек в посмертии заплатил по всем счетам, но не более того, иначе правы адвентисты,

говорящие, что православный Бог более жесток, чем Гитлер, поскольку может обречь человека на вечные муки, тогда как Гитлер, со всеми своими лагерями смерти, был властен над людьми только в течение короткого срока их жизни. Возможность вечных мук за временное зло, провоцируемое, к тому же, демоническим станом, означала бы профанацию Бога.

«Роза Мира» (и в этом её огромная просветительская ценность) предостерегает людей от упрощённого буддистско-йогического, а тем более, атеистического понимания посмертия. Законы демонизированной эволюции таковы, что подавляющее большинство людей ничего не помнят о своих предыдущих существованиях и о пребывании души в страдалищах и чистилищах. Снова и снова человек может попадать в одну и ту же ловушку, и так будет продолжаться до тех пор, пока таинственно накапливаемый монадой опыт страданий не проявится в очередном воплощении в подсознательном отторжении путей зла.

Одна из величайших тайн человеческой личности есть тайна свободы. Материалистический ум склонен не понимать этой тайны. Он не может мыслить человека иначе как природным объектом, поведение которого определено такими-то и такими-то объективными причинами. Но тогда почему самой высокой ценностью человек считает свободу, хотя бы даже в низшем понимании, как возможность разрывать путы и ограничения, сковывающие его волю? И хотя такая ложно понимаемая свобода может быть губительной для человека, замечательна жажда свободы сама по себе. Ни камень, ни робот, ни небесное тело не могут желать свободы потому, что изначально лишены её. Свобода — это дар, даваемый Богом только высшим разумным существам — человеку, ангелам, демонам, верховным иерархиям. Но принцип свободы не допускает, чтобы духовная эволюция монады человека даже на её искажённом смертью земном участке пути принудительно направлялась бы Провиденциальными силами. Свобода попирается только демонами. Они насильственно, хотя и тонко, вторгаются в человеческую душу, стремясь навязать ей свой, нисходящий, путь. Провиденциальные силы могут помочь только *ищущему*, прямо себя не обнаруживая. Законы творения запрещают им давать прямые свидетельства существования запредельных миров. Этот запрет, очевидно, связан с мистическим актом грехопадения, о котором рассказывает библейский миф. Падший че-

ловек должен сам, через акт религиозной веры, осознать реальность существования высших миров. Поэтому знания о них он должен получать только опосредованно — через религиозные откровения, свидетельства духовидцев, святоотеческие писания и т.д., которым можно верить или не верить — только через Слово.

Но через слово могут воздействовать на человека и демонические силы, а потому блаженны те, кто умеет отличать голос Неба от голосов ада. Сосчитать невозможно, сколько неустойчивых душ вели в миры возмездия искусительные учения, отрицающие существование загробных миров. Люди воруют, лгут, убивают, грабят, оставаясь в полном неведении о той неизбежной расплате, которая их ждёт в посмертии.

Учение Православной Церкви воспринимается гуманистическим сознанием как жестокое и поэтому ложное. Видимо, в этом следует искать причины интересов современной российской интеллигенции к психологически более комфортным восточным системам. Страх перед загробным возмездием понимается весьма наивно, как педагогическая мера, изобретённая церковью.

«Лишь в III веке был окончательно сформирован христианский догмат, отвергнувший идею множественности рождений и подаривший миру ужасный институт порочного зачатия, ада и рая и траурную церемонию похорон».

Религиозное невежество не так режет глаз, как научное, легко обнаруживаемое, но, с точки зрения кармических последствий, оно гораздо опасней. Взять и отменить «ужасные институты» христианства только потому, что они кому-то не нравятся, не разобравшись как следует в их действительном происхождении, есть не меньшая глупость, чем пытаться отменить закон всемирного тяготения. За ними — глубочайший мистический опыт христианских духовидцев, а не выдумки расчётливых попов. Но можно и должно преодолеть их ограниченность новым, более глубоким созерцанием.

Мы познакомились с таким видением мира, в котором есть место и аду, и раю, и перевоплощениям души, в котором смерть остаётся драмой хотя бы потому, что может означать необратимое развоплощение конкретной заблудшей человеческой личности, кому-то близкой и родной. Свобода есть тот принцип, который разрешает бесконечные споры о том, какая религия истиннее, какой образ жизни праведнее перед Богом. Вопрос лишь в том, как свободой распорядиться.

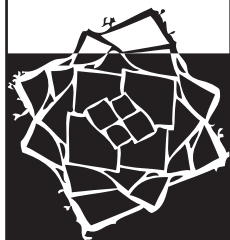
Ощущение богооставленности, охватившее миллионы русских людей в XX веке, смутившее даже русских философов (Бердяева, например), ложно по своей сути. К такому выводу нас подводит «Роза Мира». Оно проистекает из непонимания сущности дара свободы. Провиденциальные силы проявляют к людям не меньше интереса, чем демонические, но в отличие от последних не могут грубо покушаться на их свободу:

«Провиденциальные силы на страже всегда. Они всегда готовы прийти на помощь каждому из нас. Они постоянно трудятся над каждым из нас — над его душой и его судьбой. Каждая душа — поприще их борьбы с демоническим началом, и вся жизнь души — непрерывная цепь выборов, встающих перед Я, — выборов, усиливающих или парализующих помощь ему со стороны светлых начал» (РМ, 254).

Кажется, невозможно более точно и кратко сказать о том, что такое свобода. Здесь ключ к решению многих, кажущихся неразрешимыми, нравственных, религиозных и социальных противоречий. Здесь истоки оптимистической веры в возможность человека управлять своим будущим, которая пришла к нам вместе с Христом...

Глава 9

МИСТИКА ПОЛА У ДАНИИЛА АНДРЕЕВА

Суть проблемы пола

Проблема пола — это дремучий лес, кишасий фантастическими существами. Не имея компаса, по нему можно блуждать до бесконечности, да так и не выйти к свету. Тысячи книг, посвящённых проблеме пола, отчасти прояснили её, но ещё более запутали. Некоторые из них принесли человечеству огромный вред, нравственно искалечив целые поколения, другие, напротив, помогли людям разобраться в самих себе. Пожалуй, трудно найти сферу человеческой жизни, в оценке которой было допущено столько же заблуждений, ошибок и откровенного аморализма, сколько мы их видим в половой сфере. Если уж дело дошло до того, что протестантские священники то здесь, то там венчают гомосексуалистов, значит дальше идти некуда. А дело всё в том, говорит нам «Роза Мира», что пол — это, прежде всего, религиозная проблема, а потом биологическая, психологическая или социальная. Непонимание религиозного смысла пола, его онтологии

и мистики было причиной всевозможных деформаций в культурах и даже социальных катастроф, о чём у нас ещё будет повод поговорить отдельно. Нашим компасом в исследовании религиозно-мистических корней проблемы пола станет глава «Розы Мира» «Женственность» с её поправкой к откровению о Пресвятой Троице, полученной Андреевым от Провиденциальных сил. Однако прежде чем воспользоваться этим компасом, необходимо убедиться, что проблема действительно существует и действительно крайне запутана.

Мистика пола

Загадка половой дифференциации в живой природе не может быть до конца объяснена ни универсальным законом биполярности, ни функцией размножения — потому хотя бы, что существуют однополые организмы, не нуждающиеся в дополнении. Одни из них размножаются простым делением, другие — почкованием. Усиление половой дифференциации в процессе биологической эволюции — научно доказанный факт. Если у рыб, рептилий или насекомых очень трудно по внешнему виду отличить самку от самца, то у птиц различие бросается в глаза, у высших животных оно проявляется уже в характерах самки и самца. Творческие силы, управляющие эволюцией, с совершенной очевидностью стремились к всё большему выявлению и усложнению мужского и женского начал в природе, к всё большей их поляризации. Владимир Соловьёв, которому было дано глубочайшее чувство мистики пола, говорит, что смысл половой дифференциации следует искать не в необходимости размножения, «а лишь в идее высшего организма». Он обращает внимание на интересный факт биологической эволюции: «чем выше мы поднимаемся по лестнице организмов, тем сила размножения становится меньше, а сила полового влечения, напротив, больше». Например, рыбы, замечает Соловьёв, чрезвычайно плодовиты, но способ, каким производится оплодотворение самки и самца, вряд ли предполагает сильную страсть.

«У птиц сила размножения гораздо меньше не только по сравнению с рыбами, но и сравнительно, например, с лягушками, а половое влечение и взаимная привязанность между самцом и самкой достигает небывалых в двух низших классах развития. У млекопитающих

размножение значительно слабее, чем у птиц, а половое влечение ... гораздо интенсивнее. Наконец, у человека сравнительно со всем животным царством размножение совершается в наименьших размерах, а половая любовь достигает наибольшего значения и высочайшей силы... Итак, половая любовь и размножение рода находятся между собой в обратном отношении: чем сильнее одно, тем слабее другая».

Великолепную статью Соловьёва можно было бы дополнить некоторыми другими обобщениями. У человека как существа, наделённого ярким самосознанием, проявляется столь же яркое, глубоко интимное чувство пола. Оно также трансцендентно и мистично, как наше Я, оно неотторжимо от Я и осознаётся нами как величайшая ценность, равнозначная ценности самой жизни. Мистичность чувства пола становится очевидной на примере так называемых транссексистов — людей, испытывающих непреодолимое желание сменить пол. Транссексисты готовы идти на рискованную хирургическую операцию, чтобы привести своё тело в соответствие с интимным чувством пола, но, как правило, решительно отказываются от предложения изменить с помощью гипноза или магии чувство пола, чтобы привести его в соответствие с физической оболочкой. Да и удаётся гипноз только в отношении людей со смещённой психикой, то есть нормальных по природе мужчин и женщин, временно вообразивших себя лицами противоположного пола. Но не имеем ли мы тут дело со случаями одержимости нечистыми духами? Во всяком случае, у «настоящих» транссексуалов, утверждают специалисты, психика в полном порядке, и после хирургической операции они становятся вполне нормальными мужчинами и женщинами.

Может быть, идея реинкарнации могла бы пролить свет на феномен транссексуализма? Тогда можно предположить, что существуют мужские и женские монады. Женская монада, оказавшаяся в мужском теле, равно как и мужская — в женском, испытывают отвращение к своему телу, но не к своему чувству пола.

Мужское и женское начала не могут быть следствием демонических искажений биологической эволюции, хотя на такую возможность намекают некоторые древние мифы, например, древнегреческий миф об андрогинах — бисексуальных существах или, точнее сказать, бесполом существе, которых Зевс (по христианским представлениям — демон), разодрал на две половины. Существует более

высокий для нас авторитет — Библия, где совершенно недвусмысленно говорится, что и мужчину, и женщину сотворил Бог. И хотя до грехопадения Адам и Ева вели себя как существа бесполое, это всё же были полноценные мужчина и женщина, раз оказались способными стать мужем и женой и дать начало роду человеческому.

Даниил Андреев свидетельствует о том, что половая дифференциация обнаруживается даже в высших мирах, но, разумеется, на гораздо более высоком, не сексуальном уровне. Существуют ангелы мужской и женской природы. А в демонических слоях сексуальная стихия выражена гораздо мощнее, чем даже на земле. Там есть демоны и демоницы, испытывающие огромную силу полового притяжения. Андреев рисует картины сексуальных вакханалий в демоническом слое Дуггуре, говорит о сильнейшем воздействии демонических начал на сексуальную сферу людей. Мистика пола распространяется, таким образом, и на Шаданакар.

О мистичности чувства пола свидетельствует, наконец, глубокое отвращение, которое вызывает у сексуально дифференцированных людей мысль о совокуплении с лицом собственного пола. Но, очевидно, такого рода влечения и быть не может в природе, поскольку всякое притяжение предполагает биполярность, качественную разность между притягиваемыми объектами. Гомосексуализм и лесбиянство — это, безусловно, лишь внешне однополая любовь, за которой всё же скрывается известная биполярность. Отто Вейнингер, глубоко исследовавший проблему пола, утверждает, что половая дифференциация почти никогда не бывает законченной, вследствие чего «идеальные женщины» и «идеальные мужчины» встречаются редко. «Все особенности мужского пола, хотя и в слабом, едва развитом состоянии, можно найти и у женского, и наоборот, все половые признаки женщины в своей совокупности содержатся и в мужчинах, хотя и в очень неоформленном виде».

Подобный же взгляд на пол встречаем мы и у В.В.Розанова: «... пол не есть в нас — в человечестве, в человеке, так сказать, “постоянная величина”, цельная единица», но ... он принадлежит к тому порядку явлений или величин, которую ньютоново-лейбницевская математика и философия математики наименовали величинами «текущими», «флюксиями».

Всё это означает, в частности, что, если мужчина испытывает непреодолимое половое притяжение к мужскому телу, значит он ярко

выраженное химерическое существо — мужеженщина, то есть мужчина по внешности и женщина по своему половому чувству. Тот же вывод, но с обратным знаком действителен, очевидно, и в отношении лесбиянок. Вот тут, пожалуй, можно с уверенностью предполагать демоническое искажение Провиденциального замысла о мужчине и женщине — об Идеальном Мужчине и Идеальной Женщине, близкие подобию которых всё же встречаются среди людей. По этим причинам общество может понять и извинить гомосексуализм и лесбиянство, но их, безусловно, следует стыдиться и скрывать как несомненный грех.

О неравенстве полов

Итак, если мужское и женское начала сотворены Богом, а не демонами, значит, они так же необходимы в мире живых существ, как положительный и отрицательный заряды в мире атома.

Равно необходимость полов не означает, однако, арифметического равенства между ними в духе идей женской эмансипации. В провиденциальном замысле она означает разделение функций между полами, как это чётко осуществлено в животном царстве. Культура в идеале должна бы быть результатом сотворчества мужчины и женщины, мужского и женского начал. Однако в реальной истории такое идеальное сотворчество, основанное на решении мужчиной и женщиной своих специфических задач, — явление весьма редкое. В реальной истории человечества, если исключить из неё эпоху матриархата, не создавшую ничего великого, мы наблюдаем почти абсолютное преобладание мужского начала над женским. Яркий тому пример — исламские культуры. До сих пор человеческая история развивалась под знаком мужского начала, в чём вполне можно усмотреть чёрную работу демонических сил, преследовавших свои интересы. «Роза Мира» позволяет достаточно убедительно обосновать эту гипотезу.

Человеческая история, какой мы её знаем за последние несколько тысячелетий, была история бесконечных, возрастающих в своей жестокости и разрушительности войн между племенами, народами, государствами, коалициями государств (мировые войны). Вряд ли возможно сосчитать урон, который они нанесли антропологическому строительству, поскольку историю без войн мы просто не можем

представить. Известный лозунг «война — двигатель прогресса» изобретён плоскими умами, не способными видеть, какую страшную цену приходится платить человечеству за материальный прогресс, достигаемый с помощью войн. Современные войны, и это видно невооружённым глазом, осуществляют отрицательный антропологический отбор, в них, по преимуществу, гибнут лучшие, а не худшие. В пределе путь войн ведёт человечество к полному духовному вырождению.

С другой стороны, хорошо известно, что самые высокие культуры и экономические достижения совершаются на путях мирного, эволюционного развития. Некоторый взлёт духовности, наблюдаемый в экстремальных ситуациях (например, в блокадном Ленинграде), есть явление, безусловно, болезненное, которым не следует гордиться.

Если эволюционный путь не стал нормой исторического развития и мы до сих пор не осознаём, сколь велики его творческие возможности, то, наверное, во многом именно потому, что женское начало не сумело реализовать в полной мере Богом данные ему потенции. В этом была убеждена, например, Е.И.Рерих, о чём писала со свойственной ей прямолинейностью: «Все переживаемые и грядущие бедствия и космические катаклизмы являются в значительной степени следствием порабощения и унижения женщины. Страшное падение нравственности и деградация некоторых народностей имеют в основе рабскую зависимость женщины. Но женщина-раба может дать миру только рабов. Велика справедливость космическая! Унижая женщину, мужчина унизил себя! В этом нужно искать объяснение скудности проявления мужского гения в наши дни».

Женщина по природе своей жизнесозидательница, она совершает мистический акт сотворения нового существа, смерть и насилие ей органически чужды и отвратительны. Знаменитые в истории женщины-воительницы, женщины-политики, которые с лёгкой душой прибегали к насилию, были, вне всякого сомнения, весьма редкие *женомужчины*, то есть химерические существа с явным отклонением в половой сфере. Они доказали это, выдержав конкуренцию с мужчинами, усвоив их психологию и методы достижения целей. Для идеальной женщины, обладающей нежной, мягкой, уступчивой, терпеливой душой, путь к вершине власти был надёжно перекрыт, да такие женщины и не стремились к власти. Может быть, только исто-

рия просвещённых монархий предложит нам редкие случаи, когда священный институт престолонаследия приводил к власти настоящую, женственную женщину, обладавшую при этом государственным умом. В русской истории таковой, возможно, была Екатерина Вторая. Из современных народоправительниц это, несомненно, английская королева Елизавета. Скорее исключением, чем правилом в политической жизни демократических государств выглядит благороднейшая Индира Ганди, да и потому только, что Индия — страна древнейшей культуры, где на протяжении тысячелетий соблюдался аристократический принцип отбора людей власти. О России советской и постсоветской скорбно умолчим...

Зная картину зависимости человечества от демонических сил, мы вправе предположить, что женское начало в истории подавлялось вследствие того, что по своей природе мужчины являются наиболее эффективным объектом демонических инспираций. Вряд ли цивилизация, развивающаяся под знаком женского начала, смогла бы поставлять демонам такое обилие гавваха, которое они получают от вечно воюющих мужчин. Мужчина несёт в своих генах наследственные черты хищника-самца: агрессивность, эгоизм, волю к власти и другие подобные. Точно как у собак, они могут находиться в непроявленном виде, но их можно искусственно разжигать. Многие представители сильного пола в этом смысле оказываются страшно слабыми. Так формировался тот хорошо известный мужской тип, который распространён у многих народов. Андреев даёт ему совершенно убийственную характеристику:

«Тысячи лет в человеке переизбыточествовало мужское, мужественное начало: сила, дерзость, гордыня, отвага, стремление вдаль, жестокость, воинственность. Существует испанская поговорка, удручающая сознание и возмущающая совесть: “Мужчина должен быть свиреп”. Увы, народ, создавший эту поговорку, вполне её оправдал. Бесчеловечность конкистадоров и зверства испанской инквизиции украсили страницы всемирной истории картинами такой свирепости, что зло, от них излучающееся, не перестаёт воздействовать на души до сих пор.

Впрочем, и многие другие народы мало уступали испанцам на этом поприще. Тысячелетие за тысячелетием перекатывались и перекатываются по лицу земли волны мятежей, революций, террора, бешеных и беспощадных расправ: бесчисленные капли, составляющие

эти волны, — мужские воли и мужские сердца. Говорят иногда о женской жестокости. Но, Боже мой, разве кровопролития чингиз-ханов, тимуров, наполеонов, пытки застенков, ярость якобинского террора, неистовства колониальных захватов, массовые репрессии фашистских и иных диктатур начинались и возглавлялись женщинами? История знает женщин-отравительниц, братоубийц, детоубийц, изощрённых садисток, но не знает ни одной, чьё историческое значение сопоставимо со значением Тиберия и Нерона, Ассаргадона и Алла эд Дина, Торквемады и Пиззаро, герцога Альбы и Робеспьера, Грозного и Скуратова, Гимлера и Берии.

Робкое, загнанное в глубь семейных ячеек женственное начало убереглось лишь потому, что без него сам мужчина бесплоден, как свинец, и потому что физического продолжения человечества без женщины не может быть» (РМ, 124).

Можно несколько смягчить суровость андреевского приговора мужчине ссылкой на другое место в «Розе Мира» (глава «Шрастры и уицраоры», стр. 88), где говорится о том, что даже высшие небесные иерархии народов — демиурги — вынуждены были принять в своё время условия жестокой игры, навязанной им демоническими силами. Чтобы защитить свои народы от агрессии соседей, демиурги прибегали к помощи демонов великодержавия — уицраоров. Таким образом, демонические черты в мужчинах стали программироваться на некотором этапе истории самими государственными системами, и если бы не благотворное влияние женского начала и не религиозное воспитание, подавляющее большинство мужчин были бы истинными демонами.

Следует правильно понимать критику Андреевым мужчин и всего демонического в истории. По сути, она обращена к современникам, ибо история — это уже свершившийся факт и это трагедия, участники которой часто были просто вынуждены действовать так, а не иначе. Можно религиозно осудить мужской демонизм, отдельных, самых слабых мужчин, позволивших демонам превратить себя в свирепых чудовищ, но было бы лицемерием осуждать миллионы нормальных мужчин за то, что они принимали участие в не ими затеянной брани, отвечали ударом на удар и жестокостью на жестокость, защищая свою родину, своих детей и жён. Честь и хвала тем из них, которые при этом сумели сохранить в себе образ и подобие Божие!

Преобладание мужского начала над женским есть столь впечатляющий, столь повсеместный факт в истории народов, что до сих пор воспринимается подавляющим большинством людей как норма человеческого бытия, а религиозным сознанием — как нечто, санкционированное самим Богом.

Это воззрение уходит своими корнями в глубокую древность. Его следы явственно обнаруживаются в преданиях и мифах многих народов, в частности, в библейском мифе об Адаме и Еве, имеющем для нас особый интерес в данном случае. Бог сотворил Еву из ребра Адама, а не наоборот — Адама из ребра Евы и не раздельно каждого. Значит, женщина — изначально, по происхождению своему, — вторичное, даже второсортное существо. Из трёх религий семитического корня, признающих богодухновенность книг Ветхого Завета, ислам и иудаизм полностью восприняли эту установку, христианство её преодолело. Но странно — христианские богословы оставили без внимания отрицательные нравственные последствия, вытекающие из мифа о сотворении человека. Между тем вопрос этот далеко не праздный, если принять во внимание то мощное подспудное воздействие, которое оказывали и ещё оказывают на культуры священные книги древности. А нельзя ли допустить, что идея второсортности женщины отнюдь не божественного происхождения и привнесена автором книги Бытия, отразившим в соответствующих образах уже свершившийся к тому времени факт демонического подавления женского начала? Ведь хорошо известно, что любой религиозный миф представляет собой смешение божественного с человеческим. В «Розе Мира» мы находим суждение, как будто подтверждающее правомерность такого допущения:

«Само собой разумеется, что степень отличия мифа от трансмифа может быть весьма разной. Ограниченность тех, кто воспринимал трансмиф через интуицию, сновидения, художественные наития, религиозное созерцание, метаисторическое озарение; национальные, эпохальные, классовые и личные особенности этих сознаний и той подсознательной области их существа, которая деятельно участвует в этом процессе; невозможность найти в слове или в образах трёхмерного искусства точные аналогии для выражения реальности иномерных миров — разве не может всё это не привести к бесчисленным абберациям, к загромождению мифа массой случайного, неточного, антропоморфного, примитивизирующего, даже просто неудачного?» (РМ, 52).

Ту же мысль мы встречаем и у Бердяева в работе, опубликованной в те годы, когда создавалась «Роза Мира»:

«Заблуждение эпохи, не знавшей ещё исторической науки и исторической критики, заключалось в том, что историческое почиталось метаисторическим, т.е. священным, и потому человеческие привнесения и искажения считались неотъемлемой частью божественного откровения. Это особенно ясно на Библии, в которой есть религиозный свет и явления религиозного порядка, но очень перемешивались с этим обыкновенные исторические события и искажения ограниченного сознания еврейского народа. Древнееврейское понимание Бога было порождением ещё тёмного сознания еврейского народа, и лишь у пророков происходит возвышение над этим ограниченным сознанием».

Если мы взглянем с этой точки зрения на ветхозаветную установку о второсортности женщины, то её божественное происхождение придётся поставить под большое сомнение. Совершенно непонятно, почему из двух, равно необходимых для житнетворчества начал одно признано первичным, другое вторичным? Можно согласиться с исторически сложившимся фактом неравенства мужчины и женщины, но никак нельзя согласиться с идеей онтологического, санкционированного Богом, неравенства мужского и женского начал. Настаивать на этом — такой же абсурд, как утверждать, что положительный заряд имеет преимущество перед отрицательным вследствие того, что в слове «отрицательный» содержится привычный для уха негативный смысл. Вот на попреще истребления жизни мужчина и женщина действительно очень не равны. Мужчина — главный организатор и участник всех войн истории. Но мы уже знаем о метафизике сил, сеющих разрушение и смерть. Они не имеют ни малейшего отношения ни к Богу, ни к провиденциальному замыслу о человеке. Так, во всяком случае, считают те, кто верит в Бога-Троицу и не смешивает Бога с дьяволом.

Греховен ли половой акт?

Известно, что европейское средневековье в лице служителей церкви и ведомых ею невежественных масс разделяло убеждение в изначальной ущербности женщины, основываясь как раз на бук-

вальном понимании мифа об Адаме и Еве. Вместо того чтобы попытаться осмыслить онтологию и мистику пола, как это имеет место во многих христианских религиях, средневековый католицизм занял жёсткую отрицательную позицию в отношении женщины, весьма близкую к иудаистской. Эпизод, описывающий, как дьявол искусил слабую Еву, а Ева — простодушного Адама, понятый богословами как исторический (!) факт, оказал на них гипнотическое действие. Женщина была объявлена сосудом грехов, первой пособницей дьявола и искусительницей боголюбивого мужчины. Половые отношения признавались едва терпимым грехом, которого следует стыдиться. К чему привела эта идеология, мы сейчас разберёмся...

Современные христианские богословы печалуются об *апостасии* (отпадении христианского мира от Христа), обнаруживая её причины в агрессии дьявольских сил на церковь и в духовной неустойчивости, греховности паствы. Всё это так, но есть куда более серьёзная причина кризиса христианства, достаточно хорошо исследованная учёными и философами. Эта причина — многовековое, превышающее всякую меру подавление церковью половой энергии в массах людей. На ней, как на взрывчатке, в конце концов, и подорвалось историческое христианство.

Главная, стратегическая ошибка средневековой церкви и на Западе, и в России состояла в том, что она недооценила фактор человеческой свободы, забыла, что Бог создал человека свободным существом, с которым по этой причине следует обращаться очень осторожно. Безбрачие, монашество как средства духовного самосовершенствования, добровольно избираемые отдельными людьми, — это одно. Подавление же половой энергии в массах людей средствами идеологического запугивания, угрозами вечных мук — нечто совершенно иное. В первом случае совершается акт свободного выбора, дающий в итоге великолепный результат — принцип сублимации половой энергии лежит в основе религиозного творчества и мистического созерцания, не только, заметим, христианского. Во втором — совершается покушение на Богом данную каждому человеку свободу, достигается внешнее, весьма неустойчивое, благочестие. Вместо стада малого, но верного, с помощью идеологического кнута собирается стадо великое, но неверное. В итоге такого «воспитания» христианская Европа за сравнительно короткий исторический срок проделала бурную эволюцию в сфере половых отношений, завершившуюся

«сексуальной революцией» и СПИДом. Тот же сюжет только с запозданием на полстолетия повторяется и в России.

Оценка христианской церковью половых отношений между мужчиной и женщиной как изначально нечистого деяния, которое она вынуждена терпеть, будучи не в силах упразднить, имеет своё основание опять же в библейском мифе. Адам и Ева до грехопадения не знали половой любви, её пробудил в них дьявол. В наказание Бог лишил их бессмертия, изгнал из рая, и с тех пор половые отношения стали вынужденным средством сохранения рода человеческого на земле.

Средневековые богословы, убеждённые Библией в дьявольском происхождении полового чувства, решительно осудили его. Высшим идеалом человека стало некое воображаемое бесполое, высокодуховное существо, то есть что-то совершенно недостижимое для миллионов смертных и внутренне для них *неприемлемое*, которое, тем не менее, предлагалось любить и считать высшим образцом. Но как же так? Если Адам и Ева могли вступить в половые отношения, значит, их половые отличия были даны им Богом. Значит, пол имеет онтологический статус, он религиозно законен и не греховен.

Идея греховности пола, заметим, чисто библейского происхождения, и наиболее укоренилась она в христианстве. Её никогда не знали восточные религии, и это не сделало народы Индии, Японии, Китая, Тибета более безнравственными в половом отношении, чем народы Европы. В XX веке мы наблюдаем как раз обратное...

У нас в России против идеологии греховности половых отношений решительно восстал только один мыслитель — оригинальнейший В.В. Розанов. В своей глубокой по мысли работе «Люди лунного света» он благословляет совокупление как условие, без которого невозможна первичная нравственная клетка общества — семья, а следовательно, и само общество. Семью Розанов ставил выше Церкви, поскольку считал, что семья способна воспитать в человеке умение бескорыстно любить, идти на жертвы ради ближних своих. И в самом деле, никакая самая пламенная проповедь, ни литургия, ни таинства, ни обряд не разовьют сами по себе в человеке этих необходимейших для христианства качеств, если они не вложены в его душу с юных лет семейным воспитанием. Распад семьи — это неизбежный распад христианства.

Канонические взгляды Розанова представляют недопустимую вольность, поскольку здесь, на земле, признаётся святой лишь Церковь, в то время как семья существует благодаря греху совокупления («се бо в беззаконии зачат есмь и во гресех роди мя мати моя» — 50-й псалом). И всё-таки Розанов решительно отказывается признавать половой акт грехом. Греховны, по его убеждению, половые извращения, к которым он относит все виды содомии, но ни в коем случае не половой акт, освящённый чувством любви. Такой акт, по мнению Розанова, не только телесен, но и духовен. Философия пола у Розанова православна по духу и не имеет ничего общего с апологией половой всеядности. «Сексуальную революцию» он, искавший путь к половой культуре, встретил бы, несомненно, с чувством омерзения.

«Брак есть не только таинство, но величайшее из таинств: рождаюсь, умирая и, наконец, вступая в брачную, то есть глубочайшую, связь с человеком и человечеством, каждый из нас подходит к краю индивидуального бытия своего, он стоит на берегу неисследимых оснований личного существования, понять которые никогда не может и только инстинктивно, содрогаясь с благоговением, ищет освятить их в религии. Вот почему не свята и не истинна всякая церковь, которая не понимает этого акта именно как религиозного таинства — и наоборот, религия, церковь, секта настолько открывает свою содержательность, насколько глубоко и проникновенно смотрит на этот акт».

Верную характеристику розановского понимания пола, для нас здесь очень важного, даёт один из последователей его творчества:

«Существенно: пол для Розанова — это одновременно и теистическое, и космологическое начала. И если брак есть или может быть “религиозен” — то, конечно, потому и при том лишь условии, что “религия” имеет в себе что-либо “половое”. Пол теистизируется: это даёт эфирный цветок бытия — семью, но и теизм непременно и сейчас же сексуализируется. Связь пола с Богом для Розанова куда бесспорнее, чем связь ума. Утверждение и освящение связи пола с Богом есть, по Розанову, сокровенное ядро Ветхого Завета и всех древнейших религий. Во всяком случае, именно отсюда выводит Розанов святость и непоколебимость семьи в Ветхом Завете и иудаизме; отсюда же — благословение жизни и любви в язычестве, примирившем человека с универсумом. Напротив, христианство, по Розанову,

разрушило сущностную связь человека с Богом, поставив на место жизни смерть, на место семьи — аскезу, на место религии — каноническое право, консисторию и морализование, на место реальности — слово. Культ слова породил бесконечные слова, рынок слов, в котором, как во времена великого оледенения, обречена погибнуть европейская цивилизация».

Розанов был одним из тех свободных, сильных, тонких, религиозных умов, которые понимали неполноту исторического христианства, и каждый по-своему старались показать, в чём она состоит. Розанов, живя в православной стране, бесстрашно указал на самое «гнилое» место христианства — проблему пола и половых отношений. В своей критике исторического христианства он заходит столь далеко, что прямо обвиняет Церковь в провоцировании в человеке тех грехов, за которые некогда Бог покарал Содом и Гоморру. Подавляя в человеке нормальное половое чувство, Церковь, считал Розанов, порождает грех содомии во всех его разновидностях. Свои обвинения он основывал на фактах, на изучении различных половых извращений — многочисленных случаев, имевших своей причиной комплекс подавленного полового чувства. XX век показал, что Розанов был прав. По проценту половых преступлений в общем числе совершаемых преступлений Советский Союз, продолживший эту христианскую традицию, занимал одно из первых мест в мире. Поэтому нет ничего удивительного в том мощном взлёте распутства среди молодёжи, когда началась «перестройка» и всякие запреты на «сексуальное раскрепощение» были сняты. Так мстит нам демистифицированная, секуляризированная, отлучённая от Бога проблема пола.

Таким образом, существуют две одинаково опасные идеологии в отношении полового чувства: идеология жёсткого его подавления и идеология полного освобождения. Христианские народы этот дьявольский тандем увёл далеко в сторону от золотого пути, который, по мысли Андреева, вдохновлённого высшими иерархиями Шаданакара, состоит не в умерщвлении греховной плоти, а в её просветлении.

Русская православная женщина

Смена социально-экономических формаций неизбежно влечёт за собой и смену человеческих типов. Бывшее ничтожное мень-

шинство вдруг начинает стремительно множиться, вытесняя прежние «устаревшие типы». Так в XIX веке в европейских обществах, переживавших бурный рост капитализма с его новой, потребительской идеологией, стал множиться тип энергичной, самоуверенной, сексуально раскрепощённой женщины, чьи интересы переместились от церкви и семьи в сторону «света» — в блестящий мир интриг, любовных приключений, нарядов, путешествий. Этот тип был немедленно замечен творцами культуры и достойно отображён в литературе, живописи, лёгкой музыке (оперетте). У некоторых западных писателей он вызывал искреннее негодование. Например, Отто Вейнингер сделал его центральной темой своей скандально-знаменитой монографии «Пол и характер», где он стирает женский пол в порошок вообще. У нас в России на эту падшую женщину, соблазнительницу блудных сынов, со всем жаром своей пламенной души обрушился Н.Ф. Фёдоров. Он увидел в ней нечто апокалиптическое, прообраз блудницы последних времён, восседающей на хребте Зверя, способной погасить в сынах человеческих чувство религиозного долга и воскрешения.

Следующим этапом развития нового женского типа стало движение женщин за эмансипацию, возникшее в XX веке в США и постепенно охватившее весь мир. Общий смысл и направленность этого глобального процесса можно определить приблизительно так. Закрепощённая в течение тысячелетий, женщина вырвалась на свободу не для восстановления издревле нарушенного равновесия двух начал, не для сотворчества с мужчиной в созидании новой, более совершенной культуры (культур), а во имя гордынного самоутверждения, во имя эгоистической «самости», лишённой понимания религиозного и онтологического смысла Женственности. Кульминационным моментом процесса демонического искажения идеи Женственности стала «сексуальная революция», начавшаяся в сонно-благополучных скандинавских странах. Её результаты перед нашими глазами. На авансцену жизни вышла не мудрая и обаятельная усмирительница хищного мужского начала, а пошлая, бесстыдная тварь с эксгибиционистским комплексом, ещё более усугубившая демонические черты мужской природы.

Средневековая церковь как будто оказалась права в своём воззрении на женщину как сосуд греха. Христианские ортодоксы с тайной завистью посматривают сейчас на мусульманский мир, где женщина

всё ещё находится под жёсткой властью мужчины. Можно ли, однако, считать этот неудачный, извращённый демоническими началами, акт освобождения женщины приговором идее сотворчества? Конечно же, нет! Сотворчество мужчины и женщины есть светлая тенденция в мировой культуре, всегда противостоявшая демоническому подавлению женского начала. Мы знаем многочисленные примеры замечательных пар, не только, заметим, супружеских, в которых эта божественная идея выразилась полностью. Её плоды — великие произведения литературы, искусства, музыки, науки, которые были созданы мужчинами только благодаря тому, что рядом были женщины — любящие, мудрые, терпеливые, тонкие, жертвенные.

А миллионы добрых, простых людей, воспитанных в семьях, где женщина сумела создать ауру любви и взаимопонимания, — разве не являются они яркими доказательствами того, что идея культурного сотворчества мужчины и женщины не умирала, несмотря ни на что? Жизненная практика показывает, что в ущербных семьях, где бездействует или отсутствует одно из начал, как правило, вырастают дети с той или иной степенью ущербности. Вряд ли стоит иллюстрировать конкретными примерами столь очевидный факт. В наши смутные времена они — на каждом шагу.

Позволим себе сделать следующее обобщение — сотворение человека как образа и подобия Божия удавалось в истории ровно настолько, насколько женское начало было освобождено для сотворчества с мужским, и не удавалось настолько, насколько оно было подавлено. Именно поэтому эмансипация и «сексуальная революция», будучи профанацией освобождения женщины, повлекли за собой ухудшение человеческой природы в XX веке, которое выразилось в ослаблении психологических и даже внешних различий между полами. Уже говорилось о духовном гермафродитизме современной женщины. Но подобная тенденция наблюдается и среди мужчин. В странах христианского мира, по которым прокатился идеологический тандем полоотрицания-полоосвобождения, сейчас происходит противоестественный и отталкивающий процесс *андрогинизации* полов. Женщины маскулинизируются, мужчины феминизируются.

Явление совершенно особого рода представляет русская православная женщина — тип глубоко отличный от европейской эмансипированной женщины, благородно-консервативный, мучительно воспринявший резкие перемены в традиционном жизненном укладе.

Думается, свою «крамольную» идею примата семьи над Церковью В. Розанов извлёк из наблюдений именно над русскими семьями. Она, русская женщина — кроткая, любящая, сердобольная, жертвенная, великая труженица, домостроительница — есть, может быть, лучшее творение православного духа. Этот особенный душевный тип встречаем мы в различных воплощениях на Руси с древних времён: и в крестьянстве, и в высших слоях общества, и в купечестве, и среди царственных особ — везде. Его достойно отобразили в своих произведениях русские писатели XIX–XX веков, создав целую галерею самобытных, не заимствованных из других литератур, женских образов. Если бы Отто Вейнинггер был знаком с русской женщиной, принцип научной добросовестности заставил бы этого слишком темпераментного, но искреннего философа поставить крест на своей книге.

Страшный удар по православному женскому типу нанесла большевистская, атеистическая революция. Большевики, очевидно, внушаемые демоническими силами, создали свой собственный вариант эмансипации женщины. Они грубо оторвали миллионы молодых женщин от семьи, соблазнив их химерой сотворения «нового мира». Успех коммунистического соблазна имел, конечно, определённые социально-психологические предпосылки, ибо действительно нелёгкой была доля простой русской женщины в императорской России. Но в России советской она оказалась многократно тяжелее. «Освобождённая» от своей тысячелетней миссии хранительницы домашнего очага, ввергнутая в массовом порядке в производство и «общественную жизнь», женщина не сумела облагородить жестокий политический режим. Зато режим своими инкубаторскими методами воспитания в духе атеистической идеологии и классовой ненависти искалечил души советских женщин, души их детей и мужей. Если в дореволюционной России в условиях растущего общественного разочарования в Церкви семья оставалась последним, незыблемым оплотом христианского воспитания, то после революции этот оплот подвергся свирепому, хорошо организованному разгрому. В детсадах, школах, интернатах, кружках, во всей системе советского казарменного обучения началось массовое производство духовных гомункулов — «советских людей», полностью лишённых религиозного сознания. Это была антропологическая диверсия, направленная против народов бывшей России, настоящие последствия которой

обнаружились только спустя десятилетия. Тотальный абсурд «перестройки» в социальной основе своей порождён тем, что её делают гомункулы, и прекратится он не раньше, чем к власти в стране придут нормальные люди, то есть люди, обладающие национальным самосознанием, политической волей и хотя бы основами религиозного мироощущения. Эта трагическая тема будет более подробно раскрыта позже в специальной главе.

Таким образом, коренной причиной неудачи женской эмансипации в её западном и советском варианте было полнейшее пренебрежение исторически сложившимся у культурных народов пониманием назначения женщины при отсутствии попыток выработать новое, более высокое, понимание.

Огромна сила воздействия на сознание древних социо-психологических и религиозных установок. Бог — существительное мужского рода. Богини или богинь в монотеистических религиях не существует. Уже одно это обстоятельство сыграло важную роль в формировании представлений об ущербности, второсортности женщины и, что ещё важнее, во внедрении этих представлений в сознание самой женщины. Отношения между полами складывались тысячелетиями и, надо полагать, не без санкции Провиденциальных сил, вынужденных считаться с реальностью земного бытия. Додумать их в кратчайший исторический миг могли, конечно, только утописты. А поскольку утопия в христианском понимании — это образ жизни, противоречащий воле Божьей, то можно догадаться, из какого источника получали свои вдохновения активисты женской эмансипации. И вот мы видим, что освобождена была не Женщина и Женственность, а вековая раба, сотворённая из адамова ребра. Произошло внешнее освобождение без освобождения внутреннего. Высокая идея оказалась сниженной и вульгаризованной.

Онтология женственности у предшественников Андреева

Знаменательно, что Запад до сих пор не осознал своей ошибки. Западом не понято, что эмансипация женщины есть утопия, поскольку она не узаконена ни онтологически, ни религиозно. Только поняв высший смысл Женственности, можно найти те границы и формы,

в которых ей надлежит проявиться в человеческом обществе, и тогда это был бы культуротворческий, направляемый светлой созидающей волей, процесс. Никому из западных философов такая задача и в голову не приходила, а женофоб Вейнингер поступил даже прямо противоположным образом — Женственности отказал в существовании вообще, а женщину прогнал назад, в животное царство, в сферу низких инстинктов.

Вовсе не удивительно, что идея Мировой Женственности оказалась предметом особого внимания русских философов XIX–XX веков. Наиболее конкретны и интересны, с точки зрения сравнительного анализа, обобщения, сделанные В. Соловьёвым, Е. Рерих и Д. Андреевым. Творили они, разумеется, не на пустом месте. У идеи Мировой Женственности есть своя религиозно-философская традиция, уходящая к гностикам, к древним языческим религиям, не признаваемая, разумеется, Церковью. Но ею источники их творчества ни в коем случае не исчерпываются, иначе не о чём было бы говорить. И Соловьёв, и Рерих, и Андреев мыслили не только по «горизонтали», но и по «вертикали», то есть получали информацию из запредельных миров. Вопрос лишь в том, какого качества была информация...

Суть воззрения Владимира Соловьёва наилучшим образом излагает Андреев. Он утверждает, что Соловьёв был великим духовидцем. Три раза в течение своей жизни он испытал потрясающие по силе воздействия мистические озарения, связанные с переживанием Вечной Женственности. Через все органы своего духовного восприятия, говорит Андреев, Соловьёв воспринимал откровения Звенты-Свентаны — великой богорождённой монады, выразительности Вечной Женственности, «сошедшей с духовных космических высот в верхние слои Шаданакара около полутора столетий назад и должествующей принять просветлённое (отнюдь не физическое) воплощение в одном из затомисов человечества» (РМ, 274). Но он не решился взять на себя огромную ответственность стать провозвестником нового откровения. Читаем у Андреева:

«...Соловьёв считал, что в девяностых годах прошлого века для открытой постановки вопроса о связи идеи Софии с православным учением время ещё не пришло. Он хорошо понимал, что вторжение столь колоссальной высшей реальности в окостеневший круг христианской догматики может сломать этот круг и вызвать новый раскол в церкви; раскол же рисовался ему великим злом, помощью

грядущему антихристу, и он хлопотал, как известно, больше всего о противоположном: о воссоединении церкви. Личная же скромность его и глубокое целомудрие, сказывающиеся, между прочим, в кристальной ясности языка даже чисто философских его работ, подсказали ему — окружить повесть о трёх свиданиях, трёх самых значительных событиях в его жизни, шутливым, неприятзательно-бытописующим обрамлением» (РМ, 194).

Андреев почему-то не упоминает статью Соловьёва «Смысл любви», в которой тот всё-таки предпринял осторожную попытку онтологизировать Женственность, то есть представить её как одну из фундаментальных категорий Бытия. Вселенная как творение Божие, говорит в своей статье Соловьёв, содержит в себе потенцию к абсолютному совершенству и относится к Богу как пассивное женственное начало:

«Для Бога Его *другое* (т.е. Вселенная) имеет от века образ совершенной женственности, но Он хочет, чтобы этот образ был не только для Него, но чтобы он реализовался и воплотился для каждого индивидуального существа, способного с ним соединиться. К такой же реализации и воплощению стремится сама вечная Женственность, которая не есть только бездейственный образ в уме Божиим, а живое духовное существо. Весь мировой и исторический процесс есть процесс её реализации и воплощения в великом многообразии форм и степеней. В половой любви, истинно понимаемой и истинно осуществляемой, эта божественная сущность получает средство для своего окончательного крайнего воплощения в индивидуальной жизни человека, способ самого глубокого и вместе с тем самого внешне реально ощутительного соединения с Ним. Отсюда же проблемы неземного блаженства, то веяние нездешней радости, которыми сопровождается любовь, даже несовершенная, и которые делают её, даже несовершенную, величайшим наслаждением людей и богов. Отсюда же величайшие страдания любви, бессильной удержать свой истинный предмет...».

Итак, по Соловьёву, мужское и женское начала в мироздании суть проекции Бога и Вечной Женственности. При этом Вечная Женственность и есть тот высший идеал, к которому устремлена эволюция мироздания. Земная, чувственная любовь потому и является высшим наслаждением, что осуществляет общее устремление творения к высшему идеалу. Понятной, кстати, становится и мистика стра-

дания. Страдания сопровождают такого рода явления, события, поступки, процессы, которые противоположны этому устремлению, разрушительны в своей основе.

Чрезвычайно интересно то, что Соловьёв, кажется, впервые в истории философской идеи Женственности, говорит о том, что понятием «идеи» Женственность не ограничивается, что она воплощена в живом существе, некоей высшей духовной иерархии вселенского масштаба. Здесь Соловьёв только не называет имя этой иерархии, открытое Даниилу Андрееву спустя несколько десятилетий.

Заметно грубее решает проблему Женственности Елена Ивановна Рерих, в чём, впрочем, не может быть ничего удивительного. Религиозное творчество, как показывает исторический опыт, есть исключительно прерогатива мужского духа и мужского интеллекта, а уж откровения о Вечной Женственности женщина ни при каких обстоятельствах получить не могла, поскольку такое откровение в основе своей эротично и способно по-настоящему потрясти только мужчину.

Рерих *обличает* мужчину, поработившего и унизившего женщину, словно бы мужчина в лице прародителя нашего Адама основал многотысячелетний заговор против женщины. Елена Ивановна была убеждена в том, что по своим творческим возможностям женщина решительно ни в чём не уступает мужчине, зато превосходит его в нравственном отношении. Е. Рерих — антипод Вейнингера. С такой же безапелляционной решительностью она объявляет низшим, а точнее, более низким, существом мужчину. Она убеждена, что возрождение человечества начнётся только после того, как женщина будет полностью уравнена в правах с мужчиной:

«Великая наступающая эпоха тесно связана с возрождением женщины. Грядущее время снова должно, как в лучшие времена человечества, предоставить женщине место у руля жизни наравне с мужчиной».

Рерих резко критически относилась к историческому христианству, отрицала христианскую эсхатологию, не верила в конец света и Второе Пришествие, но верила в Эволюцию с большой буквы. Как и её духовный учитель Е.П. Блаватская, она имела ярко выраженный рационалистический склад мышления, склонный к построению чётких, логически завершённых философских конструкций, но лишённый интуиции. Поэтому она совсем не отличала Женственность от женщины, потенции, скрытые в женском начале, — от реальной,

глубоко демонизированной женщины эпохи эмансипации, которую не то что к рулю жизни, но иногда и к воспитанию детей нельзя допускать. Рерих не понимала того, что онтологическое равенство полов ещё не означает равенства возможностей мужчины и женщины во всех сферах деятельности, ибо есть сферы, в которых женщина превосходит мужчину, но есть и такие, в которых она ему явно уступает. Решение проблемы пола, предлагаемое Е. Рерих, опасно приближается к топорной западной идее эмансипации, которая, как показал опыт её реализации, ни на йоту не улучшила общество нравственно по сравнению с его состоянием до эмансипации, зато во многих отношениях ухудшила.

Равенство мужчины и женщины, по убеждению Е. Рерих, санкционировано не Богом, в которого она не верит, а «великим космическим законом равновесия начал», то есть некоей, автоматически действующей, безличной, материальной силой. Духовное она ставит в один ряд с физическим. Профанацией Бога выглядит её рационалистическая идея «двоицы», буквально — мужского и женского начал, механически перенесённых на Бога. Но если мужчина и женщина есть явления тоже материального порядка, как положительный и отрицательный заряды, а последние имеют свойство притягиваться, то недолго объяснить половой акт высшей формой любви, тогда как, по Соловьёву, это одна из начальных ступеней, через которую проходит эволюция чувства любви в своём устремлении к всё более тонким и прекрасным проявлениям. Ясно, что подобной аналогией следует пользоваться с большой осторожностью, лишь в известных смысловых границах. Смертный грех «сексуальной революции», её противобожеская сущность в том и состоит, что она останавливает эволюцию чувства любви на физиологическом уровне. Она подменяет её идеей бесконечного кружения в сексуальных играх, которые, по логике игры, должны становиться всё изощрённее, бесстыднее и циничнее и вполне способны возвести самые грязные формы половой распущенности в ранг религиозного культа. Об этой опасности, не увиденной в своё время Е. Рерих, предупреждает Даниил Андреев:

«...вторжение в религиозные организации и в культ представлений о различии божественно-мужского и божественно-женского начал чревато исключительными опасностями. Понятые недостаточно духовно, недостаточно строго отделённые от сексуальной сферы человечества, вторжения эти ведут к замутнению духовности именно

сексуальной стихией, к кощунственному отождествлению космического духовного брака с чувственной любовью и, в конечном счёте, к ритуальному разврату» (РМ, 194).

Эта опасность в истории в полной мере ещё не проявилась — даже в институте «священных блудниц» в Древнем Египте, точную оценку которому даёт Розанов в «Людях лунного света». Андреев считает, что ритуальный разврат, тиражируемый с помощью электронных средств массовой информации, станет одной из примечательных особенностей царства Антихриста, если таковое осуществится в своём худшем варианте. В нём будут принимать участие (буквально!) миллионы людей. Что ж, если принять во внимание масштабы современного порнобизнеса, неутомимую «творческую» деятельность порнозвёзд, то можно ожидать, что пророчество Андреева может сбыться ещё до наступления царства Антихриста.

Догмат о Пресвятой Троице и Вечная Женственность

Как показало время, Соловьёв был неправ, умолчав о полученном им откровении относительно божественной природы Женственности. Он опасался, что его открытое выступление вызовет раскол в Церкви. Но что такое раскол по сравнению с тем страшным *физическим* разгромом, который учинили Церкви большевики? По сравнению с тотальным отлучением от Бога целых поколений? По сравнению с нынешним беснованием непросветлённой сексуальной стихии в России? Христианская мысль не была вовремя оплодотворена новым откровением и поэтому не получила даже шанса противопоставить будущему сексуальному безумию что-либо более привлекательное, чем опостылевшая даже христианам скопческая идеология греховности полового акта между мужчиной и женщиной.

Впрочем, молчание Соловьёва трудно поставить ему в вину. Ни один философ до сих пор не смог предотвратить таких грандиозных бедствий, как революции и войны, но зато мы знаем имена философов, готовивших своими трудами эти бедствия. Нам не ведомы тайны Неба, но мы вправе допустить, что существует мистическая связь между умолчанием Соловьёва и новым откровением о Женственности в рамках учения о Пресвятой Троице, которое было дано России после разгрома и унижения Православной Церкви. Нового

духовидца уже не могли остановить старые страхи, и он решился на то, чего убоился бы на его месте Соловьёв, тронул святая святых христианства — догмат о Пресвятой Троице.

Учение о Пресвятой Троице — это вершина религиозной эволюции человечества, выше которой, по крайней мере, здесь, в физическом мире, подняться уже невозможно. Бог — это не монолит, как думают мусульмане, не абстрактный, безличный абсолют йогов, не размытая в природе творческая сила, созидающая формы, это не вульгарная оккультная «двоица» и не «Космический разум». Бог есть трансцендентная, то есть пребывающая вне мира, высшая Личность, соединяющая в себе три ипостаси: Бога-Отца, Бога-Сына и Бога-Духа Святого. Великая, непостижимая для человеческого ума тайна Пресвятой Троицы в том, что Она одновременно нераздельна и неслиянна. Это означает, что, являясь самостоятельными личностями, все три ипостаси мистически образуют совершенную личность — Бога.

Андреев сосредоточивает внимание на третьей ипостаси Пресвятой Троицы — Духе Святом, указывая на некоторые её странности, не замеченные христианскими богословами:

«Каноническими евангелиями (от Матфея и от Луки) утверждает ясно и отчётливо зачатие Младенца Иисуса Девой Марией от Святого Духа. Таким образом, можно заключить, что не Бог-Отец был Отцом Христа, как человека, но Святой Дух. Однако как же это? Предвечное рождение Бога-Сына от Бога-Отца могло ли иначе выразиться мистериально в историческом, человеческом мире, как только рождением человека Иисуса от сил той же ипостаси? Но нет, евангельский рассказ совершенно отчётлив. Неотчётливо другое: понимание третьей ипостаси церковью христианской. За всю историю церкви догмат о третьей ипостаси так и не был разработан» (РМ, 119).

Андреев указывает на туманность традиционных церковных представлений о Святом Духе, на крайнюю скудность учения о Нём и затем приходит к выводу, что первая и третья ипостаси суть одно лицо. Дух Святой есть не что иное, как характеристика *качеств* Бога-Отца, почему-то выделенных в отдельную ипостась:

«Ведь кем может быть Сам Бог-Отец, как не Духом? Только Духом. и притом именно Святым, в отличие от всех других духов, им сотворённых, ибо каждая из богосотворённых и даже богорождённых монад может совершить — и многие совершили — отрицательный выбор, богоотступничество; Отец же — совершенно очевидно — не мо-

жет отпасть от Самого Себя, Он первичен, неизменяем, незамутним, неомрачим и именуется Святым именно в этом смысле. Какое же положительное содержание можно вложить в отвлечение от Бога-Отца двух Ему изначально присущих свойств — Его духовности и Его святости? Где основания для того, чтобы этому отвлечению придавать совершенно автономное значение в качестве третьего лица Троицы?» (РМ, 120).

Проблема сформулирована безукоризненно конкретно, без тени казуистики. По существу её возразить тут просто нечего. Можно лишь сослаться на соответствующее место в Евангелии от Матфея, где Христос учит своих учеников молиться во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Однако эта догматическая ссылка не лишает силы андреевскую аргументацию, но лишь открывает глаза на смущающий душу факт, что формула, данная Христом, содержит в себе богословское противоречие и тавтологию одновременно. Андреев ставит нас перед нелёгким выбором: либо, набравшись смелости, допустить, что с авторством формулы не вполне всё ясно, либо признать, что Сын Божий ... дал путаный текст! Примем без колебаний первое допущение и согласимся, что проблема действительно существует.

Ведь что значит ошибка в догмате применительно к истории христианства, к его путям и судьбам? Приблизительно то же, что отклонение стрелки компаса в результате неисправности. Это означает, что корабль исторического христианства шёл не то чтобы совсем неверным курсом, но уклонился от точного курса.

Вполне сознавая величайшую серьёзность поднятой им богословской проблемы, Андреев оставляет окончательное её решение на усмотрение Вселенского собора христианских церквей.

Нынешний глобальный кризис христианства, его раздробленность на множество конфессий, которые никак не могут найти общий язык друг с другом, не позволяет, однако, надеяться на возможность скорого созыва очередного Вселенского Собора. Маловероятно также, чтобы Русская Православная Церковь (а теперь их уже три: российская, зарубежная и катакомбная) самостоятельно рискнула затронуть эту проблему. В такой ситуации ничто не мешает нам, простым смертным, поразмышлять над андреевским толкованием догмата о Пресвятой Троице, подтверждённым, как он о том уверенно заявляет, той высокой иерархией Шаданакара, с которой он находился в мистическом общении.

...Если Бог-Отец и Бог-Дух Святой суть одно и то же лицо, то, значит, третья ипостась Троицы христианскими богословами до сих пор не названа и пребывает инкогнито. Она сокрыта от нас завесой, на которой начертан не вполне ясный образ Святого Духа. С благоговением, но достаточно решительно Андреев открывает завесу, и за ней обнаруживается пресветлый образ... Матери Приснодевы — женственного начала Божества, незнание которого религиями семитического корня и определило их взгляд на женщину как второсортное по сравнению с мужчиной существо.

Повернётся ли языку кого-нибудь из настоящих, мыслящих христиан назвать эту замену кощунственной? Такое обвинение против Андреева могут выдвинуть только закоренелые догматики, которых никакой церковный кризис, никакие бедствия народные не собьют с убеждения, что православное вероучение есть крепко сколоченный раз и навсегда дом, в котором под страхом вечных мук запрещено трогать хотя бы брёвнышко. Другое дело, что поправке Андреева может быть отказано в небесном происхождении на том основании, что подобная идея уже высказывалась до него источниками далеко не православными. Вот с этим, компрометирующим «Розу Мира», фактом необходимо разобраться незамедлительно.

Почитаем монографию А. Клизовского «Основы миропонимания новой эпохи», уже не раз здесь цитированную. Этот фундаментальный труд по своей проблематике наиболее близко подходит к «Розе Мира», но расходится с ней в основных, мировоззренчески важных, выводах и, безусловно, уступает ей в Слове. Сейчас он интересен для нас своей онтологией Женственности, которой Клизовский посвящает главу «Матерь мира». Вот что он пишет на эту тему:

«Мы знаем, что на физическом плане существования всякое существо имеет отца и мать, всякая вещь имеет творца, который является её отцом, и состоит из материи, которая является её матерью. Поэтому не предложение и не гипотеза, но непреложная истина, что всё, что существует в мироздании, имеет Отца и Мать. Вселенная имеет Отца и Мать, которыми являются Дух и Материя. Каждая солнечная система в мироздании и каждая планета в каждой системе имеет своего Отца и Мать, иначе говоря, своих Родителей. Наша планета не является в этом отношении исключением и также имеет своего Небесного Отца и Небесную Мать... Могут спросить: "Каким образом случилось, что такое великое понятие, как Матерь Мира, исчезло из

поля сознания человечества, и огромное большинство людей западного мира даже не предполагают о Её существовании?» Ответить на этот вопрос трудно. Конечно, это произошло не случайно. Из нового Великого Откровения известно, что Матерь Мира в конце тёмной эпохи пожелала скрыть Свой Лик и Своё Имя от человечества. Может быть, это было сделано для того, чтобы заставить людей опомниться. Известно, что семья, лишившись матери, перестаёт быть семьёй в истинном значении этого слова и, испытав всю горечь отсутствия любящей, заботливой и родной матери и испив полную чашу страданий, такая семья приходит в полное и окончательное расстройство...

Только желанием Матери Мира скрыть от человечества Свой Лик можно объяснить то, что в христианском учении Великая Вселенская Троица, состоящая из Отца, Матери и Сына, заменена Троицей, состоящей из Отца, Сына и Святого духа. Благодаря этому христианство, не имевшее уже учителей, посвящённых в высшее знание, утратило истинное представление об основе мироздания, которое для созидания и творчества требует сотрудничества двух Начал — мужского и женского. Те немногие общины и организации, как гностики, и отдельные лица, которые не потеряли связи с Источником Света и знания, знали, что Святой Дух есть женское начало, иначе говоря, Матерь Мира... Великий индусский подвижник середины прошлого столетия Шри-Рамакришна Парамагаза в своём поучении народу говорит: «Абсолютный Брахман и вечная Энергия нераздельны и составляют одно целое. Существование одного подразумевает существование другого, как существование огня подразумевает существование его сжигающей силы... Та же самая вечная энергия, мать всех явлений создаёт, сохраняет и разрушает всё. Её зовут Кали или Божественная Мать. Кали есть Брахман, Брахман есть Кали. Это одно и то же Существо. Я называю его Брахманом, когда оно абсолютно бездеятельно, то есть когда Оно не творит, не сохраняет и не разрушает явлений. Но когда Оно совершает такие действия, я называю Его Кали, Вечная Энергия или Божественная Мать».

Автор «Миропонимания новой эпохи», заметим, был любимым и верным учеником Е. Рерих, его труд является популяризацией идей того духовного направления, которое идёт от Е.П. Блаватской.

А теперь снова обратимся к «Розе Мира». Андреевское толкование третьей ипостаси Пресвятой Троицы могло быть скомпрометировано

только некритическим заимствованием идеи у гностиков без какого бы то ни было её развития, как это делают мыслители указанного направления. Ставя задачей обосновать бытие «Матери Мира», они используют несовместимые идеи, запутывая проблему окончательного. Ну, как, например, можно соотнести Мать Приснодеву христиан с индуистским божеством Кали, которую изображают среди необузданной резни и кровопролития с ожерельем из черепов и отрубленных голов? С точки зрения христиан, Кали — это демоница. Как принять утверждение, что «Вселенная имеет Отца и Мать, которыми являются Дух и Материя»? Кто всё-таки создал Вселенную — абсолютно трансцендентная Пресвятая Троица, в которой не может быть никакой, даже самой тонкой материальности, или «двоица», одной из «ипостасей» которой является «Мать-Материя»?

Не может быть ничего предосудительного в том, что Андреев подтверждает догадку гностиков о содержании третьей ипостаси. Он сам настаивает на том, что все сколько-нибудь значительные духовные движения истории, даже еретические с канонической точки зрения, несли в себе хотя бы крупицу истины. Да, христиане, как мы теперь понимаем, и не могли в те времена вместить откровение о третьей ипостаси. Поэтому оно, предположительно, было дано гностикам, способным его принять, но было искажено из-за несовершенства и ошибок их учения. Кроме того, это откровение в «Розе Мира» не просто декларируется, но обосновывается с помощью определённой системы доказательств. Аргументы Андреева сводятся в целом к тому, чтобы показать, насколько уклонился корабль христианской цивилизации от истинного курса вследствие незнания истинного содержания третьей ипостаси и куда должен прийти, если курс удастся выправить.

В главе «Женственность» Андреев даёт краткий, но очень глубокий метаисторический анализ идеи Мировой Женственности. Он рассказывает, как на протяжении многих столетий она время от времени тревожила умы и души христианских богословов. Однако перенос на Бога различий между полами, существующих в падшем мире, казался им кощунственным, и открытие не состоялось. Андреев пытается умерить страхи, связанные с осуществлением этой интеллектуальной операции, двумя путями: с помощью телеологической аргументации и через осмысление самостоятельности женского начала, как бытийственной категории. Обратимся к тексту:

«Выявляясь вовне, Единый проявляет некую присущую Ему внутреннюю полярность. Сущность этой полярности внутри Божества для нас трансцендентна. Но, выявляясь вовне, она воспринимается нами, как полярность двух друг к другу тяготеющих и друг без друга не пребывающих начал, извечно и присно соединяющихся в творчестве любви и дающих начало третьему и завершающему: Сыну, Основе Вселенной, Логосу. Истекая во Вселенную, божественность сохраняет эту присущую ей полярность; ею пронизана вся духовность и вся материальность Вселенной. На различных ступенях бытия она выражается различно. В слое неорганической материи, который доступен всеобщему человеческому восприятию, её можно усмотреть, вероятно, в основе того, что мы именуем всеобщим законом тяготения, в полярности электричества и многом другом. В органической же материи нашего слоя, *здесь*, эта полярность Божественного проявляется в противозначности мужского и женского начал. Повторяю и подчёркиваю: *здесь*, ибо лежащая в этой противозначности полярность Божества, сама в себе, в своей сути, не может быть понята... Таким образом, в учении о Троице и о Женственном аспекте Божества наличествует не перенесение “слишком человеческого” на сферы горние, а напротив, понимание объективной полярности наших слоёв — мужского и женского начал — как проекции непостижимой для нас полярности в существе Бога. “Бог есть любовь”, — сказал Иоанн. Будут сменяться века, потом зоны, наконец, брамфатуры и галактики; каждый из нас рано или поздно достигнет Плеромы — божественной Полноты и вступит в родимое Лоно уже не только как дитя, но и как брат Божий; наши нынешние представления о Божестве исчезнут из памяти, как бледные, отцветшие, ненужные больше тени; но и тогда истина о том, что Бог есть любовь, не утратит своей истинности. Бог любит не Себя (такое предположение было бы кощунственно), но Каждая из таящихся в Нём Непостижимостей обращена любовью на другую, и в этой любви рождается Третье: Основа Вселенной. Отец—Приснодева—Мать—Сын. Высочайшая из тайн, внутренняя тайна Божества, тайна любви Отца и Матери, отнюдь не «отражается» в человеческой любви, какой бы то ни было: ничто в мире конечном не может быть соизмеримо или подобно сущности этой тайны. Но и ничто в мире, за исключением того, что исходит от начал богоотступнических, не может быть сторонним по отношению к этой тайне. В человеческой любви вообще, то есть в любви ко всему живому

выражается (а не отражается)... внутренняя тайна союза Отца и Матери в той мере, в какой она нас достигает, будучи преломлённой множеством слоёв космического ряда» (РМ, 121).

Обнаруживается принципиальное отличие андреевской мистики пола от вульгарных оккультных её интерпретаций. Поскольку Бог есть Святой Дух, то есть Дух, лишённый всякой материальности и какой бы то ни было неполноты, то святые и духовны исходящие от Него начала Мужественности и Женственности. Это означает, что в плане космического, не божественного бытия, подверженного изменениям, оба должны всё более просветляться и совершенствоваться, поднимаясь всё выше и выше — к Богу. Тогда совершенно ясно, что на уровне человека они должны быть равноценны, но не равны, не тождественны друг другу. Снова обратимся к тексту:

«И от мужчин, и от некоторых женщин, не обладающих глубиной понимания как раз именно женственного начала, случается услышать решительное утверждение, будто бы культурные и творческие задачи обоих полов — одни и те же, а если до сих пор в общественности, политике, науке, технике, философии, даже искусстве женщина уступала мужчине в объёме и значительности создаваемого, то это объясняется лишь тем, что женщина всегда находилась в положении подчинённом и угнетённом. Такое распространено шире, чем можно было думать. Допустимо назвать его даже ходячим. Однако разве женщина всегда и везде находилась в угнетённом положении? Уже двести лет в Европе и России двери творческого труда в области литературы и искусства были открыты — конечно, в привилегированных классах — перед женщинами так же, как перед мужчинами. Нужно ли напоминать, что, проявив бесспорную одарённость и выдвинув немалое число музыкантов-исполнителей, женщины за два столетия (равно, впрочем, как и за весь предыдущий период всемирной истории) не обогатили пантеон музыкальных гениев ни единым именем? Грустно, что приходится указывать на то, что среди корифеев мировой литературы на двести или триста мужских имён приходится шесть или семь женских. Уже около столетия назад женщина добилась во многих странах права на высшее образование. И она с успехом заменила мужчину на широких участках профессиональной деятельности: в больницах, лабораториях, за школьными кафедрами, даже иногда в научных экспедициях. Но где же те сотни имён выдающихся женщин-учёных, которые могли бы уравновесить сотни муж-

ских имён, ставших известными всему миру за тот же период времени? Мировой театр блещет, как звёздное небо, именами замечательных актрис. Но приобрела ли хоть одна женщина-режиссёр действительно всемирную известность? Слышал ли кто-нибудь о женщине — великом философе? Великом архитекторе? Великом государственном деятеле? Знаменитом металлурге? Мудром критике, замечательном организаторе производства, прославленном шахматисте? Отрицать или игнорировать эти факты значит расписываться в полной потере объективности. Вместо отрицания фактов было бы плодотворнее изменить на них угол зрения. Одарена ли женщина менее, чем мужчина? Совершенно бесспорно, что в некоторых отношениях — да. И столь же бесспорно, что в других отношениях она обладает дарами, которых мужчина не имеет и никогда не будет иметь. Было бы, разумеется, реакционным абсурдом отрицание того, что женщина может быть хорошим геологом, добросовестным инженером, талантливым художником, квалифицированным химиком или биологом, или сомневаться в полезности или ценности её работ в таких областях. Но можно и должно усвоить два бесспорных факта: во-первых, то, что список гениальных деятелей в этих областях не обогатился и вряд ли обогатится когда-нибудь женскими именами, а во-вторых, то, что незаменима и высоко одарена женщина — в другом. Материнство. Воспитание детей. Творчество домашнего очага. Уход за больными и лечение. Этическое врачевание преступников. Совершенствование животных. Творчество любви. Некоторые русла религиозной жизни. И, наконец, творческое оплодотворение души того, кого она полюбила. Вот в чём женщина незаменима и безгранично одарена. В первом и последнем из этих видов творчества она незаменима абсолютно. В остальных же — мужчина уступает ей в той же мере, в какой она уступает ему на поприще государственной деятельности или технических наук. Ибо здесь требуется именно женское, женственное душевное качество: мягкость, любовная нежность, самоотдача, терпеливая настойчивость, бережность, чуткость, сердечность, внимательность» (РМ, 123).

С единственной целью — оценить высоту мышления Даниила Андреева — приведём суждения о проблеме мужчины и женщины двух философов-антагонистов: Отто Вейнингера и Е.И. Рерих, в равной степени для нас неприемлемые. Рерих проектирует идею онтологического равенства мужского и женского начал прямо на плоскость

человеческих отношений. В отличие от Андреева, она не видит тайны в полярности Божества и понимает полярность буквально — как сумму двух равных по величине, но разных по знаку зарядов. Поэтому её взгляд на эмансипацию женщины полон оптимизма. Она черпает оптимизм из оккультной онтологии и находит ему подтверждение в современных женских движениях. Какими наивными кажутся сейчас строки, вышедшие из под пера Елены Ивановны более полувека назад!

«Так, в Америке уже есть женщины-министры и женщины-дипломаты, посланники, губернаторы штатов, директора обширнейших фирм, женщины-авиаторы, юристы, выигрывающие крупные процессы... Именно женщины в Америке являются двигателем образования и культуры» (письмо от 31.05.1935 г.). Стала ли современная Америка благодаря эмансипации хоть немного целомудреннее, благороднее, добрее, духовнее старой христианской Америки или, правильнее сказать, молодой романтической Америки, порвавшей с вековыми словесными и религиозными предрассудками Старого Света? О, нет! Произошло нечто прямо противоположное. Нынешняя Америка навязывает миру глубоко пошлый, демонизированный идеал женщины, от которого с отвращением отвернулись бы женщины-христианки, хранительницы семей времён освоения европейцами американского континента.

Отто Вейнингер груб и прямолинеен: «Женщина является функцией мужчины, функцией, которую он может сотворить и уничтожить; сами женщины только того и желают, чтобы быть этой функцией и ничем иным».

Вейнингер считает женское начало мировой бессмыслицей, которой мужчина обязан придать смысл. В отношении эмансипации женщины он глубокий пессимист:

«Женщины — всё же люди, и к ним следует относиться, как к таковым, хотя бы они этого никогда не хотели. Женщина и мужчина имеют одинаковые права. Из этого ещё нельзя вывести, что женщинам надо открыть доступ к политическому могуществу. С утилитарной точки зрения мы пока, а может быть, и никогда не советовали бы людям делать эту уступку. Новая Зеландия — эта страна, где этический принцип стоял на такой высоте, что женщин решили наделить избирательным правом, в настоящее время является свидетельницей самых безотрадных явлений. Ведь никто не сомневается в справедливости

той меры, что дети, слабоумные, преступники устраняются от всякого воздействия на ход общественных дел, хотя бы они по какой-нибудь случайности достигли численного равенства или даже большинства».

Слова Вейнингера кажутся «пророческими» в наше постперестроечное время. Достаточно мы насмотрелись на утративших свою женскую суть духовно уродливых мужеженщин — лезущих на трибуны, в большую политику, настырных и бесстыдных, одержимых сатанинским духом самоутверждения. Но разве лучше обстоит дело с мужчинами? Мы можем утешить себя хотя бы тем, что у нас есть, наконец, верное решение проблемы мужчины и женщины, есть, следовательно, надежда сделать его когда-нибудь реальностью.

...Итак, Бог-Отец, Бог-Сын, Мать-Приснодева — таково истинное содержание Пресвятой Троицы, с точки зрения автора «Розы Мира». Есть от чего прийти в смущение добрым христианам! Ортодоксальное понимание Троицы, в самом деле, содержит в себе тавтологию далеко не безобидного свойства. Две тысячи лет прожили на земле христиане, не задумываясь над тем, что это просто грубо и странно — представлять Бога *мужчиной*! На трансцендентную, внемировую творческую сущность были перенесены качества одного пола. Но Бог, оказывается, ни мужчина, ни женщина. Называть Его Отцом мы имеем не больше права, чем Матерью. Такое понимание Бога не только не снижает Его образ, но делает его ещё выше, совершеннее, таинственнее. Вслушаемся в новое звучание сакральной формулы: «Во имя Отца, Сына и Матери-Приснодевы». Слышится в ней хоть малейшая нотка фальши, угадывается ли хоть малейший намёк на демоническое искажение?

И всё же легко предвидеть инстинктивный страх, который она вызовет в душе ортодоксального христианина. Можно попытаться преодолеть его с помощью следующего нехитрого рассуждения. Мы знаем, что верующие, к какой бы религии они ни принадлежали, привязываются к привычным сакральным формулам и действиям, как дети к старым любимым игрушкам. Во многих из нас живёт древний, несознаваемый умом, страх перед всякой новизной — тот самый страх, который заставляет наших братьев меньших ходить одними и теми же тропами, сжиматься в пружину при появлении в привычном месте незнакомых запахов или звуков. У православных христиан этот страх часто носит характер ксенофобии, порождая враждебное отношение к любой новизне, вспомним историю русского раскола.

Об этом распространённом психологическом явлении, свойственном человеку как животному, говорит не кто иной, как Игнатий Брянчанинов. Рассуждая о язычниках, он простодушно не замечает, что его рассуждения вполне могут быть применены и к христианам:

«В первые века христианства имелась особая нужда отвлечь новоизбранных, обращённых из идолопоклонства, от представления Ангелов и даже Бога в грубом чувственном виде. Идолы были вместе с тем и изображением демонов и греховных страстей. Сделавшие навывк к идолопоклонению, запечатлённые долговременным устремлением всех чувств души и тела к идолам, наполнившие разум понятиями, а воображение образами, заимствованными из идолопоклонства, поневоле находились под влиянием этих впечатлений».

В самом деле, почему христиане должны представлять исключение? Почему Православная Церковь объявила себя столпом и утверждением истины в буквальном смысле, то есть считает православное вероучение абсолютно верной, разработанной до подробностей, системой, не подлежащей развитию, ни даже малейшим изменениям, не воспринимающей никакой новый опыт? Что, собственно, страшного и ужасного произойдёт, если христиане узнают, что Женственность и Мужественность есть два совершенно равноправные начала, ведущие своё происхождение непосредственно от Творца и образующие вместе, и только вместе, феномен человека? Почему, произнося слово «человек», мы инстинктивно подразумеваем — «мужчина»? Бог создал мужчину по Своему образу и подобию — так неосознанно редуцируем мы известное библейское откровение...

На протяжении многих веков Церковь вела изнурительную борьбу с язычеством, со всевозможными ересями и отступлениями от православной веры. Справедливо опасаясь, что путь компромиссов может привести веру к перерождению, к духовной бесформнице, отцы православия не подумали о том, что и пребывание веры в раз и навсегда отлитых формах может таить в себе не меньшую угрозу. «До нас положено — лежи оно так во веки веков», — сказал протопоп Аввакум, и не задумавшись даже, что поставил задачу принципиально невыполнимую в нашем меняющемся мире.

Всякое религиозное учение представляет собой свод представлений о Боге, природе и человеке и должно духовно спланировать народ, обеспечивая ему устойчивое историческое существование. Но жизнь подвержена переменам, причины которых, конечно же,

нельзя сводить только к козням дьявольских сил. И если наступают времена массовых духовных шатаний, разложения первичной целостности народной души, то это может означать, что либо народ ушёл от истинного учения и впал в духовную слепоту, либо само учение, окостенев в долгом лежании, стало слепнуть. В первом случае учение имеет возможность без труда доказать свою непререкаемую истинность, убедительно и понятно объяснив, что происходит со страной. Имели ли мы от Православной Церкви такого рода объяснения тогда, когда больше всего в них нуждались? В предреволюционную эпоху у высших церковных авторитетов не нашлось за душой ничего, кроме обвинения народа в бунте против Бога и божьего распорядка на земле. Потребовалось время, чтобы мирские умы — И. Ильин, Н. Бердяев, А. Солженицын, Д. Андреев и др. — воссоздали сложнейшую картину причин революции 1917 года, среди которых одной из первых был кризис Церкви. Подобные же аргументы можно обнаружить в выступлениях современных пастырей Русской Православной Церкви, хотя опыт советской системы, весь XX век дали колоссальный материал для новых мировоззренческих обобщений. Религиозные образы и стереотипы мышления, созданные столетия назад во времена господства в умах птолемеевской системы мироздания, которыми до сих пор оперирует Церковь в объяснении сложнейших социальных процессов современности, слишком для этого наивны и просты.

Требуется, следовательно, новое откровение, которое, разрушая основ православного *мироощущения*, сделало бы интеллектуальнее, духовно свободнее, социально зорче православное *мировоззрение*.

Андреевскую поправку к учению о Пресвятой Троице можно считать частью этого предполагаемого откровения.

Вскрывая мистические корни женского начала, Андреев проливает свет на три величайших акта метаистории, христианским мистикам совершенно не известных:

«Основанию Христом Церкви в Энрофе предшествовало изливание сил Приснодевы-Матери, другой ипостаси Троицы, в высшие миры Шаданакара. Это низлияние не носило характер личного, не заключалось в нисхождении какой-либо богородждённой монады. Не было это низлияние Женственности и первым во времени. Первое низлияние Женственности за период существования нашего человечества имело место на четырнадцать или двадцать веков ранее,

и отголоски интуитивного понимания этого факта можно найти в некоторых мифах, где он, впрочем, нерасчленимо сливается с преданиями о жертвенных нисхождениях соборных душ сверхнародов в тёмные слои, как это мы видим, например, в Вавилонии. Но два раза именно в Вавилонии, и второй раз именно в эпоху первого низлияния Женственности принимала воплощение в человеческом облике та светлейшая из богосотворённых монад, которой впоследствии предстояло стать Матерью Планетарного Логоса на земле. Её жизненный путь в тот раз вывел Её из пределов небольшого города в Сеннааре; Она была там великой праведницей и претерпела казнь. В момент Её смерти Мировая Женственность просветлила всё Её существо, и это определило то, что Она впоследствии стала Богоматерью. Ещё же раньше, до Вавилонии, Она жила в Атлантиде, где была простою прекрасною женщиной, матерью многих детей, а до Атлантиды, на самой заре человеческой цивилизации — в маленьком городке Центральной Америки. Городок этот совершенно забыт, и его бедные останки никогда не будут извлечены из-под тропических зарослей Гондураса или Гватемалы. Раньше, в эпоху первобытных обществ, монада грядущей Богоматери в человеческом облике не рождалась.

Второе низлияние сил Женственности в Шаданакар вызвало, как эхо, в Энрофе как бы смягчение душевной каменности в существе многих людей: без этого образование Церкви на земле Иисусом Христом было бы вообще невозможно. Христианские церкви в том прерванном, незавершённом виде, в каком они знакомы нам по истории, суть бледные, зачаточные, ограниченные и искажённые отображения Церкви Шаданакара, пребывающей в наивысших слоях» (РМ, 114).

«В метаистории новейшего времени совершается таинственнейшее событие: низлияние в нашу брамфатуру новых божественно-творческих сил. Об этом событии мечтали с древних времён сердца самые возвышенные, умы самые истончённые. И вот оно свершается. Первое звено этого события — событие такого значения, что его можно сопоставить лишь с вочеловечением Планетарного Логоса, — имело место на рубеже XIX столетия: то было низлияние сил Приснодевы-Матери, но не безличное, как это имело место уже дважды в истории человечества, а несравненно усиленное своим личным характером. С высот Вселенной нисходила в Шаданакар великая богорождённая монада. Прозрение в Раорис — один из высочайших

словё нашей брамфатуры, в который Она вошла тогда, было дано почти столетие спустя Владимиру Соловьёву, когда он в Египетской пустыне звёздной ночью пережил потрясающий прорыв сознания и воочию узрел это Великое Женственное Существо. Её, Пресвятую и Благую, выражение Женственной ипостаси Троицы, мы зовём Звентой-Свентаню. Теперь Её обиталище — в Баюшми, в одной из тех сфер, входящих в сакуалу Волн Мировой Женственности. Близится день Её долгожданного спуска в один из верховных градов метакультур. Там должна Она родиться в теле из просветлённого эфира — дитя демиурга и одной из Великих Сестёр. С Нею спустится в этот затомис из Элиты Шаданакара сонм высочайших душ. Вот Она, надежда наша и упование, Свет и Божественная красота! Ибо это рождение отразится в нашей истории тем, что увидят наши внуки и правнуки: основанием Розы Мира, её распространением по человеческим кругам всех стран и, если страшный срыв человечества не отбросит его вниз, в глубь мрака, — приходом Розы Мира к верховной власти надо всей Землёй... и не только Роза Мира отразит в Энрофе мистирию рождения Звенты-Свентаны в одном из затомисов: возрастание женственных сил и их значения в современности называется везде и вокруг. Этим и прежде всего этим обусловлено всеобщее стремление к миру, отвращение к крови, разочарование в насильственных методах преобразований, возрастание общественного значения женщины, усиливающаяся нежность и забота о детях, жгучая жажда красоты и любви. Мы вступаем в цикл эпох, когда женская душа будет делаться всё чище и шире; когда всё большее число женщин будут становиться глубокими вдохновительницами, дальновидными направительницами людей. Это будет цикл эпох, когда женственное в человечестве проявит себя с небывалой силой, уравновешивая до совершенной гармонии самовластие мужественных начал. Имеющий очи, да видит» (РМ, 124).

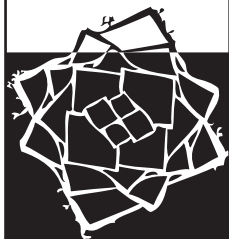
Это пророчество Андреева о всеобщем смягчении нравов и возрастании роли женщины в обществе, сделанное в начале хрущёвской «оттепели», может показаться наивным и даже вызвать горькую усмешку у россиян девяностых годов, наблюдающих среди новых поколений нечто прямо противоположное. Не будем, однако, спешить с выводами. Ведь история с точки зрения «Розы Мира», в конечном счёте, творится людьми — существами, чья психическая сфера открыта как Провиденциальным, так и демоническим силам. Поэтому

будущее всегда содержит в себе элемент неопределённости. Любое начинание, идущее от Провиденциальных сил, может быть извращено и весьма жестоко по вине человека, поддавшегося демоническим внушениям. Нет ни одной эпохи, ни одного народа, ни одного учения и т.д., полностью свободных от демонических воздействий или, наоборот, полностью демонических. Нельзя забывать, что все положительные прогнозы Андреева по этой причине *проективны*. Он описывает варианты событий, реально возможных *с помощью* человека, прибавляя иногда осторожное: «если не произойдёт срыва». И даже размышляя о возможностях прихода Розы Мира к власти над планетой, он отмечает недетерминированный характер этого желаемого и вполне вероятного события (РМ, 124).

Имеющие совесть и ум пусть задумаются над этим страшным предупреждением! Ибо, в конечном счёте, только они, свободные и нравственные люди, которых пока ещё много на нашей планете, способны решить её судьбу.

Глава 10

ИСТОРИОСОФИЯ «РОЗЫ МИРА». В ЧЁМ СОСТОЯЛА МИССИЯ ИИСУСА ХРИСТА?

Три взгляда на человеческую историю

Человеческая история есть такая же рационально неразрешимая загадка, как и биологическая эволюция, высшим этапом которой она является в основных своих чертах, но на качественно ином уровне, несравненно более быстрыми темпами она как бы повторяет биологическую эволюцию. Эволюция — это громадный по времени цикл творения живых форм, протекавший со всё возрастающим ускорением. На протяжении двух с лишним миллиардов лет биосфера, качественно усложняясь, несколько раз меняла свой облик, сохраняя при этом известную преемственность. В современной биосфере присутствует, по-видимому, всё её прошлое: непосредственно — в виде отдельных древнейших организмов, опосредованно — в виде информации, хранящейся в генах организмов новейших или в «геологической летописи». Подобный цикл проходит и человеческая история. Человечество конца двадцатого века — это человечество всех предыдущих

тысячелетий, столпившееся вдруг на крохотном пятачке времени. Это не только всемирный, но и всевременной Вавилон, представляющий великую загадку для самого себя. Какие силы и с какой целью собрали это гигантское разноязыкое множество народов? Что есть история: бессмысленная, нескончаемая игра жизненных стихий, естественный ли процесс, происходящий по строгим законам, или, может быть, арена деятельности сверхъестественных сил? Здесь названы три наиболее популярных взгляда на историю, каждый из которых имеет свою традицию. Сторонники первого не обнаруживают в истории ни цели, ни смысла, считая их поиски проявлением потребности человеческого ума объяснять то, что объяснить в принципе невозможно. Такое пессимистическое воззрение на мир встречаем мы в той или иной форме в Экклезиасте, у некоторых философов древней Греции, в буддизме и дзен-буддизме, экзистенциализме — во всех учениях, которым чуждо историческое мышление. В XX веке оно парадоксальным образом трансформировалось в прагматичную и оптимистическую философию *открытого общества*, которая не только не ставит вопрос о высшем смысле человеческой истории, но считает его ошибочным в принципе. О. Шпенглер: «...у человечества нет никакой цели, никакой идеи, никакого плана, так же как нет цели у вида бабочек или орхидей. "Человечество" — пустое слово». К. Поппер: «Существует ли ключ к истории? Есть ли в истории какой-нибудь смысл?..» Учитывая именно такое понимание смысла, я на поставленный вопрос отвечаю: «*История смысла не имеет*».

Можно привести достаточно подобных высказываний из произведений других западных философов, свидетельствующих о том, что отрицание смысла истории есть принципиальная мировоззренческая установка современных открытых обществ. Она избавляет их от служения идеологическим химерам, ориентируя на решение конкретных политических, экономических, социальных и других практических проблем, улучшающих положение человека. Фундаментальными основами открытого общества принято считать права человека, власть закона, частную собственность, рыночную экономику, демократические принципы правления. Как показал опыт XX века, открытые общества (Великобритания, Франция, США, Германия и др.) обладают способностью быстро и безболезненно, то есть без революционной ломки, меняться, исходя из требований времени. Это можно объяснить тем, что у людей, освобождённых от веры в железные законы истории, яко-

бы ведущие человечество в светлое будущее, в «царство свободы», естественно, вырабатывается убеждение, что их маленькое личное будущее целиком зависит от них самих, что повышает ответственность каждого конкретного человека за своё будущее. Отсюда известная этическая формула открытого общества: что хорошо мне, то хорошо государству. Кроме того, отсутствие идеологических фетишей позволяет беспрепятственно работать механизмам саморегулирования и самореформации. Открытые общества успешнее выживают в нашу стремительно меняющуюся эпоху, что и доказано победой западной цивилизации над коммунистической системой, которая была лишена этих механизмов. Всё это дало основание крупнейшему современному философу открытого общества профессору Карлу Попперу заявить незадолго до своей кончины в девяностолетнем возрасте, что при всех своих недостатках «открытые общества, в которых мы живём сегодня, — самые лучшие, свободные и справедливые, наиболее самокритичные и восприимчивые к реформам из всех когда-либо существовавших».

Можно ли, однако, считать ничтожно короткий по историческим меркам опыт открытых обществ доказательством того, что настоящее творится исключительно человеческими руками и по человеческому лишь разумению, что история есть поэтому лишь череда бесконечно меняющихся *игр*, лишённых высшего смысла, и что западные философы нашли, наконец, самую правильную из них под названием «открытое общество», в которую можно играть до бесконечности?

Поразмышляем... Если исходить из обобщений системологии, то отсутствие смысла в целом (в данном случае — в истории) предполагает его отсутствие и в частях этого целого, да отсутствие и самого «целого». Мировая история должна тогда являть собой нагромождение единичных, не связанных друг с другом событий, фактов, культурных феноменов, должна быть, попросту говоря, топтанием на месте. Но такое предположение решительно противоречит исторической реальности, в которой со всей очевидностью действуют системообразующие процессы. Несмотря на домыслы цитированных философов, мировая история как осмысленное, постоянно расширяющееся целое всё-таки существует. Это направленный или, точнее сказать, направляемый, управляемый процесс роста материальной и духовной культуры человечества, начинающийся с первобытных обществ и чётко прослеживаемый по этапам. А всякое управление предполагает цель и смысл. Незнание цели и смысла на этапе развития биосферы,

именуемом человеческой историей, не даёт никакого права на их отрицание. Отрицание в истории высшего смысла, а с ним и необходимости хоть как-то координировать развитие общества в соответствии с этим смыслом, как раз и порождает *философию игры*, неотделимую от философии открытого общества. Игровое начало присутствовало во всех культурах прошлого, во всех религиях (Й. Хейзинга посвятил этой теме специальную работу «*Homo Ludens*» — человек играющий), но его нельзя путать с *отношением* к жизни как к игре. К жизни все культурные народы относились серьёзно. Но игровое отношение к жизни, столь характерное для западной цивилизации, несёт в себе неотвратимую тенденцию к расширению и усложнению игр. Игровое общество испытывает почти наркотическую потребность во всё новых и новых играх и лишено механизмов сдерживания этой потребности, поскольку последние можно создать, только зная (или предполагая) высший смысл и направление исторических событий. Возникает парадокс — умея отлично ориентироваться в настоящем, открытые общества оказываются неспособными контролировать своё будущее. Известное выражение «шок будущего» родилось, напомним, на Западе как горестное открытие этого порока... Философия игры крайне опасна для нашей планеты с её ограниченным запасом минеральных ресурсов, назначение и смысл которых в системе биосферы понимается игровыми обществами, кстати сказать, весьма утилитарно. Сознвая эту опасность, современные западные политики прилагают все усилия к тому, чтобы игра под названием «общество потребления» не захлестнула в её нынешнем размахе весь земной шар, но ограничилась бы кругом «избранных народов». Взгляд на историю как внутренне закономерный процесс, имеющий направление и смысл, которые можно разгадать, изучая исторические факты, исследуя уже совершившееся, идеологи открытого общества называют *историцизмом* и считают глубоко ошибочным. Карл Поппер в упомянутой книге «Открытое общество и его враги» даёт блестящий анализ историцизма, убедительно показывая, что в реальной политической практике эта идеология неизбежно ведёт к тоталитаризму. Он называет трёх ярких мыслителей-историцистов, несущих моральную ответственность за возникавшие на основе их идей тоталитарные системы, — Платона, Гегеля, Маркса.

В самом деле, объявляя историю детерминированным процессом, состоящим из чётких, вытекающих одна из другой причин

и следствий, мы снимаем с человека ответственность за своё будущее, перелагая её на всецельные законы, или же направляем его деятельность в строго определённое русло, как это предписывалось идеологией «построения коммунизма». Уклонение от указанной учением цели считалось в СССР преступлением. В результате общество изначально было лишено способности к самореформации, предполагающей политическую свободу, и могло существовать только за счёт сильной сверхцентрализованной власти, бдящей за каждой ячейкой общества, то есть как тоталитарная система. Постепенное ослабление этой власти после смерти Сталина привело советское государство к моральному разложению и последующей гибели. Два названных взгляда на историю представляют собой искажения *игрового и телеологического* принципов развития, составляющих замечательную особенность биологической эволюции. Это телеологический принцип имел в виду Л.С. Берг, сравнивая эволюцию с переворачиваемой книгой, где одна страница-форма сразу сменяет другую. Игровой же принцип проявлял себя в безудержных фантазиях творческих сил на тему очередной телеологической идеи. О том же говорит и Тейяр де Шарден, отмечая, что эволюция сначала совершала качественный прорыв «по-вертикалу», а затем разливалась многообразием модификаций «по-горизонталу». Теперь, постфактум, мы видим, что высший смысл этой *направляемой игры* состоял в том, чтобы на конечном её этапе создать венец творения — человека.

Закономерно предположить, что подобный «механизм» должен действовать и в истории, по крайней мере, как тенденция. Его-то и выражает третий, самый верный взгляд на историю, который мы назовём религиозным. Чувствование высшего смысла истории, её устремлённости к какому-то высшему благу не уничтожается в нём созерцанием бесконечных исторических игр. История — это и проявление деятельности сверхчеловеческих сил, и игра свободной человеческой воли — свободной, разумеется, до известных пределов. Мифологизированное описание этих высших сил, характера их влияния на человеческую историю и, в особенности, на историю России и составляет основное содержание историософии «Розы Мира».

Даниил Андреев очень убедительно показывает, насколько богаче, ярче, плодотворнее может быть истолкована история, созерцаемая из планетарного космоса. Кроме истории, существует, оказывается,

ещё и метаистория, системно с ней связанная, но выходящая за пределы возможностей научного познания:

«...метаистория ... всегда мифологична. Так или иначе, термин “метаистория” употребляется в настоящей книге в двух значениях. Во-первых, как лежащая вне поля зрения науки, вне её интересов и её методологии совокупность процессов, протекающих в тех слоях инобытия, которые, будучи погружены в другие потоки времени и в другие пространства, просвечивают иногда сквозь процесс, воспринимаемый нами как история. Эти потусторонние процессы теснейшим образом с историческим процессом связаны, его собою в значительной степени определяют, но отнюдь с ним не совпадают и с наибольшей полнотой раскрываются на путях именно того специфического метода познания, который следует назвать метаисторическим. Второе значение слова “метаистория” — это учение об этих процессах инобытия, учение, разумеется, не в научном, а именно в религиозном смысле» (РМ, 31).

При таком взгляде на проблему и телеологический, и игровой подходы к истории, даже взятые в совокупности, но без знания метаистории, открывающей высший смысл исторических событий, превращаются в некое гадание на более или менее широком раскладе фактов. Его результатом всегда будет рационалистическая концепция истории — остроумная или не очень, несущая в себе ограниченность угла зрения своего творца. Такие мировоззренческие концепции принято называть *редукциями*. Гумилёвская теория этногенезов, к примеру, на несколько голов выше марксова исторического материализма, и всё же это редукция, поскольку ничего не знает о метаисторической подоплёке этногенезов. Гумилёв, в сущности, обнаружил универсальный игровой механизм, действующий в истории народов, и только. Это, несомненно, гениальное научное открытие, но и оно не может до конца объяснить природу этногенезов. Считая этногенезы сугубо естественными процессами, Гумилёв оставляет без внимания множество загадок человеческой истории, не находящих объяснения в рамках естественно-научного подхода. Это и понятно. Высший смысл истории может быть открыт только через метаисторическое озарение, через метаисторию, оперирующую системой более высокого порядка, чем биосфера.

«Метаистория потому и есть метаистория, что для неё невозможно рассмотрение ни отдельной человеческой жизни, ни существова-

ние целого народа или человечества в отрыве от духовного предсуществования и посмертия. Стезя космического становления любого существа или их группы прочертилась уже сквозь слои иноматериальностей, ряды миров, по лестнице разных форм бытия и, миновав форму, в которой мы пребываем сейчас, устремится — может быть, на неизмеримые периоды — в новую череду восходящих и просветляющихся миров. Переживаемый нами отрезок по отношению к целому сравним с десятисекундной остановкой на полустанке в ночной степи пересекающего гигантский материк пассажирского поезда. И пока мы не приучим себя к созерцанию исторических и космических панорам во всём их величии, пока не привыкнем к таким пропорциям, масштабам и закономерностям, до тех пор наши суждения будут мало чем отличаться от суждений насекомого или животного, умеющего подходить к явлениям жизни только под углом зрения его личных интересов или интересов крошечного коллектива» (РМ, 160).

Историософия «Розы Мира» глубоко оригинальна. Она не имеет преемственных связей ни с одной из известных исторических или философских школ, поскольку основана не только на анализе исторических событий, но и на уникальном духовном опыте её творца. В изображаемых Андреевым исторических картинах и персонажах реальное совмещено с потусторонним, план исторический — с планом метаисторическим. Андреев нигде не отступает от этого необычного метода совмещения двух планов. Эффект же, по сравнению с традиционными историософиями, построенными на чистом анализе, философских идеях или метафизических догадках, получается разительный, подобный стереоскопическому. Плоскость земных событий становится как бы прозрачной, за ней открываются иные измерения, захватывающая дух таинственная глубина. Обнаруживаются сокровенный смысл давно произошедших событий, неизвестные ранее связи между ними, их влияние на последующие события. Мы получаем возможность видеть различные варианты будущего — и светлые, и тёмные, начинаем понимать, что светлый выбор возможен, хотя и не обязателен. Он определяется, прежде всего, тем, сумеет ли мыслящая и деятельная часть современных обществ поверить в реальность метаистории и тех усилий, которые предпринимаются там для спасения человечества, или останется в плену распространённых ныне позитивистских взглядов на историю.

Об ущербности монистических и дуалистических взглядов на эволюцию

Для того чтобы по достоинству оценить историософию «Розы Мира», необходимы ещё некоторые обобщения. Они будут касаться взглядов на характер сил, двигавших биологической эволюцией, а затем историческим процессом. Здесь можно предложить деление по иному принципу — на мировоззрения монистические и дуалистические.

К монистическим мы отнесём все те системы — и научные, и религиозные, и материалистические, и идеалистические, — которые утверждают, что развитие жизни определяется единым творческим началом. Это либо морально нейтральная Материя, наделённая загадочной способностью к творчеству, либо всемогущий Бог. Монизм изначально предполагает детерминированно положительную направленность развития, черпая оптимизм из догматической веры в благость и всемогущество законов природы, Космического Разума, «эволюционной воли» и т.п. Он приучает рассматривать даже самые страшные социальные катастрофы как «диалектический момент отрицания», или как «наказание божие», или как качественный скачок при переходе на «новый информационный уровень». Монистическое видение истории неизбежно ослабляет социально-активное начало в человеке, поскольку внушает мысль, что человек суть пассажир корабля, следующего курсом, который не может и не должен быть изменён. Важно только верить, что курс правилен, а добро, если и не уничтожит когда-нибудь зло окончательно, то, по крайней мере, возобладает над ним. Кто-то может счесть эту характеристику монистического мышления утрированной. Что ж, послушаем знакомого нам автора: «Лишь близорукость, не видящая дальше собственного носа, может вопить об опасности там, где эта опасность нужна и даже полезна. Даже народная мудрость гласит: на то и щука в море, чтобы карась не дремал. Если бы не было щук, которые стремятся поглотить карасей, то караси уснули бы и перестали действовать. В великом плане эволюции всё необходимо, и даже отрицательные явления Великими Зодчими Мира, Старшими Братьями человечества обращаются в нашу пользу и в нечто положительное... Существование в природе хищников, показывая несовершенство данного периода жизни, есть необходимое условие для развития и достижения совершенства. Просвещённого светом истинного знания не пугают ни масоны, ни евреи, ни какие-либо другие страш-

ные жупелы, ибо он знает, что управление миром и судьба нашей планеты находится в надёжных, верных руках Старших Братьев Человечества, которые не настолько слабы, чтобы им было опасно стремление каких-то тёмных организаций взять в руки управление миром. Если такие организации существуют, будь то масонские, еврейские или какие-либо иные, которые с помощью прессы и награбленных капиталов стремятся властвовать над миром, то такие жалкие попытки с негодными средствами опасны лишь им самим. Все такие тёмные организации и персонажи, вместе с приготовленными ими средствами для порабощения мира, вместе с хозяином тьмы, уйдут в преисподнюю, когда наступит положенный срок. Пусть незнающий плачет, пусть ужасается, пусть негодует, ибо таково последствие незнания, но знающий спокоен и ничего не боится».

В этом суждении, как в зеркале, отражены основные пороки монистического мироощущения: зло объявляется инструментом добра, человек, по сути, определён как социально-пассивное существо («знающий спокоен»), христианский религиозный идеал преображения мира и изгнание из него зла превращается в бессмыслицу. Ведь зло — вечный помощник добра. Оно отсекает (в том числе, по этой логике, — мировыми войнами, кровавыми революциями, ГУЛАгами, Чернобылями, международным терроризмом, наркоманией и т.п.) всё испорченное, выполняет, следовательно, положительную историческую работу. А если вы видите, что в реальной жизни зло как раз и порождает испорченность и гниль, то не верьте глазам своим и совести своей. Удивительно, что эта кабинетная философия, опровергаемая всем ходом событий XX века, всё ещё имеет в наше время успех! О научной вере в Прогресс, в этом классическом образце чистого монизма, уже говорилось ранее. Даже такой глубокий ум, как Вернадский, по своему мировоззрению — монист, фатально ошибался, полагая, что научное знание, «как геологическая сила, создающая ноосферу, не может приводить к результатам, противоречащим тому процессу, созданием которого она является». Оказалось всё-таки, что может и ещё как может, если сознание учёного открыто для демонических внушений.

Дуалистические религиозные системы предполагают существование в мире двух онтологически равных противоборствующих высших начал. Дуализм гораздо более древнего происхождения, чем монизм (монотеизм). Он представляет собой самую первую, простейшую попытку человеческого ума осмыслить фундаментальный закон

полярности, действующий в мироздании на всех его уровнях: свет — тьма, тепло — холод, плюс — минус, добро — зло и т.д. Но в его основе также лежит подлинный духовный опыт, опыт контакта человека со светлыми и тёмными духами. Дуалистично всё древнее язычество, все религии и культы, не знавшие единого, трансцендентного Творца. Дуализм опасен своими отрицательными этическими последствиями. Поскольку добро и зло одинаково необходимы для существования мира, то поклоняться следует и светлым, и тёмным духам. Поэтому языческая душа этически была резко биполярной. Она одновременно могла быть и доброй, и жестокой, притом жестокой без малейшего угрызания совести — этой специфически христианской реакции доброй души на вынуждаемую обстоятельствами необходимость нарушать заповедь «не убий». Если язычник убивал, то без всяких угрызений совести. Дуализм, усвоенный на уровне мироощущения, нарастанию открывал душу для демонических воздействий. Отсюда весь мрачный колорит некоторых языческих культов, отсюда кровавые жертвоприношения, дикие, с точки зрения христианина, обычаи. «Корнями своими славянское язычество уходит в седую древность. В его основании (как и в основании всякой религии) лежит некоторая духовная реальность. И хотя мы лишены возможности непосредственного видения духовных источников, но всё же можем судить о них, памятуя слова Господа: “По плодам их узнаете их”. Плоды язычества с его безнравственностью и жестокостью не оставляют сомнений в разрушительной богоборческой сущности того начала, которое стремится к воплощению через многочисленные языческие культы. И славянское язычество не было исключением. Основание языческого мировоззрения покоится на утверждении, что добро и зло есть два самостоятельных, равнозначных, совечных начала бытия мира. Эта поистине дьявольская выдумка отрицает всемогущество Божие, Его благость и милосердие лишает человека нравственных опор. Ведь если добро и зло равноправны, то чего же стесняться, что зло действует в нас? В этом случае грехи и страсти приобретают “законные” права на существование, а зло становится достойным почитания не менее добра. И религиозные формы этого почитания — неотъемлемая часть любого языческого культа. Древние славяне рассматривали мир как арену борьбы между добрым Белбогом и злым Чернобогом. Мнимая самостоятельность злого начала служила оправданием его неизбежности, рождая культовые формы славян-

ского сатанизма, обретшие своё законченное воплощение в почитании Перуна. Летописи VI века, рассказывая о столкновении славян с Византией, самым мрачным образом изображают их жестокость. В середине X века, незадолго перед крещением, русы в войне с империей, высадив десант на северном побережье Малой Азии, отличились таким зверством, которое было непривычно даже в те суровые времена. Пленных распинали, расстреливали из луков, вбивали гвозди в черепа. Жгли монастыри и церкви, оставляя после себя горы трупов и груды дымящихся развалин... Столь же беспощадны были и семейные обычаи. Вместе с умершим воином на погребальном костре сжигались и его жёны. Закон позволял матери умертвить новорождённую дочь, если её рождение казалось лишним. В свою очередь, признавалось право детей на убийство родителей, обременяющих семейство старостью и болезнями. Межродовые распри передавались из поколения в поколение, подогреваемые обычаем кровной мести, удовлетворявшей лишь смертью обидчика и его потомков. Справедливости ради надо сказать, что современные историки (т.е. историки, жившие в языческие времена. — *ОЛ*) отличали и привлекательные черты славян, говоря, что они не знали ни хитрости, ни обмана, хранили древнее простодушие и простоту нравов. С пленными, оставшимися в живых, наши предки обходились дружелюбно, назначая лишь определённый срок их рабства, по истечении которого пленный мог, по выбору, либо покинуть своих бывших хозяев, либо остаться с ними жить на равных правах как вольный человек. Свято соблюдаемый обычай гостеприимства делал славянские земли безопасными для путешественников, и хозяин головой отвечал обществу за безопасность гостя-чужеземца. Купцы тем охотнее посещали славян, что между последними не было ни воров, ни разбойников».

Славянское язычество с его глубоким чувством природы, обожествлением природных стихий было биосферным мировоззрением, то есть жизнестроительным, несмотря на свои отдельные нравственные уродства. В нём отчётливо обнаруживала себя борьба Провиденциальных сил с демоническими за человеческую душу, дуализм как принцип видения мира далеко не в полной мере обнаруживает здесь свою нравственную ущербность. Чтобы увидеть всю его дьявольскую сущность, на которую указывает цитированный автор, обратимся к знаменитой в истории средневековой Европы дуалистической системе — манихейству, возникшему в самом начале христианской эры.

Манихейство было эклектичным учением, сотканным из элементов христианства, зороастризма и иудаизма. Созданное персом Мани из самых лучших побуждений, называвшее себя «религией любви», оно на практике оказалось опаснейшей мироотрицающей системой (антисистемой). Коренной порок дуализма обнажился в ней до предела. Л. Гумилёв так описывает суть манихейского учения: «Зло вечно. Это материя, оживлённая духом, но обволакивая его собой. Зло мира — это мучение духа в тенётах материи; следовательно, всё материальное источник зла. А раз так, то зло — это любые вещи, в том числе храмы и иконы, кресты и тела людей. И всё это подлежит уничтожению. Самым простым выходом для манихеев было бы самоубийство, но они ввели в свою доктрину учение о переселении душ. Это значит, что смерть ввергает самоубийцу в новое рождение со всеми вытекающими отсюда неприятностями. Поэтому ради спасения душ предлагалось другое: изнурение плоти либо аскезой, либо неистовым разгулом, коллективным развратом, после чего ослабевшая материя должна выпустить душу из своих когтей. Только эта цель признавалась манихеями достойной, а что касается земных дел, то мораль, естественно, упразднилась. Ведь если материя — зло, то любое её истребление — благо, будь то убийство, ложь, предательство... всё не имеет никакого значения. По отношению к предметам материального мира было всё позволено».

Из истории средневековой Европы известно, какую разрушительную активность проявляли различные манихейские общины — катары, альбигойцы и др., сколько усилий прилагали церковные и светские власти, чтобы уничтожить эту опасную духовную заразу. И хотя манихейство как организация исчезло в XII–XIII веках, его дух жив до сих пор. Фундаментальную основу манихейского мировоззрения, на которой строилось всё остальное, составляло разделение мира на два царства — духовного Света и материальной Тьмы. Между этими двумя царствами, учила манихейская космогония, идёт вечная борьба. Подобный принцип лежит в основе внешней политики США в XX веке. Америка считает себя авангардом сил Света, олицетворённых в западной цивилизации, которые должны бороться с силами Тьмы (бывший СССР, исламский мир и другие «нецивилизованные народы»). Манихейским духом был пропитан Третий Интернационал, возмечтавший сжечь в огне мировой революции «старый мир» и построить на его месте новый. То же можно сказать о гитлеризме, маоизме, международном сионизме.

Итак, и монизм, и дуализм одинаково ущербны как мировоззренческие принципы. Первый несёт в себе тенденцию к пассивному упованию на победу абстрактного Добра в конце истории и тем самым позволяет вполне конкретным порочным людям и организациям вводить историю далеко от желанного идеала. Второй подменяет реальный многоцветный человеческий мир примитивными идеологическими схемами, в которых он разделяется на чёрных и белых, что опять-таки на руку тёмным людям из обоих «лагерей». Дуализм как религиозное мировоззрение нравственно и онтологически узаконивает зло, порождая человеческий тип, готовый активно служить злу из идейных, так сказать, соображений, как это делают современные сатанисты. Как же быть? Как спасти от социальной, эволюционной пассивности веру в единого благого Бога, сделать человека помощником Бога, в котором Бог *нуждается* для окончательной победы над злом? Оригинальное решение проблемы было найдено в средневековой Европе в лоне католицизма. Читаем у Л. Гумилёва: «Но почему монистические и дуалистические учения не смогли вытеснить христианство, когда папы воевали друг с другом? Пожалуй, потому, что монизму и манихейству противостояло неосознанное мировоззрение, которое мы попробуем сформулировать здесь. Бог сотворил Землю, но дьявол — князь мира сего. На земле дьявол сильнее Бога, но именно поэтому благородный рыцарь и монах-подвижник должны встать на защиту слабого и бороться с сильным врагом до последней капли крови. Ведь не в силе Бог, а в правде, и творение Его — Земля — прекрасно: и зло исходит извне, от врат Ада, и самое простое и достойное — загнать его обратно. А что Бог не сотворил дьявола, ясно и без доказательств: предполагать такое — просто кощунство».

В силу некоторых особенностей Православия эта установка на борьбу с дьяволом не дала у нас в России ни малейшего отзвука *в социальном*, но ограничилась «духовной бранью», то есть противостоянием личности дьявольским, бесовским искушениям. Видимо, поэтому институт рыцарства в Древней Руси не возник, как не возникли позже идеи социальных преобразований. Наоборот, консервативное православное сознание восставало против всяких преобразований общества. Зато у нас большое распространение получило духовное подвижничество, давшее России великое множество праведников, оказавшее огромное положительное воздействие на всю древнерусскую жизнь и на последующие века.

Православная Церковь, с её неустранимо апокалиптическим видением истории, всегда считала своим главным долгом приготовление человеческих душ к Страшному Суду и вечной жизни и поэтому не слишком заботилась о жизни временной, тленной. Было бы лицемерием отрицать, что именно это, слишком густо замешанное на низме мироощущение глубоко укоренило в православной душе равнодушие к социально-ориентированной, каждодневной работе по совершенствованию общественного устройства, породило наше знаменитое терпение, оборотной стороной которого стал не менее знаменитый «русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Слишком большое упование русского православного человека на Бога и на молитву, его готовность по-евангельски прощать утеснителям и бесчинникам казались несовместимыми с систематической, настойчивой борьбой против разрушительных начал в обществе.

Кажется, только в XX веке, после революций и войн, умудрённые горьким опытом русские стали сознавать, что православный дух нуждается в привнесении в него волевого начала, обращённого на борьбу с конкретными социальными проявлениями зла, на совершенствование государственной системы. Тема эта звучит в некоторых статьях И.А. Ильина. Ей он посвятил отдельную работу «О противлении злу силой».

В современном православном сознании уже оформляется идея, что одной духовной бранью Церковь ограничиваться не может. Она должна также наставлять верующих на активную борьбу с многочисленными земными слугами дьявола, разрушающими ныне не только душу, но и тело народное. Приходится констатировать, что это умонастроение, близкое католикам и протестантам, составляющее яркую особенность исламского мира, с величайшим трудом воспринимается православными, о чём красноречиво свидетельствует робко-выжидательная позиция, занятая Московской Патриархией, большинством иерархов в годы «перестройки». Церковь в лице своего соборного разума так и не дала нравственной оценки событиям, происходящим в стране, не воспротивилась тотальному духовному растлению народа «свободной» прессой и телевидением. Лишь отдельные протестующие голоса, случайные выступления в малотиражных газетах...

Это почти буддийское непротивление Церкви нынешнему, нагло распоясавшемуся злу объясняется не только инерцией страха, по видимому, сохранившейся в душах многих членов Московской Па-

триархии со сталинских времён. Его основная причина — в прирождённо монистическом мироощущении православной души, безмерно уповающей на промысел Божий, надеющейся на него даже там, где со всей очевидностью необходимо участие человеческой воли, чтобы промысел мог осуществиться. Требуется, следовательно, мировоззрение, которое, не будучи антицерковным, не разрушая православного духа, ещё живущего в нашем отравленном материализмом и атеизмом народе, сумело бы сплавить монистическое и дуалистическое мироощущения. Образно говоря, наша православная душа нуждается сейчас в прививке небольшой дозы языческого дуализма. Эту задачу впервые в истории русской религиозной мысли блестяще решает «Роза Мира».

«Золотой путь» Даниила Андреева

Мы лучше поймём мироощущение Андреева, если сразу же скажем, что никакой революции в сфере духа он не совершает (что, конечно, является достоинством, а не недостатком «Розы Мира»), и назовём древнюю религиозную систему, основанную на схожем мироощущении — зороастризм. Христиане, знакомые с учением Зороастра понаслышке, относятся к нему отрицательно, так как считают его дуалистической системой, утверждающей онтологическое равенство добра и зла. Это, однако, не совсем так. На самом деле, зороастризм представляет собой синтез монизма с дуализмом и фактически является разновидностью монотеизма. Любопытную характеристику даёт ему британский учёный XIX века У.Ч.Гекертон: «Это учение — не вера в два противоположных, но одинаково могущественных мировых начала, как утверждали: Ариман, начало зла, не равен Ормузду, который есть добро. Зло не саморождённое и не вечное, оно скорее временно и ограничено во власти. И Плутарх выражает мнение, что Ариман и его духи должны уничтожиться, что дуализм не вечен, его жизнь во времени, которого он составляет великую драму и в котором он — постоянная причина движения и превращения...». Согласно учению зороастризма, предвечное Верховное Существо, для человеческого разума абсолютно непостижимое, создало двух светлых богов — Ормузда и Аримана. Ормузд посредством Слова сотворил наш мир и человека. Ариман же впал в гордыню, создал множество

злых духов и, вмешавшись в творение Ормузда, исказил его. Борьба Ормузда с Ариманом составляет основное содержание мировой истории, продлится 12 тысяч лет и закончится полным поражением последнего. Примечательно, как зороастризм понимает миссию человека, миссию добра: «Праведным и трудолюбивым людям нечего бояться в этом упорном бою. Согласно Зороастру, труд есть истребитель зла, и человек лучше всего повинуется справедливому судье, когда усердно обрабатывает землю и заставляет её производить плодородные деревья». Обнаруживается большое сходство между теогониями Зенд-Авесты и «Розы Мира». Андреев почти в точности воспроизводит мировоззренческий синтез монизма и дуализма, сделанный зороастризмом задолго до появления христианства. Это тем удивительнее, что с учением Зороастра, как совершенно точно известно, Андреев не был знаком. Монизм «Розы Мира» в том, что первопричиной мира она называет единое вечное начало — трансцендентного Бога, каким он, в сущности, представлен и в зороастризме, а также в отрицании онтологического равенства между добром и злом. Мир сотворён всеблагим и всемогущим Богом, в котором не может быть никакого зла. Зло появилось в результате отпадения от Бога некоторых ангельских монад. Андреев, подчеркнув, говорит не о существах, а именно о монадах, что в эволюционной системе взглядов приобретает особый, не сразу угадываемый смысл. Здесь можно говорить о более высоком, чем зороастрийское, христианском понимании Бога. Творец по благодати Своей не мог создать изначально злых демонов для «сотворчества» с ангелами. Это отпавшие от Бога первоначально светлые монады облеклись в материальность и, следуя ложному выбору, обратили данную им свободу во зло и постепенно превратились в демонов-существ. В этом тонком богословском вопросе Андреев ни на йоту не уклоняется от православного вероучения, что нетрудно подтвердить соответствующим извлечением из святоотеческих писаний:

«...демоны названы демонами не потому, что они были созданы в настоящем их устройении. Бог не создал ничего такого, что само по себе было бы злым. Демоны созданы благими». Как уже говорилось ранее, факту материальности мира духов православные богословы придавали исключительное значение, видя в нём принцип отделения Бога от Его творения. Бог один и Он благ. Никаких единосущных с Ним начал ни в мире, ни вне мира быть не может. Так православие

утверждало принцип монизма. Без малейших искажений он присутствует и в «Розе Мира».

Теперь — о дуализме «Розы Мира». Отцы Церкви, не ведая истинных масштабов Творения, неизбежно занижали и масштабы действующих в нём тёмных сил, и, конечно, их способности, степень участия в человеческих делах. Некоторые русские писатели, разделявшие эту ложную оценку, например, Лермонтов, Булгаков, изображали демонических существ в благородно-романтических тонах, а Гоголь, по его собственному признанию, главной задачей своего творчества и всей своей жизни считал «выставить чёрта дураком» (Д. Мережковский. Гоголь и чёрт). То же легкомысленное добродушие встречаем мы в фольклоре различных народов мира, и даже знаменитое «мрачное средневековье» с его пристальным интересом к этой теме видело в дьяволе и его подручных, в сущности, лишь мелких пакостников.

Православные богословы первых веков христианства, конечно же, не могли знать, что яркие точки, рассыпанные по хрустальному куполу неба, суть громадные звёздные миры, удалённые от Земли на огромные расстояния, что отпавшие от Бога тёмные духи завоевали множество галактик и планетных систем, а не одну только Землю. Могущество демонических сил оказалось столь впечатляюще, их возможности столь велики, что борьба с ними сил Провиденциальной стала основным содержанием мировых событий от сотворения Вселенной. В планетарном космосе Земли, каким его изображает Андреев, эта борьба обнаруживает поистине зороастрийские масштабы. Провиденциальные и демонические силы у нас на Земле почти равны друг другу, так что древний вопрос — с кем ты, с Богом или с дьяволом, стоящий перед каждым современным человеком, — становится вопросом о самом ближайшем будущем всего человечества.

Так в безупречную монистическую систему органично вводится дуалистический принцип. На православное мироощущение он действует, образно говоря, как нашатырный спирт, пробуждая душу от сонного упования на промысел Божий. Вместе с тем он не порождает пессимизма, ибо власть демонов никогда не сможет стать равной власти Бога. Напротив, она хронически убывает, о чём Андреев заявляет с непоколебимой уверенностью: «Трагичность для демонов хода космической борьбы обусловлена ещё и тем, что Господь творит всё новые и новые монады, демоны же не способны сотворить

ни одной¹, и соотношение сил непрерывно увеличивается не в их пользу. Новых отпадений не совершается и не совершится больше никогда, этому есть абсолютные гарантии...» (РМ, 46). В панораме истории Земли, а позднее — человеческой истории силы мирового зла являются не просто возмущающим фактором, но чем-то гораздо более значительным и самостоятельным. Демонический разум *вмешался* в процесс сотворения Земли, исказил и утяжелил законы природы, повлиял на весь облик биосферы (ещё одна параллель с зороастрийским мифом). Андреев понимает биологическую эволюцию как равнодействующую двух векторов сил — демонических и Провиденциальных; на некотором её этапе появилась и третья сила — человек, открытая как для Провиденциальных, так и для демонических воздействий, обладающая собственной волей. Это обстоятельство и определило качественное отличие истории человека от дочеловеческой истории — куда более спокойной и менее трагичной. Миф «Розы Мира» свивает в единый духовный поток важнейшие откровения христианства, язычества, религий Востока, формируя мироощущение, которое можно назвать христиано-зороастрийским. При этом акт грехопадения предстаёт не виной, а трагедией человека — трагедией существа, появившегося на планете, уже заражённой проклятым «эйцехоре», семенем дьявола. Миф об Адаме и Еве, понимаемый многими христианами буквально, как *историческое* событие, произошедшее с реально существовавшими личностями, вступает в противоречие с тем, что нам достоверно известно о происхождении человека и требует переосмысления в эволюционной системе взглядов. О какой вине можно говорить в отношении первобытных людей, наших общих предков, чей разум только-только пробуждался от состояния животной бессознательности? Они находились под мощнейшим тормозящим воздействием демонических сил, не понимая, что это такое. На языке своего мифа Андреев рассказывает о событиях столь давних, что они не могут быть никакими средствами ни опровергнуты, ни подтверждены. Но, по крайней мере, они отвечают на вопросы, перед которыми оказался бессилён библейский миф...

¹ Существует навязчивая кибернетическая идея сотворить искусственного человека, гомункулуса, равного естественному и даже превосходящего его. В ней — демонический надрыв, жажда достичь божественного могущества. Скольких весьма неглупых людей она всё ещё сбивает с толку! «Роза Мира» раз и навсегда хоронит её, а заодно и громадную тему в научной фантастике.

Жизнь в нашей брамфатуре — не только в биосфере, но и в других, иноматериальных слоях — сотворена Планетарным Логосом, высшей духовной инстанцией Шаданакара, о которой сообщается, что «она выражает собою, как Слово выражает Говорящего, одну из ипостасей Троицы: Бога-Сына» (РМ, 111–112). Планетарный Логос сошёл в брамфатуру нашей планеты миллиарды лет назад, когда никаких форм жизни в ней ещё не было. Сошёл для творчества совместно с женским началом — «ваятельницай плоти» Лилит. Будучи несотворённой, *бого-рождённой* монадой, Планетарный Логос обладает колоссальной творческой мощью, однако Богу не равен. Как и все духовные иерархии, он находится в развитии. Этот не слишком заметный, но важный пункт андреевской метафизики проясняет проблему происхождения зла в нашей брамфатуре. В те далёкие времена Планетарный Логос при всём своём величии и могуществе не смог защитить Шаданакар от вторжения Гагтунгра, обладавшего не меньшей мощью, и Лилит стала первой жертвой великого демона: «Под представлением о первородном грехе следует понимать то, что произошло между Лилит и вторгшимся в её мир Гагтунгром, — то, вследствие чего сатанинское семя — эйцехоре — несут с тех пор все существа, в создании чьих плотноматериальных цепей рода принимала или принимает участие Лилит... Что касается легенды об Адаме и Еве, то в ней до того перепутаны все слои, эры и иерархии, что лучше совсем не трогать этого предания» (РМ, 112).

Таким образом, семя дьявола несёт в себе не только человек, но и вся земная природа. Поэтому-то природа двулика, на что обращали внимание все великие умы. Один лик у неё светлый, другой — тёмный. в ней есть божественная красота, гармония и любовь, но есть и взаимопожирание живых существ, старение, болезни и всё уничтожающая смерть. Есть отрицательные эмоции, как необходимый, наряду с положительными, фактор эволюции, но есть бессмысленные, жестокие страдания. Есть эволюционные геологические процессы, но есть ураганы, землетрясения, эпидемии, сеющие ужас и смерть среди живых существ. Древние религии считали эти бедствия наказаниями, посылаемые богами людям за их грехи. Наука равнодушно окукливает всё зло мира в физические понятия «энтропии», «хаоса», механически перенося законы неживой природы на живую, разрушая в душах самые основы веры во всеблагото Творца. Андреев за всем этим кипением физического мира, за его «эволюционными преобразованиями» увидел Творчество и Борьбу. Его метафилософия осмысляет человеческую

историю как органическое продолжение истории биосферы. Однако её ни в коем случае нельзя считать разновидностью эволюционизма, с заблуждениями которого мы познакомились ранее.

Поражённое грехом существо не имеет перспективы бесконечного развития в мире, оккупированном демоническими силами. Андреев — в большей степени духовидец, чем философ, ему был открыт второй, невидимый план того внешнего процесса, который начался с сотворения Земли, привёл к появлению человека и закончится на человеке же сверхъестественным актом преображения всего планетарного космоса. Этот скрытый от нас космос, оказывается, населён мистическими существами, в нём происходят недоступные нашему пониманию события, влияющие на ход земной жизни. Биологическая эволюция — давно прошедший этап метаистории. Планетарному демону удалось некогда вмешаться в творчество Провиденциальных сил и исказить их первоначальный замысел, утяжелив законы природы (нечто подобное говорит и зороастрийский миф). Но в природе можно жить, её можно любить со всеми её клыками, когтями, «суровыми законами джунглей», которые, не в пример некоторым человеческим, бывают гораздо справедливее. С точки зрения андреевского мифа, биологическую эволюцию можно понимать как давно отгремевшую битву, которую ни та, ни другая стороны полностью выиграть не смогли. Провиденциальные силы, во всяком случае, не допустили глубокой демонизации природы. С тех пор предоставленная сама себе природа живёт по собственным законам, не меняясь ни в лучшую, ни в худшую стороны.

С появлением человека борьба в Энрофе между Провиденциальными и демоническими началами вспыхнула с новой силой и, видимо, потому, что человек был создан для каких-то высших целей. Провиденциальные силы встретили здесь яростное сопротивление демонического стана, стремящегося сорвать духовную эволюцию человека, свергнуть его в жалкое и ничтожное состояние. Чем же напугал демонов человек? Каковы причины их inferнальной ненависти к нему? В Библии нет ясного ответа на эти вопросы, а в человекобожеских философских системах Востока они даже не ставятся.

В «Розе Мира» мы их находим. Андреев сообщает, что первоначально Провиденциальные силы не имели намерения создавать человека. Было сотворено только царство животных, призванное в некотором отдалённом будущем сойти в более плотные слои Шада-накара с целью их просветления. Первые люди появились не на зем-

ле, а в ином слое Шаданакара как необходимость, вызванная ходом борьбы Провиденциальных сил с демоническими. Это было человечество ангелов. Потом появились титаны: «Когда же Гагтунгру удалось исказить законы жизни в Энрофе, наложить свою руку на животное царство и этим опрокинуть Провиденциальный замысел, силами Планетарного логоса было создано второе человечество — титаны, назначение которых состояло в том же, что и у всех сообществ Света: в просветлении материи. Со временем они должны были перейти в Энроф и руководить там процессами просветления животного царства и некоторых стихий» (РМ, 112). Но титаны, рассказывает далее миф «Розы Мира», попали под воздействие демонов, восстали против Творца, но потерпели поражение. И только после этого был сотворён человек — уже в нашем, физическом, слое с целью его просветления. *Просветление* — ключевое понятие мировоззрения «Розы Мира». Оно отменяет ложное противопоставление духа и материи, лежащее в основе многих религий и наделавшее немало бед. Материю, плоть не должно презирать, поскольку как субстанция она сотворена Богом, но ей не должно и поклоняться, поскольку здесь, на земле, она демонизирована. Обе крайности сходятся в своём непонимании жизни как единства — на всех этапах мироздания — материи и духа. Даже ангелы, даже самые высокие космические иерархии суть проявления этого единства, только дух их чрезвычайно совершенен, а материя тонка и светла. Андреев называет различие между духом и материей стадийным, а не принципиальным, — в точности как понимают его монистические философские системы Востока. Материя, истончаясь, превращается в бесконечном пределе в дух... Поэтому биологическая жизнь нуждается именно в просветлении — пути равно чуждом и материалистическому культу плоти, и спиритуалистическому отрицанию её. С этой точки зрения, фундаментальное психоантропное качество — душевный дуализм — необходим хотя бы для того, чтобы человек мог остро почувствовать ненормальность состояния распятости между телом и духом и сделать просветление плоти, всей земной жизни своим высшим, сверхисторическим идеалом. Это «золотой путь», ведущий в далёкой перспективе к совершенной, блаженной жизни, не нуждающейся во зле. Остальные два, рассмотренные выше, чреватые срывами в бездны сатанинские, в манихейство в обеих злокачественных его формах. Непросветлённая, демонизированная чувственная

стихия была источником многих революций и войн, многих диких извращений пути, предначертанного человеку Богом. Она — основной материал для создания на земле царства Антихриста. Подавление её духом может дать лишь временный и частный успех.

Таким образом, человек, по Андрееву, был сотворён для дела, ненавидимого демоническими силами — оттого и вся человеческая история приобрела драматизм такого высокого накала, какого не знало и не знает животное царство. Оттого такой тяжёлой оказалась судьба христианской Церкви — единственной религиозной организации, которая с самого начала своего существования ясно обозначила главного врага рода человеческого, раскрыла хитроумную методику его воздействий на душу и научила чад своих, как с ним бороться. Христос называет дьявола человекоубийцей, и это вовсе не метафора. Миллионы и миллионы людей погибли в революциях и войнах, спровоцированных дьяволом. Он истребил бы человечество, вероятно, ещё в самом начале его пути, если бы имел физическую возможность. Но законы творения не позволяют ему этого. Дьявол и его многочисленное воинство могут бороться с человеком только руками самого человека, воздействуя на его душу, возбуждая в ней тёмные чувства, натравливая людей друг на друга, инспирируя охваченных гордыней творческих личностей на создание аморальных учений, антибиосферных идеологий, грязной литературы¹. На этапе первобытной истории демонический стан прилагал огромные усилия к тому, чтобы сдерживать направляемое Провиденциальными силами духовное и материальное развитие человека. Это был обширный, в сотни тысяч лет период, когда человеческие племена, разъединённые и враждующие между собой, с величайшим трудом пробивались к свету: «Что касается так называемой зари человечества, то есть эры выделения человеческого вида из царства животных, то это была необычайно унылая и угрюмая заря. Человечество пещерного века можно и должно жалеть, но не надо его идеализировать: оно было жестоко, низменно и грубо утилитарно. Оно не знало абсолютно ничего духовного, кроме магии, а магия утилитарна и корыстна по самому своему существу. Микроскопическое меньшинство медленно вынашивало непонятное никому чувство Ве-

¹ Отметим, что такие личности, как правило, враждебны к христианству, открывающему глаза на мистическую природу тёмного творчества. Дьявола они считают фантастической выдумкой невежественных людей, рецидивом «мрачного средневековья» в современном сознании.

ликих Стихиалей и первые побеги чувства красоты. Первым же массовым ощущением трансфизической стороны вещей было переживание разлитой везде арунгвильты-праны» (РМ, 112).

В доисторические времена творческие души пребывали именно в микроскопическом меньшинстве. Не будем забывать, что наскальные рисунки, орудия лова, домашняя утварь, одежда, язык — всё, требовавшее для своего создания творческих усилий, было результатом работы уникальных личностей столь же великих для тех времён, как для нас Пушкин, Бах или Леонардо да Винчи. Только появлялись они ещё реже — потому-то и тянулась так долго первобытная история человечества...

Материалистическая «наука о человеке» толкует нечто фантастическое о производительных силах, материальных потребностях, экономических законах, которые сами по себе вывели полудикую горстку людей из первобытного прозябания, превратив её в многомиллионное культурное человечество, создавшее языки, религии, науку, литературу, искусство. Сколь сильна ещё над умами власть этого ложного материалистического мифа! Между тем поводов усомниться в нём история давала более чем достаточно. Мы знаем о существовании так называемых этнических изолятов, не менявших своих жизненных укладов на протяжении столетий и погибавших или глубоко перерождавшихся при столкновении с европейской цивилизацией. Почему огнеземельцы, якуты, североамериканские индейцы, африканские племена не повторили опыт некогда столь же малочисленного человечества? Не потому ли, что люди — это не бактерии, готовые размножаться в любом месте при наличии некоторого минимума биологических условий? Это существа, наделённые сложным психическим миром, имеющие особую миссию в природе. Их развитием управляют высшие силы, оно имеет направленный характер. Каждый народ играет какую-то свою роль в Провиденциальном замысле, а если те или иные народы останавливаются в развитии, входя в состояние гомеостаза (равновесия со средой обитания), значит, они по каким-то причинам оставлены в покое высшими силами...

Но вернёмся к основам мировоззрения «Розы Мира», чтобы сделать заключительный вывод о его влиянии на человеческую душу.

Человек, глубоко воспринявший это мировоззрение, к какой бы религии он ни принадлежал, проникается активно-деятельным отношением к жизни и начинает лучше понимать свою религию. Не только молитва, но и социальное действие, не только духовное делание,

но и «труд есть истребитель зла». Андреев, таким образом, воскрешает в «Розе Мира» зороастрийское понимание места и роли человека в переживаемом им громадном историческом цикле борьбы сил Света с силами Тьмы.

Загадка Иисуса

Не слишком внимательному читателю «Розы Мира» идея просветления плоти может показаться философской выдумкой, порождённой стремлением автора соединить несоединимое — православие и материалистическую идеологию прогресса.

Насколько оправданно это мнение? Согласно учению Православной Церкви, душа человека по воскресению соединяется с телом, но это новое тело, оставаясь по видимости прежним, привычным, будет состоять из нетленной, не подверженной болезням и смерти, именно просветлённой плоти. Андреев утверждает только то, что просветление плоти, материи, социальности, чувственной стихии было задумано Провиденциальными силами как миссия человека *на земле*, которую ему пока не удалось осуществить.

Небезынтересен факт, что сходным образом миссию человека понимает религия, по духу от «Розы Мира», может быть, наиболее далёкая — иудаизм: «...для еврейских пророков духовное возрождение мира неотъемлемо от объективных социальных перемен в реальной действительности... Это общая и характерная черта мировосприятия иудаизма, для которого истинная духовность всегда реализует себя в материальном; для того и создан человек, чтобы одухотворить и освятить, "возделать" окружающий мир — и себя вместе с ним». Этой формулой, впрочем, сходство и ограничивается. Дальше начинаются расхождения принципиального характера. Религиозные евреи до сих пор ждут «настоящего» мессию, который выполнит поставленную перед человеком задачу. Андреев же, привлекая основательные религиозные, исторические, логические аргументы, доказывает, что именно с этой целью Христос и приходил на землю две тысячи лет назад.

Исследование земного пути Спасителя, выполненное Андреевым с глубочайшим пиететом, но и с бесстрашием ведающего истину, повергнет, надо думать, в ужас православных христиан, привыкших к мысли, что с Христом и Его миссией отцы Церкви разобрались

основательно. Нам сообщаются вещи, о которых с такой прямоотой никто за всю историю христианства ещё не говорил, да и не мог говорить, поскольку версия о Спасителе с трагически оборванной на земле миссией имеет право на существование только как откровение и только в рамках уникального мировоззрения «Розы Мира». Попытаемся показать, что она не является домыслом философствующего ума, так как проливает свет на некоторые неясные и тёмные моменты христианской истории.

Вспомним прежде всего что учение Православной Церкви создавалось во времена абсолютного господства в умах птолемеевской системы мира с её сильно искажёнными масштабами. Вот центр мира — неподвижный диск Земли, на котором влачит жалкое существование поражённый грехом человек. Вот — небеса, обитель Бога и Его небесного воинства, святых и ангелов. А там, внизу, под землёй находится ад, где обитают дьявол, демоны и бесы. Главная задача человека в этой жизни — устоять перед дьявольскими искушениями, чтобы после смерти не угодить на вечные муки в ад. Но люди погрязли в грехах, они *оскорбляют* Бога своим поведением, они настолько слабы, что без Божьей помощи спастись не могут. И тогда происходит предвещенное пророками грандиозное, сверхъестественное событие. Милосердный Бог, сжалившись над людьми, посылает на землю Сына Своего едиnorodного, чтобы Тот добровольной крестной смертью искупил вину людей перед Богом и дал им учение о спасении. Отныне всякий, уверовавший в Христа и исполняющий Его заповеди, спасётся, остальные после Воскресения и Страшного Суда попадут в геенну огненную. Преображение мира будет совершено Христом в Его Второе Пришествие, в котором истинные христиане так же не сомневаются, как в том, что после заката солнца обязательно наступит рассвет.

Второе Пришествие, возвещённое самим Христом, одна из загадок христианства, которой нет в других религиях. Непонятно, почему преобразование мира и освобождение человека от гнёта дьявольских сил не было совершено Христом в Его первый приход? Чем тогдашнее человечество не устраивало Бога? Ортодоксальная христология объясняет эту загадку приблизительно так: человечеству было дано время на то, чтобы усвоить учение Христа и сделать свободный выбор. Эта тема — тема свободы — подробно рассмотрена Достоевским в «Легенде о великом инквизиторе». Получается, что Бог из соображений педагогических дал человечеству испытательный срок между

Первым и Вторым Пришествиями, чтобы произошёл, так сказать, «естественный отбор» достойных наследовать вечную жизнь и тех, кто пойдёт в ад на вечные муки.

Христианские церкви называют два основных признака приближения Страшного Суда — высокую концентрацию зла в мире и широкое распространение Евангелия среди народов земли. Оба признака как будто налицо. Многоликое зло в нашем веке успешно завоёвывает мир, и столь же успешно, с помощью различных христианских организаций, распространяется Евангелие — правда, чаще всего в вольной протестантской интерпретации. На эти издания расходуются миллионы долларов. Их часто раздают бесплатно!

В христианском богословии до сих пор даже не обозначился вопрос: а может ли быть так, что это фатальное устремление человечества к концу света в значительной степени запрограммировано психологической установкой на конец света и педагогическим пониманием миссии Христа, которые изначально ослабили церковь, и в особенности православную, в борьбе со злом? А нельзя ли допустить возможность какого-то более глубокого понимания миссии Христа, основанного на новом духовном и историческом опыте и новом прочтении Евангелия?

Православная Церковь решительно отвергает подобное допущение, считая, что всё уже сказано и ничего принципиально нового добавить в христологию невозможно. Проблема, однако, существует, и, может быть, лучше всего свидетельствует о ней произошедший в XX веке невиданный по масштабам срыв в богоборчество и атеизм русского народа, который с молоком матери-Церкви выпит педагогическое понимание миссии Христа. Поразмышлять, следовательно, есть о чём...

Если буква в букву принимать учение о Христе, созданное в Византии, утверждённое в великих спорах на Вселенских Соборах, то буква в букву следует принять и тогдашнюю птолемеевскую модель мира. А как же иначе? Если действительная Вселенная бесконечно огромна и пребывает в развитии от момента её возникновения из некоей таинственной точки, если биосфера сотворена не за шесть дней, а длительным эволюционным путём, если обитаемых планет во Вселенной великое множество и т.д., то что-то должно произойти и с традиционной христологией. Её необходимо привести в соответствие с реальной картиной мира, которая никак не согласуется с наивными древними представлениями о неподвижных небесах, где одеснует Бога восседает Христос.

Наука в своём развитии совершила громадный путь от птолемеевского мироздания к коперникову, затем — к ньютоновой, эйнштейновской Вселенной и далее, к современным головокружильным космологическим моделям. Христорология же, как стояла, так и стоит на месте, прячась в игрушечном мирке двухтысячелетней давности. Этой несообразности не заметил даже такой безумно смелый христианский философ, как Н. Бердяев. Между тем она стала причиной одного богословского курьёза, до сих пор не разрешённого. Ведь если во Вселенной есть много других обитаемых планет, населённых разумными существами, то не кощунственна ли мысль о тиражировании крестного подвига Христа в бесчётном числе инопланетных копий? Придётся тогда либо объявить человека уникальным явлением во Вселенной (чему, кстати, учит иудаизм), что естественно для птолемеевской модели, но несовместимо с современной, либо допустить, что лишённые благодати христовой миллионы других цивилизаций рухнут после преобразования мира в ад. Это первое и далеко не последнее преткновение в ортодоксальной христорологии, не желающей замечать грандиозных сдвигов, произошедших в познании мира и человека. В эволюционном мировоззрении «Розы Мира» подобные несообразности невозможны. Для христианской мистики Андреев сделал приблизительно то же, что Джордано Бруно для астрономии. Он увидел запредельные миры в кипучем движении, развитии, обнаружил истинное соотношение между ангельскими и демоническими силами, придал личности Спасителя реальные масштабы, показав, что Он есть явление только планетарного космоса Земли, а не Космоса вообще со всем его невообразимым сонмищем галактик.

В ортодоксальной христорологии дьявол гораздо слабее Христа и он... вечен! Вечна и геенна огненная. В ортодоксальной христорологии не может быть и речи о том, чтобы дьявол мог помешать Христу выполнить до конца Его миссию на земле. Дьявол для этого слишком слаб. Это, скорее, туповатый мастер пыточных дел или жалкий гоголевский чёрт, нежели могучий высокоинтеллектуальный дух, каким его изображает «Роза Мира». Подлинную мощь дьявола начали понимать в XX веке многие христианские церкви. Слишком уж очевидной становится *организованность* современного апокалипсиса, не соответствующая с возможностями человека. Теперь наступает время понять связь между нынешними событиями и Событием, произошедшим в Древней Иудее.

Первое пришествие Христа должно было быть и последним, утверждает Даниил Андреев. Христос явился для грандиозного *практического* дела — навсегда освободить человечество из-под власти демонических сил и вывести его на качественно более высокий уровень бытия, совершенно несопоставимый с тем, на котором оно пребывало до Него, пребывает и сейчас: «Насколько метаисторическое познание допускает понимание задач Христа, стоявших перед Ним в Его земной жизни, настолько их можно определить пока следующим образом. Приобщение человечества Духовной Вселенной вместо догадок о ней при помощи спекулятивной философии и одиноких предчувствий; раскрытие в человеке органов духовного воспринимания; преодоление закона взаимной борьбы за существование; разгибание железного кольца Закона кармы; упразднение в человеческом обществе закона насилия и, следовательно, государств; превращение человечества в братство; преодоление закона смерти, замена смерти материальным преобразованием; возведение людей на ступень богочеловечества. О, Христос не должен был умирать — не только насильственной, но и естественной смертью... Будучи завершённой, миссия Христа вызвала бы то, что через два-три столетия на земле вместо государств с их войнами и кровавыми вакханалиями установилась бы идеальная Церковь-Братство. Число жертв, сумма страданий и сроки восхождения человечества сократились бы неизмеримо» (РМ, 114).

Надо думать, Христу была дана реальная сила, чтобы справиться с этими задачами. Если Он умел воскрешать умерших, изгонять полчища бесов, повелевать природными стихиями, если одно только Его слово исцеляло тысячи душ, если он был не магом или колдуном, но воистину Сыном Божиим, то есть величиной бесконечно большого масштаба, то почему бы не мог Он освободить тогдашнее человечество от рабства демоническим силам?

Христианская апокалиптика пророчествует о всемирной власти Антихриста, которого подготавливает дьявол, то есть о власти *одного* существа, наделённого специальными тёмными дарами. Естественно допустить, что и Богочеловек, наделённый светлыми дарами, действительно мог освободить человечество от давления демонических сил, коренным образом изменив весь ход истории. Христианам было бы даже грешно сомневаться в том, что Христос был способен совершить такое сверхдеяние. Выходит, что переход человечества в качественно иное состояние должен был начаться две тысячи лет назад и, если бы

Христос остался на земле, оно было бы совершено в полной мере. Человечество пошло бы тогда по иному, нетехнологическому, пути, мнучая страшные социальные катаклизмы, мировые войны, мертвящую власть Машины, и сатанинский план был бы бесповоротно сорван. Вот почему Гагтунгр увидел в миссии Христа смертельную для себя опасность. Власть же планетарного демона на земле оказалась огромной. Это власть над человеческими душами, которые можно замутить злобой, завистью, гордыней, ненавистью. И люди, иудейские священнослужители, приговорили Христа к смерти, прервав Его земной путь.

Здесь придётся ответить на один каверзный вопрос, как будто ставящий под сомнение божественные способности Христа. Впервые, как издевательство, он прозвучал в сцене распятия и с тех пор в глазах верующих иудеев стал одним из доказательств лжемессианства Христа: «...Разрушающий храм и в три дня Созидающий! Спаси Себя Самого. Если Ты Сын Божий, сойди с креста ... других спасал, а Себя не может спасти. Если Он Царь Израилев, пусть теперь сойдёт с креста, и уверуем в Него» (Мтф. 27 : 40–42). В самом деле, почему Христос не применил все свои способности в критический момент и не сошёл с креста? Почему, как от Него ждали, не поверг в ужас толпу каким-нибудь эффектным чудом, не заставил палачей освободить Себя?

Да потому, ответим мы, что он был истинным мессией, а не чародеем или магом, умеющим подчинять себе волю других людей. Он обладал даром просветлять мир, человеческие души, но не подчинять их насильно. Для того чтобы выполнить Свою миссию, Ему была нужна только свобода, как она нужна гениальному художнику. Мистика последних дней евангельской трагедии сводится к столкновению Сил Света с Силами Тьмы, стремившимися физически устранить Христа. Последние всё-таки взяли вверх. Андреев сообщает, что сил Планетарного Логоса оказалось тогда недостаточно, чтобы преодолеть воздействие Гагтунгра на людей, и ему не оставалось ничего другого, как принять мученическую смерть, чтобы потом воскреснуть. Жертва Христа была совершенно добровольной в том смысле, что, имея возможность сбежать от своих преследователей (как позже Мухаммед сбежал в Медину), Он, исполняя волю Бога (или Планетарного Логоса), пошёл на крест.

Благодаря крестной жертве Христа, Гагтунгр не сумел полностью выиграть сражение за человеческие души, ибо на земле возникла Церковь — мощная духовная организация, продолжившая дело Христа.

Хотя и в гораздо меньших масштабах и с меньшим успехом, она на протяжении веков всё же противостояла демоническому стану.

Но прерван был лишь земной путь Спасителя. Там, в запредельных мирах, Он продолжает действовать. Водительствуемые Им иерархии Света уже две тысячи лет ведут успешную борьбу с демоническими мирами, преображая страдалища и чистилища. Там Христос набирает мощь, необходимую для того, чтобы дать последнее, решительное, сражение силам Гагтунгра и изгнать их из брамфатуры Земли. В этом и состоит смысл Его Второго Пришествия.

Думается, ничего унижающего Христа в этой версии нет. Скорее, унижает Христа томительное и пассивное ожидание Его Второго Пришествия на планете, захваченной демоническими силами. Была ли необходимость оставлять человечество на неопределённый срок под постоянным воздействием дьявольских радиаций? Может быть, это дало возможность вырастить новую, высшую породу людей, совершенно к ним невосприимчивых? Этого сказать нельзя. Христианству удалось значительно облагородить человеческие души, воспитать в них чувство личной ответственности перед Богом за свои поступки, но избавить их от духовной агрессии демонических сил оно не смогло. Это оказалось выше возможностей Церкви. Из истории и повседневной жизни известно, что демонические силы руками своих многочисленных человекоорудий успешно разрушали и разрушают род людской, и только единицам из миллионов — монахам, подвижникам, святым — удалось стать людьми новой породы, остальные в той или иной степени остались рабами страстей. Этот печальный факт всегда служил одним из главных доводов против христианства у его идейных противников. «Что дал ваш бессильный Христос человечеству? — говорят они.— Зло как было на земле, так и осталось».

Педагогическое понимание миссии Христа подвергнуто серьёзному испытанию планетарными успехами зла за последние два века. Есть специальная техническая наука — сопротивление материалов, изучающая поведение различных материалов под нагрузками. Мог ли Христос не знать, оставляя человечество под страшным давлением демонических сил, что рано или поздно, несмотря ни на какое самое героическое сопротивление Церкви, оно будет ими расплющено? Об этом Христос прямо предупреждает Своих учеников в пророчествах о «последних днях». Картину полного разгрома человечества дьявольскими силами рисует Откровение Иоанна Богослова. Конеч-

но же, Христос хорошо знал пределы прочности «человеческого материала»...

Веками Церковь учила, что крестной смертью Христа дело спасения человечества завершено — прежние грехи искуплены, Бог больше не гневается на человеческий род. Любому человеку, если он пожелает, открыт путь к вечной жизни. «Смерть, где твоё жало? Ад, где твоя победа?» — повторяются до сих пор слова ветхозаветного пророка Осии, повторённые апостолом Павлом в порыве религиозного оптимизма. Тогда, на заре христианства, Павел был прав, но нынешние ортодоксы неправы. Дерево, только начинающее расти, и старое, поражённое болезнями, — это, в конце концов, разные деревья. С помощью своих земных слуг дьявол сумел в XX веке соорудить на нашей планете многочисленные филиалы ада, умертвить духовно и физически миллионы людей. И что там ещё впереди? О какой педагогике и о каком выборе можно тут вести речь?

В евангельском Христе проступают иногда черты суровости, которые можно уподобить шрамам на прекрасном лице. Так оно и должно быть, если Он позволил Себя распять в уплату за грехи человеческие, как расценили его самопожертвование апостолы. Педагогическое понимание миссии Христа, естественно, предполагает суровость по отношению к нерадивым ученикам. Но апостолы и не могли понять Его иначе. Полную правду о Нём их простые души не вместили бы. Откровение ступенчато, сам Христос говорит об этом своим ученикам: «Всего не вместите».

Христос — загадка. Художники, писатели, философы нового времени не раз пытались изобразить «реального», «исторического» Христа, но никому из них не удалось создать более убедительный, цельный и обаятельный образ, чем тот, который подарили нам евангелисты. Рукотворные христы Толстого, Ренана, Блаватской, Рерихов, Булгакова несут на себе печать безблагодатности, а нередко — и откровенно демонических искажений.

Даниил Андреев составляет счастливое исключение в ряду толкователей Христа. Христос, каким Он предстаёт перед нами на страницах «Розы Мира», — это подлинное откровение. Андреев развивает и углубляет евангельский образ. Жёсткие черты отсутствуют в Нём полностью, масштабы Его личности значительно возрастают. Крестная смерть помешала Ему победить дьявола на земле, но Он наносит ему поражение за поражением в иноматериальных мирах Шаданакара. Он разрушает

сейчас демонические бастионы, нагромождённые вокруг Земли, и рано или поздно явятся к нам как освободитель.

Нет, наверное, ничего более трудного для человека, чем менять привычные представления и привязанности. Образы и чувства, обитающие в нашей душе, подобны старым любимым игрушкам. Есть что-то детское и святое в упорном нежелании человека расставаться с ними. Л. Гумилёв говорит, что люди часто предпочитают смерть добровольному самоизуродованию, которым для них является смена привычных стереотипов. Не нужно быть богословом, чтобы понять, что андреевская версия евангельской драмы разрушительна для православного канона и по одной только этой причине будет справедливо отвергнута Церковью. Освящённые веками таинства, обряды, молитвы, распевы, праздники, литургия, весь строй церковной жизни неразрывно связаны с верой в Искупителя, принёсшего себя в жертву ради спасения человека. Невозможно даже представить, чтобы всё это могло бы быть существенно изменено без тяжёлых травм для верующей души, без моральных и эстетических потерь. Нужно, очевидно, другое — изменение традиционного для православного сознания пассивного отношения к социальному действию, а для этого требуется новое, более глубокое понимание Христа и Его миссии. Чтобы по достоинству оценить откровение о прерванности миссии Христа на земле, сейчас нужно сверяться не только с Евангелием и учением святых отцов, но и с реальной жизнью и собственным нравственным чувством, нужно наблюдать и думать.

Есть в истории христианства загадки, которые могут быть успешно разрешены только с помощью андреевского откровения о миссии Христа. Попытаемся разобраться с некоторыми из них...

Загадка Иуды Искарота

Если Бог принёс в жертву Сына Своего едиnorodного ради спасения человека, как говорит о том общехристианское учение, то есть если смерть Спасителя была абсолютно необходимой в божественном сценарии спасения человечества, то наряду с орудием Его казни, крестом, Церковь должна была сакрализовать также и того, кто послал Его на крест — т.е. Иуду Искарота.

Как?! Грязного предателя сделать предметом религиозного поклонения? Но поклоняемся же мы уже две тысячи лет Кресту Пре-

честному и Животворящему, несмотря на то что крест в древнем мире считался орудием позорной казни, поклонение Распятому было для эллинов безумием.

Евангелия говорят об Иуде весьма немного, тон сообщений достаточно сдержанный, во всяком случае, в нём нет и тени того презрения и ненависти к предателю, которое стало впоследствии нормой христианского сознания, а само имя этого персонажа стало нарицательным. Появляется, следовательно, религиозная, психологическая и нравственная основа для создания, хотя бы и с большим запозданием, культа Иуды. В деянии Иуды можно усмотреть высокий подвиг самоотречения. Ученик предаёт на смерть горячо любимого им Учителя, чтобы восславить Его в веках, отдавая себя на вечные проклятия христиан. Воистину мир не видал ещё более героического поступка! И каким убедительным аргументом в пользу этой гипотезы становится самоубийство Иуды! Вне всякого сомнения, на одном из вселенских соборов много веков назад надо было канонизировать Иуду, а заодно и осину, на которой повесился великий человек, разрешить и даже обязать писать иконы с изображением благородного, красивого Иуды. Отцы Церкви допустили греховную оплошность по отношению ко второму по значимости действующему лицу голгофской трагедии.

Не будем, впрочем, морочить голову неосведомленному читателю, выдавая сию экстравагантную гипотезу за нечто новое. Впервые, по некоторым источникам, она появилась во II веке после Р.Х. и с тех пор много раз «обкатывалась» в различных модификациях пытливыми умами. Советский журнал «Наука и религия» в своё время посвятил ей подборку публикаций, из которой можно видеть, что «проблема Иуды» отнюдь не разрешена. Почитаем некоторые наиболее интересные для нас выдержки из этой подборки: В начале XIX века на защиту Иуды встал викарий парижского собора Нотр-Дам, Эже — визионер, последователь шведского мистика Эммануэля Сведенберга. В книге «Подлинный мессия» (1829 г.) он доказывал, что Иуда погубил свою душу, содействуя спасению мира. Сочувственно принял эту миссию Анатоль Франс (сборник «Сад Эпикура», 1894г.): «Без Иуды чудо воскрешения не совершилось бы», — считал он. Пытались реабилитировать Иуду немецкий драматург Карл Вейзер (книга «Иисус», 1906г.) и шведский писатель Тор Гедберг («Иуда», 1908г.) В начале века эти еретические идеи дали всходы в России. В 1896г. эссе «К легенде об Иуде-предателе» напечатал в Харькове С.В. Соловьёв,

в 1905 году в Москве вышла драма в стихах Н.И. Голованова «Искариот». Почти одновременно подошли к творческому осмыслению этого образа Л.Н. Андреев, М. Волошин, С. Кондурушин, А. Ремизов.

Особенно глубоко и долго был захвачен этой темой Максимилиан Волошин. «Иуда — охранитель и собиратель. Но он становится высшим из двенадцати, самым мощным, самым просвещённым из апостолов. Божественный Агнец должен быть заклан на алтарь рукой жреца, и рука эта должна быть чиста и тверда. “Один из вас предаст Меня”, — это не упрёк, а вопрос: кто из вас примет на себя бремя заклания? И каждый из апостолов робко спрашивает: “Не я ли, Господи?” Тогда Христос обмакивает хлеб в соль, что означает передачу своей силы, и даёт Иуде. Иуда выходит из собрания апостолов, приняв на себя подвиг высшей жертвы и высшего смирения. Вся гордость, мудрость и мощь законов, образующих и живящих матерью, в лице Иуды принимает на себя великую жертву унижения, смирения и позора, ибо подвиг Иуды — в его позоре и поругании. Иуда должен предать Христа, чтобы Христос мог умереть и воскреснуть...»

Нравственную проблему, скрытую в личности Иуды, Волошин переносит в современность, считая её «главным моральным вопросом нашего времени». «Разве не тот же вопрос о принятии на себя исторического греха подвигом предательства стоит и теперь перед революционерами-террористами, и перед убийцами из Союза русского народа, и перед всеми совершающими кровавые расправы этого времени?»... Несколько «заигрываясь», (как это с ним не раз бывало), Волошин даже приходит к мысли, что не Христос, а Иуда является «Агнцем, принимающим на себя грехи мира». А 12 августа 1929 года он говорит молодому философу М.С. Альтману, что недоволен «Иудой-апостолом». «Хочу сделать из него поэму. Для меня Иуда — это еврейский народ, который, как самый старший апостол Христа, и принял на себя всё зло мира» (публикация В. Купченко). («Неисчерпаемость смыслов» (подборка статей разных авторов) // «Наука и религия», 1992, №2).

Объективно настроенный читатель должен признать аргументы защитников Иуды вполне удовлетворительными, а их позицию, безусловно, — нравственной. Нет слов: христианское, православное, сердце их отторгнет. Но как в таком случае быть с умом, от которого также придётся отречься? Ведь убедительного опровержения этой *дьявольски* складной версии православные пока не нашли, да и не ищут. Между тем огромная опасность её для христианского сознания совершен-

но очевидна. Волошин пытался даже с её помощью оправдать иудин грех русских революционеров, придав ореол религиозного и нравственного величия терроризму (и жуткому убийству царской семьи тоже?). Ещё шаг — и можно обручить Бога с дьяволом как соработником Бога в трудном процессе совершенствования человека. А там — шаг к апологии предательства и полному нравственному хаосу. Каждому христу нужен свой иуда, любите иуд! Что сумела противопоставить христианская богословская мудрость этой угрозе? Да, в сущности, ничего. Евангелист Лука приводит оброненные Христом странные слова: «Впрочем, Сын Человеческий идёт по предназначению¹, но горе тому человеку, которым Он предаётся» (Лк. 22). Подобное высказывание встречаем мы ещё у Марка (Мрк. 14:21). Совершенно очевидно, что оно содержит режущее глаз нравственное противоречие. Что имел в виду Христос, произнося эти слова, да и Христу ли они принадлежат? Странно и то, что они не остановили внимания комментаторов Библии. Во всяком случае, такое авторитетное издание, как толковая Библия А.П.Лопухина, не даёт им никакого объяснения — просто констатирует. Хотя без смерти Христа не было бы Его воскресения, говорят церковные умы, Иуда всё же совершил страшный грех, предав Христа. Он — тёмная личность.

Логика почти детская, и всё же ортодоксы правы! От свидетелей земного пути Христа — его учеников — от сердца к сердцу передавалось грядущим векам, что Иуда — предатель, то есть совершил то, чего *нельзя* было делать. Не могли же, в самом деле, все три евангелиста, лично знавшие Иуду — Матфей, Марк, Иоанн, люди высочайшей нравственной пробы, получившие благодать от самого Спасителя — не разглядеть в Иуде величайшего, благороднейшего из людей, если он таковым и был? Напротив, от Иоанна мы узнаём, что Иуда был вором, казнокрадом (Инн. 12:6). Он же далее сообщает, что после того как Иисус на тайней вечере подал кусок хлеба Иуде, в того «вошёл сатана» (Инн. 13:27). «Вошёл же сатана в Иуду», — подтверждает

¹ Этот шаг, который можно уподобить срыву альпиниста в пропасть, совершил уже после смерти Волошина не кто иной, как Н. Бердяев. В своей предсмертной, самой глубокой по мысли работе он пишет страшные слова: «Ошибочно думать, что дьявол есть полюс, противоположный Богу. Полярно противоположный Богу полюс есть Бог же, другое лицо Бога — крайности сходятся. Дьявол, князь мира сего, укрывается в нейтральном.» (Н. Бердяев. Экзистенциальная диалектика Божественного и человеческого, Париж, Паламар, 1946 г.)

и евангелист Лука (Лк. 22 : 3). Последнее свидетельство очень для нас сейчас важно. Очевидно, состояние одержимости Иуды, готового предать своего учителя, *бросалось в глаза*. Но в таком случае, ни о каком его актёрстве не могло быть и речи. Апостолы увидели перед собой человекоорудие Гагтунгра, одержимого одной мыслью — оборвать деятельность Христа, и Христос, видевший Иуду насквозь, сказал ему: «Что делаешь, делай скорее» (Инн. 13 : 27).

Но ведь и защитники Иуды, следует признать, тоже, по-своему, правы, во всяком случае, правильно ставят проблему. Если Христос — Агнец Божий (агнец — жертвенное животное, его убиение угодно Богу), то кто-то, в самом деле, должен же Его заклать. Головоломка никак не складывается, заставляя обе стороны прибегать к натяжкам и умолчаниям.

Всё становится на свои места, если набраться мужества и преодолеть «долговременное устремление всех чувств души и тела» к учению о Христе как Агнце, замысленном Богом к закланию во искупление грехов рода человеческого. Если Христос явился не для того, чтобы быть распятым через три года после начала своего великого мессианского пути, а на долгую жизнь, на бессмертие, как утверждает Андреев, то с Иудой становится всё ясно. Он действительно орудие дьявола, с помощью которого в самом начале был прерван земной путь Христа и изменён весь ход человеческой истории.

«Трудно сказать, с какого момента земной жизни Иисуса в душе Его возникла тревога, сомнение в исполнимости Его миссии во всей её полноте. Но в последний период Его проповеднической деятельности всё отчётливее сквозит в Его словах — насколько мы знаем их по Евангелию — готовность к тому, что господин тёмных сил может оказаться временным, частичным победителем. Действительно, видимой формой такой частичной победы явились предательство Иуды и Голгофа. Субъективный мотив предательства Иуды заключается в том, что Христос Своим вочеловечением разрушил в душе Иуды еврейскую мечту о Мессии как о национальном царе, владыке мира. Эта мечта горячо пылала в сердце Иуды всю его жизнь до самого дня Его встречи с Иисусом, и её крушение было для него великой трагедией. В божественности Иисуса он не испытывал ни малейшего сомнения, и предательство явилось актом смертельной ненависти, отчётливо осознанным богоубийством. Тридцать сребренников, вообще мотив жадности был лишь наскоро

предпринятой маскировкой: не мог же он обнажать перед людьми истинных мотивов своего преступления! Именно характер этих истинных мотивов вызвал такую беспримерно тяжёлую форму кармического возмездия, какою было его ниспадение в Журщ» (РМ, 115).

Историческая Церковь — выходит так — недооценила мощь дьявола. Она приучала паству видеть деяния дьявола только в частном — в возбуждении в людях низменных инстинктов, страстей, ложных устремлений, в явлениях ведьм, колдунов и т.п. Дьявол — человекоубийца, но о том, чтобы он мог помешать Христу выполнить свою миссию на земле, не может быть и речи! Поэтому христианские церкви до сих пор пребывают в неведении того, сколь трагичны оказались для человечества последствия прерванности миссии Христа. Сама первая Церковь появилась как слабая тень того могучего всечеловеческого братства, которое непременно возникло бы на земле, если бы Христос до конца выполнил Свою миссию: «Образование церкви в человечестве, обременённом прежней самостью и не ограждённом от тёмных инспираций, не могло вызвать того стремительного прогресса — духовного и нравственного, который совершился бы, если бы Гагтунгр не оборвал жизнь Христа. Поэтому девятнадцать веков человечество двигалось по изломанному, зигзагообразному пути: он — равнодействующая между работой Провиденциальных сил и яростным воздействием Гагтунгра» (РМ, 116). Андреев говорит о том, что «христианские церкви в том прерванном, незавершённом виде, в каком они знакомы нам по истории, суть бледные, зачаточные, ограниченные и искажённые отображения Церкви Шаданакара, пребывающей в наивысших слоях» (РМ, 114).

Последнее свидетельство Андреева вполне согласуется с православным вероучением, которое говорит, что земными формами христианская Церковь не ограничивается — есть гораздо более совершенная и могущественная Небесная Церковь, являющаяся продолжением земной. Христианство расколото на православное, католическое, различные протестантские конфессии, множество сект. Разрушение некогда единого тела апостольской Церкви на соперничающие друг с другом части — явление, инспирированное Гагтунгром, и оно является одним из трагических результатов незавершённости миссии Христа на земле.

Так что же больше унижает Христа — то, что Его миссия была временно прервана могущественным противником, но продолжилась в запредельных мирах или что посланный спасти людей от истязаний

дьяволом от грядущих войн, революций, убийств, страшных болезней, технотронного апокалипсиса, от безжалостного механизма реинкарнаций, вновь и вновь возвращающего заблудшие души на землю для повторения прежних ошибок и т.д., Он дал Себя распять, оставив людям только учение?

Андреевское толкование мотивов предательства Иуды заслуживает, по правде сказать, отдельного серьёзного исследования, для которого нет места в этой книге. Однако несколько слов о нём сказать всё же необходимо. Не беда, что евангелисты не оставили нам прямых сведений, подтверждающих эту ошеломляющую гипотезу, и вообще крайне скупо осветили образ Иуды. Достаточно того, что общепринятое среди христиан понимание Иуды как примитивного, корыстолюбивого существа представляется далеко не очевидным и, пожалуй, поверхностным. Непонятно в таком случае, почему он стал заметной фигурой среди апостолов, почему у него были какие-то особые отношения с Христом (поцелуй Иуды), почему он, наконец, повесился после того, как совершил предательство, так и не воспользовавшись тридцатью сребрениками — суммой по тем временам внушительной. Толковая Библия считает самоубийство Иуды следствием его психической неполноценности, но такое предположение очень сомнительно и, пожалуй, компрометирует Христа.

А может быть, Иуда, в самом деле, был убеждённым националистом, как говорит о нём Андреев? Может быть, мы поверим современным еврейским националистам, даже не сомневающимся, что Иуда был яркой и оригинальной личностью? С этой точки зрения представляют интерес различные художественные интерпретации Иуды как яркой личности, например, фильм о Христе «Пустыня» режиссёра Михаила Каца. Далее будет показано, как поступок «примитивного» Иуды стал онтологической позицией средневекового талмудического иудаизма, определив на многие века историческую судьбу евреев. Иуда незримо вдохновляет современных националистов, всё ещё ожидающих «настоящего» мессию.

Пророчества Исаяи о Спасителе и Его судьбе

Серьёзным возражением против версии Андреева о прерванности миссии Христа могут быть пророчества о Нём, с замечательными подробностями изложенные в книге пророка Исаяи. В «Толковой

Библии» отмечается, что Исая с поразительной точностью предсказал основные моменты жизни и учительской деятельности будущего мессии. Вот они:

1. Мессия произойдёт от дома Давидова и будет рождён девственницей, то есть путём непорочного зачатия: «Тогда сказал Исая: слушайте же, дом Давидов... Итак, Сам Господь даст вам знамение: се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил.» (Ис. 7–14).

2. Но Он не будет царского рода, будет принадлежать к низшему классу и поэтому презираться многими: «Нет в Нем ни вида, ни величия; и мы видели Его, и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему. Он был презрен и умален перед людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лице свое. Он был презираем, и мы ни во что не ставили Его.» (Ис. 53:2, 3).

3. Мессия подвергнется страданиям и унижениям (что для ветхозаветных иудеев, ожидавших могущественного Мессию, царя, было абсурдом), но не потому что грешен, а потому что возьмёт на Себя грехи и немощи человеческие, чтобы спасти людей от неминуемого наказания Божия: «Но Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни, а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши, наказание мира нашего было на Нем и ранами Его мы исцелились.» (Ис. 53:4, 5).

4. Мессия — агнец, добровольно отдавший Себя в жертву Богу во искупление грехов избранного народа: «Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу,— и Господь возложил на Него грехи всех нас. Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, веден был на заклание, и, как агнец, предстригущими его безгласен, так Он не отверзал уст Своих... за преступления народа Моего претерпел казнь». (Ис. 53:6, 7, 8). «Но Господу угодно было поразить Его, и Он предал Его мучению; когда же душа Его принесет жертву умилостивления, Он узрит потомство долговечное, и воля Господня благоуспешно будет исполняться рукою Его... Он, Праведник, Раб Мой, оправдает многих и грехи их на Себе понесет.» (Ис. 53:10, 11).

Таким образом, представление о том, что Христос есть Агнец, задуманный самим Богом для заклания во искупление грехов человеческих, а точнее — грехов еврейского народа, впервые ясно и определённо высказаны Исаяей и отражают принижённый уровень ветхозаветного понимания Бога.

В связи с этим возникает следующий, рискованный, но неотвратимый вопрос. Поскольку единственным источником информации о земном пути Спасителя является Евангелие и поскольку авторитет Исаяи в глазах его авторов не подлежал ни малейшему сомнению, то кто теперь может сказать, в какой степени пророчества Исаяи повлияли на их восприятие и оценку событий, связанных с деяниями Христа? Во всех четырёх Евангелиях о распятии говорится как о сакральном акте, к которому почти торжественно готовится Иисус: «Он сказал: пойдите в город к такому-то и скажите ему: Учитель говорит: время Моё близко... Когда же настал вечер, Он возлёг с двенадцатью учениками; и когда они ели, сказал: истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня... и когда они ели, Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите: сие есть Тело Мое. И взяв чашу, и благодарив, подал им и сказал: пейте из неё, ибо сие есть Кровь Моя нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов» (Мтф. 26: 18, 20, 28).

Иисус предрекает тройное отречение от Него апостола Петра, говорит о Своём грядущем воскресении после смерти и т.д. Одним словом, евангельские тексты как бы построены во исполнение ветхозаветного пророчества о том, что Бог нуждается в принесении в жертву праведника, чтобы могло состояться искупление грехов еврейского народа. Разве не вызывает эту мысль такое, например, место в Евангелии от Марка: «Сыну человеческому, как написано о нём, *надлежит* много пострадать и быть унижену.» (Мрк. 9: 12)? Глагол «надлежит» выделен в тексте курсивом, подчёркивается, что в страданиях Христа нет ничего неожиданного, о них «написано». Весь цикл событий, связанных с добровольным самопожертвованием Христа, питием апостолами Его крови, претворённой в вино, ядением Его тела, преосуществлённого в хлебе, сакрализован в таинстве евхаристии христианской литургии. Глубоко верующий, воцерковлённый православный христианин не сомневается в том, что все до единого слова, произнесённые Христом в этих евангельских сценах, принадлежат лично Ему, что Евангелия суть точные свидетельства очевидцев, а не литературные произведения, построенные на воспоминаниях авторов или других источниках. Но даже если это так, то есть если допустить, что евангелисты с документальной точностью воспроизводят события, то спрашивается — как иначе мог вести себя Христос после того, как понял, что князь Тьмы не даст Ему выполнить свою миссию до конца?

Если мы примем версию Андреева, то вынуждены будем прийти к заключению, что Христос поступил абсолютно верно, избавив учеников от правды, которую их души ни при каких обстоятельствах не смогли бы вместить и потому *губительной* для Его дела. Ему не оставалось ничего другого, как подтвердить пророчества Исаии об испупительной жертве и тем самым вдохновить учеников на создание Церкви.

Косвенным свидетельством в пользу версии Андреева могут также послужить как бы нечаянно вырвавшиеся у Христа слова в Гефсиманском саду накануне *ожидаемой* Им казни: «И взяв с Собой Петра и обоих сыновей Зеведеевых, начал скорбеть и тосковать. Тогда говорит им Иисус: душа Моя скорбит смертельно, побудьте здесь и бодрствуйте со Мною» (Мф. 26 : 39).

Откуда эта смертельная, вырвавшаяся из души скорбь Спасителя-человека, нет, Богочеловека огромного мужества и беспредельной силы духа? Неужели это Христос, совершающий, согласно пророчествам, сакральный акт самопожертвования, абсолютно необходимый для спасения человечества, знающий о Своей высокой посмертной судьбе, мог в решительный момент смалодушничать, воскликнув: «Отче мой! Если возможно, да минует Меня чаша сия!» Неужели Он мог допустить, что священная жертва может быть отменена? Неужели мог оказаться в смертный час слабее душой, чем тысячи Его последователей в грядущих веках — христианских мучеников, претерпевавших от врагов ужасные пытки, но не просивших пощады? Церковь до сих пор не дала удовлетворительного объяснения этим загадочным и странным словам Спасителя. Толковая Библия комментирует их так: чаша, от которой Христос просил Отца избавить Его, была чашей грехов человеческих. Столь горька она оказалась, что даже Спаситель не выдержал и чуть не отрёкся от Своей миссии. Объяснение, согласимся, не слишком удачное и, пожалуй, нравственно сомнительное...

А, может быть, всё было проще и трагичнее? Смертельную тоску вызывала у Христа огромная, разрывающая Его душу тревога за судьбу оставляемого им человечества, Его собственного народа. Что делать Ему на земле, Он знал, знал Цель и имел духовные дары, необходимые для её достижения. С уверенностью говорил в начале Своего пути, что близится Царство Небесное, то есть власть Бога на земле

(Мтф. 4: 17), был полон оптимизма и энергии действия, о чём свидетельствуют многие евангельские сцены. Знал Он, конечно, и что произойдёт с людьми, если дело Его останется незавершённым, и эта-то мрачная перспектива потрясла Его душу. Из сцены в Гефсиманском саду видно, что Христос *потрясён* перспективой неизбежной смерти и утешает Себя только тем, что раз Бог попустил дьяволу прервать Его земной путь, значит, так надо, другого выхода нет: «...да минует Меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, но как Ты» (Мтф. 26: 39). Нет сомнения в том, что *эти* слова Христа, безусловно, подлинные, донесённые до нас без малейших искажений. Если бы Евангелие было только литературным, идеологическим произведением, как считают атеисты, то его авторам ни в коем случае не пришло бы в голову написать эту глубоко жизненную, глубоко трагическую сцену, звучащую резким диссонансом в торжественном сюжете жертвоприношения Агнца.

Необходимо специально остановиться на одном уязвимом месте версии о прерванности миссии Христа. Принятое без глубокого обдумывания, оно лишает мистического смысла крестные страдания Христа, с чем не согласится ни один настоящий христианин. Если смерть Христа была лишь делом рук дьявола, а Бог в ней не нуждался, то выходит, что Христос страдал бессмысленно. Поскольку такое допущение просто кощунственно, придётся поискать какое-то иное понимание искупительной жертвы, отличное от традиционного, приносящего Бога.

Мы без труда находим его в рамках мировоззрения «Розы Мира», признающего существование закона кармы. Да, скажем мы, всеблагой трансцендентный Бог, лишённый каких-либо человеческих качеств, которыми наделяет его Ветхий Завет, в искупительной жертве не нуждался. Но в ней нуждалось человечество, поскольку в нашем планетарном космосе действует неумолимый закон нравственных причин и следствий — закон кармы, по которому все нарушения нравственных законов должны быть оплачены страданиями. Тогда выражение «взял на Себя грехи наши, понёс немощи и болезни наши» означает тот великий мистический акт, когда Спаситель Своей мученической смертью снял с тогдашнего человечества колоссальную коллективную карму, заставлявшую бесконечно крутиться колесо перевоплощений. И тогда, действительно, спасение, то есть сохранение человеческой *личности* для вечной жизни превращается из зыбкой надежды в нечто безусловно возможное только для верующих в Христа. Если христианин в течение своей жизни не нажил

неискуплёнными грехами личную карму, не «погубил душу», то для него путь перевоплощений заканчивается. Выражаясь словами Андреева, Христос Своей смертью «разогнул железное кольцо кармы».

Загадка технологической цивилизации

И такая загадка тоже существует. Если технологическая цивилизация есть результат работы безличных исторических сил или социальных законов, то она должна была спонтанно возникнуть или хотя бы попытаться возникнуть где-нибудь ещё, кроме Европы, может быть, даже в какие-то иные эпохи. Нам, однако, известно, что технологическая цивилизация зародилась именно в Европе в эпоху становления капитализма и только гораздо позже, как нечто враждебное исторически сложившимся культурам, в основном через колониальную и военную экспансию, стала распространяться на американском континенте, на Востоке, в Азии, Африке. В масштабах исторического времени её развитие напоминает взрыв, эпицентром которого стала Европа, где к тому времени повсеместно господствовало христианство. Ни в одном другом культурном мире мы не обнаружим даже тенденции к переходу его в технологическую фазу и понятно почему. Машина потенциально враждебна любой культуре, выросшей на биосферных принципах существования. Можно даже говорить о мистическом страхе биосферной культуры перед Машиной. И животные тоже боятся машин. Всё живое боится машин. По этой простой причине технологическая цивилизация никак не могла возникнуть в результате органического развития биосферной культуры. Альберт Швейцер в своей монографии «Культура и этика» рассказывает следующую поучительную историю из книг китайского философа XI века Чжуан-цзы: «..когда ученик Конфуция увидел садовника, несущего воду для полива своих грядок, которую он каждый день доставал из колодца, спускаясь в него вместе с сосудом, он спросил его, не хочет ли он облегчить свою работу. “Каким образом?” — спросил садовник. Ученик Конфуция ответил: “Надо взять деревянный рычаг, передний конец которого легче, а другой тяжелее. Тогда можно легко черпать воду из колодца. Такой колодец называется колодцем с журавлём”. Садовник, который был мудрецом, сказал: “Я слышал, как мой учитель говорил, что если человек пользуется машиной, то он все дела

выполняет, как машина. У того, кто выполняет свои дела, как машина, образуется машинное сердце. Тот же, у кого в груди бьется машинное сердце, навсегда теряет чистую простоту”» (59).

Нет нужды понимать эту притчу как осуждение любых технических средств облегчения труда. В ней содержится предостережение о серьёзной опасности, которая грозит человеку, ставшему на путь машинной цивилизации. Машина не имеет чувств, она не знает жалости к живому. Не знает её и человек, попавший под власть машины.

Как же могло случиться, что такого человека путём постепенных духовных мутаций произвела именно христианская цивилизация? В самом кратком, тезисном, виде ответ на этот вопрос будет приблизительно таким. Средневековый католицизм, в отличие от прежних языческих религий, очень резко противопоставлял дух — плоти, мир горний — миру земному. «Дружба с миром есть вражда против Бога» — это сугубо христианское, католическое, но никак не языческое. Арифметическое понимание человека как суммы земного и небесного, из которой можно и должно вырвать земное, определило жёсткий характер средневековой католической идеологии и подготовило тем самым пришествие гуманистического мировоззрения. Гуманизм, как это приятно считать, явился реакцией на католическое насилие над человеком. Идеалом европейского средневековья долгое время был монах, подвижник, победивший в себе греховную плоть. Но акт, который могли произвести над собой отдельные, исключительные личности, оказался неосуществим в отношении всего широкого спектра личностей. Невозможно представить всех людей на земле отрёкшимися от чувственных радостей. И в некоторый исторический момент маятник пошёл в другую сторону. На этом новом пути, отрицавшем старый, место Бога постепенно занял человек, равнодушие к природе сменилось идеей её покорения, плотские радости стали преобладать над духовными. На этом пути человеку для полного самоутверждения потребовался капитализм, а капитализму — Машина.

Если следовать каноническим представлениям о миссии Христа и Его отношении к миру («Царствие моё не от мира сего»), то получится нечто абсурдное: разрушительную программу заложил в учение сам Спаситель, хотя обнаружилось это только спустя пятнадцать-двадцать веков. Поскольку такая возможность должна быть исключена полностью, то остаётся сделать вывод, что миссия Христа заключалась в чём-то другом, нежели обетование Царства Небесно-

го, противопоставленного греховному царству земному. Она заключалась в наставлении человечества на путь, исключавший трагический разрыв между земным и небесным, а значит, — и перевернувшую Европу философию гуманизма, и капитализм, и коммунизм, и всю нынешнюю природоразрушительную цивилизацию. Вот что пишет по этому поводу Даниил Андреев:

«Недовершённость миссии Христа сказывается и в том, что материальное начало в природе и плотское в человеке не дождалось предназначенного им просветления во всеобщих масштабах, а не в одном только в естестве Самого Христа. И, оставшись непросветлёнными, они были выброшены христианской церковью за пределы того, что обнималось ею, что ею принималось и благословлялось. Таинство крещения и причащения отрезали неопита от языческого оправдания самодовлеющего плотского начала; никакого же иного осмысления, высшего, не давалось. Эта аскетическая тенденция христианства, едва смягчённая компромиссным институтом таинства бракосочетания, эта поляризация понятий “духа и плоти”, которую влекло за собой христианство во всех охваченных им культурах и которая привела в конце концов к безрелигиозной эре цивилизации, — всё это было не простой случайностью или хотя бы явлением только исторического плана. Напротив, в этом отразилась особенность, свойственная христианству в его метаисторической судьбе, — особенность, предопределённая именно оборванностью миссии Христа в Энрофе» (РМ, 116). Безрелигиозная эра цивилизации — это есть эра абсолютного господства на планете Машины и деформированной ею человеческой психологии.

Что же следует из всех этих умозаключений? Если только Даниил Андреев не безумец, болтающий вздор, — а такое обвинение, от кого бы оно ни исходило, не может быть подкреплено ни единым серьёзным аргументом, — если он также не человекоорудие Гагтунгра — это предположение ещё более нелепо, то 2000 лет назад в Палестине произошёл мистический акт, равнозначный появлению на земле человека или даже сотворению биосферы. Планетарный Логос Шаданакара «предпринял попытку» коренным образом изменить положение человека на земле, вырвать его из лап Гагтунгра. Сошлись в великом противостоянии два полюса Шаданакара — полюс Божественного Света и полюс Тьмы. Сила Гагтунгра в пределах нашего физического слоя оказалась в те времена больше силы Планетарного Логоса, и настоящее освобождение не состоялось. Начиная с этого момента,

мировая история совершалась под знаком христианства, которое и явилось-то как вынужденная, слабая замена несостоявшегося Царства Божия на земле. Возникла религия ожидания Второго Пришествия Спасителя и Страшного Суда. Сбывающиеся на наших глазах пророчества Христа и Иоанна яснее ясного доказывают, что нынешний кризис цивилизации определили не буддизм, ламаизм или индуизм, а «изломанный зигзагообразный путь исторического христианства». И окончательное освобождение человечества от демонических сил будет совершено Христом в Его Второе Пришествие.

Загадка Благой Вести

До сих пор среди христиан не достигнута полная ясность по главному вопросу — в чём всё-таки состояла миссия Христа на земле? Что нового пришёл сказать или сделать Он, чего до него не говорил и не делал никто?

Православие учит, что Христос, в конечном счёте, приходил для того, чтобы основать на земле Церковь, с помощью которой только и возможно стяжать вечную жизнь — создать, так сказать, учреждение, обладающее исключительной прерогативой на спасение человеческих душ. Православная Церковь — это мистическое тело Христово и *единственные*, «узкие», врата в вечную жизнь. Только православный, воцерковлённый человек получает реальную возможность спастись. Из современных ортодоксов с большой силой выразил эту идеологию в своём творчестве о. Серафим Роуз. Тем не менее, такое понимание миссии Христа может быть верным лишь частично. Не отрицая огромной заслуги Православной Церкви в воспитании человеческих душ, не отрицая того факта, что она действительно спасает всех нравственных, воцерковлённых людей, мы всё же не можем допустить, что все нравственные, но не воцерковлённые люди попадают в ад. В Евангелиях Христос говорит только о личном свободном выборе Его пути как условия спасения личности, но ничего не говорит о Церкви как организации, вне которой спастись невозможно.

Широко распространено убеждение, что Христос — утешитель. в этом, де, состояла Его миссия. Он пришёл именем Отца Своего сказать людям, что царство Его не от мира сего, насквозь поражённого злом, что вечная жизнь возможна только после смерти и воскресения

ния («нужно умереть, чтобы воскреснуть»). При таком понимании миссии Христа не может быть, конечно, и речи о том, что Он мог явиться с целью кардинально изменить, преобразить «мир сей». Христос не социалист и не революционер, чтобы заниматься устройением царства справедливости на земле.

Это умонастроение особенно характерно опять же для православных. Православный человек ни за что не поверит в возможность устройства царства справедливости на земле в историческом времени и имеет на то полные основания. Он ждёт Второго Пришествия, которое положит конец греховному миру. Тогда воскреснут мёртвые, будет Страшный Суд и совершится мистический акт преображения мира. Поэтому многие православные так и понимают миссию Христа — Он пришёл сказать, что спасение от смерти возможно, и дал учение о том, как надо жить, чтобы спастись. О вере в великое чудо спасения глаголет заключительное слово православного символа веры: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века».

Убеждение в том, что миссия Христа состояла в Благой Вести о воскресении мёртвых, составляет отличительную, ярчайшую черту русского православного сознания. Оно столь глубоко вошло в русскую культуру, что в XIX веке породило оригинальную, нигде более не возможную, философию воскрешения Н.Ф. Фёдорова. В эпизодах воскрешения Лазаря и других чудесах Христа Фёдоров, чудесами их не считавший, усмотрел прямое указание Бога на то, что объединённое человечество во вселенских масштабах через познание законов природы и труд должно совершить акт воскрешения мёртвых.

Убеждение в том, что Христос пришёл исключительно для того, чтобы Своим примером подвигнуть человечество на борьбу со смертью, было у Фёдорова столь велико, что он утратил понимание границы между божественными и человеческими возможностями, которая всё-таки существует. Воскресить только что умершего человека для продолжения прерванной на земле жизни и воскресить всё человечество от Адама и Евы — задачи, совершенно несопоставимые по сложности. Первое достигается действительно естественными средствами, на которые только и уповал Фёдоров, второе встречает совершенно непреодолимые трудности, притом не только и не столько «технического характера». Достаточно сказать, что для народов, избравших путь реинкарнаций, воскресение во плоти есть совершенно невообразимый абсурд, а они составляют огромную часть

исторического человечества — тех самых «отцов», которых всех подряд без разбора призывал воскрешать Фёдоров.

Воскресение мёртвых вряд ли можно считать Благой Вестью хотя бы потому, что в ней для древних иудеев не было ничего нового. В воскресение иудеи верили и до Христа. Христос, заметим, нигде в Евангелиях не подчёркивает, что пришёл сказать новую весть о том, что мёртвые воскреснут. Отвечая на вопросы учеников, Он, в сущности, лишь подтверждает завещанную пророками древнюю веру в воскресение мёртвых. Он ни слова не говорит о воскресении ни в Нагорной Проповеди (Мтф. 5), ни в беседе с народом у Галилейского озера о Царствии Небесном и путях к нему (Мтф. 13). Последний эпизод, пожалуй, наоборот, подтверждает андеевское понимание миссии Христа. Воскресение мёртвых есть, таким образом, одна из догматических истин эсхатологического христианства, воспринятая им от Ветхого Завета, и в таком качестве благой вестью быть не может. Да, мёртвые воскреснут (если они при жизни верили в воскресение), но не для того, чтобы сказать об этом, Бог воплотился в человека, не в этом заключается миссия Христа.

Евангелие не имеет ничего общего с идеологией, где всё ясно и понятно. Евангельские тексты многомерны и многозначны. Евангелисты описывают земной путь Христа, нигде чётко не формулируя, в чём состояла Его миссия. Это обстоятельство давало повод разным мыслителям по-разному истолковывать Благою Весть Христа. Между тем от понимания миссии Христа непосредственным образом зависит и понимание миссии человечества, коль скоро Бог послал Сына Своего всему человечеству, а не одним только евреям.

Лев Толстой, например, считал, что Христос явился для того, чтобы дать универсальное решение проблемы зла — не отвечать ни при каких обстоятельствах насилием на насилие. Если все люди будут так поступать, проповедовал Лев Николаевич, то зло утратит свою силу, и на земле наступит Царство Божие (заметим, кстати, что толстовское понимание миссии Христа в точности совпадает с андеевским!). Отсюда самоубийственная мораль толстовцев — терпеть любое насилие, любое надругательство со стороны врагов. Можно вообразить, что произошло бы с Россией, если бы русские ещё во времена Киевской Руси стали толстовцами...

Рерихи видели в Христе одного из «великих посвящённых», выдающегося учителя этики, посланника Шамбалы — то есть явление далеко не уникальное. Естественно поэтому исключительное упова-

ние Рерихов на этическую проповедь, убеждение, что и после Христа могут появиться равновеликие личности, которые создадут более совершенные этические системы, чем христианство. Кажется, к такому, без ложной скромности, причисляли себя они сами, коль создали «Живую Этику» — произведение, написанное нарочито высокопарным слогом, как бы новое Евангелие, явившееся заменить старое.

Но и рериховская утопия не выдержала испытания временем. Рерихи, например, жестоко ошиблись в оценке большевистской диктатуры и личности Ленина, которого приняли за посланника Сил Света, равного по масштабам Христу, присвоив ему даже почётное звание «махатмы»¹. Живая Этика интересна частностями, но как учение, предназначенное быть принятым *всеми* народами, критики не выдерживает. Отменить апокалипсис, открыв человечеству путь бесконечного прогресса, Рерихам не удалось.

Приведённые примеры (а их может быть больше) показывают, что миссия Христа не исчерпывается каким-то одним из эпизодов Его многогранной деятельности или каким-то отдельным Его высказыванием. К этой мысли приходят некоторые современные христианские богословы, и весьма знаменательно, что итогом её обдумывания становятся обобщения, косвенно подтверждающие версию Андреева о прерванности миссии Христа. Так, протестантский теолог Рудольф Бультман в своей фундаментальной работе «Иисус» поставил задачу на основе анализа новозаветных текстов показать, что Христос пришёл для утверждения владычества Бога на земле, то есть для создания на земле Царства Божия: «Нет сомнения, что Иисус вместе со своими современниками ожидал грандиозной эсхатологической драмы. Тогда явится “Сын Человеческий” (этот образ Небесного Мессии в апокалиптических чаяниях позднего иудаизма фактически вытеснил старый мессинский образ царя Давида и слился с ним). Тогда воскреснут мёртвые,

¹ Широко известно, что в 1926 г. Н.К.Рерих привёз советскому правительству так называемое «послание махатм», исполненное вражды к самодержавной России и веры в Россию большевистскую. В нём есть такие, например, строки: «Вы признали, что религия есть учение всеобъемлемости материи. Вы признали ничтожность личной собственности. Вы угадали эволюцию общины... Вы преклонились перед красотой. Вы принесли детям мощь космоса. Вы открыли двери дворцов... посылаем Вам всю нашу помощь, утверждая единение Азии! Знаем, многие построения совершатся в годах 28–31–36. Привет Вам, ищущим общего блага!» Иначе как курьёз воспринимать этот документ сейчас невозможно. Известно также, что на обратном пути Н.К. едва не был схвачен ЧК, но, предупреждённый друзьями, успел покинуть Россию.

тогда начнётся Суд, и одним будет открыто небесное блаженство, другие же будут низвергнуты в ад, где плач и скрежет зубовой».

Бультман в своих исследованиях исходит из известной протестантской концепции о литературной природе Евангелия. Она объявляет наивными традиционные представления о Евангелиях как воспоминаниях апостолов и исторических документах, считая, что образ Спасителя создан евангелистами как на основе подлинных Его слов и поступков, так и тех, которые приписала Ему первохристианская община. Эта гипотеза, заметим, отнюдь не лишает Евангелие статуса Слова Божьего, так как при написании текстов евангелисты, конечно же, вдохновлялись свыше, а не занимались сочинительством.

Тем более интересно наблюдать, как тщательный анализ евангельских текстов, сделанный Бультманом, приводит его к выводу, что Христос действительно послан для того, чтобы «низвести небо на землю» — установить на ней владычество Бога. Христос, по Бультману, пришёл не с педагогической целью, а с реально-практической. Он предложил людям выбор — следовать за Ним во имя создания Царствия Божия на земле или же остаться духовными мертвецами.

Столь же чужд ортодоксальному взгляд на миссию Христа другого современного богослова, протоиерея Александра Шмемана. Шмеман говорит, что, в глубоком смысле, христианство означает конец религии, так как религия появляется там, где мир отчуждён от Бога: «Ибо религия нужна там, где существует непроходимая преграда между Богом и человеком. Но Богочеловек Иисус Христос разрушил эту стену, ибо возвратил и даровал нам не новую “религию”, а новую жизнь. В раннехристианский период эта свобода Церкви от “религии” в обычном смысле этого слова давала язычникам повод обвинять христиан в атеизме». В другом месте своей книги автор прямо говорит о том, что *убийство* Христа сделало невозможным создание Царства Божия на земле: «В “мире сем” Христос был отвергнут. Он был совершенным явлением жизни, какой замысливал её Бог. В Нём была собрана воедино раздробленная жизнь мира, но мир отверг и убил Его. И в этом убийстве умер сам, ибо потерял последнюю возможность стать тем, чем сотворил Его Бог — то есть *Раем*. И хотя люди продолжают “верить в прогресс”, в возможность бесконечного улучшения жизни, во всевозможные “строительства” отвержение миром Христа означало конец его».

Новая жизнь на путях прогресса никак не получается. Не создала её и Православная Церковь, так как не сумела собрать в единое мистиче-

ское тело всё человечество, но нет в том вины ни человечества, ни Церкви. Андреев даёт замечательное по глубине, простоте и убедительности объяснение драмы исторического христианства. Что может противопоставить ему Церковь, кроме обличения бесчисленных врагов своих и «заблуждений» иных вер? Как будто можно представить иную, счастливую судьбу христианства на планете, оккупированной Князем Тьмы. Повсеместное, всепланетное утверждение православного или католического христианства как *религии*, призванной заменить все остальные религии, невозможно, потому что не в этом состояла миссия Христа...

Второе распятие Христа

Если распятие Христа было необходимым актом божественного сценария, без которого христианская Церковь не состоялась бы, если ничего на земле не происходит без на то воли Божьей, то естественно усмотреть высший смысл и во «втором распятии Христа», началом сразу же после Его крестной смерти и затянувшимся уже на два тысячелетия.

Разумеющий знает, о чём идёт речь — об уникальном народе, которому «попущением Божьим» было разрешено отрицать Христа как лжемессию и при этом не только не погибнуть, но пройдя через многие испытания, сохранить в нерушимости свою веру, умножиться числом и дожить до эпохи глубокого кризиса христианства, словно бы подтверждающего правильность его онтологического выбора. Речь идёт о талмудических евреях и их феноменальном историческом споре с христианами, которому до сих пор не дано ясной и непротиворечивой оценки в христианской литературе. Речь идёт о многосложной богословской, этнической, психологической загадке мировой истории.

Это действительно великая загадка, как бы ни хотелось кому-то упростить или замолчать её. Если бы Христос был лжемессией, его учение не выдержало бы испытания временем, как это случилось в истории со всеми без исключения лжеучениями — от гностицизма и манихейства до марксизма и национал-социализма. Нужно ли долго объяснять, что христианство при всех его противоречиях, церковных раздорах, демонических искажениях в истории, безусловно, состоялось? Оно было принято огромным числом разных народов, духовно обогатило и облагородило их. Евангельская система ценностей

оказала глубокое положительное воздействие на национальные культуры: литература, живопись, архитектура, музыка, фольклор, политика, экономика, этика и т.д. У христианских народов приобрели свои специфические признаки, благодаря которым возникла и пока ещё существует *de facto* суперэтническая система под названием «христианский мир». Мы знаем, каким страшным потрясениям подвергались христианские народы, пытавшиеся уйти от Христа. Наиболее яркие примеры — Россия и Германия в XX веке...

Всё это наилучшим образом доказывает ошибочность талмудического тезиса о том, что Христос был шарлатаном, лжемессией. Он действительно был Сыном Божиим.

Тем более загадочно, что евреев, давших миру Христа, их многовековое христорбчество не только не погубило, но как бы во исполнение ветхозаветных пророчеств, подняло в XX веке на небывалую в истории высоту. Богоизбранный народ? Охранявшийся Богом специально для того, чтобы на протяжении двух тысячелетий упорно и последовательно отрицать Его Сына и в итоге быть вознаграждённым? Что могут сказать на это христианские богословы?

Иуда, предав Христа, повесился. В его самоубийстве христианское нравственное сознание усматривает суд Божий. Но, по той же религиозной логике, народ, распявший Христа, разгромленный вскоре после того римлянами и рассеянный ими по всему свету, должен был бы в короткое историческое время раствориться в других народах. Ведь именно с этой целью (хотя и совсем по другим причинам) римляне и подвергли евреев рассеянию — акции, уже применявшейся ими раньше по отношению к особенно непокорным народам и всегда приводившей к однозначному результату.

Однако на евреев эта акция не оказала должного воздействия. Евреи и в рассеянии, полностью лишившись родины, сумели сохранить единство своего национального тела. Как же это им удалось? Тут-то и скрывается самая главная загадка. Дело в том, что евреи сумели сохраниться исключительно лишь благодаря энергичной и организованной деятельности своей «интеллигенции» — касте жрецов, всегда имевшей большой авторитет в народе. Еврейское священство, предавшее Христа смерти, не только впоследствии не раскаялось в содеянном преступлении, но даже не считало его преступлением или хотя бы судебной ошибкой. Поэтому с первых же шагов христианства священники делали всё возможное, чтобы оградить народ от влияния христиан. В сина-

гогах проповедовалось, что Иешуа — самозванец, сын римского солдата и проститутки, что казнён за оскорбление Бога и обман народа, что его воскресение — глупая выдумка его учеников и т.д. Одновременно велась тайная война с первохристианскими общинами — о них распускались нелепые слухи, их компрометировали в глазах властей, объявляя врагами государства. Описания различных эпизодов этой войны можно встретить в христианской литературе эпохи становления Церкви.

Вера в Распятого, тем не менее, неуклонно распространялась, проникая в самые отдалённые уголки империи, побеждая души людей самых разных наций и сословий (а не только евреев и не только рабов). Это, тем не менее, нисколько не смутило духовных вождей иудаизма, напротив — ещё больше ожесточило против неё. Их взгляды на Бога, Мессию-избавителя и историческую задачу еврейского народа были абсолютно несовместимы с христианским учением. Согласно этим взглядам, берущим своё начало из наиболее сомнительных, шовинистических «откровений» Ветхого Завета (сомнительна их принадлежность Богу), евреи — особый, лучший на земле народ, которому Господь обещал власть над всеми другими народами. Успех христианства объяснялся очень просто — духовной и умственной неполноценностью «гоев» (неевреев), неспособных отличить истину от лжи. В синагогах народ убеждали, что когда-нибудь придёт истинный Мессия, христианская церковь рухнет и исполнятся древние пророчества. В перевёрнутом мире раввинистической идеологии христианство, таким образом, выглядело как временная, исторически обречённая власть сил Тьмы.

Вот эта-то, постоянно внедрявшаяся в сознание еврейских масс оборонная идеология и помогала нации сохраняться во времени. Величайшее национальное самомнение и органическая ненависть к Христу стали важными «сопутствующими» признаками талмудического иудаизма, в таком сочетании ненаблюдаемыми более ни у одного народа и ни у одной идеологии. Соответствующие книги Талмуда культивировали в еврейях диаспоры двойную мораль, учившую, что нравственные нормы, принятые среди избранного народа, не распространяются на другие, «неполноценные», народы. Талмуд называл неевреев скотом с человеческим лицами, позволял обманывать и эксплуатировать «гоев», наживая на них деньги любыми способами.

Еврейские вожди, разумеется, не афишировали эту мораль и даже публично иногда отвергали её как клеветническую выдумку антисемитов. Но она постоянно обнаруживалась в практике общения евреев

с другими народами и была одной из причин антисемитизма, рано или поздно возникшего практически во всех странах, где появлялись евреи. Сионисты, усиленно эксплуатируя тему еврейских погромов, хранят, однако, гробовое молчание по поводу этой главной их причины. Почему-то до нас не дошли сведения о хронических погромных настроениях в отношении немцев, русских, украинцев, поляков и других наций, оказавшихся в положении национальных меньшинств в тех или иных государствах. Почему? Да потому, очевидно, что у них не было чего-либо подобного талмудическому расизму. Вот как формулирует идеологию еврейского государства в государстве Достоевский: «Выйди из народов и составь свою особь и знай, что с сих пор ты *едину Бога*, остальных истреби, или в рабов обрати, или эксплуатируй. Верь в победу над всем миром, верь, что всё покорится тебе. Строго всем гнушайся и ни с кем в быту не сообщайся. И даже когда лишишься земли своей, политической личности своей, даже когда рассеян будешь по лицу всей земли, между всеми народами — всё равно, верь тому, что всё сбудется, а пока живи, гнушайся, единись и эксплуатируй и — ожидай, ожидай...».

Отрицание целым народом величайшего из людей, Богочеловека, чьё божественное, или, можно теперь сказать, Провиденциальное происхождение было подтверждено Его чудесным воскресением, а позже — могучим облагораживающим воздействием Его учения на человеческую природу, — это упорное и осознанное отрицание, не повлекшее за собой серьёзных последствий для евреев, есть феномен мировой истории, рационально необъяснимый. Можно понять, почему евреи не были физически истреблены христианами. Препятствием тому явилась евангельская мораль, сильно сдерживавшая погромные настроения — это доказывается всей дохристианской историей (в том числе и историей самих евреев), изобилующей случаями геноцида. Но почему евреи хотя бы не выродились или не были полностью ассимилированы другими народами?

Еврейская религиозная элита — сначала фарисеи и книжники, затем кочующий талмудический Центр — совершила нечто фантастическое. Они сохранили в рассеянии духовную власть над многочисленными еврейскими общинами-гетто, находившимися в разных странах, подчинили через местное духовенство жизнь их обитателей жёстким регламентациям Талмуда и провели евреев сквозь века, как некогда Моисей провёл их предков из Египта в Палестину, сохранив как единую, чуждую христианству силу.

Известны обстоятельства, благодаря которым им удалось решить эту задачу. Это, прежде всего, атмосфера сурового осуждения отступников от Закона, порождённая оборонной психологией. Еврей-выкрест считался преступником, его близкие родственники совершали по нему траурные обряды, как по покойнику. Он лишался всякой поддержки со стороны общины, а если выступал с разоблачениями против иудаизма, то его предавали проклятью, могли разорить, довести до самоубийства и даже убить.

И всё же остаётся непонятной глубинная природа той железной воли, которая обеспечивала чёткую преемственность от поколения к поколению христоненавистнической идеологии и сохранность её народа-носителя. Напрасно было бы искать в истории хотя бы ещё один пример такого рода, чтобы сделать какие-то обобщения. Его просто нет. По законам человеческой природы система, осуществляющая жесточайший контроль над личностью, внутренне конфликтная (в еврейских гетто одним из острейших был конфликт между тонким слоем богатых людей и массой бедного люда) и в то же время лишённая надёжно охраняемых границ («железного занавеса»), не может устойчиво существовать внутри более обширной и более свободной системы. Её финал — либо постепенная ассимиляция, либо биологическое вырождение в результате длительной самоизоляции. Та и другая опасности, будучи вполне реальными, никогда не достигали у евреев катастрофических размеров, и здесь начинается область чистой мистики. Какая-то явно сверхчеловеческая сила на протяжении многих веков держала евреев в гетто с помощью Талмуда и, вместе с тем, в обход Талмуда, принимала меры к тому, чтобы не началось биологическое вырождение еврейского народа, заботилась о сохранении его численности.

Опасность биологического вырождения парадоксальным образом устранялась с помощью *частичной* ассимиляции, спасавшей евреев и от вырождения, и от полной ассимиляции. Несмотря на строжайший запрет Талмуда, на проклятья и слёзы близких родственников, некоторые евреи и еврейки вступали в браки с гоями. При этом они вынуждены были отречься от иудаизма и принимать другую веру. Но рождавшиеся от смешанных браков дети и внуки очень часто вновь вступали в брак с евреями, и таким образом оторвавшаяся от еврейства часть его «плоти» через одно-два поколения возвращалась в родное лоно. В результате за счёт других народов освежался генофонд еврейства при одновременном сохранении его численности и специфического менталитета.

Этот уникальный биологический механизм, основанный на явно мистическом «голосе крови», действовал среди евреев с древнейших времён. Приведём соответствующие выдержки из книги сиониста Бернарда Лазара: «Во время вавилонского плена, как говорит Маймонид, евреи смешивались со всеми чужими нациями и имели детей, которые создавали, благодаря этим бракам, своего рода вавилонское столпотворение... По всей Европе евреи вербовали прозелитов, обновляя свою кровь примесью новой крови... Таким образом, еврейская нация, изображаемая как евреями, так и антисемитами как наиболее неприступная, наиболее однородная из наций, в действительности является очень разнородной».

Таким удивительным образом евреи убереглись от полной ассилиации даже в XX веке, когда (по данным А. Флегона и Ю. Наумова) число смешанных браков между евреями и неевреями доходило в США до 1/3, а в СССР — до 2/3 всех еврейских браков.

Другим, не менее замечательным следствием работы названного механизма стало великое разнообразие физиономических и телесных типов евреев, при сохранении у большинства из них некоего психологического единообразия, позволявшего им в условиях диаспоры легко находить контакт друг с другом. Мы не слишком ошибёмся, если скажем, что современных евреев, утративших прежний, строго нормированный Талмудом религиозный строй жизни, уже нельзя в чистом виде считать нацией. Еврея без Бога представить невозможно, говорил Достоевский. Это как бы человечество в человечестве, продолжающее сохранять чувство внутреннего, психологического родства, несмотря на принадлежность к разным государствам, социальным системам и культурам. В XIX–XX веках, когда после разрушения гетто произошли резкое ослабление позиций иудаизма среди евреев и даже массовый уход их в атеизм, особенно ясно обнаружилась мистика «еврейского человечества». У любого народа отречение от веры отцов ведёт либо к глубокому его духовному перерождению, например, в «советского человека», к кардинальной ломке национального характера, либо прямо — к вырождению и гибели. Сверхъестественная цементирующая сила религий общеизвестна. Религиозное единомыслие делает братьями людей разных классов, наций и даже рас — различие же в вероисповедании способно сделать смертельными врагами даже единоутробных братьев. И только евреи без существенного ущерба сумели перенести разрушение своей религии — не вы-

родились, не спились, сохранили семью, не утратили своих традиционных психологических качеств, позволяющих им успешно выживать в меняющемся мире. Из последних самым, быть может, поразительным и чуждым для народов, прошедших школу христианства, является глубоко врождённый национализм, побуждающий евреев держаться друг друга и помогать друг другу. История не знает более органичной и стойкой формы национализма, чем еврейский. Именно этот парадоксальный национализм, способный существовать вне нации в её классическом понимании, следует считать главной причиной известных успехов, достигнутых евреями в нашу материалистическую эпоху. И вот, самое интересное, что можно сказать об этих успехах. В них обнаружилась ярко выраженная антихристианская доминанта, сводящая к минимуму то положительное и ценное, что вносили и вносят отдельные ассимилированные евреи в различных сферах деятельности (медицине, музыке, инженерии и т.д.).

Говорить на эту тему в конце XX века в стране, где целые поколения сформировались вне христианской системы ценностей, весьма затруднительно. Поэтому вернёмся на сто лет назад, когда христианское сознание остро ощущало вторжение в культуру новой, глубоко чуждой ему духовной силы.

Отто Вейнингер, еврей-выкрест, которому вполне можно доверять в этом вопросе, очень хорошо, как христианин, прочувствовал чувственно-плотскую, грубую энергию талмудического еврейства, неуклонно разливавшуюся в христианских обществах XIX века. В своей монографии «Пол и характер» он рисует картину мощного влияния освобождённого еврейского духа на науку, искусство, музыку, мистику, церковь. Приведём несколько извлечений из его труда, рисующих часть этой картины: «По тем же причинам у евреев отсутствует, как вполне верно доказал Г.С. Чемберлен, истинная мистика, у них есть только безрассудное дикое суеверие и истолковательная магия... Высокомерие по отношению к вещам, неспособность видеть или только предчувствовать в них символы чего-то таинственного и более глубокого... всё это ведёт к еврейской, материалистической форме науки, которая, к сожалению, заняла в настоящее время господствующее положение... Если согласиться с единственно правильным толкованием сущности еврейства и видеть в ней определённую идею, к которой в большей или меньшей степени причастен каждый ариец, тогда замена "истории материализма" заглавием "сущность

еврейства” уже не должна вызывать резких возражений. “Еврейство в музыке” было рассмотрено Вагнером, о еврействе в науке мне придётся ещё сделать несколько замечаний. Под еврейством в самом широком смысле следует понимать то направление, которое видит в науке средство и определённые цели — изгнать всё трансцендентное... Еврей не испытывает страха перед тайнами, так как он их нигде не чувствует. Представить мир, возможно, более плоским и обыкновенным — вот центральный пункт всех научных устремлений еврея... Евреи всегда были особенно предрасположены к механистическо-материалистическому миропониманию. Они были самыми яркими последователями дарвинизма, этой смешной и забавной теории о происхождении человека от обезьяны, они явились чуть ли не творцами и основателями той экономической точки зрения на человечество, которая совершенно отрицает дух как творческую силу развития человеческого рода... Современное направление медицины, в которую евреи устремляются целыми массами, несомненно, вызвано широким влиянием на неё духа еврейства. Во все времена, начиная с дикарей и кончая современным движением в сторону естественных методов лечения, от которого евреи, что весьма знаменательно, всегда держались в стороне, искусство лечения содержало в себе нечто религиозное, врач был священнослужителем. Исключительно *химическое* направление в медицине — это именно и есть еврейство».

А теперь познакомимся с критическими высказываниями в адрес талмудического еврейства двух русских гениев — В.В.Розанова и Ф.М.Достоевского. Мнение их тем более интересно, что эксцентричный Розанов известен своими высокими оценками Талмуда и убийственной критикой христианства, моральный же авторитет Достоевского в защите не нуждается.

Розанов:

«Перед нами, русскими, да и перед всею Европою, раскрылись прямо национальные ужасы юдаизма, например, в этом знаменитом учении о “гоях”. Мальчику и девочке... родители внушают, раввин внушает... что русские и французы — все вообще “нечисты” до такой степени, что есть с ними из одной тарелки то же, что есть из одной плошки с собакой или кошкой; европейцы — это даже не люди, а животные... Это — точные, запечатлённые во всех рукописях и бесчисленных печатных экземплярах Талмуда положения, параграфы, законы, принципы... Никогда подобного чудовищного учения не знала ни

одна нация в мире!.. Скрывая или оставляя в тени тот факт, что сами евреи воистину поклоняются Молоху своего национализма... евреи в то же время унижают, высмеивают и всячески выедают народное чувство, сознание своей истории и государственную гордость у французов, у немцев, у русских. В особенности как деятели литературы, как мелкие журналисты и газетные сотрудники, не выдающиеся талантом, но подавляющие числом... — они выступают постоянно со своим смехом над “национальными предрассудками”, умалчивая о “кошерном мясе” своей нации... Можно ли говорить о каком-нибудь “мирном сожительстве” с подобным народом? Та “гармония”, к которой стремится всемирная история, с евреями всегда какофония...».

Достоевский:

«Жид и банк — господин теперь всему: и Европе, и просвещению, и социализму. Социализму особенно, ибо им он с корнем вырвет христианство и его цивилизацию. И когда останется лишь одно безначалие, тут жид и станет во главе всего. Ибо, проповедуя социализм, он останется меж собой в единении, а когда погибнет всё богатство Европы, останется банк жида. Антихрист придёт и станет на безначалии» (Дневники, 1880–1881). «...наверно, нет в целом мире другого народа, который бы столько жаловался на судьбу свою, поминутно, за каждым шагом и словом своим, на своё принижение, на своё страдание, на своё мученичество. Подумаешь, не они царят в Европе, не они управляют там биржами хотя бы только, а стало быть, политикой, внутренними делами. ...Еврей предлагает посредничество, торгует чужим трудом. Капитал есть накопленный труд; еврей любит торговать чужим трудом!... верхушка евреев воцаряется над человечеством всесильнее и тверже и стремится дать миру свой облик и свою суть. Евреи всё кричат, что есть же и между ними хорошие люди. О боже! Да разве в этом дело? Да и вовсе мы не о хороших или дурных людях теперь говорим. И разве между теми нет тоже хороших людей? Разве покойный парижский Джеймс Ротшильд был дурной человек? Мы говорим о целом и об идее его, мы говорим о *жидовстве* и об идее *жидовской*, охватывающей весь мир вместо “неудавшегося” христианства» (Дневники 1887 г.).

Гении потому и гении, что способны видеть сокровенную суть явлений... Обозревая картину различных социальных и культурных тенденций последних двух веков, в большей или меньшей степени разрушительных для тех духовно-нравственных начал, на которых воздвигся христианский мир, мы очень часто обнаруживаем в первых

рядах лиц еврейского происхождения, как правило, ушедших от иудаизма и не придающих значения своей национальной принадлежности. И везде они действуют искренне, с большим энтузиазмом и с большим социальным эффектом. Приведём несколько наиболее ярких примеров... Еврейские имена мы встречаем среди ведущих ваятелей Золотого Тельца, перед которым ныне стоит на коленях весь бывший христианский мир. Это Ротшильд, Лимэн, Валленбург, Опенгеймер, Кун. Список можно продолжать долго.

И материалист Зигмунд Фрейд, которого Марина Цветаева называла «своим личным врагом», прямо-таки растоптавший божественное достоинство человека в своих произведениях, был евреем. И большинство лидеров мирового коммунистического движения были евреями. Евреями были и пламенный проповедник атеизма в большевистской России Емельян Ярославский, и палачи-комиссары из Одесской ЧК, и многие начальники сталинских лагерей смерти. Но евреем был и симпатичный Илья Ильф, сумевший в соавторстве с русским Е. Петровым написать талантливую сатирическую дилогию, которая увела далеко от христианства и даже от русской литературы целые поколения советской интеллигенции.

Талмудический иудаизм стал источником той духовной закваски, на которой в протестантских странах Европы забродил капитализм, выросший из чисто ростовщической идеи сделать деньги товаром. Все мировые религии, включая закон Моисеев, запрещали давать деньги в рост, как занятие безнравственное и богопротивное, и пока этот запрет художественно сдерживал ростовщичество, капитализм появиться не мог. Талмуд этот запрет обошёл, введя для евреев двойную мораль. Он не запрещал и даже предписывал правоверным евреям наживать деньги на гоях, давая их в рост под большие проценты. Фигура еврея-ростовщика, презираемая и аристократами, и чернью, весьма характерна для периода первоначального накопления капитала в Европе. Протестантская этика, на которой окрепли капиталистические отношения, легко усвоила талмудическую — видимо, потому что протестантство, как на то указывает В. Соловьёв, «являлось до известной степени возвратом к еврейству».

Нет нужды доказывать, что торгашеский дух капитализма разрушителен для духа любви, заповеданного Христом. Вместе с капитализмом, собственно, и начинается процесс деградации христианства в Европе. Парадоксальный случай представляет собой Карл Маркс, у которого ненависть к капитализму органически сливалась с антисе-

митизмом. Идеологический антисемитизм Маркса часто сбивал с толку его почитателей, заставляя их думать, что Маркс был белой вороной среди евреев и чуть ли не вторым Христом. В действительности же Маркс более, чем кто-либо из евреев-ниспровергателей, выразил антихристианский дух еврейского талмудического архетипа. Даже будучи антисемитом, он не смог избавиться от этого духа и употребил весь свой творческий дар и могучую волю на создание учения не менее, если не более разрушительного для христианства, чем капитализм. Может быть, поэтому истинные евреи не воспринимают всерьёз его антисемитизм и даже гордятся тем, что этот человек, перевернувший мир, был евреем. Приведённые примеры, а их можно множить и множить, показывают, что в деятельности рассеянных по всему миру евреев существует бросающаяся в глаза тенденция противостояния тем началам христианского миропонимания и христианской этики, которые ещё сохранились в мире. Тенденция эта тем более загадочная, что выражающие её на различных поприщах разные евреи, действуют чаще всего вполне самостоятельно, вполне искренне и даже бывают иногда идейными врагами. Нельзя, разумеется, отрицать, что находились среди евреев и замечательные личности, столь же искренне и успешно утверждавшие христианские ценности, но их благие усилия несопоставимы с общей антихристианской ориентацией еврейского архетипа. Это загадочное свойство евреев, ярко заявившее о себе в эпоху великих социальных потрясений XVII–XX веков, стало основанием для концепции всемирного еврейского заговора, берущего своё начало из известных пророчеств Ветхого Завета о будущем владычестве евреев над миром. Например, Дуглас Рид в книге «Спор о Сионе» оценивает евреев как явление исключительно негативное, враждебное всему человечеству и даже пытается доказать, что Христос не был евреем. Видимо, следуя английской пословице — «факты священны — интерпретация свободна», он рисует картину мистического и устрашающего явления — рассеянного по многим странам, но управляемого из единого идеологического центра народа, который уже две с половиной тысячи лет оказывает культуроразрушительное воздействие на другие народы, настойчиво продвигаясь к конечной цели — мировому господству.

Вот как Рид, например, живописует идеологию ветхозаветного еврейства: «Приказ “разрушать” составляет основу созданного левитами закона. Если его выбросить, то не останется и самого “Моисеева закона”, а вся религия превратится в нечто совсем иное. Повелительное

“разрушай” — её основная характеристика, и именно это слово выбрано неспроста. Можно было поставить и другие слова: завоюй, победы, подчини и так далее, но выбрано именно “разрушай”. Слово это выдумали книжники, но они вложили его в уста Бога. Именно это извращение Ветхого Завета разоблачил Христос, сказав фарисеям: “Вы учите законам человеческим”. Извращение левитами истории начинается с самого начала, когда Господу Богу приписываются слова, якобы сказанные Им при обещании земли обетованной: “Истребишь все народы, которые Господь Бог твой даёт тебе”. И ещё до того первый акт мести язычникам также приписывается Богу: “И простру руку Мою и поражу Египет... и поражу всякого первенца в земле египетской”. Начиная с этого, требование “истребляй” проходит через весь Закон. Оно стоит на первом месте, и только после него идёт описание исторических событий. Иногда акт истребления изображается как сделка между Богом и избранным народом, либо Бог сам предлагает истребить, либо избранный народ просит Его это сделать. В обоих случаях истребление изображается как столь похвальное действие, что ответная услуга подразумевается сама собой... Приказание “истреби полностью” — одна из основных догм Закона, а всякое проявление милосердия или снисхождения расценивается не как ошибка, а как тяжёлое нарушение Закона. Они попали под полную власть своих священнослужителей, которые учили, что главным требованием Иеговы якобы было истребление всего “чужого”, и что они, иудеи, божественно избраны для этой цели. Так иудеи превратились в единственный в истории народ, миссией которого является разрушение как таковое... в течение всего времени, в котором большая масса людей, рассеянных среди других народов, подчиняется таким законам, их энергия неизбежно должна направляться на разрушение. В 453–444 гг. до Р.Х., когда левитам удалось с персидской помощью заковать в цепи Закона плачущие массы своего народа, родилась нация, которая до сих пор играет роль катализатора: не меняясь сама, она систематически изменяет жизненные условия и характер окружающих её народов, евреи стали всемирным катализатором, а изменения, вызываемые ими, всегда были губительны. Этот процесс принёс много горя и несчастий нееврейским народам (которые своей услужливостью правящей секте навлекли на себя эти бедствия), не дав, однако, ничего хорошего и самим евреям, унаследовавшим эту печальную миссию».

В качестве иллюстрации к книге Рида можно добавить два новейших исторических сюжета, разыгравшихся при активном участии евреев и имевших печальный исход.

Сюжет первый. С середины XIX века в Германии, переживавшей болезненно-резкий переход к капитализму, начался прогрессирующий рост антисемитских настроений. Далёкий от специального интереса к еврейской теме современный немецкий учёный академического склада ума И. Фест отмечает в одной из своих книг, что в сознании немецких бюргеров процесс ломки докапиталистической организации не без оснований связывался с активностью немецкого еврейства. К концу XIX века влияние евреев наблюдалось во многих сферах культуры, притом не только немецкой, и было настолько сильным, что привело в Германии к вспышке антисемитизма и национализма. Таким образом, евреи внесли свою лепту в создание в германском народе специфической психологической атмосферы, приведшей позже к рождению национал-социализма.

Сюжет второй. В конце XVIII века, после присоединения Екатериной II части Польши, еврейская община возникла и в России, что имело для православного государства самые печальные последствия, в полной мере сказавшиеся через столетие. К концу XIX — началу XX веков евреям, не без помощи благодушной русской общественности, удалось достичь больших успехов в деле «освоения» России. В руках состоятельных евреев была сосредоточена значительная часть прессы, банков, они оказывали давление на царское правительство в интересах еврейской общины, но в ущерб национальным интересам России. Об этом рассказывает, например, Арон Симанович, личный секретарь Г. Распутина в своей книге «Распутин и евреи». Выходцы из еврейской бедноты явились сильнейшим катализатором революции. Но самое страшное произошло после октябрьского переворота, когда власть в руки взяло ленинское правительство, состоявшее на 75 или более процентов из евреев. Барон Меллер-Закомельский, не считающий себя антисемитом, раскрывает еврейскую родословную большевистских зверств времён Гражданской войны, зверств ЧК. В те времена, пишет он, слова «еврей» и «комиссар» воспринимались как синонимы. А цитированный выше И. Фест отмечает, что зверства большевиков, о которых в Германии было хорошо известно и которые вовсе не были преувеличены молвой, послужили Гитлеру едва ли не главной моральной опорой для создания нацистской партии.

Еврейство эпохи рассеяния иногда сравнивают с дрожжами в мировом брожении или с вирусом, который всегда и везде действовал одинаково: незаметно, как «свой», проникал в организм той или иной культуры и постепенно деформировал её своей, чуждой ей системой ценностей. И вот что примечательно — Индия, Китай, Япония, все страны восточного континента и Азии, где получили распространение буддизм, ислам, индуизм и различные языческие религии, совершенно не знали этой проблемы. Еврейство после Христа — специфическая болезнь христианства, его мучительная проблема. За две тысячи лет христианские богословы и философы так и не смогли решить её. Многие из них (в России — это В. Соловьёв, Н. Бердяев, В. Розанов и др.) усматривали в сверхдлительном противостоянии иудаизма Христу промысел Божий, продолжая считать евреев богоизбранным народом и в его христоненавистническом обличи. Но в чём, собственно, могла состоять эта богоизбранность? Если в предательстве Иуды, как мы разобрались ранее, ещё можно обнаружить Провиденциальный смысл, то в существовании чрезвычайно стойкой, выступавшей под многими масками идеологии, продолжившей «дело Иуды», он совершенно не просматривается. Зачем понадобился Богу неиссякаемый исторический резервуар инспираций, направленных против Его Сына? Зачем Он так прилежно охранял евреев, в массе своей и не помышлявших каяться и обращаться в христианство, да и Бог ли их охранял? А не скрываются ли за «богоизбранничеством» талмудического еврейства мистические сущности, никакого отношения к Богу не имеющие? Вопрос далеко не новый. Он не раз уже приходил в голову христианским богословам, но, опасаясь умалить всеведение и всемогущество Божие, они не рискнули дать на него утвердительный ответ. Вот характерный текст такого рода, принадлежащий перу епископа Василия Успенского: «Не люблю я евреев, или, точнее сказать, всякий раз как увижу их, чувствую в себе столкновение противоположных помыслов и ощущений: то презираю этих всесветных торгашей за их корысть, обманы, нахальство, вероломство, то смотрю на них оком Филона, как на народ, посредством которого распространилось познание единого, истинного Бога. Их изумительное терпение, примерное единодушие, упорное верование в величественный призрак (грядущего «истинного» Мессию. — *О.Л.*), неослабная привязанность к отеческим преданиям, вековая, почти одинаковая численность, не изменившееся племенное обличие, наконец, таинст-

венная судьба, которой развязка последует за концом мира, невольно внушают благоговейное внимание к этим живым развалинам, кои берегутся Провидением для окончания величественного здания церкви вселенской». Сказано с истинно христианской надеждой. Но если от прекраснотушных мечтаний обратиться к суровой исторической действительности, то окажется, что Провидение оберегало евреев в эпоху рассеяния исключительно для того, чтобы они по возможности не дали утвердиться на земле Вселенской Церкви. Жесточайший удар, нанесённый по Православной Церкви евреями в большевистском обличьи, их блестящие успехи в насаждении атеизма в России доказывают, что так оно и есть... Порочный круг налицо, и надо как-то из него выбираться. Нужен, очевидно, новый взгляд на голгофскую трагедию: на личность Иуды, на миссию Христа, на мистические сущности, стоявшие за спиной евреев всю их историю. Этот взгляд даёт нам «Роза Мира»...

Еврейский вопрос как самостоятельная тема в «Розе Мира» не обсуждается, но в этом нет и необходимости. Той небольшой информации о метаистории еврейства, которую сообщает Андреев, вполне достаточно, чтобы построить объективную и непротиворечивую концепцию, раскрывающую тайну «второго распятия Христа» с её главным парадоксом — «богоизбранностью» Его хулителей.

Начнём с принципиального пункта — оценки Андреевым личности Христа. Философы последних двух веков, словно желая угодить иудаизму, не раз пытались профанировать Христа, называя Его то «великим посвящённым», то «посланником Шамбалы», то учителем этики, то великим экстрасенсом и т.д. «Роза Мира» ни с какого боку не соприкасается с этой дурной традицией. Христос есть самая высокая духовная вершина человечества, не сопоставимая ни с какими другими вершинами. Как и учит тому христианство, Он есть Сын Божий, поскольку является земным, телесным воплощением высшей иерархии Шаданакара, богорождённой монады — Планетарного Логоса, который «выражает собою, как Слово выражает Говорящего, одну из ипостасей Троицы: Бога-Сына» (РМ, 1 12). Ни малейшей профанации Христа в этом определении нет. Есть более сложная, соответствующая современным знаниям о мироздании картина вочеловечивания Бога и только.

«Роза Мира» сообщает также, что, прервав миссию Христа в Энрофе, Гагтунгр не победил Христа, но лишь задержал преобразование мира, обрёл человеческий род на длительный, полный страданий

апокалиптический путь, который всё-таки завершится преображением мира. Отсюда — новая, «диалектическая» оценка предательства Иуды Искарриота. Иуда был человекоорудием Гагтунгра — началом, следовательно, во многом пассивным. Но это не снимает с него личной ответственности за предательство. Если бы Иуда был так же прост и чист душой, как другие ученики Христа, Гагтунгр не смог бы использовать его в качестве человекоорудия. Но Иуда, говорит Андреев, исповедовал еврейскую мечту о Мессии как национальном царе, владыке мира, которую Христос разрушил Своим вочеловечением. «Эта мечта горячо пылала в сердце Иуды всю его жизнь до самого дня его встречи с Иисусом, и её крушение было для него великой трагедией. В божественности Иисуса он не испытывал ни малейшего сомнения, и предательство явилось актом смертельной ненависти, отчётливо осознанным богоубийством. Тридцать сребреников, вообще, мотив жадности был лишь наскоро предпринятой маскировкой: не мог же он обнажать перед людьми истинных мотивов своего преступления!» (РМ, 115).

Объяснение, заметим, психологически удивительно достоверное, даже если принять его только как личную гипотезу автора. Выходит, что Иуда был действительно очень умный и по-своему глубокий человек. Становятся, наконец, понятны подлинные причины его самоубийства, необъяснимо странного для того корыстного, примитивно-го существа, каким до сих пор представляют его многие христиане.

«Роза Мира», следовательно, отвергает какую бы то ни было героизацию этого зловещего персонажа голгофской трагедии, а значит, и еврейства после Христа, продолжившего «дело Иуды». С другой стороны, «Роза Мира» говорит о трагическом характере еврейской истории, вызванном исключительной сложностью исторической миссии евреев, — следовательно, позволяет понять талмудическое еврейство скорее как жертву мирового зла, нежели как сознательного его проводника. Читаем: «Основателем Нихорда (небесной страны еврейства, обители народоводительствующих сил. — *О.Л.*) был великий человекодух Авраам. Древние учителя еврейства инволютировались демиургом этого сверхнарода, но чистоте этой инволютации мешали воздействия сперва стихийальные, связанные с «гением места» горы Синай, потом — еврейского иуцраора... Внедрение в сознание народа идеи единобожия было достигнуто ценой колоссального напряжения сил, истощившего Нихорд на долгое время. Отсюда — не всегда победоносная борьба с демоническими силами и трагический характер

еврейской истории... После окончательного разгрома евреев при Адриане еврейских уицраоров больше не было и нет. Но за уицраором стояла ещё одна, более страшная демоническая иерархия — исчадие Гагтунгра, истинный соперник демиурга; он продолжал воздействовать на еврейство и в эпоху рассеяния. Средневековый иудаизм продолжал формироваться под воздействием двух полярных влияний: этого демона и Нихорда. Теперь Нихорд пополняется уже очень малым числом братьев, входящих, однако, именно через иудаизм в миры Просветления. Восстановление государства Израиль в XX веке не имеет к Нихорду никакого отношения; восстанавливаемый храм — театральная постановка, не более. Нового израильского уицраора не возникло, но схожую роль играет одно из существ, о которых будет сказано в главе об эгрегорах; на него оказывается сильнейшее воздействие из главного гнездилища демонических сил» (РМ, 62).

И ещё одна интересная выдержка из главы «Планетарный Логос»:

«Метаисторическое исследование Библии дало возможность проследить, как инспирировались пророки демиургом этого народа; как искажённо, но всё-таки его голос улавливали создатели книг Иова, Соломона, Иисуса Сираха; как вначале примешивалась к этому откровению, снижая его, инспирация из Шалема, от стихии горы Синай, духа сурового, жестокого и упорного; и как потом книги Ветхого Завета начинают всё более омрачаться нотами гнева, ярости, воинственности, безжалостной требовательности: характерными интонациями уицраоров. Но монотеизм, как всенародная религия, был необходим, и здесь, именно здесь, он был всё-таки дан; в этом историческая и метаисторическая заслуга еврейства. Важно то, что, несмотря на бесчисленные подмены, вопреки спутанности интонаций, вдохновлявших разум и творческую волю создателей Ветхого Завета, монотеистическая религия сокрушена не была и под Я библейских книг можно, хотя, конечно, не всегда, понимать Всевышнего» (РМ, 114).

Даниил Андреев рисует общую картину борьбы Нихорда с демоническими силами внутри еврейства до пришествия Христа. Но борьба продолжалась и в эпоху рассеяния. В удушающей духовной атмосфере гетто светлое начало еврейской души жестоко подавлялось демоническим, но всё же не сдавалось, время от времени проявляя себя. В книге Дугласа Рида называются имена отважных одиночек, в разные времена по разным поводам вступавшие в конфликт с раввинами,

переводивших, например, на другие языки «закрытые» книги Талмуда со всеми их дикостями. Это Моисей Маймонид (Испания, XII век), Уриель да Коста (Португалия, XVII век), Бенедикт Спиноза (Нидерланды, XVII век), реформаторы иудаизма раввины Бернард Браун и Эльмер Бергер (XX век), это авторы статьи «Позиция современного иудаизма» (1916 г.), признавшие равенство всех народов и рас перед Богом. Это все те евреи, которые искренне и глубоко принимали православную веру, и даже те, кто, не порывая со своим народом, пытались искать пути к Христу, как Иосиф Рабинович, основатель иудео-христианской секты Новозаветный Израиль (XIX век).

Отдадим дань уважения мужеству этих людей. Многих из них постигла месть общины. «Всякий еврей, переходящий на почву всемирных симпатий, хотя бы только идейно и философски, — пишет глубокий знаток еврейской истории В. Розанов, — подвергается синагогальному “хорему”, т.е. душа его считается погибшей, а тело и жизнь объявляются подлежащими уничтожению, убийству. И такое лицо или убивается, или делаются попытки со стороны “общины Израиля” его убить». Розанов приводит пример голландского философа Спинозы, который после наложения на него «хорема» подвергся нескольким покушениям на свою жизнь со стороны фанатиков. А Владимир Соловьёв, известный своими глубокими симпатиями к евреям, констатирует, что Иосиф Рабинович возбудил против себя сильную ненависть и гонения со стороны соплеменников. Жестоким преследованиям подвергался Маймонид, осмелившийся критиковать некоторые книги Талмуда. Вряд ли можно найти в еврейской истории хотя бы одну яркую личность, критически настроенную к талмудическому иудаизму, которая избежала бы мести со стороны его вождей...

Как явствует из метаисторических откровений «Розы Мира», нет и не может быть народа, который полностью находился бы во власти демонических сил, как нет народов совершенно свободных от демонических воздействий и искажений. Все без исключения народы на земле подвергаются одновременно воздействию обоих начал¹, и чем сложнее и ответственнее миссия народа, тем сильнее обрушиваются на него демонические начала, стремясь сорвать её. Четырёхтысяче-

¹ Именно этим обстоятельством объясняется тот, казалось бы, парадоксальный факт, что «дикие», языческие народы, с которыми христианам приходилось встречаться на тропе войны или торговать, оказывались иногда этически выше их.

летняя история евреев являет нам выдающийся пример такого рода, достойный особого внимания...

Она начинается с тех далёких времён, когда, согласно библейскому преданию, патриархам еврейского народа — Аврааму, Исааку и Иакову — была дана Богом весть об их особом предназначении в судьбах будущего человечества. Род авраамов был избран для того, чтобы породить великий народ, который в некотором неизвестном будущем должен дать миру Спасителя. Православные богословы говорят об общечеловеческом характере миссии будущего Спасителя, объясняя, почему из множества племён, существовавших в те времена на земле, весть о Спасителе была вручена именно племени Авраама: «Эта весть (Первоевангелие) об Избавителе, искупителе, Спасителе была той идеей, которая пронизывала жизнь людей в давнее время... Здесь важно заметить, что Авраам со своим потомством избран Господом из многочисленных народов ветхозаветного человечества как их общий представитель. Авраам избран потому, что он способен был услышать голос Божий и подчинять ему свою жизнь... Господь не выделяет себе из всего остального рода человеческого один народ, а создаёт условия для возрастания нового народа через благословление одной благочестивой четы — Авраама и Сарры. Об отделении, выделении или избрании особенного народа Божия нельзя говорить потому, что еврейского народа или даже племени не существовало в то время, когда совершилось призвание Авраама. Господь есть Отец всех людей, Он посылает свет, теплоту, дожди как на добрых, так и на злых, любит всех людей... Не ради Авраама был заключён завет с ним, а для спасения всего человеческого рода».

Уникальная историческая задача требовала от народоводительствующих иерархий еврейства и создания уникального народного характера, способного её выполнить. Евреи действительно были в древнем мире народом совершенно необычным, совмещавшим в себе черты, казалось бы, несовместимые. Владимир Соловьёв обнаруживает в них три таких черты: 1) глубокую религиозность, 2) высоко развитое, насыщенное энергией действия, национальное, семейное и личное самосознание, 3) крайний материализм, придававший чувственный характер всему еврейскому мировоззрению. Но каким способом в одной человеческой индивидуальности могут совмещаться эти противоборствующие между собой стихии?— спрашивает Соловьёв. «Что связывает религиозную идею Израиля с человеческой

самодетельностью иудейства и с жидовским материализмом? По видимому, всецелая преданность Богу должна упразднить или, по крайней мере, ослаблять и энергию человеческого Я и привязанность к материальным благам... господство материализма во взглядах и стремлениях несовместимо ни с религиозными, ни с гуманитарными идеалами. Однако в иудействе всё это уживается вместе, нисколько не нарушая цельности народного характера. Чтобы найти ключ к разрешению этой загадки, не нужно останавливаться на отвлечённых понятиях о религии *вообще*, об идеализме и материализме вообще, а нужно внимательно рассмотреть особенности *иудейской* религии, *иудейского* гуманизма и иудейского материализма».

Эти особенности, по Соловьёву, следующие. Древние иудеи, единственные во всём тогдашнем мире, понимали Бога как Личность, с которой человек может общаться, заключать союз и служить ей. Столь высокое понятие о человеке не только не принижало величия Бога, но позволяло ему обнаружиться во всей своей силе. «В самостоятельном нравственном существе человека Бог находит Себе достойный предмет действия, иначе Ему *не на что* было бы воздействовать... священная религия иудеев выше всех натуралистических и пантеистических религий древнего мира. В этих религиях ни Бог, ни человек не сохраняли своей самостоятельности: человек был здесь рабом неведомых и чуждых законов, а Божество... (в художественной мифологии греков) являлось игрищем человеческой фантазии. В иудейской религии, напротив, с самого начала одинаково сохраняются обе стороны — и божеская, и человеческая».

Такая религия требовала развития свободной человеческой личности, её самосознания и способности к действию. Так глубокая вера в Бога органично соединялась в израильском народе со вторым качеством — личной и национальной энергией. Еврейскому же материализму Соловьёв даёт название *религиозного*, видя и в нём некий высший смысл: «Евреи..., вполне признавая духовность Божества и божественность человеческого духа, не умели и не хотели отделять эти высшие начала от их материального выражения, от их телесной формы... еврей не хочет признавать такого идеала, который не в силах покорить себе действительность и в ней воплотиться... Еврей не были служителями и поклонниками материи. С другой стороны, будучи далеки от отвлечённого спиритуализма, еврей не могли относиться к материи с равнодушием... и ещё менее с той враждой, ко-

торуя питал к ней восточный дуализм. Они видели в материальной природе не дьявола и не Божество, а лишь *недостойную обитель богочеловеческого духа*... Идея святой телесности и заботы об осуществлении этой идеи занимают в жизни Израиля несравненно более важное место, нежели у какого-либо другого народа... Ясно теперь, что этот священный материализм евреев нисколько не противоречит, а напротив, служит прямым дополнением к двум первым качествам этого народа... Таким образом, три главные качества еврейского народа, в своём совокупном действии, прямо соответствовали высокому назначению этого народа... Крепко веруя в Сущего Бога, Израиль привлёк к себе богоявления и откровения; веря также и в себя, Израиль мог вступить *в личное* отношение к Иегове... служить ему не как пассивное орудие, а как деятельный союзник; наконец, в силу той же деятельной веры, стремясь к конечной реализации своего духовного начала через очищение материальной природы, Израиль приготовил среди себя чистую и святую обитель для воплощения Бога-Слова. Вот почему еврейство есть избранный народ Божий, вот почему Христос родился в Иудее».

Наблюдения Соловьёва представляются весьма точными, но принять их можно только лишь как конспект Провиденциального замысла о евреях, ибо при реальном его воплощении народоводительствующие иерархии еврейства сразу же столкнулись с мощным искажающим противодействием демонических начал. Об этом свидетельствуют и книги Ветхого Завета, и известная нам из древних источников информация о негативном отношении к евреям многих народов.

Искажениям, иногда очень сильным, подвергались все три начала еврейской души. Подтверждения тому постоянно встречаются в Ветхом Завете. Бог, созданный воображением авторов ветхозаветных книг, требующий кровавых жертвоприношений, гневающийся, карающий, призывающий евреев завоёвывать жизненные пространства путём беспощадного истребления других народов и даже истребляющий их сам, достаточно далёк, согласимся, от того идеального образа, который рисует Соловьёв. Подверглась сильным искажениям и провиденциальная идея богоизбранничества евреев. Она приняла узкоплеменной характер, снизившись до уровня почти юридического договора между Богом и избранным народом, в соответствии с которым последний выполняет такие-то и такие-то требования Бога и получает за это соответствующее вознаграждение. Законнический дух иудаизма был особенно

присущ книжникам и фарисеям, с которыми впоследствии пришлось столкнуться Христу. Они внушали соплеменникам, что Бог возлюбил евреев и только евреев и обещал им власть над другими народами при условии строгого соблюдения буквы Закона. В Ветхом Завете иногда очень резко утверждается, что Мессия-царь суть избавитель еврейского лишь народа. Даже в пророческих книгах (например, Исаяи) по интонации и смыслу текстов не всегда можно понять, идёт ли речь о Мессии как спасителе всего человечества или только как о национальном герое. Да и могли ли евреи, презиравшие язычников, думать в большинстве своём иначе? Ведь тогдашний мир был поголовно языческим. Евреи представляли в нём как бы крохотный островок далёкого будущего — эпохи монотеистических религий.

Об искажениях же народного характера можно судить хотя бы по книге Исаяи, в которой пророк обличает бесстыдство женщин (Ис. 2: 16), распространение волшебства и магии (Ис. 2: 6), несправедливое богатство (Ис. 2: 7). Всё это вместе взятое не могло не отразиться на отношениях евреев с другими народами. Исторические документы свидетельствуют о том, что антисемитизм был распространённым явлением уже в древнем мире.

Известный учёный Соломон Лурье посвятил этой теме специальную работу, которая так и называется «Антисемитизм в древнем мире» (Париж, 1922 г.). Тем более замечательно, что, когда пророчества, наконец, исполнились и явился Христос, среди евреев нашлись духовно чистые, самоотверженные и деятельные люди, в полной мере воплотившие в себе идеальный замысел Провиденциальных сил о народе. Они сразу и всем сердцем приняли Христа, не усомнившись в том, что Он — Мессия, предсказанный пророками. Христос сравнивал их с солью, без которой пища лишается вкуса. Этот точный образ говорит о том, что последователи Христа составляли меньшинство в древней Иудее, но именно ими оправдывалась вся предыдущая история еврейства.

Голгофская трагедия, если понимать её по «Розе Мира» как *богоубийство*, прервавшее миссию Христа на земле, была не просто печальным эпизодом в истории еврейского народа, но страшной национальной катастрофой, ибо означала для евреев окончательную утрату статуса богоизбранничества, а с ним — и пророческого служения, означала глубокое порабощение демоническими силами и погружение на много веков в то бытийственное состояние, которое

поэт О. Мандельштам метко назвал «хаосом иудейским». Некоторым аналогом этой катастрофы можно считать, может быть, Февральскую революцию в России, открывшую эпоху новой русской смуты. Тяжёлые исторические последствия убийства Христа ещё можно было отчасти предотвратить, если бы духовные вожди еврейства вовремя поняли свою ошибку и, ужаснувшись содеянному, привели народ к покаянию. Тогда вместо талмудического иудаизма могла бы возникнуть «альтернативная» христианская церковь, по-иному понимающая миссию Христа. Судьба христианства была бы тогда существенно иной — надо думать, гораздо счастливее.

Но этого, увы, не случилось. Та демоническая сущность, «исчадие Гагтунгра», о которой говорит Андреев, оказалась, видимо, слишком сильна. Произошёл полный разрыв между учениями Нового и Ветхого Заветов, и они пошли разными историческими дорогами — одно, неся проповедь любви и равенства людей всех наций и рас во Христе, другое — отвергая Христа, замыкаясь в себе и всё больше пропитываясь шовинистическим духом...

Подобной драмы не переживала ни одна религия на земле! Самое поразительное в ней то, что оба учения прошли сквозь два тысячелетия, оставшись каждое при своём мнении. Голгофа породила два полярных антропологических типа: «христианского человека», поклонявшегося Христу именно потому, что Он был распят, представлявшего себе распятие Его миссией, и «талмудического человека», для которого распятие Христа было безусловным и окончательным доказательством Его лжемессиянства. Видится тут метафизическая загадка, неразрешимая на уровне богословских споров. А нельзя ли предположить нечто, с христианской точки зрения, вполне еретическое, — что талмудическое еврейство было прямым следствием прерванности миссии Христа и существовало все эти века как своеобразное дополнение к «христианству», которого по первоначальному замыслу Провиденциальных сил не должно было бы быть вообще?

Если мы взглянем на еврейский вопрос сквозь метаисторическую призму «Розы Мира», то убедимся, что наше предположение находится близко к истине.

Поскольку миссия Христа в Энрофе была прервана, то дело спасения человечества, если понимать под ним полное его освобождение от давления демонических сил и преображение всей земной жизни, оказалось незавершённым. Андреев пишет об этом так: «Незавершённость

миссии Христа сказывается и в том, что материальное начало в природе и плотское в человеке не дождалось предназначенного им просветления во всеобщих масштабах, а не в одном только естестве Самого Христа... Главное же, в Энрофе вообще не свершилось коренного сдвига. Законы остались законами, инстинкты — инстинктами, страсти — страстями, болезни — болезнями, смерть — смертью, государства — государствами, войны — войнами, тирании — тираниями. Образование церкви в человечестве, обременённом прежней самостью и не ограждённом от тёмных инспираций, не могло вызвать того стремительного прогресса, духовного и нравственного, который совершился бы, если бы Гагтунгр не оборвал жизнь Христа. Поэтому девятнадцать веков человечество двигалось по изломанному, зигзагообразному, неравномерному и односторонне суженному пути: он — равнодействующая между работой Провиденциальных начал и яростным воздействием Гагтунгра» (РМ, 116).

Как теперь становится ясно, это яростное воздействие обрушилось одновременно на две организации — христианскую Церковь и иудаизм — и имело своей целью как можно более ослабить просветляющее действие учения Христа на мир. Разрушительной деятельности демонических сил внутри христианства в «Розе Мира» даётся следующая характеристика: «При всех искажениях, вызванных в христианстве духовной ограниченностью человеческих тысяч, его создававших, христианская церковь (а позднее — церкви) являла собой устье могучего духовного потока, низливавшегося с планетарных высот. В глазах “умного духа” церковь стала фактом первостепенной важности, и для захвата её изнутри были использованы все средства. Семитическая религиозная ограниченность, греческий духовный сепаратизм, римская безжалостность и жажда политической гегемонии во что бы то ни стало — всё было привлечено на помощь во втором, третьем, четвёртом, пятом веках христианской эры. Для достижения основной цели этого было, конечно, мало, но отвлечь церковь от её прямых задач, замутить её духом ненависти, увлечь её в океан политических волнений, подчинить восточную её половину власти императоров, а западную — идеям ложно понятой теократии удалось вполне. Церковь становится миродержавной силой — тем хуже для неё! Человечество ещё далеко от той нравственной высоты, на которой возможно сочетать миродержавное водительство с этической незапятнанностью» (РМ, 117).

Таким образом, распад в 1054 году единой Церкви на католическую и православную, повлёкший за собой в более поздние века цепочку дальнейших расколов и дроблений обеих церквей, был спровоцирован высшим демоническим разумом, и, значит, вина за него должна быть по справедливости поделена между обеими сторонами. Отступничество от Христа, измена Его высоким идеалам, в служении которым состоял весь смысл христианства — сюжет слишком хорошо известный из истории церквей. Корыстолюбие, гордыня, зависть, чревоугодие, блуд — все смертные грехи, отягощавшие души и смердов, и господ, и царей, и священнослужителей, были теми «болевыми точками» христианства, на которые воздействовали демонические силы, подтачивая его изнутри.

Но существовал, оказывается, ещё и внешний враг христианства — талмудическое еврейство. Как бы пригасшее на время после окончательной победы Церкви, оно активизируется в VII веке, проникая в Испанию вместе с завоевателями-маврами и укореняясь в ней на несколько веков. Как сообщает Дуглас Рид, евреи добились в Испании выдающихся успехов благодаря сотрудничеству с правящей верхушкой — многие министры финансов при испанских королях были евреями. Они бессовестно эксплуатировали народ, наживая на этом большие деньги, что привело, в конце концов, к мощной вспышке антисемитизма. «Всеобщее народное озлобление по отношению к евреям было... так сильно, что смягчить его оказалось невозможным» («Спор о Сионе»). В конце XV века евреи были изгнаны из Испании и Португалии и стали расселяться по всей Европе.

Духовно-тёмная природа талмудического иудаизма никогда настоящему не осознавалась христианскими богословами и философами, о чём свидетельствуют их тщетные надежды на обращение евреев в христианство. Многие из них, справедливо выступая против антисемитизма как чувства, недостойного христианина, совершенно не видели той, упомянутой Андреевым, страшной демонической иерархии, которая стояла за спиной талмудического еврейства, собственно, и провоцируя антисемитизм. В размышлениях философов о многовековом конфликте христианства и еврейства, например у Бердяева, Соловьёва, Розанова, Мережковского, нет даже намёка на осмысление этой третьей, главной силы. А между тем без учёта её в этом конфликте разобраться невозможно. Демон талмудического иудаизма в лице широко известных ныне большевистских

палачей России, вышедших из диаспоры, жестоко посрамил мыслителей «серебряного века», идеализировавших еврейство (цитированные статьи Розанова — лишь случайный всплеск возмущения философа в адрес горячо любимого им народа).

Можно теперь попытаться в самых общих чертах нарисовать картину демонизации еврейства после Христа. Исходный пункт — Голгофа...

Современный иудаизм, в какой-то мере избавившийся от талмудического духа ненависти к Христу, продолжает, тем не менее, считать Его лжемессией, оправдывая выбор, сделанный евреями две тысячи лет назад. Одной из главных причин, по которым Христос был отвергнут, иудаисты считают неисполнение Им важнейшего из пророчеств Исаяи о том, что во времена Мессии прекратятся войны, наступит мир и благоденствие, мечи будут перекованы на орала (Ис. 2: 4, 11: 6). Ждали Мессию-избавителя, могущественного царя во славе и величии, который разом решит все проблемы еврейского народа, а явился проповедник, какие были не редкостью в древней Иудее, общавшийся, к тому же, и с язычниками. Проблема переносится, таким образом, из сферы эмоций в сферу рассудка, якобы принимавшего взвешенное решение.

Но на самом-то деле разве рассудок двигал членами синедриона, когда они приговаривали Христа к смерти? Когда религиозные фанатики возбуждали против Него толпу? Когда толпа отвергла предложение Пилата освободить Христа, как человека, по его мнению, праведного, и в ярости кричала: «Распни его!»? Откуда эта ненависть к проповеднику, не представлявшему никакой угрозы для общества (в отличие от освобождённого разбойника), напротив — учившего народ соблюдать заповеди Моисеевы, исцелившего сотни больных и бесноватых и даже воскрешавшего умерших? Какое, собственно, преступление совершил Он, даже если высказывал идеи, неприемлемые для ортодоксов? Иудаисты утверждают, что свобода совести, свобода слова всегда были одним из ярких признаков их религии¹. Тогда за что Христа предали такой страшной казни? По здравому разумению, Его как раз надо было оставить в живых для того хотя бы,

¹ Пинхас Полонский, составитель книги «Евреи и христианство» подчёркивает: «В истории иудаизма никогда не было насилия над еретиками из-за вопросов веры; Саадия-Гаон, например, мог вести очень резкую полемику с караимами, ... но никогда и речи не было о том, что следует бороться с ними путём физического уничтожения».

чтобы он окончательно дискредитировал себя как Мессия или, наоборот, получил возможность исполнить пророчества. Значит, не рас судок двигал распинателями, а ненависть, возбуждённая в них «умным духом», который знал, что если оставить Христа живым, то обязательно придёт эра Света и сбудутся все пророчества.

Распятие Христа было и трагедией самих евреев, так как означало глубокое порабощение их демоническими началами. О том, что это так, свидетельствует вся дальнейшая история некогда избранного Богом народа...

Владимир Соловьёв, определивший характер ветхозаветных евреев как органическое единство трёх трудносоединимых начал, даёт ключ к пониманию, что произошло с ними после того, как они отвергли Христа: «Когда на первом месте стоит беззаветная вера в живого Бога и Его промысел, тогда и еврейское самочувствие и еврейский материализм служат делу Божию и обосновывают истинное боговластие (теократию). Но как только эти чисто человеческие и натуральные особенности еврейского характера получают перевес над религиозным элементом и подчиняют его себе, так неизбежно этот великий и единственный в мире национальный характер является теми искажёнными чертами, которыми объясняется всеобщая антипатия к еврейству (хотя и не оправдывается вражда к нему): в этом искажённом виде национальное самочувствие превращается в национальный эгоизм, в безграничное самообожание с презрением и враждой к остальному человечеству; а реализм еврейского духа вырождается в тот исключительно деловой, корыстный и ничем не брезгующий характер, за которым почти совсем скрываются для постороннего, а тем более для предубеждённого взгляда, лучшие черты истинного иудейства. Без этого глубокого искажения национального характера в значительной части еврейского народа были бы непонятны многие события еврейской истории, в особенности же, основное событие христианства».

Соловьёв нигде в своих произведениях не исследует, что же, собственно, произошло с евреями после «основного события христианства»? В чём конкретно проявились искажения еврейского национального характера и всего строя жизни в эпоху рассеяния? Говорить о таких вещах считалось в русском образованном обществе XIX века антисемитизмом. Но шила в мешке не утаишь. Существует обширный материал, позволяющий достаточно ясно осветить этот интересный для нас сейчас вопрос.

Глубокая религиозная самобытность ветхозаветных иудеев определялась, прежде всего, тем, что это был народ пророков, (чего, кстати, совершенно не понимают антисемиты). Через них Бог (по Андрееву — демиург) мог говорить с избранным народом и вести его тем особым путём, который завершился пришествием Христа. Отвергнув Христа, евреи утратили прежнюю связь с Богом, что видно хотя бы по тому, что отныне их оскудевшая национальная нива перестала рождать пророков. Место пророков в талмудическом еврействе заняли раввины, пророческая эпоха сменилась «учительской». Но кто такие раввины? Обыкновенные люди, со всеми слабостями и грехами своего народа, не идущие ни в какое сравнение с мощными фигурами Моисея, Исаяи, Даниила и других великих библейских пророков. Они стали по-своему истолковывать библейские тексты, подменили простой и ясный закон Моисея тысячью мелочных предписаний, правил, разъяснений. Возник многотомный Талмуд, управлявший сознанием и волей еврея, контролировавший каждый его поступок, подчинявший его авторитету раввинов — убивавший в народе дух творчества. Поэтому, утратив способность к религиозному творчеству, талмудические евреи не смогли создать и культуры. Выражение «еврейская культура» основано на терминологическом недоразумении, ибо собственной, оригинальной культуры в классическом понимании этого слова евреи эпохи рассеяния не создали. Где специфически еврейские и вместе с тем имеющие общечеловеческую ценность великие литературные произведения, скульптура, живопись, музыка, театр, архитектура, народное творчество, наука, философия? Всё достойное внимания, что сделали различные евреи в этих сферах творчества, они сделали в лоне других культур, то есть это были еврей-ассимилянты, умершие для общины. Не будем забывать при этом, что в творчестве некоторых из них бессознательно говорила душа предков (явление совершенно естественное для любого творца, какой бы национальности он ни был) — в данном случае талмудическая душа, враждебная христианскому миру. В результате рождались произведения, в той или иной степени травмирующие христианское культурное сознание.

Беспрецедентным в мировой истории явлением показал себя еврейский национализм, который сплачивал разбросанное по разным странам талмудическое еврейство в единое национальное тело. Для читателя «Розы Мира» его демоническая природа должна быть оче-

видной. Если евреи после Христа стали трудноуправляемы для Провиденциальных иерархий, то какая ещё сила могла создать и поддерживать в течение многих веков кочующий талмудический Центр, обладавший, как утверждает Дуглас Рид, огромной властью над общинами? Какая сила создала отвергнутый современным реформированным иудаизмом обряд «причащения» еврейству, существовавший в еврейских гетто — так называемую *святую микву*? Об этом удивительном обряде стоит сказать несколько слов. Розанов приводит свидетельства о нём своего знакомого — православного еврея С.И. Цейханштейна. Миква — это устроенная в земле купальня с подогреваемой водой, которая специально не менялась в течение многих месяцев. В ней евреи совершали религиозные омовения. «...от этой купальни, — пишет Цейханштейн, — несёт такое нестерпимое зловоние, что непривычному человеку не только что мыться в ней, — мимо идти нельзя, не зажавши рот и нос... Происходит же это зловоние оттого, что в купальне в одну пятницу перебивают тысячи человек; и весь этот люд... оставляет там накопленный на его теле в течение недели грязный вонючий пот... Несмотря на это... евреи с особым наслаждением моются в этой микве, окунувшись с головой по несколько раз... Мало того, они, блаженные евреи, после себя, перед сумерками посылают туда своих жён, чтобы они поочистились». Розанов объясняет, что «святой» микву делают сами погружения: «Тайна тайн миквы заключается в таинственном всеобщем *кожном* через неё прикосновении каждого еврея и еврейки ко всем и всех — к каждому. Каждый немножко, и страшно своеобразно, причащается (сделай даже глоток!) бытия всех, всего тела целого еврейства данной местности».

Жестокому извращению в талмудическом иудаизме подверглась идея святой телесности — «священного материализма», по терминологии Соловьёва. Когда христиане, благодаря евреям-выкрестам, впервые познакомились с переводами некоторых талмудических трактатов, они были потрясены обилием в них плотской грязи и лжеумудрствований.

Но пора, впрочем, заканчивать этот обзор исторической практики талмудического иудаизма. Сказанного, думается, достаточно, чтобы диагностировать глубоко демоническую природу «хаоса иудейского» и признать заблуждением идею преемственного богоизбранничества талмудических евреев. Бремя этого «богоизбранничества» настолько, как видно, тяготило евреев, что они стали активно уходить из гетто,

как только тому представились широкие возможности в XIX веке: в культуру, в науку, в бизнес, в революцию — в христианский мир. Именно этот массовый, неостановимый никакими силами исход евреев из талмудического пленения вызвал к жизни сионизм как средство загнать соплеменников назад в духовное гетто¹.

XX век стал веком невиданного возвышения еврейства. Освобождение целого народа от образа жизни, диктовавшегося Талмудом и самими условиями гетто, при сохранении уникального, значительно окультуренного, специфического менталитета, дало ему огромные преимущества по сравнению с другими народами в конкурентной борьбе за овладение ключевыми позициями в современном мире. По сведениям С. Солдатова, евреев, то есть тех, кто считают себя евреями (существенная поправка!), насчитывается сейчас на планете 80–90 миллионов. Это десятое место в мире по численности среди народов. Имея в виду невероятно высокую пассионарность евреев, Солдатов ставит даже вопрос о надвигающейся глобальной этнократии, подтверждающейся ветхозаветными пророчествами.

Нельзя не замечать, что эта метаморфоза происходит на фоне растущей духовно-нравственной деградации христианского мира, уходящего всё дальше от евангельских идеалов. Кроме названных ранее причин (деятельности демонических начал и греховности человеческой природы), она имеет ещё одну, очень существенную, обозначенную в христианской философии понятием *кенозис Христа*. Это угасание во времени Его благодатной энергии, которой много веков питалась Церковь. Но так и должно быть, если миссия Христа была прервана, ограничившись всего лишь «пассионарной вспышкой»... «Второе распятие Христа» вступает сейчас в «цивилизованную», «мирную», фазу, которая несёт христианству, и особенно православному, гораздо большую угрозу, чем та, что исходила в минувшие века от его открытых врагов. Это угроза серьёзной потери авторитета Церкви в глазах значительной части современной русской молодёжи, сохранившей чувство национального достоинства. Наблюдаемая сейчас деградация традиционного послушного, покорного рус-

¹ Дуглас Рид опровергает утверждение сионистской пропаганды о том, что якобы гетто создавались властями христианских стран под влиянием антисемитизма. В действительности они возникали по требованию раввинов как средство духовной изоляции евреев. «Когда в 30-е годы распоряжением Муссолини было уничтожено последнее, Римское гетто,— пишет Рид,— еврейская печать оплакивала это событие».

ского национального типа (распад семьи, алкоголизм, наркомания, ранние смерти, потеря воли к жизни и т.д.), при одновременном внешнем расцвете евреев, побуждает в новых поколениях сомнения в исторической состоятельности православной Церкви, не умевшей поднимать народ на борьбу со своими врагами в эпоху великих мировых потрясений. И церковным мужам нечего тут возразить, потому что не для спасения тела, бранных земных устроений приходил по её учению Христос. «Русский народ поднимается сейчас на свою Голгофу за грехи мира», — вот мысль, которая витает ныне в некоторых отчаявшихся православных умах.

Может быть, именно вследствие всех этих причин в современной России получили распространение протестантские конфессии, чей Иисус давно сошёл с креста. Но способен ли этот вечно улыбающийся, говорящий пошлости Иисус всерьёз соперничать с философией иудаизма, ни на шаг не отступившей от своих основных принципов, укрепляющей свой авторитет среди самой пассионарной части населения планеты и готовой взять на себя ответственность за её судьбу?

Нам остаётся разобраться, может ли эта философия стать альтернативой «неудавшемуся» христианству и насколько правы православные авторы, считающие, что ожидаемый евреями «истинный» Мессия суть Антихрист? Современные евреи, заново открывающие для себя иудаизм, искренне верят в его великое будущее, в светлую историческую миссию. Бывший политзаключённый Александр Романов (70-е годы) приводит в своих воспоминаниях следующие примечательные стихи одного из активистов их группы, ныне гражданина Израиля Ю. Вудки:

Недаром изнывала грудь в тысячелетних муках ада.
На проторённый нами путь из тьмы выходят мириады.
Вовеки правда не умрёт, последний враг падёт бессилён,
И Богом избранный народ вольётся в царствие Мессии.

Стихи эффектные, но с каким запасом идей избранный народ собирается создавать на земле царство нового Мессии? Открываем брошюру Пинхаса Полонского, адресованную специально евреям. Вот эти идеи, принципиальные мировоззренческие установки иудаизма, которые, очевидно, сформируют сознание будущего Мессии. Перечислим их по пунктам:

1. Между Богом и человеком лежит неизмеримая пропасть.

2. Человек — самое совершенное творение Бога, он совершеннее ангелов, так как наделён свободной волей и огромными творческими возможностями, которых (ни того, ни другого) ангелы не имеют. Человечество — уникальное явление. Никаких других цивилизаций во Вселенной нет. Иудаизм — ярко выраженная антропоцентрическая система.

3. Творение не завершено. Творческие возможности даны человеку для того, чтобы он завершил творение, — создал Царство Божие на земле. В этом его ответственность перед Богом. На евреях, как богоизбранном народе, лежит главная ответственность за выполнение этой миссии.

4. Не существует глубокой поражённости человека грехом. Каждый человек от рождения получает чистую душу, и только от его собственного выбора зависит, станет он грешным или праведным.

5. Дьявол как источник зла категорически отвергается. Не признаются способности демонических сил искажать человеческую душу. Духи природы игнорируются как грубое язычество. С ними можно не церемониться. Природа — разрешённый Богом объект творческих воздействий, улучшения её человеком.

6. Соответственно отвергается какое-либо участие высших сил в истории. Человек есть субъект, творящий историю, а не поле их борьбы.

Известное изречение Достоевского — «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей» — для Полонского звучит как «лакейское сетование»: «Паны дерутся, а у холопов чубы трещат». Нетрудно заметить, что в этой, по видимости, религиозной философии Бога легко отодвинуть в тень как фигуру чисто административную, дающую человеку разрешение на самоуправство. И тогда на её месте немедленно возникает религия Человекобога. Ведь человек по своим правам и возможностям — вторая после Бога инстанция в мироздании. План переделки мира он вырабатывает из собственной совершенной головы. Греха в нём нет, демоническим воздействиям он не подвергается, значит, будущее светло и прекрасно.

История уже дала оценку человекобожеским мировоззрениям. Потерпевшая катастрофу коммунистическая система как раз была порождена комплексом идей, неотлично похожих на перечисленные выше. И идеология «открытых обществ», если вдуматься, того же происхождения.

Если принять во внимание, что в этике иудаизма отсутствуют такие понятия, как «гордыня» и «смирение», то легко представить, что усвоивший это учение грядущий «Мессия», даже если он будет преисполнен самых благих намерений, станет бессознательным орудием демонических сил...

Наше небольшое исследование, сделанное на основе метаистории еврейства, изложенной в «Розе Мира», позволяет прийти к некоторым очень важным выводам. Это, прежде всего, вывод о фатальной ошибочности идеологии антисемитизма, всегда и везде в истории терпевшей поражение. Обширная литература по еврейскому вопросу в совокупности своей создаёт впечатление о еврействе как враждебной всему человечеству инородной разрушительной силе, чуть ли не инопланетном десанте, высаженном в незапамятные времена с целью постепенного завоевания земли. Предполагается, что если бы эта сила была побеждена или провалилась в тартарары, то на земле наступил бы Золотой Век — иначе какой смысл было писать о еврействе?

На самом деле, «человечество в человечестве» есть органическая часть человечества, испытывавшая, как и все другие народы, мощное воздействие со стороны демонических сил, но в совершенно особой, уникальной форме. Последние 2000 лет еврейской истории убедительно показали, сколь грозен и могущественен здесь, на земле, тот, кого христианская традиция называет дьяволом, и сколь наивны люди, считающие его всего лишь «обезьяной Господа Бога» или псевдонимом процесса вырождения, наблюдающегося в современном человечестве. Известно, что дьявол очень осторожен и старается не выдавать своего участия в человеческих делах, прикрываясь «естественными процессами». Но в истории талмудического еврейства он выдал себя с головой. Более убедительное доказательство бытия дьявола вряд ли можно предложить.

В силу исключительности возложенной на древних евреев исторической миссии — усвоить монотеизм, а затем дать миру Спасителя, они с первых шагов в своей истории подвергались жестоким обжигающим демоническим радиациям. Миссию свою они всё-таки выполнили, но Христа распяли и потом продолжали распинать на протяжении двадцати веков, втянув в это пагубное действие множество неустойчивых христианских душ.

Во «втором распятии Христа» была своя, вывернутая наизнанку логика. Поколения талмудических евреев отвергали теперь церковного

Христа, который, как они видели из своих жизненных наблюдений, не мог освободить подавляющее большинство людей от тёмных страстей (святые, очевидно, представляли для них неразрешимую психологическую загадку, вызывая раздражение). Но они не желали или не могли видеть, что их предки, попавшие под воздействие дьявольских сил, прервали земной путь Христа и не дали Ему выполнить до конца Свою миссию.

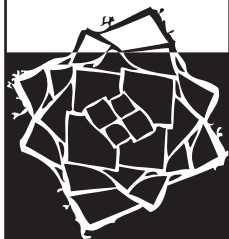
Таким образом, иудеи в своём антихристианстве будут неуживимы до тех пор, пока христианские церкви будут продолжать считать, что *запланированной* Богом крестной жертвой Христа исчерпывается Его миссия, и дело спасения человечества завершено. Только поняв распятие Христа как величайшее из преступлений, когда-либо совершённых людьми на земле, как *богоубийство*, а современный апокалипсис — как прямое следствие этого преступления и убедив в этом современных иудеев, христиане вправе, наконец, покончить с идеей богоизбранности талмудических евреев и ожидать от них покаяния.

Само время требует от тех, кто неравнодушен к судьбе христианства, нового взгляда на трагедию Голгофы, который не перечёркивал бы бесценный двухтысячелетний опыт духовной брани Православной Церкви, не уводил бы новые поколения в соблазны различных рационалистических универсалистских систем, но помог бы найти действенный путь планетарного противостояния метафизическим силам тьмы в современных условиях.

Этот взгляд не надо придумывать. Он аргументировано и понятно изложен в «Розе Мира».

Глава 11

«ДУАЛИСТИЧЕСКИЙ МОНИЗМ» «РОЗЫ МИРА». СЦИЛЛА И ХАРИБДА ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

Великое противостояние

В предыдущей главе была сделана попытка показать, что мировоззрение Андреева сочетает в себе достоинства дуализма и монизма, счастливо избегая недостатков обоих способов осмысления мира. Назовём этот комплексный философский метод *дуалистическим монизмом*.

Да, мир устремлён к высшему единству — Богу, только в Боге достигаются абсолютная полнота и совершенство жизни. Есть во Вселенной, утверждает Андреев, целые космические области, знающие только Бога, только Его бесконечно мудрые и благие законы. Там нет зла — силы умаляющей, унижающей, опошляющей жизнь. Жизнь там, надо думать, пребывает и развивается, если к ней вообще приложимо наше понимание развития, в сверкающем миллионами и миллионами соцветий, пронизанном Любовью океане Божественной энергии и Божественной фантазии. Она насыщена тончайшими переливами

чувств, наполнена смыслом, открыта высшим мирам и, надо думать, также не нуждается в стимулирующих ударах зла, как свободный, нравственный работник не нуждается в палке. Подтверждения возможности такой жизни мы обнаруживаем в нашем скорбном земном мире — везде, где действиями людей движут любовь или бескорыстная жажда знаний.

Но есть огромные космические области и среди них — наша Галактика, где в монистический процесс становления, совершенствования жизни временно, хотя и очень надолго, вмешался враждебный Богу «Великий демонический разум». По своим интеллектуальным способностям он на много порядков превосходит способности человека. Потому-то жертвами дьявольских инспираций весьма часто становятся очень и очень умные люди, принимающие их за достижения собственного ума. Демонический разум искажает творение, приспособляя его для своих богопротивных целей, и делает это в высшей степени искусно.

Великая драма природного бытия предстаёт перед непросветлённым, рационалистическим, сознанием как нечто естественное, вечное. Только религиозно одарённые души способны почувствовать глубокую ущербность и неполноту жизни, отравленной, униженной злом. Христианство поэтому и является высочайшей духовной вершиной мира, что, благословляя жизнь как творение Божье, оно говорит о *временной* её повреждённости злом и пророчествует о великом дне её полного освобождения от зла. Этот центральный вектор христианского миропонимания без малейших отклонений в спиритуализм или материализм присутствует в «Розе Мира».

Таким образом, человеческая история в системе «дуалистического монизма» «Розы Мира» рассматривается как колоссальный по времени, но всё же ограниченный цикл противоборства двух мощных полярных сил, которая завершится победой Сил Света, поскольку за ними — Бог.

Этот исторический цикл, собственно «история», фантастически сложен, полон нюансов, достаточно ограничен и чрезвычайно трудно поддается анализу. Выражаясь языком науки, он представляет собой динамическую системную целостность, из которой, как из песни, слова не выкинешь. Грубый дуализм в оценке составляющих эту целостность элементов, частей неприемлем. Никогда, за редкими исключе-

ниями, нельзя с полной уверенностью ставить над ними положительный или отрицательный знак, ибо сама эта арифметика в мире, подверженном воздействию полярных начал, мире развивающемся, чревата серьёзными ошибками. Но нужно уметь отличать добро от зла внутри самих частей.

Жизнь в нашем, отравленном злом, цикле развития, названном «биологической эволюцией», несёт в себе идею компромисса. Сама природа с её двумя ликами — светлым и тёмным — есть такого рода компромисс. Поэтому языческое поклонение природе как высшей мудрости и аскетическое её неприятие как ловушки, соблазна для бессмертной души одинаково чужды мировоззрению «Розы Мира».

... Но две стратегии в эволюции всё же существуют. Они неизбежны вследствие того, что Провиденциальные силы и демонические силы преследуют в отношении биосферы и человека прямо противоположные цели. С особенной ясностью и резкостью обе тенденции обнаружили после пришествия в мир Христа. Стратегическая цель Провиденциальных сил, осеняемых возрастающей во времени мощью Планетарного Логоса, состоит в преобразении природы и человека, в создании в Энрофе Царства Божия, открытого высшим мирам Шаданакара. Этот путь изживания зла состоит из двух, не равных по времени и масштабам этапов — медленного и трудного облагораживания человека духовными средствами мировых религий в постоянной борьбе со злом и мистического акта освобождения земли от сил зла во Второе Пришествие Христа, полного преобразования Шаданакара. Физический слой, в котором мы обитаем, выходит тогда из изоляции, открывается «анфилада» уходящих ввысь прекрасных иноматериальных миров. Живущие получают возможность без умирания, путём телесной трансформы (пример — вознесение Христа), переходить в эти миры и возвращаться обратно. А некогда жившие на земле люди, облакаясь в плотные физические тела, смогут сходить в наш мир (явление Христа апостолам после Его смерти в новом преобразённом теле). Произойдёт колоссальное расширение границ бытия, умножение его красоты и полноты.

Стратегическая цель Гагтунгра состоит в том, чтобы окончательно демонизировать человечество, уничтожить любовь как движущую силу и принцип жизни, заповеданный Христом, увековечить среди

людей дух вражды, страдания, смерть, погубить души, чтобы и в смерти властвовать над ними.

В социальном плане эта цель достигается путём последовательного разрушения человека и создания сатанократии — всемирного тоталитарного сверхгосударства фашистского типа.

Эти две стратегии, густо переплетённые в истории, делают её похожей на двухцветный рисунок-загадку, на первый взгляд, бессмысленный. Но посмотришь на него сквозь синее стекло — и видишь красные линии, взглянешь сквозь красное — видишь синие. И там и тут обнаруживается смысл.

Андреев, насколько это было дано ему свыше, предоставляет нам уникальную возможность взглянуть на человеческую историю поочередно сквозь оба «стекла». Перед нами открываются картины борьбы запредельных сил в их конкретных земных проявлениях. Эти-то откровения «Розы Мира» имеют для нас наибольшую практическую ценность. Оказывается, борьба Провиденциальных и демонических начал присутствует решительно во всём, что создаётся умом и волей человека и что существенно влияет на ход человеческой истории. Назовём одно из самых жизненно важных для всех народов и наций поприщ этой борьбы — государство. Приходило ли кому-нибудь до сих пор в голову, что неразрешимое внутреннее противоречие, содержащееся в природе государства, может быть объяснено тем, что государство имеет две глубоко разные природы?

О двуединой природе государства

Да, государства двойственны по своей природе. Они представляют собой как раз те образования, в которых неизбежен компромисс между Провиденциальными и демоническими началами.

Государство — это одновременно хорошо и плохо. В нашем демонизированном мире жизнь вне государства крайне тяжела, если вообще возможна. Государство защищает своих граждан от внешних и внутренних врагов, от разгула преступности, от беззаконий и произвола. Оно является гарантом против хаоса и анархии, но вынуждено применять для этого жёсткие средства — юридические, экономические, полицейские, военные и т.д., огрубляющие челове-

ческие души, убивающие в них искренность и простоту, свойственные патриархальным временам. Отчуждая людей друг от друга, государство становится серьёзным препятствием для создания на земле Царства Божия.

Тем не менее, Провиденциальные силы вынуждены были на определённом историческом этапе воспользоваться демоническим принципом организации больших человеческих сообществ, пойти на компромисс с меньшим злом во избежание зла большего. «Государство нужно не для того, чтобы создать на земле рай, а для того, чтобы жизнь окончательно не превратилась в ад» (В. Соловьёв). Лучше не скажешь о сущности компромисса, на который вынуждены идти Провиденциальные силы, вступая во временный союз с демоническим началом. Метаисторическая подоплёка этого компромисса, по Андрееву, такова. Образованию всякого крупного государства в истории предшествует в метаистории вынужденный союз демиурга данного народа с одним из *уицраоров* — демонов великодержавной государственности. Только жёсткая и грубая воля демона, контролируемая демиургом, способна обуздывать в людях разрушительные инстинкты и сохранять целостность государства. Для читателя «Розы Мира» будет, наверное, неожиданностью узнать, что национально-государственные чувства, культивируемые как несомненная доблесть у всех великих народов, имеют демоническую природу. Увы, это действительно так, поскольку разделение людей на нации и государства совершенно несовместимо с идеалом Царства Божия.

Национально-государственные чувства являются источником жизненных сил для *уицраоров* и одновременно таят в себе большую опасность. Угасание национально-государственных чувств в людях ослабляет *уицраора* и может привести к гибели государства. Именно поэтому во всех крупных государствах ведётся в той или иной форме патриотическое воспитание граждан, и чем оно сильнее, тем сильнее государство. С другой стороны, чрезмерное раздувание этих чувств порождает крайние формы национализма — и тогда государство может стать агрессором. Деятельность *уицраоров* — одна из главных причин великих войн истории, утверждает Андреев. На языке андреевского мифа мистика государственности выглядит так:

«Уицраор излучает в гигантских количествах своеобразную психическую энергию, проникающую в Энроф. Воспринятая сферой

бессознательного, она проявляется среди человеческого общества в виде комплекса национально-государственных чувств. Благоговение перед своим государством (не перед народом или страной, а именно перед государством с его мощью), переживание самого себя как участника в грандиозной деятельности великодержавия, культ кесарей и вождей, жгучая ненависть к их врагам, гордость материальным преуспеванием и внешними победами своего государства, воинственность, национальное самодовольство, кровожадность, завоевательный энтузиазм — все эти чувства, выявляющиеся уже в пределах человеческого сознания, могут расти, распухать, гипертрофироваться лишь благодаря этой уицраориальной энергии. Но при этом психика людей обогащает эти разряды энергии своими собственными привнесениями, свойственными лишь ей. Возникает своеобразное психоизлучение человеческих масс, психоизлучение двойственной природы и обратной направленности. Оно опускается сквозь земную кору, проникает в соседние инфраслои и проступает в виде вязкой красной росы на почве шрафтов. Игвы собирают её для уицраоров. Весьма возможно, что я упрощаю или не вполне правильно излагаю механизм этого процесса; но суть его — питание уицраоров психоизлучениями народов, и притом излучениями, связанными именно с эмоциями государственного комплекса, — это не только серьёзнейший факт, но и причина неисчислимых бедствий» (РМ, 88).

Разумеется, Андреев даёт лишь эскизное решение проблемы, мифологизируя, упрощая гораздо более сложную метаисторическую реальность, в чём признаётся и сам. Но он впервые в истории вполне внятно объясняет мистическую, двуединую природу государства, а, значит, даёт нам ключи к пониманию важнейших исторических событий, связанных с расцветом и гибелью государств. При всей фантастичности нарисованных им картин исторической и метаисторической жизни, они имеют внутреннюю логику и приводят к некоторым важным выводам. Вот один из них.

Гибель уицраора в метаистории влечёт за собой неизбежную гибель соответствующего государственного образования в Энрофе. И, наоборот, никакие героические усилия отдельных людей не приведут к созданию нового государства, если нет на то санкции демиурга-народоводителя, если отсутствует могучий духовный двигатель новой государственности — уицраор. «Аще Господь не созиж-

дет дом, всеу трудишася его, напрасно рано встанут и поздно просиживают» (Пс. 126, 1–2).

Но уицраоры — своенравные существа. Они рвутся из-под власти демиургов, стремясь захватить возможно большие географические пространства, и они крайне агрессивны. Таковы метаисторические корни всех империй истории — Кира, Александра Македонского, Карла Великого, Российской империи, СССР, Третьего рейха, США. Все эти мощные социальные суперсистемы создавались духовной энергией уицраоров.

С ростом научного знания, техновооружённости государств возникла качественно новая разновидность вооружённых столкновений — мировые войны. Страшные по своей жестокости, разрушительной мощи и количеству жертв, они привели человечество в XX веке к вполне реальной опасности самоуничтожения. Чтобы навсегда избежать её, надо бы объединить все государства в единое всепланетное государство, возглавляемое мировым правительством. Но в таком случае появляется другая, ещё большая опасность — всемирная тирания, тирания как самоцель, как источник обильных питательных излучений для демонических полчищ Шаданакара.

Мы видим сейчас, как устрасив человечество перспективой ядерного самоуничтожения и бесчисленных локальных войн, вспыхивающих в разных частях света, Гагтунгр толкает его в ловушку всемирного объединения. Андреев лучше других понял это основное противоречие новейшей истории:

«Но если взглядеться глубже, если сказать во всеуслышание то, что обычно говорят лишь в узких кругах людей, живущих интенсивной религиозной жизнью, то обнаружится нечто не всеми учитываемое. Это возникший ещё во времена древнеримской империи мистический ужас перед грядущим объединением мира, это неутолимая тревога за человечество, ибо в едином общечеловеческом государстве предчувствуется западня, откуда единственный выход будет к абсолютному единовластию, к царству “князя мира сего”, к последним катаклизмам истории и к её катастрофическому перерыву. Да и в самом деле: где гарантии, что во главе государства не окажется великий честолюбец и наука послужит ему верой и правдой, как орудие превращения этого сверхгосударства именно в ту чудовищную машину мучительства и духовного калечения, о которой я говорю?» (РМ, 9).

Ключ к андреевской историософии содержится в самом начале книги. Он называет Сциллу и Харибду человеческой истории, между которыми человечеству нужно суметь пройти, чтобы с одной стороны избежать самоуничтожения, а с другой — всемирной тирании.

«... я принадлежу к тем, кто смертельно ранен двумя великими бедствиями: мировыми войнами и единоличной тиранией... Оба эти бедствия были для нас своего рода апокалипсисами — откровениями о всемогуществе мирового зла и его вековой борьбе с силами Света.

... ничто не поколеблет меня в убеждении, что самые устрашающие опасности, которые грозят человечеству и сейчас и будут грозить ещё не одно столетие, это — великая самоубийственная война и абсолютная всемирная тирания.

... никакие усилия разума, никакое воображение или интуиция не способны нарисовать опасностей грядущего, которые не были бы связаны, так или иначе, с одной из двух основных опасностей: с опасностью физического уничтожения человечества вследствие войны и опасностью его гибели духовной вследствие абсолютной всемирной тирании. Книга направлена, прежде всего, против этих двух зол» (РМ, 8).

В этих размышлениях-пророчествах Андреева о будущем человечества нет уже никакой мистики. Всякий, кто хоть немного изучал историю, знает, какую огромную роль сыграла в судьбах народов воля к господству у отдельных личностей. Эта иррациональная по своей природе страсть мутила умы великих императоров и полководцев, заставляла некоторых из них стремиться к мировому господству во имя его самого, без всякой для себя личной корысти. Стремление к мировому господству было главной движущей силой большинства великих завоевателей. Жажда мирового господства — уже не человеческая и, тем более, не животная, поскольку в животном мире мы не наблюдаем её вообще, а в мире человеческом она со всей очевидностью является психической аномалией, своего рода умопомешательством. Она лишена какого бы то ни было положительного содержания и составляет особенность эпохи крупных государственных образований, которую Андреев отсчитывает от древнего Вавилона. Эта страсть возбуждается в верховных властях отдельными, особенно агрессивными, уицраорами, вышед-

шими из-под Провиденциального контроля, — следовательно, имеет сугубо демоническую природу. Она есть предельное проявление демонизма в человеке и вполне способна на некотором этапе истории породить Антихриста.

Андреев говорит о всемирной тирании под властью Антихриста как о совершенно реальном финале того демонического пути, по которому движется наша технологическая цивилизация. Насколько серьёзным можно считать этот вариант будущего, отсутствующий в прогнозах футурологов, который с пренебрежением отвергается всеми современными оптимистическими мировоззренческими системами? Имеет смысл немного поговорить на эту тему.

Антихрист: плод религиозных фантазий или реальная возможность?

При всём универсализме мировоззрения «Розы Мира» её автор — по преимуществу христианский апокалиптик, а ключевой фигурой христианской апокалиптики является Антихрист. Антихрист — это личность колоссальной духовной мощи, одарённая многими талантами, стремящаяся к мировому господству и способная достигнуть его. Подчинив своей воле миллиарды людей, он захватит власть над миром незадолго до Второго Пришествия Христа, окончательно разгромит христианские церкви, развратит человечество физически и духовно.

Тем, кто не разделяет христианского видения истории, фигура Антихриста представляется чем-то сугубо фантастическим. Многие склонны понимать её как явление персонификации заключённого в человеческой природе зла, свойственное переходным эпохам, когда концентрация зла в обществе превышала пределы, переносимые человеческой душой. Иногда говорят о «перманентном конце света» и «перманентном Антихристе». В России, к примеру, Антихристом считали и Петра I, и Наполеона, и Сталина...

Конечно, нелегко представить себе человека, который обладал бы качествами, необходимыми для того, чтобы стать единоличным правителем многомиллиардного человечества. Видится тут гипербола, механический перенос идеи единоличной тирании на уровень,

принципиально для неё недостижимый. Не позволит, де, цивилизованное человечество с его социальными завоеваниями, институтами демократии, свободной прессой и т.д. загнать себя во всепланетный концлагерь, да и не под силу одному человеку держать в повиновении миллиарды.

Что ж, если история есть безличный саморазвивающийся процесс, то с оптимистами можно согласиться. Но если это процесс направляемый, определяемый противоборством двух исторических начал, как можно говорить о невозможности всемирной тирании, не зная демонической стратегии и методов её осуществления? Потенциальные способности человека огромны. Продуманная, последовательная отрицательная селекция с помощью механизма реинкарнации, производимая демоническим разумом, вполне может произвести когда-нибудь многогениальную, но предельно порочную личность, готовую сознательно служить мировому злу в качестве всемирного диктатора. И тогда это человекоорудие получит сверхъестественные дары, о которых говорит Андреев, непосредственно от высшего демонического разума.

Можно показать, что это очень и очень вероятный вариант развития мировых событий. В его пользу свидетельствуют некоторые опасные социальные тенденции глобального характера, составляющие характерную особенность XX века и особенно ярко проявившиеся в «перестраивающейся» России. Мы видим, что агрессия мощных духовно-разрушительных сил, вызванных «перестройкой», сопровождается у нас широчайшим распространением оккультизма, который в былые века ограничивался только узким кругом посвящённых. Последний же, как мы уже разбирали ранее, имеет безусловную демоническую природу, практически его успехи достигнуты через прямое бесообщение. Мы становимся свидетелями того, как отдельные незаурядные личности, овладевающие из жажды самоутверждения оккультной техникой, (колдуны, маги, экстрасенсы и т.д.), действительно могут обретать необычные способности, а в понимании Церкви, получают их от бесов.

То, что происходит сейчас в России, можно рассматривать как качественно новый этап в развитии сценария, начавшегося ещё в XIX веке и уже тогда замеченного проницательными умами. Суть этого сценария в том, что постепенная стандартизация, опошление

человека машинной цивилизацией осуществляются параллельно с совершенствованием, усложнением средств управления им — сначала технических, теперь оккультных. Происходит сращивание науки с магией в сфере управления людьми. Наука всё больше интересуется магией, магия пытается стать наукообразной. Формируется, таким образом, планетарная среда, в которой специально подготовленная уникальная личность или, быть может, узкая группа лиц («коллективный Антихрист»), в самом деле, сумеет установить полный контроль над стандартизированной, духовно-примитивной человеческой массой планеты.

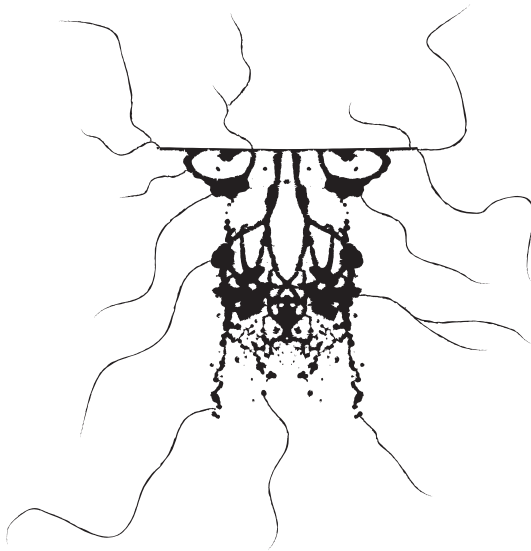
Андреев, впрочем, говорит именно о власти одного человека, сообщая, что высшие демонические иерархии Шаданакара уже много веков с помощью механизма реинкарнации готовят к власти над миром некую человеческую монаду. Одним из её последних воплощений был И. Сталин. Из метаисторических откровений «Розы Мира» следует, что Сталин был человекоорудием демонических сил, кандидатом в Антихристы в прямом смысле этого слова. Страна, которую он держал в своей могучей длани, представлялась при взгляде со стороны невообразимо абсурдной. Для православного сознания она была предельным уклонением огромного народа в область ирреального, как бы даже внеисторического бытия. «Такого не может быть!» — сказал бы о сталинском государстве интеллигент XIX века, если бы какой-нибудь философ-провидец изобразил бы его в своём произведении как возможный вариант будущей России. Оказалось, однако, что может. Сталинская тоталитарная система, по Андрееву, была вызвана к жизни мощным целенаправленным всплеском демонической энергии, участие которой в этнических процессах до сих пор находится вне области интересов историков. За несколько лет ценой большой войны она была расширена до размеров «социалистического лагеря» и держала под контролем значительную часть земного шара, грозя подчинить своему влиянию и новые страны. Мы знаем о той растерянности и страхе, которые испытывал после войны демон американской государственности перед советским демоном, не уступавшем ему в военном отношении, но значительно превосходившем по жестокости.

Противостояние двух демонов едва не закончилось ядерной катастрофой. Однако до открытого столкновения дело не дошло. Что-то

случилось в метаистории, и события повернулись в более мирное русло, оставаясь, тем не менее, частью «великого демонического плана» с его конечной целью — создать на земле царство Антихриста. Центральное место в этом плане занимает Россия. Невозможно понять смысл современных геополитических игр, не разобравшись в метаисторической подоплёке русской истории. Но тут начинается новая тема — столь сложная и обширная, что придётся посвятить ей всю вторую часть этой книги.

Книга вторая

СОВРЕМЕННЫЙ
ВАВИЛОН
И «РОЗА МИРА»

Глава 1

РУССКИЙ СФИНКС

Россия на распутье

В тот приснопамятный 1991 год, когда разрушительная стихия горбачёвской «перестройки» привела к развалу СССР, «суверенная» Россия попала под власть бездарных и бесчестных временщиков, значительную часть которых составили бывшие чины КПСС, парт-аппаратчики, прикрывшиеся масками освободителей страны от коммунизма. Вместо того чтобы энергичными мерами начать создавать новую российскую государственность, разумно сочетая народный интерес с собственным, они занялись мародёрством, стали разворовывать и разбазаривать национальное достояние, не обременяясь мыслями о завтрашнем дне страны и её народа. Между тем официальные статистические данные свидетельствуют о том, что основная по численности нация страны — русские — неумолимо движется к той черте, за которой вполне могут начаться необратимые процессы её вырождения и гибели.

Есть что-то апокалиптическое в этой обезумевшей от алчности и властолюбия олигархии, словно явившейся из самой преисподней, чтобы поставить точку в тысячелетней истории России. В то же время нет уверенности и в том, что, если к власти придут её политические противники, положение сразу улучшится. Они тоже могут оказаться рабами своих страстей, и уже известны примеры, как прикормленные олигархией вчерашние оппозиционеры отказывались от патриотической риторики и переходили на сторону олигархов.

Мировоззрение «Розы Мира» позволяет надеяться, что русский апокалипсис вполне можно остановить, но не раньше, чем разобравшись в его многосложных, уходящих в глубь веков причинах.

Было бы великой ошибкой считать, что во всём виновата только нынешняя власть. Она лишь заключительный эпизод в длинной цепи событий, начинающейся с глубокой древности. Чтобы понять наше время, надо, прежде всего, по возможности точно реконструировать эту цепь. Говоря другими словами, нужна цельная и непротиворечивая концепция всей обозримой русской истории, позволяющая взглянуть на современный её этап под *телеологическим* углом зрения. Провиденциализм, и Андреев блестяще доказывает это в своей книге, есть единственно плодотворный из всех «измов» способ осмысления русской истории. В метаморфозах, происходивших со страной в течение многих столетий, начиная от языческой Руси, должна быть найдена единая логика или, лучше сказать, *металогика*, предполагающая существование высшего смысла в протяжённых во времени громадных исторических циклах. Если такая логика в русской истории есть, то появляется возможность разработать на её основе эффективную стратегию борьбы за спасение этноса. Если же никакой логики нет, то не Россия, а чуждые ей политические силы будут решать её судьбу — как, собственно, это до сих пор и происходило...

Ещё не так давно, в условиях жёсткой идеологической цензуры, решение подобной задачи было делом абсолютно нереальным, что стало одной из главных причин гибели советской системы. Но «перестройка», и в этом, может быть, единственное безусловное её достижение, уничтожила цензуру, предоставив нашей интеллигенции неограниченные возможности для поиска истины.

Каков же первый итог этих свободных исканий на историческом поприще? Скажем откровенно — не слишком утешительный. Несмотря на обилие публикаций, истина о нашей истории так пока

и не родилась. Произошло нечто противоположное. Безудержно фонтанирующее слово породило прямо-таки вавилонское столпотворение из конфликтующих друг с другом концепций, мнений, оценок — кажется, не осталось в нашей истории такого пункта, по которому не было бы высказано взаимоисключающих суждений. Славянское язычество, кризис Православной Церкви, крепостное право, Иоанн Грозный, Пётр I, Столыпин, Распутин, Октябрь 17-го, Ленин, Сталин, генерал Власов, Никита Хрущёв — все эти и многие другие яркие события и фигуры русской истории стали предметом ожесточённых и безрезультатных споров, породивших совершеннейшую сумятицу в головах читателей. По метко-ироничному наблюдению западных интеллектуалов, у России оказалось не только непредсказуемое будущее, но и непредсказуемое прошлое.

В чём же главная причина этой неудачи? Её мы находим в «Розе Мира». Одним умом Россию действительно не понять. Чтобы из разноречивых, часто иррациональных событий и фактов русской истории сложилась цельная, вразумительная картина, нужно, оказывается, знать ещё то, что в самих событиях и фактах не содержится — их метаисторическую подоплёку. Толковать историю без метаистории — значит заниматься своего рода «гаданием на фактах». Факты истолковываются разными интерпретаторами таким образом, чтобы получился заранее заданный ответ. А если ответ не получается, то... тем хуже для фактов.

В нынешнем потоке публикаций о России бросается в глаза два непримиримо враждебных друг другу умонастроения — русофобское и русофильское. Крайности сходятся — оба порождены упрощённым до примитивизма созерцанием русской истории. Внимание авторов концентрируется либо только на тёмных, либо только на светлых сторонах русской души и русской жизни, приводя к соответствующим, далеко идущим выводам. Русофобия, переживаемая иногда как внутренний, душевный конфликт вполне порядочными, нравственными людьми, не видит в русской истории ничего, кроме затянувшейся на века злой бессмыслицы. Русофилия же, напротив, сильно мифологизирует историю, изображая народ, его царей и Церковь преимущественно в светлых тонах, создавая, собственно говоря, идеологию, приуроченную к «текущему моменту».

Так получилось, что русофобия уже успела второй раз в XX веке натворить у нас великих бед. Игорь Шафаревич в одноименной

статье, опубликованной в «самиздате» ещё в начале семидесятых годов, оказался пророком, предсказав, какая духовная сила взорвёт коммунистическую систему и по какому приблизительно сценарию могут пойти дальнейшие события. Да, именно чёрная энергия русофобии, заключённая в «малом народе» — политизированной пассионарной части советской, преимущественно столичной интеллигенции, задала то направление «перестройке», которое привело к безумию разрушения огромного государства и беспрецедентному в XX веке притеснению русской нации, вполне заслуживающему названия геноцида.

Всё это, увы, так, и всё же будущим государственно мыслящим лидерам, если они всё-таки придут к власти в России, следует серьёзно опасаться русофильства, возведённого в идеологию. Не будем забывать отрицательный опыт коммунистической идеологии, показавший, что сокрытие ошибок и преступлений системы во имя даже благих целей, пресловутая «ложь во спасение» — прямой путь к катастрофе.

Современное русофильство до сих пор сильно проигрывало русофобии из-за своей неспособности организовать в идейный монолит. Наша «патриотическая среда» расколота на конфликтующие группы, по-разному понимающие будущее России и единые подчас только в общей ненависти к власти; в ней происходит постоянное брожение, рождаются интегральные концепции, пытающиеся аккумулировать опыт глубоко разных эпох русской истории: советской, православно-самодержавной, эпохи докрепостной Святой Руси и даже Руси языческой. Эти искусственные, иногда диковатые концепции обнаруживаются в программах патриотических организаций, проглядывают в публицистике и художественной литературе русофильского направления, озвучиваются с эстрады некоторыми рок-группами. Иногда они просто поражают своей нравственной глухотой, выстраивая в один ряд такие, к примеру, имена, как Дмитрий Донской, Серафим Саровский, Дзержинский, Сталин, и обрушивая гнев на Чаадаева, Соловьёва, Бердяева, Розанова, Достоевского.

Но не лучше обстоит дело и с традиционными мировоззрениями — советским, православным, языческим, имеющими своих последователей в современном российском Вавилоне. Даже краткое знакомство с предлагаемыми ими рецептами спасения страны вызывает большие сомнения в их способности решить эту сверхсложную задачу.

Православно-церковное понимание русской истории есть в чистом виде консервативная утопия. Решение грозных проблем, поставленных перед современной Россией, оно ищет в далёком прошлом, в идеале Святой Руси. Православная Церковь равнодушна к самому понятию исторического развития, то есть объективно неизбежного, насыщенного противоречиями движения общества по стреле времени, требующего глубокого осмысления вызываемых им перемен. Церковь, кажется, и не задумывается над мистикой сложнейших исторических процессов, за несколько веков превративших малонаселённую, патриархальную страну в громадную индустриальную супердержаву и затем безжалостно её сокрушивших. Её видение русской истории отмечено былинной простотой и непосредственностью...

...Русский народ-богоносец был призван *служить* хранителем единственно истинной на земле православной веры, давая возможность *любому* желающему припасть к этому источнику живой воды, приснотекущей в жизнь вечную и блаженную. Никакой иной цели или миссии, требующей волевого, осмысленного движения к будущему, принятия ответственных политических решений у него нет и не будет. Успешное несение русским народом своей охранительной службы обеспечивалось его духовным единением с Церковью и Государем, наибольшей крепости достигшим в допетровской Святой Руси. Но враг рода человеческого не давал русским жить спокойно, по древлеотеческим обычаям. Чтобы уничтожить ненавистную ему православную веру, он всё время пытался расколоть это триединство, насылая на Россию враждебные ей силы: иноземных завоевателей со всех четырёх концов света, духовно и политически агрессивное католичество, безбожного царя Петра, самозванцев, еретиков, масонов, интеллигенцию и т.д. Эти тёмные силы гнали народ-богоносец в неизвестное и нежелательное для него будущее, обманывали и искушали его. Вся русская история, если взглянуть на неё с церковной точки зрения, вполне может быть названа *отступлением* в будущее. Святая Русь в лице своих благоверных князей, патриархов, самодержцев, святых подвижников, великих полководцев вела непрерывную борьбу с внешними и внутренними врагами, поневоле при этом меняясь в худшую сторону, уходя всё дальше от первоначального идеала. Самым опасным из внутренних врагов было не изжитое в народе язычество. Укоренившееся в обычаях, тёмных страстях, предрассудках, оно жаждало греховной *воли*, чувственных

радостей, искушало русскую православную душу стихией разгула. В 1917 году языческий соблазн победил, народ предал своего Государя и Церковь, впал в лютое безбожие и с тех пор караем десницей Божией за своё ужасное преступление. Отсюда программа спасения — покаяться всем миром и восстановить первоначальное единство народа, Церкви и Государя. Это элементарное, как ход маятника, решение мы находим, например, в книге архиепископа Серафима (Соболева) «Русская идеология», в ярко-искренних, но неглубоких статьях о русской истории покойного владыки Иоанна, митрополита Петербургского и Ладожского. В обеих работах не говорится ни слова о тёмных страницах церковной истории, о пороках социального строя старой России, обходятся молчанием ошибки и злоупотребления государей своей властью и многое другое подобное, то есть оставлены без внимания факторы огромной значимости для понимания революционной катастрофы. Владыка Иоанн даже переходит в атаку на русских «либеральных историков» (например, Карамзина), обвиняя их в недобросовестном отношении к своей работе, неумении пользоваться источниками и в итоге — в клевете на благочестивейшего, без единого тёмного пятнышка русского государя Иоанна Васильевича Грозного и его опричную братию.

Таким образом, вместо глубокого и всестороннего исследования духовной и мистической природы революции, нам предлагается нечто подобное «Истории СССР», только лучшего литературного качества.

Но живая история не совершает обратных ходов. Поэтому призыв современных церковных мужей к покаянию и массовому воцерковлению выглядит, увы, лишь благим пожеланием, в реально сложившихся условиях вряд ли осуществимым.

К этому выводу можно прийти из простого сравнения двух разных эпох. Во времена, когда православие было кровеносной системой русской культуры — в древней Руси, населения, разбросанного по городам и весям, набралось бы вряд ли больше, чем его обитает в двух-трёх районах современной Москвы (при Екатерине его число достигло всего 34 миллионов, во многом за счёт присоединения Польши) и, наверное, всё оно могло уместиться в церквях — так много их тогда было. И не знали древние русичи телевизионного змия-искусителя, открытых «информационных границ», тотального нашествия иных вер, компьютерных игр, мощных средств управления массовым сознанием, не было тогда нынешнего огромного разно-

образа человеческих индивидуальностей и столь же огромного их разобщения — всего того, что делает практически неосуществимым предложенный план спасения России...

Те же утопические мотивы звучат и в советской концепции истории. В соответствии с материалистической философией прогресса её последователи считают советский период высшим этапом русской истории, обнаруживая в советском социализме осуществление сокровенных чаяний русского народа. К Церкви они сейчас уважительно-равнодушны, однако «перестройку» понимают почти по-церковному — как увод советского народа тёмными силами от его семидесятилетнего стояния в коммунистической вере¹. Наименее состоятельной и наименее популярной выглядит новоязыческая идеология, нашедшая приют в некоторых патриотических изданиях. Выросшая по преимуществу из противостояния христианству, она заново переписывает всю русскую и мировую историю. Её основные тезисы: все великие духовные открытия сделаны ведической культурой, созданной древнеславянскими племенами, русский язык древнее всех других языков, так как ведёт своё начало от этих племён, *еврейская* религия — христианство — морально разоружила наших замечательных предков-язычников, нанесла огромный ущерб русскому народу в целом. Крещение Руси — самый мрачный факт в нашей истории, а Библия, соответственно, самая вредная для русских книга; будущее величие России — в решительном избавлении от православия и возрождении в народных массах мужественного древнеязыческого мироощущения, в частности, языческой твёрдости по отношению к врагам и т.д.

После появления «Розы Мира» демоническая родословная новоязыческой идеологии не может вызывать сомнений. Её смысл, очевидно, в том, чтобы попытаться скомпрометировать христианство в глазах той духовно ищущей части нашего общества, которая находится вне влияния космополитических универсалистских учений, но не определилась пока и с традиционными. Сомнительно, чтобы она сумела завоевать миллионы умов и сердец. «Ареал» её обитания — малотиражные экзотические издания. Так как же быть? Где искать разгадку русского сфинкса?

¹ В публикациях этого направления можно встретить такие, например, удивительные строки: «Но, положи руку на сердце, кто скажет, что знает свою историю не только времён татаро-монгольского ига, но и ту, которую русские люди чтят и вспоминают, как самое прекрасное для расцвета Отчизны время, — эпоху И.В. Сталина?».

Слово метаисторику

То, что не сумели сделать идеологи современного русофильства, сделал узник Владимирской тюрьмы Даниил Андреев, которому за долго до «перестройки» Провиденциальные силы России вручили метаисторические ключи к русской истории. В «Розе Мира» представлен впечатляющий по масштабам и глубине, совершенно оригинальный анализ русской истории, в основе которого лежит знание ключевых событий метаистории. России Андреев посвящает почти треть своего немалого по объёму труда, связывая в смысловое единство множество разнообразных фактов, событий, имён, сюжетов начиная с крещения Руси при князе Владимире, кончая смертью Сталина. История России становится едва ли не главной темой книги после того, как читатель получил достаточно ясное представление о мировоззрении «Розы Мира». Он ознакомлен с «географией» нашего планетарного космоса, знает о борьбе Провиденциальных и демонических сил, о трагической оборванности миссии Иисуса Христа в Энрофе, ему предложено новое, более высокое понимание Бога. Он достаточно вошёл в систему взглядов «Розы Мира», чтобы оценить, сколь блистательно решается с её помощью труднейшая из загадок мировой истории — загадка России.

Было бы ошибкой объяснять столь пристальный интерес Андреева к русской истории только его патриотизмом, сомневаться в котором не приходится. «Роза Мира» — книга о человечестве и его исторической судьбе. Она адресована не одним только русским, но и другим народам земли. Человечество предстаёт в ней как великое многообразие народов, связанных единой исторической судьбой, движущихся к единому историческому финалу — Преображению мира. И если России Андреев уделяет в своей книге так много внимания, значит, это необходимо для понимания её места в стратегическом замысле Провиденциальных сил. Не будем забывать, что Андреев не философ в принятом значении этого слова, то есть не просто одарённый человек, дерзнувший предложить своё оригинальное видение мира. Он — вестник, переживший уникальный духовный опыт общения с высочайшими иерархиями Шаданакара. По силе, яркости и ценности полученных им откровений духовный опыт Андреева вряд ли уступает аналогичному опыту ветхозаветных пророков, а, может быть, и превосходит его. В главах о России Андреев ставит перед собой задачу

доказать, что Россия была вызвана из небытия высшими силами для того, чтобы в некоем отдалённом будущем осуществить объединение народов земли на религиозно-нравственных началах, и что неисполнение этой всемирно-исторической миссии может иметь результатом полное исчезновение русских с исторической сцены:

«С точки зрения метаистории, самой страшной катастрофой является непоправимая неудача выполнения сверхнародом его метаисторического (и исторического) задания. Любая извилина исторического пути, в конце которой маячит такая опасность, должна быть избегнута любой ценой» (РМ, 159).

Андреевское понимание миссии русского народа частично совпадает с церковным и в то же время существенно отличается от него. Совпадает в отношении высоких нравственных требований, предъявляемых к народу и правящим классам, отличается же тем, что видит в них не самоцель, а только лишь необходимое условие для достижения в будущем более высокой цели. Не просто *стояние* в нравственной и религиозной правде в раз и навсегда выбранных формах существования, а *движение* к исторической правде.

Под таким углом зрения на русскую историю не смотрел, кажется, ещё никто. В XIX веке был начат светскими умами, а в XX продолжен спор о том, есть ли у России свой особый исторический путь? Одни свято в него верят, хотя и не могут внятно объяснить, в чём его суть, другие сомневаются, третьи резко отрицают, видя причины многовековых страданий русского народа в его нежелании «жить как все», именно в ложном ощущении своей избранности. И никому не приходило, да и не могло прийти в голову, что народ страдал оттого, что Российское государство под воздействием демонических начал либо стояло на месте, либо сбивалось в сторону от предназначенного ему пути. Две взаимосвязанные темы раскрываются в исторических главах «Розы Мира» — тема исторического идеала России и тема демонических искажений этого идеала.

...У каждого большого народа, по Андрееву, есть свои народоводительствующие иерархии. Это сверхъестественные иноматериальные существа или сущности, обитающие в высших мирах планетарного космоса. Только благодаря им, а не безличным законам развития «живого вещества» или этническим законам, народы пребывают во времени, сохраняясь как духовно-физические целостности. Народы существуют и развиваются лишь постольку, поскольку у них имеются

вдохновляющие и защищающие их высшие иерархии. Монотеистические религии часто отождествляют их с Богом, даже не подозревая о том, что впадают в «крамольное» язычество. Универсальное слово «Господь», употребляемое верующими христианами, мусульманами, иудаистами и др. в молитвах, во многих случаях оказывается псевдонимом одной из этих иерархий, сотворённых или рождённых Богом для творчества и связанных с Ним нерасторжимыми узами.

Если окинуть мысленным взором сонмище племён, народов, государств, побывавших на земле за всю историю человечества, то придётся признать, что гностик Василид сильно занижил число высших иерархий. У него оно, как мы помним, почему-то равнялось трёмстам шестидесяти пяти.

О существовании множества духов, управляющих людьми и природными стихиями, свидетельствуют все пантеистические религии. Прообразы высших иерархий Шаданакара можно найти в мифах древних греков — в виде пантеона богов-олимпийцев, возглавляемых Зевсом, или у древних славян в «Велесовой книге». (Существует оригинальная современная гипотеза, утверждающая, что наши далёкие предки-язычники также знали о бытии единого Бога.) Христианская Церковь была не права, утверждая, что все языческие боги суть демоны. Далекое не все. Язычники в силу дуализма своего миропонимания поклонялись не только тёмным духам, но и светлым. Монотеистические религии отвергли все духовные иерархии, находящиеся между Богом и человеком, связав человека напрямую с Богом. Это помогло утверждению монотеизма, но, увы, ценой грубого упрощения духовного мира.

Андреев исправляет эту ошибку, подтверждая прозрения политеизма, не отрицая при этом и монотеизма:

«Господь Бог един, но богов много; начертание этого слова в русском языке то с большой, то с малой буквы достаточно ясно говорит о различиях содержания, вкладываемого в это слово в обоих случаях. Если же повторение в различных смыслах пугает кого-нибудь, пусть он заменит его, говоря о политеизме, каким-нибудь другим: “великие духи”, “великие иерархии”, но от этого ничего не изменится, если не считать того, что употребление слова “дух” может в ряде случаев повести к недоразумениям, ибо многие из этих богов суть не духи, а могучие существа, обладающие материальной воплощённостью, хотя и в других, трансфизических слоях бытия» (РМ, 27).

Из «Розы Мира» нам становится известно такое, чего не могли знать язычники. Оказывается, народоводительствующие иерархии, как все Божьи творения, подвержены духовной эволюции. Они творят и опекают народы, одновременно развиваясь вместе с ними. История — не просто игра стихийных сил или движение «общественной материи», а творчество и борьба. В этом понимании сущности истории коренное отличие «Розы Мира» от рационалистических концепций истории.

Но творчество по самой природе своей основано на принципе неопределённости, исключающем детерминизм, несовместимом даже с таким понятием, как «законы истории». Против существования «законов истории» выступал один из умнейших людей XX века профессор Питирим Сорокин. Он выводил историю из свойств человека, его души:

«В историю вообще, и в частности в человеческую, входят только неповторяющиеся, в своём роде единичные и своеобразные факты. Поэтому всякая историческая эпоха — это нечто вполне индивидуальное, и вся история есть цепь эпох-звеньев, где нет тождества между двумя какими-то звеньями. Античный мир — явление единичное, как единичны средние века и т.д. Раз это так, то поставленный выше вопрос сводится к вопросу: возможен ли вопрос исторический, то есть закон неповторяющихся явлений?».

Сорокин показывает ошибочность исторического детерминизма, основанного на вере в существование «колеса истории», приводимого в движение законами истории. Он делает вывод, замечательно приближающийся к тому, как понимает историю «Роза Мира»:

«Поэтому так называемая закономерность в истории в переводе на обычный язык означает то, что не может быть ни одного исторического факта, который противоречил бы свойствам человека или совершался помимо его».

Именно через человека, используя свойства его души, высшие иерархи Шаданакара оказывают воздействие на ход земных событий, на историю. Исторические сюжеты действительно иногда повторяются, что вполне естественно для всякого творчества, но индивидуальности, конкретные события не повторяются никогда.

Моделью андреевского понимания истории можно, пожалуй, считать процесс написания романа. Писатель движется к первоначальному смутно осознаваемому им идеалу, давая при этом определённую

свободу своим персонажам, ошибаясь и участь на собственных ошибках, встречая мощнейшее сопротивление материала, развиваясь сам в процессе творчества, и всё более уясняя себе идеал, к которому он стремится.

Народоводительствующие иерархии русского народа — демиург Ярослав и Идеальная Соборная Душа России Навна, начала мужское и женское — имена условные. Вся русская история с её взлётами и провалами есть проявление совместного творчества Ярослава и Навны, их борьбы с демоническими силами, стремившимися уничтожить русский народ, и их собственного становления в этом сложнейшем процессе. Ярослав и Навна действуют не изолированно, но, если так можно выразиться, в системной связи с Провиденциальными силами других народов и более высокими иерархиями, надстоящими над демиургами и не постигаемыми до конца даже ими.

Перед нами в смутных очертаниях открывается невообразимо сложная картина вселенских масштабов. Её передний план составляют хорошо известные события земной истории, средний нам помогает увидеть Андреев — это мифологизированные события метаистории, а дальше картина теряется в дымке, в бесконечности, за которой вне всех времён и народов пребывает непостижимый, неизменный и вечный источник всего сущего — Бог.

Людям рационалистического склада ума для обозрения доступны лишь передний план, поэтому понятие о высшем смысле истории представляется им надуманным. Такие люди живут в скучном и странном мире самодвижущихся физических объектов. Они видят, что сколь угодно тщательное изучение текущих и прошлых состояний этих объектов не позволяет дать точного прогноза об их будущих состояниях, но не могут понять, почему это так. А это так потому, что жизнь народов действительно подобна непрерывно творимому гениальному произведению. Но можно ли, изучая предыдущие его главы, предсказать, что произойдёт в последующих и каков будет финал всего произведения? Если перед нами действительно гениальный роман, в котором соблюден принцип свободы для персонажей, а не графоманская поделка, то предсказать развитие действительно невозможно. Тот, кто ищет «законы истории», формулу развития человечества, понимая развитие как линейный процесс, как раз и исходит из того, что человеческую историю творят Великие Графоманы.

И всё же человек не может не иметь хотя бы самых общих представлений о содержании и смысле творчества высших сил, ибо по их замыслу он соучастник творчества, а не пассивный природный объект. И вот эти силы иногда открывают людям свои планы через пророков и вестников. Таковыми были древнееврейские пророки, евангелисты, некоторые русские святые. Нового откровения о судьбах мира и России, судя по всем признакам, сподобился и Даниил Андреев.

Что же сообщает нам о русской истории миф «Розы Мира»?

...Первым актом творчества Яросвета и Навны стала языческая Русь. Было бы большой ошибкой для нашего времени, показывает Андреев, продолжать смотреть на славянское язычество сквозь амбразуру православной идеологии, как на безусловного врага, подлежащего уничтожению в памяти народной. Как известно из истории, Русская Православная Церковь сформировалась в борьбе со славянским язычеством, и были времена, когда эта борьба являлась неизбежной и оправданной. Но она приобрела тотальный характер с отрицанием в язычестве не только тёмных, но и светлых его сторон, и в этом Андреев видит мировоззренческий недостаток христианства, который пришло время исправить.

О тёмных сторонах язычества было сказано разными авторами достаточно. Андреев их и не касается. Он говорит о светлых сторонах: о глубоком и тонком чувствовании нашими предками-язычниками светлых духов природы. Можно предположить, что древние славяне были бы потрясены, если бы узнали, до какого кошунства по отношению к природе дошли их потомки. Для них наше нынешнее экологическое варварство было бы, наверное, таким же гнусным преступлением, как для христианина осквернение храма.

Откуда же взялось у них это тонкое чувство природы? Почитаем «Розу Мира»: «И если сама Навна едва начинала уяснять народному сознанию детски смутные отражения окружающих стихий, то разум демиурга эти образы прояснял, очерчивал, определял, кристаллизируя их в именах славянских божеств: Перуна, Ярилы, Стрибога, Лады. На языке историков это перекрёстное влияние демиурга и Идеальной Соборной Души называется мифологией, религией, искусством и бытом древних славян — всем тем, что теперь обнимается понятиями духовной и материальной культуры» (РМ, 127).

Чуть дальше в главе «Прароссианский миф и христианство» Андреев определяет язычество как неотъемлемую часть единой русской

культуры, как «первую стадию развития мифа российского сверхнарода». В таком качестве язычество находилось под защитой Провиденциальных сил Небесной России, вследствие чего Церковь, как ни старалась, так и не смогла искоренить его из народной души.

И всё же принятие древними славянами христианства было неизбежным, ибо диктовалось вполне определёнными событиями метаистории. Здесь в метаисторических построениях Андреева обнаруживается весьма строгая логика. Поскольку миссия Христа на земле была прервана верховным планетарным демоном и создать на ней Царство Божие не удалось, то с тех пор идеал всечеловеческого братства стал для высших иерархий Шаданакара *историческим* идеалом, в полной мере, разумеется, неосуществимым (иначе не понадобилось бы Второе Пришествие), но достойным того, чтобы человечество к нему стремилось. Как становится ясно по прочтении всей книги, в этом внушаемом человеку стремлении Провиденциальные силы видели единственную возможность противостоять духовно-разрушающей мощи Гагтунгра, и это, собственно, весь смысл исторической жизни. Духовно и психологически подготовить человечество к объединению во всемирное братство могло только христианство с его высочайшим этическим уровнем, с его пониманием человечества как единого племени, произошедшего от одного отца и одной матери, с его могучей небесной поддержкой. Ограниченное языческое сознание полностью исключало такую возможность. Поэтому и только поэтому началось вытеснение христианством языческих религий на обширных географических и временных пространствах. Что бы там ни толковали теоретики истории, рационально объяснить исторический триумф христианства невозможно. Невозможно объяснить ни экономическими, ни какими-либо другими теориями тот непобедимый дух самопожертвования, которым кроткие первохристиане сломали безжалостно суровое язычество, сломали повсеместно на территории огромной империи. Распространение христианства в древнем мире было, таким образом, управляемым процессом.

В XX веке очередь дошла до русичей. Здесь, на обширных географических просторах, Провиденциальные силы усмотрели своего рода плацдарм для осуществления будущей идеи объединения человечества:

«Леса и степи будущей Европейской России представлялись достаточно ёмкими для расселения в грядущем громадных челове-

ских массивов, а к Востоку открывался ещё другой неисчерпаемый пространственный резерв, тянувшийся до Тихого океана. Запасы всевозможных ископаемых могли обеспечить материальную основу жизни колоссальному коллективу на тысячелетия вперёд. Очаги же великих старших культур были достаточно удалены, чтобы уберечь юную культуру будущего от потери самой себя до тех пор, пока задача преодоления пограничных вакуумов может стать по плечу её собственному мужающему гению. Только демиург Византии длил ещё близости свой трагический, отрывающийся от земли труд, готовясь передать Яросвету бремя задач, обречённых оставаться в недовершённости. Это была не страна, но целая часть света, и от предчувствия событий, соразмерных её масштабам, могло бы захватить дух, — не только человеческий» (РМ, 127).

Молодой Яросвет и Навна не знали всей глубины планов высших иерархий Шаданакара. Становясь творцами, они были, в известной степени, управляемы или, точнее сказать, наставляемы ими. Период их языческого творчества закончился причащением их к христианскому трансмифу, существовавшему к тому времени уже десять веков. Это мистическое событие Даниил Андреев вынужден описывать приспособленным к человеческому пониманию языком мифа:

«Это было их причащением Богу-Сыну, распятому, пока существует во вселенной демоническое начало, в Мировой материи, Им оживляемой, — в той живой плоти, мистериальным знаком которой мы берём хлеб и вино. Совершилось оно не в Небесной России, тогда ещё к этому не готовой, а в великом Византийском затомисе. Оттуда распахнул демиург Византии ряды надстоявших над этим затомисом небес; Яросвет и Навна узрели воочию предельную красоту Христианского Трансмифа и сквозь Небесный Иерусалим вступили в общение с Богом. Так свершилась их первая встреча с Тем, Кого видеть лицом к лицу могут лишь богорождённые монады. Так демиург Византии посвятил их в свою глубочайшую тайну — тайну, действительно претворить которую в формах человеческой жизни он не сумел. Теперь он передавал её им как своим наследникам» (РМ, 128).

Вот последний ответ на вопрос, почему Россия приняла именно православное христианство, а не ислам или буддизм и не осталась языческой. До сих пор ведутся нелепые споры по этому вопросу, свидетельствующие о крайне утилитарном, обезбоженном взгляде

на историю тех, кто считает, что древние русичи совершили фатальную ошибку, отказавшись от язычества.

Выбор высших иерархий пал на молодые славянские племена ещё и потому, что к этому времени им стало ясно, что ни западная, ни восточная христианские церкви к исполнению великой миссии объединения человечества непригодны. Вот что пишет об этом Андреев:

«Драма исторического христианства заключается в том, что ни одна из церквей не превратилась в *форму совершенного народоустройства*, способную выразить и осуществить завет христианства, его мистический и этический замысел. Причина этого коренится опять-таки в прерывании Гагтунгром миссии Иисуса Христа, но отсутствие серьёзных, искренних и чистых попыток в этом направлении — вина самих церквей как человеческих сообществ. Ибо если католицизм, стремясь иерократией подменить Царство Божие на земле, подпал, хотя, к счастью, временно, одному из страшнейших инфрафизических вампиров всемирной истории, то православие, ещё в Византии занявшее, по выражению Достоевского, “угол в государстве”, совсем отказалось от этой задачи. Эта задача, одна из ключевых, если не самая ключевая из всех задач, возникавших перед человеком, переходила теперь со всей непомерной тяжестью и опасностью требуемого ею пути к иерархиям Российской метакультуры. Это было отражено зеркалом исторической действительности в акте так называемого крещения Руси» (РМ, 128).

Что же выходит? Выходит, что тяжёлый исторический путь России, бесчисленные её срывы и падения на этом пути нельзя объяснить только влияниями тёмного язычества или ослаблением боевого духа наших предков миротворческим духом православия. В этих популярных ныне точках зрения есть своя правда, и мы ещё будем об этом говорить. Все думы России суть, прежде всего, объективное следствие невиданно сложной всемирно-исторической миссии, возложенной на неё Высшими Иерархиями Шаданакара и встретившей яростное сопротивление демонического стана. Россия с первых веков христианства и поныне находится под неослабевающим давлением демонических сил — вот главное, что необходимо знать о русской истории. Такого давления не испытывал ни один народ в мире после пришествия Христа (кроме, разве, евреев), потому что ни у одного народа не было столь опасного и ответственного исторического задания.

Описание борьбы Провиденциальных сил с демоническими на просторах российской метакультуры, её отражение в событиях русской истории, в личностях крупных исторических персонажей, в реформах, бунтах, расколах, народном творчестве, в массовых порывах к святости, ко Христу и столь же массовых отпадений от Него спустя века и т.д. составляет основное содержание книг о России (кн. 7–11). Понемногу уясняется Провиденциальный смысл положительных черт русского национального характера — его повышенной совестливости, душевного целомудрия, нестяжательства, правдоискательства, искренности, умения понимать другие народы и др. Народоводительствующие иерархии России творили человеческий тип, способный по мере его дальнейшего совершенствования осуществить когда-нибудь всемирно-историческую миссию объединения народов земли в братство.

Нам, людям XX века, утратившим драгоценную способность к религиозно-мистическому чувству мира, являющуюся едва ли не врождённым качеством души нецивилизованных народов, нелегко поверить в метаисторическую подоплёку исторических событий. Крепко вбито в наши головы, что человек — это автономный агрегат, а человечество — самоорганизующаяся система. Человек человеком и кончается. Но снова и снова встают, тревожа ум, неотвеченные вопросы. Как удавалось миллионам русских людей из разных веков — и великим, и не очень, и простым смертным — подверженным страстям, заблуждениям, ошибкам, не имея ни единого, рассчитанного на столетия плана, ни единого руководящего центра, действовать столь согласованно и последовательно, что итогом их совокупных действий оказывалось целенаправленное развитие русской культуры и государственности, завоевание Россией всё больших географических пространств с сохранением во времени самобытной этнической физиономии? Тот же вопрос можно адресовать любой культуре. В чём секрет устойчивости великих культур? Какова природа того организующего начала, которое неустанно борется с хаосом в человеческих душах, позволяя культуре сохраниться во времени?

Андреев приоткрывает завесу над этой тайной, сообщая о тех событиях метаистории, которые определяли развитие русской истории во вполне определённом направлении. Начиная со времён Древней Руси целые иерархии сил Света, сотрудничавших с демиургом,

вдохновляли русских князей, царей, землепроходцев, учёных, художников, духовных лиц и т.д. на деяния, в совокупности работавшие на исторический идеал демиурга. Метаисторические откровения Андреева нельзя, разумеется, понимать как жёсткую программу, по которой веками жила и развивалась Россия. Мы уже сравнивали историю с романом, в котором персонажи обладают значительной долей независимости от творца, так как действуют в соответствии со своими характерами и не всегда так, как хотелось бы творцу. В реальной исторической жизни целевой и игровой принципы, вследствие чего история никогда не бывает прямой линией. Она, скорее, похожа на извилистую реку, которая течёт в направлении, определяемом уклоном местности.

...Первоначально Ярослав не намеревался создать славянское государство в его классическом понимании, так как не хотел прибегать к помощи демона великодержавной государственности. Однако общий ход мировых событий вынудил его пойти на этот шаг. Задуманный им идеал Святой Руси оказался в реальных исторических условиях неосуществим. Святая Русь, страна свободных миролюбивых людей, но не имеющая регулярной армии, раздробленная на удельные княжества, погибла бы от внутренних раздоров, от ударов многочисленных агрессоров, инспирируемых демоническим станом. Эти два исторических бедствия составляют характерную особенность эпохи удельных княжеств. Преодолеть их можно было, только создав государство.

Так в метаисторическом плане бытия появился первый Жругр — демон Российского великодержавия, а в плане историческом — Московское царство:

«В XIII веке на изнемогавшего русского эгрегора Гагтунгром направляется тёмнозфирный гигант-чудовище: воинствующий уицраор монгольского племенного массива... рост его был фантастически быстр, а алчность неумолима. Жертвой этого существа сделалась сама монгольская метакультура, слишком юная, с едва возникшим синклитом, а теперь втягиваемая в воронку метаисторических замыслов противобога. Демонический разум теперь играл в беспроигрышную игру: русская метакультура либо рухнула бы под напором сильного врага, либо Ярослав оказался бы вынужден противопоставить уицраору Монголии подобное же чудовище, дабы оградить само физическое существование русского народа. Это — первый могучий

удар, обрушиваемый на Русь Гагтунгром, и это — то самое метаисторическое событие, которое стоит за первой великой катастрофой нашей истории — нашествие татар ... под ударами монгольского чудовища русский эгрегор был смят, полурастерзан на клочья, едва сохранявшие в себе жизнь и способность к будущему воссоединению. Кароссе Дингре был нанесён ущерб, который — если бы речь шла о существах физического плана — можно было бы сравнить с истеканием кровью... Становилось ясным, что выполнение задач, ради которых светлая диада (Яросвет и Навна. — *ОЛ*) приняла эфирное воплощение, неосуществимо до тех пор, пока сильнейшему оружию Гагтунгра не противопоставлен противник в том же плане бытия: могущественный, полновластный демон государственности. Перед демиургом сверхнарода стал выбор: либо создание левиафана-государства в Энрофе и допущение, следовательно, возникновения российского шрастра, населённого игвами; либо отказ от выполнения своей миссии на земле. Он избрал первое» (РМ, 131).

Таким образом, русская государственность, как и всякая другая, изначально имела вынужденно-демоническую природу. С этого момента вступила в действие новая стратегия движения России к её историческому идеалу. Ярослав благословляет российского уицраора на исторические деяния, на войны с врагами и даже завоевание новых территорий и в то же время постоянно борется с ним, подавляя в нём чёрное ядро.

Аналогией тут могут послужить, пожалуй, взаимоотношения между укротителем и хищником. Расширение границ российского государства, хотя и совершалось демоническими средствами, не имело ничего общего с жестокими захватническими войнами, так как благословлялось и контролировалось демиургом. Поэтому неправы недружелюбные по отношению к России историки, которые видят в российской экспансии проявление агрессии по отношению к местным народам. Никакого насилия над народами русское воинство не совершало (не в пример европейским колонизаторам) и национальной самобытности не угнетало. Царская Россия никогда не была «тюрьмой народов», это ложь, утверждают все объективные современные историки. Известно, что становление великой Российской империи осуществлялось не только за счёт военных походов, но и в не меньшей, если не в большей степени стихийно, без ведома русских царей, самим народом. За «стихийностью» впрочем, скрывалась

воля некоторых высших духовных иерархий Шаданакара, проявивших себя в сфере бессознательного:

«Голосами бессознательного говорят с человеком массы и другие инстанции: каросса, уицраор, Соборная Душа народа, даже Велга. Различить эти голоса можно только по характеру пробуждаемых ими чувств и внушаемых ими деяний. А деяния, внушавшиеся землепроходцам, сводились только к одному, но великому: силами нескольких сотен богатырей захватить и закрепить за сверхнародом российским грандиозные пространственные резервы — всю пустующую территорию между массивами существующих ныне на земле культур. Ни один казак, ни один герой сибирских завоеваний этого, конечно, даже приближённо не понимал. Перед каждым возникала не эта общая историческая цель, а мелкая, частная, конкретная: бороться за своё существование путём устремления на Восток за горностаем, за белкой, за соболем. Всего этого имелось в изобилии в уже захваченных местах, но остановиться почему-то было невозможно. Этому мешали дикие запахи с неведомых пустошей Востока, ударяющие в ноздри и пьянящие как вино. Этому мешало курлыканье журавлей, трубные крики оленей — напряжённые, страстные, вольные голоса звериного мира. Этому мешала синеватая дымка, затуманившая на востоке дремучий лесной горизонт. Этому мешали бездомные ночлеги, костры, лица и рассказы товарищей, песни, удалая жизнь... Главное же — мешала собственная кровь, учившая именно так понимать голоса ветра и солнца, зверей и птиц... Показательно, что демон государственности долгое время оставался в стороне от движения землепроходцев. Это видно хотя бы по той безучастности, с какой Российское государство взирало на занятие русским народом земель на Востоке» (РМ, 151).

Здесь хочется сделать маленькое отступление. Читателю должен быть интересен тот факт, что этнический процесс, столь поэтично изображённый Андреевым, был независимо от него открыт и описан на сухом языке науки другим русским гением XX века — Львом Гумилёвым. Приведём для сравнения соответствующий отрывок из его труда:

«Антропо-сукцессия, т.е. вторжение в области, кои не всегда можно и стоит заселять, но которые можно завоевать — это миграция с обратным знаком. И что самое странное: победители страдают не менее побеждённых, ибо для реализации своих успехов они обя-

заны адаптироваться в новых условиях, а это означает коренную ломку собственной природы. Ясно, что на такую встряску способны лишь молодые, наиболее пластичные и лабильные, т.е. неустойчивые. Но при начале процесса (сукцессии или агрессии — как угодно читателю) эти элементы играют только подчинённые роли. Для ведущих особей развязывание цепи кровавых событий нецелесообразно и нежелательно. Но так как антропо-сукцессии всё-таки происходят, то, видимо, их причины лежат за пределами того, что контролируется человеческим сознанием».

Нетрудно понять, что Андреев описывает более мягкий, гуманный вариант одного и того же явления, что лишний раз подтверждает качественное отличие русской экспансии от жестоких колониальных войн — «антропо-сукцессии» в европейском варианте.

Таким образом, Великая Российская империя создавалась с благословения Провиденциальных сил, целенаправленно, с далёкой перспективой. Это был процесс органического роста, содержащий в себе некоторую историческую сверхидею.

Но творческая воля Яросвета и Навны столкнулась с сильнейшим сопротивлением целой иерархии демонических сил — от множительниц народных страданий, жутких инфрафизических хищниц Велг до непокорного могучего уицраора.

Демонические внушения искажают мысли и поступки исторических персонажей, возбуждают в них тёмные чувства, мешающие им правильно понимать волю демиурга. Центральным событием русской метаистории, нашедшим отражение в плане историческом, становятся взаимоотношения между демиургом Яросветом и созданным им демоном великодержавной государственности Первым Жругром. Андреев кратко сообщает о них в самом начале цикла книг о России:

«Он (демиург. — *О.Л.*) не предугадывал, что одно из его собственных созданий фатальным образом должно будет подняться против него и стать величайшим метаисторическим соперником, узурпатором и искажителем его замысла. Он не мог предвидеть, что постоянная борьба враждебных иерархий с ним самим и с Навной сделается содержанием метаисторической драмы России с XI по XXI столетие» (РМ, 127).

Сопротивление уицраора Провиденциальному замыслу о России проявлялось в историческом плане в безумствах Иоанна Грозного,

ужасах Смутного времени, жестоких гримасах эпохи Петра I, в неуважении государства к личности, в долгом непонимании царями огромного значения среднего класса для нормального развития страны и т.д. — во всех пороках российской государственности, которые, не являясь исключительной особенностью русской истории, оказались наиболее опасны именно для неё.

Как уже отмечалось ранее, Андреев не считает человека марионеткой, ибо никакие демонические внушения не могут лишить его Богом данной ему свободы выбора, свободы воли. В истории действуют три воли: провиденциальная, демоническая и человеческая. Человек, поскольку несёт в себе образ и подобие Божие, всё-таки ответственен за свои поступки, тем более, если они сказываются на судьбе целого государства. Отсюда возрастающая нота осуждения Андреевым слабостей и ошибок русских государей, сбивших Россию с намеченного демиургом пути.

Нам, русским начала третьего тысячелетия, привыкшим к зрелищу нравственного беспредела в большой политике, и у себя дома, и в остальном мире, картины жизни самодержавной России кажутся почти идиллическими. Тёмные стороны русской действительности минувших веков, столь возмущавших чуткое интеллигентское сознание XIX века, вызывавшие бунт против самодержавной идеи, бледнеют на аспидно-чёрном фоне великих злодейств века XX. Да уж точно — ни Первый, ни Второй Жругры концлагерей не строили, миллионы не расстреливали, природы не губили и бомбы на головы мирных жителей не сбрасывали. В течение всего XIX века в России по приговору Верховного суда было казнено менее тысячи человек — все настоящие преступники, ни одной невинной жертвы! Военные кампании старой России представляются образцами благородства по сравнению с реалиями войн XX века, с жуткими зверствами межнациональных «конфликтов» времён «перестройки»! Русские же самодержцы с их образованностью, культурой, чувством собственного достоинства и ответственности перед Богом выглядят просто гулливерами по сравнению с нынешними политическими лилипутами. Современному русскому национальному сознанию, глубоко травмированному коммунистической идеологией, её ненавистью к старой России, нелегко будет принять совсем не апологетический взгляд Андреева на русскую историю, на её ключевые события и фигуры, выработанный с помощью его уникального «метаисторического ме-

тогда». Но истина по самой природе своей свободна и не может служить никакой идеологии. Если мы поверили в светлый источник вдохновения Андреева, если нас покорило мужественное спокойствие его голоса, в коем нет ни желчи, ни елеля, то мы сумеем преодолеть психологическое давление ново-русофильской волны, катящейся к покинутому берегу, на котором ей грезится из нашего сумасшедшего далёка долгожданное спасение.

Практическая ценность андреевского метаисторического анализа русской истории именно в том для нас и состоит, что он терпеливо и деликатно развеивает эту иллюзию. Он вскрывает малоисследованные или просто неизвестные *внутренние* причины гибели самодержавной России, вызванные, с одной стороны, мощнейшим воздействием демонических инспираций на российский сверхнарод в целом, а с другой, — неспособностью светской и церковной властей эпохи Романовых понять демиургический замысел о России и активно способствовать его воплощению.

Никакие враги — ни явные, ни тайные — не смогли бы загнать огромный народ, как стадо баранов, в «социалистический лагерь», если бы не имелись тому психологические, социальные, религиозные и другие предпосылки в самом народе. Достоин сожаления, что тема эта, бездарно заболтанная русофобами, стала сейчас как бы крамольной для национально мыслящей, то есть нормальной интеллигенции.

Метаисторический анализ русской истории восстанавливает реальные пропорции между историческими фактами, сообщая их подлинную, не заниженную и не завышенную цену.

Основным противоречием русской истории Андреев считает возраставший с течением времени разрыв между демиургическим замыслом о России и реальным этическим уровнем народа:

«Нас ужасает зияющая бездна между долженствованием сверхнарода и тем этическим качеством народоустройства, которое он допускал у себя столько веков. Пугает разрыв между этическим уровнем сверхнарода и тем уровнем, который требуется для осуществления его миссии» (РМ, 163).

Эта краткая и точная формула автоматически выводит Андреева за пределы обеих враждующих ныне идеологий. Русофобия как раз и начинается с раздражённо-презрительного отрицания исторической миссии у русского народа. Русофильство же запрещает какие

бы то ни было негативные обобщения в отношении русского народа, его царей и Церкви. Критиковать можно только частности, можно и желательно — интеллигенцию как злокачественную опухоль на теле народном, можно — отдельных предателей из русских и т.д., но не народ, не царскую власть, не церковь.

Ясно, что позиция Андреева не понравится ни той, ни другой стороне. Но повторим ещё раз — истина по божественной природе свободна и справедлива. Негативные обобщения, сделанные Андреевым в отношении русских, имеют относительный, а не абсолютный характер, в отличие от обобщений русофобов. Он отнюдь не определяет русскому народу статус исторического неудачника, существующего для вразумления других народов, как *не* надо жить (известная мысль П. Чаадаева). Нет, всё гораздо сложнее и драматичнее. Будучи в силу своего православного воспитания нравственно привлекательным народом — великодушным, открытым, незлобивым, жертвенным, добрым, русские в то же время несли в себе опасные тёмные начала, сохранившиеся от язычества, приобретённые в эпоху татаро-монгольского ига, порождённые крепостничеством и т.д. Проявляясь иногда с огромной силой в некоторых русских душах, они были несовместимы с исторической миссией России и представляли серьёзную угрозу для её будущего. Великие русские умы XIX–XX веков — А. Пушкин, К. Леонтьев, Н. Лесков, И. Ильин и другие, — понимая и ценя свой народ, отнюдь не идеализировали его, предупреждали об особой опасности для судеб России именно этих тёмных начал. Убедённый монархист, непримиримый противник западного «эгалитарного прогресса», Леонтьев высказал на этот счёт суждение, достойное самого отъявленного русофоба:

«Русское общество... помчится ещё быстрее всякого другого по смертному пути... и кто знает... и мы, неожиданно, лет через сто каких-нибудь, из наших государственных недр... родим антихриста».

Это было сказано ещё задолго до революции, а уже в советское время последний мастодонт русской философии, глубоко православный А.Ф. Лосев как бы случайно роняет в одной из своих книг:

«Католицизм извращается в истерию, казуистику, формализм и инквизицию. Православие, развращаясь, даёт хулиганство, разбойничество, анархизм и бандитизм».

Андреевское понимание миссии России отличается от церковного своей устремлённостью в будущее и заслуживает самого серьёз-

ного к себе отношения, так как выработано на основе уникального мистического опыта, а не выдуманно из головы. Оно позволило ему обнаружить основные причины растущего противоречия между желаемым и должным в русской истории, которое, в конце концов, и привело к революции.

Назовём две из них, самые главные — светскую и духовную. Андреев не слишком много говорит о внешних врагах России, веками пытавшихся сокрушить её, считая, по-видимому, этот фактор второстепенным. И, наверное, он прав. Найти внешние причины русской катастрофы 1917 года ещё не означает полностью решить проблему. Гораздо труднее, оказывается, обнаружить причины внутренние, коренящиеся в самом обществе, без которых внешние не сработали бы. Внимание Андреева сосредоточивается на двух жизненно важных началах русской государственности — самодержавии и Церкви...

Ошибки русского самодержавия

«Роза Мира» предлагает новый, оригинальный взгляд на русское самодержавие, который позволяет понять политическую систему, существовавшую в России на протяжении столетий, как явление внутренне глубоко противоречивое и драматичное. Здесь конфликт между Провиденциальным и демоническим началами, присущий любому великодержавию, достиг необычайной остроты в силу именно того, что Россия имела особую историческую миссию. То, что было допустимо для государственности любой другой державы, было губительно для России. Библейское «несть власти аще не от Бога», верное с точки зрения высокой метафизики, понималось и царями, и народом, и Церковью слишком буквально — как онтологическое оправдание любой власти, любых её действий. Российские самодержцы, прекрасно сознавая мистику власти, но, не зная о её двойственной духовной природе, далеко не всегда умели отличать Провиденциальные внушения от демонических искажений и совершали серьёзные ошибки. Главный порок Второго Жругра — демона российского великодержавия дома Романовых — Андреев видит в его неукротимом стремлении к «самости». Инволютируемые его чёрным ядром цари плохо понимали, что русское самодержавие, распростёршее свои орлиные крылья над огромной частью земной

тверди и представлявшее в идеале весьма совершенную форму правления (может быть, потенциально самую совершенную из всех политических форм истории), благословлялось Богом (демиургом) не как самоцель и не просто как «ограда церковная», но как *политически творческая* сила, обязанная создавать условия для пробуждения творческих сил и в народе. Самодержавное государство должно было явить миру оригинальный человеческий тип, в котором ярко выраженное волевое, социально-активное начало уравновешивалось бы и смягчалось православной духовностью. Только такой человеческий тип был способен осуществить всемирно-историческую миссию России.

Из-за демонических искажений Провиденциальный замысел о самодержавной государственности, располагавшей колоссальными для этого возможностями, был осуществлён в крайне недостаточной степени. Поддаваясь внушениям, исходившим из чёрного ядра уицраора, русские государи не сумели, не успели осознать свою миссию во всей её глубине и своевременно, с помощью реформ, устранить препятствия на пути создания высокоэтичного народоустройства. Самым, может быть, серьёзным таким препятствием было крепостное право, подавлявшее творческую энергию высокоодарённого народа. С горечью пишет Андреев о том, что этот архаичный социальный институт, абсолютно несовместимый с исторической миссией России, был отменён только во второй половине XIX века с опозданием на сто лет (!). Тема эта заслуживает отдельно разговора.

Известно, что крепостное право имело в России глубокие исторические, этнические, религиозные, политические, психологические корни, поэтому подходить к его оценке следует с известной осторожностью. На протяжении многих веков оно было суровой необходимостью, вызванной срединным географическим положением России, оказавшейся между Западом и Востоком, как между молотом и наковальней. Вынужденная отстаивать свою независимость в бесчисленных войнах, Россия, если бы и захотела, долгое время не имела возможности создать класс свободных крестьян-земледельцев. Постоянные внешние опасности требовали, в идеале, содержания огромной армии, а так как патриархальной, экономически неразвитой стране такая ноша была не под силу, то издревле практиковалась всеобщая воинская повинность. Владевший крестьянами класс слу-

жилых людей (бояре, позже — дворяне) обязан был по требованию государя поставлять в войско снаряжённых ратников, которые по окончании войны снова возвращались к земле. Получалось *служилое* государство, органически нуждавшееся в подневольном труде. С полным основанием говорить о вреде крепостного права можно, пожалуй, только в послепетровскую эпоху. Уже став могущественнейшей из тогдашних монархий, имея регулярную армию и флот — при Екатерине II, Павле, Александре I, Николае I — Россия продолжала оставаться крепостнической, и это фатально повлияло на её дальнейшую судьбу.

Из-за крепостного права социально-творческое начало нации было ограничено верхушкой государственной пирамиды, совершенно не затрагивая остальную её часть. В России, в отличие от Европы, так и не было создано гражданское общество. Вся инициатива в деле усовершенствования социальной системы исходила только сверху — от царей или редких мыслящих чиновников, таких, например, как М.М. Сперанский при Александре I.

И в XIX веке российская государственность оставалась глубоко архаичной, устроенной по принципу человеческого тела, когда думает только голова, а тело-народ только исполняет, в мыслительном процессе не участвуя.

В силу названных причин колоссальные культуротворческие потенции русского народа проявились в совершенно недостаточной степени. Сказки, былины, пословицы, песни, обряды, игры — этого было слишком мало для нации, несомненно, наделённой чертами гениальности, призванной создать цветущую высокоэтичную культуру. Нужно было качественно улучшить сам русский национальный тип, но в условиях крепостничества эта задача не могла быть решена.

А ведь история не раз показывала, сколь смекалист, оборотист и энергичен может быть русский мужик, оказавшийся по тем или иным причинам свободным. За пределами центральной, традиционно крепостной России — в Сибири, на Юге, Севере — он всегда был заметно другим: хозяйственно-самостоятельным, инициативным, смелым в делах и суждениях.

Это бросающееся в глаза отличие мы видим в казачестве, старообрядчестве, в поморских рыбаках, сибирских охотниках — во всей малой вольной России, не пожелавшей носить крепостное ярмо. Но русские цари редко об этом задумывались. Они плохо знали свой

народ, имели подчас мифологизированное о нём представление, им была чужда простая и глубокая евангельская мысль, что самый последний раб есть неповторимая, сотворённая Богом личность, онтологически равная любому из сильных мира сего. Может быть, поэтому они и не связывали в своём сознании миссию России с освобождением народа.

Отголоски исторического призвания самодержавия обнаруживаются лишь в искажённой уицраором идее «великой будущности России», громко выговоренной Петром и усвоенной без глубокого продумывания, на уровне чаянья сердца его наиболее горячими приверженцами. Но за ней, как считает Андреев, не скрывалось глубоко содержания, культурной стратегии, обращённой в будущее:

«Сколько бы мы ни разыскивали в высказываниях людей XVIII века от Меншикова до Потёмкина и Суворова содержания этой идеи, мы не найдём ничего, кроме представления о военном, великодержавном, чисто внешнем могуществе. Этот идеал будет провозглашаться то сухо повелительным языком приказов и узаконений, то напыщенной лексикой манифестов, то выкриками воинской команды, то, наконец, торжественным бряцанием пиитических лир. Теорию Третьего Рима озарял смутный, но всё же отблеск идеала религиозно-этического. Теперь погасло и это отдалённое сияние, и привычные словеса о “православном” царе выродились в мёртвую риторическую фигуру... Таким образом, уже очень скоро определилась *идейная нищета* второго демона государственности; обнажилось его стремление к внешнему могуществу как к единственно положительной цели» (РМ, 158).

Слепота демона российского великодержавия дома Романовых, полагает Андреев, больше всего проявилась в самом характере расширения Российской империи — во многом стихийном, подвижном великодержавным инстинктом, лишённым перспективных культурных задач. Геополитическим просчётам русских царей дома Романовых посвящена глава «Второй уицраор и внешнее пространство». Главным из них Андреев считает исключительную обращённость России к Западной Европе и равнодушие к Востоку — прежде всего, к Индии. Россия, призванная аккумулировать культурные достижения Востока и Запада, в чём состояла одна из сторон её всемирно-исторической миссии, не справилась с этой задачей. Исключительный интерес русской аристократии, значительной её части,

а позже — интеллигенции к европейской культуре при полном равнодушии к восточным культурам, как якобы «диким», эта, по выражению Андреева, национально-культурная спесь имела для России воистину катастрофические последствия. Как пишут о том авторы «Вех», русская интеллигенция настолько благоговела перед европейской мыслью, настолько некритически воспринимала безрелигиозные философские системы Запада, что, в конце концов, заразилась вирусом атеистического социализма. Этот вирус, поразивший наиболее деятельную — революционную часть интеллигенции, и убил самодержавную Россию. Но материализм и атеизм вряд ли имели бы успех у нашей интеллигенции, если бы она открыла для себя духовный космос Востока, если бы к тому времени в русском образованном обществе уже сложился устойчивый интерес к восточным религиям. Во всяком случае, материализм тогда не стал бы у нас полурелигиозным общегосударственным учением, а оказался бы всего лишь эпизодом в духовной жизни общества, как это уже бывало на Востоке¹. Пожалуй, никто из философов до Андреева не говорил с такой прямотой об этой колоссальной упущенной возможности:

«Культурное паломничество на Восток, к тысячелетним очагам духовности, ослабило бы воздействие этой клинзоровской стороны западного духа, уравнило бы его тем идеализмом и той созерцательностью, без которых народная энергия оказывается обращённой на достижение только материальных благ, а ум — на понимание только рассудочных истин» (РМ, 162). Отмечая хорошую способность русских ассимилировать элементы других культур, создавая новое содержание, Андреев показывает, насколько обогатились бы наша литература, изобразительное искусство, зодчество, философия, если бы перед русской интеллигенцией сто лет назад предстали во весь рост философемы и мифологемы Востока. «Консервативный провинциализм русского православия, — пишет он, — не был ни поколеблен, ни освежён вторжением европеизма. Но остался ли бы он столь

¹ Здесь вспоминается материалистическая философия чарваков в Древней Индии (III–II век до Р.Х.), возникшая как реакция на жреческую монополию и в дальнейшем преодолённая индийской философской мыслью. Просуществовав достаточно долго, она сыграла положительную роль в качестве силы, выступившей против предрассудков традиционных религий, пробудив умы к новым духовным исканиям, но к кровавым социальным потрясениям, как у нас, не привела. Основные положения этой философии совпадают с европейской материалистической философией XVIII века, воспринятой как откровение русской интеллигенцией.

аморфным и косным, если бы с Востока и Юга хлынул поток идей, выработанных тысячелетиями духовной жизни в этой колыбели всех религий, в Азии?...В нашей истории должно было быть, но, к великому горю нашему и всего мира, не совершилось культурное паломничество на Восток и Юг» (РМ, 162).

К великому горю нашему, неудача, постигшая демиургический план слияния культурных достижений России и Востока, а именно его конспективно излагает Андреев в этом месте «Розы Мира», привела к опасности жестокой его профанации уже в наши дни. На нашу духовно истощённую длительным господством материалистической доктрины, утратившую основы православного миропонимания интеллигенцию, обрушилась вдруг волна новейших универсалистских учений, густо замешанных на оккультизме. В первой половине XX века она прокатилась по США и Европе, а теперь накрывает и Россию, увлекая самонадеянные души. Культурный синтез — процесс медленный и сложный, требующий тщательного и постепенного отбора идей. Его невозможно заменить книгой очередного гиганта мысли, тем более, если этот гигант — атеист, а такой синтез не представим у нас в России без православной духовности, без усвоения хотя бы самых важных истин православия. Между тем универсалистские системы, как правило, атеистичны и антиправославны. Они пользуются успехом у интеллигенции благодаря своему высокому интеллектуализму, близости к современному научному миропониманию, готовности рационально истолковывать духовные проблемы, всегда относившиеся к области веры. В этом ряду находятся такие, например, известные произведения, как «Чаша Востока», в которой изложено утончённо-материалистическое «учение махатм», «Свобода от известного» Джидду Кришнамурти, философские творения Г. Гурджиева, «Тайная Доктрина» Е. Блаватской, «Живая этика» Рерихов, «Интегральная йога» Шри Ауробиндо. Имена меньшего масштаба мы здесь называть не будем — они исчисляются десятками. Религиозный нигилизм, человекобожие, индивидуализм, иссушающий душу рационализм — вот, пожалуй, наиболее часто встречающиеся в них духовные яды.

Думается, все эти творения самонадеянных человеческих умов, явившиеся занять место «устаревших» мировых религий, но сами стареющие на глазах, были бы отвергнуты той несостоявшейся пока культурой, о которой говорит Андреев.

Да возможна ли она в принципе, такая культура? — справедливо спросит читатель. Можно ли, почитая в Христе Сына Божия, оставаясь сердцем с православием и веруя во Второе Пришествие, объять любовью и пониманием и Восток?

Оказывается, можно. Вот перед нами книга Андреева, в которой намечены ориентиры на пути к этой культуре. Её мировоззрение органически соединяет основополагающие религиозные истины Востока (например, реинкарнацию, карму) и христианское откровение о Пресвятой Троице, церковное учение об аде и рае, о падшем ангеле и Ангелах Божиих, о Втором Пришествии Христа. И это далеко не всё, что может сказать по этому поводу «Роза Мира».

Теперь-то, постфактум, стало ясно, чем в конечном счёте закончилось для России начавшееся после Петра исключительное культурное паломничество русской аристократии и русской интеллигенции в Европу — грандиозным разгромом русской культуры, русской самодержавной государственности, русской Церкви. Мы потеряли самодержавное государство, но не стали и демократическим государством западного типа, а позволили тёмным антинациональным силам создать на развалинах бывшей империи гигантскую социальную химеру, позже разрушенную такими же антинациональными силами.

Сейчас принято ругать русскую «западническую» интеллигенцию XIX века, тогда как нужно попытаться понять её — тогда мы сумеем отслоить истину, которую искали в Европе наши лучшие «западники», от заблуждений и искажений этой истины. Нужно понять, что западное влияние на верхний слой русского общества, начавшееся ещё до Петра и в какой-то мере подготовившее его приход, было неизбежностью, обусловленной не только человеческими страстями, но, в не меньшей степени, и исторической миссией России.

В самом деле, с XVI века мы наблюдаем в Европе бурное развитие всех сфер общественной жизни — государственности, политики, военного дела, науки, техники, экономики, торговли. Начинается колоссальное по своему всемирно-историческому значению движение религиозной Реформации. Наблюдается, таким образом, мощный всплеск социально-творческих сил европейских народов. Не будем здесь говорить о демоническом аспекте этого процесса. Важен уже сам факт, что он происходит, и не считаться с ним нельзя — тем более, стране, которой уготована великая миссия. А эта страна продолжает пребывать в неподвижности, «тратя свои силы и средства на внешнюю

оборону и кормление двора, правительства, привилегированных классов с духовенством включительно, ничего не делавшим и неспособным что-либо сделать для экономического и духовного развития народа».

Ключевский, как учёный, исследующий рациональные причины исторических процессов, считает, что «западное влияние вышло из чувства национального бессилия, а источником этого чувства была всё очевиднее вскрывавшаяся в войнах, в дипломатических отношениях, в торговом обмене скудость собственных материальных и духовных средств перед западноевропейскими, что вело к сознанию своей отсталости».

Мы, однако, имеем право усмотреть в этом минорном настроении русского образованного общества неосознанную метафизическую тревогу мыслящих его представителей за миссию России. Наиболее ею были охвачены «западники», с огромной силой она выплеснулась в Петре I, хотя чистым западником его назвать нельзя. Великий реформатор, сообщает Андреев, не осознавал всей глубины Провиденциального замысла о России. Его действия были во многом бессознательно-интуитивными, диктовавшимися заботами об укреплении государственности как таковой. Пётр был патриотом в такой же степени, как «западником», так как на Запад смотрел глазами прагматика, не привязываясь к нему сердцем. Он видел свой долг в том, чтобы, овладев лучшими достижениями европейской цивилизации, сделать Россию могущественной мировой державой и ради этой цели шёл на любые жертвы. Пётр совершенно не понимал духовной стороны великих социальных процессов, их влияния на людей, что привело к демоническим искажениям его личности, о которых говорит Андреев (РМ, книга 8, гл. 4). Сильное государство он создавал, беспощадно ломая человеческие судьбы, калеча души, применяя иногда самое жестокое насилие, вплоть до пыток. Он действовал как вотчинник, как полновластный хозяин страны, полагая, что право поступать по своему царскому усмотрению освящено древней традицией и признаётся народом.

Вот эта-то последняя черта русской жизни и русской психологии особенно резала глаз нашим «западникам». Европейская гуманистическая культура очаровывала их, прежде всего, тем, чего не было в русском самодержавном доме: принципом уважения государства к личности. Вотчинное сознание, глубоко укоренённое и в царях, и в Церк-

ви, и в народе, сильно затрудняло задачу создания духовно-свободного, волевого, сознательно-праведного человеческого типа, которого требовала историческая миссия России. Русская праведность и русская православная вера, приходится признать, несли в себе большую слабость, обусловленную тем, что взрастали они в условиях многовековой культурной изоляции под патронажем царской и церковной властей, не ведая серьёзных искушений. Нас не может не смущать факт, что для подавления в народе тёмных страстей Церковь широко прибегала к угрозам вечных мук, держала свою паству в страхе, даже не замечая, что постоянный страх формирует в человеке рабскую психологию. Нашу веру история не испытывала по-настоящему на прочность, ей не приходилось отстаивать свои истины в открытом споре с другими верами, в конкурентной борьбе за умы и души. Вера предпочитала жить слепой, не рассуждающей и безынтеллектуальной жизнью под надёжной охраной государственных и церковных карательных органов. Не потому ли отчасти и русская интеллигенция оказалась такой духовно шаткой, а народ легко впал в грубый материализм, когда пришли времена великих искушений?

...Критический взгляд Андреева на русское самодержавие вряд ли понравится современным русофилам православно-самодержавной ориентации. Но что они могут предложить взамен, кроме всё тех же идеологических клише, всё той же благостной лубочной картинки. Читаем в книге владыки Иоанна:

«Свидетельствуя о своём “подзаконном” отношении к заповедям Божиим самим фактом утверждения власти царя в таинстве миропомазания, самодержавие не имеет своих “самостоятельных”, нецерковных идеалов и целей. Вопреки расхожему взгляду православная государственность России не претендовала на самоценность, смиренно довольствуясь ролью “ограды церковной”. Целью такой власти является максимальное содействие попыткам приблизить жизнь народа во всём её реальном многообразии к евангельскому идеалу. Иными словами, цель богоугодной власти — способствовать спасению душ подданных».

Следуя православно-русофильскому канону, автор описывает идеальное самодержавие, какого никогда в русской истории не было, как бы выдавая его за реальное. Клевете противопоставляется словословие — вот и всё решение сложнейшей исторической и мета-исторической загадки...

Русская Православная Церковь. Взгляд из запредельного

Поскольку зашёл конкретный разговор о русской истории, нам никуда не деться от тревожного и тягостного вопроса, посетившего, наверное, каждого мыслящего православного христианина. В какой мере Православная Церковь может быть причастной к трагедии России? Всё ли она сделала для предотвращения революционной катастрофы и последовавших за ней бесчисленных бедствий русского народа? Имеется в виду, разумеется, историческая Церковь как авторитетная в народе духовная инстанция, а не только Церковь предреволюционной эпохи, и, тем более, подсоветская, полностью порабощённая безбожным государством. Эта униженная и разгромленная Церковь не могла оказать ни малейшего влияния на события советской эпохи и, слава Богу, хоть убереглась от полного истребления.

Нас, разумеется, не могут интересовать мнения противников Церкви на сей счёт, хотя бы в них и содержались иногда зёрна истины. Дух отрицания обыкновенно обволакивает эти зёрна толстым слоем лжи, и отделять одно от другого — занятие непродуктивное и малоприятное. Но нас также не может не беспокоить полное равнодушие нынешних пастырей православия к этой проблеме. Сакральная формула «святая, соборная, апостольская Церковь» как бы изначально отвергает всякую возможность доброжелательной критики Церкви и её учения. Как можно критиковать того, кто свят и, следовательно, не может ошибаться?

Уже приводились примеры глубокого консерватизма церковного самосознания. Церковь и поныне считает своё учение лучом света в тёмном царстве, который освещает всем временам и народам единственно правильный путь в дебрях человеческого бытия. Православная монашеская традиция бережно сохранила и донесла до наших времён эсхатологический дух раннего христианства, почти полностью утраченный к настоящему времени католиками и протестантами. Именно ей более всего присуще педагогическое понимание истории после Христа как испытательного срока, отпущенного людям, чтобы они добровольно сделали выбор в пользу православия. Истинно православный, воцерковлённый человек убеждён, что Бог, желая спасения всем людям, всякому грешнику, имеет в виду, что для этого они, прежде всего, должны обратиться в православную веру. Сын Божий

пришёл в мир не только для искупительной жертвы, но и чтобы объяснить человечеству, какими качествами должны обладать люди, достойные спасения. Православная Церковь сподобилась благодати наилучшим образом понять требования, предъявляемые людям Богом, и изложила их в своём учении.

Уровень этих требований оказался чрезвычайно высок. Принятое в аскетическом православии учение о смертных грехах (то есть грехах, за любой из которых, если он не искуплен или не отмолен, неизбежно попадание в геенну огненную), крайне радикальное по своему духу, наполняет жизнь православного человека постоянным страхом за свою загробную судьбу, страхом «впасть в соблазн» и, в конечном счёте, страхом перед самой жизнью. В русской истории известны даже государи, жившие в таком непреходящем страхе, например, глубоко набожный Фёдор Иоаннович, сын Иоанна Грозного, боявшийся «греха власти», уходивший от ответственных решений. Чтение православной духовной литературы не раз приводило многих добрых людей к грустной и странной мысли, что в Царстве Небесном после Страшного Суда будет чрезвычайно малоллюдно, так как в ад на вечные муки угодит подавляющая часть исторического человечества.

Нравственный максимализм православия был всегда так высок, что на Руси даже монахи не были уверены, что спасутся. Для православного инока грехом чревоугодия считалось съесть корку хлеба в неуставное время, грехом блуда — испытать мимолётное вожделение к женщине, только испытать! Если уж душа блаженной Феодоры, по известному преданию, подверглась суровым сорокадневным мытарствам, прежде чем попала на Небо, то не ясно ли, что для большинства людей путь туда закрыт полностью. Ещё более грустно, что эта очевидная несправедливость, если не сказать нелепость, никогда всерьёз не занимала умы православных богословов. Во всяком случае, в церковной литературе затруднительно найти приемлемое для совести и ума решение этой проблемы. По-видимому, уверенность в особой избранности Православной Церкви Богом и восприятие других вер, как заблуждений, хотя говорить о заблуждении целых народов и культур, по меньшей мере, странно. Они заглушают в ортодоксах живое сочувствие к эсхатологической судьбе остального человечества, превращая известную молитву о спасении людей иных вер в механически повторяемую, сердцем близко не принимаемую

формулу. Если по милосердию Божию только за «душевные качества» спасутся и индуист, и ламаист, и атеист, и прочие, то какая же заслуга быть православным? Именно поэтому и многие современные служители Церкви готовы смириться с компрометирующей Бога перспективой погубления грядущим Антихристом миллиардов человеческих душ — настроение, характерное, например, для Серафима Роуза...

Из сказанного, думается, ясно, почему современные православные богословы обходят вниманием вопрос о возможной связи между крушением российского государства и учением Церкви. Церковь может состоять из грешных чад и пастырей, с которых спросится на Страшном Суде, но само учение абсолютно непогрешимо. Оно именно луч света в тёмном царстве. Его пытались погасить, сужали до еле видимой ниточки враждебные Христу силы, но нет в этом вины самого луча. Даже после кровавого погрома, учинённого Церкви большевиками, никто из православных богословов не осмелился критически взглянуть на учение и попробовать, не отвергая основных его положений, привести его в соответствие с новым опытом. Речь сейчас идёт только о том, чтобы оно вновь утвердилось в народе точно в том виде, в каком потерпело катастрофу. Православие по-прежнему хочет оставаться только лучом света, который не смешивается с миром и не хочет быть солнцем, рассеивающим тьму мира. Вот в этой-то специфически православной отстранённости от дел мира, генетически заложенной в учении Церкви, несвойственной в такой степени больше ни одной из ветвей христианства, и состоит доля вины Церкви за крушение Российской империи. Что может сообщить нам «Роза Мира» в пользу столь решительного утверждения?

Известно, что Андреев, при всей сложности своего религиозного сознания, был православным. Он любил Церковь, хорошо знал православную литургию и глубоко чувствовал мистику православия. Можно даже сказать больше — как метаисторик и духовидец он понимал православие лучше любого современного богослова, и это знание налагало на него особую ответственность перед нашей эпохой, русским народом, человечеством. Оставаясь в душе православным христианином, он был обязан в силу своей уникальной миссии вестника Розы Мира как бы выходить за пределы Церкви. Поэтому в «Розе Мира» мы обнаруживаем весьма необычный взгляд на историческую Церковь. Андреев созерцает её из планетарного космоса, откуда она видится как живой, подверженный пагубам и болезням организм.

...Было бы чудом, если бы Гагтунгр, сорвав попытку Планетарного Логоса создать Царство Божие в Энрофе, оставил в покое основанную Христом Церковь, которая как раз и предназначалась для полного выполнения этой задачи. Как ни была убеждена Православная Церковь в её невыполнимости (отсюда её минимальный интерес к социальному действию), но своим умиротворяющим духом, авторитетом, подвигами великих чад своих она способствовала, по крайней мере, в пределах России, укреплению и укоренению в народе высокоэтичной системы ценностей, стремилась осуществить в России заветы Христа. Даниил Андреев даёт высочайшую оценку этой стороне деятельности средневековой русской Церкви, отмечая, что «никогда позднее метакультура Российская не сияла таким числом святых и праведников» (РМ, 173). Идеал Святой Руси, созданный именно Церковью, веками горел в сердцах миллионов русских людей. Это факт нашей национальной истории, который невозможно замолчать, факт воистину сверхъестественный, поскольку ему невозможно найти удовлетворительного научного объяснения. Речь, стало быть, может идти только о том, почему всё-таки Церковь потерпела историческое поражение в выполнении этой задачи? Только ли по вине бесчисленных врагов России или были ещё какие-то внутренние причины, кроющиеся в самом учении?

Земная Церковь — это, прежде всего, люди, а все люди подвержены заблуждениям и ошибкам. Возникает, следовательно, принципиальный вопрос: можно ли считать православным вероучение, созданное соборным церковным разумом ещё в первые века христианства, абсолютно совершенным, не замутнённым ни малейшими искажениями, не нуждающимися ни в малейших добавлениях или изменениях? Можно ли, повторим, считать кризис Православной Церкви, начавшийся при Петре I или даже чуть раньше, при Алексее Михайловиче, и достигший критической отметки в эпоху государственного атеизма в России, следствием лишь внешних по ней ударов? Ведь именно так и думают многие современные православные иерархи в России и за рубежом, если судить по некоторым публикациям. Церковное сознание до сих пор не нашло удовлетворительного ответа на мучительный для всякого православного человека вопрос: почему всё-таки Бог попустил большевикам учинить Церкви такой жестокий разгром, какого она не знала за всю свою историю? Не пора ли нашим нынешним радетелям за православную веру отвести

насупленный взгляд от слепых человекоорудий демонических сил и обратить его на Церковь, на её историю и её учение?

Анализируя историческую судьбу Православной Церкви, Андреев концентрирует основное внимание на самых главных — внутренних причинах её кризиса. Он берёт на себя смелость утверждать, что корни их могут уходить в само Евангелие, поскольку неизбежно расхождение между действительной личностью Спасителя и тем Его образом, который создали евангелисты. Насколько основательным можно считать это мнение? Не разобравшись с ним, мы, понятно, не имеем права двигаться дальше.

Наверное, у всякого мыслящего человека, который после долгих духовных исканий приходил, наконец, к христианству, возникал вопрос: почему основатель христианства не изложил сам своего учения, как это сделал, например, Мухаммед, создав Коран?¹ Почему передоверил это важное для судеб всего человечества дело своим ученикам — людям, в общем, самым обыкновенным? Мы теперь вынуждены гадать, действительно ли те или иные слова были сказаны Христом, а не приписаны Ему первохристианской общиной из самых, конечно, лучших побуждений. А может быть, Христос говорил ещё что-нибудь очень важное, что не было включено в Евангелие или просто забылось?² Почему Он не изложил сам своего учения, чтобы исключить всякие поводы для кривотолков? Ведь Церковь учит, что Сын Божий явился в мир, чтобы принести искупительную жертву и дать людям новое учение, открывающее им путь в вечную жизнь. Если бы вместо Евангелия мы имели текст учения, принадлежащий самому Христу, задача утверждения христианства во многом облегчилась бы. Наверняка спокойнее, в большем согласии проходили бы Вселенские Соборы, на которых создавалось учение Церкви. Может быть, не совершился бы трагический раскол церкви на католическую и православную в 1054 году. Да что там говорить! *Verba magistri* (слова учителя) и вольный их пересказ — это всё-таки разные вещи.

Как ни смотри, но с точки зрения педагогического понимания миссии Христа, Его нежелание оставлять собственноручно написан-

¹ Сам Мухаммед говорил, что принял Коран буква в букву от Аллаха, и это известно каждому мусульманину. Не потому ли так крепко стоит в современном мире Ислам?

² Так, Е. Блаватская, ссылаясь на некоторые главы в Евангелии, достаточно убедительно доказывает, что во времена Христа учение о перевоплощении душ, отвергнутое христианской Церковью, было общепризнанным фактом.

ное чёткое и ясное учение выглядит в высшей мере странным. Ссылки на то, что пророки древней Иудеи не писали манускриптов, но пробивали сознание современников живым глаголом, совершенно неубедительны. Христос не был пророком. Он был Сыном Божиим и пришёл ко всему человечеству на все века. Смешно думать, что Он не сумел предвидеть всех тех серьёзных осложнений, которые могут произойти из-за того, что Его учение будет недостаточно точно пересказано. Значит, и причина названной странности совсем в другом.

«Роза Мира» ставит всё на свои места, сообщая, что Христос приходил для реального, рассчитанного на многие годы и, может быть, века исторического действия, которое было прервано Гагтунгром в самом начале. Он не написал учения, потому что и не помышлял ни о каком «христианстве»! Учение было создано позже, как своего рода компенсация за незавершённость миссии Христа, и представляет собой описание всей Его жизни и проповеднической деятельности. Вот что говорит по этому поводу Андреев:

«Почему Иисус не облёк в письменную форму изложение Своего учения? Почему передоверил задачу Своим ученикам? Ведь, даже будучи боговдохновляемыми, евангелисты оставались людьми, а великий враг не дремал, и даже на книгах Нового Завета явственно различается местами его искажающее прикосновение. Но Христос не мог изложить Своего учения в книге потому, что Учением было непорочное зачатие и Его рождение в тихую вифлеемскую ночь, озарённую пением ангелов; Его беседа с Гагтунгром в пустыне и Его странствия по галилейским дорогам; Его нищета и любовь, исцеления больных и воскрешения мёртвых, хождение по водам и преобразование на горе Фавор. Его мученичество и воскресение. Такое учение могло быть изложено, хотя бы с пробелами и ошибками, только живыми свидетелями этого божественного жизненного пути. Но в пробелы вкрался исконный враг; проникая в человеческое сознание авторов Евангелия, он сумел извратить многие свидетельства, исказить и омрачить идеи, снизить и ограничить идеал, даже приписать Христу слова, которых Спаситель мира не мог произнести. У нас ещё нет способов отслоить в Евангелии подлинное от ошибочного, нет точных критериев, нет очевидных доказательств. Каждому читающему Новый Завет следует помнить лишь, что учение Христа — это вся Его жизнь, а не только слова; в словах же, ему приписываемых, истинно всё, что согласно с духом любви, ошибочно всё, отмеченное духом грозным и беспощадным» (РМ, 115).

С этой вполне здравой точки зрения, Новый Завет во всей совокупности его книг следует рассматривать как результат соборного творчества первых учеников Христа, как своего рода программу, на основе которой позже отцами-византийцами создавалось учение Церкви, ещё позже распавшееся на три соперничающие друг с другом ветви — православную, католическую, протестантскую.

Да уж точно, это была программа, обсуждавшаяся и уточнявшаяся на вселенских соборах, побуждавшая к творчеству отцов церкви. Подвергать критическому осмыслению хотя бы одну её строку считается среди всех христианских церквей ныне, присно и во веки веков великой ересью, чуть ли не оскорблением самого Спасителя. Нужно обладать большой смелостью и высшим знанием, чтобы утверждать, что Гагтунгр сумел даже в Новый Завет (о церковных учениях говорить уже не приходится) внести тонкие, трудно обнаруживаемые искажения. Но вправе ли мы исключить такую возможность, зная о сверхчеловеческом интеллекте дьявола и о том, что евангелисты были всё-таки людьми, а не ангелами? Мы вынуждены тут вспомнить давние споры по поводу Ветхого Завета. Можно ли считать богодухновенными все до единого его тексты, как считают, например, «евангелисты»? Неужели гневающийся, карающий, призывающий к мщению бог некоторых книг Ветхого Завета и есть истинный Бог, каким открыл Его для нас Христос? Неужели заслуживает поклонения Иисус Навин, подвергавший геноциду целые народы? Неужели боговдохновенны те мрачные места Ветхого Завета, из которых позже вырос талмудический расизм?

Православная, христианская совесть не может не смущаться этими искажениями. Может быть, именно поэтому на Руси Ветхий Завет значительно уступал по популярности среди народа Новому, а весь сонм ветхозаветных героев и святых не стоил в глазах верующих одного Христа. В XX веке о грубостях Ветхого Завета заговорили вслух наиболее смелые философы, например Н. Бердяев...

И вот теперь мы услышали от Андреева, что и Новый Завет мог подвергаться некоторым искажениям со стороны высшего демонического разума. Если это так, то они должны были образовать семена тех противоречий, которые обнаружили лишь постепенно, через века, в процессе развития христианской цивилизации. Выражаясь в терминах кибернетики, это были погрешности на «выходе» системы, требовавшие введения поправок на «входе». Иначе говоря, твор-

чество церковного учения не должно было прекращаться. На вселенских соборах время от времени должны были обсуждаться и вноситься в учение продиктованные новым опытом идеи, которые, не разрушая учения, делали бы его нравственно более совершенным, более приемлемым для совести и ума. Эти до сих пор не разрешённые противоречия церковного учения можно сформулировать в виде следующих хорошо известных богословам вопросов:

1. Как Бог, всемогущий и благой, мог замыслить к творению мир, в котором возможны вечные муки за ошибки и грехи одной короткой человеческой жизни, да просто за пребывание вне лона Церкви (вспомним монашеское присловье: «кому Церковь не мать, тому Бог не отец»)? Удовлетворительного ответа на этот вопрос не найдено до сих пор, что отталкивало и отталкивает от христианства людей, наделённых чуткой совестью. Жестокая до абсурдности идея вечных мук, предусмотренных Богом при творении, имеет ветхозаветное происхождение. Она почему-то не была отвергнута евангелистами и даже вложена в уста Спасителя.

2. Если Бог творит каждую человеческую душу единожды, то как объяснить колоссальное различие между нравственным и интеллектуальным уровнем различных людей? Как согласовать с божественной справедливостью эти различия, имеющие очень часто сугубо наследственную природу, то есть не являющиеся результатом свободного выбора личностью пути добра? Евангелие преподаёт нам обнажённо-резкую дуалистическую философию разделения людей на кротких «овнов» и злых «козлиц», а их будущих обителей на рай и ад, не признавая никаких промежуточных решений.

3. Сколько можно настаивать на другой жестокой, очень популярной в православии идее о том, что первым условием спасения души являются не её нравственные качества, а её принадлежность к Церкви, к церковной организации? Эта идея, глубоко чуждая великим религиозным системам Востока, тоже ветхозаветного происхождения. Она с неизбежностью предполагает, что из всех когда-либо живших на земле людей в рай попадёт, в сущности, лишь очень малая часть — *избранные*.

4. Если мир с его чувственностью, плотью, красками, телесными и душевными радостями есть творение Божие, то где тот предел, за которым отрицание «мира» (напр., Посл. Иоанна. 2–15, 16) влечёт за собой отрицание Творения?

Последнее противоречие принесло исторической Церкви наибольшие беды. Враждебное или, скажем мягче, недружелюбное отношение к «миру», мирскому было оправдано в первоначальном христианстве в условиях его бескомпромиссного противостояния разлагавшемуся древнему язычеству. Оно являлось неизбежностью в борьбе с тёмными страстями, одолевавшими членов христианских общин. Отзвуки этой тяжёлой борьбы мы постоянно слышим в посланиях апостолов, в угрозах, адресованных чревоугодникам, сребролюбцам, гомосексуалистам, и т.д., появлявшимся иногда в общинах. Отсюда же неизбежность запугивания вечными муками.

Мироотрицание было оправданным элементом церковной идеологии и в Древней Руси, когда Православию приходилось очищать сознание народа от тёмных языческих предрассудков. Но Церковь, уже обретя силу и влияние, продолжала тотально отрицать язычество вместе с тем светлым ядром, которое в нём имелось и которое сумел сохранить православный русский народ. Мироотрицание было необходимым условием подвижничества, как добровольно избираемого пути, но безусловным злом, как оправдание покорности перед нищетой и бедностью народной. Мотив мироотрицания оказался мной замедленного действия, на которой подорвалось историческое христианство, и, когда церкви уже в новую эпоху стали понимать это, было уже поздно...

И снова обратимся к «Розе Мира». Все четыре названные проблемы находят разрешение в свете её метаисторических откровений. Оказывается, «небеса» не имеют ничего общего с той лубочной картинкой, которую иногда изображают над воротами православных храмов. Запредельная реальность не статична, она находится в развитии, творчестве, борьбе. Абсолютно неизменен, непознаваем и абсолютно духовен только Бог, но как *существа*, каким его представляет профанное религиозное сознание, его в Шаданакаре нет, так как Шаданакар — часть Творения, а Бог не смешивается с Творением, хотя и таинственно присутствует в нём.

До Христа, сообщает Андреев, власть Гагтунгра в Шаданакаре была столь велика, что все души, и добрые и злые, попадали после смерти в демонические слои. Раннехристианское представление о вечных муках вполне соответствует сложившемуся до Христа духовному опыту, нашедшему отражение в Ветхом Завете. Но после крестной смерти Спасителя, когда Он между Своей смертью и чудес-

ным воскресением совершил сошествие в ад, положение стало меняться к лучшему:

«...между этими двумя актами совершилось то потрясшее Шада-накар нисхождение Его в миры Возмездия и раскрытие вечно замкнутых врат этих миров, воистину стяжало Иисусу имя Спасителя; непреодолимым оказался только порог Суфэтха. Все остальные пороги были сдвинуты, запоры сорваны, страдальцы подняты — одни в миры Просветления, другие в шрастры, третьи в верхние слои Возмездия, начавшие преобразовываться из вечных страдальцев во временные чистилища. Так было положено начало великому, позднее всё возрастающему смягчению Закона кармы» (PM, 115).

Православие пришло к нам из Византии, а в её метакультуре сложилось особое, трагическое положение:

«... в Византийской метакультуре эта борьба (Христа с демоническими силами. — *О.Л.*) победой не увенчалась. Вражеский стан оказал непреодолимое сопротивление; в итоге этой борьбы Византийская метакультура оторвалась от Энрофа. Я мимоходом упоминал уже о многозначительности того обстоятельства, что византийское православие не приняло идею чистилищ, когда она появилась в западной Церкви. В ужасающих перспективах вечных мук, ожидающих грешную душу, следует искать и горячее вещество того аскетического максимализма, которым пламенел византийский религиозный дух до самого конца своей истории. Да, перед духовидцами Византии эсхатологическая глубь разверзлась со всеми крайностями своей демонической жестокости. Приходится удивляться не отчаянным эксцессам аскетизма в этой стране, а скорее тому, что не во всех метакультурах, лишённых чистилищ, подобные эксцессы имели место» (PM, 80).

По причинам, в принципе, понятным, информация о подлинном состоянии запредельных миров православным духовидцам не поступала — их примитивные, птолемеевские представления о Вселенной были с ней несовместимы. Между тем и во вновь созданной российской метакультуре стали в конце концов происходить благодатные изменения:

«В Российской метакультуре первый шеол был создан в XII веке, будучи преобразован из страдальца силами Христа. С течением времени он несколько изменил свой вид, изменились и те кармические грузы, которые влекут умерших в этот мир» (PM, 80).

Православная Церковь вообще не знала о существовании автономных метакультур, представляя запредельную реальность, как уже говорилось, крайне упрощённо. Отсюда её убеждение в ложности других вер, идея вечных мук и спасения избранного меньшинства. Будет поэтому правильнее говорить не столько о косности Церкви, сколько о незнании ею в те времена и поныне истинного положения вещей в потусторонних мирах.

Теперь о проблеме божественной несправедливости в распределении врождённых качеств между людьми, смущающей чуткую совесть. Она имеет единственно удовлетворительное решение, предполагаемое восточными религиями. Это закон кармы и реинкарнация. Только допустив возможность перевоплощений и нравственного возмездия за грехи и преступления прошлой жизни, можно хоть как-то объяснить, почему один человек рождается идиотом, другой гением, один всю жизнь мыкает горе-злосчастьем, хотя никому не чинит вреда, другому всегда и во всём сопутствует удача.

Отцы Церкви, отвергнув реинкарнацию и карму, как вещи, несовместимые с христианским учением о воскресении и спасении целостной личности, не подумали о последствиях этого слишком простого решения. Но мы уже разобрались, что никакой несовместимости на самом деле нет, есть только нежелание мыслить и только.

Несколько сложнее обстоит дело с противоречием между «миром» и Богом. Действительно ли дружба с «миром» есть вражда против Бога? Отрицание «мира» во всей его чувственной полноте есть одна из основных установок аскетического, монашеского православия, отношение к которому у Андреева далеко не однозначно. В главе «Христианский миф и прароссианство» открываются две стороны этой непростой проблемы. Андреев даёт высочайшую оценку аскетическому православию, как мощной духовно-творческой силе, без которой русская культура просто не состоялась бы, и в то же время отрицает аскетизм как массовую идеологию, внушаемую всему народу. Почитаем текст:

«Аскетическому пути русская культура — правильное, метакультура — обязана величайшими праведниками. История средневековой Руси характеризуется полным отсутствием творцов широкообъемлющих философских и научных концепций, ограниченным числом художественных гениев, большим числом героев (хотя потомством утрачены имена многих из них) и — не созвездием, но целым звёздным

небом праведников. Сотни их имён сохранены церковью. Такое соотношение определялось могуществом христианского мифа, ещё из Византии принёсшего неравноценное отношение к различным видам духовного творчества. Как бы ни относиться к аскетическому принципу в применении к жизненным условиям, идеалам и психологическому климату XX столетия, но для метаисторика не может быть сомнения в том, способствует ли вообще жёсткая дисциплина этого пути предельной концентрации внутренних сил на взаимной мистической связи человека с высочайшими инстанциями духовного мира. Ещё бы она не способствовала! Если бы этому не способствовала наивозможно полная изоляция себя самого от захватывающих бурь, страстей и забот “мира дольного”, то что же тогда вообще могло бы способствовать? Среднее сознание нашего века точно мстит своей узостью в понимании таких вещей среднему сознанию Киевской и Московской Руси с его противоположно направленной узостью. Обвинение в эгоизме, в себялюбивом устремлении к спасению, которое бросается иногда представителям аскетического пути, правомерно лишь по отношению к тем, кто этот путь профанировал; но по отношению к тем, кто называется святыми, такое обвинение основано на невежестве либо на недоразумении. Логичен только последовательно материалистический взгляд, вообще не видящий никакой цены во внутреннем делании личности, если это делание не проявляется весьма быстро во внешних деяниях, для всех явных. Но если бы мы установились на материализме, то незачем, да и просто невозможно было бы начинать книгу “Роза Мира”. Внутреннее делание вообще, а келья и затвор в особенности, раскрывают в человеке то, благодаря чему становится служение человечеству и помогание ему из уединения. Но и этого мало: религиозное мировоззрение не может задумываться о жизни в отрыве от её потустороннего продолжения; в продолжении же этом именно праведник получает возможность, больше чем кто-либо другой, пользоваться теми сильнейшими духовными орудиями, теми средствами помощи человечеству и всем дольным мирам, которые он выстрадал и выработал в себе за десятки лет самосоздания и самоочищения. В метаисторическом отношении существование не только Нила Сорского или Серафима Саровского, но и праведников меньшей высоты, меньшего духовного величия, меньшего непосредственного влияния на народную психологию и нравственность, даже праведников, оставшихся нам совершенно неизвестными, — важнее

для метакультуры, чем прозябание тысяч людей духовной середины. Там "своя арифметика". Вспомним, что в то самое время, как гаввах, эйфос, излучения зависти, скупости, алчности, злобы восполняют убыль жизненных сил в стране демонов, излучения духовной радости, религиозного восторга и благоговения становятся тончайшим материалом для творчества затомисов; сорадование восполняет жизненные силы ангелов; излучения высокой любви между мужчиной и женщиной поднимаются в те миры, которые обозначены как Волны Мировой Женственности и только лазурные отдалённые зарева которых можем мы воспринимать в минуты восхищения; сострадание же, вдохновение, творческий пламень людей укрепляют обитель Логоса Шаданакара» (РМ, 136).

Задержим внимание на последнем пассаже. В нём — ключ к мистике русской праведности, к пониманию главной из причин хронических бедствий, преследующих Россию в XX веке.

Наш народ был замыслен небесными иерархиями как народ-праведник, народ-богоносец. То, что может сойти с рук другим народам, никогда не сойдёт нам. «Преступление и наказание» Достоевского — это о русских и для русских. Существуют сильно демонизированные народы, социальные системы, социальные группы, и не следует роптать на Бога за то, что им легче живётся в нашу апокалиптическую эпоху. Они питают тёмной энергией демонические миры и получают взамен временную поддержку. Но рано или поздно им придётся расплачиваться за этот союз. Существует, оказывается, не только личная, но и коллективная карма. Яркий пример такого рода дал гитлеризм, переживший эйфорию блестящих побед и потерпевший сокрушительное поражение.

Метаисторические причины тяжёлых бедствий нашего народа в XX веке видятся, предположительно, в промежуточности нашего духовного состояния. Мы не смогли окончательно перейти под покровительство демонического стана, но от Провиденциальных сил в значительной степени отпали. Страшный яд массового атеизма погасил миллионы душ, лишив Небесную Россию тех излучений духовной радости, религиозного восторга и благоговения, которые ей жизненно необходимы. Отсюда ощущение богооставленности и неверие в Бога, свойственные этим душам в нашу переходную эпоху.

Церковь абсолютно права, призывая русских к покаянию, только не следует понимать его как некое разовое массовое действие или

священнодействие. Речь идёт о том, чтобы каждый честный человек, считающий себя русским, глубоко осознал несправедность современной цивилизации и тех путей, по которым до сих пор шла наша страна. Без внутреннего, молчаливого отречения от материалистического бесовства во всех его формах, без восстановления в наших душах чувства высшей реальности нам не воскреснуть...

Итак, аскетическое православие было предельным, концентрированным выражением русской праведности, которое составляло противовес тёмным началам народной души. Как свободно избираемый образ жизни оно было доступно лишь для единиц, внутренне к нему готовых, и по этой причине не должно было становиться массовой идеологией. Но средневековая Церковь сделала его именно идеологией, с помощью которой подавляла чувственную, языческую стихию народа. Монашеский аскетизм, возведённый в ранг идеологии, был ошибкой всего средневекового христианства — и западного и восточного, считает Даниил Андреев. Он подавлял чувственную стихию, тогда как надо было её просветлять. Причиной его широкого распространения Андреев считает недовершённость миссии Христа в Энрофе:

«Недовершённость миссии Христа сказывается и в том, что материальное начало в природе и плотское в человеке не дождалось предназначенного им просветления во всеобщих масштабах, а не в одном только естестве Самого Христа. И, оставшись непросветлёнными, они были выброшены христианской церковью за пределы того, что обнималось ею, принималось и благословлялось. Таинства крещения и причащения отрезали неопита от языческого оправдания самодовлеющего плотского начала; никакого же иного осмысления, высшего, не давалось. Эта аскетическая тенденция христианства, едва смягчённая компромиссным институтом таинства бракосочетания, это поляризация понятий “духа и плоти”, которую влекло за собой христианство во всех охваченных им культурах и которая привела в конце концов к безрелигиозной эре цивилизации, — всё это не было простой случайностью или явлением только одного исторического плана. Напротив, в этом отразилась особенность, предопределённая именно оборванностью миссии Христа в Энрофе. Главное же, в Энрофе вообще не совершилось коренного сдвига. Законы остались законами, инстинкты — инстинктами, страсти — страстями, болезни — болезнями, смерть —

смертью, государства — государствами, тирании — тираниями. Образование церкви в человечестве, обременённом прежней самостью и не ограждённом от тёмных инспираций, не могло вызвать того стремительного прогресса — духовного и нравственного, который совершился бы, если бы Гагтунгр не оборвал жизнь Христа. Поэтому девятнадцать веков человечество двигалось по изломанному, зигзагообразному, неравномерному и односторонне суженному пути: он — равнодействующая между работой Провиденциальных начал и яростным воздействием Гагтунгра» (PM, 116).

В этом коротком, но насыщенном глубокими обобщениями тексте — вся суть исторической драмы христианства. Злоупотребление идеологией аскетизма в отношении «мира» привело Запад к эпохе гуманизма, которая началась с благих попыток гениев Возрождения примирить в человеке духовное и телесное, но под воздействием демонических искажений закончилась созданием бездуховной машинной цивилизации, культом денег и материализмом. У нас же в России произошло нечто более худшее — сокрушившая великую культуру атеистическая революция.

Андреев называет ещё одну, сокрытую от глаза причину бедствий христианских церквей — так называемые эгрегориальные излучения. Что это такое?

«Так или иначе, здесь под эгрегорами понимаются иноматериальные образования, возникающие из некоторых психических выделений человечества над большими коллективами. Эгрегоры лишены духовных монад, но обладают временно сконцентрированным волевым зарядом и эквивалентами сознательности. Свой эгрегор имеет любое государство, даже Люксембург. Эти существа в основном статичны и неагрессивны. В борьбе между демоническими и Провиденциальными силами Шаданакара большинство эгрегоров участия не принимает; впрочем, имеются некоторые, примыкающие к демоническому стану... эгрегоры церквей. Образуются из тех тёмноэфирных излучений причастного к церквам людского множества, какие вносятся любой, не достигшей праведности душой, примешиваясь к её религиозным состояниям: из мирских помыслов, материальных интересов, стяжательства, страстных состояний — вообще из того, что отцы церкви называли “житейским попечением”. Часто эти эгрегоры становятся большим тормозом, грузом на восходящем пути церквей» (PM, 69).

Психические излучения, исходящие от человеческих множеств, давно являются предметом интересов современной науки, а эгрегоры даже научились фотографировать — сошлёмся на широко известное изобретение супругов Кирлиани. Так что сообщение Андреева можно считать ещё одним доказательством того, что он действительно получал информацию из высших миров, а не галлюционировал. Ведь в сороковые-пятидесятые годы наука была ещё далека от исследования подобного рода проблем.

Выходит так, что решительно все христианские церкви, все монастыри и иные духовные учреждения были отягощены эгрегорами, искажавшими тот идеальный образ, к которому они стремились. Эгрегор православия был одной из причин отклонения церкви от предназначенного ей пути. Почитаем «Розу Мира»:

«Сравнительно с эгрегорами ислама или кальвинизма, а тем более чудищами, возникшими за спиной иудаизма и папства, эгрегор русского православия был косным, аморфным, неагрессивным, слабым. Церковь издавна заняла позицию духовной союзницы государства, позднее из союзницы превратилась в помощницу, потом в слугу, а при Третьем Жругре (демоне советского великодержавия. — *О.Л.*) — в рабу и только раз попробовала заявить претензию на верховную общегосударственную роль. Сколь ни печально с религиозно-культурной, а тем более с конфессионально-православной точки зрения, это нисхождение церкви по ступеням подчинения государству, всё же это — меньшее из двух зол, если сопоставить его с противоположной крайностью. Тёмноэфирный эгрегор окреп над русской православной церковью на почве того психологического климата, который сложился в стране в результате борьбы с татарами и установлением национально-воинствующего самодержавия. Эгрегор образовывался из тех излучений причастного церкви людского множества, какие вносились любой душой, не достигшей праведности и примешивавшей к излучениям благоговения, умиления и любви так называемого “житейского попечения”. Роковым образом способствовали росту эгрегора и особенности средневекового полумагического благочестия, заставляющего верующих делать огромные вклады в монастыри на помин души, князей — жаловать монастырям колоссальные угодья, а самих монахов — принимать всё это как должное. Непомерное обогащение монастырей, обмирщение иночества и вообще духовенства было весьма благодатной почвой для

тёмноэфирного нароста на организме церкви. У подножия её соборной метаэфирной вершины сгущался этот мглистый клуб, этот волнующийся туман, своим слепым эквивалентом сознания отождествляя себя, очевидно, с самой церковью. Угроза его разбухания представлялась как бы возникновением невидимой преграды между душой верующего и трансфизической сущностью церкви, к которой эта душа устремлялась. Поэтому сколь смутно ни ощущал бы верующий природу этой опасности, она должна была рисоваться ему ещё более грозной, чем вампирическая тенденция Жругров. Церковь, конечно, не оставалась равнодушной к этому угрожающему явлению; и историческим выражением двух основных борющихся в ней тенденций — эгрегориальной и Провиденциальной — явилось в XVI веке столкновение сторонников и противников крупного монастырского землевладения, ярчайшими представителями обоих течений — Нил Сорский и Иосиф Волоцкий, а открытой формой и ареной борьбы — Собор 1503 года и горячая литературная полемика. Показательно при этом, что вождём противников землевладения оказался именно Нил Сорский, человек с тончайшей духовной организацией, истинный поэт скитского жития, носитель настоящей святости, в полном смысле слова — сосуд духовности. Не волнение “исторического чувства”, которого Нил Сорский, как и все почти православные подвижники, был лишён, а глубокая *трансфизическая* тревога за церковь вывела его из скитского уединения и подвигла на борьбу с иосифлянами. Но, хотя церковь впоследствии причислила его к лику святых — не сделать этого по отношению к памяти едва ли не величайшего из русских праведников было просто невозможно, — но за иосифлянами, в общем, оставалась победа, и, таким образом, эгрегор православия сохранил для себя ту почву, которая породила его питательную тёмноэфирную среду. Результаты сказались с лишком через столетие, вскоре после Смутного времени» (РМ, 148).

Великая культурная заслуга Русской Православной Церкви состоит, прежде всего, в том, что ей удалось глубоко внедрить в народное сознание почти инстинктивное отторжение неправедных жизненных путей. Всякий православный по своему душевному складу человек, будь он даже атеист, если и вынужден в силу крайней необходимости ступить на эти пути, испытывает угрызения совести, ощущение тревоги и беспокойства, старается поскорее выйти из не

свойственного его натуре положения и никогда больше в него не попадать. Испокон веку русские люди старались загладить свои грехи добрыми делами и покаянными молитвами. В. Ключевский в статье «Добрые люди Древней Руси» очень хорошо передаёт атмосферу душевной чистоты, которую создавали наши предки самым образом своей жизни. Не философией, наукой или художественной литературой была велика Древняя Русь, а человеком, которого она создала. Этой далёкой, разительно не похожей на нас стране, современный «цивилизованный мир» с его иерархией ценностей, представлениями о величии и ничтожестве показался бы, наверное, воплощённым царством Антихриста, антимиром, а нравственное состояние «перестраивающейся» России привело бы в ужас наших предков. Как и должно быть в антимире, восхождение в нём (технический, цивилизационный прогресс) означает, с точки зрения нормального мира, спуск. Глубоко опустилась и Россия. Но получается, что произошло это отчасти из-за ошибок и грехов Церкви, до сих пор ею практически не осознанных. Одной из таких ошибок, как уже говорилось, следует считать злоупотребление аскетической идеологией. Ведь это в нашей истории были времена, когда пружина чувственной стихии народа была затянута до предела. Церковь тогда осуждала театр, скomorошество, светскую музыку, живопись — всё то, что на разных языках глаголет о светлых и тёмных сторонах плоти нашего мира, о мучающих его страстях и проблемах. Культурная политика древнерусской Церкви, сформировавшаяся на противостоянии язычеству, была направлена, приходится признать, на тотальное погашение в русской православной душе любви к жизни. Даниил Андреев говорит об этом прямо и без обиняков:

«Довлела формула: “Мир лежит во зле”. И любовь к нему, детская жизнерадостность, солнечная весёлость и непосредственность едва осмеливались обнаруживать своё существование в яркой раскраске утвари, в сказочно-игрушечном, я бы сказал смеющемся, стиле изразцов или резьбы, в задних планах икон, где цветы, светила небесные и сказочные звери создают удивительный фон, излучающий трогательно чистую пантеистическую любовь к миру. Довлел монашеский аскетизм. И в творческой деятельности Дингры (стихиаль, мистическая сущность российской метакультуры, управляющая половой сферой. Во всех случаях, когда вспыхивает любовь между мужчиной и женщиной, проявляется, по Андрееву, деятельность кароссы

Дингры. — *О.Л.*) отводились самые низы, прикровенное тло человеческой жизни. Соприкосновение духовности с физической стороной любви казалось кощунством: в брачную ночь образа плотно зашивались, ибо любовь, даже освящённая таинством брака, оставалась грехом. Довлел христианский пантеон. И душа, улавливающая веяние иерархий сверхнарода и стихий, не осмеливалась даже отдать себе отчёт в бытии этих иерархий, не нашедших места в христианском пантеоне, не санкционированных церковным авторитетом. Истины богопознания и миропознания казались исчерпанными двумя Заветами и учением отцов церкви; и всякая самостоятельная работа оказалась бы подозрительной, едва ли не еретической. Довлело отношение к искусству как к второстепенному виду выражения всё тех же истин христианского мифа. И светская живопись не возникала, скульптура представлялась язычеством, поэзия прозябала в границах фольклора, танец едва терпелся даже в виде чинных хоронов, а зачатки театральных действий жестоко выкорчёвывались» (РМ, 134).

В этой суровой политике Православной Церкви особенно ярко проявился нетворческий, программный характер исторического христианства — его, может быть, самая большая беда. Отлившись в раз и навсегда созданные отцами церкви формы, православие веками пребывало в духовной неподвижности. Иногда ошибочно считают, что консерватизм является общим свойством религиозного сознания. Это далеко не так. Мы знаем великую индийскую культуру с её поразительной духовной свободой, многовековыми религиозно-философскими исканиями. И у индусов встречались еретики, резко осуждаемые ортодоксами (например, философ Шанкра), но до таких дикостей, как застенки, костры и четвертование еретиков, дело никогда не доходило. «Религия в Индии, — пишет С. Радхакришнан, — не отличается догматизмом. Она является рациональным синтезом, который по мере развития продолжает вбирать в себя новые представления. По природе своей гибкая и основанная на опыте, она пытается идти в ногу с прогрессом мысли» (РМ, 84).

Индийская культура существует, оставаясь тождественной самой себе на протяжении уже нескольких тысячелетий, что является доказательством превосходства духовного динамизма перед косностью. Откуда вообще эта странная и наивная идея — жить с неизменными представлениями в постоянно меняющемся мире? Неизме-

нен лишь Бог, а Его творение подвержено изменению. Тем более должны подвергаться переосмыслению творения человеческого ума, даже вдохновлённые самим Богом. Религиозный консерватизм не имеет, таким образом, онтологического обоснования. Религиозная косность есть, пожалуй, скрытое проявление умственной гордыни, а не верности Богу. Если бы Богу был угоден косный человеческий ум, то духовная эволюция человечества оказалась бы попросту невозможной. Развитие религиозной мысли столь же необходимо для человечества, как развитие мысли научной. Но именно развитие, то есть органическое соединение традиции с новизной, а не наглая агрессия безродной, мутящей души новизны (что случилось с Россией в 1917 году).

Увы, христианство в целом осталось равнодушным и даже враждебным к самой идее развития и в наибольшей степени это умонастроение проявилось в Русской Православной Церкви. Ксенофобия — естественное состояние души православного иерея, слово «эволюция» для него — бесовского происхождения. Любые попытки хоть немного скорректировать православное вероучение, привести его в соответствие с новым нравственным, историческим или научным опытом оценивается как соблазн и неизменно отвергается Церковью.

Даниил Андреев объясняет консерватизм Православной Церкви её творческим оскудением, указывая на воистину трагические социальные и духовные последствия этого печального явления:

«В XVIII веке становится явственным оскудение духовных рек, которыми питались корни православной праведности. Меньше становится крупных религиозных деятелей, перед глазами общества всё реже возникают фигуры чистых и высоких пастырей душ, высветливших собственное сердце и покоривших собственное естество. В XIX веке уже лишь несколько человек — преподобный Серафим Саровский, Феофан Затворник, Амвросий и Макарий Оптинские уподобляются образам тех святых, которыми так богата была земля в предыдущие столетия. Наконец, в предреволюционную эпоху на церковном горизонте становится совсем пустынно¹. Мало того: это

¹ Здесь, пожалуй, было бы справедливо вспомнить имя о. Иоанна Кронштадтского, не забывая, однако, о существенном отличии этого сурового до беспощадности обличителя людских пороков от светло-радостного Серафима Саровского, *знающего* о том, какая страшная участь ожидает Россию.

измельчение масштабов личности оказывается только одним из проявлений общего творческого оскудения православия. Год за годом церковь всё более отстаёт от требований и запросов быстро меняющихся эпох, причём это отставание даже возводится в некий принцип: церковная иерархия смотрит на себя как на хранительницу неизблемых и исчерпывающих истин, независимых от смены времён и человеческих психологий. Но так как этот взгляд не подкрепляется ни безупречностью жизни самих пастырей, ни интенсивностью их духовного делания, ни мудрыми их ответствованиями на порождённые новыми эпохами вопросы социальные, политические или философские, то авторитет и значение церкви стремительно падают. Последние духовные усилия со стороны церкви вызываются бурей Революции. Выдвигается целый ряд безымянных героев и мучеников; с окончанием их жизненных путей творческий дух оставляет православную церковь ещё более, и, став игралищем в руках дипломатствующих политиков, руководство восточнохристианской общины превращается в пособника и в орудие антирелигиозного государства» (РМ, 173).

Андреев, разумеется, не первый русский мыслитель, который указывал на косность православия как на опасный для всей русской культуры порок. Ещё резче на эту тему высказывался наш блистательный В.В. Розанов. Русской православной церкви он ставил в пример полное динамизма и творчества византийское православие:

«Великая вещь делание и творчество. Византия вся и целиком жила Церковью и потому сотворила в Церкви великое: и законы, и молитвы, и напевы. У историков записано: “на торгу, на базаре покупатели и продавцы, кончив сделку, спорят о единосуции или единокачественности Сына и Отца”. Вот жизнь! Жизнь тогда мощна, когда она народна и волнует улицу. Но с тех пор с улицы дела взяты в “судные церковные палаты” и, кажется, судьи задремали над ними, а толпа, у которой изъяли такую тему и такой образовательный предмет, разбрелась по кабакам. Русь скопировала Византию, как подражатель — гения, не заметив, что главное-то в Византии было творчество — свободное, уличное, громадное, волнующееся, шумливое, крикливое. Она только результат сотворения взяла и поклонилась ему, а процесс творчества не взяла и даже не поняла, что это-то творчество и было некогда живым в сердцах Богом. И вышла из наших рук мумия веры, а не живое дитя веры, разумное и растущее... Вся

Византия в творческих трудах страдала, мучилась, писала и зачёркивала написанное. И она не клала кирпичик на кирпичик с мыслью о “непогрешимости” каждого кирпичика, а с воплем разрушала иногда целые стены. Читайте-ка её историю об одном соборе, который сперва был назван “вселенским”, а потом переименован “разбойническим”. Так мучилась Византия. И Русь едва ли безгрешна и едва ли рождает истину, как Юпитер Палладу из головы... Да мы буквенники из буквенников, и “книжник”, которому при Иисусе было росту вершок, к нашему времени вырос в версту и съел нашу душу, совесть и сердце. От Ватикана до Берлина и Антиохии не осталось от христианства ничего, кроме умения “навести справку по книгам”, и это библиотечно-административное христианство куда превзошло садукейство и фарисейство. Столпы христианства суть книжники и всего только книжники...».

Правоту обоих мыслителей — Андреева и Розанова — подтверждает позиция высших иерархов Православной Церкви времён «перестройки». Духовно слепые правители «постсоветского» общества во имя создания очередной социальной химеры калечат души молодых поколений, поощряя экономические и политические эксперименты, которые культивируют в них эгоизм, жестокость, алчность, цинизм. Церковные авторитеты обязаны указывать на губительные последствия их деяний, они обязаны «заграждать уста» всякого рода нечестивцам из средств массовой информации, давать нравственную оценку действиям политиков и законодателей и т.д. Что мешает им так поступать в условиях практически неограниченной свободы слова и свободы от страха перед репрессиями? Но в большинстве своём они молчат, словно не замечая, что демонические силы, столь явно обнаружившие себя в ходе «перестройки», используют Церковь именно в качестве «игралища в руках дипломатствующих политиков», главным образом, для того, чтобы поставить на колени унижаемый и уничтожаемый народ, подавить в нём волю к нравственному сопротивлению. От коммунистического ига Церковь, похоже, освободил не Бог, а кто-то другой — такая мысль приходит в голову при наблюдении за процессом так называемого «возрождения» Церкви. Происходящее явно под контролем недружелюбных к русским политических сил, оно направляется в определённое русло, исключая возможность возрождения Церкви Воинствующей, как того настоятельно требует время...

Мы видим, что большевистский эксперимент ни на йоту не изменил позиции высших церковных иерархов в отношении власть держащих. По-прежнему — полное и безоговорочное повиновение, хотя бы эта власть вся поросла рогами и копытами. Как бы плата за «освобождение» Церкви, иерархи молчат в ответ на нравственный беспредел, творимый в стране духовно непросветлённой властью. а ведь молчание, не забудем, — знак согласия! Мужественный митрополит Иоанн — скорее, исключение, чем правило в постсоветской Церкви. Да разве могли себе позволить такие бесстрашные митрополиты Древней Руси (многие из которых, напомним, были греками), резавшие «правду-матку» в глаза князьям! Незачем, впрочем, и ходить далеко за добрым примером. Официальная «постсоветская» Церковь в своё время (уже после репрессий) *внутренне* примирилась с атеистической властью, уповая на промысел Божий, тогда как катакомбная, старообрядческая и Русская зарубежная Православная Церковь решительно её отвергли, как порождённую самим дьяволом. И кто же оказался прав? Жестоко стеснённая в своих возможностях, запуганная официальная Церковь всё равно не смогла спасти от духовной гибели миллионы душ, поражённых материализмом и атеизмом, но своим вполне искренним смирением перед безбожной властью фактически давала ей онтологическое оправдание в глазах верующих. Коготок увяз — птичке пропасть: иерархи «постсоветской» Церкви, родившиеся уже при коммунистах, потому так легко и вступили в союз с новой, ещё более безбожной и безнравственной властью, что хорошо усвоили науку своих предшественников...

Наша Церковь по-прежнему исповедует веру в Бога, сотворившего мир, в котором возможны вечные муки и спасение горстки избранных. Она по-прежнему не осознаёт самостоятельной ценности земной жизни и именно поэтому равнодушна к социальному действию. Христово «царство моё не от мира сего» было понято нашей Церковью как окончательный приговор физическому миру, который *бессмысленно* совершенствовать. Это похоже на то, как если бы люди стояли под дождём с зонтиками в руках и не раскрывали их в рассуждении, что дождь всё равно не прекратится.

Невмешательство Церкви в дела «мира» отнюдь не избавило Россию от давления внешних сил, не остановило социальных перемен, но оставило эти перемены без духовного водительства Церкви.

Неужели Христос, изгонявший бичом торговцев из храма, мог заповедать своей Церкви равнодушие к событиям, происходящим в обществе? Евангелие учит повиноваться властям, предотвращая тем самым такие страшные катастрофы, как революции и войны. Но оно также учит решительно пресекать общественную ложь, в конечном счёте и приводящую к революциям. «Ибо есть много пустословов и обманщиков, особенно из обрезанных, которым должно заграждать уста, ибо они учат чему не должно, развращая целые дома» (Посл. к Титу. 1:10).

Заграждать уста, в нашем понимании, — это двигаться вместе с потоком жизни, обличая несправедливые, духовно-разрушительные пути и средства, которые по слепоте своей или по подсказкам «пустословов и обманщиков» могут выбирать власть предрежащие.

Если мы взглянем под предложенным углом зрения на русскую историю, то увидим, что затянувшийся кризис Православной Церкви имеет не только внешние по отношению к ней причины, но и внутренне, коренящиеся в ней самой.

Становится ясно, что самой большой бедой Русской Православной Церкви, породившей многие беды государства российского, была утрата ею роли высшей этической инстанции общества, стоящей вне власти и над властью. Первые несколько веков после принятия Русью христианства Церковь успешно справлялась с этой задачей. Тогда князья ходили за мудростью и советом к митрополитам, тогда Церковь не боялась обличать княжеские распри, несправедливый суд, оказывала влияние на внутреннюю и внешнюю политику, удерживая власть от действий, движимых тёмными страстями и благословляя на справедливые войны. Это усилиями церковных иерархов к XII веку был практически ликвидирован обычай кровной мести, а ещё раньше отменена смертная казнь, иерархи внушали князьям и боярам, что холопы равны с ними перед Богом...

Но постепенно Церковь стала терять свою былую высоту в обществе, и мрачные результаты не замедлили сказаться. Когда в Московском государстве стали применять пытки и жестокие казни, которых раньше не знали, Церковь смолчала...

Рассмотрим некоторые наиболее существенные причины этой печальной метаморфозы.

Наибольший вред Церкви как независимой этической инстанции принёс процесс земельного и денежного обогащения монастырей

в XIV–XVI веках, о котором упоминает Андреев. Это был совершенно стихийный процесс, порождённый бесчисленными пожертвованиями со стороны богатых людей, желавших из страха перед загробным возмездием спасти таким образом свои грешные души. Его корни — в религиозном радикализме Православия и в том сниженном народным сознанием пути спасения, который Андреев называет полумагическим благочестием.

Нельзя отрицать того известного факта, что монастыри в Древней Руси были не только очагами православной духовности, но и школами земледелия. Но всякое общественное явление можно правильно понять, только наблюдая его в развитии. Обогащение монастырей стало постепенно приводить к конфликтам между крестьянами и монастырями, монастырями и государством, наносившим моральный ущерб Церкви в целом. В. Ключевский, опираясь на обширный исторический материал, показывает, как монастырское землевладение помимо желания самих монастырей способствовало усилению тяжести крестьянского труда и закабалению крестьян, вызывало нравственные деформации в монашеских душах. Вот что он говорит об искажении идеи иночества к середине XVI века: «Из трудовых земледельческих общин, питавшихся своими трудами... многие из этих монастырей, если не большинство, разрослись в крупные землевладельческие общества со сложным хозяйством... с многообразными житейскими суетами, поземельными тяжбами и запутанными мирскими отношениями. Окружённое монастырскими слободами, слободками и сёлами, братство такого монастыря представляло из себя черноризческое барство, на которое работали сотни и тысячи крестьянских рук, а оно властно правило своими многочисленными слугами... и потом молилось о всём мире и особенно о мирянах-вкладчиках своего монастыря». Всё это, конечно, не могло не беспокоить церковных иерархов, но они не сумели своевременно подавить отрицательную тенденцию. Ключевский рассказывает об одном игумене, который справедливо вопрошает митрополита Киприана, что ему делать с селом, которое князь передал монастырю. Митрополит соглашается, что святые отцы не заповедали монахам владеть сёлами: «Когда чернецы будут владеть сёлами, чем они будут отличаться от мирян?» Но Киприан не доводит свой вывод до конца и принимает конформистское решение — предлагает село принять, но заводить им не монаху, а мирянину. И преподобный Кирилл Белозерский,

пишет Ключевский, возражал против монастырских землевладений, отклонял вклады по душе, предлагаемые в виде земельных владений, «но вынужден был уступать настояниям вкладчиков и ропоту братии, и монастырь уже при нём начал приобретать вотчины».

Земельные богатства Церкви оказались большим соблазном для Петра I, который нуждался для своих реформ в деньгах, и он учредил Монастырский приказ — судебно-административное учреждение по недуховным делам духовных ведомств. Интересно здесь то, что, создав его для выкачивания денег из Церкви, Пётр придал своим действиям моральное обоснование:

«Пётр указом 30 декабря 1701 года отнял у монастырей распоряжение их вотчинными доходами за то или под тем предлогом, что нынешние монахи, вопреки примеру древних и своему обету, не питают нищих своим трудом, напротив, сами чужие труды поедают».

Так началось поглощение Церкви государством и падение её влияния на дела власти. Закономерным финалом этого многовекового процесса стало беспрецедентное унижение Церкви при коммунистах, от которого, по сути, она пока не оправилась.

Необходимо сказать ещё немного об издержках крайнего консерватизма церковного сознания. Он не только строго регламентировал саму церковную жизнь, но оказывал незримое влияние на психологию народа и его правителей, как бы предписывая отвергать новое уже за то, что оно новое. Так возникло известное противоречие русского национального характера. Не желающий, не любящий меняться русский человек, тем не менее, меняется под воздействием сильных соблазнов или великих социальных потрясений и, изменившись, надолго консервируется в новом состоянии. Именно так появились целые поколения советских людей — атеистов и материалистов, не пожелавших возвращаться к Богу, когда этому представилась полная возможность в «перестройку».

Здесь следует заметить, что массовому воцерковлению русских препятствует теперь та же причина — крайний консерватизм Церкви. Церковь в лице своих нынешних иерархов, кажется, не желает видеть, что имеет дело уже не с тем детски простодушным крестьянским народом, который буквально понимал христианский миф и ещё не был настолько обработан материализмом и искалечен насилием и войнами, чтобы потерять веру в само существование Бога и невидимый мир. Конечно, зло саморазрушительно, его дела недолговечны, поэтому

многие травмированные материализмом люди всё-таки начинают возвращаться к духовным истокам человечества — мировым религиям. И что же они там находят? Как воспринимают их искушённым своим умом? Нас сейчас интересует, разумеется, только Православие.

Современный человек (а он в массе своей пока остаётся советским, несмотря ни на какие экономические и политические игры со страной) — атеист, в котором пробудился интерес к Православию, переживает, знакомясь с ним, сложные, противоречивые чувства. До сих пор мы рассматривали Православие как бы извне — под историческим и метаисторическим углами зрения. Теперь пора взглянуть на него глазами современной души, сформированной вне церковного влияния. Итак, входя в Православие — посещая церковь, читая православную духовную литературу — современный критически мыслящий человек переживает неоднозначное чувство. Он начинает понимать непревзойдённую красоту и чувствовать духовно-целительное воздействие православной литургии, её непостижимое превосходство над любым, взятым в отдельности явлением светской культуры.¹ Он начинает понимать, что православная молитва с её чарующим древнерусским звучанием — это не только образец ныне утраченного высокого словесного искусства, но мистический акт личного общения верующего с небесными иерархиями, уникальная возможность получать от них чудесную помощь. Он приходит к сознанию, что крещение, исповедь, венчание, соборование и другие церковные таинства — отнюдь не ритуалы и не обряды, составляющие игровую основу любой культуры, а нечто гораздо более серьёзное — именно таинства, приобщающие душу к загадочному духовному миру. Он узнаёт, что Православная Церковь — это последняя на земле хранительница не разрушаемых ни временем, ни философским лукавством, ни соблазнами мира сего высших духовно-нравственных ценностей, забвение которых и привело наш народ к нынешнему печальному его состоянию. Он убеждается, одним словом, что Православие — это очень глубоко и очень серьёзно.

¹ Отец Павел Флоренский посвятил этой теме специальную работу, в которой показывает, что православная литургия представляет собой синтез многих искусств — музыки, хорового пения, живописи, театрального искусства, архитектуры. Целое же, как известно, качественно совершеннее отдельных, входящих в него частей.

Но проходит время, эйфория от первого свидания с Церковью сменяется чувством прочной привязанности к ней, и нашему православному неопиту начинает открываться теневая сторона Православия, которая у него есть, как и у всякой другой религии. Он не без смущения обнаруживает существенную разницу между своим прежним, идеализированным представлением о Церкви, как бесконечно доброй, отзывчивой на беды детей своих ласковой матерью, и реальной Церковью. Реальная Церковь оказывается гораздо холодной. Может быть, раньше всего ему бросается в глаза, что невмешательство Церкви в дела мира продиктовано отнюдь не мудростью высших иерархов и не давлением враждебных ей сил, а формой ухода от ответственности за ошибки и заблуждения мира. Церковь и не пытается предотвращать активными выступлениями трагические ошибки политиков, ведущие к погублению человеческих душ, она не выходит за пределы своей ограды для повседневной работы с людьми, как это делают, например, протестанты. Она как-то странно *аристократична*, что никак не вяжется с духом первоначального христианства, с апостольским духом.

В её учении обнаруживаются черты жестокости и суровости, слишком хорошо знакомые советскому человеку по коммунистической идеологии. Это учение, как и тысячу лет назад, предлагает душе только два пути — либо к вечному блаженству, либо к вечным мукам, не допуская никаких компромиссов, никаких иных путей. Оно, таким образом, широко эксплуатирует животный страх в человеке в качестве средства удержания его от греховных поступков. Чтение духовной литературы омрачается волнами источаемого ею страха перед загробными мытарствами души, жуткой перспективой вечных мук. Потусторонняя реальность открывается православному неопиту, прежде всего, мрачной своей стороной. Он склоняется к мысли, что христианский Бог-Отец не менее грозен, чем суровые языческие боги, с которыми некогда боролась Церковь, и начинает догадываться о психологической подоплёке страшного атеистического взрыва, потрясшего Россию в XX веке.

Воцерковлённый человек больше смерти боится впасть в смертный грех, явиться на Божий суд с неотпущенными грехами. Но в наше сложное время православное учение о грехе имеет безусловную ценность только как нравственный эталон, позволяющий давать точную оценку всякого рода духовно-разрушительным явлениям в жизни,

политике, искусстве. В качестве же пособия по практической этике для верующих оно годится к употреблению разве что в строгом монастыре. В православной литературе, посвящённой проблеме греха, отсутствуют серьёзные попытки разобраться в нюансах человеческой психологии, в сложных и неоднозначных жизненных ситуациях, когда греховный по форме поступок не может быть по совести назван грехом. Всё просто, как встарь, — имеется перечень из восьми смертных грехов: чревоугодия, блуда, сребролюбия, тщеславия и т.д. Тот, кто совершает смертный грех и не кается (не извиняется) за него перед Богом, тому угрожает перспектива вечных мук, а тот, кто вовремя спохватился и после сколь угодно грешной жизни, даже если он из самой подлой корысти или патологической страсти убивал людей, успел покаяться и получил отпущение грехов, тот имеет все шансы быть спасённым для вечной жизни. Незаработанность практической стороны православного учения о грехе приводит, в тех или иных случаях, к нравственным оценкам, с которыми в душе не согласится ни один добрый пастырь. Но и возразить не посмеет — промолчит. Получается, например, что если невенчанная женщина и мужчина состоят в интимных отношениях (блуд), они рискуют угодить в ад, даже если любят друг друга, а нежелающие, но венчанная, в ад не попадут (по крайней мере, за грех блуда), хотя физическая близость без любви и есть самый настоящий блуд. Если человек имеет слабость вкусно поесть, склонен к чревоугодию (первый смертный грех для монаха), но при этом незлобив и добродушен, он, опять же, рискует попасть после смерти в ад. Подобные примеры можно приводить десятками, из них соткана вся жизнь современного человека, но Церковь проявляет равнодушие к жизни, предпочитая в каверзных случаях отмачиваться или отсылать к катехизису — так, мол, написано...

Великая вещь — покаяние. Оно способно духовно преобразить человека, подвинуть его на коренное изменение своего прежнего образа жизни. Но Восток, с его пониманием кармического закона, не признаёт нашу покаянную арифметику. И действительно, покаяние, если оно глубоко и искренне, имеет нравственную ценность только тогда, когда кающийся исправляет своими делами совершённое им ранее зло. Если он попросит прощения у всех, кого оскорбил, вернёт здоровье тому, кого искалечил, долг тем, кого ограбил и т.д. Этого требует неумолимый закон кармы, отменить который в том или

ином случае может, безусловно, только Бог или Его Сын (эпизод с прощённым Им сораспятым разбойником). У нас же в церковной практике таинство *безвозмездного* отпущения грехов и очищения души от скверны как события исключительного, воистину чудесного, ещё в древней Церкви было фактически превращено в обряд, лишённый во многих и многих случаях сакральной своей сути. Это породило соблазн для нравственно неустойчивых людей грешить и каяться всю жизнь, чтобы после последнего, предсмертного покаяния уйти в мир иной с успокоенной душой и неоплаченными на земле счётами.¹ ...Есть что-то манихейское, неприемлемое для современного мыслящего человека в жёстком, традиционно-православном разделении существующих на земле учений и вер на «неприступную крепость православия» и все остальные, лишённые истины веры, у которых православным нечему учиться. Эта мировоззренческая позиция могла быть выигрышной в древности в условиях религиозной и географической изоляции русского народа, скудости его умственного кругозора. В нашу же информационную эпоху она явно компрометирует православие как религию безынтеллектуальную, малоспособную к аргументированному спору с другими учениями, равнодушную к самым поразительным открытиям современной науки. По одной только этой причине Церковь в XX веке оттолкнула от себя подавляющую часть научной интеллигенции, даже не осознав, какую понесла потерю...

Мы не можем умолчать и о таком опаснейшем для нынешней Церкви явлении, как фарисейство. Эта нравственная порча, поразившая многие слои нашего общества, — вообще говоря, болезнь века — не могла обойти стороной и Церковь, породив распространённый ныне тип православного фарисея. Устами своими чтущие Христа, но сердцем от Него далёкие, своекорыстные, равнодушные к бедам отечества, любящие поучать и запугивать, эти люди наносят православию огромный вред, попадаясь на пути тем, кто ищет Бога, и в итоге побуждая их уходить в другие конфессии или веры.

Православие подвергается сейчас тяжелейшему испытанию — гораздо более тяжёлому, чем при коммунистах. Коммунисты своими

¹ Этой психологии скоро уже тысячу лет. «Смолоду бито много, граблено, под старость надо душу спасти», — поётся в древнерусской песне про одного новгородского «повольника».

гонениями на Церковь только усиливали тяготение к ней духовно-жаждущих людей, одновременно ограждая их «железным занавесом» от «закордонной» религиозной литературы. Ныне же православие оказалось в условиях свободной состязательности с нахлынувшими на Россию другими учениями и верами, выдержать спор с которыми оказалось не так-то просто. И уже слышались не раз сетования иерархов на недопустимость эдакого Вавилона в «исконно православной стране». Но не правильнее ли будет всерьёз задуматься над тем, чего не хватает Православной Церкви, чтобы покорить умы и души миллионов наших соотечественников, особенно молодых людей? Что за горькая судьба у нашей Церкви — пополняться искалеченными жизнью, страдающими, убогими душами, тайно желать своему народу несчасть и страданий, «ибо страданием душа очистится»?

...Современная цивилизация вывернула человека наизнанку, поставив догматическое православие перед сложнейшими нравственными и богословскими проблемами, к решению которых оно оказалось неподготовленным. В этом — одна из причин шараханья интеллигенции XIX века в атеизм и революцию и нешуточного успеха массовой атеистической пропаганды в советское время.

Нечто подобное повторяется и в конце нынешнего века, когда Церковь полностью освобождена от государственного политического надзора. Казалось бы, пришло время для бурного возрождения Церкви. Но наблюдаем мы его пока в основном в среде гордящегося своей избранностью столичного православного бомонда. Церкви открыты, православной литературы — море, но значительная часть интеллигенции уходит почему-то в другие учения и веры. И простой народ ходит вокруг да около Церкви, не спеша воцерковляться и принимать послушание...

Метаистория русской культуры XIX века

Существует различие между Православной Церковью и православным духом. Оно того же рода, как различие между звездой и светом от неё исходящим. Если Церковь утрачивает роль культуротворческой силы общества, то православный дух продолжает жить, питая собой культуру. Современный историк Церкви Л. Регельсон в одном из своих докладов заметил, что если бы не кризис Православной

Церкви, начавшийся в эпоху Петра, то мы имели бы в XIX веке великую и самобытную религиозную культуру и не имели бы ни Пушкина, ни Гоголя, ни Мусоргского, ни Достоевского — о чём, однако, нисколько не пожалели бы, так как в этом случае наша жизнь не стала бы духовно беднее, а революция в России не произошла бы. Если бы Церковь продолжала существовать как культуротворческая сила!..

Андреев как визионер отчасти подтверждает эту любопытную мысль, вскрывая невидимую для невооружённого глаза связь между кризисом Православной Церкви и появлением русской культуры XIX века.

До сих пор не найдено ответа на вопрос — каковы религиозно-мистические истоки внезапного расцвета русской литературы, музыки, живописи в короткий исторический период, предшествовавший трагическому концу Российской империи. В наибольшей степени этот вопрос относится, конечно, к литературе, к живому художественному слову, которое в России воспринималось всегда совсем не так, как на Западе, но гораздо серьёзнее — как слово Учителя.

Незнание метаисторической подоплёки феномена русской литературы не раз приводило к неверным оценкам творчества наших художественных гениев. Владислав Ходасевич в своей статье «Кровавая жертва», написанной им уже после революции, рисует прискорбную картину избиения русскими русских. Жестокой, несправедливой критике подвергались у нас практически все наши крупные писатели и философы от Пушкина и Чаадаева до Достоевского и Бердяева. Били за западничество, за антицерковность или даже внецерковность, за совращение интеллигенции в революцию, за отрыв от народа и т.д. Били с позиций церковных, славянофильских, западнческих, гражданских и даже художественных. Последний по времени убийственный разнос разом всей русской литературе XIX века учинил бывший узник Гулага писатель Иван Солоневич. Пламенный патриот, человек сильного, но лишённого мистицизма разума, дарования, он обвиняет русских писателей в том, что они изменили православной вере, оторвались от народа, разложили интеллигенцию и фактически накликали на Россию революцию. Особенно резок Солоневич по отношению к Достоевскому, которого он не любит почти так же, как не любил его Ленин, но только по иным причинам. «Дух Солоневича» продолжает жить в статьях некоторых современных критиков ортодоксально православного толка, взявшихся вдруг сечь

русских религиозных философов XIX–XX века всех без разбора. Как будто гении, подобно сорной траве на пустыре, вылезают сами по себе, а не рождаются по Божьей воле!

Русская культура XIX века, узнаём мы из «Розы Мира», была глубоко оригинальным явлением именно потому, что появилась по Божьей воле, под которой Андреев имеет в виду творческие импульсы, исходящие из высших миров Шаданакара. Да, и наши церковные писатели, и писатели-художники вдохновлялись из одного высшего источника, и, как всякие творцы, не были полностью защищены от демонических инвольтаций.

О метаисторической связи между кризисом Православия и появлением русской культуры XIX века Андреев сообщает следующее:

«... по мере того как Церковь утрачивала значение духовной водительницы общества, выдвигалась новая инстанция, на которую перелгался этот долг и которая в лице крупнейших своих представителей этот долг отчётливо сознавала. Инстанция эта — вестничество. Вестник — это тот, кто, будучи вдохновляем даймоном, даёт людям почувствовать сквозь образы искусства в широком смысле этого слова высшую правду и свет, льющиеся из миров иных» (РМ, 173).

«Очевидно, демиургической мудрости уже в XVII столетии стало ясно, что религиозной мудрости человечества стало уясняться значительно позднее: то, что православная русская церковь, столько веков водительствовавшая обществом в духовном отношении, к пониманию её конечной цели неспособна, трансфизический смысл её существования — в ином и что на пути к этой цели пора выдвинуть новую силу. Православие, как учение и практика, сформировалось ещё в Византии, на давно минованных стадиях общего культурного сознания. Естественно, что оно не могло и впоследствии освободиться от некоторого архаического примитивизма, от известной узости и тесноты культурного сознания и общественного мышления. Этот тип сознания и мышления должен был уступить главенствующую роль новому типу мышления и сознания — тому, который возвещался художественными гениями и наиболее глубокими талантами России, превращаясь через них в новый исторический фактор первостепенной важности» (РМ, 179).

Таким образом, с точки зрения метаистории, утрата Церковью её прежней роли духовной водительницы общества произошла, прежде всего, из-за врождённой косности русского православного сознания,

из-за стремления церкви сохранять абсолютную неподвижность в меняющемся мире, попросту — из-за нежелания или неумения мыслить. Мы живём действительно в меняющемся мире и меняющемся *осмысленно*, хотя бы наиболее упрямые ортодоксы и отрицали этот столь же физический, сколь и мистический факт. Его изменения обусловлены существованием метаистории, творчеством и борьбой, которые там происходят. Поэтому истинная мудрость состоит не в том, чтобы тупо сопротивляться любым изменениям, а чтобы, меняясь, сохранять нечто сущностное, не подлежащее никаким изменениям. Тот, кто не хочет менять себя сам, — своим умом, совестью, волей, всё равно будет изменён — грубыми враждебными силами. Это, может быть, самый главный урок, который преподнесла русским история в XX веке.

Как можно видеть из цитированных выше суждений Андреева, он, пожалуй, даже не обвиняет Церковь, а, скорее, воспринимает её косность как неизбежное трагическое её свойство. Здесь следует точно понять, что Церковь исчерпала себя только как культуротворческая сила, но ни в коем случае не как резервуар особой духовности и как связующая мистическая инстанция между небесами и миром дольным. В отличие от самодержавной власти она не лишилась благодати, иначе наверняка рухнула бы в 1917 году вместе с самодержавием. Да это было бы обязательно прочувствовано чуткими душами. Пребывая в храме, мы в полной мере ощущаем энергию благодати, нисходящую во время литургии, понимаем, что молитвы, таинства, обряды, песнопения, если они и кажутся кому-то архаичными, суть всё же *священнодействия*, над которыми время не властно. Говорить о консерватизме Церкви как гибельном для неё недостатке, можно, пожалуй, лишь в такой степени, в какой можно говорить о консерватизме носорога, который не способен превратиться в акулу даже под угрозой всемирного потопа. И если в России всё же вспыхнет когда-нибудь огонь Розы Мира, то зажгут его, скорее всего, не «воцерковлённые» люди, а новые люди, которые глубоко воспримут базовую систему духовно-нравственных ценностей православия, но отторгнут присущую ему от века ксенофобию.

Именно под таким углом зрения и следует рассматривать наших русских вестников — Пушкина, Тургенева, Лескова, Гоголя, Достоевского, Лермонтова, Толстого и всех других. Они не были чаще всего церковными людьми или, напротив, антицерковниками (Гоголь

и Толстой — это, скорее всего, исключение, чем правило). Великих русских писателей нельзя считать и интеллигентами, делают парадоксальный вывод «Вехи». Тогда кто они?

Русская литература, как и вся русская культура XIX века, в лице высших своих достижений инспирировалась Провиденциальными силами с вполне определёнными целями, утверждает Андреев. Её Провиденциальный смысл постигаем только в перспективе исторической миссии русского народа, на которую много веков работала и Церковь, пока не вступила в полосу кризисов.

В главе «Миссии и судьбы» Андреев даёт развёрнутое определение исторической миссии русского народа:

«О задаче этой, поскольку она постижима и выразима на языке наших понятий, я уже говорил, но повторю ещё раз. Метаисторически эта задача-цель заключается в рождении *Звенты-Свентаны* демиургом и Идеальной Соборной Душой сверхнарода российского; исторически же — в явлении Розы Мира, то есть такой религиозно-нравственной инстанции, которая, показуя собой образ незапятнанной чистоты и широкого культурного всепонимания, обрела бы наивысший авторитет в глазах народов мира, через всемирный референдум приняла бы этический контроль над деятельностью всех государств — членов Всемирной Федерации и, постепенно формируя многообразную системой культурных средств поколения людей облагороженного образа, этим создало бы предпосылку — не к смягчению уже, но к полному преобразованию самой сущности государства во всечеловеческое братство» (РМ, 179).

Согласимся, что Андреев выразил здесь сокровенную мечту Достоевского о всемирно-историческом призвании русского народа, да и не только Достоевского. Русские писатели не были столь большими пессимистами относительно возможностей «мира сего», как люди Церкви. Сознательно или интуитивно они стремились облагородить его средствами художественной литературы. Никто из них не писал «просто так», ради художественной игры. Авантюрный роман, детектив, эротическая повесть не прижились в русской литературе. Вся она проникнута духом учительства, унаследованным ею, надо думать, от православия.

Может возникнуть законный вопрос — но разве не тем же занималась всегда и Церковь? Разве не облагораживала она «мир сей», приобщая людей ко Христу?

Истинно так! Но влияние Церкви ограничивалось пределами только православного вероисповедания и только задачей приуготовления души к загробной жизни. Она не могла стать солнцем мира уже потому, что православие имеет разногласия с католицизмом и протестантизмом и неприемлемо для народов, исповедующих ислам, буддизм, индуизм, ламаизм. Оно закрыто для подавляющей части человеческого рода. Иное дело — русская художественная литература, представленная целой плеядой выдающихся мастеров слова. По масштабам и силе своего нравственного воздействия она намного превосходит нашу Церковь, так как не знает языковых, религиозных, политических барьеров. Великих русских писателей ценят во всём культурном мире, прежде всего, за их высочайший гуманизм, за удивительное умение проповедовать добро — ненавязчиво, недогматически, на языке художественных образов, понятных любому народу. Категорический императив нашей литературы сформулирован её родоначальником А.С. Пушкиным: «чувства добрые я лирой пробуждал». И тот, кто ему следует, — русский писатель, в каком бы жанре он ни работал.

Когда некоторые современные патриоты-государственники вслед за Солоневичем выносят суровый приговор *всей* русской литературе, видя её главную роль в том, что она совратила интеллигенцию в революцию, они допускают фатальную ошибку, вызванную аберрацией их духовного зрения. Явление всемирно-историческое, вызванное к жизни, как сообщает нам Андреев, Провиденциальными силами, оценивается мерками «текущего момента», насильственно загоняется в политическую систему координат. Из многосложной полифонии русской литературы искусственно выпячивается только одна тема, трактуемая, к тому же, очень однобоко.

Да, в произведениях ряда русских писателей приглушённо или громко звучит протест против подавления человеческой личности *демоном российского великодержавия*. У некоторых из них он перелёстывает через край, доходя до призыва Руси к топору. Но нельзя не видеть глубоко нравственной, евангельской природы этого протеста, нельзя забывать о том, что нравственный максимализм, побуждавший одних произносить обличительные проповеди, а других вдохновляться ими, есть одна из характерных черт нашего народа, заложенная в нём Церковью ещё во времена Святой Руси. Русская литература была задумана на небесах как этическая инстанция,

призванная осуществлять над обществом нравственный суд, необходимый для того, чтобы Россия выполнила свою историческую миссию. Чего бы стоили русские писатели, если бы по примеру своих современников — церковных иерархов — стыдливо не замечали пороков российской государственности?

Говорить о духовно-разрушительной доминанте русской литературы можно было только в случае, если бы в какой-нибудь другой стране или в другую эпоху она сыграла роль детонатора в революционном взрыве. Такого рода примеров мы не знаем и не узнаем никогда. Зато знаем, что в советскую эпоху, когда была задавлена Церковь и витийствовала «классовая мораль», именно русская литература сохраняла духовное зрение нашего народа, учила его различать добро и зло. Без её могуче-благодетельного влияния было бы невозможно появление таких писателей, как Шолохов, Леонов, Белов, Шукшин, Носов, Распутин, Ким и других, составивших цвет советской литературы, а правильное сказать, русской литературы советского периода.

Если русская интеллигенция, мятущаяся, духовно шаткая, клюнула в конце концов на приманку атеистического социализма, то причём тут произведения наших великих писателей-вестников, собственно и сделавших литературу XIX века всемирно-историческим явлением? Можно ли вообще обвинять всю литературу за то, что радикальные интеллигенты усваивали из неё только те мотивы и настроения, которые подпитывали, разжигали их ненависть к самодержавию. Да и в отношении интеллигенции говорить следует, скорее, о трагедии, чем о вине — трагедии ухода в атеизм, который открыл в интеллигентских душах врата для демонических внушений, для идеи насильственного свержения самодержавия. Конечно, не только интеллигенция привела страну к революции. Революция, как показал в своих работах И. Ильин, была явлением мирового масштаба, отразившим не только пороки и заблуждения исторической России, но и кризис всей христианской цивилизации. Однако русская литература XIX века сколь-нибудь существенным революционным фактором *не являлась!*

Метаисторические откровения «Розы Мира» позволяют глубоко понять наименее исследованные — религиозные и мистические — предпосылки русской революции. Дуализм земного и небесного, свойственный христианству в целом, оказался прекрасным инструментом в руках демонических начал для нагнетания нечистых

страстей в неустойчивые человеческие души, а уж за врагами православия, готовыми выполнить тёмную миссию разрушения, дело не стало.

В конечном счёте, все крупные мировые проблемы социального характера упираются в проблему непросветлённой, заражённой эгоизмом человеческой плоти и без решения этой главной проблемы решены быть не могут.

Русская литература только встала на этот путь просветления, но у неё не хватило ни времени, ни сил, чтобы выполнить свою миссию, а самодержавие и Церковь не сумели даже осознать, чего от них требуют Провиденциальные силы Небесной России...

Россия под знаком рока

Даниил Андреев называет трагический для судьбы Российской империи момент метаистории, когда с демона российского великодержавия дома Романовых — Второго Жругра была снята санкция демиурга. Снята ввиду того, что Жругр вышел из повиновения и вступил в борьбу с демиургом. В земном плане эта борьба отразилась в полнейшем непонимании русскими царями, в чём состоит историческая миссия России. Демиургу стало окончательно ясно, что самодержавие в том виде, в каком оно реализовало себя за столетия, для осуществления миссии России непригодно. С этого момента как политическая сила самодержавие лишается небесной защиты и оказывается предоставленным самому себе, один на один с демоническими полчищами.

Всё сказанное нельзя, разумеется, понимать буквально. Языком доступных для человеческого восприятия образов Андреев вынужден крайне упрощённо рассказывать о метаисторических событиях несравненно более сложных. Речь, грубо говоря, идёт о том, что в некоторый момент русской истории Провиденциальные силы *разочаровались* в самодержавии и занялись инспирацией вестников-писателей, поэтов, композиторов, художников, философов.

Акт снятия санкции произошёл в царствование императора Александра I. Андреев называет даже год — 1819-й. Это исключительной важности прискорбное событие метаистории прошло не замеченным для русского общества, не отразилось ни в одном достойном

внимания событию. Как раз напротив, российское самодержавие обладало тогда достаточной мощью, чтобы дать отпор любому врагу. Но лишённое благодати, оно оказалось беспомощным перед скрытыми своими врагами — и внешними, и внутренними, и это обстоятельство оказалось роковым для Российской империи.

Можно привести некоторые исторические факты, косвенно свидетельствующие о том, что участь самодержавия была предрешена действительно уже в начале XIX века. Именно в эти годы великий русский святитель преподобный Серафим Саровский предсказал, что в начале следующего столетия в России произойдёт великая смута, Церковь подвергнется поношению, но по прошествии некоторого времени Россия воскреснет во славе.¹ В те же времена Лермонтов пишет своё страшное пророческое стихотворение: «Настанет год, России чёрный год, когда царей корона упадёт...»

У Даниила Андреева нет ни малейших сомнений в том, что «мощный человек» с булатным ножом в руке, описанный в этом стихотворении, символизирует собой Сталина.

Поразительно похож на Сталина и персонаж «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина, губернатор города Глупова Угрюм-Бурчеев. Андреев придаёт столь большое значение пророчествам Лермонтова и Салтыкова-Щедрина, что уделяет анализу их произведений значительное место в своей книге.

Тогда же, в начале века, определилась долгосрочная стратегия враждебных России сил Европы, направленная на сокрушение русской государственности. Возникший в 1776 году в Баварии тайный орден иллюминатов, имевший главной своей целью готовить мировую революцию, уже успел к тому времени проникнуть в масонство и отравить его своими разрушительными идеями. Масонство же явилось идейно-организующей силой Великой Французской революции и через дворянство проникло в Россию.

Для России первое знакомство с масонством вылилось в потрясшее общество событие — восстание декабристов. Масонство как легальная организация было после этого запрещено Николаем I, но не исчезло, а ушло в подполье. Тайные масонские ложи существова-

¹ Здесь уместно вспомнить, что Священный Синод Русской Православной Церкви уже незадолго до революции оказывал настойчивое сопротивление канонизации Серафима Саровского и принял решение о канонизации только благодаря твёрдой позиции Николая II.

ли в России вплоть до революции. Их членами, часто из самых благородных побуждений, становились дворяне, представители родовой аристократии и даже иногда высокопоставленные царские чиновники. Русское масонство было одной из главных политических сил, подготовивших Февральскую революцию. Известно, что Временное правительство почти целиком состояло из масонов. Сейчас эти факты, кажется, уже не оспариваются...

Любопытные сведения о деятельности враждебных самодержавию тайных сил можно найти в книге известного русофоба XIX века маркиза Адольфа де Кюстина. Политические откровения, сделанные им в сороковые годы прошлого века, открывают нам глаза на практически не исследованные причины резкого роста бюрократии в России в XIX веке, на её мрачную роль в создании предреволюционной ситуации в стране. Де Кюстин рассказывает о том, что эта страшная социальная болезнь возникла не сама, а была искусно занесена извне в организм самодержавной государственности:

«Из недр канцелярий эти невидимые деспоты, эти пигмеи-тираны безнаказанно угнетают страну... самодержец российский часто замечает, что он вовсе не так всемогущ... что власть его имеет предел. Этот предел положен ему бюрократией, силой страшной повсюду... но особенно страшной в России. Когда видишь, как императорский абсолютизм подменяется бюрократической тиранией, содрогаясь за участь страны, где расцвела пышным цветом административная система, насаждённая империей Наполеона. Прозорливый итальянец видел опасность, грозящую революционизированной Европе со стороны растущей мощи русского колосса, и, желая ослабить страшного врага, он прибегнул к силе идей. Воспользовавшись своей дружбой с императором Александром и врождённой склонностью последнего к либеральным установлениям, он послал в Петербург под предлогом... помочь осуществлению планов молодого императора целую плеяду политических работников — нечто вроде переодетой армии, которая должна была тайно расчистить путь для наших солдат. Эти искусные интриганы получили задание втереться в администрацию, завладеть, прежде всего, народным образованием и заронить в умы молодёжи идеи, противные политическому символу веры страны... с той эпохи и зародились тайные общества, сильно возросшие после того, как русская армия побывала во Франции... Россия теперь пожинает плоды глубоких политических замыслов противника, которого

она как будто сокрушила. Незаметному влиянию застрельщиков наших армий, а также их детей, учеников и последователей я приписываю в значительной степени рост революционных идей, наблюдавшихся в русском обществе и даже в войсках, и те заговоры, которые до сих пор разбивались о силу существующего правительства».

Это замечательное признание вполне согласуется с метаисторическим откровением «Розы Мира» о царствовании императора Александра I, а заодно подтверждает мистическую природу всех революций. Революционные идеи идут не снизу, не возникают в гуще народной как результат перезревших противоречий. Революции, когда в них нет ровно никакой необходимости, зарождаются в отдельных, очень далёких от народа головах. Революции и войны более, чем какие-либо мирные процессы, доказывают бытие демонических начал и существование метаисторических стратегий, определяющих ключевые моменты исторических событий...

Обратимся ещё к одному источнику, в котором содержится не менее интересная информация на разбираемую тему.

Известно, что русский двуглавый орёл, заимствованный из Византии в XV веке Иваном III в качестве государственного герба, на протяжении всей последующей истории вплоть до 1916 года тридцать с лишним раз менял своё начертание. Никому, однако, не приходило в голову разобраться в логике и смысле этих метаморфоз. Канули в Лету и имена художников-геральдистов (скорее всего, крепостных), рисовавших Орла.

В 1966 году в Париже был опубликован пространный очерк В.Новикова «Русский Государственный Орёл», в котором впервые затрагивается этот вопрос. Его автор, бывший офицер царской армии, сделал интересное открытие. Оказалось, что в каждой новой «редакции» Орла содержалось закодированное в графических образах пророчество о том, что должно произойти с государством в недалёком будущем, в царствование того или иного государя. Читаем:

«В русской истории есть одна область, где совсем безвестные мастера, повинувшись каким-то сверхсознательным влияниям, творили историческую символику, оказавшуюся почти без исключения пророческой. Эта символика — есть русская государственная геральдика, то есть олицетворяющий русскую государственность — Русский Двуглавый Государственный Орёл. ... события характера психологического, почти неуловимого для современников, находили неизмен-

ный отклик в геральдической форме. И если ещё можно объяснить видоизменения, происходившие как отражение уже совершившегося, то чем и какой логикой можно объяснить те изменения, которые происходили в начале царствования, когда совершенно никому не могло быть известным, какие события грянут в ближайшем будущем и какими путями понесёт Россия своего Государственного Орла. А именно эти видоизменения мы и находим на протяжении всей истории, и именно эти видоизменения вещают собой поразительные пророчества».

Вот что пророчествует Русский Государственный Орёл об эпохе Александра I. Вскоре после победы над Наполеоном, когда российская империя достигла наивысшей в своей истории славы, происходит странная трансформация Орла. Его широко распахнутые крылья символизируют величие и мощь России и в то же время утрачивают свои классические *имперские* атрибуты: «Уходит династическая Андреевская цепь, уходят головные короны, уходят держава и скипетр и заменяются масонским жезлом и революционным факелом, аллегорическим венком и молниями... Если мы вспомним, что царствование это, начавшееся с обожания Государя, ... закончилось “Тайным Обществом”, охватившим всю гвардию и значительную часть армии, если вспомним, что целью этого Общества была революция, предусматривающая не только цареубийство, но и поголовное истребление всей царской фамилии, если вспомним, наконец, таинственную незавершённость этого царствования, упирающуюся в почти доказанную современными исследованиями легенду о Фёodore Кузьмиче и т.д., — то отказ этого орла от атрибутов Императорских в пользу атрибутов масонско-революционных станет трагически понятен».

Полтора десятка лет спустя, после того как на Сенатской Площади 25 декабря 1825 года сбылось пророчество Александровского Орла (так он был назван), после жестокого разгрома Николаем I восстания декабристов, на гербе России впервые появился *чёрный* Орёл.

«Как объяснить чёрный цвет? Облекается ли с этого времени Орёл в траур по самому себе, уже предчувствуя, уже предвидя, что, взлетев в огне революции, оторвав с боем трон у декабристов, ему уже не избавиться никогда от революционных вихрей и, вероятно, сгореть в революционном огне?».

Можно прибавить ко всему сказанному выше, что Андреев ничего не знал о мистике Русского Государственного Орла, иначе непременно сказал бы об этом в своей книге...

...В плане метаисторическом Александр I оказался фигурой гораздо большего масштаба, чем думают о нём историки. Это был (выходит так!) последний русский царь, который ещё мог спасти самодержавие, но не спас. Человек высокого склада души, глубоко религиозный и прекрасно образованный, Александр почти поднялся до осознания исторической миссии России. Андреев даёт ему следующую примечательную характеристику:

«... глубокая совесть, мистический склад натуры и чувство этического долженствования себя как самодержца и человека — были проявлениями глубиннейшего существа Александра, его лучшего, высшего Я» (РМ, 166).

Принадлежавшая Александру идея Священного Союза, размышляет Андреев, «была первым в истории шагом к объединению человечества, по крайней мере христианского, сверху, мирным путём. Никаких precedентов этому мы не найдём, разве только в космополитической иерократии римских пап» (РМ, 167).

На практике, однако, эта благородная идея оказалась неосуществимой. Руководители христианских держав, включая самого Александра, слишком связанные великодержавной волей своих уицраоров, не смогли подняться до сознания необходимости высшей надгосударственной инстанции, чтобы Союз мог оказаться жизнеспособным. А ведь, казалось бы, в пределах христианского мира при тогдашнем, гораздо более высоком, этическом уровне и власти, и народов такая инстанция была делом вполне реальным и осуществимым. Если бы Священный Союз состоялся как мощная политическая организация, он обязательно был бы поддержан Провиденциальными силами и смог бы противостоять развитию революционных процессов в Европе.

Неудача постигла Александра и как реформатора. Андреев утверждает, что, если бы Александр не остановился на полпути, сдерживаемый великодержавным инстинктом и страхом перед революцией, а смело осуществил бы необходимые для России реформы, то санкция демиурга не была бы снята с самодержавной власти. Это означает, что революция, которой так боялся Александр, не произошла бы!

Нам остаётся только поверить метаисторическому откровению Андреева и допустить, что возможность такого выбора действительно существовала, ибо смоделировать упущенный вариант исторического развития принципиально невозможно. Некоторые современные историки склонны считать, да и прямо обвиняют Александра I в том, что своими либерализмом он способствовал распространению в России революционной заразы. Повторим ещё раз: исходя из метаисторической концепции Андреева, революция в России произошла главным образом потому, что демон российского великодержавия дома Романовых лишился небесной поддержки. Можно не сомневаться, что Провиденциальные силы нашли бы способы предотвратить революцию, если бы Россия решительно ступила на указанный ими путь: Бог помогает смелым и отворачивается от малодушных!

Здесь, правда, возникает вопрос: почему в таком случае те же силы не смогли в своё время предотвратить убийство Христа? А потому, говорит Андреев, что запредельная реальность сама находится в постоянном развитии и борьбе. Две тысячи лет назад сил Планетарного Логоса оказалось недостаточно для того, чтобы в решающий момент преодолеть воздействие на сознание людей духовно-разрушительной мощи верховного планетарного демона и спасти Христа от казни. О том, что такая борьба велась до самого конца, свидетельствует поразительный эпизод евангельской трагедии, оставленный без должного внимания церковными писателями — когда появилась *последняя* возможность отменить казнь. По внушению своей жены и из личного чувства справедливости Пилат предлагает иудеям освободить в честь праздника Пасхи одного из двух приговорённых, недвусмысленно выказывая при этом свои симпатии к Христу. Но подстрекаемая первосвященниками, охваченная безумием толпа, освобождает разбойника Варраву и требует распять праведника¹ (Мтф. 27: 19–23).

За минувшие века, объясняет далее Андреев, соотношение сил в метаистории изменилось в пользу Планетарного Логоса. Иным был теперь расклад сил и на земле, именно — в России. Как и в древней

¹ В таком прочтении этой сцены особенно глубокий смысл приобретают слова Пилата, умывающего руки: «Невиновен я в крови Праведника сего, смотрите вы!» (Мтф. 27: 24). Он как бы оправдывается перед Богом за то, что не сумел выполнить Его волю, и возлагает ответственность за это на иудеев.

Иудее, последнее слово в выборе исторического пути оставалось за человеческой волей, но теперь её носителем была не слепая толпа, а православные государи, наделённые практически безграничной властью. Таким образом, последний из них, ещё осенённый благословением демиурга, имел возможность спасти Россию от революции, но не воспользовался ею. Почему?

Де Кюстин, говоря о том, что Александр имел склонность к либеральным преобразованиям, очень точно определил главную причину неудач императора, скрывавшуюся в особенностях его натуры. Он не пошёл на решительные реформы, которых ждал от него демиург, ибо действительно всего лишь «имел склонность», зато открыл шлюзы для вторжения в Россию враждебных ей сил и не проявил столь же решительно той жёсткости, какая требовалась, чтобы подавить их в зародыше. Александр явно недооценил коварства Наполеона, этого человекоорудия Гагтунгра, как понимает его Андреев. Наполеоновское нашествие оказало колоссальное отрицательное воздействие на судьбу России. Но стоит ли, с другой стороны, винить в несчастьях России только Наполеона и все те тёмные силы, которые изошли из Европы в Россию в XIX веке? Ведь что такое «растущая мощь русского колосса», напугавшая уицраора Франции и всю Европу, как не дальнейшая гипертрофия идеи чисто внешнего, военного «величия», которую Андреев считает для России ущербной? Александр предпринял робкую попытку наполнить эту идею высшим содержанием, но не выдержал давления Жругра, а самодержцы после него уже были лишены небесной поддержки. Очень остро чувствовал эту утрату последний, мистически настроенный русский император Николай II, может быть, потому так легко и отрёкся от престола.

Глава 2

РЕЛИГИОЗНАЯ ДРАМА РОССИИ

Даниил Андреев квалифицирует русскую революцию, всякую вообще революцию и войну как проявление деятельности демонических сил Шаданакара. Из самого содержания мифа о планетарном космосе ясно, что Иерархии Света никогда не инспирируют массы на насилия и убийства даже во имя, казалось бы, очевидно благих и возвышенных целей. Это противоречит их онтологической сущности. Чтобы защитить сверхнарод от внешней агрессии, демиург создаёт для него уицраора — демона великодержавной государственности, способного совершать акты насилия, проливать кровь. Потому именно и создаёт, что сам кровь проливать не способен. Ни Бог, ни Провиденциальные иерархии судебно-карательных функций не выполняют и народы на бунты не поднимают. В «Розе Мира», как уже замечалось ранее, божественное и демоническое разделены полностью. Александр Блок в поэме «Двенадцать» выразил старое, приниженное ещё понимание Бога, изобразив Христа во главе банды вооружённых анархистов. Ошиблись и Рерихи, и все адепты учения Е. Блаватской,

увидев в русской революции «восстание здоровых клеток организма на защиту всего организма». О каком здоровье речь, если доподлинно известно, что лидеры и активисты всякого рода экстремистских организаций очень часто имеют ту или иную форму психопатологии!

Миф «Розы Мира» художественно изображает метаисторическую драму, эхом отразившуюся на земле в виде революционных событий. Все партии, стремившиеся к свержению самодержавия, получали духовную энергию от жругрят — хищных детей Второго Жругра (демона великодержавия дома Романовых), вышедших из его чрева и растерзавших собственного отца. Выражая волю своих высоких информаторов, Даниил Андреев лишает революцию в России всякого божественного ореола, рассказывая о её ужасной демонической подоплёке:

«Я понимаю, как оскорбительно для поколений, воспитанных на идеалах революционной борьбы и видящих в событиях 1905 года беззаветный героизм народных масс и их вождей — с одной стороны, кровавый произвол власти — с другой, принять мысль, что за этой величественной эпопеей скрывается грызня отвратительных чудищ метаистории между собой, — столь отвратительных, что санкция демиурга не могла бы осенить ни одного из них своим отблеском... Но пора уяснить себе, что за историческими событиями, масштаб которых нас ослепляет и заставляет их поэтизировать, стояла всё-таки именно борьба метаисторических чудовищ: именно поэтому так кровавы эти исторические эпопеи и так сомнителен их конкретный положительный результат. Ведь борьба чудовищ стоит и за мировыми войнами, и хорошо, по крайней мере, что мы не склонны больше поэтизировать эти войны. Со временем будет покончено и с поэтизированием революций» (РМ, 205).

Ущербность метаисторического источника революционных вдохновений подтверждается трёхсотлетней эпохой европейских революций, показавшей, что революции никогда не достигают провозглашённых ими идеалов. Каким бы аморальным ни казался современникам их социальный строй, новый будет ещё аморальнее, если утвердить его насилием и кровью.

Большевистский переворот в России не только не составляет исключения из этого правила, но и в силу своего крайнего экстремизма, может быть, ярче других революций доказывает его. Та грандиозно-ошеломляющая, не имеющая аналогов в человеческой истории социальная система, которая стремительно воздвигалась на обломках Российской империи, воспринимается с высоты мировоззрения

«Розы Мира» как продукт чисто демонического творчества, безусловно, лишённого благословения демиурга России. В самом деле, вряд ли можно допустить, чтобы Провиденциальные силы могли принимать участие в создании государственной системы, учредившей атеизм в качестве обязательной для всех идеологии — такой системой принципиально невозможно управлять. Поэтому секрет временного, столь впечатляющего могущества советского государства объясняется тем, что оно находилось во власти мощных демонических сил.

Но сроки его жизни именно по этой причине были сочтены, и наступил роковой исторический час, когда силы вдруг оставили его, и под ударами своих бесчисленных врагов оно стало стремительно разваливаться. В августе 1991-го произошло нечто, уже совершенно неожиданное — его железная душа, КПСС, была отогнута от его тела!

Казалось бы, пришло долгожданное освобождение России от коммунистического гнёта, пора для духовно озарённого социального творчества, возрождение культуры. Но не тут-то было! События, развернувшиеся в стране после августовской «бескровной революции», пошли в направлении прямо противоположном. Чем дальше, тем больше напоминали они то, что уже имело место в не столь отдалённом прошлом России. Православному сознанию очень скоро открылась их дьявольская суть. В стране начинался новый широкомасштабный антропологический эксперимент, напоминавший большевистский. Снова невесть откуда повылезавшие социальные алхимики, энергичные, жестоко-бесстрашные, с помощью высоких социальных температур и пропагандистской магии принялись ускоренными темпами выращивать нового гомункулуса. Их предшественники, большевики, сотворили тёмное чудо, превратив «ветхого» православного человека в «нового» советского, от которого с отвращением отвернулись люди старой культуры. А теперь этот человек, которому 70 лет внушали, что он венец творения Истории, стал вдруг «совком», существом во всех отношениях неполноценным. Его коллективистские инстинкты были признаны достойными осмеяния, и вот уже его, охаянного и оплёванного радикальной прессой, начала энергично вытеснять из жизни бурно плодящаяся генерация старых, как мир, «новых людей» — расчётливых, эгоистичных, безжалостных, считающих деньги высшей ценностью и главным мерилom человека.

Стало ясно, что в России совершается новое чудо, являющееся продолжением большевистского — чудо окончательного духовного

перерождения народа, ещё сохранявшего основные черты своего национального, исторически сложившегося характера. Молодое поколение, то есть будущее России, оказалось в условиях жёсткого отрицательного отбора на нравственные качества. Спешно создаваемая новая антисистема открывала для молодых людей тысячи возможностей продать душу дьяволу, её мощная пропагандистская машина постоянно побуждала их к этому. Сознательно или бессознательно новые алхимики запустили в ход социальные процессы, разрушающие лучшие качества русской души: бескорыстие, доброту, жертвенность, отзывчивость, совесть, стыдливость. Впервые за свою тысячелетнюю историю Россия узнала, что такое духовный геноцид.

Большей опасности для народа, как Божьего творения, не существует. Внешняя агрессия пробуждает силы национального сопротивления, и даже после самой кровопролитной войны народ может восстановиться. И великих тиранов переживали народы, сохраняя свою культурную самобытность. Духовный геноцид — это воистину изобретение самого дьявола, вполне сравнимое с эпидемией чумы в средневековье, когда с ней не умели бороться. Это бесшумная, широкомащтабная война, ведущаяся на всём духовном пространстве национального космоса изощрённейшими средствами. В ней не льётся кровь, не разрушаются города, напротив, материально жизнь даже может начать улучшаться. И, тем не менее, это война на полное уничтожение.

Чтобы выстоять в этой войне, нам нужно, прежде всего, спокойно и объективно разобраться со своим недавним прошлым, взвесить все его плюсы и минусы.

И что же мы видим? При всей своей ограниченности, жестокости и безбожии коммунистическая система ещё сохраняла какую-то связь с отвергнутым ею «проклятым прошлым». Во всяком случае, она не взяла на себя inferнальный грех тотального разрушения нравственности. Система, конечно, калечила людей, особенно людей власти — об этом ещё пойдёт речь, — но она и воспитывала их средствами своей педагогики: в детсадах, школах, вузах и вовсе безуспешно, сохраняя определённую нравственную преемственность со старой Россией.

Тут всё не так просто и однозначно, как до сих пор представляют дело непримиримые антикоммунисты. О большевистской педагогике нельзя сказать, что она была только лишь духовно-разрушительной. Она была противоречива и эклектична по своему существу. Вот как описывает Андреев сотворённого ею человека:

«В итоге получалась развитая, энергичная, жизнерадостная, целеустремлённая, волевая личность, по-своему честная, по-своему идейная, жестокая до беспощадности, духовно узкая, религиозно-невежественная, зачастую принимающая подлость за подвиг, а бесчеловечность — за мужество и героизм. Создавался законченный тип самоуверенного фанатика, воображающего, что его государство — лучшее из всех государств в мире, его народ — талантливее всех народов, его квазицерковь — ковчег абсолютной истины, его идеология — безусловно правильная, его вождь — непогрешим... всё же остальное — ветошь, исторический мусор, только мешающий жить и осуждённый на безжалостное уничтожение» (РМ, 214).

Необходимо уточнить, что Андреев рисует здесь некий обобщённый тип человека вполне конкретной, ленинско-сталинской эпохи, непреходящего персонажа советских кинофильмов и романов. В реальной же действительности люди далеко не всегда имели столь резко выраженные специфические черты, да и сам этот тип менялся во времени, постепенно становясь менее контрастным и жёстким. Происходило это благодаря именно тому, что коммунисты не ставили своей задачей полностью разорвать с нравственными ценностями русской культуры. По меткому выражению писателя Валентина Распутина, народ (а коммунисты, как ни говори, были его частью) «переварил коммунизм».

Да, ленинско-сталинская педагогика была чудовищно эклектичной. Она вбивала людям в головы материализм и атеизм, формировала в них классовое сознание, отучала самостоятельно мыслить, приучала к языческому поклонению идолам и т.д., и т.п. Но в то же время она прививала молодому поколению некоторые традиционно русские национальные черты и боролась со многими пороками, осуждаемыми церковью, — сребролюбием, блудом, завистью, предательством, воровством. Её главное обвинение, предъявляемое капитализму, имело нравственный характер. Капитализм, доказывала она, тем и плох, что поощряет и культивирует в человеке названные пороки. Не будем здесь ни опровергать, ни подтверждать этот известный тезис марксизма. В действительности и с капитализмом всё не так просто, так как «капитализмы» бывают разные. Тот беспощадный грабительский капитализм, который разоблачал Маркс, существует сейчас только в России, на Западе его давно уже нет. Но вот несомненный факт — многие иностранцы, посещавшие в те времена

СССР, будучи шокированы различными нелепостями советского образа жизни, одновременно отмечали нравственную чистоту советской молодёжи, отсутствие у неё цинизма — этой характерной психологической приметы духовно загнивающих обществ.

С одной стороны, — тоталитарное насилие над личностью, а с другой, — действительно хорошие песни о любви, дружбе, верности, примитивно-нравоучительные, но светлые кинофильмы и по-настоящему талантливая, добрая детская литература. С одной стороны, — массовое отравление атеизмом, а с другой — весьма успешное идейное противостояние философии вседозволенности, порождаемой атеизмом. Это и есть эклектика. Этим объясняется тот парадокс, что демону коммунистического великодержавия удавалось сохранять в советских людях многие положительные душевные качества, которые веками воспитывали в человеке великие мировые религии.

После смерти Сталина положение в культуре стало заметно меняться к лучшему. Можно ли отрицать, что советская литература, кино, театр времён Хрущёва и Брежнева дали немало высокохудожественных произведений ярко выраженной гуманистической направленности? У советского кинематографа появилось своё, оригинальное лицо, советские фильмы стали получать престижные премии на международных кинофестивалях. Можно ли отрицать, что по сравнению со сталинскими временами многократно ослабла идеологическая удавка? За проявление творческой независимости теперь не сажали в лагеря, «абстрактный гуманизм» уже не влёк за собой организованной травли, как во времена зловещего РАППа.

Из истории, как из песни, слова не выкинешь. Зададимся вопросом: действительно ли советская система была настолько аморальна, *тотально* аморальна, что во имя блага народного, а не во имя чьего-либо ещё блага, нуждалась в скорейшем и полном сломе? А нельзя ли допустить, что за русским коммунизмом стояла какая-то историческая правда, сильно искажённая демоническими силами и потому не признанная теми честными умами, его непримиримыми противниками, которые до сих пор видят в нём одну лишь непроглядную тьму? Если такая правда была, то путь грабительского капитализма, навязанный стране с 1991 года, означает полный уже разрыв с национальной традицией. Сейчас стало совершенно очевидно, что он ведёт к созданию гораздо более аморальной, бесчеловечной и экономически несостоятельной системы (антисистемы), чем социалистическая.

В чём же могла заключаться та доля правды, которую содержал в себе советский строй?

В рамках православного вероучения выявить её вряд ли возможно. Воинствующий атеизм демона коммунистического великодержавия, его тупое непонимание, что без свободы совести, без религии не может долго существовать ни одно государство, тем более государство, объявившее своей задачей создание человека высшего типа, заставляет православных полностью отвергать его, не разбираясь в нюансах.

Не обнаружит эту предполагаемую правду и историческая наука, чуждая религиозно-мистического видения мира. Между тем, мировоззрение «Розы Мира» позволяет говорить тут не более и не менее, чем о религиозной драме страны, не сумевшей выполнить свою историческую миссию, сорвавшейся в богоборчество и создавшей вместо новой, глубоко оригинальной культуры её материалистический суррогат.

В годы «перестройки» у нас полюбили цитировать Уинстона Черчилля, который сравнил самодержавную Россию с кораблём, шедшим на всех парах к берегу и внезапно потонувшим у входа в гавань. Это удачное сравнение обычно понимается поверхностно-прямолинейно — а именно, что крепкий и надёжный корабль русской государственности был потоплен коварными врагами. Может быть, так думал и сам Черчилль, тем более что основания так думать имелись у политика, вынашивавшего тайный план расчленения России.

Позволим себе усомниться в правильности этого мнения, распространённого в патриотических кругах. «Роза Мира» предоставляет нам уникальную возможность подняться над плоскостью простенькой политической схемы и увидеть в русской революции не ошибку истории и не акт сотворения нового мира, а нечто гораздо более серьёзное и трагичное.

...Русское общество давно нуждалось в переменах системного характера, которые избавили бы могучий организм самодержавного государства от накопившихся в нём за века немощей и болезней. Это понимали многие умные головы старой России. Такой пронизательный философ, как И. Ильин, доказывал в своих послереволюционных работах, что революция в России была следствием именно системного кризиса, порождённого множеством политических, религиозных, экономических, психологических и других проблем, которые не сумела решить самодержавная власть. Объяснять крушение Российской империи только кознями её врагов, будь то немцы, масоны

или большевики, значит, не понять самого главного. Иван Ильин считал такой подход дилетантским, вульгарным и демагогическим. «Это всё равно, что объяснять болезнь злокозненно сговорившимися бактериями и их всесильностью... бактерии не причина болезни, они только её возбудители: причина в организме, в его слабости».

Битву с врагами проиграло не абстрактное «российское государство», а человек, которого оно создало, — вполне конкретные люди, вошедшие впоследствии в историю или оставшиеся ей неизвестными. Таинственный душевный космос российского сверхнарода, глубоко и всесторонне отображённый в русской литературе, но не понятый во всём его классовом и сословном многообразии ни Церковью, ни самодержавием, таил в себе, как обнаружилось, опаснейшие взрывчатые вещества. Они-то и образовались в человеческих душах вследствие неразрешения названных проблем. Таким образом, главная причина гибели самодержавного государства — духовная, но понять это, оказывается непросто.

Как это следует из метаисторических откровений «Розы Мира», все великие народы имели какую-то миссию в истории, и чем она была значительнее, тем большее вызывала сопротивление со стороны демонических начал. В главе о еврействе приводился яркий пример такого рода. Андреев объясняет, что внедрение в сознание еврейского народа идеи единобожия, без которой было бы невозможно пришествие Христа, настолько истощило Нихорд (небесную страну еврейства, обитель народоводительствующих иерархий), что сильно ослабило его в борьбе с демоническим станом. Отсюда и еврейский шовинизм, и предательство Иуды, и Голгофа, и жестокие демонические искажения еврейства в эпоху рассеяния (PM, 62).

Неисполнение великим народом его исторической миссии, утверждает Андреев, грозит ему неисчислимыми бедствиями. Именно эта, самая страшная, беда и случилась с самодержавной Россией.

Её миссия была не менее сложна и масштабна, чем миссия древних евреев. Через евреев в мир пришёл Богочеловек, чтобы создать на земле Царство Божие, но был распят ими. Через русских много веков спустя должно было, насколько возможно, осуществиться это главное дело Христа в нашем физическом слое. Россия была призвана преодолеть разрыв между земным и небесным, свойственный в той или иной мере всем мировым религиям, соединить земное и небесное в оригинальном, высокоэтичном народоустройстве, какого ещё

не было и не могло быть на земле. Должно было появиться государство или что-то более совершенное, чем государство, выросшее из Церкви и сумевшее «выразить и осуществить главный завет христианства, его мистический и этический смысл» (РМ, 128).

Допетровская Русь выполнила лишь часть этой задачи. Православная Церковь, поддерживаемая и охраняемая царской властью, сумела создать в народе самый настоящий культ праведности, но добилась этого благодаря жёсткому подавлению чувственной стихии — за счёт обесценения земной жизни как временного, не имеющего никакой самостоятельной ценности, местопребывания души. Был создан оригинальный, в высокой степени *идеалистический* человеческий тип — негордый, нестяжательный, любящий, готовый положить жизнь за други своя, склонный к послушанию и долготерпению... Вместе с тем в душе своей он стыдливо скрывал две сильные страсти — любовь к плоти мира сего и огромную жажду свободы. Это был внутренне крайне неустойчивый, противоречивый тип — чадушко неразумное, дитя несамостоятельное, водимое Церковью-матушкой и царём-батюшкой, способное, однако, «пошалить» и побуйствовать, да иногда так сильно, что приходилось батюшке умирять дитяtko кнутом да плахой. Привязавшись к привычным формам существования такой человек крепко за них держался и ни за что не соглашался менять, даже если они оказывались плохи. Он был научен хорошо умирать, но не научен хорошо жить.¹ Ясно, что выполнить историческую миссию России такой человеческий тип был неспособен. Шли века, Святая Русь освободилась от татаро-монгольского ига и, наученная горьким опытом, стала создавать свою государственность, чтобы никогда больше не попадать в рабство. Новая эпоха требовала нового человека и новых средств — экономических, военных, технических. А Русь упрямо держалась дедовских обычаев, никак не желая меняться...

И тогда грянули громы небесные. На Россию, ломая и корёжа сложившиеся веками устои, обрушились реформы Петра. В деяниях Петра было много демонических искажений (см. главу «РМ» «Родомысл

¹ Эту неискоренимую, родовую черту русского народа, которую он пронёс сквозь века, замечали не только иностранцы, знавшие Россию, но и отечественные умы. Т.Н. Грановский, например, в письме к А.И. Герцену с горечью пишет: «Надобно носить в себе много веры и любви, чтобы сохранить какую-нибудь надежду на будущность самого сильного и крепкого из славянских племён; наши матросы и солдаты славно умирают в Крыму, но жить здесь никто не умеет».

Пётр и демоническое искажение его миссии»), но явился он по воле Провиденциальных сил с миссией оживить и заставить развиваться пребывавшую в сонной неподвижности материю русской жизни. И. Ильин даёт следующее, замечательно точное объяснение провиденциального смысла личности Петра:

«...в допетровском национализме имелись черты, которые могли привести к развитию национальной гордыни и повредить России в целом. Именно в русском народе сложилось и крепло иррациональное самочувствие, согласно которому русский народ, наставляемый святой, соборной и апостольской церковью и водимый своими благоверными царями, хранит *единственно правую веру*, определяя ею своё сознание и свой быт: это есть некое национальное стояние в правде, от которого невозможно ни отступить, ни что-нибудь уступить, так что перенимать у других нам *ничего* нельзя, смешиваться с другими грешно и изменяться нам не в чем... Это воззрение к XVII веку формулировалось так: “Богомерзок пред Богом всякий, кто любит геометрию, а се душевные грехи — учиться астрономии и еллинским книгам...”» и ещё: «Если спросят тебя, знаешь ли философов, отвечай: еллинских борзостей не текох, риторских астрономов не читах, с мудрыми философами не бывах, философию ниже очима видех, учуся книгам благодатного закона...» Необходимость учиться светской «еретической» науке становилась всё очевиднее, *но консерватизм и провинциализм церковно-национального самочувствия и сомнения санкционировали неподвижность быта и сознания*. Духовная инерция народа становилась опасною... Петру Великому пришлось вломиться в это самочувствие и заставить русских людей учиться необходимому. Он понял, что народ, отставший в цивилизации, в технике и знаниях — *будет порабощён и не отстоит себя и свою правую веру*».

Великие изменения, вызванные государственной деятельностью Петра, расширили умственный кругозор русских, перевернули их представления об окружавшем их мире и о самих себе. Русские после Петра сильно изменились. В этом — антропологический смысл петровских реформ. Перед домом Романовых стояла огромной важности историческая задача — продолжить и углубить дело Петра на путях энергичных преобразований общества, одновременно исправляя те ошибки, которые он допустил, — а их было немало. В плане антропологическом эта задача может быть определена так. С помощью дальнейших социальных, хозяйственных, политических, культурных

преобразований русские цари после Петра должны были создать социальные условия, необходимые для того, чтобы «чадушко неразумное» стало новым «совершеннолетним человеком» (любимое выражение Н.Ф. Фёдорова, остро ощущавшего инфантильность «воцерковлённого» человека). Оставаясь по складу своей души православным, он должен был стать свободным гражданином — социально активным, образованным, хозяйственно самостоятельным — надёжным гарантом стабильности государства Российского. Это был бы действительно новый для христианского мира человек, в котором специфически православное ощущение ущербности, падшести земной жизни органически соединялось бы с желанием сделать её лучше, с социально-деятельным отношением к ней. Такова была, предположительно, идеальная линия дальнейшего развития России.

Но что же произошло в действительности? Незадолго перед смертью Пётр допустил тяжёлую политическую ошибку. Испуганный изменой царевича Алексея, он отменил древний обычай престолонаследия от отца к сыну и утвердил право государя назначать своим преемником любое лицо, какое сочтёт полезным для государства. Началась эпоха дворцовых переворотов и политического безвременья, когда к власти с помощью дворцовых интриг и гвардейцев стали приходиться случайные люди, движимые отнюдь не государственным интересом. Равнодушные к делу Петра, лишённые политической воли или даже настроенные антирусски, они совершенно не понимали исторической задачи России и не только не двинулись вперёд ни на шаг, но постепенно развалили то, что титаническими усилиями создал Пётр. Екатерина I, Пётр II, Анна Иоанновна, Анна Леопольдовна, Елизавета, Пётр III — это усиление эксплуатации народа, засилье иноземцев, падение торговли и земледелия, безумные траты на балы, разрушение армии, флота, промышленности. В «патриотическое царствование» Елизаветы был издан манифест о вольности дворянства, но сохранено крепостное право, хотя «по требованию исторической логики его нужно было отменить на следующий же день». И в самом деле, дворяне, освобождённые от обязательной воинской службы, должны были лишиться морального права иметь крепостных.

Эпоха безвременья закончилась приходом на русский престол Екатерины II — великой государыни, укрепившей державу в политическом и военном отношении, но ничего не сумевшей сделать для освобождения народа. В своём знаменитом «Наказе» она поднялась

почти до уровня правосознания демократий XX века, имела желание осуществить изложенные в нём идеи, и, если бы осуществила, — дальнейшая судьба России была бы совсем иной. Но благие начинания императрицы встретили упорное сопротивление со стороны дворянства, не желавшего расставаться с сословными привилегиями. Крепостное право ещё более ужесточилось, в её царствование Россию сотрясали грандиозные крестьянские бунты.

При Павле I начинается формирование российской бюрократии, которая позже обретёт страшное могущество, станет самодовлеющей силой и свяжет руки даже государю. Павел — первый из русских государей, попытавшийся прекратить помещичий произвол в отношении крестьян и регламентировать их взаимоотношения законом. Но и он остановился на полумерах.

Ту же нерешительность, несогласованность мыслей и действий обнаружили и цари после него, хотя необходимость освобождения крестьян становилась всё очевиднее. В 40-е годы, при Николае I, крестьянская Россия вновь запыхала мятежами — жгли имения, убивали помещиков (до 13 убийств в год, отмечает Ключевский). Царь же продолжал колебаться. Обозревая проблему крепостного права с момента, когда она была впервые серьёзно осознана Екатериной II при восшествии на престол, мы видим очень странную, противоречивую картину. В течение почти ста лет русские цари порываются освободить крестьян, но каждый раз что-то им мешает — собственная нерешительность, сословные интересы аристократов, некомпетентность чиновников, неверие правящего класса в собственный народ и т.д. — и они ограничиваются полумерами. «Эти государственные мужи, — пишет Ключевский, — так понимали психологию русского народа, что надеялись утолить его вековую жажду свободы, вливая её ежегодно посредством ограничительного указа в воспалённые уста по микроскопической влаге. Таким гомеопатическим лечением зла, по всему вероятию, довели бы пациента до движения, перед которым пугачёвщина показала бы мелкой ссорой крестьянских ребят с барчуками».

Какое страшное и точное пророчество!

Историческая задача России после Петра состояла, надо понимать, в том, чтобы осуществить во всей возможной полноте ту высокую Провиденциальную идею, которая лежала в основе итальянского Возрождения и постепенно была жестоко извращена демоническими силами и человеческой гордыней. Н. Бердяев высказывает

о Возрождении интересное суждение, позволяющее отчётливо понять эту идею, выстраданную всей христианской историей:

«Весь Ренессанс, основанный на бурном столкновении языческих и христианских начал человеческой природы, ... был необычайно сложен. Всё это опровергает старое мнение, что Ренессанс был возрождением язычества, что в Ренессансе возродилась языческая радость жизни, обращённая к природной жизни, что с христианскими началами человечество окончательно разорвало. Культурные историки теперь признают, что Ренессанс является бурным столкновением двух начал, что в нём сильны и начала языческие и начала христианские». У нас в России ренессансным человеком был Пушкин, в творчестве которого достаточно органично соединились оба начала. В этом главная причина необычайного обаяния его поэзии.

Тот же секрет скрыт в личности Даниила Андреева, только его мироощущение ещё органичнее. Провиденциальные силы подарили нам ярко одарённую, творческую душу, в которой любовь к иным мирам нисколько не погашает любви к миру земному, как это, увы, неизбежно для чисто православной, воцерковлённой души, но является естественным её продолжением. В «Розе Мира» мы обнаруживаем новую, очень оригинальную и притягательную духовность — реально осуществлённый синтез христианства и язычества. Необычайно нежное, поэтическое отношение ко всему живому как бы вливается у Андреева в чувство восходящих миров планетарного космоса. Земная жизнь имеет для Андреева самостоятельную ценность и смысл именно потому, что пронизана светом высших миров планетарного космоса, является неотъемлемой его частью, притом частью, страдающей от демонических искажений и нуждающейся в просветлении. Имеет высший смысл и личность. Насколько можно понять из некоторых картин планетарного космоса, изображённых в «Розе Мира», личность в посмертии во многих случаях сохраняется. Андреева нельзя назвать ни пессимистом, ни оптимистом в привычном значении этих понятий. Его отношение к миру богаче и сложнее. Его волю не подавляют созерцание демонических бездн Шаданакара, видения мрачных миров возмездия, безжалостный закон кармы, ибо всё это лишь *временные* демонические искажения Творения, а не само Творение по Божьему замыслу о нём. Но нет в Андрееве и наивно-благодушной веры в то, что некие «объективные законы», «космические механизмы» ведут мир к «Эре Света», как утверждают

некоторые современные астрологи. Он говорит о грандиозной борьбе за человека, ведущейся в планетарном космосе, о необходимости участия в ней самого человека, предупреждает о возможности страшных срывов целых народов в бездны сатанинские. Он считает борьбу с проявлениями демонических начал в земной жизни непременным условием движения путём светлых выборов, главной задачей человека. В конечном счёте, Андреев, безусловно, оптимистичен, но его оптимизм деятельно-религиозный, он зиждется на глубокой вере в Бога и человеческие возможности.

Таким представляется мироощущение, которое Провиденциальные силы намеревались выработать в целой нации, но сумели осуществить пока лишь в отдельных, очень редких личностях. Самое трагичное для нас состоит в том, что русский народ, одновременно и консервативный и душевно пластичный, был потенциально готов вместить в себя это новое мироощущение. Будучи уже многие века православным народом, любя Христа и Богородицу, он никак не мог окончательно расстаться с древним язычеством. Народная, крестьянская культура старой России совмещала в себе православие и язычество, что заметно во многом: в деревенских праздниках, обрядах, трудовых традициях, одежде, фольклоре. Это было, в сущности, двоеверие, состояние не слишком устойчивое, исторически *промежуточное*, которое, по замыслу Провиденциальных сил, должно было трансформироваться в будущем в некое целостное, законченное мировоззрение. Об этом на высокой поэтической ноте Андреев рассказывает в главе «Христианский миф и прароссисанство». Он говорит о том, что христианский миф на протяжении многих веков оказывал мощное влияние на всю русскую культуру — от искусства письменного слова до орнаментов посуды и покроя одежды. В то же время в этих искусствах явственно обнаруживаются различные языческие влияния. «Травчатые узоры на тканях и поставцах столь же далеки от христианского мифа в его чистом виде, как Жар-птица наших сказок, богатыри наших былин, архитектурные особенности наших теремов или стилизованные петушки и фантастические звери, украшавшие печки, прялки и коньки изб. Этот пласт образов восходит, конечно, к дохристианскому мироотношению, к зачаточной, так и неразвившейся славянской мифологии...» (РМ, 133).

Но христианский миф не сумел ни вытеснить, ни ассимилировать миф языческий, оба мироощущения существовали параллельно, разграничив между собой сферы влияния. Первое добилось господ-

ства в качестве общегосударственного и общенационального круга идей, второе, как отмечалось выше, было вытеснено в фольклор, прикладное искусство, обряды, знахарство. Враждебному натиску христианского мифа, говорит Андреев, демиург России всё время ставил предел, но не давал и языческому мифу возможностей для буйного роста. Здесь — раскрытие не замеченной историками великой тайны и ключ к вратам в будущее России:

«Если бы прароссианство осознало само себя, сложилось бы в систему, стало бы претендовать на роль господствующей идеологии — страшная, не на жизнь, а на смерть борьба его с христианством стала бы неизбежностью. Борьба — и уничтожение одной из сторон. Но в глазах высшей мудрости — обе стороны драгоценны, обе оправданы единой Истиной, таящейся под покровом двух правд. Искоренится ли на Руси христианство, заглухнет ли прароссианское оправдание мира — и исчезнет одна из двух основ грядущей синтетической культуры. Обе должны быть сохранены до тех отдалённых времён, когда станет возможным не уничтожение их во взаимной борьбе, но переход обеих в общее гармоническое отношение и богоотношение...» (РМ, 135).

С точки зрения Православной Церкви культурное слияние язычества, даже светлого, с христианством — сугубая ересь. С точки же зрения метаисторической, это постоянно свершающийся в русской истории «незаконный» акт, ждущий своего «законного» завершения. Он продолжал и продолжается поныне в душах миллионов наших сограждан. Это поймёт всякий истинно русский человек, ощущавший в себе мучительную раздвоенность между повседневной нуждой в «прароссианском оправдании мира», попросту — в активной жизненной позиции, и тем тупым сопротивлением, которое ему оказывает его православный архетип. Вопрос о высшем смысле мирской деятельности — это истинно русский, истинно православный вопрос, часто ослабляющий волю к действию. Тем, кто находится вне православия, он неведом, но и деятельность таких людей направлена часто лишь на самоутверждение.

Речь тут, разумеется, идёт не о спешном конструировании «синтетической религии» (не слишком удачное выражение Андреева) из элементов православия и язычества. Подобными опытами занимались ещё гностики, но ничего, кроме вульгарной эклектики, из этого не получилось. Даже сто умных голов, собравшихся вместе, никогда не создадут новую жизнеспособную религию, потому что это дело

божеское, а не человеческое. Снизойдёт благодать — будет и религия. А благодати можно только смиренно дожидаться. Речь поэтому совсем о другом. Во-первых, о необходимости признать, что тотальная борьба христианства с язычеством, оправдавшая себя в эпоху становления Церкви, сотни лет назад, давно утратила свою актуальность. Во-вторых, о том, что в условиях современного экологического апокалипсиса актуальным становится как раз противоположное — возрождение в человеческих душах исконно языческого обоготворения природы, совершенно несвойственного монотеистическим религиям. Только это чувство и способно, в конечном счёте, остановить нынешнюю безумную эксплуатацию природы, а не экономические выкладки и не угрозы Божьей кары. И, в-третьих, можно ли не замечать, что в нашей стране язычество, не дожидаясь приглашения, успешно завоёвывает души людей — в виде знахарских и астрологических школ, колдунов, магов, экстрасенсов и т.д. И далеко не всегда это светлое язычество. Без благотворного влияния православной духовности не обойтись никак. Речь, стало быть, идёт о сотрудничестве православия со светлым язычеством, но не в религиозном творчестве, а в «нейтральном» поле культуры, на уровне мироощущения.

Проблема взаимоотношения христианства и язычества имеет универсальный для христианского мира характер. В не меньшей степени она должна интересовать и протестантов, и католиков, но особенно актуальна для нас, русских. Отвернуться от неё — значит отвернуться от живой истории собственного народа, от его столь же православной, сколь и языческой души, от необходимости понять, как могло произойти в XX веке его глубокое перерождение в «советского человека», отрёкшегося от Христа и вечной жизни.

Священник, монах, богослов в силу самого рода их деятельности могли быть рафинированными христианами. Так солдат обязан носить форму и строго исполнять воинский устав, потому что он солдат, а не штатская личность. Иное дело крестьянин, крепко привязанный к земле, общающийся с громадным миром природы — со зверями, скотами, злаками, водными и воздушными стихиями, обрабатывающий матушку-землю, обязанный хорошо знать и чувствовать этот мир, которого не знали и не чувствовали «рафинированные христиане». Он-то, православный русский крестьянин, не мог по этой причине не быть хоть немного язычником. Игорь Шафаревич определяет мировоззрение русского крестьянства как *космоцентрическое*, проти-

вопоставляя его вторгшейся в Россию с Запада природо- и духовно-разрушительной идеологии прогресса. Историческую драму России он усматривает в том, что эта идеология разрушила космоцентризм, то есть самую основу всей многовековой крестьянской культуры. Но что такое космоцентризм, как не смешение языческого чувствования природы с чувствованием высшей, духовной реальности, о существовании которой крестьянин узнавал в церкви? И, видимо, это мироощущение было не слишком органичным, не слишком стойким, если не выдержало столкновения с идеологией прогресса в её коммунистической модификации. Сколько бы мы ни обвиняли большевиков в насилии над народом, нам никуда не деться от горестного вопроса: как могло случиться, что миллионы русских в XX веке соблазнились антихристианским идеалом земного коммунистического рая и тем самым сняли с большевиков значительную часть вины за совершённые ими во имя этого идеала преступления? Максимилиан Волошин в своих страшных пророческих стихах в 1918 году говорит об иудиним грехе русского народа, за который ему придётся жестоко расплачиваться.¹ Как могло случиться, что атеизм настолько увлёк и поработил русскую православную душу (чего не произошло, например, в такой же мере с российскими католиками или мусульманами), что стал феноменом мировой истории, уродством планетарных масштабов? Андреев сравнивает религиозное невежество советских людей

¹ Волошин — типичный русский интеллигент, личность противоречивая и непоследовательная. Возвеличивший в некоторых своих работах евангельского Иуду, он в то же время клеймит за иудин грех свой собственный народ и клеймит по справедливости, потому что расплата за него оказалась для русских действительно страшной и всё ещё продолжается. Вот эти стихи:

С Россией кончено... Напоследях
Её мы прогалдели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях,
Распродали на улицах: не надо ль,
Кому земли, республик, да свобод,
Гражданских прав? И родину народ
Сам выволок на гноище, как падаль.
О, Господи, разверзни, расточи,
Пошли на нас огонь, язвы и бичи,
Германцев с запада, монгол с востока,
Отдай нас в рабство вновь и навсегда,
Чтоб искупить смиренно и глубоко
Иудин грех до Страшного Суда.

Приходится признать, что «пожелания» поэта исполнились полностью...

с первобытным нигилизмом знаменитого в науке племени кубу (РМ, 164). Будем честны перед самими собой — атеизм и материализм русские в конце концов приняли добровольно. Потомки русских крестьян — многие нынешние учёные, инженеры, учителя, писатели, деятели искусства, миллионы простых граждан устроились внутренне без Христа и без Бога и никак не желают понять, что в наше время, когда полностью освобождено Слово, это пагубное состояние души есть признак не образования и ума, а невежества и глупости. Они похожи на безумных узников, которые предпочитают оставаться в тюремной камере, несмотря на то что двери её открыты и путь свободен...

Глубинные причины этой разительной метаморфозы, произошедшей всего за одно-два поколения, надо, конечно же, искать во внутреннем, а не во внешнем. Человека можно заставить поступать не по своей воле, но невозможно заставить верить не по своей воле. Вера есть последнее убежище свободы, не подвластное никакому внешнему насилию.

Отпадение русских от Бога и от Церкви (чаще от Церкви, чем от Бога) началось ещё до революции, когда большевиков и в помине не было. К концу XIX — началу XX века неверующие (чаще всего мужчины) были не редкостью даже в крестьянских и купеческих семьях. Об интеллигенции и говорить не приходится. Она почти поголовно была антицерковной и атеистической. Первая мировая война, а затем революция и гражданская война ускорили этот деструктивный процесс, так что семена воинствующего атеизма были позже брошены разными емельянами ярославскими и демьянами бедными в изрядно подготовленную почву.

Если не отвлекаться на отрицательные социальные факторы, размывавшие в людях веру в Бога (войны, неурожаи, эпидемии, голод), то главную причину русского атеизма следует искать в созревавшем в течение веков в православных душах конфликте между земным и небесным, между плотью и духом, языческой стихией и подавлявшей её церковной идеологией. Очень хорошо он виден в поэзии крестьянского сына Сергея Есенина, любившего землю смертной любовью. Вспомним: «Если крикнет рать святая: “Кинь ты Русь, живи в раю!”, Я скажу: не надо рая, дайте родину мою».

Русская религиозно-философская мысль, начиная с Чаадаева, была озабочена разрешением этого конфликта, так как чувствовала его большую опасность для России. Отсюда во многом причины из-

вестной отстранённости русских философов от Церкви, не желавшей замечать этой проблемы. В серьёзных разногласиях с ней находились Чаадаев, Толстой, Розанов, Бердяев, Мережковский, Соловьёв, Фёдоров. Отнюдь не по-церковному трактовал последний пункт православного символа веры о воскресении мёртвых Н. Фёдоров. Никак не уместалась в церковном учении соловьёвская идея Мировой Женственности. Но вряд ли вполне церковными можно считать Достоевского, священников о. Сергея Булгакова и о. Павла Флоренского, позволявших себе крамольные, с ортодоксальной точки зрения, суждения по христианским проблемам. Тема жестокого конфликта между земным и небесным в русской национальной душе — основная в творчестве Достоевского...

Весь XIX век и всё начало XX, вплоть до революции, русская философская мысль не выпускала из своего поля зрения проблему, как «свести небо на землю», обручив Церковь с реальной жизнью. Во множестве статей, в художественных произведениях прямо или косвенно высказывается мысль, что Церковь должна стать авторитетной религиозно-нравственной инстанцией в обществе, должна осуществлять этический контроль над властью, как это она фактически делала в Древней Руси. Незадолго до революции в Петербурге возникло религиозно-философское общество, собравшее под своей эгидой целый ряд блестящих имён. В докладах и дискуссиях его членов обсуждались насущные духовные проблемы русской жизни. При этом объектом критического анализа часто становилось положение Православной Церкви. Некоторое представление об этом обществе можно получить, познакомившись с одной из дискуссий такого рода, опубликованной в журнале «Новый путь». Приведём несколько наиболее интересных для нас сейчас высказываний её участников:

«Проповедники Русской Церкви наставлены в вере в большинстве своём односторонне, часто ложно воодушевлены, мало знают и ещё меньше понимают всю значительность мистической и пророческой сторон христианства. Но самое главное, они в христианстве видят и понимают только загробный идеал, оставляя земную сторону жизни, весь круг общественных отношений пустым, без воплощения истины... Робкая вера, что Россия скажет какое-то своё "великое слово", остаётся у них лишь на степени чаяния сердца, с которым они сами не знают что делать... Представители Церкви свои священные упования ограничивают загробным миром. Всё же слова пророков

о торжестве истины Божьей на земле принимают в так называемом “переносном смысле”» (выступление Тернавцева).

Говоря о высокой заслуге Церкви в воспитании народной души, о её глубокой народности, Тернавцев говорит и о её слабости как этической инстанции, контролирующей действия светской власти:

«Деятели Церкви настаивают на божественном происхождении и помазании власти и призывают народ к полному повиновению ей. Но сами, оставаясь безучастными к общественному спасению, они не могут дать ни религиозных указаний власти, ни Христовой надежды и радости народу в его тяжком недуге. Его бедствие они понимают как посылаемые от Бога испытания, перед которыми приходится только преклоняться».

«Церковь проповедует небесное. Землю же она принимает и проповедует как “юдоль плача и скорбей”. Пристанище совершенной жизни для неё только небо. Оно свято, духовно... Отсутствие религиозно-социального идеала у деятелей церкви есть главная причина её собственного положения. Скованная худшими и тягостными формами приказно-бюрократических порядков, исходящих из недоверия к человеку и жестокого невнимания к его нуждам и страданиям, она бессильна справиться и со своими внутренними задачами... Поэтому мы считаем положение русского благочестия в настоящее время чрезвычайным для всего христианства. Наступает пора не только словом в учении, но и делом показать, что в Церкви заключается не один лишь загробный идеал. Наступает время открыть сокровенную в христианстве *правду о земле* — учение и проповедь о христианском государстве. Религиозное призвание светской власти, общественное во Христе спасение — вот о чём свидетельствовать наступает время. Это должно свершиться “в устроение полноты времён”, как говорит Апостол, дабы всё “небесное и земное соединить под главою Христом”... Светское культурное общество не удовлетворяется созерцательным ангельским характером христианской Церкви. В его сознании выдвигается вопрос об общественном призвании христианства. Оно обращает внимание на то, что современная культура и прогресс совершаются действием сил, чуждых и противных христианству. Например, техника — она представляет предмет особой гордости современного человечества, а между тем она куплена ценой полного порабощения рабочего — она превратила его в бездушное средство» (выступление Василия Успенского).

Почитаем на ту же тему «Апокалипсис нашего времени» В. Розанова:

«Солнце загорелось раньше христианства. И солнце не потухнет, если христианство и кончится. Вот — ограничение христианства, против которого ни обедни, ни панихиды не помогут. И ещё об обедах: их много служили, но человеку не стало легче. Христианство не космологично, “на нём трава не растёт”, и скот от него не множится, не плодится. А без скота и травы человек не проживёт. Значит “при всей красоте христианства” — человек всё-таки “с ним одним не проживёт”. Хорош монастырёк, “в нём полное христианство”, а всё-таки питается он около соседней деревеньки. И без деревеньки монахи перемерли бы с голоду. Это надо принять во внимание и обратить внимание на эту вполне “апокалиптическую мысль”, что *само в себе и одно* — христианство проваливается, “не есть”, гнило, голодает, жаждет. Что питается оно — *не христианством*, не христианскими знаками, не христианскими произрастаниями. Что, таким образом, — христианство само и одно, чистое и самое восторженное, зовёт, требует, алчет — “и не христианства”».

Как всегда, Розанов великолепен. Живо, остроумно, образно он говорит о сокровенной сути христиано-языческой проблемы, которую не желала и до сих пор не желает видеть Церковь.

Приходится констатировать, что надежды близких к Церкви реформаторски настроенных кругов общества на то, что она возглавит духовное и социальное преобразование России, оказались несостоятельны. После удара, нанесённого Церкви Петром, она за двести с лишним лет так и не смогла прийти в себя и стать, как в былые времена, вровень с царской властью. Поэтому она ничем не могла помочь самодержавному государству, вступавшему в полосу нарастающего кризиса. Только славословие в адрес царей, только полная и безоговорочная поддержка самодержавного государства, всех его институтов, всех его изъянов и пороков! Церковь не слишком роптала даже против такого архаичного, вредившего самодержавной идее института, как крепостное право, общество не услышало от неё обличения бюрократической машины, несправедного суда, взяточничества и т.д.

Роль этической инстанции вследствие всех этих причин мог взять на себя в сложившихся условиях только авторитетный, творчески одарённый, социально-активный слой общества, не зависящий ни от Церкви, ни от государства, понимающий всю бессмысленность

и губительность революции и необходимость проведения реформ, чтобы революция не произошла.

Таким слоем в России могла бы стать интеллигенция, и только интеллигенция. Воспитанная на произведениях русских писателей, — а многие из них, как мы теперь знаем из «Розы Мира», были вестниками, — духовно независимая, обладавшая обострённым чувством справедливости, деятельная, готовая к самопожертвованию, она словно была создана для того, чтобы стать реформаторской силой общества. Интеллигенция и показала себя силой, но, увы, не реформаторской, а разрушительной. В лице наиболее деятельных своих представителей она способствовала столкновению России на путь революционной катастрофы.

Как могло такое случиться? Для понимания религиозной драмы России этот вопрос настолько существенен, что необходимо как следует в нём разобраться.

На русской интеллигенции XIX века до сих пор лежит клеймо национального предательства. Ссылаясь на Достоевского, Лескова, «Вехи» и других критиков интеллигентского отщепенства, наиболее суровые современные авторы считают, что интеллигенция совершила акт предательства по отношению к собственному народу, ввергнув его в революционное пекло. Имена Радищева, Чернышевского, Бакунина, Герцена, Лаврова, Морозова, многих других стали в их глазах олицетворением едва ли не самых тёмных сил, когда-либо терзавших Россию. Конечно, цыплят по осени считают, это правда, но нельзя ли смягчить слишком уж жестокий приговор? Революция в России была, как и говорилось, следствием системного кризиса и не одной только страны, а всей христианской цивилизации. Русская интеллигенция сыграла роль лишь одного из многочисленных факторов, вызвавших революцию. Кроме того, можно показать, что мы имеем тут дело не с предательством, а с трагедией, а это совсем разные вещи. Послушаем мнения участников цитированной выше дискуссии:

«Становясь почти всегда в обличительное отношение к Церкви... люди интеллигенции не суть люди церковного исповедания. Но тем не менее они проявляют в своей деятельности и жизни нечто такое, что решительно не позволяет принимать их как силу, чуждую света Христова, вдохновлённую одной только гордостью, богоотступничеством» (Тернавцев).

То же самое чуть позже о русских революционерах писали авторы «Вех», обнаруживая в них черты первохристиан — нравственную

чистоту и максимализм, готовность к самопожертвованию во имя высшего идеала.

«Заслуги интеллигенции перед народом и Россией неустанны. Вспомним хотя бы последние голодные годы. Учителя, врачи, земские деятели, писатели, женщины особого типа — они обслуживали русскую землю с завидным самоотвержением и при этом не вразброд, а в высшем сознании своего единства, своего особого нравственного облика. Имея во всех родах государственной службы и общественной деятельности своих сторонников, люди эти представляют собой не сословия, не партии, а нечто гораздо большее — особую породу людей... Требуя безупречной честности на своём пути от себя и своих вождей и чуть ли не аскетической верности своему идеалу, они отвращались от этих вождей, как только начинали чувствовать, что слово у них расходится с делом. Дело совести и какой-то высшей свободы им самим ещё не вполне ясной составляет для них святыню. Эта святыня для них, быть может, есть преддверие к святыне истинной. Одно это заставляет видеть в интеллигенции нечто иное, чем силу отрицательную с церковно-христианской точки зрения... Вопрос об истинном устройстве труда, о его рабском отношении к капиталу, проблема собственности, противообщественное значение её с одной стороны и совершенная неизбежность с другой — это для людей интеллигенции составляет предмет мучительных и бескорыстнейших раздумий. Это делит их на партии, иногда заставляет даже порывать связи с родиной. Подвергая существующий уклад экономических отношений допросам о его нравственном оправдании и видя, что таких оправданий нет, они ищут новых путей, нового мировоззрения, где эти задачи были бы возведены на степень первенствующих и разрешились бы в категории нравственного. Не находя такого мировоззрения, они бросаются от учения к учению, от идеала к идеалу, впадая то в отчаяние мысли, то в отчаяние действия» (Тернавцев).

Эти немногословные, но содержательные суждения рисуют нам почти библейскую картину большого мессианского движения в русском обществе XIX века. Его несчастье было общим несчастьем исторической России, все светлые порывы которой подвергались ожесточённым атакам со стороны демонических сущностей планетарного космоса. С самого своего начала, с бунтарской книги А.Н. Радищева, новое движение оказалось под сильнейшим воздействием демонических сущностей, даже не подозревая об этом. Интеллигенция совершила

трагическую ошибку, порвав не только с Церковью, как организацией, но и с тысячелетним духовным опытом православия — его подвижников и святых, знавших не понаслышке о том, как умеют искушать бесы и как противостоять им. Но вину за эту трагедию должна по праву разделить и Церковь, не сумевшая примером высокого служения обществу завоевать симпатии мыслящей и деятельной его части...

Даниил Андреев без колебаний относит к демоническому источнику инвольтации, вдохновлявшие на борьбу с властью все три поколения русской интеллигенции — декабристов, шестидесятников и революционеров-террористов конца XIX века. Как известно, их совместными усилиями был подготовлен приход убийц самодержавной России — большевиков, к интеллигенции уже не относившихся и презиравших интеллигенцию.

Но в том же месте «Розы Мира» Андреев отмечает, что демоническая родословная революционного движения нисколько не умаляет духовной красоты наиболее идейных и чистых борцов за народное освобождение и оправданности субъективных мотивов, толкавших их на борьбу (РМ, 204).

Эта существенная оговорка ставит нас перед принципиальным вопросом — возможно ли, чтобы душевно чистые люди были безусловными слугами сил Тьмы, полностью закрытыми для сил Света? Подобное обвинение не раз срывалось с уст суровых православных ортодоксов в адрес революционеров, и оно противоречит фундаментальной мысли «Розы Мира» о борьбе в истории двух полярных начал, об их присутствии в подавляющем большинстве земных событий и большинстве человеческих душ.

Мы вправе поэтому допустить, что в основе интеллигентского движения было не одно только заблуждение, но и какая-то, хотя бы и малая истина. Предложим следующее объяснение его трагического конца. Обладая обострённой совестью и вполне здоровым чувством исторического беспокойства (которого, увы, часто не хватало царям и совсем не было у Церкви), лучшие представители русской интеллигенции ощущали необходимость нового мировоззрения. Они бессознательно-торопливо искали его в произведениях европейских философов и не могли окончательно остановиться ни на одном из них. Отсюда постоянные их метания от одного философского кумира к другому, разочарования и новые увлечения, за которые позже упрекали их «Вехи».

Но поиски эти и не могли увенчаться успехом, потому что мировоззрение, «соединяющее землю с небом», пригодное для православной России, могло быть создано только на русской почве. Конечно же, одной гениальной голове создать его было не под силу. Оно могло появиться только в итоге долгой, может быть, многовековой работы религиозно-философской мысли, освобождённой от идеологического диктата Церкви и от цензуры и, в то же время, органически связанной с православием. Но этой-то работы в России как раз и не обнаруживается, и мы уже знаем почему. С горечью говорит Андреев о том, что Древняя Русь, необычайно богатая праведниками, не дала ни одного крупного мыслителя. Не сложилась в нашей культуре устойчивая философская традиция, как это имело место в древней Греции, в Индии, в Европе со времён Ренессанса.

Только в XIX веке в России стала формироваться своя собственная религиозная философия, возникла целая плеяда таких оригинальных мыслителей, как Чаадаев, Достоевский, Фёдоров, Соловьёв, Булгаков, Флоренский — несколько десятков имён. Вполне естественно, что в их построениях можно обнаружить ошибки. Но найдётся ли на нашей грешной земле ум, полностью застрахованный от ошибок? Важно, что все они без исключения были высоконравственными, интеллектуально честными людьми, в чём-то поправлявшими и дополнявшими друг друга, не порывавшими, как правило, с Церковью и понимавшими духовную ложь революции. Ни одного из них нельзя обвинить в производстве разрушительных, аморальных идей, подобных тем, которые выработала европейская философия в лице Маркса или Ницше. Равно неприемлем был для них и холодный позитивистский взгляд на историю. Они, в сущности, только приступили к преодолению пропасти между земным и небесным в лоне русской культуры, но до идеи сплава православного и светлого языческого мироощущений не дошли — не успели.

Теперь-то становится ясно, что одними только ресурсами философского мышления эта задача и не решалась. Нужен был новый духовный опыт — видение метакультур планетарного космоса как частей единой высшей реальности. Но по причинам, для нас непостижимым, этот опыт был получен Андреевым только после революции и пролежал невостребованным чуть не до конца XX века!

Мы получаем возможность снять с интеллигенции обвинение в предательстве и объяснить её ошибки в категориях трагического.

Обладая честностью, самоотверженностью, энергией, остро чувствуя необходимость перемен, она не имела мировоззрения, которое объяснило бы ей, в чём, собственно, должны состоять перемены. Она напряжённо искала истину, даже не догадываясь, что эта истина должна быть наполнена религиозным содержанием. Видимо, её неуважение к людям Церкви за их равнодушие к народным бедам, нежелание спорить с властью и непонимание самой интеллигенцией души собственного народа были столь велики, что она пренебрегла и учением Церкви, и языческим прошлым России, всё ещё жившим в народной душе, и принялась искать истину на внерелигиозных, внациональных путях. Удивительно ли, что «истинная святыня» так и не была ею найдена, зато в итоге всех этих метаний многие из наиболее радикальных интеллигентов угодили в сети марксова революционного учения, словно специально для них и сотканые...

О «русском коммунизме», как реально осуществившейся в истории уникальной социальной системе, сказано уже так много, что, кажется, ничего нового прибавить к этому невозможно. Однако нас не перестаёт волновать и тревожить вопрос — почему всё-таки универсалистское рационалистическое учение, родившееся в лютеранской Германии и несущее в себе дух еврейского мессианства, созданное вряд ли случайно евреем и немцем, привилось не в Европе, для которой оно и готовилось, а в России, стране православно-языческой, косно-неподвижной, веками жившей своей особой, непонятной и чуждой Европе жизнью?

Широко известные ответы на этот вопрос представляются не слишком убедительными и оставляют ощущение, что главная тайна тут не разгадана. Н. Бердяев в своих работах «Истоки и смысл русского коммунизма», «Духи русской революции» и некоторых других настаивает на том, что коренные причины успеха коммунистического учения в России кроются в специфических чертах русского национального характера и в особенностях русской истории. С ним категорически не согласны его главные оппоненты — современные русские националисты. Они считают коммунизм совершенно не русской и даже антирусской политической системой, навязанной России обманом и силой шайкой международных авантюристов во главе с Лениным.

Хорошо, пусть так. Пусть коммунизм обманул русских своим коллективистским духом и столь дорогим для русских сердец идеалом всемирного братства. Но почему в таком случае, уже узнав из горько-

го опыта, какая это страшная штука, пройдя через свирепое большевистское насилие, народ хотя бы внутренне не отторгнул коммунизм? Почему, напротив, сжился с ним, «переварил», основательно при этом отравившись, и сумел «самоорганизоваться» в небывалую социальную систему, по поводу которой до сих пор нет полной ясности — действительно ли она уступала так называемому «капитализму»? Весь вопрос в критериях оценки и угле зрения на проблему. Если встать на позиции сугубо рационального мышления, не желающего ничего знать о мистике человеческой истории, то поражение «коммунистической системы» в борьбе с «капиталистической системой» ещё ничего не доказывает. Существует точка зрения, что «коммунистическая система» не только не уступала «капиталистической», но была потенциально более совершенной, за что и поплатилась жизнью. Об этом с немалой долей убедительности пишет в своих статьях А. Зиновьев — отлично знающий Запад философ-эмигрант, чьи пророчества о ходе «перестройки» до сих пор хронически сбывались. Познакомимся с заключительными выводами из его концепции:

«В западной идеологии и пропаганде после 1985 года коммунистический (советский) период российской истории рассматривается как чёрный провал. Россию даже окрестили "империей зла". Я считаю это не просто заблуждением, а умышленной и беспрецедентной в истории человечества фальсификацией реальности. Коммунистическое общество, как и всякое другое, имеет свои недостатки — идеальных обществ вообще не существует. Но оно имеет и достоинства. Кстати сказать, на Западе в своё время именно заразительный пример достоинств коммунизма породил тревогу. Уже сейчас многие люди бывших коммунистических стран с тоской вспоминают о том, что они потеряли, разрушив коммунизм (под словом «коммунизм» Зиновьев, по собственному определению, понимает «тип общественного устройства, который можно было наблюдать в Советском Союзе до 1965 года». — *ОЛ.*) И советский период русской истории был не провалом, а наоборот, самым значительным периодом. Нужно быть просто циничным негодяем, чтобы отрицать то, что было достигнуто и сделано в этот период именно благодаря коммунизму. Потомки, которые более справедливо отнесутся к нашему времени, будут поражены тем, как много было сделано в нашу эпоху, причём сделано в тяжелейших условиях. Я никогда не был и не являюсь апологетом коммунизма. Но самое элементарное чувство справедливости заставляет воздать ему должное».

Зиновьев утверждает, что развал Советского Союза есть хорошо спланированная акция конкурирующей социальной системы, сумевшей найти опору в его партийной верхушке.

После расстрела «белого дома» в октябре 1993 года некоторые политические партии России стали во всеуслышание заявлять, что «перестройка» совершается руками предателей из высших эшелонов власти, бывшими членами КПСС, по сценариям зарубежных спецслужб. Заговорили о тайной технологии управления «вялотекущими социальными катастрофами», применяемой в отношении России. «Россия должна выгореть дотла, оставив свои природные ресурсы “золотому миллиарду”», то есть малой части населения земли — избранным народам, достойным называться людьми в полном смысле этого слова.

Советский историк Н. Яковлев в статье «Почему распался Советский Союз?» цитирует примечательные высказывания о «перестройке», почерпнутые им из американской прессы:

«Да, это мы прикончили Гигантского Дракона...» (директор ЦРУ Вулси, «Лос-Анджелес таймс», 2.01.1994 г.).

«Произошли драматические изменения... Теперь я должен научиться выговаривать слово “Россия” — там, где Ельцин. Я думаю, что многолетние достижения ЦРУ и всего разведывательного сообщества никогда не получат той похвалы, которую они заслужили за осуществление этих изменений, за вашу роль в достижении этих изменений» (выступление Дж. Буша в штаб-квартире ЦРУ 8. 01.1993 г.).

«Изучать крах Советского Союза вне контекста американской политики — почти равносильно расследованию внезапной, неожиданной и загадочной смерти без учёта возможности убийства или, по крайней мере, изучения связанных с ней обстоятельств» («Нью-Йорк Таймс ревью», 10.07.1994 г.).

Остаётся только поблагодарить американскую прессу за столь ценную информацию. Но даже если бы её не было, решающий по своему значению геополитический фактор перестройки можно было бы «вычислить» с помощью метода диагностики болезни по её клиническим признакам, успешно применяемого во врачебной практике.

В данном случае он подсказывает, убеждает, что разрушение огромного государства за столь короткий срок ни в коем случае не могло произойти естественным путём, без умелой посторонней «помощи». Обратимся, впрочем, к фактам...

Советский Союз выиграл тяжелейшую войну с Гитлером, успешно противостоял США в «холодной войне». Несмотря на колоссальную долю военных затрат в государственном бюджете, советский народ не скатился до состояния полной нищеты, хотя, конечно, и не роскошествовал. Напротив, его жизненный уровень медленно, но верно повышался. Об этом свидетельствуют общий рост рождаемости в «эпоху застоя» (Зиновьев считает её эпохой расцвета социалистической экономики, нуждавшейся лишь в существенной корректировке, но никак не в разрушении), достаточное количество потребительских товаров в магазинах, в том числе товаров высокого качества из стран социалистического содружества, сравнительно устойчивые розничные цены, позволявшие людям планировать свой семейный бюджет на год вперёд и более, бесплатная медицина и образование, высокая социальная защищённость детей (детские сады, пионерские лагеря, спортивные площадки и клубы и т.д. — всё либо бесплатно, либо по низким ценам), недорогой отдых, дешёвый транспорт, делавший СССР открытым от моря до моря практически для любого гражданина, и, наконец, реальная возможность для среднеобеспеченной семьи иметь квартиру и дачный участок (последний можно было приобрести, по нынешним понятиям, за бесценок).

Всё это вместе взятое создавало у советских людей определённое чувство уверенности в завтрашнем дне, возможное, как известно, только в экономически и политически стабильных обществах.

Таков набор аргументов в пользу жизнеспособности и прогрессивности советского гиганта, обычно приводимый его защитниками.

Можно привести ещё один, очень существенный. Военную и политическую мощь СССР, кроме КГБ и в гораздо большей степени, чем КГБ, обеспечивала глубоко засекреченная суперорганизация. Это была высокопрофессиональная, скованная жесточайшей дисциплиной, контролировавшая все страны потенциального противника военная разведка. ГРУ (государственное разведывательное управление) — это, без сомнения, вершина политического творчества демона советского великодержавия. О самом существовании ГРУ миллионы людей узнали только в годы «перестройки» из книги бывшего советского разведчика В. Суворова (Резуна) «Аквариум».

И вдруг советский гигант в одночасье испустил дух, словно ему подсыпали в пищу яда. Смерть и в самом деле загадочная, побуждающая к размышлениям о геополитических причинах «перестройки»...

...Советский социализм при всех перекосах его экономики, чиновничьих злоупотреблениях, идеологической нетерпимости и прочих грехах оставался, тем не менее, серьёзным историческим конкурентом западной цивилизации. В нём определённо имелись достоинства, привлекательные для миллионов простых людей всего мира. Имелись и жизненные силы, и если бы он вдруг вступил на путь реформ и действительно начал совершенствоваться (как это успешно получается у нынешнего Китая), то трудно было бы и представить более серьёзную опасность для западной цивилизации. Думается, именно такого развития событий после смерти Сталина больше всего боялись западные политики. Допустить этого никак было нельзя, а поскольку уничтожить Советский Союз в открытом военном столкновении представлялось делом почти безнадежным, граничащим с самоубийством, то был избран путь длительной позиционной борьбы на изматывание его экономики и расшатывание идеологических устоев. Первую задачу выполняла навязанная СССР американцами гонка вооружений, съедавшая львиную долю госбюджета, заставлявшая советских граждан сидеть на строгой потребительской диете. Вторую — мощная антикоммунистическая пропаганда, красившая всю советскую (а зачастую и русскую) историю в сплошной чёрный цвет. Проникавшая по многим каналам в СССР сквозь «железный занавес» (не такой уж, как оказалось, и железный), она вводила пассионарную часть интеллигенции — диссидентов — далеко от мысли о возможном реформировании советского социализма.

Вполне логично допустить, что на некотором решающем этапе этой борьбы в неё включились высокопоставленные предатели из КПСС, «агенты влияния» западных спецслужб. Сюжет в истории не новый — вспомним хотя бы откровения маркиза де Кюстина. Бывший министр финансов СССР Валентин Павлов, человек, надо думать, хорошо информированный, уже будучи узником «Матросской тишины», с запоздалой откровенностью назвал «перестройку» троянским конём, на боках которого начертаны лозунги, совершенно не соответствующие его истинному содержанию. Прошло всего два года после этого заявления, и миллионы простых людей на собственных шкурах убедились, что так оно и есть.

Нам остаётся подтвердить уже сделанное осведомлёнными людьми самое общее заключение о происхождении «перестройки». Её организовала и дала ей вполне определённое направление беспринципная космополитизированная часть советской партийной олигар-

хии, чьи корыстные интересы совпали с политическими интересами Запада. «Перестройка» — это блестящая победа Запада в его многолетней психологической войне с коммунистической системой.

На этом мы закончим анализ позиции защитников «реального коммунизма» и попробуем вскрыть их ошибки.

Прежде всего: их подход к советскому обществу материалистичен и бездуховен и не случайно многие из них — атеисты. Они оценивают только внешние успехи СССР — его военное могущество, научные и технические достижения, социальную стабильность и т.д., но при этом совершенно упускают из виду заплаченную за них непомерную моральную цену.

Советские люди так и не увидели «социализма с человеческим лицом», который только и мог в чистом виде доказать свои преимущества перед «капитализмом». Они знали только социализм реальный, выстроенный на гекатомбах жертв — на репрессиях, жестокой эксплуатации человека, погублении миллионов душ насильственным государственным атеизмом, на убитых в войнах, умерших от голода, замученных в застенках НКВД. Позже он, правда, заметно помягчел, но в своих смертных грехах не раскаялся, с принципом насилия не расстался и, значит, карму свою не отработал.

Можно ли, по совести говоря, заносить в актив социализма стремительную индустриализацию страны, зная о тех миллионах рабов, которые составили главную ударную силу сталинских пятилеток? О нищенском жаловании рабочим, о беспросветном труде от зари до зари в колхозах за пресловутые «трудодни», то есть бесплатно, о совершенно бесправных зэках, валивших лес в тайге или возводивших плотины?

Можно ли гордиться громадой советского государства, если помнить, что держалась оно не интересами входящих в его состав народов, а военной силой и страхом перед всевидящими и всеслышающими репрессивными «органами»?

Создавая свою могучую материальную оболочку средствами, невозможными для подлинного народовластия, советская система во множестве калечила человеческие души и, что особенно опасно, — души людей власти. Просматривалась чёткая закономерность, обратная той, что существовала в старых, аристократических обществах: процент моральных уродов в верхней части советского общества был несравненно выше, чем в нижней — среди простых тружеников, а процент некомпетентных, не способных профессионально выполнять своё дело

людей был наверху ещё на порядок выше. Иначе откуда могли взяться высокопоставленные предатели в годы «перестройки»? Почему управленческие сферы разрушавшегося государства оказались забыты дилетантами? Уж эти-то были вскормлены системой, а не подготовлены в заокеанских институтах в качестве «агентов влияния». Перестройка — настоящая, без кавычек — должна была начаться не с социальных экспериментов, а с изгнания подобных людей с их постов...

Слабость советской системы была также и в том, что она не смогла воспитать в миллионах людей чувства любви к себе. «Советскую родину» пламенно любили в основном в кинофильмах, песнях и на митингах. В повседневной же жизни она давала людям множество поводов вызывать раздражение, доходившее иногда до ненависти. Она постоянно продуцировала в народе отрицательную психологическую атмосферу, сыгравшую едва ли не решающую роль в её гибели. Эта слабость декларируемого партией «морально-политического единства» советского государства была отлично известна ЦРУ. На неё США издавна сделали главную ставку в психологической войне с СССР. В 1975 году была предана гласности директива СНБ-68, утверждённая президентом Трумэнём ещё в 1950 году. В ней содержатся такие, например, разъяснения для сотрудников американской разведки:

«Величайшая уязвимость Кремля заключается в самом характере его отношений с советским народом. Эти отношения характеризуются всеобщей подозрительностью, страхом и репрессиями. Кремль опирается на развитой аппарат насилия не только для обеспечения своей мощи, но для самого своего существования. Советский монолит удерживает железный занавес вокруг и железные решетки внутри, а не сила естественного единения. Этим искусственным механизмам ещё никогда не был по-умному брошен вызов внешними силами».

Годы репрессий миновали, но появилось множество других причин для недовольства системой во всех слоях общества. По мере ослабления коммунистической идеологии и расширения контактов с внешним миром в обществе стал обостряться комплекс неполноценности перед Западом. Будем говорить правду до конца — коммунизм был предан не только беспринципными партийными иерархами, но и народным большинством, равнодушно наблюдавшим за его избиением «демократами» в годы «перестройки».

Повторился уже сыгранный в начале века исторический сюжет. В позиционной борьбе с западной цивилизацией, в конечном счёте,

потерпел поражение *человек*, которого создала коммунистическая система...

Мы получили теперь возможность сделать некоторые предварительные обобщения. Дважды в XX веке Россия — сначала самодержавная, затем советская — терпела поражение в идейном столкновении с западной цивилизацией. Архаичный православно-языческий крестьянский тип, совершенно не готовый к объективно необходимым переменам, не выдержал нашествия идеологии прогресса в её коммунистической разновидности и жестокими средствами социальной алхимии был превращён в тип советский. Последний же, просуществовав несколько десятилетий, стремительно разрушается теперь высшим достижением прогресса — идеологией потребления, готовясь превратиться в нечто совершенно уже химерическое.

И тут, и там мы наблюдаем один и тот же явственно выраженный губительный симптом массовой усталости от системы. Наиболее охваченная этим чувством деятельная часть общества начинает метаться в поисках выхода из ситуации, кажущейся ей тупиковой, и попадает в объятия политических авантюристов. Концентрированным проявлением антисистемного настроения становится в обоих случаях бунт интеллигенции, позже им заражаются более широкие слои населения, и происходит катастрофа.

Любопытная, однако, получается картина. Самодержавная Россия и СССР — казалось бы, глубоко разные миры, а погибли, выходит, от одной и той же болезни. Может ли так быть? Очевидно, может, если обе, несмотря на все огромные различия между собой, использовали некий общий, сокрытый от поверхностного взгляда, жизнестроительный принцип и совершали в его проведении одну и ту же ошибку.

Сейчас мы попытаемся обнаружить этот принцип и эту ошибку...

Всё познаётся в сравнении. Сначала обратим свой взор к победителю. В чём главный секрет жизнеспособности США? Может быть, в хорошем знании человека и умении правильно с ним обращаться? Именно так. Прагматичные отцы-основатели американской демократии руководствовались в своём законодательном творчестве следующим интересным принципом:

«При учреждении любой системы государства и установлении различных конституционных ограничений и уравнивающих факторов необходимо исходить из предположения, что все люди —

подлецы и что во всех действиях они движимы одним лишь побуждением — личными интересами».

Этот основополагающий принцип и был успешно реализован в американской политической системе, хорошо подогнанной под того реального, греховного человека, которого многие века пытались облагородить христианство. Такому человеку наиболее соответствующая экономика, максимально эксплуатирующая в нём дух наживы и инстинкт самоутверждения, политика, завоёвывающая для него новые экономические пространства, источники сырья, рынки сбыта, и, наконец, протестантизм, всё это религиозно благословляющий, готовый удовлетворить его примитивные религиозные потребности. Ему нужен страх перед потерей работы и жилья, конкуренция, реклама, вооружённая до зубов полиция, широкая половая свобода и многое другое подобное. Он, как и заявлено, подлец, всегда готовый из гнусной корысти пойти на малое или большое преступление, будь он рабочий, бизнесмен, учащийся или пенсионер.¹ Система должна быть устроена так, чтобы автоматически пресекать его преступные намерения, внушать ему мысль о неотвратимости наказания, и что, может быть, самое важное, — чтобы он любил её и не желал бы променять ни на какую другую. Такая система контролирует поступки потенциально преступного человека и не ставит в качестве специальной задачи нравственное его воспитание, чтобы по душевному своему устройству он был неспособен на преступление. Экономика и нравственность, политика и нравственность в ней принципиально разделены. Иначе и быть не должно. Ведь ориентированная на прибыль экономика прямо заинтересована в том, чтобы человек пребывал в греховном состоянии души, и волей-неволей усугубляет её греховность. Скорее — волей, поскольку грех становится главным условием экономического процветания страны. Если бы все американцы чудом Господним стали вдруг глубоко православными, то экономика и политика США рассыпались бы, как карточный домик. Православной душе стала бы

¹ Детективные романы и фильмы американских и европейских авторов бессознательно отражают эту черту современных западных обществ. Героями-убийцами в них бывают люди всех сословий, возрастов и профессий. У Агаты Кристи — даже дети и престарелые бабки. Уместно также вспомнить здесь об ошеломившей интеллигентную Америку аварии на нью-йоркской электростанции, когда весь город в течение нескольких часов был погружён в кромешную тьму. В эти часы наблюдался резкий (в десятки раз) взлёт числа ограблений и квартирных краж, из чего интеллигенция сделала потом неутешительный вывод о нравственном здоровье среднего американца.

глубоко антипатичной игра под названием «американский образ жизни» — что, кстати, и произошло с Серафимом Роузом и другими православными американцами, членами его монастырской общины. Англосакс Роуз настолько переродился духовно, что даже внешне стал неотличимо похож на русского православного монаха.

Но такого чуда в Америке, скорее всего, не произойдёт никогда. Этого не позволит демон американской государственности, создавший социальную систему, которая нуждается в греховном человеке. Самое большое, что он мог допустить, это «разбавленное христианство», как называет о. Серафим протестантизм. Ведь совсем без религии — «уровнешивающего фактора» — никакое общество долго существовать не может. СССР дал на сей счёт урок всему миру и всем будущим временам.

Таким образом, жизнеспособность американской социальной системы объясняется тем, что она хорошо подогнана под реального человека. Она *последовательна* в осуществлении избранного принципа потакания человеческим грехам с одновременным контролем над человеческими поступками. Одними своими законами и институтами она освобождает в человеке все смертные грехи (воистину все до единого!), другими же удерживает его от преступлений, к которым он, по убеждению идеологов американизма, потенциально всегда готов. Такая система может существовать достаточно долго, если сумеет следовать своему основополагающему принципу. Но потребности развращаемого ею человека безграничны. Ему нужны всё новые наслаждения и игры, иначе он перестанет любить систему, и она зашатается. Американские политики отлично это понимают. Поэтому они вовсе не ставят задачи создания на земле нового справедливого мирового порядка, как часто заявляют с высоких трибун. Они утверждают могущество Америки в мире и делают это весьма успешно.

А теперь обратимся к «загадочной России». Думается, что одно из существенных отличий русского ума от западного состояло всегда в том, что он не умел отделить кесарево от божьего, экономический расчёт — от совести, политику — от нравственного её оправдания, государство — от религии. Здесь никому не приходило в голову, что можно создать царство материального изобилия, сознательно культивируя в людях смертные грехи. Наши простодушные предки назвали бы его царством Антихриста, а в России, с тех пор как в ней

утвердилась православная вера, высшим идеалом человеческого общежития было не материальное изобилие, а Царство Божие, град Китеж, где люди живут в любви и согласии.

...Многогрешен человек, не создать ему в мире сем Царства Божия, но стремиться жить по-божески надо. И стремились, кто насколько мог, люди из самых разных сословий — от крестьян до царей. Грешили, каялись, опять грешили, снова каялись, но идеалу своему не изменяли. Не поразительно ли, что эта отличительная душа русской национальной души упорно передавалась со времён Киевской Руси из поколения в поколение, несмотря ни на какие срывы, случавшиеся и с народом, и с его царями, и дожила до XX века! Последний русский царь, как бы его ни критиковали как политика, был человеком безупречной нравственности и высокой внутренней культуры. Всегда сдержанный в оценках историк Г. Катков сравнивал даже Николая с князем Мышкиным, обнаруживая в его личности «некий элемент святости».

Сдерживающие начала религиозно-нравственного порядка всегда мешали русскому человеку идти напролом, «по трупам», к желанной цели, да устанавливали и сами цели. С прагматической точки зрения, они вредили ему, делая его иногда жертвой беспринципного и жестокого врага. Именно эти начала, надо думать, не позволили Николаю утопить революцию в крови, как это сделал бы на его месте любой тиран прошлого. Они же были одной из главных причин хронического промышленного отставания России от Запада, так как держали в узде стихию производительных сил общества, не давая ей развернуться во всю её сатанинскую мощь. Поэтому та, старая Россия ни в коем случае не создала бы разрушительную антибиосферную экономику, наподобие капиталистической или социалистической, не породила бы тех глобальных проблем политического, демографического, экономического, военного характера, которые стали причиной жестоких конфликтов XX века.

Названная особенность русской души имеет глубокие религиозные и исторические корни, и если мы сумеем с ними разобраться, то поймём многое...

Православие пришло к нам из Византии, а одной из особенностей византийской государственности был принцип симфонии властей. Он исходил из факта существования на земле двух одинаково нужных, но разных по своей природе и своим задачам учреждений — Церкви и государства. Церковь заботится о небесном, об устройении

души, государство — о земном, но обе инстанции делают одно дело. Византийские императоры, признавая высшим законом на земле Священное Писание, выступали как охранители православной веры, защищали Церковь и оказывали ей помощь в борьбе с ересями. Церковь же, со своей стороны, не вмешивалась в дела императоров, но следила за тем, чтобы издаваемые ими законы не входили в противоречие с истинами веры, то есть не развращали бы народ нравственно и духовно. Хрестоматийный факт — кодекс Юстиниана объявлял недействительным всякий императорский указ, который нарушал церковный канон. Таким образом, симфония властей объявляла приоритет духовного над материальным в человеческой жизни.

С позиций андреевского мировоззрения принцип симфонии выглядит вполне разумным. Если существуют мощные демонические силы планетарного космоса, стремящиеся разрушать человека и отлично умеющие это делать, то государственную власть, очень склонную к демонизации, никак нельзя оставлять без этического контроля со стороны высшей духовной инстанции общества, созданной с благословения Провиденциальных сил.

Раскол единой христианской Церкви на латинскую и греческую, произошедший в 1054 году и спровоцированный, как сообщает Андреев, демоническими началами, имел одним из своих последствий отказ католической Церкви от принципа симфонии и впадение её в заблуждение папоцезаризма. Римские папы стали стремиться к политическому господству, вступили в перманентный многовековой конфликт с королями. Для оправдания своих властных претензий католическая Церковь приняла абсолютно несовместимый с учением Христа догмат о непогрешимости папы, о том, что он наместник Бога на земле. Папоцезаризм в большой степени определил судьбу западной цивилизации, её отличие от России, которая вместе с православием и двуглавым Государственным Орлом унаследовала от Византии и принцип симфонии.

Но почему Русь приняла принцип симфонии? Только ли из-за стремления в точности воспроизвести полюбившуюся ей веру? «Роза Мира» позволяет дать гораздо более глубокий ответ на этот вопрос. Она говорит, что «Россия уже тогда имела свою историческую миссию — превратить Церковь в форму совершенного народоустройства, способную выразить и осуществить завет христианства, его мистический и этический смысл» (РМ, 128). Но без симфонии властей задача эта в тех исторических условиях не могла быть решена.

Принцип симфонии достаточно успешно работал в Киевской Руси, ограждая её от безнравственной, антихристианской экономики, поэтому ростовщический капитализм европейского типа в Киевской Руси возникнуть никак не мог. Не возник он и в XVII, и в XVIII веках, когда в протестантских странах Европы уже активно формировались новые, капиталистические отношения, и аристократия постепенно утрачивала свои позиции в обществе, вытесняясь властью денежного мешка. И это несмотря на то, что в России в эту эпоху принцип симфонии был сильно поколеблен Алексеем Михайловичем, а затем и вовсе отменён сыном Петром. Пётр I утилитарно понимал историческое назначение России, видя его только в создании сильного государства. Церковь мешала его необузданной натуре, её социальная функция в перспективе исторической миссии России была ему неизвестна, и он подмял её под себя, фактически устранив как этическую инстанцию.

Этот необдуманый шаг великого реформатора сильно осложнил всю дальнейшую судьбу страны. Ошибки царского самодержавия эпохи Романовых, подготовившие, согласно «Розе Мира», почву для революции в России, возможно, не были бы совершены, если бы действия правящей верхушки подвергались этическому контролю со стороны независимой, авторитетной Церкви, имеющей право налагать запрет на нравственно сомнительные её решения. Главенство государства над Церковью получило в научной литературе название «цезарепапизма» и является самым, быть может, большим несчастьем самодержавной России.

Поднятая проблема в действительности гораздо глубже и выходит за рамки собственно христианства. Это проблема общечеловеческая и вневременная. Можно говорить о существовании в человеческой истории, в жизненной практике разных народов двух полярно противоположных принципов общественного устройства. Они опираются на различные по своей природе побудительные мотивы в человеке. Назовём их условно «высшим» и «низшим» организационными принципами.

Там, где людьми движут чувство любви и товарищества, сострадание, взаимное уважение и др., действует высший организационный принцип. Там же, где основными побудительными мотивами являются эгоизм, корысть, жажда власти, дух соперничества и самоутверждения, действует низший принцип. Высший принцип жизнеустройства возможен в чистом виде только в небольших сооб-

ществах — семье, племени, артели, деревенской общине — везде, где люди связаны друг с другом узами родства, любви, товарищества, где контролёром человеческих поступков является совесть.

Ясно, что в масштабах государства высший принцип может быть осуществлён лишь частично. Государство вынуждено считаться с реальностью тёмных начал в человеке и соответственно строить свою экономику, законы и т.д. Вопрос, однако, в том, в какой степени оно руководствуется высшим и низшим принципами организации своей жизни. Если оно «трезво» опирается на низшие побудительные начала в человеке, то возникает и народоустройство низшего типа, несущее в себе неотвратимую тенденцию к разрушению человека. Мы не слишком ошибёмся, если в качестве яркого примера такого государства назовём США.

Совсем иное дело — Россия. Здесь на протяжении веков в сознании народа и его царей сидел высший принцип организации жизни, подвергавшийся иногда на практике жестоким искажениям, но всё же усвоенный очень крепко. Он-то и породил неистребимый русский тип, привыкший следовать голосу совести, а не корыстным побуждениям, предпочитающий отдавать, чем брать, доживший и до наших бессовестных времён. «Не стоит село без праведника», — говорит русская пословица. «Общество основано на добровольной жертве», — подтверждает ту же мысль Ключевский. Эта нравственная максима, ещё живущая, ещё теплящаяся в нашем народе, выглядит в глазах американца, англичанина или немца каким-то библейским анахронизмом. Она, быть может, и есть самая большая загадка России для западного мира.

Но высший принцип жизнестроительства эффективен, как и говорилось, только в малых человеческих сообществах, где все люди на виду и поступки их контролируются совестью. А распространённый на многомиллионное государство, он делает абсолютно необходимым некий социальный эквивалент совести — может быть, независимую надгосударственную инстанцию, которая осуществляла бы нравственный контроль над властью, имела бы конституционное право накладывать вето на решения и законы, разрушающие нравственность в обществе. В идеале она должна иметь право на созыв всенародного вече (референдума) для решения вопроса о досрочном отстранении от должности любого самого высокого государственного лица.

Общество такого типа должно быть очень динамичным, всегда готовым к переменам и в то же время жёстко-консервативным

в вопросах морали. Оно может существовать в мире, подверженном демоническим воздействиям, только постоянно развиваясь, совершенствуя свои институты и законы. Иначе говоря, оно должно быть открытым обществом, но существенно иного типа, чем открытые общества Запада, построенные на игровом принципе. Назовём его так: *открытое общество телеологического типа*.

Здесь обнаруживается коренное противоречие всей русской истории, о котором необходимо поговорить отдельно. Именно оно, проявляясь и обостряясь постепенно, в течение веков, сыграло главную роль в гибели самодержавной России. Сформулируем его так: замысел Провиденциальных сил в отношении России требовал непрерывного развития страны, но самодержавие, Церковь и воспитанное ими народное сознание инстинктивно сопротивлялись переменам. Россия продолжала оставаться телеологической системой закрытого типа даже в последнюю, предреволюционную, эпоху, когда необходимость социальных перемен представлялась очевидной всем мыслящим людям. Во всей великой России нашёлся только один (!), способный к решительным действиям человек — Пётр Аркадьевич Столыпин, не случайно, может быть, и носивший имя царя-реформатора. Но он встретил враждебное непонимание во всём обществе — среди интеллигенции, чиновничества, аристократии. И некому оказалось заменить его, когда он был убит. Поразительный и горький для России факт!

Корни этого животного консерватизма следует опять же искать в истории — в нашем православном византийском христианстве...

Христианство имело три исторических источника — иудейский, римский и греческий. Иудеи дали миру Христа и апостолов, римляне — империю, благодаря которой стало возможным распространение первоначального христианства на значительной части тогдашней ойкумены, греки — языковую, философскую, литературную среду, сыгравшую существенную роль в становлении христианства как мировой религии. Византия стала преемницей Римской империи («Второй Рим») после падения последней — хотя и менее обширной, но достаточной для того, чтобы в её лоне под защитой императорской власти смогло сформироваться православное христианство. Его творцы — Иоанн Златоуст, Василий Великий, Григорий Богослов и другие апологеты — выразили в своих трудах весьма необычное, внутренне противоречивое отношение к миру, к человеческому бытию. От Христа их отделяло несколько веков, эсхатологические ожидания за это время

не оправдались, Второе Пришествие Христа отодвигалось в неопределённое будущее. Следовательно, человеческое бытие они должны были воспринимать как *исторический процесс*, что подтверждалось и Ветхим Заветом. Вместе с тем, они были очевидными противниками всяких изменений, сторонниками раз и навсегда созданных культурных и религиозных форм. А тут можно предположить влияние греческой философии, крупнейший авторитет которой — Платон — считал развитие вредным и нежелательным. Он учил, что любое развитие может только ухудшить первоначально совершенную идею или форму. Грекам был глубоко чужд иудейский историзм — понимание действительности как изменяющейся во времени, развивающейся. Это противоречие в мировоззрении отцов Церкви определило родовую слабость Православия — его неспособность к развитию. Предполагалось, что в нашем меняющемся мире может существовать единожды созданное неизменное учение, развивать которое — значит ухудшать. Мысль о том, что история есть объективный процесс изменения форм человеческого бытия, требующий постоянной корректировки представлений о Бытии, так и не возникла в умах столпов православия...

Творческий дух византийского христианства, столь восхищавший Розанова, сохранялся в нём лишь до тех пор, пока решениями вселенских соборов, в борьбе с ересями, в спорах на площадях и базарах не сформировалось окончательно учение Церкви. После этого творчество не только прекратилось, но было объявлено преступлением против веры. Неизменность же учения предполагала и неизменность освящённого им монархического принципа правления, и, обязательно (для полной гарантии неизменности), симфонию духовной и светской властей.

Эту византийскую трёхчленную государственную конструкцию воспроизвела у себя и православная Русь; несколько веков она успешно ею держалась. Но была ли конструкция достаточно надёжной, чтобы существовать сколь угодно долго в меняющемся мире? Оказалось, что нет. Пробил час, когда волею самодержца-реформатора Церковь была подмята светской властью и принцип симфонии разрушился. Как оценивать это воистину судьбоносное для России событие? До сих пор Церковь винит во всём Петра, его самовластную, необузданную натуру, и в этом есть большая доля правды. Но, оказывается, кризис Церкви имел и метаисторическую подоплёку:

«Очевидно, демиургической мудрости уже в XVII столетии стало ясно то, что религиозной мудростью человеческой стало уясняться

значительно позднее: то, что православная русская церковь, столько веков водительствовавшая обществом в духовном отношении, к пониманию её конечной цели неспособна, трансфизический смысл её существования — в ином и что на пути к этой цели пора выдвинуть новую силу. Православие, как учение и практика, сформировалось в основном ещё в Византии, на давно минованных стадиях общего культурного сознания. Естественно, что оно не могло впоследствии освободиться от некоторого архаического примитивизма, от известной узости и тесноты культурного сознания и общественного мышления. Этот тип сознания и мышления должен был уступить главенствующую роль новому типу мышления — тому, который возвещался художественными гениями и наиболее глубокими талантами России, превращаясь через них в фактор первостепенной важности» (РМ, 179).

Получилось так, что Пётр, устранив один из элементов государственной триады, разрушил всю триаду. Церковь утратила свою функцию этической инстанции, влияющей на светскую власть, а новой создано не было. Самодержавие осталось без авторитетного этического контроля и действовало теперь самостоятельно. Это привело к тому, что после Петра консервативные начала в государстве взяли верх, и оно надолго заковалось в уже выработанных формах, не задумываясь о необходимости существенного их изменения.

Между тем жизнь всё настойчивее требовала от государства кардинального пересмотра социального и правового положения русского крестьянства, освобождения творческих сил, скрытых в народе. Много столетий эти силы находились в подавленном состоянии, время от времени взрываясь бунтами. Нужно было дать им выход, не разрушая при этом тех духовно-нравственных ценностей, которые русский народ усвоил за века вместе с православием. Эта непростая задача требовала глубоко продуманных и вместе с тем решительных реформ. Реформы Петра были очень решительными, но непродуманными, а самодержцы после него либо вовсе не обременяли себя подобными мыслями, либо проявляли непоследовательность в своих действиях. Коренное противоречие русской истории в эпоху дома Романовых всё более обострялось. Русские цари не могли осознать, что управляют страной, нуждающейся в реформах более, чем какая-либо другая, и, когда во второй половине XIX века реформы с огромным запозданием всё-таки начались, время было потеряно. Непросветлённая, чувственная, языческая стихия, веками копившая гнев

против подавлявшей её государственности, дождалась своих освободителей — революционеров и в роковой для России исторический миг выплеснулась в страшном разрушительном порыве. «Кухаркины дети» — все эти смердяковы, шариковы, железняки, водительствуемые троцкими и лениными, словно апокалиптическая саранча, набросились на страну...

Когда русская интеллигенция XIX века мучительно искала нравственное оправдание экономическому укладу общества, то, несмотря на свою антицерковность, она исповедовала древлеотеческое воззрение на смысл государства, уже подзабытое к тому времени Церковью и самодержавием. Не понимаемая обеими инстанциями, она пыталась найти новое, высокоэтичное народоустройство, которое осуществило бы Христову истину о равенстве всех перед Богом. Она как раз и была динамичным этическим началом общества, остро сознававшим необходимость перемен. Но она по-дилетантски, вслепую, пыталась решить проблему, которой должны были бы заниматься религиозные философы и социологи, философская школа, имеющая свою оригинальную, православную традицию. А её у нас и в помине не было.

Вернёмся теперь к вопросу, поставленному ранее: как могло случиться, что русская интеллигенция в результате всех своих метаний клюнула на приманку безбожного коммунизма, и почему коммунизм столь основательно прижился на российских почвах?

На этот вопрос есть два ответа, впрочем, и вопросов тоже два. Самый общий и глубокий мы находим в «Розе Мира». Он подтверждает высказанные выше соображения о губительности затянувшейся бескомпромиссной борьбы исторической Церкви с чувственной, языческой стихией народной души. Рассказывая о нисходящих этапах процесса «обезрелигиозивания» жизни в Европе, который начался с Ренессанса, Андреев называет культурно-психологические предпосылки, позволившие этому процессу в его худшей, последней стадии захватить и Россию:

«Далее последовала ступень научно-философского материализма и, наконец, в XX веке достигнут конец лестницы в виде возведения одной из разновидностей материализма в ранг государственного, всеобщего обязательного учения и его догматизация. Это совершилось уже не на Западе, а в стране, этапа протестантизма не проходившей и даже философского деизма едва коснувшейся, а прямо заимствовавшей извне идеи гораздо более позднего этапа. Но почва, сделавшая

возможной для России историческую прочность такого заимствования, была опять-таки не чем иным, как отставанием исторического христианства (на этот раз от православной его разновидности) от объективного расширения культурного кругозора и от стремительных сдвигов психологии. *Так мстило мирское “языческое” начало за своё угнетение в течение многих веков* (курсив мой. — О.Л.). Новые формы, в которые это культурное движение отливало в XIX столетии, можно и должно рассматривать именно как западные интеллектуальные формы для исконно русского, правильнее — россианского содержания. Формами этими были: заимствованные с Запада социальные доктрины — фуэрризм, социализм, анархизм; художественно-литературные жанры — роман, новелла, трагедия, комедия; бытовой жанр в живописи, симфония, опера, соната, музыкальная драма, критика, публицистика. Общим же содержанием их оказалось энергично отстаивающее свои, осознанные, наконец, права жизнеутверждающие и социально-преобразующие мироощущение. Но знак времени был уже иным. И если прароссианство отнюдь не было лишено духовности... то новая стадия в этом движении знаменовалась почти полным угасанием элементов магических и мистериальных и бурным ростом импульсов социально-реформаторских и революционно-политических. Таким образом, подпочвенные струи вырвались на поверхность культуры и в первой половине XX века затопили страну со всеми её церквями и монастырями» (РМ, 189).

Так отвечает на наш вопрос сам Андреев. Второй же ответ может быть таким. Коммунистическое учение прижилось на русской почве потому, что претендовало на этическое оправдание всесокрушающей языческой воли. А этот соблазн был адресован уже православной стороне русской души. Вот на чём попались миллионы простых людей, принявших советский образ жизни!

... Коммунистическая система создавалась не ради утоления меньшинством инстинкта власти и тем более не ради материального благополучия как самоцели — вы нас неправильно поняли, господа антикоммунисты. Мы — вожди трудового народа, в личной жизни бессеребряники и идеалисты, — поставили своей целью создать царство справедливости на земле — о нём, кстати, мечтал и ваш бессильный Христос. Мы решили сотворить нового, совершенного человека, в котором материальное и духовное образовали бы неразрывное единство. Эта главная, благородная наша цель определила основные черты но-

вой социальной системы. Она исключала частную собственность, безработицу, спекуляцию, конкуренцию — всё то, что, согласно учению Маркса, нравственно деформирует человеческую личность. Она гарантировала бесплатное медицинское обслуживание, бесплатное образование, пенсионное обеспечение, право на труд, отдых, жилье — всё то, что освобождает человека от унижающей его борьбы за существование, умиротворяет и облагораживает его. В *этом*, а вовсе не в утопии мышления коммунистов, состоит коренное отличие созданного нами социального строя от капиталистического. Мы создали и новую культуру, которая тоже коренным образом отличалась от культуры буржуазно-капиталистической. Она *воспитывала* человека, а не развращала его.

Как видите, в наших действиях был высокий нравственный смысл. в новых исторических условиях мы продолжили основную традицию русской культуры. Мы, если хотите, взялись осуществить главное чаяние христианства — преображение мира. Нас обвиняли в насилии над собственным народом, многократно превысившем то, что позволяла себе царская власть. Но где и когда, скажите, творчество совершалось само собой, без *усилий*? А церковь разве не применяла насилие в борьбе с язычеством и ересями? Творчество есть всегда преодоление сопротивления материала. Да, в начале нашего пути мы значительно превысили норму насилия. Но это были муки *рождения* нового мира. Потом насилие постепенно пошло на убыль и в эпоху развитого социализма достигло приемлемой нормы, необходимой для обеспечения безопасности государства и для простого человека не тягостной. Именно потому, что социализм стал стабилизироваться и раскрывать свои настоящие возможности, он и был разрушен конкурирующей цивилизацией, умело использовавшей его слабости...

Итак, тайное стало явным. Советская государственность, выросшая из интернационального коммунистического учения, имела, оказывается, и русские исторические корни. Нет, не откеститься от коммунизма нашим националистам, не объяснить его победу над миллионами человеческих душ одним только большевистским насилием или грехами «чадушки неразумного». Дело, как видим, обстоит гораздо сложнее. Самодержавие должно было уступить место какой-то более совершенной политической системе, так как исчерпало себя в качестве исторически творческой силы и не могло осуществить миссию России. С точки зрения метаисторической, антимионархические настроения в обществе были, таким образом, объективно неизбежны, но их

носители — люди, как правило, ещё и агрессивно антицерковные, были духовными слепцами и не знали о страшной опасности, угрожавшей обществу из демонических миров, Церкви хорошо известной. Опасность же состояла в том, что общество было *спровоцировано* на революционный взрыв демоническими началами и пренебрегло более сложным, но единственно спасительным для России эволюционным путём. Вместо постепенной трансформации устаревшей политической системы оно ступило на путь полного её разрушения. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Февральская революция, устранившая монархию как таковую, оказалась авантюрой (сравним с Великобританией, Японией, Испанией и другими процветающими современными монархиями), имевшей печальный исход. Очень скоро в потерявшей управление стране власть захватили невероятно энергичные, не стеснявшиеся в средствах люди, одержимые страстью к переделке мира. Они предложили невежественным массам мировоззренческий суррогат и принялись за широкомасштабные социальные эксперименты...

Насилие насилеи, но основная причина долговременного успеха «советского образа жизни» была всё-таки в том, что он был суррогатом христианско-языческой культуры, к которой смутно тяготела народная душа. Её угнетённое языческое начало жаждало свободы и деятельности, православное же, готовое уступить этому дерзанию, хотело бы облагородить его высоким смыслом. В коммунисты выполнили этот «социальный заказ», сделав главную ставку на молодёжь. В техническом творчестве, физкультуре, скульптуре, военном деле, искусстве соцреализма, музыке, литературе, песенном творчестве, в самом пафосе первых пятилеток, поразившем тогдашний мир, клокотала и кипела освобождённая языческая стихия. Но в отличие от древнего язычества кипела она уже *осмысленно*, ибо в коммунистической идеологии присутствовала ловкая сатанинская подделка христианской идеи преобразования мира и изгнания из него зла. Мы разрушили до основания старый, построенный на неравенстве несправедливый мир и теперь будем создавать на его месте новый, где все будут равны и зло уничтожится. Так говорили коммунисты. Этот императив определил фундаментальные принципы нового государства — общественную собственность на средства производства, на землю и недра, централизованное управление экономикой, советы народных депутатов, особую педагогику и т.д. Вот в чём, оказывается, состояла оригинальность русского коммунизма. Вот почему, будучи интернациональным

учением, он нашёл опору в русской православно-языческой душе, словно специально для неё предназначался. Не будем себя обманывать. Коммунизм в России при всём старании нынешних националистов не укладывается в простенькую схему вражеского нашествия. Коммунизм для России готовил разум сверхчеловеческий, знавший о ней нечто такое, чего она до сих пор не знает о себе сама. Об этом, в частности, свидетельствует приводившийся ранее факт: для Маркса было неприятной неожиданностью узнать, что его идеи получили распространение в России. Ведь согласно теории марксизма, коммунистическая революция должна была произойти в одной из европейских стран, имеющей достаточно многочисленный класс пролетариата — «могильщика капитализма». В России же не было по-настоящему ни пролетариата, ни капитализма.

Андреев говорит, что творчество демонов ущербно, поскольку они отвергли любовь — «единственный объединяющий, цементирующий принцип» (РМ, 46). Демоны не могут творить нового («се, творю новое» — говорит Бог о своей исключительной прерогативе). Они могут лишь исказить творимое Провиденциальными силами. Пользуясь несовершенством человеческого ума и греховностью человеческой души, они вмешиваются в творческие процессы и извращают, иногда до неузнаваемости, те изначально светлые идеи, которые посылают в сознание творческих личностей Провиденциальные силы. Именно так была создана коммунистическая доктрина:

«Ясно, что положительные идеалы этого учения, во многом совпадающие с мечтаниями самых высоких человеческих сердец, не были и не могли быть инспирированы силами Гагтунгра. Корнями своими они уходят в противоположный планетарному демону ряд общечеловеческих идей, в тот ряд, который включает в себя и многие проявления христианской духовности. Но, попав между валиками энергичного, неутомимого, охваченного гордыней, узкого и ограниченного ума, они сплющились, спрессовались, стиснулись, и, в конце концов, идеалы утратили свою духовность, а провозглашаемые методы оказались в резком противоречии с требованиями элементарной гуманности. Быть может, ущерб духовности ни в чём не сказался так ярко, как именно в утверждении, будто бы единственный путь к претворению этих идеалов в жизнь лежит через вооружённую борьбу, насильственный захват власти, беспощадное уничтожение врагов и диктатуру одного класса — вернее, его организованной

части — над всеми остальными группами населения. Таким образом, борьба между демоническим и провиденциальным развернулась и внутри этого учения, между его идеалами и методами, даже в уме и душе самого основателя, а позднее — между различными его истолкователями и последователями» (РМ, 205).

Здесь самое время назвать ещё один идейный источник советского христианско-языческого культурного суррогата, без которого он вряд ли образовался бы. Это иудаизм. Его основные тезисы мы без труда обнаруживаем в марксизме, хотя сам Маркс, будучи антисемитом и атеистом, вряд ли отдавал себе в этом отчёт. Марксизм объявляет своей конечной целью полное истребление зла и созданиерая на земле. Решение этой задачи возлагается на пролетариат, который наделяется чертами библейского мессии — могуществом, волей, умом, способностью преобразовать мир. Пролетариат революционным путём сокрушает старый, несправедливый мир и создаёт новый, где мечи перекуют на орала, а лев будет дружить с ягнёнком. Ненавистная христианская церковь исчезнет вместе со старым миром, но не будет большой несправедливостью помочь ей исчезнуть. Творение не завершено, идёт день восьмой, когда творит человек, и никто не может ему помешать, так как демонические начала и божественное управление — всего лишь предрассудки. Поскольку человек от природы чист и становится плохим исключительно из-за влияний социальной среды, то главная цель марксизма — коммунизм — реально осуществима.

Всё это и есть иудаизм, только освободившийся от Бога и перелицованный...

В русском варианте марксизм был существенно скорректирован. Когда советским вождям стало ясно, что одним чудом революции коммунизм не создаётся (методы его осуществления изобразил потом Платонов в «Чевенгуре»), к марксизму была умело подмешана душевно очень близкая русским и чисто православная идея несения креста, после чего он стал марксизмом-ленинизмом. Если в гражданскую войну только отдельные экзальтированные личности мечтали «пострадать за революцию», то теперь во имя светлого будущего человечества пострадать призвали весь советский народ. Ему внушали, что он должен *немного* понести свой исторический крест — претерпеть лишения и жертвы, связанные со строительством коммунизма.

На этом идейном фундаменте и выросла эфемерная «советская культура», которую для большей точности мы назовём теперь

иудаистско-язычески-православным суррогатом. Союз большевистской власти с Московской Патриархией, заключённый в годы войны и просуществовавший вплоть до смерти Сталина, выглядит в таком понимании системы вполне последовательным и логичным...

Двойственная нравственная природа коммунистической доктрины, на которую указывает Андреев, заставляет нас внимательно и без предубеждения оценить возникший из неё культурный суррогат. Нам уже не могут быть интересны крайние суждения о нём. Ни националисты, считающие советский период русской истории сплошной «чёрной дырой», ни «истинные марксисты», всё ещё поющие дифирамбы своему чересчур самонадеянному учителю, не приведут нас к истине. А нам необходимо точно установить, почему всё-таки советский коммунизм так внезапно и бесславно рухнул, не сумев осуществить ту малую правду, которая за ним всё-таки была?

Оказывается, есть и третья точка зрения на проблему. Люди, её разделяющие, коммунистами себя не считают, но видят в коммунизме идею вполне жизнеспособную, сумевшую создать могучее государство. Объясняя гибель СССР, они рассказывают уже слышанную нами историю о замечательном корабле, потопленном коварными врагами. Из метаисторических откровений «Розы Мира» следует, что националисты не правы, идеализируя старую Россию. При всех своих положительных качествах, это было государство достаточно далёкое от совершенства, нёсшее в себе семена гибельных противоречий. Самодержавие и Церковь не сумели выполнить свою историческую миссию, что стало одной из главных причин революционной катастрофы. Следовательно, Зиновьев и другие умы, серьёзно воспринимающие СССР, находятся ближе к истине. Вычеркнуть коммунизм из русской истории без глубокого осмысления той доли правды, которую он нёс, — значит повторить ошибку, совершённую самими коммунистами в отношении прошлого, значит снова порвать связь времён. Необходимо основательно разобраться в действительных причинах гибели советской системы, не впадая в обе крайности — не отрицая и не идеализируя её.

Ну, хорошо, согласимся с тем, что наш коммунистический корабль потопили коварные враги. Тогда немедленно встаёт вопрос: почему это они нас потопили, а не мы их? Разве коммунисты были менее коварны? Разве это не они создали две мощнейшие тайные службы, раскинувшие свои сети по всему миру? Обладая абсолютной полнотой власти и достаточной информацией о противнике,

разве не могли они нанести ему поражение невоенными средствами? Порассуждаем...

Мы уже установили, что благополучие российской государственности, изначально основанной на принципе симфонии властей, в сильнейшей степени зависело от нравственного здоровья народной души, от её готовности к «добровольной жертве». Без добровольной жертвы, вдохновляемой примером самого Спасителя, тысячелетнее стояние русского государства, имевшего множество врагов, было бы совершенно невозможно. Поэтому оно нуждалось в авторитетной этической инстанции, которая неусыпно следила бы за тем, как действия власти отражаются на нравственном состоянии народа, и своевременно корректировала бы их. Утрата Церковью этой важнейшей её социальной функции привела, в конце концов, общество к застою, к утрате самодержавием исторической перспективы.

Тут необходима полная ясность. Система американского типа вполне способна существовать, даже если нравственный уровень общества будет достаточно низок. Она ведь и построена, исходя из предположения, что все люди — неисправимые эгоисты, ищущие исключительно лишь личной выгоды. Нравственность и экономика, нравственность и политика друг от друга в ней прямо не зависят. Конкретный американец может быть нравственным или безнравственным существом — на функционировании системы это практически не отражается. Нравственность в американской системе, безусловно, существует, но, если говорить откровенно, преимущественно как рациональная категория. Американский предприниматель поступает нравственно — не плутует с партнёром и не обманывает потребителя — прежде всего потому, что мошенничество нерасчётливо, оно быстро приведёт его к краху. В иных условиях такой рационально-нравственный человек сплутует, не отягощая себя угрызениями совести. Одно дело бизнес в Америке или Европе, другое — в Африке, скажем так. Примеров такой двойной морали Америка давала и даёт достаточно...

А вот для общества, основанного на «добровольной жертве», снижение нравственного его уровня может иметь катастрофические последствия. Оно способно сохранять стабильность при первом непреломном условии, что в нём преобладает совестливый, высокоэтический человеческий тип.

Социальная система «реального коммунизма», унаследовав русскую национальную традицию или, точнее сказать, эксплуатируя её,

тоже была рассчитана на высокоэтичный человеческий тип. Не случайно с первых же своих шагов новое государство убеждало морально искалеченных гражданской войной и хозяйственной разрухой людей «быть сознательными» — советский идиоматический оборот, трудно-переводимый на европейские языки; в западных странах все люди «сознательные», потому что получают за свой труд хорошие деньги.

Отлично понимая проблему, коммунисты уделили исключительное внимание педагогике. Они создали квазицерковь, как называет коммунистическую идеологию Андреев, которая средствами политической пропаганды, искусства, литературы, кино, школьного и дошкольного воспитания стремилась подавить в советских людях естественный эгоизм, призывая их к «добровольной жертве». Отметим попутно, что наибольшего успеха в этом она добилась среди русских и меньшего — среди народов неправославных.

Вопреки утверждениям антикоммунистов, ничего принципиально порочного или утопического в такого рода организации жизни нет — она существовала тысячелетиями в религиозных обществах. Великие империи прошлого держались не только грубой силой, но и силой долга. Как раз, напротив, порочными следует считать социальные системы с автоматически действующей духовно-разрушительной экономикой. Современный западный капитализм, заметно утративший хищную хватку своей молодости, кажется, понимает это. Уроки советского коммунизма не прошли для него впустую, и в то время как вожди «перестраивающейся» России в своём слепом антикоммунистическом порыве отбросили страну на двести лет назад, в эпоху грабительского капитализма, в странах Западной Европы, в Америке, Австралии, во многих других капиталистических странах в экономику умело внедряются некоторые социалистические принципы, делающие её более гуманной. Пенсионная система в этих странах обеспечивает человеку достойную старость, устанавливаемая законом минимальная заработная плата вполне достаточна для сносной жизни, профсоюзы являются реальной силой, защищающей интересы человека труда. Во многих странах, казалось бы, в ущерб принципам свободного предпринимательства существуют довольно жёсткие законодательные ограничения на производство и продажу «эротической продукции», есть и другие подобные ограничения.

О, нет, товарищи коммунисты, вас погубил не сам принцип, а непоследовательность в его проведении. Вы не только не озаботились

созданием независимой этической инстанции, наблюдающей за нравственным состоянием общества (ею могла бы стать освобождённая от цензуры и партийного диктата, содержащаяся на государственные средства пресса), но жестоко расправлялись с теми, кто, следуя голосу совести, пытался высказываться на эту тему. Вы создали систему, которая по первоначальному замыслу должна была облагораживать человека, и в ней действительно имелись некоторые предпосылки для этого. Но вы создали её на основе ложной материалистической концепции человека, создали раз и навсегда и объявили преступными любые попытки изменять её, в том числе и те, которые работали бы на ваш замысел. Будучи материалистами, вы абсолютно не понимали значение религии в обществе, не понимали, что отрезанная от высших миров душа рано или поздно начинает гнить и разлагаться. А социалистическая экономика была рассчитана на общество очень высокой нравственности и высокой духовности, в идеале — на религиозное общество. Не умея создать такое общество, вы заменили принцип «добровольной жертвы» принципом принуждения, доходившим до самого грубого насилия. Если старая Россия воспринималась свободными, творческими душами как сумеречная страна, то с вашим приходом к власти для них наступила глухая беспросветная ночь. Вы, борющиеся за освобождение России от «векового рабства», породили новый, гораздо худший вид рабства, когда рабами становятся все — от колхозника до члена ЦК. А у раба психология рабская. Раб лукав, труслив, двоедушен, завистлив. Это насаждаемая вами психология породила моральную атмосферу, самоубийственную для высокоэтичной по замыслу системы. Высокопоставленные рабы позволяли себе сладко грешить, одновременно призывая к коммунистической святости миллионы простых рабов. Можно ли было любить такое общество и таких правителей? Моральный дух советских граждан, их «советский патриотизм» в эпоху Брежнева сильно ослаб, тогда как патриотизм американцев достигал весьма высокой отметки. И хороший коммунистический корабль был потоплен плохим американским...

Если бы основатели советского государства не были безумцами, бредившими идеей мировой революции, если бы они действительно захотели создать высокоэтичную социальную систему, то у них, быть может, хватило бы ума предвидеть самую большую грозящую ей опасность, и они своевременно освободили бы печатное слово. Свобода критики должна была бы стать столь же ярким и отличительным при-

знаком коммунистической системы, как общественная собственность, власть советов, плановая экономика. Свобода слова должна была простирается вплоть до права отрицать сам коммунистический идеал как утопический. Ленин абсолютно неправильно понимал роль слова в обществе, построенном на идее совершенствования человека. Сделав печать партийной, закрыв всю оппозиционную прессу, он подписал смертный приговор этой идее и самой системе. Выражаясь словами Талейрана, это было хуже, чем преступление, это была ошибка.

Любое государство правильно действует, наказывая тех, кто выступает против него с оружием в руках, кто разрушает его, совершая уголовные преступления. Но оно допускает ошибку, уничтожая тех, кто выступает против него со Словом. Свобода слова не погубила бы советское государство, если бы оно чётко соблюдало правовой принцип подлинной демократии, отличающий слово от действия. Никакое самое острое критическое слово в адрес политической системы, её экономики, институтов и официальных лиц не может быть наказуемым в государстве, сделавшем своей главной целью нравственное совершенствование человека. Наказуемыми могут быть только насильственное действие или клеветническое слово, но в обоих случаях дело должен решать открытый суд.

Свобода слова есть первейшее условие жизнеспособности системы этического типа, позволяющее ей эволюционировать. Это системы низшего типа, ориентированные на низменного, греховного человека, могут позволить себе пребывать в некотором круге социальных игр. Система, совершенствующая человека (а этому процессу, понятно, нет конца), по самой своей эволюционной сути должна быть всегда готова к переменам. Обратим внимание, что эволюционирующих этических систем в истории пока не было. Все они отличались консерватизмом, вследствие чего и погибали. Но ведь коммунизм, кажется, сделал заявку именно такого рода! Он провозгласил сотворение совершенного человека своей стратегической целью.

Можно ли представить себе советское государство в состоянии движения, а не «общепримиряющего бега на месте»? История не знает сослагательного наклонения, но мы имеем право немного пофантазировать. Историческая фантастика может быть для нас в данном случае средством лучше понять себя.

...Свобода слова очень быстро разоблачила бы атеизм — этот самый главный порок нового общества. Было доказано, что без

религиозного сознания общество этического типа долго существовать не может. Духовная литература во всём многообразии открыла бы для советских людей духовную реальность, способствовала бы развитию у интеллигенции столь необходимого ей мистического чувствования исторического процесса. Знание собственной истории помогло бы ей понять действительные причины гибели самодержавной России, её истинное назначение в мире. Тогда наивный и ущербный коммунистический идеал, извинительный для голодных людей времён гражданской войны и первых пятилеток, был бы постепенно вытеснен идеалом царства Божия на земле. Духовная метаморфоза общества, вполне возможно, могла бы произойти при сохранении заявленных большевиками в 1917 году основных ценностей нового строя — власти советов, общественной собственности на средства производства, землю и её недра, социальных гарантий и т.д. Не повредила бы она, а только помогла планируемой экономике, необходимой для воспитания высокоэтического человеческого типа и нуждающейся в нём. Её принципы всё больше внедряются в рыночную экономику западных стран. Очевидно, стал бы возможен и даже обязателен встречный вариант — внедрение рыночных принципов, элементов свободного предпринимательства в планируемую экономику.

Вот кому повредила бы свобода слова, так это партийной элите и карательным органам, благодаря которым она держала в руках власть. Карательные органы, как, впрочем, и «руководящая партия», необходимы для рабов и не нужны в свободном обществе. По поводу этих институтов власти большевики, агитируя в своё время народ, кажется, ничего не говорили. Речь шла только о лозунгах: власть — советам, фабрики — рабочим, земля — крестьянам. Так говорили большевики...

Ясно, что ни при Ленине, ни при Сталине о свободе слова не могло быть и речи. Мы не самоубийцы, чтобы сделать печать свободной, — высказывался по поводу этой буржуазной идеи товарищ Ленин. Может быть, догадывался, что в условиях информационной свободы материалистическая философия, составлявшая фундамент коммунистического учения, долго не просуществует и всё дело его жизни рухнет. Представить же коммунистическую систему, движимую религиозным духом (тогда и слово «коммунизм» воспринималось бы совсем по-другому), было далеко за пределами умственных способностей вождя мирового пролетариата, так как противоречило его миссии. Тут у большевистских волков в сознании были протяну-

ты красные флажки, через которые никто из них (даже Луначарский) перепрыгнуть так и не осмелился.

При Сталине ушедший (или уведённый, что не имеет значения) от Христа советский уже народ вступил на путь жестоких мытарств — пережил коллективизацию, репрессии, голод, положил миллионы жизней в войне с Гитлером. Но общество не могло понять религиозной природы всех этих мук, потому что оставалось ослеплённым и оглушённым. Не мог понять этого при всём своём уме и Сталин. Мысль об освобождении слова не могла даже зародиться в его тёмно-гениальной голове.

Даниил Андреев утверждает, что Сталин отлично знал, какие силы им управляют (наверняка же не случайно закончил семинарию!), и поэтому всерьёз верил в возможность своего физического бессмертия. Умер он только после того, как Провиденциальные иерархии перерезали канал инвольтаций, соединявший его с демоническими мирами.

Задержим внимание на этой важной информации. Можно ли понимать её как свидетельство того, что русский народ и в своём безблагодатном коммунистическом бытии продолжал получать помощь со стороны Провиденциальных сил? По-видимому, так оно и было. Даже в глухую сталинскую эпоху, говорит Андреев, Провиденциальные силы продолжали оказывать помощь советским людям, старались не дать им впасть в полное духовное одичание. И в самом деле, несмотря на тотальную, погубившую миллионы душ атеистическую пропаганду, вера в Бога всё же не была полностью уничтожена в народе. Теплился огонёк жизни в церквах, рождались души, предопределённые к принятию Христа, время от времени происходили чудесные знамения, слухи о которых мгновенно распространялись в народе, в основном среди сельского населения, прибавляя работы агитпропу. Худо-бедно сохранялись старые обычаи и обряды, народные ремёсла, знахарство. Сильно истончавшая при коммунистах связь времён полностью всё же не прерывалась.

Нечто Провиденциальное видится и в событиях, произошедших в стране после смерти Сталина. Краткий их очерк, написанный под углом зрения «Розы Мира», позволит нам понять их совсем по-новому. До сих пор толком не объяснён механизм дворцового переворота, который привёл к власти Хрущёва, вызвав резкий поворот в курсе партии. Кремлёвские владыки — узкий круг лиц — были заинтересованы

только в смягчении созданного Сталиным режима, может быть, в значительном смягчении, которое избавило бы их самих от постоянного страха быть репрессированными очередным вождём. Но отнюдь не в их интересах было «разоблачение культа личности». И имелась среди них фигура, достойная занять место покойного вождя, готовая к либерализации режима. Но коварнейшего, умнейшего из сталинских демонов, полновластного хозяина могущественной карательной организации, одно название которой магически действовало на миллионы душ, вдруг в одночасье побеждает столь же аморальный, но отнюдь не гениальный и даже не одарённый хоть каким-нибудь талантом человек, типичный аппаратчик. Странный случай, которому до сих пор не дано разумного объяснения. Хрущёв и Берия — лютые враги, оба прекрасно понимают, что ставка в их борьбе — жизнь. А время неустойчивое, переходное, когда решающее значение для захвата власти имеют авторитет и сила. У Хрущёва и его группы — ни того, ни другого. У Берии — и авторитет в стране, и вполне реальная гвардия. По логике русской истории должен был последовать дворцовый переворот с физическим устранением Хрущёва. А вышло наоборот. Советский историк Н.Н. Яковлев рассказывает о выдающейся роли, которую сыграл в акции по устранению Берии маршал Жуков, тогда всего лишь заместитель министра обороны Булганина. Но в чём она заключалась? Всего-навсего в том, чтобы вместе с тремя генералами и двумя адъютантами, без предъявления ордера на арест, буквально голыми руками взять Берию на заседании президиума ЦК и затем, с кляпом во рту, *тайно* вывезти его из Кремля, охранявшегося офицерами НКВД. Случай действительно странный. В начале марта 1953 года умирает Сталин, а через четыре месяца берут Берию. Берут, как кролика в клетке, — легко и без сопротивления. Беспечность и малодушие, совершенно необъяснимые для такого матёрого хищника...

Странна и судьба арестованного его героя, если иметь в виду то, что произошло с Георгием Константиновичем после окончания войны. Он попал в немилость к Сталину, был выведен из состава ЦК ВКП(б) и едва не арестован по наветам главы МГБ Абакумова. Дело дошло до того, что его водителя военных лет А.Н. Бучина бросили в тюрьму, пытали, выбивая показания против бывшего начальника (ничего не добились), и тот ничем не мог ему помочь. В феврале 1955-го Жуков был, наконец, назначен министром обороны на место дилетанта Булганина и восстановлен в ЦК. В качестве министра он блестяще проявил

себя, но именно за это был отстранён от должности Хрущёвым осенью 1957 года. За отстранением последовало второе исключение из состава ЦК КПСС, и оставшуюся часть жизни — семнадцать лет — великий воин провёл в полной безвестности. Убеждённый сталинист Жуков был использован фактически как человекоорудие для укрепления власти политика, нанёсшего потом смертельный удар по сталинизму. Мог ли этот вполне иррациональный политический сюжет разыграться без участия высших сил?

Телеологический метод, применяемый Андреевым в оценке ключевых личностей и событий русской истории, позволяет увидеть в Хрущёве фигуру отнюдь не случайную. Его резкое выступление против Сталина было полной неожиданностью для всего мира (об участии в этом деле иностранных разведок в те времена не могло быть и речи) и глубочайшим потрясением для советского народа. Государство, построенное на традиционно русском самодержавном принципе власти, могло существовать ещё достаточно долго, может быть, очень долго и, с точки зрения политического здравого смысла, Хрущёв совершил безумный поступок. Доказательство тому — коммунистический Китай, где ничего подобного не произошло и который от своего благоразумия в конечном счёте выиграл. Но Россия — не Китай, у неё своя, особая историческая миссия, несовместимая с принципом правления гораздо более порочным, чем тот, что потерпел поражение в 1917 году. Поэтому мы вправе предположить, что после смерти Сталина Провиденциальные силы предприняли попытку трансформировать созданную им политическую систему и Хрущёв был выбран ими как наименьшее из всех возможных зол.

Тогда, понятно, новый лидер должен был решительно осудить сталинский режим — что он и сделал. Но Хрущёв должен был, сохраняя в своих руках твёрдую власть, дать народу свободу совести и свободу слова. Тогда советское общество психологически приблизилось бы к западному, что сняло бы многие противоречия между «лагерями» и могло медленно, со скрипом, начать эволюционировать в направлении одухотворения уже сложившегося образа жизни. С годами оно претерпело бы системные преобразования, оставшись при этом единым политическим и экономическим целым. По-видимому, на этот путь и возлагал надежды Даниил Андреев, судя по некоторым его высказываниям в начале книги. При таком повороте событий мы

имели бы к началу 90-х годов не разорванную на кровоточащие куски разворовываемую *территорию* с нелепым прозвищем СНГ, а процветающее государство, способное к дальнейшей эволюции.

Увы, эволюционный путь, по ряду сложных причин, оказался для нас закрыт. Не так-то просто разобраться во всех этих причинах, но можно назвать главную из них, специфически российскую, уже погубившую однажды царское самодержавие. Это глубочайший раскол между властью и интеллигенцией, а точнее, пассионарной частью советской интеллигенции — «диссидентами». Тупой, звериный консерватизм партийного аппарата, совершенно не владевшего искусством удержания власти в меняющемся мире и пытавшегося силой сдерживать развитие общества, стимулировал рост антисоветских настроений среди интеллигенции. Последняя же, в большинстве своём органически атеистичная, бунтовала против аппарата, не имея в то же время серьёзных культуротворческих идей. Церковь с горсткой отважных её сторонников из числа православных патриотов оказалась между этими двумя противоборствующими лагерями, в равной степени равнодушными к ней. Это был изначально порочный расклад сил. Поэтому когда Хрущёв в припадке коммунистической дури, возможно, под прямым воздействием демонических начал, затеял нелепейшие в новых политических условиях гонения на Церковь, поддержать её даже морально оказалось некому — диссиденты в это время разбирались с марксизмом, гневаясь на «извратившую» его власть. В результате качество духовного всплеска времён «оттепели» оказалось резко сниженным. Новоязыческие мотивы в нём многократно преобладали над христианскими, атеизм, как интеллигентская вера, остался в неприкосновенности.

Можно назвать целый ряд сюжетов, событий, фигур того времени, которые как будто свидетельствуют о Провиденциальной природе «оттепели», о том, что советское государство действительно подталкивалось свыше на эволюционный путь.

Это, прежде всего, сама нравственная атмосфера советского общества шестидесятых годов. Она была несравненно чище той, которая наблюдается в нынешней, «рыночной» России, где совесть стала самым ходовым товаром. Ещё не была расколота на враждующие группы творческая интеллигенция, ещё сохранялась в народе вера в историческую перспективу советского общества, столь необходимая, чтобы оно начало эволюционировать, не была закручена чудовищная спираль повального пьянства и воровства, ставшая позже одной из характер-

ных примет «разлитого социализма», считались позорными взяточничеством, спекуляцией, корыстолюбием,¹ ещё молодёжь не была отравлена ядами потребительства и цинизма. Заметно поубавилась свирепость карательных органов — инакомыслящих арестовывали несравненно реже, чем в сталинские времена, и не расстреливали, а давали умеренные сроки, да и содержание их в лагерях не отличалось прежней жестокостью. Многим из них заключение пошло на пользу — они заработали себе международную славу в качестве борцов с русским коммунизмом и эмигрировали потом в Израиль, Европу или Америку.

В эти годы у молодёжи пробуждается большой интерес к науке и космосу, огромную популярность приобретает научная фантастика. Формируя в травмированных материализмом пытливых головах некий суррогат религиозного сознания, она подготавливает их к следующему качественному рывку — открытию планетарного космоса Земли. Нынешние постаревшие «шестидесятники» помнят, какое ошеломляющее впечатление на читающую Россию произвёл роман И. Ефремова «Туманность Андромеды» — его светлый оптимизм, вера в окончательную победу добра над мировым злом. И никто тогда даже не догадывался, что в квартире никому не известной художницы Аллы Андреевой уже лежит, дожидаясь освобождения, рукопись несравненно более яркой и глубокой книги, написанной точно ко времени — для духовно жаждущих, но не скованных религиозной ортодоксией и не развращённых мистическим ширпотребом душ...

Возникает совершенно неожиданное для советской культуры, глубоко оригинальное явление — авторская песня. Окуджава, Кукин, Высоцкий, Ким, Клячкин, Городницкий и другие высокоодарённые барды подарили молодёжи целый песенный мир — яркий, интеллектуальный, лиричный, остроумный, добрый. Как и всякий крупный социокультурный феномен, влияющий на человеческое сознание, авторская песня, конечно же, имела метаисторическую природу — чего до сих пор не понимают некоторые чересчур православные её критики. И духовный источник, инспирировавший поэтов, был светел!

Особый интерес в русле нашей гипотезы представляет фигура Владимира Высоцкого. Он резко выделяется среди других бардов

¹ В начале шестидесятых годов автор этих строк, вернувшись домой после первой своей поездки в столицу, рассказывал своим друзьям как о чём-то необычном, что московские гардеробщики подают пальто не из вежливости, как в провинции, а в расчёте получить двугривенный. Это в какой стране было? В каком веке?

чем-то таким, чему поклонники его творчества не могут дать ясного определения. А дело тут в том, что Высоцкий был высокоталантливым советским поэтом и притом вполне конкретной, переходной эпохи, о которой мы сейчас говорим. Он занял в ней приблизительно то же место, какое занимал в довоенной эпохе Владимир Маяковский, но был духовно богаче и несравненно свободнее Маяковского. Обширный песенный эпос Высоцкого насыщен реалиями советской жизни и вне неё невысказан. Его необычность как советского поэта — в огромной свободе его творческой стихии. Остальные советские поэты, даже самые талантливые и смелые, кажутся по сравнению с ним просто волами в упряжке. Высоцкого никак нельзя считать диссидентом, иначе бы он и не конформист, как Евтушенко или Вознесенский. В отличие от диссидентов, он искренне любил страну, в которой ему довелось родиться, любил советских людей, своих современников, со всеми их смешными нелепостями, и вовсе не желал, чтобы они переродились в скверное подобие американцев или вернулись бы в свои национальные культуры, как о том мечтают нынешние националисты. Душой своей он был органически связан с советской историей — гораздо в большей степени, чем с русской, и в то же время был очень русским — этаким вольным казаком среди крепостной литературной братии. Ему была дорога память о Великой Отечественной войне, о которой он написал много великолепных, непревзойдённых песен; в его творчестве нет того духа презрения и вражды к системе, который пропитывает произведения почти всех диссидентов, но есть высокий и беспокойный дух, жаждущий перемен в советском обществе, есть сочувствие к язвам и болячкам этого общества. Его знаменитая «Москва — Одесса» воспринимается сейчас как удивительно живой и лаконичный духовный портрет Советского Союза тех времён.

Выше всех поэтов Высоцкий ценил Пушкина, знал наизусть множество его стихов, что лишний раз подчёркивает его русскость. Но он испытывал жадный интерес и к другим народам — в нём также было выражено то качество высоких русских душ, которое Достоевский назвал «всемирной отзывчивостью». Поэтому его не любят националисты. Тип сознания Высоцкого близок к пушкинскому. В его поэзии есть и христианский дух, и языческая стихия, хотя последняя сильно преобладает. Разумеется, Высоцкий — это не Пушкин (случались и такие перехлёсты в оценке его творчества), но это и не насковозь антисоветский и антирусский Галич, который хлестал систему своими та-

лантливими, жгучими, как крапива, стихами, не имея ни малейшего желания разбираться в нюансах её метаморфоз. За Высоцким чувствовалась правда мудреца, сумевшего найти безошибочно точный взгляд на свою страну — в меру бунтарский, в меру консервативный. Может быть, именно поэтому Владимир Высоцкий был воистину народным поэтом Советского Союза. Его песни слушали, как откровение, люди всех слоёв советского общества — от генералов КГБ до эзков и работяг. Он никого не оскорблял своими произведениями.

Его смерть потрясла миллионы душ, словно у каждого умер близкий друг. Его грандиозные, собравшие пол-Москвы похороны вызвали замешательство в Кремле и уважительное недоумение в западной прессе. Русские и в советском своём обличье оказались идеалистами. Ну, мыслимо ли, чтобы французский или американский поэт удостоился в наше время таких проводов?..

Неуважение к самодержавной власти было одной из ярких черт русской интеллигенции, которая заметно отличала её от других сословий России, особенно от крестьянства. Передаваясь, начиная с Радищева, от поколения к поколению, это отношение, в конце концов, превратилось в *онтологически* ошибочное чувство презрения и ненависти ко всякой власти вообще, особенно ярко проявившееся в террористах. Людей, часто добропорядочных и совершенно невинных, рядовых служаков, террористы убивали уже за саму их принадлежность к государственному сословию.

Интеллигенция всегда «примеряла» власть к себе, а не к народу, не желая понимать, что каждый народ имеет ту власть, которую заслуживает. Она была бесконечно далека от мысли, что власть можно каким-то образом совершенствовать, что она внутри себя совсем неоднородна и что есть люди власти, не меньше интеллигенции озабоченные положением дел в стране. Нет! Власть, запутавшаяся в заблуждениях и пороках, заслуживает только одного — уничтожения! Но лучше ли будет новая? И не повторит ли она путь предыдущей? Такого вопроса у интеллигенции даже не возникало. Само собой разумелось, что новая власть будет гораздо лучше старой уже потому, что она новая. И интеллигенция отважно боролась с властью, не предлагая взамен чего-либо более приемлемого для *данной* страны и *данного* народа. По одной только этой причине путь социальной эволюции оказался для России закрыт.

Подобный сюжет разыгрался и в Советском Союзе в послесталинскую эпоху. Снова у власти оказались люди, вполне соответству-

ющие уровню сознания своего народа. Они совершили, надо отдать им должное, трудную эволюцию в сторону смягчения режима, и можно было надеяться, что при естественном течении событий эта эволюция продолжится. А кто бы мог ей помешать, если такие уникальные личности, как Сталин, способные противостоять воле Провиденциальных сил, имеют специальную демоническую миссию и появляются в истории народов очень редко? Интеллигенция могла бы и помочь власти эволюционировать дальше, если бы постепенно, шаг за шагом отвоёвывала свободу. Для этого требовалось только проявить чувство меры и не предъявлять власти требований, которые она на данном этапе никак не могла выполнить. Требовалось время и терпение. И, конечно, сочувственное понимание собственного народа, совершенно неготового к созданию правового государства западного типа, которым грезили многие интеллигенты-шестидесятники.

Да, собственно, так оно, дело, и шло. Советская интеллигенция 50-х, 60-х, 70-х годов — и рядовая, и творческая (писатели, учёные, артисты) — не питала в подавляющем большинстве своём чувства ненависти к системе, так как являлась её органичной частью, была создана ею и вне её просто не смогла бы существовать. Так человек, если у него нормальная психика, если он не мазохист и не самоубийца, не может ненавидеть собственное тело, каким бы несовершенным оно ни было. Интеллигенция презирала партийных вождей и рассказывала про них анекдоты, роптала против цензуры, «железного занавеса», скудной зарплаты и т.д., идеализировала по этой причине «свободный мир», но чувства ненависти к советской системе, того чувства, которое может удовлетвориться только уничтожением ненавидимого объекта, в ней всё-таки не было. Это тяжёлое и разрушительное чувство зародилось под влиянием далеко не простых причин в её микроскопически малой пассионарной части — диссидентах.

Советское диссидентское движение, подобно авторской песне, было социокультурным феноменом, ограниченным конкретной эпохой, а это означает, что оно имело свою историческую миссию, выполнив которую должно было исчезнуть. На эту мысль наводит уже сам факт, что оно не являлось выстраданной народом необходимостью и, вообще говоря, рационально необъяснимо. Его происхождение загадочно. Оно зародилось в конце пятидесятых годов на московских кухнях, интеллигентских посиделках — в душах романтических и отважных, обуреваемых иррациональным чувством истори-

ческого беспокойства. С самого своего начала и до конца, во всех своих многочисленных формах это было движение, страшно оторванное от реального народа, не о нём болевшее душой, защищавшее интересы какого-то ещё или уже не существующего народа. Его лидеры в большинстве своём были равнодушны к идее «нравственного оправдания экономического уклада общества», горячо обсуждавшейся русской интеллигенцией XIX века. Их гораздо больше интересовали «права человека», под которыми на практике имелась в виду свобода самовыражения для «своих», инакомыслящих, а вовсе не забота о нарушениях прав простых людей. Представить диссидента, ведущего неторопливо-умную просветительскую работу среди рабочих или колхозников, живущего их интересами, невозможно, хотя «стукачей» в этой среде было на порядок меньше, чем в высших учебных заведениях или НИИ. Скажем ещё жестче — создавшее некое подобие ордена или масонской ложи, диссидентство довольно откровенно презирало народ. Академик И. Шафаревич, долгое время почитавшийся диссидентами как авторитетный учёный, борец с режимом, был мгновенно предан ими анафеме после того, как в своей «Русофобии» вскрыл неблагоприятную моральную основу диссидентства. Он показал, что именно этим, граничащим с ненавистью презрением к народу, и именно к русскому народу, питалась основная часть диссидентского движения. «Вина» Шафаревича в глазах движения многократно усугублялась ещё и тем, что он также осмелился указать на преимущественно еврейскую родословную русофобии. Между тем, это был секрет полишинеля, который знал каждый, но говорить о котором в интеллигентном обществе считалось почему-то неприличным.

Сейчас уже не приходится сомневаться в том, что именно благодаря своей русофобской подоплёке диссидентское движение получило мощную информационную поддержку на Западе, постепенно став существенной политической силой в СССР — головной болью для генералов КГБ. Небезынтересно в связи с этим отметить, что единственная серьёзная диссидентская организация, защищавшая интересы русского народа — ВСХСОН (Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа), как правило, обходилась вниманием западных «голосов», хотя стояла на ярко выраженных антикоммунистических позициях и даже планировала вооружённый захват власти. В отличие от всех других, она имела глубоко продуманную программу возрождения России, в которой социальные

и экономические проблемы не отделялись от задачи создания высокоэтичного народоустройства. Один из её пунктов в точности совпал с центральной политической идеей «Розы Мира». Программа предусматривала четыре ветви власти (а не три, как в западных демократиях) — законодательную, исполнительную, судебную и *блюстительную*. Последняя мыслилась в виде Верховного Собора, состоящего из лиц высшей иерархии Церкви и выдающихся представителей народа, избираемых пожизненно. Программа называет Верховный Собор «духовным авторитетом народа», обладающим правом вето «на любой закон или действие, которые не соответствуют основным принципам социал-христианского строя, чтобы предупредить злоупотребление политической властью». Руководители ВСХСОН — И. Огурцов, М. Садо, Е. Вагин и С. Аверичкин были осуждены режимом по статье об измене родине и получили максимальные сроки заключения. А. Петров-Агатов в своих воспоминаниях отзывался о них, как людях высокого интеллекта, большого мужества и безупречной нравственности. Между тем по статье об измене родине не было почему-то даже частичной реабилитации (почему?), и эти замечательные личности были лишены возможности заниматься политической деятельностью в годы «перестройки», повлиять на судьбу страны...

«По делам их узнаете их», — говорит Христос. Диссидентское движение, если не считать ВСХСОН, не выделило из своей среды скольконибудь серьёзной политической программы, соответствующей интересам России, и лидера, способного после 1987 года возглавить борьбу за её осуществление. Зато оно весьма преуспело в насаждении среди интеллигенции манихейской идеи тотального разрушения «империи тьмы», как якобы единственного, безальтернативного пути в будущее для народов России. Но время показало, что это путь не в будущее, а в прошлое. Значит, миссия этого движения была разрушительной...

Выше упоминалась другая разрушительная сила советского общества — партийная номенклатура. Добавим к сказанному о ней несколько более подробных характеристик. Своим кастовым эгоизмом и многочисленными злоупотреблениями она морально разлагала общество и оправдывала в глазах интеллигенции диссидентское манихейство. Это была скверная карикатура на дворянство старой России. Постепенно в её верхнем эшелоне произошло невидимое снизу расслоение на ортодоксальных глупцов, тупо сопротивлявших-

ся всяким переменам, и умных подлецов, сообразивших, в чьи паруса дуют «ветры истории», и внутренне созревших для предательства. Когда последние составили критическую массу, произошло событие, по видимости, иррациональное. Словно устав от многолетней борьбы с оппозицией, номенклатурный орден в лице своего высшего органа — Политбюро ЦК КПСС — вдруг дрогнул и стал отступать, оппозиция же резко активизировалась. Прошло совсем немного времени, и началось стремительное по историческим меркам, умело направляемое разрушение государственной системы СССР...

Мы подошли, наконец, к самому потрясающему и самому, может быть, загадочному акту русской исторической драмы, разыгрывающемуся на наших глазах и названному лукавым словом «перестройка». От того, насколько верно и глубоко оно будет понято, зависит судьба России в XXI веке — осуществление или окончательный крах надежд на её возрождение.

В наше время события обгоняют перо. Когда эта работа выйдет в свет, некоторые из приведённых далее принципиальных оценок «перестройки» уже не будут для многих новостью. Тем лучше для развиваемой автором концепции. Читатель, может быть, уже заметил, что она строится целиком на метаисторических откровениях «Розы Мира», не приспособляясь к «текущему моменту», к настроению той или иной идеологии. Её задача — показать, как может быть увиден современный российский Вавилон в свете андреевского мировоззрения. Тогда подтверждение ею тех выводов о «перестройке», которые уже успела сделать сама жизнь, будет означать только то, что в основе своей позиция автора верна.

Так что же может сказать о перестроечной смуте предлагаемая концепция?

«Перестройка» проникла в организм советской системы незаметно, как вирус, и принялась постепенно, с помощью дьявольски хитрого механизма социальных игр, подтачивать её жизненно важные центры, приучая общественное сознание к мысли о принципиальной неререформируемости системы и необходимости, следовательно, полного её разрушения. Хитрость заключалась в том, что проблема личной ответственности конкретных лиц за косность системы была подменена приговором безличной системе. Антропологическая природа кризиса системы осталась нераскрытой, а значит, страна вступала на путь новых исторических мытарств.

Наиболее информированные и проницательные люди по ходу событий быстро распознали в «перестройке» инфицированную извне, смертельно опасную для ослабевшего государства болезнь. Одним из таких людей был советский политический эмигрант, писатель Александр Зиновьев, получивший в своё время известность в диссидентских кругах как автор яркой антикоммунистической статьи «Зияющие вершины». Он во весь голос прокричал из Германии своим соотечественникам об этой опасности, но, заглушённый российскими «демократическими» СМИ, услышан не был.

С самого начала «перестройки» в обществе стали формироваться две прямо противоположные точки зрения на неё. Их нарастающая поляризация расколола страну на два глубоко враждебных друг другу лагеря — «патриотов» и «демократов», белых и красных — по революционной классификации. Памятуя о нашем недавнем историческом прошлом, следовало ожидать кровавой развязки. Поводом для неё послужила борьба за власть между бывшими членами КПСС Ельциным и Хасбулатовым, завершившаяся известными событиями в октябре 1993 года. Под пулями и снарядами президентской гвардии погибло много защитников «Белого дома». Цифры называют разные — от полутора-двух сотен до полутора тысяч человек. Снова, как и в 1917–18 годах, победили жестокость и сила, но привыкший к беззакониям советский народ покорно смирился перед силой и принял навязанный ему путь «капитализма», даже не догадываясь о возможности более разумных альтернатив, кроме «капитализма» и «коммунизма».

Да и откуда он мог узнать о них, если метаисторические ключи к русской истории, содержащиеся в «Розе Мира», не заинтересовали к тому времени ни «демократов», ни «патриотов», не интересуют совершенно и сейчас. В многочисленных дискуссиях о судьбах России, прошедших за эти годы, культуротворческие и религиозные идеи «Розы Мира» всерьёз не обсуждались. Чаще всего «Роза Мира» воспринимается как сказка или религиозная фантастика, не имеющая отношения ни к истории России, ни к современным событиям.

Мы, однако, убедились из предыдущих глав, какой огромный объём ценнейшей информации заключён в этой книге, хотя бы она и казалась кому-то чистой мистикой. Известную мысль Паскаля, что нет ничего практичнее хорошей теории, можно целиком отнести и к мистике Даниила Андреева. Это в высшей степени практичная мистика. Она позволила ему создать замечательно цельную, напол-

ненную высоким и трагическим смыслом картину русской истории от времён языческой Руси до эпохи Сталина.

Наибольшую ценность для нас представляют сейчас социальные прогнозы «Розы Мира». В пятидесятые годы, когда СССР находился в зените своего международного авторитета, Андреев в условиях абсолютного информационного вакуума угадал самое грандиозное и неожиданное геополитическое событие восьмидесятых-девяностых годов: «мирный» развал социалистического лагеря духовной энергией Стэбинга (демона американского великодержавия) и начало утверждения на Земле «нового мирового порядка». Вот оно, это пророчество, сделанное узником владимирской тюрьмы, не нуждавшимся в земных источниках информации:

«Урпарп же добивался такого хода вещей, при котором, доведя мощь военных коалиций до последней грани войны, он заставил бы перепуганные народы Восточного союза — и, конечно, население Друккарга — сделать отчаянное усилие для того, чтобы уступить, отказаться от военной схватки; чтобы Стэбингу удалось развить такую силу в своих необозримо длинных щупальцах, которая позволила бы ему разворотить все укрепления в Друккарге, не прибегая к вторжению западных игв и раруггов в этот шрастр, а в Энрофе — развалить без всякой третьей войны социалистическую коалицию. Тогда можно было бы ставить вопрос о всемирном господстве космополитической концепции и о долгожданном объединении земли под эгидой Стэбинга» (РМ, 236).

Прокомментируем этот текст. Урпарп, согласно мифу «Розы Мира», это третье лицо кощунственной дьявольской троицы, образующей личность Гагтунгра, — «осуществитель демонического плана» (РМ, 76). Друккарг — шрастр российской метакультуры, то есть демонический слой, «системно» связанный с Россией, события в котором оказывают тёмное воздействие на Россию. До последней грани войны мир был доведён через четыре года после смерти Андреева, когда разразился знаменитый Карибский кризис, вызванный появлением советских ядерных ракет на Кубе. Как считают до сих пор политологи, мир тогда чудом избежал войны, но, оказывается, никакого чуда не было. Был точный расчёт демонического разума — и только. Что же касается развороченных Стэбингом без войны укреплений в Друккарге, то отражением этих событий в земном мире следует считать разрушение СССР в девяностые годы, промышленного и оборонного потенциала страны. По мнению некоторых политиков, масштабы

этих разрушений вполне сопоставимы с последствиями несостоявшейся третьей мировой войны.

Как видим, предсказание Андреева сбылось и, значит, теряют смысл споры о том, кто и с какой целью затеял и блестяще осуществил политическую супераферу в СССР. Не Горбачёв, не ЦРУ, не масоны и не международный сионизм... Мы получаем, наконец, законное право брать в кавычки слово «перестройка» и попробовать определить действительный её смысл, каким он видится в свете высказанных ранее идей.

Выстраивается приблизительно следующий ряд обобщений:

1. «Перестройка» есть неизбежный, обусловленный событиями метаистории и человеческим неведением этих событий, финал многовековой религиозной драмы России. Самодержавная Россия и Россия социалистическая погибли вследствие одной и той же причины: потому что не было создано высокоэтичное общественное устройство открытого типа, способное к эволюции. Лучшие умы старой России давно понимали необходимость такого общества, но сделать ничего не смогли, и власть впоследствии опоздала с преобразованиями. В советской же России любая попытка усовершенствования, изменения социальной системы объявлялась государственным преступлением. Но законы творения, устанавливающие необходимость перемен, человеку отменить не дано. Система, которая не хочет меняться сама, пусть не жалуется, когда её начинают убивать.

2. Открытое общество, способное к изменениям, создал коллективный гений Запада, но, увы, ценой отказа от телеологической идеи этического совершенствования человека, как, якобы, утопической, мешающей создавать нормальную экономику. Мы, однако, должны твёрдо уяснить себе, что, отрекаясь от этой идеи, стремясь создать экономику, служащую человеческим грехам, мы окончательно рываем с нашей древней национальной традицией, чего не сделали даже коммунисты. Пытаясь механически перенести социальный и экономический опыт протестантских стран, сложившийся совсем в иных культурных условиях, на наши российские почвы, мы, следовательно, отрекаемся и от своей исторической миссии, а это, как утверждает Андреев, есть худшая из опасностей, которой может быть подвергнут великий народ (РМ, 159). «Перестройка» как раз и есть такая опасность, ибо она грозит в течение одного-двух поколений полностью истребить наш традиционный душевный тип, способный

вдохновляться высшими идеалами, готовый к «добровольной жертве». Вот тогда-то и разразится настоящая катастрофа!

Можно, конечно, пропустить мимо ушей это предупреждение, но сколько же можно оставаться равнодушным к собственным пророчкам! В 1909 году «Вехи» предупреждали интеллигенцию о том, что революционным насилием народного счастья не добыть, что русскую государственность нельзя создавать на основе атеизма. Не послушали — и получили архипелаг ГУЛАГ...

3. Коль скоро, по всей видимости, исторический выбор за Россию пытается сделать Стэббинг, то, ясное дело, не для того, чтобы она стала процветающей, высокодуховной державой мира; и симпатии к России отдельных, конкретных американцев вряд ли тут что-нибудь изменят. Поэтому путь подражания Западу, безусловно, гибелен для великорусского этноса. Во всяком случае, альтернативой социалистическому пути в реальных политических и социальных условиях он не может быть никак. Последние годы показали, что такой путь ведёт не к «цивилизованному» государству, а к бандократии.

4. Православная церковь, давно поставленная на колени, готовая сотрудничать с любой властью, планам Стэббинга не помеха. Она вполне управляема и в грядущем «новом мировом порядке», ей грозит худшая из опасностей — стать послушным орудием в руках антинародной власти.

5. Самая пассионарная часть современного общества — творческая интеллигенция. Через произведения литературы и искусства, телевидение и кино она способна оказывать сильнейшее воспитательное воздействие на массы, в сущности, направлять развитие общества. Современная российская интеллигенция жестоко разобщена. Её либеральное крыло тянет Россию на Запад, а консервативно-почвенное всё никак не может понять, что двигаться вперёд с головой, повёрнутой назад, невозможно. Это последнее всё ещё равнодушно, а его воцерковлённая часть враждебна идее слияния в поле культуры двух мироощущений: православного и светлого языческого. Уже одна эта идея отталкивает Церковь и близкие к ней интеллигентские круги от «Розы Мира», что превращает религиозную драму России в жестокий фарс, начавшийся вместе с «перестройкой». Те, кто благодушно созерцает агрессивное духовное нашествие американизма на «перестраивающуюся» Россию, утешая себя рабьей мыслью, что, может быть, оно и неплохо, если, наконец, «умная нация покорит нацию глупую», должны знать, какую культуру несёт миру эта «умная нация». Мировоззрение «Розы

Мира» позволяет квалифицировать американизм, американский образ жизни по тому же разряду, что и советизм, советский образ жизни, то есть как культурный суррогат. Это совершенно несъедобная для православной души смесь жиденского рационалистического христианства с густым тёмным настоем современного технотронного неоязычества. Коротко говоря, это язычески-протестантская химера эстетически и духовно не более привлекательная, чем советская. Способна ли она к положительной эволюции? Вопрос сложный. Сейчас она интересна для нас, прежде всего, как грубая модель ещё не состоявшейся православно-языческой культуры, модель, позволяющая предположить, что эта культура — не вымысел эклектически мыслящего ума, а историческая необходимость. Это единственная доброкачественная духовная основа для создания в России сильного и свободного государства.

... Как бы ни проклинала религиозная мысль технологическую цивилизацию, её приход был неизбежен, так как был обусловлен событиями метаистории. Провиденциальные силы вынуждены были принять технологический выбор, навязанный, внушённый Гагтунгром европейским народам, а через них — и всему остальному человечеству; и теперь надо думать не об отмене его, а о его просветлении. Перед разумными и нравственными силами современных обществ стоит задача остановить разрушение человека, совершаемое бесчисленными земными орудиями демонических сил — так можно было бы обозначить содержание первого этапа просветления на выбранном уже пути. Для его осуществления одной евангельской проповеди недостаточно. Она может иметь успех только временный и частный, но никогда не будет иметь планетарного успеха, так как несоизмерима с мощью непросветлённой чувственной стихии человека. Это хорошо показал Андреев, исследуя судьбу исторического христианства. Невозможно завернуть в бумагу горящий огонь; невозможно гипнозом слов укротить непросветлённую чувственную стихию. Она будет постоянно прорываться в мир испепеляющими радиациями, сводя к нулю усилия проповедников. Существенно ослабить её страшную разрушительную силу способно только мироощущение, интегрирующее христианскую любовь к горнему миру со светлой и тёплой языческой любовью к земле и земным радостям на основе *осознанного противостояния демоническим силам*.

Последнее условие принципиально важно! Его неисполнение грозит новой культуре быстрой демонизацией, что мы, собственно,

и наблюдаем в США в XX веке. В американской эклектичной модели культурного синтеза светлое языческое начало подменено тёмным — безудержной волей к самоутверждению, фанатичным культом денег и грубой силы, глубокой фетишизацией массового сознания; христианское же — духовно неглубоким, эстетически примитивным, раздробленным на множество сект протестантизмом. Демонические начала в мире осознаются, но противостояние им идейно не обозначено. Напротив, на голову среднего американца масс-медиа обрушивают столь невообразимый мистический сумбур, что человек вряд ли воспринимает потусторонние силы всерьёз. Но даже в таком ущербном виде американский синтез вселяет нам веру в то, что православно-языческое мироощущение возможно и необходимо. К этому убеждению приводят и некоторые, настойчиво повторяющиеся сюжеты в нашей истории. Как мы разобрались ранее, языческая душа продолжала жить в народе всю тысячу лет христианства, находясь в скрытом конфликте с Церковью. После разгрома Церкви большевиками она наполнила энергией действия молодую коммунистическую идеологию. Когда и эта идеология стала чахнуть, языческая душа нашла себе прибежище в широком спектре далёких от христианского смирения философских учений, научных теорий, школ нетрадиционной медицины, восточных систем духовно-физического совершенствования и т.д., ориентированных на изучение возможностей человеческого организма и его связей с природой и космосом.

Из-за исконно присущего языческому мироощущению мировоззренческого дуализма в этом ярком духовном всплеске сразу же обозначились чёрные языки колдовства, магии, оккультизма и тому подобных вещей. Но отвергнуть из-за них всё это направление было бы большой и непоправимой ошибкой. В поле новой культуры, пронизанном светлыми лучами православной духовности, обещает развернуться свободная, творческая борьба с этими исконными слугами демонических сил. И, уж конечно, эта культура, будучи шире Церкви, бережно сохраняла бы Церковь, как драгоценный сосуд, в котором содержатся некоторые незыблемые религиозные и духовно-нравственные истины, не подлежащие забвению ни при каких социальных играх.

Что несёт нашей Церкви американизм, давно поняли те, кто понастоящему ценит её. Словно по мановению маршальского жезла, вместе с пепси-колой, жевательной резинкой и киноплеветиной хлынули вдруг в Россию улыбающиеся, белозубые проповедники всех

разновидностей протестантизма. Наверное, многие из них — честные и искренние люди, но служат они Стэббину, а не Иисусу, пытаются увести русских от православия, не зная толком русской истории, не имея ни малейшего представления о миссии России.

Православный человек с его нравственным консерватизмом «новому порядку» не нужен — это ясно. Не нужен ему и одухотворяющий природу язычник, душой и телом привязанный к родной стороне, неспособный расхищать и распродавать её богатства. Православно-языческая культура должна быть задушена в самом зародыше, чтобы русские даже не догадывались, что она возможна. Бессердечная, прагматичная технократия и поставленная на колени безропотная Церковь — вот что нужно иметь «новому мировому порядку» в нашей стране!

Есть ли у нас шансы освободиться от гипноза этой идеологии и понять, что демонические силы с помощью своих человекоорудий пытаются сейчас увести наш народ далеко от пути, который задуман для него Провиденциальными силами и пока ещё открыт?

Безусловно, есть! Православие считает отчаяние одним из самых тяжких грехов, поскольку оно происходит от неверия в премудрость Божию. В сколь бы тяжёлое положение ни попадал человек, он сможет из него выбраться, если возымеет огромное желание и обратится к Богу. Так учит нас Церковь, и «Роза Мира» полностью подтверждает этот оптимистический императив указанием на постоянный интерес Провиденциальных сил к человеческим делам (РМ, 274).

Конечно, это всего лишь пока упование, которое может показаться наивным и утопичным по сравнению со зримой работой реальных политических сил современного мира. Миллионы людей, уставших от хаоса, хотят верить в их мудрость, в благие намерения. И в самом деле, почему бы и нам не поверить, что это демон американского великодержавия призван выполнить великую миссию объединения народов на светлых началах, с которой не справилась самодержавная Россия? Может быть, блистательная Америка, освободившая мир от коммунизма, действительно ведёт род человеческий к благоденствию и процветанию — чуть ли не к Царству Божию на земле, как считают ревностные поклонники американской демократии? Через тернии, так сказать, к звёздам...

Вопрос слишком принципиален для современной России, чтобы можно было пренебречь им...

Глава 3

«РОЗА МИРА» ОБ УГРОЗЕ ВСЕМИРНОЙ САТАНОКРАТИИ

«Великий демонический план»

Уже говорилось, но не помешает сказать ещё раз, что Провиденциальная природа метаисторических озарений Андреева доказывается, прежде всего, тем, что на их основе ему удалось выстроить в единый смысловой ряд прошлое, настоящее и будущее человечества, показав, тем самым, что мировая история, то есть история человека как вида, всё-таки, существует. Она имеет начало и должна иметь конец. Это огромный, протяжённый во времени *цикл*, завершающийся переходом человечества в качественно иные формы существования, а не бессмысленная игра природных сил, как думают некоторые учёные и философы.

Никакая самая гениальная человеческая голова не способна самостоятельно подняться до столь высокого уровня обобщений. Человеческая история как единое целое открыта только бессмертным благим существам, пребывающим в иных мирах вне исторического

времени. Пройденный нами путь и тот, наилучший из всех возможных путей, который нам следовало бы выбрать, открыт для них приблизительно так же, как для нас путь бегущего по земле муравья. Сравнение, возможно, грубоватое, но в общем верное. Вот он, муравей — суетливый, озабоченный, бежит, мечась из стороны в сторону, к дразнящей его обоняние жирной личинке. Бежит наугад, вслепую, петляя и проваливаясь в ямки и преодолевая препятствия. Наблюдающий за ним видит цель, к которой он стремится. Он хочет помочь муравью, бегущему в данный момент в противоположном направлении, и он ставит на его пути преграду. Способна ли муравьиная голова понять, что преграда появилась не случайно, а в результате вмешательства «свыше»?

Муравью, конечно, этого не понять, но человеку такого рода «случайности» понимать необходимо. Провиденциальным силам законами творения запрещено ставить человеку физический заслон на ложных путях, потому что человек — это всё-таки не муравей, а высшее, наделённое разумом и свободной волей существо. Но они имеют возможность через отдельных, специально для этого предназначенных ими людей предупреждать народы о грозящих им опасностях и подсказывать, каким образом можно их избежать. Последнее — самое главное, ибо если будущее предопределено, то сам дар пророчества превращается в злую насмешку над человеком, а это несовместимо с милосердием и благостью Божией.

«Роза Мира» открывает нам универсальный принцип развития, включающий исторический детерминизм. Суть его в том, что у человечества (народа, племени, отдельной личности) в переломный момент его судьбы всегда имеется выбор из двух и только из двух возможных вариантов — светлого и тёмного, что не исключает, разумеется, множественности путей в обоих вариантах. Да, история есть проявление творчества и борьбы противоборствующих мистических сил, но существенным фактором развития является также человеческая воля, совершающая тот или иной выбор. Вот что говорит по этому поводу Андреев:

«Таким образом, выбор человека предопределяется тремя рядами сил. Силами Провиденциальными, пользующимися в своих целях законами природы и истории, как орудиями, и постепенно их просветляющими; силами демоническими, пользующимися теми же самыми законами и всё более их отягчающими; и волей нашей собственной монады, подаваемой в круг нашего сознания голосами сердца и разума с помощью Провиденциальных сил» (РМ, 49).

И: «Во всей своей определённости и во всей своей полноте Грядущее ведомо только Всеведущему. Перед нами же оно предстаёт как непрерывно ветвящаяся цепь дилемм. Каждое звено этой цепи двойственно: оно составляет пару взаимоисключающих возможностей. Мы никогда не смеем сказать с абсолютной уверенностью: при наступлении такого-то звена человечеством будет сделан выбор именно этой, а не другой возможности. Я не могу сказать, например: Роза Мира придёт к власти тогда-то и тогда-то; я даже не могу сказать, придёт ли она к власти вообще. Но если в момент наступления определённого исторического звена, определённой пары возможностей, человечеством будет сделан выбор в сторону призвания Розы Мира к власти, то с железной логичностью перед ним вскоре предстанет необходимость выбора одной из двух следующих возможностей. И если будет сделан выбор в такую-то сторону, вскоре возникнут очертания новой, третьей пары; если же в другую — следующая пара возможностей возникнет перед ним тоже, но она будет иной. Чем зорче метаисторическое зрение, тем дальше в туманах будущего различает оно эту цепь ветвящихся дилемм» (РМ, 238).

Когда некоторые оккультисты утверждают, что вся биологическая эволюция, включая её историческую фазу, жёстко, до атома, запрограммирована, они это лишь утверждают, но никогда не смогут этого доказать. Их гипнотизирует длинный ряд уже свершившихся событий, похожий на извергнутую вулканом застывшую лаву. Однако они не могут объяснить, почему образовался именно этот ряд, а не какой-нибудь другой. Тут мы имеем дело с определённым психологическим настроем, незаконно выдаваемым за знание, а именно — с настроем пессимистическим. Но кто кровно заинтересован в том, чтобы человечество прониклось пессимистической философией детерминизма? Очевидно, демонические сущности. Ведь детерминизм порождает состояние тупой покорности перед судьбой, а покорного человека очень легко вести путём тёмных выборов.

«Человеческая воля» как движущая сила исторических процессов не есть только лишь воля отдельных выдающихся личностей (пассионариев, по определению Л. Гумилёва). Тут скрывается одна из тайн человека. «Человеческая воля», как некое сверхличное свойство, имеющее свою природу в Боге и способное в критические моменты истории на уровне «коллективного бессознательного» совершать

правильный выбор, по-видимому, всё-таки существует. Это о нём говорит старая русская пословица: «Глас народа — глас Божий». Но современные технологии управления «коллективным бессознательным» с помощью средств массовой информации позволяют совершать искусные подмены, и тогда глас народа выражает не Божью волю, а волю эгоистичного меньшинства. «Роза Мира», разоблачая демоническую природу всякого насилия над человеческой душой, заставляет по-новому взглянуть на нынешний ход событий в мире и обнаружить в нём угрозу опасной подмены.

Апостолы философии прогресса уже давно говорят о неизбежности объединения всех государств мира в некоторую систему, управляемую из единого центра. Иначе, справедливо считают они, человечество не справится с глобальными проблемами эпохи — угрозой мировой войны, экологическими проблемами, демографическими и другими, не менее серьёзными. Прогноз этот к концу XX века как будто начинает сбываться. Под давлением названных факторов в мире уже происходят широкомасштабные процессы экономической, финансовой, военной интеграции политически родственных государств, а в мировое рыночное хозяйство вовлекаются и страны, традиционно считавшиеся политическими противниками. В близкой уже перспективе, считают философы-глобалисты, вполне вероятно образование спасительного всемирного объединения, которое устранит опасность цивилизационной катастрофы. Философы подразумевают, таким образом, только один, *объективно светлый* вариант объединения. Вывод вполне закономерный для умов, не ведающих о существовании inferнальных сил, которые преследуют свои тёмные цели в отношении народов земли и могут *провоцировать* их на объединение. Всемирное объединение — центральная тема и «Розы Мира», но раскрывается она здесь на качественно ином уровне. С точки зрения метаисторика, существуют, оказывается, два глубоко разных варианта одной идеи — демонический и Провиденциальный. Эсхатология «Розы Мира» — плоть от плоти христианская. Мировое зло не может быть уничтожено одними только социальными преобразованиями, распространением знаний и культуры, религиозной проповедью и т.д., даже если ради этого объединятся все страны. Окончательное и полное освобождение мира от зла, подтверждает Андреев евангельское откровение, будет совершено только во Второе Пришествие Христа. Но всемирное объединение всё же необходимо для

того, чтобы не позволить демоническим силам превратить землю в один из филиалов ада и погубить множество человеческих душ...

Мы видим, как в XX веке шаг за шагом создаются объективные предпосылки для того, чтобы всемирное объединение стало практически неизбежным. Это ставит человечество перед выбором одного из двух вариантов объединения. Таинственная «человеческая воля», суммируемая из воли политических лидеров народов, воли творческой элиты, способной влиять на массовое сознание, из воли, составляющих само массовое сознание, может принять демоническую подмену и встать на путь, ведущий к всемирному царству Антихриста. Но она может отвергнуть её и попытаться создать достаточно нравственный союз суверенных народов, способный оказать серьёзное сопротивление силам мирового зла.

Противостояние духовно-разрушительной деятельности демонических начал в обществах — вот единственно надёжный фундамент, на котором могло бы воздвигнуться объединение всех светлых, социально-активных сил нашей планеты.

Послушаем, что говорит Даниил Андреев об идее всемирного объединения:

«...объединение человечества есть цель, вернее, необходимый этап на пути к конечной цели (сатанократии — *ОЛ*) не только для демонических начал. Объединение человечества — этап в достижении конечной цели также и для начал Провиденциальных. Ибо, пока объединение не достигнуто, человечество будет терзаться войнами и революциями — войнами всё более разрушительными; наступит день, когда их разрушительность превратится в угрозу для всей органической жизни на поверхности земли. *Вне всеобщего объединения, политического и социального, нет способов к предотвращению этой угрозы*» (РМ, 211).

«Если же теперь будет сделан выбор в сторону мира — шансов на это, к сожалению, немного, — Роза Мира получит возможность проявиться во всей полноте, но — ещё только возможность. Само её возникновение окружится совершенно иною атмосферой: она появится в условиях демократического уклада многих стран, постепенно распространяясь везде и вовлекая в свои ряды лучших представителей человечества. Тогда предстанет следующая дилемма: это будет возникшая перед людьми необходимость выбора между объединением земли под этическим руководством Розы Мира либо объединение на

какой-то иной основе, может быть, на основе космополитической концепции Америки, во всяком случае, на основе менее духовной, безрелигиозной, морально ущербной» (РМ, 239).

Демоническим силам, конечно, ненавистен светлый вариант объединения, ибо их цель — создать на земле обильный и постоянный источник гавваха (излучений страданий и боли). Весь жуткий смысл царства Антихриста состоит в максимальном духовном разрушении человека, — чтобы миллиарды людей, полностью утративших образ и подобие Божие, жили бы не по звериным даже, а по сатанинским законам, мучили друг друга здесь, на земле, а потом по закону нравственного возмездия попадали за это в ад и мучились ещё и в аду. Дьявол, конечно, хотел бы сделать царство Антихриста вечным. Именно из опасений, что будет уничтожена биосфера, а с ней и человечество, сообщает Андреев, «великий демонический разум» вынужден был отказаться от стратегии, которая едва не привела к ядерной войне, и перешёл к осуществлению стратегии всемирного объединения под эгидой Стэбинга — демона американского великодержавия.

Совершенно противоположные цели преследует объединение под эгидой Розы Мира — высшей этической инстанции планеты, безоговорочно признаваемой всеми государствами, имеющей, надо понимать, не только моральный, но и политический авторитет. Андреев так определяет эти цели:

«Уменьшение жертв тёмного стана — вот основная из её задач. Эта задача — создание в человечестве такого духовного климата, при котором просветление души переживут не сотни и тысячи, как теперь, а миллионы. Эта задача — отвращение от миллионов, даже, может быть, миллиардов человеческих душ, опасности их порабощения грядущим антихристом, то есть от губительного ущерба их существа и вступления их после смерти на длинную дорогу искупительных страданий» (РМ, 239).

То, о чём говорит здесь Андреев, — проблема не только религиозная, нынешними правителями создаваемая плохо, как бы находящаяся вне их компетенции. Это в не меньшей степени и проблема политическая, без решения которой усилия честных политиков сделать жизнь людей достойнее неизбежно потерпят провал. Социальный опыт уходящего столетия с предельной ясностью показал, что в условиях всевозможных свобод — экономических, политических, религиозных, социальных, — прежде всего, активизируются демонические

силы, умеющие обходить любые законы. Их человекоуничтожительная деятельность становится столь всепроникающе-масштабной, многообразно-изошрённой, искусительно-хитрой, что мировые религии, сами от них страдающие, между собою конфликтующие, способны духовно облагородить, действительно, лишь малую часть человечества. Их проигрыш в будущем почти неизбежен, если демоническим началам не противопоставить мощную международную организацию наподобие той, которую Андреев называет Розой Мира.

Сказанного, думается, достаточно, чтобы уразуметь, что в условиях неостановимого уже потока мировых событий (неостановимого, подчеркнём, в силу его метаисторической природы) отказ светлых сил планеты от идеи всемирного объединения или всемирной консолидации народов будет означать их капитуляцию перед демоническим станом, который тогда уже, без всяких помех, совершит объединение с помощью какой-либо из идеологий, претендующих на мировое господство.

В нашу глубоко противоречивую, парадоксальную эпоху религиозный фундаментализм и национализм утрачивают свою вековую функцию защиты самобытных культур от разрушения и косвенно помогают демоническим началам в достижении поставленной ими цели. Как свидетельствует Андреев, духовная основа любого национализма, даже умеренного — демоническая. Того же, надо думать, происхождения и непримиримый дух всякого фундаментализма. XX век показал, что вдохновляемые ими политические движения очень быстро обнаруживают демоническую окраску — приводят к вспышкам насилия, росту преступности, жестоким межэтническим войнам. Разбушевавшиеся сейчас на планете фундаменталисты, националисты, сепаратисты всех разновидностей только создают видимость «национального пробуждения», за которым чаще всего скрываются чьи-то вполне прозаические, корыстные интересы. В слепой ярости своей они вполне способны помешать объединению на светлых началах, но бессильны остановить дьявольскую мясорубку, которая рано или поздно всё равно перекрутит в фарш живые пока ещё тела национальных культур. Потому что её приводит в действие воля несравненно более мощной демонической сущности — «великого демонического разума».

Итак, вместо того, чтобы запираяться в своих национальных квартирах и обрушивать бессильный гнев на идею всемирного объединения, как якобы изначально порочную, не лучше ли внимательно исследовать её и освободить от демонических искажений?

Один из пунктов философии прогресса гласит, что некие объективные исторические законы ведут к постепенному размыванию границ между нациями и расами и появлению в будущем человечества единой расы. Тогда-то только и может наступить Золотой век. Эта идея в той или иной форме присутствует во всех универсалистских системах XIX–XX веков — марксизме, теософии, антропософии, «философии воскрешения», агни-йоге, «христианском эволюционизме» Тейяра де Шардена. Она бессчётное число раз воплощалась в научно-фантастических утопиях, её обсуждают футурологи, антропологи, социологи, занимающиеся глобальными проблемами технологической цивилизации. Её влияние определённо ощущается и в «Розе Мира», в главе «Воспитание человека облагороженного образа» 12-й книги. Думается, мы не допустим большой ошибки, расценив изображённые в ней красочные картины как мечту художника, жившего во времена, когда идеал синтетической культуры будущего мог привлекать даже людей, отвергавших марксистскую доктрину. Если же смотреть на вещи трезво, то придётся признать, что этот идеал не имеет опоры ни в законах природы, ни в человеческой психологии, ни в народной жизни. XX век показал, что всё придуманное до сих пор в этом направлении, начиная с эсперанто, страдает духовной и эстетической безвкусицей и не идёт ни в какое сравнение с национальным творчеством.

Но всемирное братство вполне можно представить и без всемирного смешения. На эту мысль наводит сама природа. Природа есть величайшее разнообразие животных и растительных видов, не имеющих намерения ни сливаться, ни разобщаться. Это, как уже говорилось ранее, системная целостность, существующая за счёт двух полярных принципов: борьбы и сотрудничества. Тот же системный принцип мы наблюдаем в мировой истории и упразднить его — свыше человеческих сил. Народы воевали друг с другом, но и торговали, стремились сохранять свои обычаи и свою веру, но и подвергались культурным влияниям других народов, сохраняли расовую и национальную чистоту, но и нарушали её (часто ко благу нации) через смешанные браки. И культурный изоляционизм, и вавилонское смешение языков — суть губительные крайности.

...Материальные предпосылки для будущего всемирного объединения впервые в истории стали появляться в христианской Европе в эпоху становления капиталистических отношений, когда начался

прогрессирующий рост промышленного производства, транспорта, средств связи, началось формирование кредитной системы и всего самодовлеющего, не знающего национальных границ мира финансов. Это был ключевой момент европейской и мировой истории. Игорь Шафаревич придаёт этому моменту исключительное значение для судеб мира, ибо он означал переход европейского, христианского человечества с многотысячелетнего органического пути развития на искусственный, технологический.

Органический путь основывался на удовлетворении так называемых *естественных* потребностей, свойственных всем биосферным культурам. Это некий ограниченный круг потребностей, при котором существует относительная гармония в отношениях между этносом и вмещающим его ландшафтом. Он, конечно, менялся в процессе развития и роста культуры, но достаточно медленно, не травмируя и не разрушая её, не принося существенного вреда и ландшафту.

В основу второго пути легли представления, наиболее концентрированно выраженные в философии прогресса. Согласно этим представлениям, человеку якобы изначально присуще стремление к неограниченному увеличению материальных потребностей, расширению власти над природой. Сначала промышленная революция, а потом и научно-техническая, несравненно более мощная, масштабная, в корне меняющая человеческую психологию, как раз и были призваны утвердить новую идеологию. Были призваны кем или чем? Законами природы? Отнюдь, нет. Тезис о неограниченности роста человеческих потребностей противоречит биологическим законам. Основным и наиболее загадочным свойством всего живого, отмечает Шафаревич, является знание им своей формы, способность к самоограничению. Такая способность наличествует у любой биосферной культуры, позволяя ей существовать как живому организму. По этой причине молодой капиталистической формации пришлось ломать стереотипы массового сознания, коренным образом изменяя традиционное, выработанное христианством понимание смысла труда. Христос да и другие великие учителя человечества никогда не призывали к обогащению. Христос учил: будьте, как лилии полевые, как птицы небесные, не заботьтесь о том, что вам завтра пить и есть. Христос учил *самоограничению* через обращение к высшим, духовным ценностям.

Европейский капитализм начался с нарушения этой важной заповеди. Он *искусственно* выращивал определённый человеческий

тип — ненасытного в своих материальных стяжаниях накопителя, сребролюбца.¹ Выбор человечеством антибиосферного, технологического пути, сулившего многократное увеличение материальных благ, был определён субъективными, а не объективными причинами — таинственными процессами в человеческих душах, а не законами природы. Об этом косвенно свидетельствует исторический опыт народов Востока и Азии, где подобный выбор не был сделан. Народы этих частей света продолжали следовать органическим, биосферным путём развития, основанном на принципе самоограничения. Ограничительная доминанта в сознании восточных и азиатских народов создавалась нехристианскими религиями — буддизмом, индуизмом, ламаизмом, исламом, различными языческими, например, шаманизмом.

Самобытный путь этих народов был насильственно нарушен европейской капиталистической цивилизацией, началом экспансии которой следует, очевидно, считать колониальные войны в Африке и Индии. Самоуверенные завоеватели были убеждены в своём высоком культурном превосходстве над «туземцами». Им и в голову не могло прийти, что в XX веке их потомки с удивлением откроют для себя огромный клад восточной мудрости, глубочайшие знания о человеке и Вселенной, добытые именно на органическом пути...

Потребовалось, однако, немало времени, прежде чем железные дрожжи прогресса разбередили «нецивилизованный мир». Самый мощный эффект они произвели в самодержавной, православной России, вызвав к жизни невиданную в истории социальную систему.

В самом широком понимании органический путь развития — это путь медленных изменений жизненного уклада народа, не травмирующих его культурное сознание. Это такой же естественный, безбо-

¹ Иллюстрируя этот тезис, Шафаревич обращается к известной монографии Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», в которой приводится поучительная история из эпохи становления капитализма в Германии. Желая стимулировать жнецов на повышение производительности труда, некий помещик увеличил им плату за морген (единица меры) убранный пшеницы. Он надеялся возбудить у них дух наживы, но получил прямо противоположный результат. Жнецы немедленно снизили выработку, предпочитая меньше работать и получать прежнюю сумму заработка, которой им вполне хватало для удовлетворения привычных потребностей... Прошло, однако, время, и эта «реакционная» привычка была повсеместно сломлена. А в России осталась несломленной — одна из причин, по которой народ ещё до революции не принимал капиталистический путь развития, а в 1917 году клюнул на большевистские лозунги.

лезненный процесс, как рост живого организма. Органический путь развития с необходимостью требует, чтобы человеческое сознание было открыто высшим мирам, так как именно оттуда осуществляется управление культурами. Конечно, в сферу сознания человека культуры проникают и влияния из демонических миров, но смысл органического развития как раз в том и состоит, чтобы постепенно преодолеть их, возвышая и просветляя культуру.

Приходится признать, однако, что реальная жизнь культур была всегда достаточно далека от этой идеальной схемы. Многие из них демонизировались, превращались в культурные изоляты или гибли от нашествий. Но даже там, где наблюдались процессы поступательного развития, они всегда прерывались фазой *цивилизации*, разрушавшей культуру. Освальд Шпенглер называет культуры «живыми существами высшего порядка», а цивилизацию — концом культуры, который следует за ней, «как смерть за жизнью, как неподвижность за развитием, как умственная старость и окаменевший город за задушевным детством».

Технологическая цивилизация, поскольку своим становлением она обязана материалистическому миропониманию, отметила себя разрывом связей с высшими мирами, что имело своим прямым следствием активизацию демонических начал планетарного космоса и усиление их воздействия на «технологического», «капиталистического» человека. Это сказалось на его отношении к природе, принявшем потребительский характер, и сосредоточило его интересы преимущественно на физическом мире. За короткое время своего существования человек технологической цивилизации показал, что плохо знает природу и самого себя. Поэтому он усиливает свои познавательные способности и удовлетворяет постоянно растущие материальные потребности за счёт искусственных прибавлений к Творению — инструментов и машин. Нет слов, изобретение машин — большой комплимент человеческому уму, но на путях органического развития можно было бы на девяносто или более процентов отказаться от услуг этих, в большинстве своём враждебных и ненужных биосфере, созданий, развращающих, к тому же, и самого человека.¹

¹ Вместо того, например, чтобы производить большое количество сельхозмашин для обработки огромных площадей, можно создавать высокоурожайные сорта растений, вместо интенсивной мелиорации, разрушающей структуру почвы, создавать засухоустойчивые сорта и т.д. В этом направлении давно уже работает современная научная мысль.

Что же заставило европейское человечество пойти по технологическому пути развития — навстречу мировым войнам и экологическим катастрофам? Если Бог не создал машину в системе природы ещё до человека, значит, она природе не нужна. Машина есть творение несравненно более низкого порядка, протез по сравнению с живым органом. Не мог же Бог наделить человека творческими способностями, чтобы тот с помощью машины восстал против природы?

Иногда приходится слышать, что в этом восстании повинно христианство, отвергшее духов природы как языческое суеверие. Утвердив единобожие, оно десакрализовало природу и тем самым дало онтологическое обоснование для морали, рассматривающей её как объект покорения. Условие, согласимся, необходимое, но далеко недостаточное. Чтобы явилась мысль эксплуатировать природу, нужно было действительно отказаться от язычества, но чтобы потерять в этом занятии всякое чувство меры, нужно было очень далеко уйти и от Христа.

Нам остаётся выдвинуть предположение, что в процесс развития европейских христианских культур на некотором его этапе вмешался некий отрицательный духовный импульс, подавивший доминанту самоограничения, ярко выраженную в Евангелии и в учении апостольской Церкви. Ведь «с точки зрения» биосферы, технологическая цивилизация есть явление, безусловно, разрушительное, подобное раковой опухоли. Она воспринимается научным сознанием как естественное продолжение биологической эволюции по великому недоразумению — ввиду её масштабности в пространстве и времени. Но что такое два-три века на эволюционной шкале, начинающейся миллионы миллионов лет назад? Исчезающе малое мгновение и только! За всю историю биосферы *патологические* процессы такого рода не происходили никогда — во всяком случае, до появления в ней разумных существ. Как уже замечалось выше, протезы природе не нужны, изобретены не ею и воспринимаются ею как инородное тело. В наше время уже не нужно быть философом, чтобы понимать это.

Порочность и противоестественность технологического пути для мировоззрения «Розы Мира» самоочевидны. Андреев даёт ему следующую характеристику:

«С начала XVII века преобладание тенденции ко второму пути и стремительное угасание потенциалов первого пути становятся уже предельно ясными. Второй путь развития характеризуется несколь-

кими особенностями. Во-первых, резко и полностью разрывается связь между наукой, то есть познанием окружающего мира, и какой-либо духовностью. Духовность окончательно отбрасывается в область богословия, культа, мистической философии и искусства, то есть в ту область, на которую наука не обращает ни малейшего внимания, лишь гораздо позднее начиная изучать её со своих же научных позиций. Во-вторых, методика познания сужается до скрупулёзной эмпирики и чисто рассудочных обобщений эмпирически добытого материала. В-третьих, научная деятельность как таковая полностью эмансипируется от каких бы то ни было связей с практической этикой: корыстность или бескорыстность мотивов, порочность или добродетельность учёного не имеют больше никакого отношения к плодотворности его занятий. Конечно, кармические последствия дурно направленной научной или технической деятельности, например, военного изобретательства, приходится пожинать каждому в его посмертии; но эти следствия находятся далеко вне круга его сознания при жизни. И, в-четвёртых, наука в принципе делается открытой для всякого, обладающего упорством и прилежанием. Окончательный разрыв между духовным и интеллектуальным рядами становится незыблемой реальностью» (РМ, 211).

Метаморфоза, постепенно произошедшая с благочестивой наукой Ренессанса, породила соответствующий тип учёного, для которого, по выражению тургеневского героя, «природа не храм, а мастерская». Его появление было болезненно встречено христианским нравственным сознанием в Европе, не замедлившем подвергнуть его публичному бичеванию.¹

Самое скверное состоит в том, что люди, непосредственно создающие машинную цивилизацию, духовно тяжело травмируются и поэтому неспособны понять её мистическую, иррациональную природу.

¹ Вот, например, красочно-язвительное его описание, сделанное Э.А.Гофманом в фантастической повести «Крошка Цахес»:

«Перестань, — воскликнул Балтазар, — прошу тебя, перестань! Манера этого профессора говорить о природе разрывает мне душу... вернее, речи его наводят на меня такой ужас, словно передо мной сумасшедший, который в своём фатовском безумии вообразил себя королём-властелином... Его так называемые эксперименты кажутся мне гнусной насмешкой над божественным, ощущаемое нами в природе будит самые глубокие и самые священные порывы в глубинах нашей души. Меня часто так и подмывает разбить его склянки и колбы, раскидать все его причиндалы, но я понимаю, что эта обезьяна всё равно не перестанет играть с огнём, пока не обожжёт себе лапы...»

В большинстве своём это промозглые прагматики, ставшие такими из-за постоянного общения с техникой. Читайте, господа технократы:

«От других явлений духовного и интеллектуального ряда, даже от чистой науки, в значительной степени подвижной чувством жажды познания, техника отличается одним: она не может не быть насквозь утилитарной. Психика людей, повседневно работающих в технике, над техникой, с техникой, приучается ко всему на свете подходить с критерием практической полезности. Если человек не сумеет сам заметить эту опасность, если он не отгородит глухой стеной ту сферу своей жизни и деятельности, где властвует техника, от остальных сфер своей жизни и души, он превращается в духовного калеку, духовного импотента, духовного скопца. Нет лучшего способа угасить в себе проблески чего бы то ни было духовного; нет более верного пути к выхолащиванию психики от понимания искусства, от любви к природе, от тяготения к религии, от тоски по мировой гармонии, от жажды любви» (РМ, 211).

А вот и ответ на наш вопрос о том, какая сила повернула христианскую Европу на технологический путь:

«Тот, кто оборвал жизнь Христа в самом её начале, продолжал свою глубоко целеустремлённую, сатанински разумную деятельность и в дальнейшем. И, уж конечно, он приложил немало сил к тому, чтобы глушить все побеги духовности и способствовать бурному росту научной и технической мысли. Не требует объяснений, зачем именно ему нужно было первое, во втором же нуждался потому, что без высочайших достижений техники не было бы мыслимо объединение человечества в монолит, а без этого объединения невозможно установление всемирной тирании — единственной тирании, заслуживающей наименование абсолютной» (РМ, 211).

...Голова кружится и темнеет в глазах от такой высоты. Выходит, вся наша громокипящая технологическая цивилизация с её авиалайнерами и космическими ракетами, мегаполисами, водородными бомбами, роскошными курортами, автомобильными гонками, всемирной компьютерной сетью, Хиросимой и Чернобылем, международным терроризмом и прочим фантастическим винегретом получила первичный толчок от «умного духа», искушавшего Христа в пустыне.

Путей, оказывается, было два, но мы, христиане, выбрали худший. Говоря о том, что объединение человечества является целью не только для демонических, но и Провиденциальных сил, Андреев

объясняет метаисторические причины, по которым ими был поддержан технологический выбор:

«И поскольку человечеством уже давно, хотя и неосознанно, сделан выбор научно-технического пути развития, поскольку невозможно в короткий срок изменить соответствующим образом общее умонастроение в сторону пути духовного, постольку Провиденциальные силы принуждены, со своей стороны, форсировать движение человечества по научно-техническому пути. Такова метаисторическая диалектика. Силы Света озабочены только тем, чтобы направить научную мысль, поскольку это зависит от них, по таким дорогам, которые меньше других грозят гибельными для людей открытиями и изобретениями. Сознание и воля учёных — такое же поприще битв Света и мрака, как и всё в Шаданакаре. И в то время, как одухотворённый разум Эйнштейна, Планка, Кюри, совершавших подвиги своих грандиозных открытий, просвещался и озарялся инспирацией даймонов, разум изобретателей шестиствольных миномётов, термоядерных бомб, аппаратов подслушивания и межконтинентальных ракет направлялся в своих усилиях невидимыми слугами нашего вечного Врага» (РМ, 211).

Теперь, наконец, наступила некоторая ясность. Сами по себе «объективные законы», якобы породившие технологическую цивилизацию, приведут её, в итоге, только к сатанократии, поскольку являются, в данном случае, псевдонимом «Великого демонического разума», который, как утверждает Андреев, зорко следит за действиями людей и очень искусно, незаметно их направляет.

Но не оставлен род людской и Силами Света. Им всё-таки удалось к концу XX века посеять во многих и многих умах сомнение в том, что ещё в начале века казалось несомненным, — в объективной неизбежности и безальтернативности технологического пути. Всё больше людей в наше время приходит к пониманию его гибельности и проявляет интерес к учениям и религиям, призывающим к самоограничению, к гармоническим отношениям с природой.

Чтобы окончательно изменить общее умонастроение в пользу духовного пути, необходимо создать в массах людей убеждение, что «великий демонический план», или тот источник отрицательных корректирующих воздействий из низших миров, который разумеется под этим определением, действительно существует. Следует признать, что это задача огромной трудности. Под влиянием эзотерической

литературы и экстравагантных научных гипотез многие люди уже допускают всерьёз бытие «параллельных миров». Но чтобы эти миры до такой степени могли управлять событиями на земле, как о том свидетельствует Андреев, люди поверить пока не могут. «Где конкретные факты, неопровержимые свидетельства? — спросят они. — Какие события или явления мировой истории можно удовлетворительно истолковать только в рамках этой гипотезы?»

Ответим на поставленный вопрос так. Неопровержимо доказать существование «Великого демонического плана» в отношении человечества, конечно, невозможно. Нет такого манускрипта, заверенного в адской канцелярии, в котором были бы записаны все тёмные события истории, которым надлежит свершиться. Но есть нечто весьма похожее. Есть пророчества о будущем христианского человечества, появившиеся после Христа, когда по свидетельству Андреева, Гагтунгр и подвластные ему полчища демонов прилагали громадные усилия к тому, чтобы свернуть христианские народы со светлого пути.

Задержим внимание на двух ярких личностях христианской истории — Иоанне Богослове и Мишеле Нострадамусе. Первый век после Рождества Христова и век шестнадцатый...

Андреев contra Нострадамус

Авторитет «Апокалипсиса» не нуждается в наше время в защите даже среди нехристиан. В глазах миллионов людей, не утративших разума сердца, его окончательно утвердил Чернобыль — «звезда полынь», вспыхнувшая на Украине в 1986 году. «Имя сей звезде “полынь”, и третья часть вод сделалась полынью, и многие люди умерли от вод, потому что они стали горьки» (Откр. 8–11).

Можно ли считать случайным, что откровение о конечной судьбе всего человечества было вручено апостолу Христа, если учесть, что именно христианство в своём героическом и опасном противостоянии Врагу рода человеческого постепенно стало доминирующим фактором мировой истории, вовлекло в однонаправленный поток событий все остальные народы земли? «Апокалипсис», повествующий о метаморфозе, которая должна произойти с христианской цивилизацией, теряет всякий смысл в отношении противоположно-

го духовного полюса человечества, сформированного религиями Востока. Если бы доминирующим стал органический путь развития, которым тысячелетия шёл Восток, то судьба человечества была бы совсем иной. Он, разумеется, тоже проходил бы под искажающим воздействием демонических сил, но к технотронному апокалипсису определённно не привёл бы.

Иоанн Богослов пророчествует не о судьбе «человечества вообще», а о судьбе христианского человечества, ступившего в силу уже известных нам метаисторических причин на технологический путь развития и вовлёкшего в него другие народы земли. Напрашивается жутковатый вывод, что конец света, сопровождающийся страданиями и гибелью миллионов людей, запрограммирован или, мягче сказать, задуман как обязательный финал мировой истории уже при рождении христианства. Но кто же его задумал? Не Бог же! Подобное допущение и кощунственно, и абсурдно. Кощунственно, потому что превращает Бога в ремесленника, неспособного совершить преобразование мира без массовых человеческих жертвоприношений, а историю — в злую насмешку над запрограммированным существом, воображающим себя свободным. Абсурдно, потому что не мог всемогущий Бог сотворить существо одновременно и свободное, и запрограммированное.

А нельзя ли предположить, что изображённый в «Апокалипсисе» мрачный вариант будущего, *чреватый* концом света, замыслил тёмный метафизический интеллект, и толковать «Апокалипсис» как *предупреждение* о несчастьях, ожидающих человечество на избранном пути, посланное через Иоанна высшими силами? Наблюдаемое сейчас осуществление апокалиптических пророчеств может означать тогда не скорое и неизбежное наступление конца света, но только то, что, что человечество идёт неверным путём, который ещё можно изменить. Мы имеем право считать, что Откровение было дано Иоанну именно потому, что Гагтунгру удалось прервать миссию Христа, низведение Неба на землю в Его первый приход не состоялось, и человечеству предстоял тяжкий, полный страданий и опасностей исторический путь. Само существование «Апокалипсиса» и обетование Второго Пришествия можно считать свидетельством того, что тайна Голгофы христианскими богословами до конца не разгадана. Тот, кто отправил Спасителя на крест, на этом не остановился. Теперь восхождение на Голгофу совершает всё человечество, понукаемое

демоническими бичами тёмных страстей. В этом всё гениальное коварство и весь смысл «великого демонического плана».

Совершенно иной представляется фигура Мишеля Нострадамуса (1507–1566 гг.). Нострадамус был искренне убеждён в божественной природе своих пророческих вдохновений. Так же думают очень многие люди, читавшие его знаменитые «Центурии». Между тем есть основания считать это распространённое мнение ошибочным.

Все христианские церкви учат, что пророческим даром человека может наделять не только Бог, но и Его противник — дьявол. Этот дар может исходить даже от низших духов. Но в отличие от Бога, избирающего особых, редких людей, тёмные силы разбрасывают пророческий дар, а правильнее сказать, дар прорицания, способность к угадыванию некоторых событий будущего щедро и без разбора. Православная Церковь предостерегает чад своих от обращения к колдунам, ясновидцам, гадалателям, прорицателям, потому что в подавляющем, если не абсолютном большинстве это люди гордынного, греховного склада души, а таковые для Слова Божьего закрыты, но зато открыты для дьявольских внушений. Гордость от сознания своей исключительности, наслаждение духовной властью над простыми смертными закрывают им глаза на подлинную, тёмную природу их способностей. Все они, конечно же, считают себя избранныками Божьими. Люди такого рода в изобилии появляются в катастрофические, переходные эпохи. В наше время их имена мозолят глаза на каждом шагу. Они — герои афиш и рекламных объявлений...

Нострадамус вполне мог быть благочестивым католиком, но что творилось в тайниках его души, не ведомо никому. В какой степени она была поражена гордыней, а стало быть, открыта для демонических инспираций, мы не знаем. Христиане обыкновенно скрывают этот распространённый человеческий порок. Но у нас есть возможность с большой долей вероятности квалифицировать дар Нострадамуса как тёмный на основании некоторых особенностей его личности и его творчества.

Прежде всего, обратим внимание на тот факт, что Нострадамус проповедует в своих сочинениях абсолютно несовместимую с христианством философию рока. Она лежит в основе его «Центурий», заглядывающих на столетия вперёд. Нострадамус уверяет, что сознательно писал свои предсказания в туманной форме и мог бы указать

точные даты и место действия каждого из них. Нострадамус явно не видел этого порока в своей личности, вследствие чего, очевидно, и не знал об указанной выше опасности духовной подмены, угрожающей всякому прорицателю. Так в «воззвании против косных критиков» он гордо заявляет:

Меня поучать не ханжам и профанам,
Клянут меня варвар, глупец, астролог,
У судеб земных исцеляю я раны,
Меня вдохновляет всезнающий Бог.

А в послании королю Генриху, касаясь той же темы, он всего лишь пытается снять с себя обвинения в шарлатанстве, которым считает магию, не допуская при этом ни малейших сомнений в божественности своего дара.

Ещё один, заслуживающий внимания факт. Нострадамус, по признанию исследователей его творчества, был политическим предсказателем, «пророком социальных катастроф». Самые значительные его предсказания касаются крупных событий разрушительного характера (революции, войны, эпидемии, голод и т.п.). Но таковые, по Андрееву, имеют однозначно демоническую природу. Ни Бог, ни Провиденциальные иерархии к ним непричастны. Нострадамус и этого не понимал, и нетрудно догадаться почему. Из его текстов видно, что, будучи христианином, он исповедовал веру в грозного ветхозаветного Бога, выполняющего «по совместительству» функции демона.

Читаем в послании сыну Цезарю: «Знай же, сын мой, что гнев Божий будет значительный срок распространён на земле».

Или в послании королю Генриху: «В этом царстве будут огромные разрушения... и на тех, которые всё же доберутся туда, обрушится месть и гнев Бога».

Пророчество о грядущем великом голоде он подкрепляет цитатами из Ветхого Завета: «Я обличу их беззакония и злодейства и опрокину ударами железной дубины... Я растопчу их, не дав никому пощады».

Спрашивается, мог ли человек, допускавший в Боге черты демона, уметь отличать Провиденциальные вдохновения от демонических внушений? Согласно общехристианскому учению, существует девять харизм (даров) Святого Духа, излитых Им некогда на апостолов. Одним из них является дар различения духов. Сказанное выше уже ставит под сомнение наличие этого дара у Нострадамуса.

Тут, правда, можно сделать предположение, что это всё-таки Бог, не считая нужным предотвратить смертоносные планы дьявола, весьма немилосердно предупредил о них человечество через Нострадамуса. Предположение, как замечалось выше, вполне кощунственное, но есть против него и более конкретные аргументы. Для этого достаточно сравнить пути, по которым получали откровения — с одной стороны, все христианские духовидцы и визионеры (в том числе Андреев), а с другой — Нострадамус. С первыми всё ясно. Они смиренно дожидались благодати, не предпринимая никаких попыток «собственными средствами» вырвать у высших сил их тайны. А что же Нострадамус? Тут о смирении и говорить не приходится. Он занимался астрологией и другими оккультными науками. На него большое влияние оказали прикладная Каббала и книги Талмуда, посвящённые демоническим сущностям — то есть это был дерзновенный, пылливо-деятельный ум, не уместившийся в рамках христианства. Убеждённый, что судьбы народов начертаны в звёздных письменах (положение, повторим, абсолютно антихристианское), он пытался прочесть их с помощью астрологического треножника и той силы, которую считал Богом, и без которой, по его собственному признанию, пророчества не состоялись бы: «Оккультные явления не могут быть выявлены посредством самых совершенных земных понятий, если не услышать идущий из чистилища голос, похожий на пламя, бледное сияние которого и помогает проникнуть в будущее» (послание сыну Цезарю). Из послания Генриху мы узнаём, что его дарование унаследовано им от предков — надо думать, талмудических иудеев, отвергавших Христа. Но любому образованному христианину должно быть известно, что наследственные способности никакого отношения к Дарам Святого Духа иметь не могут. По наследству передаются разве что способности к колдовству, а пророческий дар изливается только на конкретную личность, но никак не на род.

Но что же удалось создать Нострадамусу с помощью астрологических вычислений и таинственного голоса из чистилища?

«Центурии» представляют собой довольно бессистемное собрание неких чисто литературных сюжетов, содержащих иногда конкретные, живые детали, позволявшие восхищённым комментаторам идентифицировать предсказания с теми или иными историческими событиями. Но гораздо больше таких, которые так и не удалось убедительно истолковать. Словно бы для того, чтобы компенсировать

эту слабость «Центурий», Нострадамус в *единичных* случаях делает предсказания, как будто точно адресованные определённому событию в будущем. К числу последних мы отнесём предсказание из послания Генриху, впервые опубликованное на русском языке всего за несколько месяцев до известных событий в августе 1991 года в Москве. Вот текст этого поразительного документа:

«И в октябре вспыхнет великая революция, которую многие сочтут самой грозной из всех, когда-либо существовавших. Жизнь на земле перестанет развиваться свободно и погрузится в великую мглу. А весной и после неё произойдут грандиозные перемены, падения королевств и великие землетрясения; всё это сопряжено с возникновением нового Вавилона, мерзкой проституцией, отвратительной духовной опустошённостью, и это продлится 73 года и 9 месяцев».

Августовский «путч» в Москве, если отсчитывать от 24 октября 1917 года произошёл через 73 года и 9 месяцев! Можно констатировать попадание в «яблочко»¹, однако и великолепная эта удача не избавляет нас от вопроса: кто же всё-таки направлял руку стрелка? Слишком уж мелки подчас другие цели, слишком много промахов.

Суммируя сказанное выше, можно прийти к заключению, что «Центурии» и другие пророчества Нострадамуса есть совсем не то, за что их до сих пор принимали чересчур восторженные его поклонники. В них будущее не предсказывается, а *программируется* в виде множества (около тысячи) загадочных по смыслу сюжетов, словно бы с запасом — с учётом того, что значительная их часть останется неосуществлённой.

Подкрепим наше предположение некоторыми сведениями из христианской литературы. Вот интересное для нас суждение одного протестантского автора:

«Почему предсказания прорицателей часто оказываются неправильными? Во-первых, они ошибаются потому, что в действительности будущее им не известно. Только Бог может точно предсказывать ход событий в будущем. Во-вторых, предсказания, исходящие от злых духов, часто ошибочны, потому что Бог не позволяет им осуществить их намерения и срывает их планы».

¹ С существенной, правда, оговоркой. «Новый Вавилон», «мерзкую проституцию» и «отвратительную духовную опустошённость» бывшие советские граждане понастоящему вкусили как раз после 1991 года, так что Нострадамус, строго говоря, угадал только срок жизни советской системы. Всё равно впечатляет!

Православная Церковь имеет ещё и такую точку зрения. Опасно обращаться к прорицателям и ворожеям, потому что, получив плохое пророчество, человек рискует стать объектом внимания тёмных сил, которые постараются осуществить его, так как заинтересованы в поддержании авторитета своих земных слуг. Последнее указание, впрочем, касается в основном игр мелких бесов. Впечатляющее пророчество Нострадамуса о судьбе коммунистической системы, изложенное в виде абстрагированного от времени и места сюжета, может означать, что он сообщён ему тёмным духом колоссальной мощи, вполне способным осуществить его *при удобном случае*.

Вот, собственно, вопросы, которые можно предъявить феномену Нострадамуса. Почему он появился незадолго до фундаментального выбора, сделанного христианским человечеством в пользу технологического (апокалиптического) пути развития? Кому и с какой целью понадобилось внушать человечеству, что оно — марионетка в руках высших сил? Бог не может противоречить самому себе — дать человеку свободу выбора, а потом внушать ему, что её у него нет. Если бы свобода была иллюзией, как утверждают некоторые философы, то милосердный Бог предпочёл бы скрыть это от человека.

Мы вправе, таким образом, прийти к заключению, что сбывшиеся пророчества Нострадамуса — это успешная попытка «умного духа» скомпрометировать высокую христианскую идею о свободе выбора, данной человеку Богом. Миссия Нострадамуса была, скорее всего, тёмной и состояла в том, чтобы убедить человечество, что оно не способно управлять своим будущим, следуя путём светлых выборов, предлагаемых Провиденциальными силами. Такое зомбированное тёмными пророчествами человечество будет покорно идти туда, куда поведут его демонические силы.

Метаисторическая диалектика свободы и предопределённости

Христианское откровение о свободе и древняя идея рока. Что истинно, а что ложно? Мы переживаем эпоху по преимуществу роковую, поэтому многие современные люди верят в рок. Но бывали в истории времена, когда люди доказывали, что они — свободные существа. Значит, вопрос поставлен неверно, неверна сама альтернатива.

«Роза Мира» сообщает нам нечто новое о диалектике свободы и необходимости. Оказывается, свобода и необходимость не исключают друг друга, а наличествуют одновременно, как два вектора, действующих через человека и имеющих глубоко разную *нравственную* природу. Утверждение, что «человек вообще» есть существо запрограммированное, столь же ошибочно, как и утверждение, что он существо свободное. Потому что «человека вообще» — не существует.

Какой человек, спросим мы каждый раз — религиозный или атеистический, волевой или слабовольный, нравственный или безнравственный, способный к самоконтролю или одержимый страстями?

Свобода и предопределённость совмещаются именно потому, что за ними стоит борьба двух могучих метаисторических начал, а исход её в каждом конкретном историческом сюжете прямо зависит от людей, от их нравственных качеств, характера, воли, состояния сознания. Да, существует великий демонический план, но удаётся он ровно настолько, насколько разрушены человеческие души. Ибо демонической воле противостоит могучая Провиденциальная воля, находящая опору в неразрушенной части человеческой души. С помощью людей она же тормозит или срывает многие опасные замыслы Гатунгра, иначе нынешнее положение дел в мире было бы во сто крат хуже. Кто-то не поддался вспышке гнева, не отвернулся от просящего, не пустил в ход кулаки, не обманул, не предал, не струсил... Из суммы множества маленьких, частных светлых поступков складывается вектор великого всечеловеческого противостояния силам тьмы.

Но что же мешает ему одолеть тьму? А вот что. Провиденциальная воля, без сомнения, мощнее демонической, но в отличие от последней ограничена в способах воздействия на человека. Будучи по природе своей божественной, она не может грубо врываться в человеческие души, гипнотически принуждая их к выбору, как это делают демонические силы. Каждому она предлагает себя лишь как возможность, ожидая от него свободного, ответственного выбора. Она уважает в человеке свободное, творческое существо и поэтому может быть принята только через внутреннюю борьбу, через малый или великий подвиг души.

Но откуда знать человеку в каждом конкретном случае, в чём состоит светлый выбор? Разве не может он ошибаться из-за неумения отличить хороший поступок от плохого? Разумеется, может, если у него отсутствует нравственное чувство и совесть. Все великие религии

говорят, что голос совести — это голос Бога в человеке. Совесть обыкновенно безошибочно указывает человеку правильный выбор, и, если она у него есть, он потенциально способен идти путём светлых выборов, если же атрофирована, то Провиденциальным силам трудно достучаться до его души, и он рискует стать марионеткой демонических сил. Так через совесть и нравственное чувство осуществляется провиденциальное управление индивидуальной человеческой судьбой — нежесткое, ненавязчивое, оставляющее за человеком право на свободу выбора — вплоть до тёмного и преступного жизненного пути. Более открыто Провиденциальные силы могут обнаруживать себя в узловые моменты человеческой истории, когда народ или цивилизация оказываются перед *фундаментальным* выбором, и ошибка в выборе угрожает неисчислимыми бедствиями на века. Ярчайшим примером такого вмешательства было явление Христа. Но это событие уникальное, его содержание и смысл нам уже известны. Обыкновенно же, Провиденциальные силы действуют через личностей гораздо меньшего масштаба, через особых, специально подготавливаемых ими высокоодарённых людей — пророков, вестников, народных вождей. И горе тому народу, который по духовной слепоте своей или невежеству отверг помощь Провиденциальных сил!

Есть все основания полагать, что именно такой исторический момент переживает сейчас наша страна и человеческая цивилизация в целом. Он настолько ответственен, что требуется вмешательство Провиденциальных сил. Поверим Серафиму Роузу, его способности видеть невидимое — земля подвергается ныне беспрецедентному по масштабам и наглости нашествию бесов. «Аномальные явления» — наиболее откровенная, но далеко не самая разрушительная форма их деятельности. Гораздо губительней воздействие демонических начал на политику, экономику, культуру. Через свои многочисленные человекоорудия они оказывают целенаправленное, хорошо замаскированное воздействие на самый ход современной истории, не встречая столь же организованного сопротивления. Но откуда ему взяться, если демонизм, как стратегия, враждебная всему человечеству, до сих пор не осознаётся теми, от кого зависит его судьба? Откуда ему взяться, если предсказанная пророками науки ноосфера — коллективный разум человечества — оказалась очередной рационалистической утопией? Неспособная вместить в себя мистический опыт, эта ущербная «сфера разума» оказалась беззащитной перед напором де-

монических сил и в её нынешнем состоянии более заслуживает названия «хаосферы». В итоге, человечество XX века, отягощённое многими знаниями, ослепло, подобно одинокому путнику, застигнутому бураном.

Положение сложилось чрезвычайно драматическое. Выработанное христианством, единственно верное, апокалиптическое видение истории не может предложить стратегию выживания в столь сложную эпоху, так как представляет собой пассивный исторический прогноз. Предлагаемые же «ноосферой» оптимистические универсалистские учения, политические, социальные, экологические и другие программы спасения, не учитывающие деформирующих демонических инвольтаций из планетарного космоса, неизменно до сих пор приносили разочарование поверившим в них народам.¹ Становится всё более очевидным, что силами человеческого разума постигнуть суть происходящих на земле событий невозможно. Нужна какая-то качественно новая информация, с помощью которой можно было бы превратить нынешний хаос в некоторое подобие порядка.

И вот Провиденциальные силы пришли к нам на помощь, выдержав свой неизменный принцип неопределённости. Они не стали ошеломлять нас чудесами НЛО или «полтергейста», вещаниями контактёров и ясновидцев, ибо всё это игры бесовские. Они подарили нам через своего вестника Даниила Андреева удивительную по красоте, ясности и гармонии книгу. Эта книга открывает до сих пор человечеству практически неизвестный метаисторический план событий, показывает его колоссальное влияние на ход событий истории. Она сообщает уникальную информацию о нашем времени, суть которой можно свести приблизительно к следующим обобщениям.

¹ Современный западный мыслитель Ф. Хайек, по своему умственному складу позитивист и материалист, в статье «Дорога к рабству» очень близко подходит к пониманию иррациональной, метафизической природы этих неудач, не решаясь, однако, сделать окончательный вывод: «Когда развитие цивилизации принимает неожиданный оборот, когда вместо ставшего привычным постоянного прогресса нам начинает угрожать зло, ассоциирующееся с ушедшим, мы, разумеется, начинаем искать виновных везде, кроме самих себя. Разве не старались мы изо всех сил и разве наши самые блестящие умы не трудились неустанно над тем, как сделать мир лучше? Разве не были все наши усилия и надежды устремлены к достижению свободы, справедливости и процветания? И если результаты столь разительно отличаются от поставленных целей, если вместо свободы и процветания нам в лицо смотрят рабство и нищета, то не ясно разве, что наши намерения были извращены силами зла, что мы — жертвы какой-то злой воли, которую необходимо победить, чтобы продолжить путь к лучшей жизни?».

...Современное человечество вступает в эпоху, отмеченную мощно выраженной тенденцией к интеграции государств в единую глобальную суперсистему. Эта тенденция имеет мистические корни, хотя и представляется рационалистическим умам только лишь результатом деятельности определённых политических сил, преследующих свои цели. Ничего бы эти силы сделать не смогли, если бы идея всемирной интеграции не имела метаисторической подоплёки. Спротивляться ей поэтому и не должно, и бессмысленно. Надо понять, что в интеграции заинтересованы не только демонические, но и Провиденциальные иерархии планетарного космоса. Они сочли нужным через Даниила Андреева открыть сущность происходящих сейчас на земле драматических событий, чтобы с помощью светлых сил человечества изменить их ход в лучшую сторону.

...«Великий демонический разум» в высшей степени искусно, маскируясь под объективную необходимость, ведёт род человеческий к самой страшной из всех, когда-либо подстерегавших его опасностей — всемирной сатанократии. Её совершенно не видят те, кто находится вне православного миропонимания — будь то философы, политики или простые смертные. Так посредственный шахматист в игре с мастером не замечает за предлагаемыми ему жертвами многоходовой матовой комбинации. Ни одно государство, народ или религия не способны в одиночку предотвратить наступление сатанократии. Тщательно скрываемаемая демоническими силами стратегия создания на земле дьяволочеловечества должна быть публично разоблачена вместе с осуществляющими её идеологиями и человекоорудиями и вытеснена идеалом противоположного знака.

Чтобы был совершён первый шаг от фатального пути к свободе, требуется не так уж много, хотя и немало, учитывая огромную жажду оптимизма, испытываемую миллионами людей, уставших от тревог и страхов. Нужно осознать реальность существования демонических миров планетарного космоса и исходящей от них грозной опасности. Нужно поверить, что светлые силы человечества будут не одиноки в борьбе с нею, но получают могучую небесную поддержку. Тогда станет принципиально возможным всемирное противостояние «великому демоническому плану».

Глава 4

XX ВЕК: АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ АГРЕССИЯ ДЕМОНИЧЕСКИХ СИЛ ШАДАНАКАРА. ЕЁ СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА

Для всякого объективного, сдержанного в выводах человека события, произошедшие в России в XX веке, представляются мрачно-неразрешимой загадкой. Первая мировая война, Февральская революция, большевистский переворот, установление власти Советов и замена её диктатурой правящей верхушки, а после смерти Ленина — режимом личной власти Сталина, разрушительная война с гитлеровской Германией, холодная война между СССР и США, едва не закончившаяся горячей — ядерной, быстрая моральная деградация советского государства в 70-80-е годы и, наконец, ошеломляюще стремительное его разрушение в 90-е годы. Что ни этап, то новые действующие лица и новая ложь, разрыв преемственности с предыдущим этапом, а то и полное его отрицание. Какая ещё философия, кроме той, что предлагает «Роза Мира», именно метафилософия истории, способна выстроить это фантастическое нагромождение событий в единый смысловой ряд?

...«Роза Мира» показывает, что после распятия Христа демонические начала направили свой главный удар на христианскую Церковь,

а после того как определилось историческое призвание русского народа, обрушились и на Россию. И потом в течение многих веков били и хлестали по ней — по самодержавной власти, Православной Церкви, боярству, крестьянству, дворянству, интеллигенции.

Пик демонических воздействий пришёлся на XIX–XX века — отсюда этот нескончаемый русский ад, в котором историки никак не могут обнаружить единую логику.

И вот, оказывается, логика в нём есть, но эта логика сверхчеловеческая, дьявольская. То, что происходит в XX веке с Россией, происходит с человечеством. А происходит с ним следующее: шаг за шагом, с помощью хитроумного и безжалостного механизма социальных игр, включающего в качестве самых сильных средств революции, войны, «перестройки», осуществляется постепенная нравственная и психическая деградация народов с целью превращения их в некоей, не столь уж отдалённой, перспективе в стадо говорящих животных без прошлого и будущего, без национальных различий, без чувства долга и любви — в идеальный материал для создания царства Антихриста.

С предельной откровенностью эта дьявольская логика обнаруживается в событиях, происшедших в XX веке в России, о чём частично уже говорилось в главе «Религиозная драма России». Теперь же мы попытаемся более основательно раскрыть её на примере конкретных исторических событий.

По следам «Красного колеса»

Речь, собственно, пойдёт о тех наиболее значительных явлениях, событиях, случаях, которым трудно найти удовлетворительное рациональное объяснение, зато можно выстроить их в единый, растянувшийся на целую эпоху смысловой ряд. Тогда мы увидим, что так называемая «логика русской истории», на которую любят ссылаться в трудных ситуациях умы безрелигиозные и амистичные, хромала в XX веке на обе ноги, а чтобы скрыть эту хромоту, как раз и происходили названные явления, события, случаи. Мы поймём, что в своём движении к неизвестному будущему Россия не раз получала реальный шанс выбрать из двух возможных путей лучший, но каждый раз по причинам, рационально необъяснимым, выходила на худший.

Обильную пищу для размышлений на эту тему предоставляет нам «Красное колесо» А. Солженицына, произведение, интересное своим совершенно оригинальным, не имеющим аналогов в мировой литературе, подходом к революционным событиям. Солженицын изображает только *узловые*, судьбоносные моменты в развитии революционного процесса, зато изображает системно, под разными углами зрения, чем несколько напоминает Л. Гумилёва. Иногда создаётся впечатление, что это был фатальный, безусловно иррациональный процесс, в котором люди выполняли роль марионеток: каждый раз равнодействующая многих векторов сил — политических, социальных, религиозных, национальных, экономических, психологических и т.д. — неизменно устремлялась в худшем для России направлении, снимая тем самым традиционный наш вопрос: кто виноват? Кто виноват в гибели самодержавной России: «помещики и капиталисты», «попы», «евреи», «ленинская банда», «распутинская клика», «царская бюрократия», «революционная интеллигенция»?

Перед нами картина вроде бы стихийного, неуправляемого движения страны к катастрофическому революционному финалу, но это лишь общее, поверхностное впечатление. Ум, вооружённый метаисторическим методом Андреева, без труда обнаружит в этом движении следы прямого вмешательства демонических сил.

Может быть, самым поразительным и трагическим событием такого рода было убийство П.А. Столыпина. Солженицын показывает, что фигура Столыпина была отнюдь не эпизодической, как большинство царских чиновников предреволюционной эпохи. С его назначением на должность главы правительства у России появился совершенно реальный шанс сделать смелый выбор. Был ли Столыпин детищем Второго Жругра, его последней отчаянной попыткой спасти самодержавие или был посланником Провиденциальных сил Небесной России, мы знать не можем — Андреев об этом ничего не написал. Ясно одно: как политическая фигура, потенциально способная круто изменить ход исторических событий, он был, безусловно, равновелик Ленину. Никто и ничто не могло сломить волю этого умного, просвещённого, честного и бесстрашного государственного деятеля, который нашёл единственно верный путь между консерватизмом и революционностью, способный вывести самодержавную Россию из кризисной ситуации — потому-то его и ненавидели и крайние правые, и крайние левые.

Один человек (!), несмотря на недовольство многих слоёв общества его реформами, на активное сопротивление Третьей Государственной думы, бюрократические препоны, интриги царского окружения, покушения террористов и т.п., сумел переломить фатальный ход событий и погасить революционную волну, чего не удавалось до него никому. В «объективном ходе истории» наметился поворот к светлому пути развития, и он непременно произошёл бы, если бы история была предоставлена самой себе, то есть являлась бы, как учил Маркс, продуктом борьбы свободных человеческих волей. Никуда не делось бы аморфное русское общество — смирилось бы перед железной волей великого реформатора, как смирилось некогда перед волей Петра I.

И тут, словно чертёнок из табакерки, на арене русской истории появляется террорист-одиночка Богров...

Солженицын уделяет много места в своей книге этому таинственному персонажу предреволюционной эпохи, убедительно показывая, что убийство Столыпина было совершено именно фанатиком-одиночкой, еврейским националистом, ошибочно считавшим, что евреям в создаваемом Столыпиним государстве будет плохо, хотя именно в это время Совет министров разработал обстоятельную программу по еврейскому вопросу, предоставлявшую евреям самые широкие гражданские права. Она была представлена на утверждение Николаю II, но тот, увы, не подписал её. Богров мог о ней ничего не знать, однако и подозревать Столыпина в антисемитизме у него не было ни малейших оснований, поскольку Пётр Андреевич никогда ни в одном из своих выступлений или решений не совершил антисемитских выпадов. Тем не менее, Богров, по какому-то трагическому недоразумению или по чьему-то внушению, считал его антисемитом.

И вот сын состоятельных родителей, весьма неглупый молодой человек с хорошим будущим, не принадлежавший ни к одной террористической организации, напротив, отвергнутый со своим предложением убить Столыпина видным петроградским эсэром Егором Лазаревым, в одиночку, тщательно разрабатывает план покушения на Столыпина, зная, что идёт при этом на верную смерть. План несколько раз оказывается на грани срыва, но благодаря странным случайностям и странной доверчивости начальника киевского охранного отделения успешно осуществляется Богровым.

Подробно выписанные Солженицыным картины подготовки покушения вполне убедят тех, кто знаком с «Розой Мира», что тут мы имеем дело с прямым вмешательством потусторонних сил в «объективный ход истории». Нужно было незамедлительно убрать Столыпина, пока начатый им положительный процесс в обществе не принял необратимого характера. И тогда демонические силы находят подходящее человекоорудие для выполнения этого задания, личность вполне химерическую — еврейского националиста и агента царской охраны в одном лице.

Как показывает Солженицын, никому другому эта операция не удалась бы. Сейчас, задним числом, становится ясно, что всё в ней было продумано на десять ходов вперёд: и то, что убийца не состоял ни в одной из революционных партий, и то, что большая часть общества с радостью примет смерть Столыпина, что еврейских погромов не будет и многое другое, чего не мог знать сам Богров.

Следующее рационально необъяснимое событие, к тому же мирового масштаба — война России с Германией. Да, рационально необъяснимое, как и всякая большая война, и это возможно доказать.

Лев Николаевич Толстой в «Войне и мире» путём последовательных и точных рассуждений показывает, что наполеоновское нашествие на Россию в 1812 году рационально объяснить решительно невозможно, и приходит к вполне мистическому заключению, что нашествие состоялось только потому, что кому-то, кто управляет историческими процессами, понадобилось, чтобы в короткий срок огромные массы людей переместились сначала из Европы в Россию, а затем — из России в Европу. Но ведь нечто подобное можно сказать о любой войне, в том числе — и о первой мировой. Император Вильгельм был родственником и другом Николая, оба императора не желали войны и вплоть до её начала надеялись, что её не будет (Солженицын приводит соответствующие письма из переписки двух царственных родственников). Тогда кто и зачем заставил воевать две могущественные державы, разрушив тем самым политическую стабильность тогдашней Европы?

Мы приблизимся к ответу на поставленный вопрос, если отвлечёмся от плоских политических объяснений причин Первой мировой войны, известных в наше время любому студенту-историку, и примем толстовский метод оценки крупных исторических событий

по их глобальным последствиям, которые открываются обыкновенно только по прошествии определённого времени.

...Война сорвала с насиженных мест массы крестьян, основного трудового населения старой России, обострила социальные и классовые противоречия, резко активизировала революционные силы. Она дала людям в руки оружие и искалечила их нравственно, заставив делать то, чего многие из них раньше никогда не делали — убивать других людей. Война всколыхнула всё российское общество снизу доверху, создала в нём питательную среду для распространения революционных идей — особенно среди городского населения: рабочих, студентов, интеллигенции. К этому времени произошло самое опасное для страны — значительная часть высших слоёв общества проникается мыслью о неизбежности и желательности гибели самодержавной власти. Государственная дума кишит масонами, интеллигенция буквально пропитана антимонархическими настроениями. Могучая энергия сотен и сотен голов, способная при разумном и целенаправленном её использовании в короткий исторический срок реформировать запутавшуюся в противоречиях систему, направляется на её разрушение.

В феврале 1917 года совершается это безумие разрушения российского самодержавного строя, освободившее в стране чёрные вихри хаоса и анархии.

Слово «безумие» употреблено здесь отнюдь не в метафорическом, но в прямом смысле, указывающем на иррациональную природу сил, которые взорвали великую империю. Советские историки объясняли революцию с точки зрения материалистической философии. Как раз с материей-то всё было в порядке. Теперь мы уже знаем, что экономическое и военное положение России к 1917 году были прочными — промышленность шла на подъём, сельское хозяйство тоже, материальное положение крестьян и рабочих по сравнению с довоенным временем нисколько не ухудшилось, а после победы обещало стать гораздо лучше, война была практически выиграна. Парадокс революционного взрыва заключался в том, что произошёл он не из-за материальных причин, не из-за жестокой эксплуатации или голода, а вследствие некоего массового умопомрачения, внезапно охватившего все слои русского общества. Именно так объясняет катастрофу самодержавия И. Ильин в статье «Революция была безумием». А Солженицын в «Красном коле-

се» художественно изображает психическую подоплёку февраля 1917 — всеобщий настрой высших слоёв против самодержавия, предательство и измену в царском окружении, брожение в народе. Он изображает, как шаг за шагом стремительно нарастало это массовое безумие...

Какие силы, если не сверхчеловеческие, сумели слить в единый всесокрушающий порыв партии, классы, политические и финансовые интересы, честолюбивые помыслы и героические порывы, любовь к России и ненависть к ней, тёмные народные инстинкты, наивные мечтания интеллигентов, чиновничью рутину, аристократическую безответственность и т.д.? Ах, неужели всё это сделали могущественные «сионские мудрецы»?

Участники революционных событий, каждый по-своему, представляли будущее России, видели его в розовых красках, но ни один из них не смог угадать даже то, что произошло в ближайшие годы, потому что человеческие планы и человеческая логика суть лишь детские игры по сравнению с логикой сатанинской.

Большевистский переворот — новый иррациональный момент в ходе революционного процесса, хотя за ним и стоят чьи-то корыстные интересы или утопические надежды. В идеалах же Февральской революции его истоки никак не обнаруживаются — десятилетиями потом «февралисты» будут отрещиваться от большевиков, считая свою революцию справедливой, а их — несправедливой, бандитской. В революционном сценарии этот переворот оказался совершенно неожиданным ходом, который вполне мог не случиться. Общеизвестным лидером революционного движения в России была партия эсеров. Большевики же никакой репутацией ни в образованном обществе, ни в народе не пользовались, да и вообще самозванно числили себя большевиками — «меньшевики» составляли заметно большую часть РСДРП. Что же касается Ленина, то на политическом горизонте того времени он был достаточно мелкой фигурой. Ленин страстно желал разрушения «старого мира», но где и когда начнётся разрушение, он не знал вплоть до февраля 1917 года! Солженицын с присущей ему язвительной иронией в отношении вождя мирового пролетариата описывает, как в октябре 1916 года, находясь в эмиграции в Швейцарии, Ленин, гневаясь, с жаром убеждал добродушных и сытых швейцарских социал-демократов, что их страна наилучшим образом подходит для начала мировой революции. Главный

аргумент Ленина: Швейцария — единственная в мире страна, где отслужившим солдатам разрешено хранить дома оружие.

Сама эта одержимость Ленина явно неразумного свойства, это именно страсть, ищущая выхода во всех направлениях. Февральская революция, ставшая для Ленина неожиданным сюрпризом, открыла его. Он мгновенно меняет свои планы, входит в контакт с немцами и в опломбированном вагоне едет в Россию. Очень скоро, однако, обнаружилось, что легальным путём большевикам к власти не прийти ни в коем случае, и тогда Ленин в октябре 1917 года убеждает товарищей по фракции пойти на преступление: захватить власть в стране силой. Известно, каких трудов ему это стоило. Многие его соратники были против переворота. Судьба России, судьба человечества решились на собрании узкого круга большевистских лидеров путём голосования с перевесом всего в один голос. Ленин улучил уникальный момент для захвата власти. И торопливость, и промедление с принятием решения одинаково привели бы большевиков к поражению. Ленина считают гениальным тактиком. Даниил Андреев считает его человекоорудием демонических сил, и это будет более точное определение. Зная о подробностях прихода большевиков к власти, об уникальной роли Ленина в этой акции, трудно отделаться от мысли, что тут мы имеем дело с прямым вмешательством в ход событий высшей демонической воли. Впечатление это подтверждают два последовавших вскоре события — поразительных, если поставить их рядом. Это неудачное покушение на Ленина террористки Фанни Каплан и гибель генерала Корнилова *от шальной* пули, которая почему-то выбрала Корнилова, а не стоявшего рядом с ним штабного офицера. Бывший член Государственной думы В. Шульгин спустя много лет в своих воспоминаниях обращает внимание на эти два факта, как явно мистические. По его мнению, Корнилов был фигурой, равновеликой Ленину, — единственным в белом движении человеком, который вполне мог победить большевиков в гражданской войне...

Большевикам удалось не только захватить власть, но и удержать её, в отличие от Временного правительства. Главной причиной успеха большевиков, считает Солженицын, было то, что они исповедовали дьявольскую мораль: «цель оправдывает средства». Ложь, демагогия, жестокость, предательство, прямой обман — вот те средства, без которых главное событие XX века не состоялось бы.

Большевики были убеждены, что за ними будущее. Они, кажется, всерьёз намеревались создать рабоче-крестьянское государство, строить власть Советов, но тут произошёл новый неожиданный поворот в ходе событий, связанный с личностью Сталина...

Как-то так получилось, что не самый авторитетный, не самый яркий из большевиков (не чета Троцкому!), к тому же, забракованный Лениным в качестве претендента на высшую должность в партии, с помощью интриг переиграв своих политических конкурентов, занял эту должность и принялся осуществлять программу, Лениным явно не предусмотренную. Умело сочетая вполне реальную энергию коммунистического энтузиазма с самым жестоким насилием, физически устраняя бывших товарищей по революционной борьбе, он стал создавать технически оснащённое, хорошо вооружённое унитарное государство, скреплённое режимом абсолютной власти. Сталин, в сущности, восстановил под красными знамёнами разрушенную революцией и гражданской войной империю, сковав системой жёсткого контроля всю властную вертикаль — от ЦК и наркоматов до низовых партийных ячеек и председателей колхозов. Назван был этот монстр Союзом Советских Социалистических Республик, хотя ни союза, ни власти Советов, ни социализма в первоначальном, неискажённом смысле этих понятий в нём не было. Была именно империя, об истинном назначении которой в исторической перспективе не догадывался даже сам её верховный владыка.

Современные антикоммунисты глубоко ошибаются, не видя существенных отличий Сталина от Ленина. Отличия есть, и достаточно серьёзные — в характере, политических замыслах, миссии. Ленин, при всех своих заблуждениях, утопизме целей и нравственной глухоте, был человеком идеи — *идеалистом*, как бы странно ни звучало это определение в отношении закоренелого материалиста. Ради идеи всеобщего коммунистического счастья он мог пойти на всё, даже на такие действия, которые являются преступлениями против человечности. Но воли к господству над людьми, стремления к власти как к самоцели в нём всё-таки не было. Сталиным же, утверждает Андреев, двигала исключительно воля к господству, по природе своей демоническая. Сталин был качественно иной личностью, чем Ленин. Именно волей Сталина к власти, а отнюдь не соображениями государственной пользы, объясняется то, что он уничтожил «ленинскую гвардию», которая оказалась серьёзной преградой на пути

установления им единоличной тирании. Совершился второй государственный переворот, гораздо более трудный в осуществлении, чем октябрьский, ибо на этот раз свергалось не слабое Временное правительство, ещё стеснённое в своих действиях некоторыми нравственными принципами, а молодые, сильные волки, освобождённые от угрызений совести, умевшие драться. Совершить такой переворот мог только гениальный интриган и лицемер, человек всеокрушающей воли, то есть личность далеко не случайная, но имевшая некую тёмную миссию.

Сталина не могут понять даже весьма проницательные люди. Ленин понятен, Сталин — нет. Поэтому его упрощают, называя то великим тираном, извратившим коммунистическую идею, то великим государственным деятелем, при котором Россия достигла небывалой мощи. Последняя оценка, имеющая хождение среди нынешней государственно-патриотической интеллигенции, таит в себе не только большую нравственную опасность, но и величайшее заблуждение. Можно ли, в самом деле, считать государственным деятелем того, кто создавал государство «под себя», даже не подумав о создании механизмов, которые обеспечили бы ему историческое долголетие при любых правителях (у открытых обществ такие механизмы имеются)? Кто уничтожил цвет большевистской элиты, людей, представленных для этого народу в качестве великих героев? С точки зрения государственной мудрости, это такое же безумие, как если бы Русская Православная Церковь с самого начала своей истории периодически предавала бы анафеме ранее канонизированных ею святых. Нетрудно понять, что тогда никакой истории у неё не было бы.

Можно ли считать, наконец, государственным деятелем человека, чьи рецепты государственного строительства были позаимствованы у самых свирепых деспотий древности?

Сталин — загадка. Понять смысл созданной им системы, оставаясь в кругу фактов, невозможно.

«Роза Мира» открывает нам мистику личности Сталина, показывая его истинные, сверхисторические масштабы. Это был своего рода эмбрион будущего Антихриста, одно из последних земных воплощений монады, специально подготавливаемой Гагтунгром к власти над миром. Её воплощение в качестве владыки послереволюционной России было предопределено высшим демоническим разумом. Андреев говорит, что демонический разум вложил в Стали-

на жажду мирового господства и внушил ему веру в возможность его достижения, но из-за противодействия Провиденциальных сил не сумел наделить его рядом необходимых для этого качеств. Сталинская тирания, как определяет её метаисторический смысл Андреев, была генеральной репетицией для монады Сталина, необходимым этапом её подготовки перед грядущим воплощением в Антихриста:

«Обеспечивая его инкарнацию в последний раз, великий демонический разум понимал, что для царства антихриста в Энрофе ещё не созрели условия, равно как и сам кандидат совершенно не готов для подобной роли. В существе его ещё не были припасены вместилища для тех сверхчеловеческих даров, какие были бы необходимы владыке мира. Ещё некуда было вложить гениальность научную, гениальность государственную, гениальность художественную, гениальность тёмной религиозности... Урпарп знал лучше всех, что предстоит ещё не спектакль, а только генеральная репетиция. Но следовало укреплять в сознании детища иллюзию о том, что это — не репетиция, а уже долгожданный спектакль и что именно в этой инкарнации он сможет достичь, если будет играть хорошо, своей всемирной цели. Такая иллюзия явилась бы сильнейшим стимулом для актёра — играть во всю силу: сильнейшим стимулом в его деятельности на посту вождя всемирного революционного потока» (РМ, 218).

Стремление Сталина к мировому господству? Это что-то новое в сталинизме! В отличие от большевиков-ленинцев, бредивших идеей мирового революционного пожара, или Мао Цзэ Дуна, который был готов погубить три четверти человечества в ядерной войне ради торжества коммунизма, Сталин подобных заявлений, кажется, не делал. Он говорил об объективной неизбежности победы коммунизма во всём мире, вытекающей из марксистско-ленинского учения, но и только. И в самом деле, зачем идти на риск новой мировой войны ради достижения коммунистического рая, если он наступит неизбежно благодаря объективным законам истории? «Советский Союз — глубоко миролюбивое государство, — вещала на всех языках коммунистическая пропаганда, — он ни на кого не собирается нападать». Но и своей земли советские люди не отдадут ни пяди империалистическим агрессорам. Вот и Великая Отечественная война с первых же дней была названа войной священной, поскольку СССР совершенно не причастен к её возникновению, советский народ защищал свою

землю от вероломного нашествия фашистских захватчиков. Главное моральное преимущество СССР перед нацистской Германией состояло в том, что он выступал как освободитель человечества от гитлеризма, открыто заявлявшего о своём стремлении к мировому господству. А СССР в лице советского правительства и лично товарища Сталина подобных заявлений не делал никогда.

Тем не менее, Андреев утверждает, что Сталин был одержим сверхчеловеческой жадной властью и верил в свою миссию верховного владыки мира.

Но если это так, то как человек дела, он должен был предпринять серьёзные практические шаги по реализации этой идеи. Однако же какие? Историки пока не обнаружили официальных документов, неопровержимо свидетельствующих о том, что Сталин вынашивал планы мирового господства.

А может быть, их и в принципе не могло существовать? Ведь наиболее тёмные свои дела сталинская власть не документировала, распоряжения очень часто передавались «вниз» устно, всякая информация, способная скомпрометировать коммунистическую систему в глазах народов мира и собственного народа, как известно, уничтожалась. Не забудем, что Сталин был тёмный гений и умел хранить в тайне даже то, что иногда лежало на поверхности.

Но нет ничего тайного, что не стало бы явным. Как это иногда бывает в науке, истину, десятки лет остававшуюся незамеченной профессиональными историками, открыл дилетант. Речь идёт о ставших бестселлерами книгах Виктора Суворова «Ледокол», «День-М» и «Последняя республика». В них автор, бывший офицер ГРУ, сбегавший незадолго до «перестройки» по политическим мотивам в Великобританию, доказывает, что Сталин и его ближайшие соратники готовили Красную Армию не для защиты отечества, а для агрессивного вторжения в Европу, то есть Суворов фактически подтверждает один из оправдательных аргументов, выдвинутых гитлеровскими генералами на Нюрнбергском процессе.

Оригинальность работ Суворова, по крайней мере, для военно-исторической науки, состоит в том, что он блестяще использовал в них давно и успешно применявшийся западными спецслужбами метод поиска секретной информации об СССР по публикациям в советской печати. Это работа не столько учёного, сколько следователя по уголовным делам, выполненная притом на самом высоком уровне.

не, с точными ссылками на «показания свидетелей» — мемуары советских генералов. Во всяком случае, никому из рассерженных военных историков — ни у нас, ни на Западе — до сих пор не удалось и вряд ли уже удастся столь же убедительно опровергнуть концепцию Суворова.

Суть её сводится к тому, что ещё за три года до начала «Великой Отечественной войны» (это название автор вынужден с извинениями перед ветеранами ВОВ брать в кавычки), СССР начал подготовку к агрессии и к моменту нападения Гитлера располагал самой мощной в мире армией. О подлинных возможностях и назначении её не знал никто, кроме узкого круга лиц, приближённых к Сталину. К этому времени советская пропагандистская машина основательно внушила массам, что военные операции, которые Красной Армии приходится вести на чужих территориях, совершаются в благородных целях освобождения тамошних трудящихся от капиталистической эксплуатации и по их горячему желанию. По подсчётам Суворова, нападение планировалось на первую половину июля 1941 года. Информационное обеспечение агрессии было подготовлено заранее и оставалось в нужный момент завести пропагандистскую пластинку. Но этот момент так и не наступил. Гитлер напал первым, и системе пришлось импровизировать на ходу...

Отметим два наиболее интересных для нас вывода Суворова:

1. 22 июня 1941 года Гитлер, узнав от своей разведки о готовящейся агрессии и уже имея войну на Западе, вынужден был совершить самоубийственный, с военно-стратегической точки зрения, шаг — открыл второй фронт, нанеся *опережающий* удар по СССР. Если бы Красная Армия готовилась к обороне, считает Суворов, Гитлер ни за что не осмелился бы развязать войну на два фронта. Если бы он всё же начал её через год, после полной оккупации Европы, то она оказалась бы несравненно более лёгкой для СССР, так как Красная Армия, доказывает Суворов, к июню 41-го превосходила Вермахт по вооружению и нисколько не уступала по военной подготовке и моральному духу. Имея хорошие оборонительные линии, она не пропустила бы противника на свою территорию. Таким образом, кровь миллионов наших соотечественников, погибших в войне, лежит, прежде всего, на Сталине и его сподвижниках.

2. Книги Суворова убеждают, что Сталин, вопреки расхожему в наше время мнению, был выдающимся политиком и военным

стратегом. Главной причиной, по которой Вермахт смял Красную Армию, отбросив её до Москвы и Волги, были не бездарность Сталина или высшего военного командования и даже не предвоенные репрессии в армии, а то, что она готовилась к нападению, а не к обороне. У западных границ сошлись две наступательные армии, не имевшие за спиной оборонительных рубежей. В таких случаях преимущество оказывается на стороне того, кто нападёт первым. В первый же день войны немцы нанесли массированные бомбовые удары по советским пограничным аэродромам, уничтожив практически всю авиацию, не успевшую подняться в воздух. Было также уничтожено или захвачено астрономическое количество военного снаряжения и стратегических припасов, свезённых к границе для совершения наступательной операции.

Если бы первым напал Сталин, утверждает Суворов, то с Вермахтом произошло в точности то же самое, что произошло с Красной Армией в первый год войны, или даже хуже. И тогда не Советский Союз, а Европа стала бы ареной военных действий. И война была бы названа не «Отечественной», а как-нибудь по-другому, может быть, «Освободительной»...

Широко известно высказывание Дзержинского о Сталине: «Бюсь, что среди нас появился могильщик революции, в какие бы красные перья он ни рядился». Проницательный «железный Феликс», имевший в виду идею Мировой революции, на этот раз ошибся, недооценил Сталина. Сталин был великим революционером. Он продолжил другими средствами дело, на котором сломались ленинцы, но действовал не ради создания на земле справедливого и гуманного общественного строя, а ради утоления своей иррациональной жажды власти.

Всё это говорится, разумеется, не в оправдание Гитлера, а для установления исторической истины. И гитлеровский, и сталинский режимы одинаково стремились к мировому господству, только первый не скрывал его, а второй скрывал, ведя двойную игру. И доигрался...

Конечный смысл сатанократии, её жуткая в своей извращённости самоцель — подвергать физическим и духовным мучениям массы людей, и, главное, — калечить человеческие души, чтобы по закону кармы они и в посмертии подвергались мучениям, попадая в демонические слои.

Анализируя массовые репрессии сталинской эпохи, Андреев приходит к выводу, что они были абсолютно бессмысленны с государственной точки зрения. И действительно, в зверствах ЧК, во всех жестокостях Гражданской войны, даже в чудовищном убийстве царской семьи, совершённом по приказу Ленина и Свердлова, ещё можно обнаружить какую-то логику — именно логику захвата власти и создания новой социальной системы. Жестокости же сталинской эпохи, когда система полностью овладела телами и душами людей, рационально необъяснимы. В условиях, совершенно исключавших сколько-нибудь серьёзное сопротивление режиму, террор против всех слоёв общества — от высших партийных и военных чинов до простых смертных — представляется абсолютно бессмысленным. Для того чтобы полностью исключить возможность покушения на свою власть, на сам самодержавный принцип, Сталину было вполне достаточно держать в страхе перед репрессиями только правящую верхушку, как поступали многие тираны до него, и система, может быть, стояла бы и поныне. Чтобы иметь дешёвую рабочую силу для быстрого создания промышленно развитого, хорошо вооружённого государства, можно было придумать более гуманные и разумные средства, чем концентрационные трудовые лагеря — эти огромные очаги ненависти к режиму, представлявшие большую угрозу для его устойчивости. А какой логикой можно оправдать уничтожение самой работающей и способной части русского крестьянства в годы «великого перелома» вместо умелого её использования? И зачем было бросать в лагеря после войны сотни тысяч репатриантов, уже пострадавших в нацистских лагерях? Бессмыслица...

Но, оказывается, смысл во всём этом мучительстве был, только потусторонний. Состоял он в том, чтобы обеспечить демонические миры огромными порциями «гавваха» — излучений страдания и боли. Анализируя сталинские репрессии, Андреев заключает, что ими «Сталин разоблачил себя уже не в качестве орудия третьего уицраора, а в качестве орудия самого Великого Мучителя, ибо только Гагтунгр и демоны Гашшарвы были заинтересованы в притоке этих неслыханных объёмов гавваха» (PM, 220).

Знание мистики личности Сталина позволяет понять его эпоху гораздо глубже, чем она понималась до сих пор. Мы получаем возможность разобраться, что конкретно сделал «отец народов» для

осуществления «великого демонического плана» — той его части, которая пришлась на XX век...

В эпоху Сталина было успешно завершено начатое Лениным зомбирование огромного народа глубоко порочным атеистическим мировоззрением — акция, не имеющая прецедента в мировой истории. Был создан «советский человек» — химерическое, недолговечное существо, сохранившее в силу не разрушенной до конца культурной преемственности многие положительные душевные качества своих предков, но совершенно лишённое чувства высшей реальности. Целые поколения рухнули с духовных высот, взятых мировыми религиями, до видения мира более утилитарного, чем первобытный анимизм. Даниил Андреев рисует безрадостную картину страшного духовного оскудения рабочего класса, призванного, согласно Учению, выполнить великую миссию в истории (РМ, 212), и в этой картине много правды.

Столь же широкомасштабно, как атеизм и материализм, сталинская система культивировала в людях рабскую психологию: отучала думать и действовать самостоятельно, убивала в них гражданское чувство. «Сталин — отец народов», — внушала официальная пропаганда. Созданная им мудрая Партия *заботится* о народе, она знает, сколько и чего ему нужно и куда его *вести*. Массы людей были приучены к мысли, что от них ровным счётом ничего в государстве не зависит, так как всё решают вожди. Из таких людей можно вылепить всё, что угодно, навязать им любой образ жизни, заставить мириться с нищетой и унижениями, якобы временно необходимыми для грядущего блага. Они внутренне готовы к любому насилию над собой верховной власти и признают за ней право на насилие. Именно это свойство советского менталитета развязало руки новым экспериментаторам в годы «перестройки». Тут «заслуга» Сталина налицо.

Сталинский режим вместе с гитлеровским несут полную ответственность за кровопролитнейшую из войн мировой истории. Эту войну вместе с предшествовавшей ей революцией можно рассматривать как важный этап в осуществлении «великого демонического плана», потому что войны и революции — это, прежде всего, крупные антропологические катастрофы, в которых широкомасштабно калечится человеческая природа. Питирим Сорокин в ряде своих работ показывает, что великие социальные потрясения значительно и надолго понижают качество человеческой души. В них осуществляется, по

преимуществу, отрицательный отбор, и требуется длительная, исчисляемая поколениями, работа сил культуры, чтобы произошло восстановление человека.

Репрессивная система, созданная под руководством Сталина и его сподвижников, не оставила даже предпосылок для такой работы. Всё лучшее, что было создано в «советской культуре» после смерти Сталина, с огромным трудом пробивало себе дорогу к людям. Прошло два с лишним десятилетия, прежде чем стал отходить наркоз страха, в котором слишком долго пребывала страна, и у нас начали появляться настоящая литература, кино, театр. Система, созданная Сталиным, была настолько заморожена страхом, что менялась недопустимо медленно для XX века. Поэтому вовсе не удивительно, что «общепримирующий бег на месте» стал одной из главных причин нового антропологического потрясения — «перестройки».

Рассматривая события XX века с точки зрения их причастности к осуществлению «великого демонического плана», мы видим, что Вторая мировая война колоссально стимулировала развитие науки и техники, военных вооружений (было изобретено ядерное, новые жуткие виды химического и бактериологического оружия), нанеся одновременно глубокую моральную травму человечеству в целом.

Началась эпоха НТР, достижениями которой до сих пор гордятся технократы, не понимающие антропологической проблемы. Но какое место занимают эти действительно выдающиеся достижения научной и инженерной мысли в той исторической стратегии, которая навязывается человечеству великим демоническим разумом?

Телевидение, транспорт, связь, электронная техника, чрезвычайно усложнившийся мир финансов — это, прежде всего, средства для готовящегося в будущем смешении языков и народов. Особая роль в этом принадлежит телевидению. Совершившее в короткий срок стремительный прогресс от первых громоздких и дорогостоящих аппаратов до глобальной информационной суперсистемы, оно успело продемонстрировать совершенно невиданные успехи в деле манипулирования массовым сознанием. Столь же впечатляющие успехи сулит широкое распространение персональных компьютеров. И это только начало!

Попутно проясняется демонический аспект потребительского безумия, охватившего промышленно развитые страны и захватывающего всё новые и новые народы. Рождаемое им разрушение

биосферы становится весомым аргументом в пользу всемирного объединения под эгидой сверхправительства, которое, де, спасёт человечество от тотальной экологической катастрофы, наведя порядок в природопользовании. Это очень опасная игра, и, похоже, она будет взята под демонический контроль.

Демонический аспект нашего века, пожалуй, наиболее ярко проявляется в углублении разрыва между растущей мощью человека и его падающим моральным уровнем. Эта тенденция свидетельствует о подспудной подготовке человечества к сатанократии. Формируются глубоко аморальные человеческие души, и создаются эффективные средства для управления ими. Можно ли законами природы или истории объяснить этот уникальный по содержанию и масштабам процесс? Не лучше ли взглянуть правде в глаза и признать: современное человечество не развивается в научном понимании этого слова (как развивается, например, организм из зародыша), а пребывает в состоянии одержимости нечистыми духами, осуществляющими с помощью искалеченных ими людей вполне определённую глобальную стратегию? Законы природы не имеют никакого отношения к этому патологическому процессу. Растения, звери, птицы, морские стихии, степные и лесные просторы не знают состояний одержимости. Поэтому природа, даже уродуемая человеком, всё ещё живёт в своих извечных, размеренных ритмах.

... Если человеческую историю уподобить гениальному роману, то вторая половина XX века — это роман в романе: авантурный, насыщенный событиями, абсолютно непредсказуемый для его участников. Смерть Сталина потрясла всю страну. Сломалась главная пружина громадного государственного механизма, значит, что-то должно произойти и с государством. Миллионы людей охвачены тревожными предчувствиями надвигающихся перемен, но никто не имеет даже отдалённого представления о том, какими они могут быть и когда начнутся.

А начинаются они немедленно. Невиданно быстро и бесцеремонно уничтожается Берия. Короткий промежуток междуцарствия, таинственные перемещения в верхних эшелонах власти заканчиваются выдвижением на кремлёвский трон «царя» Никиты, и вдруг, как гром среди ясного неба, — разоблачение Хрущёвым «культы личности» Сталина! Событие вполне иррациональное, потому что говорить о его исторической закономерности можно только с большой натяж-

кой. Известно, какое огромное сопротивление своей идее встретил Хрущёв в Политбюро, какие нужны были смелость и воля, чтобы выступить со своим сенсационным докладом. Практически один против стаи опасных хищников, защищённый только авторитетом своего поста генсека. Акция осуждения «ошибок» Сталина по своей исторической значимости вполне сравнима с октябрьским переворотом, с тем его моментом, когда Ленину удалось переломить волю своих сомневавшихся в успехе соратников.

Десятилетнее царствование «последнего коммунистического романтика» — это пьянящий глоток свободы, полученный интеллигенцией, это заметное смягчение репрессивной системы, зарождение диссидентства, освобождение политзаключённых, это растущая гонка вооружений, ужесточение политического противостояния СССР и США, новые нелепые эксперименты с народным хозяйством. И столь же нелепые гонения на церковь, это шокирующий советского человека рост цен, никак не вяжущийся с решительным заявлением Хрущёва о том, что уже нынешнее поколение будет жить при коммунизме. Есть ли во всём этом сумбуре какая-нибудь логика? Человеческой логики явно нет, но дьявольская просматривается: советский народ впервые за свою короткую историю заставляют всерьёз усомниться в возможности построения коммунистического общества. Верующих в светлое будущее и историческую избранность страны Советов ещё много, но их вера уже не та, что была раньше.

Вдруг Хрущёва в одночасье свергают (не выдержали нервы у сталинистов), хиленькой новорождённой свободе приходит конец, но странно: вместо ожидаемого укрепления советской государственной системы начинается её загнивание. Наступает «застой» — время прогрессирующего разложения партийно-бюрократического аппарата. Воруют и жируют все этажи власти — от ЦК КПСС до сельских райкомов. Глядя на начальство, распоясываются милиция и суд — поборы и взятки становятся здесь нормой. В стране распространяется эпидемия массового воровства, воруют все, кто может и сколько может, появляется даже специальное словечко «несун», непонятное иностранцам, отражающее всенародный характер хищений «социалистической собственности».

В эти годы во всю свою мощь раскрывается чёрная дыра «затратной экономики». В неё проваливаются миллиарды рублей, уходящие на губительные «проекты века», на вооружение, с помощью которого

можно несколько раз уничтожить жизнь на земле, и прочие нелепости. Эта удивительная, не виданная ещё в истории экономика держит в чёрном теле народ и, в особенности, интеллигенцию, которой нечего воровать. Военная мощь советской державы затмевает глаза её духовным руководителям, и они не видят, как работают многочисленные механизмы, разлагающие основу основ любого общества — человеческие души. Эти опасные механизмы должны были бы стать предметом внимания всезнающих и всеслышащих «органов», ибо забота о безопасности государства — их прямая обязанность. Но любые попытки выявить и обезвредить такие механизмы заранее обречены на провал — слишком много могущественных персон лишилось бы тогда покоя и сна. Поэтому деяния такого рода объявлены антисоветской деятельностью. Разоблачением пороков загнивающего режима занимаются диссиденты, а КГБ доблестно громит их и глушит вредоносные «голоса», давая государству возможность спокойно гнить дальше.

Следуя нашей гипотетической метаисторической модели, смысл эпохи Брежнева можно понимать так: «развитой социализм» сделал своё дело, пора ликвидировать и его вслед за сталинизмом и поставить крест на коммунизме вообще. А поскольку военными средствами эта задача не решается, остаётся одно — разрушить его изнутри. И вот десятками разных способов размывается скрепляющий раствор всей советской системы: вера в её превосходство над капитализмом, вера в её историческую избранность. Множатся могильщики системы, романтики-интеллигенты, мечтающие о том, чтобы в России было «как на Западе», множатся и партжулики, жаждущие поставить воровство на законную основу. Когда придёт срок, и те и другие скажут своё слово! Массы тем временем прозревают до простенького умозаключения: если социализм — это плохо, значит, капитализм — это хорошо. Психологические предпосылки для решительной операции созданы, и вскоре она начинает осуществляться.

Короткое замешательство в Кремле после кончины «пятизвёздочного» генсека (плыть дальше, в неизвестность, или повернуть назад?), вялые попытки сопротивления року в лице престарелых премников Брежнева, сходящих один за другим в могилу. И вот на вершине партийно-государственной пирамиды появляется сказочно быстро туда взобравшийся обаятельный Горбачёв, совсем не старый, умеющий говорить без бумажки (впервые после Ленина, отме-

чают многие). Он собирает вокруг себя группу единомышленников, поверивших в искренность его желания реформировать социализм, и приступает к решительным действиям. После ряда подготовительных выступлений по поводу научно-технического прогресса, который, как водится, нужно всемерно ускорять, он набирается духу и заявляет, что самая совершенная социальная система в истории — развитой социализм — для дальнейшего, ещё большего своего совершенствования, нуждается в перестройке.

А «перестройка» — это ещё один роман в романе, короткий, как комикс. Как много картинок, одна неожиданнее другой, и какая железная, сверхчеловеческая логика в их последовательности!

Эскизный набросок «перестройки», раскрывающий её демонический аспект (есть, разумеется, и Провиденциальный), уже был предложен читателю ранее. Настало время более детально изобразить это исключительное по своей важности для судеб мира геополитическое событие — как оно может быть увидено под углом зрения «Розы Мира».

Всего шесть лет понадобилось демоническим силам, чтобы руками своих многочисленных человекоорудий разрушить экономику и государственность коммунистического колосса. Участие Провиденциальных сил в этой чёрной работе вряд ли возможно допустить — слишком много страданий, крови, физических и духовных убийств, слишком много лжи сопутствовало ей. Да и сценарий на удивление схож с предреволюционным, когда целый выводок партий-жругрят терзал своего престарелого родителя, Второго Жругра, и, в конце концов, уничтожил его.

Разрушение СССР (именно разрушение, а не самопроизвольный распад, как утверждают до сих пор леволлиберальные учёные) — это, прежде всего, грандиозный социальный катаклизм. Его последствия для народов страны оказались столь впечатляюще мрачными, что даже не слишком сообразительным людям вскоре открылась вся глупость наболтанной либеральными утопистами безумной идеи — революционным путём превратить централизованную, глубоко монополизированную социалистическую экономику в рыночную, а тоталитарное государство — в демократическое. Колоссальные политические, экономические, нравственные потрясения в процессе осуществления этой утопии просто неизбежны. Но во имя чего? Во имя какого высшего блага? Неужели, действительно, во имя

возрождения России — её духовных ценностей, её духовной культуры, её государственности? Если бы с самого начала ставилась такая задача, то перестройку (настоящую, а не в кавычках) совершали бы не смердяковы, не русофобы, не партноменклатурная элита, а совсем другие люди, которые сумели бы изгнать бесов из родного дома, не разрушив его.

Но и развал государства — ещё не главная цель демонического стана. По отношению к России его главная цель — разрушение человека, и по преимуществу, русского человека. Нужно окончательно уничтожить базовую систему ценностей русского народа, которая определяет его бытие как творения Божия. Нужно совершить постепенное духовное, а частично — и физическое — уничтожение с помощью костоломных экономических экспериментов и новой идеологической обработки.

Ленин и Сталин выполнили только часть этой операции, так как их игры имели вполне определённые ограничения. Сталинизм умножил в народе пороки: безбожие, лживость, доносительство, трусость и др. Он значительно деформировал русский антропологический и этический тип, однако полностью не искалечил его. Системе это было противопоказано. Система весьма нуждалась в таких традиционно русских качествах, как простодушие, бескорыстие, чувство долга, жертвенность, стыд, доброта. Кто посмеет отрицать, что эти качества были достаточно широко распространены среди советских людей — и партийных, и беспартийных, верующих и атеистов? Без них Сталин, при всей своей жестокости, войну с Гитлером не выиграл бы.

Игра под названием «перестройка» сделала реально возможным за исторически короткий срок «на конституционных основаниях» доделать то дело, которое начали Ленин и Сталин. Главная ставка в этой тёмной игре, как и в двадцатые-тридцатые годы, была сделана на молодёжь. Только теперь её попросту начали растлевать, культивируя в ней жестокость, бесстыдство, цинизм, равнодушие к высшим ценностям и другие черты, признанные порочными у всех культурных народов. Основную порцию яда в юные души впрыскивала останкинская наркоигла; яды изготавливались на телевизионной кухне опытными отравителями.

Какое отношение к разумной рыночной экономике, к идеям свободного предпринимательства может иметь поток грязной кино-

телепродукции и литературы, затопивший страну в годы «перестройки»? В западных странах, имеющих развитую рыночную экономику, существуют законы, ограничивающие распространение подобных товаров. Что скрывается за провокационной идеей абсолютно свободного, нерегулируемого рынка, нигде в современных странах не существующей? Почему был освобождён от налогов шоу-бизнес, в то время как на производительный труд они выросли непомерно, удушая производство в корне? Как могло случиться, что героями нашего времени стали спекулянты, проститутки, гомосексуалисты? «Деловые дети» — какое мерзкое словосочетание! Христос учил: «Будьте, как дети», то есть будьте чисты, как самые чистые существа на свете. А центральное телевидение, возглавляемое бывшим идеологом ЦК, с восторгом рекламирует на всю страну быстрогоглазого сопляка, сколотившего за короткий срок миллион на ловких спекуляциях.

С точки зрения леволиберальных утопистов, это издержки переходного момента на пути к «цивилизованному обществу». С точки же зрения нашей метаисторической модели — процесс разрушения базовой системы ценностей целого народа, стратегия, рассчитанная на поколения. В сущности, это действия того же порядка, что и военные преступления с той лишь разницей, что убиваются не тела, а души, и что в рамках существующих законов доказать преступный замысел и представить обвинение очень трудно. Но для православного сознания совершенно ясно, что тут мы имеем дело с тягчайшим преступлением, совершаемым ослеплёнными, одержимыми бесами людьми — преступлениями против Творения. Если бы эти жалкие люди заглянули в «Розу Мира», если бы поверили её автору, то ужаснулись бы, узнав, какое страшное посмертие их ожидает. «Первым идёт Биаск, инфракрасные пещеры, худшая из алых преисподних ...каждый из узников изолирован от остального мира и видит только своих мучителей — именно тех, которые похожи, как это ни странно, на пресловутых чертей. Сидя здесь, в Энрофе, можно сколько угодно посмеиваться над верой в существование этих рогатых безобразников, но не стоит желать даже смертельному врагу более близкого с ними знакомства... Жертвы Биаска — это те, кто был в Энрофе растлителями духа. Такие преступления расцениваются столь сурово потому, что они приносят больше кармического вреда для тысяч человеческих душ. Даже палач, от руки которого погибли физически сотни

людей, не принёс такого ущерба, как те, про кого сказано в Евангелии: «Кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов и потопили бы его в глубине морской» (М, 84).

Стремительная гибель советского государства, сколько бы объективных причин мы ей ни находили, всё-таки не поддаётся рациональному объяснению. Недостатки есть у любой социальной системы, имелись они и у «развитого социализма»; но они ещё не дошли до такого предела, чтобы нужно было делать безотлагательный выбор: либо в корне перестраивать государство, либо погубить его. Мы обнаружили, что главным пороком советской системы была её закрытость, неспособность к самореформации, и по одной этой причине она должна была когда-нибудь развалиться. Но вот вопрос: когда? Даже при условии сохранения этого порока СССР мог бы просуществовать ещё не одно десятилетие, а там, глядишь, к власти пришли бы аппаратчики помоложе и подальновиднее кремлёвских старцев брежневской эпохи.

Взглянем на дело глазами тех, кто стоял тогда у власти и не помышлял ни о какой перестройке, потому что не видел в ней необходимости. Во-первых, в их руках находились несметные природные богатства, которых при самом беспощадном расхищении (его мы увидели в годы «перестройки»!) хватило бы ещё не на одно столетие. Во-вторых, они располагали мощнейшей в мире армией, способной умерить пыл любого агрессора. И, наконец, в-третьих, под их властью находился очень терпеливый, готовый ко всяким утеснениям народ, прошедший тоталитарную муштру. Страх перед КГБ ли, мафией, терроризмом, безработицей, потерей крыши над головой, голодом и т.д. — проверенные средства управления людьми. Если заглянуть глубоко в душу любого человека любой самой демократической современной страны, то на дне её обязательно обнаружатся какие-нибудь страхи, определяющие его поведение. Мы живём в сильно демонизированном мире, где самые большие успехи в управлении людьми достигались до сих пор, увы, силой страха. Об этом, в частности, с циничной прямоотой говорят тёмно-гениальные «Сионские протоколы»:

«Надо отметить, что люди с дурными инстинктами многочисленнее добрых, поэтому лучшие результаты в управлении ими достигаются насилием и устрашением, а не рассуждениями».

О, если бы кремлёвские властители после Сталина сумели в полной мере оценить возможности созданной ими системы! Если бы держали в строгости чиновничий аппарат, время от времени прочёсывая его железным гребешком, а народу дали бы возможность зарабатывать на сносную жизнь. От демона советской государственности только и требовалось — окультурить, смягчить заложенные Сталиным принципы управления людьми, сохранив при этом твёрдую волю к власти. Воля к власти — вот первое условие успеха на поприще государственного строительства, а уже второе — ум. Избранный в этой книге антропологический подход к крупным историческим событиям позволяет сделать вывод, который кому-то может показаться парадоксальным. Внезапная гибель СССР объясняется, прежде всего, тем, что люди, его возглавлявшие, по каким-то явно иррациональным причинам постепенно утратили то, что составляет жизненное ядро любого нормального государственного деятеля — волю к власти. Последний правитель СССР, словно в насмешку наречённый иностранным словом «президент», слетел с этого поста от лёгкого щелчка, даже не оказав сопротивления. А мог бы! На его стороне была Конституция, ему подчинялись силовые структуры, народ не хотел развала Союза. «Беловежские пущисты», в сущности, должны были быть немедленно арестованными, как опасные государственные преступники, и мундир президента остался бы без единого пятнышка. Но Горбачёв предпочёл активным действиям бесславное падение.

Вот этой-то потере воли к власти у послесталинских руководителей (а уж власть все они любили крепко!) до сих пор не найдено убедительного рационального объяснения. Что может нам сказать по этому поводу «Роза Мира»?

... Сталин был явлением уникальным в мировой истории — тёмным духовидцем и человекоорудием высшего демонического разума. В этом был главный секрет прочности созданной им системы. Но он мог жить и действовать только до тех пор, пока в него поступала энергия из демонических миров Шаданакара. Провиденциальным силам удалось перерезать энергетический канал, питавший Сталина, и Сталин умер. Версия о том, что его отравили, ничего не меняет. Лишённый источника своей жизненной энергии, он вряд ли выдержал бы долго те чудовищные перегрузки, которым подвергал себя.

Во времена Хрущёва с демона советского великодержавия была снята санкция Гагтунгра, так как он вышел из повиновения и едва не спровоцировал третью мировую войну, которая уничтожила бы человечество, лишив демонов источника питательных излучений. Третий Жругр оказался столь агрессивным, что его пришлось укрощать самим демонам. Почитаем интересное для нас сообщение об этом событии метаистории:

«Исполняя волю Гагтунгра, ангелы мрака и рыфры надвинулись на уицраора со всех сторон. Жругр отчаянно сопротивлялся, раругги безуспешно пытались отразить натиск сил, нездешних не только по отношению к ним, но и с точки зрения Друккарга. Уицраор был обмотан по всем тысячам своих щупалец волевыми спиралями. Но уничтожить его, то есть сбросить в Уппум, было нельзя: он ещё мог пригодиться, а кроме того, его гибель не была бы допущена иерархиями Света, ибо без него телесная сохранность российской метакультуры была бы уничтожена уицраорами Запада в несколько дней» (РМ, 235).

Не будем, как всегда, требовать от автора отчёта в достоверности изображаемой им фантастической картины. Для нас важна информация, которую она передаёт. В последних словах можно усмотреть мистический ключ к событиям, последовавшим после смерти Сталина, — вплоть до «перестройки», до того трагического момента, когда телесная сохранность российской метакультуры, похоже, действительно была поколеблена, что отразилось в Энрофе в виде разрушения СССР.

Очевидно, демон коммунистического великодержавия или сильно ослабел за десятилетия, прошедшие со смерти Сталина, или по каким-то причинам полностью лишился поддержки Провиденциальных сил. Ясно, во всяком случае, одно — пассионарность коммунистических вождей, постоянно падая, приблизилась в лице Горбачёва и его единомышленников к нулевой отметке, а у отдельных лиц, пожалуй, превратилась в величину отрицательную.

Здесь опять выплывает волнующая тема об участии иностранных разведок в развале советского государства, но мы её благополучно пропустим за её несущественностью для развиваемой здесь более серьёзной темы.

Обратимся к метаисторическим откровениям «Розы Мира», относящимся к XX веку.

Угроза мондиализма

Даниил Андреев сообщает о важнейшем, ещё до укрощения Третьего Жругра, событии метаистории — начале усиленной инвольтации Великим демоническим разумом демона американского великодержавия Стэбинга:

«Была сокрушена опасность мирового распространения национал-социализма. Обрисовывались уже совершенно отчётливо новые опасности. Одна заключалась в том, что на почве Второй мировой войны с головокружительной быстротой вырос до умопомрачительных размеров уицраор Америки. Казалось, гряда небоскрёбов отделена теперь от Европы не океаном, а лужей воды. Этот уицраор сумел объединиться со своими дальними родственниками в Западной Европе и расположиться так, что его щупальцы шарили чуть ли не у всех границ Советского Союза. Учитывая ошибки своего немецкого предшественника, он вырабатывал идеологическую концепцию, которая против интернационализма Доктрины выдвигала не что-либо провинциальное и локальное, но космополитизм — идею, столь же чреватую всемирной потенцией, как и сама Доктрина. Взор Гагтунгра всё с большим благоговением останавливался на Стэбинге, всё с большим вниманием обращал он часть своих сил на его инвольтирование» (РМ, 226).

С этого момента, хотя Советский Союз грозен и могуч как никогда, удача начинает сопутствовать США. Американский уицраор попадает под высокое демоническое покровительство, и отныне именно США предначертано играть ведущую роль в великом демоническом плане.

Если мы обратимся к событиям, произошедшим в мире после смерти Андреева (1959 год), то обнаружим, что они полностью подтверждают его пророчество об усилении политического значения США во второй половине XX века. Многие события и факты этого времени открывают нам образ империи, стремящейся к мировому господству, но империи принципиально нового типа, имеющей немалые шансы достичь вожделенной цели.

Общая и главная причина провала всех претендентов на мировое господство, сколько их появлялось на арене истории со времён царя Кира до наших дней, состояла в том, что они уповали исключительно на военную силу. Но опасность военной агрессии, как мы

знаем из «Розы Мира», активизирует энергию уицраоров — демонов великодержавия. Поэтому как бы ни был силён очередной претендент на мировое господство, сколь блистательные победы он ни одерживал бы, всех уицраоров планеты он победить не в состоянии. Все великие завоеватели рано или поздно встречали неодолимое сопротивление геополитической среды; созданные ими империи рассыпались.

Но оказалось, что капитализм за двести или более лет своей эволюции выработал средство бескровного захвата власти над миром. Средство это — капитал, и оно гораздо эффективнее оружия. Тот, у кого в руках банковская система, кто направляет и регулирует денежные потоки, предоставляет кредиты, ссуды и т.п., тот и имеет реальную власть в современном мире.

В силу своего особенного географического положения и благодаря умной политике США в XX веке избежали тех великих революционных и военных потрясений, которые выпали на долю Европы и России. Пока народы Евразии воевали, ослабляя друг друга, США неустанно трудились над созданием мировой финансовой системы и над установлением своего контроля над ней. Вторая мировая война колоссально обогатила США, укрепила финансовое могущество американских банкиров и монополий.

В последующие десятилетия мы наблюдаем, как США превращается в подлинного спрута, имеющего «зоны национальных интересов» в самых отдалённых частях земного шара. Успехи науки и техники во второй половине XX века резко стимулировали развитие средств массовой информации, открыв новую эру в борьбе за мировое господство — эру бескровной информационной агрессии, завоевывающей умы и души миллионов людей. Происходит бурная экспансия американского образа жизни с помощью кино, телевидения, рекламы и т.д. в Европу и другие страны мира. Идеология национализма отступает во многих странах под натиском американского космополитизма. В то же время активно насаждается «государственный национализм» в самих США. Американцы полны национальной гордости. Американский флаг поднят над каждым домом. Что происходит в других странах, американца не интересует. Он даже не знает толком, кто, с кем и за что воевал во Второй мировой войне. Американская пропагандистская машина работает на полную мощность. Могущественные масс-медиа создают образ счастливого, богатого,

самого передового государства мира — как бы цели и смысла мировой истории. Америка — религиозная, христианская страна! Это вам не атеистическая Советская Россия. Улыбчивые американские проповедники-протестанты разъезжают по всему свету, выступают на телевидении и на стадионах, неся народам свет библейской истины. Прекрасная маска для Стэбинга! Тем временем он простирает свои щупальца всё дальше, включает в мировую банковскую систему всё новые и новые страны, проникает со своей идеологией в каждый дом через экраны телевизоров. Огромную силу приобретает международный валютный фонд, контролируемый влиятельными финансовыми кругами США. Слабые государства, ставшие его членами, очень часто утрачивают свою экономическую и политическую самостоятельность, развиваются в направлении, выгодном экономике США.

Во второй половине XX века доллар становится международной денежной единицей, имеющей хождение во многих странах мира наравне с национальной валютой, и это афера чистой воды, ибо значительная часть долларовой массы суть не что иное, как резаная бумага. Если бы все страны мира изъяли из своего оборота доллары и бросили их на внутренний американский рынок, то это было бы подобно нашествию саранчи на пшеничное поле.

Долларовая экспансия есть по сути своей завуалированная форма порабощения мира с помощью золотой сети, которую неустанно ткут американские банки. Особенность имперской власти США состоит в том, что за их пределами она, в большинстве случаев, не подкреплена *владением* (ибо слово «власть» и «владеть» — одного корня). Ведь с точки зрения международного права, США всего лишь одна из стран мира. Природные богатства и территории контролируемых США государств формально им не принадлежат, как это было в классических империях прошлого. Российская империя, а позже — СССР, хорошо ли, плохо ли, всегда жили на собственные средства — они *владели* огромными территориями, насыщенными природными ресурсами. О США же известно, что они значительно притормозили разработки стратегических природных ресурсов на собственной территории, предпочитая завозить сырьё из других стран за «резаные бумажки», перед которыми преклонился мир. Известны также убийственные цифры, свидетельствующие о глубоко паразитарной, глубоко антибиосферной — выше всякой меры — сущности американской

экономики. Население США составляет 5,6% от населения мира, они используют 40% всех добываемых на земле природных ресурсов и выбрасывают 70% всех отходов. Игорь Шафаревич, приводя эти цифры в работе «Две дороги к одному обрыву», констатирует, что «США существуют за чужой счёт — за счёт нас и наших потомков, угрожая самому их существованию».

Ясно, что для содержания столь ненасытной социальной системы требуются эвересты «резаных бумажек», поскольку укрощать свои аппетиты американцы, кажется, не собираются.

Воля американских политиков к власти, духовная мощь демона американского великодержавия — вот главный источник успехов США в XX веке, а вовсе не разумность и совершенство американской экономики. С биосферной, экологической точки зрения, эта экономика ещё более порочна, чем социалистическая. Главным условием её существования является непрерывный рост, и это страшно. Если бы все страны мира возымели такой же аппетит, как американцы, то в самом скором времени наступила бы глобальная экологическая катастрофа.

Следует признать, что процесс возвышения американской государственности в XX веке в действительности сложнее описанной выше схемы. Он скрывает в себе некую позорную тайну, о которой Андреев знать не мог. США как политическая система не изменились, статуя Свободы и Капитолий стоят на месте по-прежнему, но Стэббинга, похоже, вытесняет какой-то другой демон. Современная Америка значительно отличается от Америки XIX века. В той Америке ещё было место романтике, свободе, идеалам. Она попала в те самые сети, которые плела для всего мира. Фактически власть в нынешних США принадлежит не президенту и сенату, а банкам, значит узкой группе владетельных персон, скрывающихся в тени.

На смену старой, не оправдавшей себя идее мирового господства с помощью военной силы, в XX веке пришла идея завоевания мира силой денег. Хлопотно и дорого держать гарнизоны солдат на завоёванной территории, провоцируя население на национально-освободительную войну. Что, собственно, побуждало агрессоров к захвату чужих территорий? Возможность распоряжаться их природными богатствами, материальными ценностями, человеческими ресурсами. Но эту же задачу с успехом могут выполнить и деньги. Со-

временную мировую систему можно уподобить кровеносной системе человеческого организма. Государство, потерявшее независимость и включённое в мировую финансовую систему, начинает управлять чужой волей ради чужих интересов.

Но как заставить культурные страны с традицией, верой, своими обычаями пойти на такой шаг? Для этого нужна соответствующая обработка массового сознания, нужны бездарные политики, утратившие чувство национального самосохранения, болтающие, к примеру, о срочной необходимости «приобщения к мировому сообществу» гигантской страны, представляющую собой самостоятельную планету, нужно скомпрометировать само понятие национального, противопоставив ему космополитическую доктрину всемирного объединения на основе «общечеловеческих ценностей». Нужны, наконец, конкретные политические акции, тайные и явные, направленные на достижение этой цели.

Весь этот комплекс мер составляет суть *мондиализма* идеологии «всемирности». Вряд ли она имеет конкретного автора, как коммунистическая или нацистская идеологии, но она существует в политических деяниях, статьях, выступлениях, художественных произведениях и т.п. Аналогией ей можно считать, например, идеологию эпохи Просвещения, когда множество творческих личностей — художников, писателей, философов — попало в некое единое духовное поле антихристианских, материалистических, утопических идей. Эти люди действовали вполне согласованно, дополняя друг друга, не нуждаясь при этом в писаной программе.

Наблюдательные люди воссоздали мондиалистскую идеологию по тем тёмным, противобожеским делам, которые она вершит в современном мире, и указали на её центр — США.

Ввиду исключительной важности этой темы и неосведомлённости в ней подавляющего большинства людей придётся прибегнуть к пространным цитатам:

«Сегодня в нашей политической ситуации существует множество тёмных моментов, и поэтому одной из актуальнейших тем в прессе и политике стала проблема заговора. Однако чаще всего в подобных обсуждениях присутствует какая-то недоговорённость, обрывочность, апелляция к эмоциям и чувствам, а также — практически во всех случаях — чудовищный недостаток информации и конкретных данных. Мы хотели бы привести краткую фактологию одного из

предполагаемых “мировых заговоров”, который, однако, является реальностью современной геополитики. Мы имеем в виду так называемый мондиализм (от французского слова *mondial* — “всемирный”). Этот геополитический феномен представляет совершенно новое направление в области мировых идеологий, так как его нельзя отнести ни к разряду “левых”, ни к разряду “правых”, то есть более или менее традиционных геополитических конструкций, и, однако, именно он постепенно становится всё более и более важным критерием в определении политической ориентации всех государств и народов мира. ...если уж говорить о “мировом заговоре”, то первыми претендентами на роли заговорщиков будут не масоны, которые сегодня слишком архаичны, и не мафиози, которые слишком мелки, а именно носители мондиалистской идеологии. Когда-то над разоблачителями “заговора большевиков” либералы и демократы высокомерно посмеивались. Всё кончилось октябрьским вооружённым восстанием и великими геополитическими катаклизмами, связанными с победой коммунистов в отдельно взятой стране. Начиная с 60-х годов разоблачители “мондиалистского заговора” также являлись мишенью для острот умеренной прессы, когда они утверждали, к примеру, что закулисные интернациональные силы на Западе готовят объединение Европы без государств».

Автор цитаты обозначает три основных этапа становления мондиалистской идеологии: это Совет по международным отношениям, учреждённый американским банкиром Генри Морганом в 1921 году; Бильдербергская группа, основанная знаменитым авантюристом XX века Иосифом Реттинером в 1951 году; Трёхсторонняя комиссия, названная так по числу основных участников: США, Европы и Японии (1973 год).

Читаем далее в той же статье:

«Смысл действия Комиссии, а равно и всего мондиализма, можно выразить словами Джеймса Пола Уорбурга, сказанными им американскому сенату 17 февраля 1950 года: “Хотите вы или нет, но у нас будет мировое правительство. Единственный вопрос состоит в том, произойдёт это путём консенсуса или путём насилия”. Для осуществления этого плана мондиалисты Трёхсторонней комиссии привлекают в свой “внешний круг” политиков, промышленников, учёных самых разных идеологических ориентаций. “Левые” помогают мондиалистам дезорганизовать религиозные структуры, основы семьи,

образование, армию — и всё это во имя либерализма, пацифизма, чисто светского милосердия, эгалитаризма и социальной справедливости. “Правые” (“экономические” правые, правые в западном смысле этого слова, то есть представители крупного капитала) во имя экономической свободы, свободного рынка, неограниченного обмена и экономического динамизма разрушают экономическую самобытность маленьких традиционных предприятий, фермерство. И, наконец, “центристы” во имя дружбы между народами и гуманизма подтачивают идеи нации и патриотизма. Так мондиализм использует в своих целях весь спектр политиков, манипулируя тенденциями и, по мере необходимости, поддерживая то одних, то других.

... “Новый мировой порядок”, к которому мондиалисты подталкивают народы и государства, как правило, преподносится в довольно расплывчатых формах под маской обычных пропагандистских и “общечеловеческих” лозунгов. И действительно, далёкую перспективу этого порядка трудно обрисовать конкретно. Очевидно лишь то, что всякая социальная, национальная, политическая и религиозная традиционность, ещё сохранившаяся в современных обществах, должна быть отменена и люди должны превратиться в некую однородную, неразличимую массу, пребывающую в постоянном перемещении, то есть не имеющую ни национальности, ни пола. Ни экономических, ни религиозных границ. Только над подобной стихией возможен абсолютный экономический и технический контроль, в ином случае всегда наталкиваются на некие естественные формы защиты человеком, обществом или нацией своей индивидуальной особенности.

Важно подчеркнуть, что мондиализм противостоит не только национальным и религиозным государствам (исламские страны, Индия и т.д.), но и самим капиталистическим странам, которые ещё не до конца нивелированы космополитической бюрократией и сохраняют хотя бы остатки национальной, культурной или религиозной обособленности... в отношении существования у нас в СССР филиалов мондиалистских организаций точных сведений нет, хотя сама логика вещей и особенно перестроечные и конвергенционные процессы, которые привели к крушению социалистического лагеря, настолько вписываются в мондиалистские проекты, что практически невозможно отделаться от ощущения, что и в СССР действует на высшем уровне какой-то невидимый агентурный блок».

По мнению автора, стартовой точкой мондиалистской программы следует считать Совет по международным отношениям (1921 г.), её движущей силой являются крупные банки, а лидер глобалистских проектов — США.

Аналогичная информация о мондиализме содержится также в статье одного из руководителей ВСХСОН Евгения Вагина. Из предлагаемых ниже выдержек из его труда вырисовывается откровенно демоническая природа этой идеологии:

«Мондиализм рождается из ненасытной жажды богатства и власти самих по себе... Мондиализм, который постепенно устанавливает свою власть над всеми народами земли, определённо стремится к глобальному... вековечному господству над всем человечеством. Любой народ, любой уголок планеты, каждый отдельный индивидуум — актуальная или потенциальная жертва этого спрута, который охватил своими щупальцами весь земной шар. Его господство — в одно и то же время экономическое, политическое, социальное, культурное, он претендует на то, чтобы исправлять нравы и управлять общественной и частной жизнью всех людей, вплоть до достижения всецелого контроля над мыслями... Мондиалистская идеология — прямая наследница демократического просвещения масонской окраски, которому был привит сионистский интернационализм».

А вот некоторые суждения Вагина о целях мондиализма в захватываемых им странах, необычайно актуальные для России конца 90-х годов (статья была опубликована в 1991 г., а написана ещё раньше):

«Снижение воинского духа и дискредитация вооружённых сил, ... чтобы они никогда не смогли стать источником или инструментом восстания... Всемирная экономическая интеграция, ... чтобы никто из них не был в состоянии достичь положения самодостаточности... Революция нравов, которая отбрасывает в сторону социальные роли, определявшие в течение тысячелетий жизнь любого человеческого общества... в свете этого находит объяснение пропаганда рок-музыки, порнографии, эротического кино, сексуального воспитания в школах, отказа от отцовского авторитета и мифологизация женской сексуальной свободы, с принижением и высмеиванием таких традиционных ценностей, как чистота, девственность, верность и банализация любви... Денационализация народов — стирание их исторической памяти — посредством насильственной и массовой имитации американских моделей и образцов».

«Дьявольские дела творятся в темноте», — говорит английская пословица. Как уже замечалось ранее, не существует фундаментального труда наподобие «Манифеста коммунистической партии», в котором прямо и открыто излагалась бы программа мондиализма. Но у нас есть возможность убедиться в верности суждений Охотина, Вагина и других исследователей мондиализма, познакомившись с тем, что сообщает на ту же тему метаисторик.

Прежде всего, следует понять, что стремление к всемирному объединению вовсе не является чем-то изначально порочным, бесовским, как думают, например, православные «фундаменталисты». Андреев говорит, что это знамение времени, стихийное явление, вызванное объективной необходимостью:

«На что указывает это знамение времени? Не на то ли, что всемирность, перестав быть абстрактной идеей, сделалась всеобщей потребностью? Не на то ли, что мир стал неделим и тесен, как никогда? Не на то ли, наконец, что решение всех насущных проблем может быть коренным и прочным лишь при условии всемирных масштабов этого решения» (РМ, 9).

Андреев говорит, что всемирное объединение есть цель не только демонических начал, но и Провиденциальных, которые поставили её очень давно. Невозможно, однако, не видеть, что в политической реальности второй половины XX века явно преобладает демоническая тенденция, олицетворённая в американском империализме. В «Розе Мира» мы находим ряд недвусмысленных высказываний по поводу большой вероятности такого хода событий в будущем.

«Умостить историческую и социальную дорогу ко всемирной тирании в Энрофе тогда пришлось бы не Доктрине, а той концепции, которая победила бы её и на основе космополитизма создала бы новое прельстительное универсальное учение» (РМ, 229).

«...но даже в случае победы американского иуцраора можно было бы использовать эту победу для будущего объединения мира на почве бездуховного учения, возникающего из космополитической концепции» (РМ, 233).

«...это будет возникшая перед людьми необходимость выбора между объединением земли под этическим руководством Розы Мира либо объединение на какой-то иной основе, может быть, на основе космополитической концепции Америки, во всяком случае, на основе менее духовной, безрелигиозной, морально ущербной» (РМ, 239).

«Особенно неистовствовал Стэббинг, опутавший щупальцами своих монополий и торговых фирм чуть ли не половину Энрофа. Однако экономического порабощения и высасывания ему было мало, это была только ступень... Поэтому Стэббинг не мог удовлетвориться только экономическим проникновением в эти земли — ему требовалось и политическое их подчинение...» (РМ, 234).

Со времени их написания прошло более сорока лет. Мир сильно изменился, и мы видим, что в этом новом мире, освободившемся от коммунизма и национал-социализма, всё больший вес и всё большее влияние приобретает американская космополитическая концепция объединения, которую и называют мондиализмом. Мы видим, что она новыми, более «гуманными» средствами продолжает дело, которое грубыми средствами пытались сделать её идеологические предшественницы. Её первые крупные успехи — развал «социалистического содружества», готовящееся вот-вот свершиться объединение европейских государств с единой денежной единицей и подобное же объединение США, Канады, Мексики.

Необходимо признать, что демоническая природа мондиалистской идеологии далеко не очевидна для людей, находящихся вне влияния великих мировых религий и вне своих национальных космозов, — а таковых, благодаря успехам мондиализма, ныне становится всё больше. Эти люди не понимают, что всесмешение наций, языков, государств само по себе не решает проблемы справедливости, на что особенно напирают мондиалисты. Более того, такое смешение грозит довести её до такой остроты, какой не знали религиозные эпохи. И дело тут не только в греховности человеческой природы, которую мондиализм делает ещё греховнее. Тут как раз возможна надежда на «уравновешивающие факторы» — полицию, профсоюзы, религиозную проповедь, которые до поры до времени ещё смогут быть действенными силами в объединённом супергосударстве. Главная беда в том, что вся гигантская материальность западной цивилизации создана на основе принципиально порочных, противобожеских экономических принципов, а от них мондиалисты не откажутся ни в коем случае — ради их сохранения они и хлопочут о всемирном объединении.

Почитаем ещё одну интересную работу, книгу доктора геолого-минералогических наук А.Н. Дмитриева и журналиста А.В. Русанова «Неизбежность необычного».

...Земля — это живой организм, говорят её авторы. Закладка месторождений — закономерность, а добывание их, фактически выдирание огромных количеств вещества и энергии есть, в сущности, злонамеренное деяние, так как при этом уничтожается организация планеты, «человечество учиняет ей прямой разгром». Это «жуткое истязание Земли» вызвано, по мнению авторов, идеалами технологической цивилизации, её стремлением к высоким жизненным стандартам. Авторы считают, что такая ориентация человечества является «ложью в организации жизни и деятельности людей, поскольку всемирное, в том числе и российское равнение на среднего американца означает полное разрушение геолого-географической среды, а это вызовет общепланетарную катастрофу».

Главной движущей силой прогрессирующего разрушения биосферы авторы называют *прибыль*. Прибыль, и это самое скверное, является нормой мышления любого экономиста-рыночника. «Прибыль — абсолютное оружие, ибо каждый новый миллион долларов или рублей — это убийство геологических тел, убийство других форм жизни — растений и животных, а вместе с ними — и человека».

А вот и главное обобщение, особенно поучительное для нашей «перестраивающейся» страны:

«Третье тысячелетие Европа (точнее, цивилизация европейского типа) встречает без собственных естественных ресурсов: минеральных, почвенных, энергетических, без саморегулирующихся устойчивых лесов, с громадным дефицитом чистой пресной воды. Такое положение дел ставит перед Западом задачу экономической экспансии на российские ресурсы, а для того чтобы она была осуществлена, потребовалась *скоростная* адаптация нашей идеологии и нашего образа жизни под западные образцы».

Перед нами самый глубокий взгляд на современную геополитику, частью которой является «перестройка», глубже может быть только взгляд метаисторика. Нет сомнения, что любое крупное событие многомерно и многозначно и не может быть уложено в простую схему. Но если говорить о мондиалистском аспекте «перестройки», то, исходя из предложенного взгляда, он состоит в том, чтобы продлить существование антибиосферной технологической цивилизации Запада за счёт природных ресурсов России, продлить до того момента, когда эта цивилизация, водительствоваемая США, сумеет создать под эгидой «мирового правительства» глобальную политическую систему, после чего

западным демократиям вполне может прийти конец. Разграбление биосферы зашло так далеко, приобрело такую колоссальную силу инерции, что остановить его можно только силой, только через централизацию власти, с демократиями несовместимую. А уж этот новый тоталитарный режим новыми методами сумеет установить старый, как мир, «новый порядок», то есть резко сократит аппетиты большинства, да и само большинство («цивилизованными методами», разумеется, без расстрелов и газовых камер). И сбудутся тогда сразу все фантастические антиутопии, созданные эпохой демократий.

...Западные страны вступают в эпоху биосферного существования. В США на аэродромах летают бабочки — индикатор чистоты воздуха, в Австралии, Германии, Швейцарии очищают до первозданной свежести реки, изобретают новые очистительные сооружения, безотходные технологии, укрепляют систему здравоохранения и социальной защиты, борются с курением, алкоголизмом, наркоманией. Запад снова ведёт мир к новому счастью, но значит ли это, что в скором будущем и в Африке, и в Латинской Америке, и в России — во всех ограбленных финансовым спрутом странах «третьего мира» — начнутся благодатные перемены?

Равно на честных и бесчестных льётся
Господень дождь с небесной высоты,
Но честным всё же больше достаётся,
Бесчестные крадут у них зонты...

(Юлиан Тувим)

На пути, навязываемом человечеству мондиализмом, «господень дождь» будет только усиливаться, а зонтов становиться всё меньше. Спасти человечество, объединив его на нравственных и разумных началах, может только *философия самоограничения*, ставшая *душой* экономики. Но о ней нет ни слова в мондиалистских планах. Потому что это светлый путь, проложенный мировыми религиями. Для мондиализма он неприемлем...

Глава 5

МИР В ПРЕДДВЕРИИ ФУНДАМЕНТАЛЬНОГО ВЫБОРА

Принцип неопределённости в человеческой истории

Логика нашего повествования привела нас к главному вопросу, без решения которого любая самая убедительная философия превращается в игру для досужих умов. Это вопрос о том, по каким сценариям могут предположительно развиваться мировые события, и способно ли человечество в принципе повлиять на их ход? Любое мировоззрение только тогда имеет настоящую цену, когда предупреждает о грозящих опасностях и объясняет, как нужно действовать, чтобы избежать их, когда оно помогает нации, государству, цивилизации жить и сохраняться во времени.

Итак, мы приступаем к анализу заключительной, пророческой части «Розы Мира», наиболее, может быть, уязвимой из всего произведения. Что рассказывает она о грядущей эпохе?

Не останавливаясь ни на миг, могучий поток фантазии Андреева выносит нас в эту не предугаданную ни одним фантастом, очень странную эпоху, напоминающую громадную, освещённую солнцем цветущую долину на фоне далёкого розового фронта. В ней действительно очень странно совмещены упования философии прогресса и христианская эсхатология, христианские представления о конце Света. Картина длительного всепланетного процветания под благодетельной властью Розы Мира начинается в некоторый момент тускнеть и затем сменяется нарастающим разгулом сатанинских сил, властью Антихриста и нечеловеческих существ — игв, погружением остатков человечества в крошечную духовную тьму. И вдруг — яркая вспышка: Второе Пришествие Христа, преобразование мира, изгнание демонических существ из планетарного космоса и наступление новой зона...

Те, кто хорошо знаком с христианством, с его духовными исканиями, без труда узнают в андреевской модели некоторую разновидность хилиастического учения о тысячелетнем царстве праведников, которое наступит на земле перед приходом Антихриста. Этот сюжет описан в Откровении Иоанна, когда ангел, сошедши с небес, заключит дьявола в бездну и свяжет его на тысячу лет (Откр., 20: 1). «Когда же закончится тысяча лет, сатана будет освобождён из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырёх углах земли» (Откр., 20: 7). Но силы Антихриста, согласно пророчествам Иоанна, процарствуют недолго и будут уничтожены огнём, ниспосланным с неба. Тогда наступит финал эсхатологической драмы: воскресение мёртвых, Страшный Суд, Преобразование мира.

Не исключено, что именно эта идея вдохновляла преп. Серафима Саровского в его пророчестве о том, что Россия, после долгого пути страдания, воскреснет незадолго до конца Света в силе и славе. Об атмосфере хилиастических ожиданий в западном христианстве сообщает (с осуждением) Серафим Роуз: «Так, многие католики верят в хилиастический “Век Марии” перед концом Света, и это только один из вариантов широко распространённого латинского заблуждения — попытки “освятить” мир или, как выразился пятнадцать лет назад епископ города Сиэттла Томас Конноли, “превратить современный мир в Царство Божие в ожидании Второго пришествия”. Протестанты-евангелисты, как, например, Билли Грем в своём оши-

бочном толковании Откровения, ждут тысячелетия, когда Христос будет править на земле».

Хилиазм был отвергнут Церковью в III веке, но возродился неоднократно на протяжении всей христианской истории. Можно, однако, понять, читая «Розу Мира», что хилиастическая традиция не заимствована Андреевым у предшественников, а сложилась органически в процессе создания книги. Она усвоена им путём непосредственного, индивидуального духовного опыта от высших иерархий Шаданакара. Нам не остаётся ничего другого, как сделать выбор между решением церковного собора семнадцативековой давности, вызванным не вполне понятными соображениями (что, собственно, порочного находят ортодоксы в хилиастической идее?), и новым откровением, отказ от которого лишает наше многострадальное отечество всякой надежды на возрождение, а для всего остального мира означает капитуляцию перед силами тьмы.

Главы «Розы Мира», посвящённые будущему человечества, не следует, разумеется, понимать как пророчество о событиях, которым суждено произойти именно в таком виде и такой последовательности. Не будем забывать, что «Роза Мира» представляет собой плод титанических усилий её автора соединить несоединимое. Бесконечно сложный и глубокий мистический опыт, непередаваемый до конца никакими языковыми средствами, Андреев вынужден заключать в ограниченные литературные формы. С «точки зрения» высших миров Шаданакара, «Роза Мира» при всей своей гениальности есть произведение грубо упрощающее, редуцирующее запредельную реальность — как, впрочем, и все религиозные мифы, включая миф христианский.¹ Но раз уж оно — появилось, значит, и в таком виде оно необходимо и полезно для людей. Бесконечный Бог говорит с человеком ограниченным языком (Н. Бердяев). Об этом нельзя забывать ни на минуту, читая «Розу Мира». Рассказывая о будущем планеты, Андреев, в сущности, пишет произведение из жанра художест-

¹ Грубость собственных мифов не замечается верующими только из-за привыкания к ним. Зато как режет религиозный вкус грубость чужих мифов! У индуистов, например, вызывает крайнее неприятие христианская идея вечных мук, отпущение грехов и некоторые другие основные положения христианства. Христиане же испытывают неприязнь к индуистской Божественной Троице — Тримурти, в которую введено разрушительное начало. Она им кажется профанацией Бога. Но тот же аргумент могли бы предъявить христианам и индуисты.

венно-философской литературы, в основе которого, однако, лежит подлинный духовный опыт. Он не только не претендует на роль ясно-видца, способного предсказать точный ход исторических событий, но решительно отвергает саму возможность такого предвидения. Об этом предельно конкретно сказано в самом начале последней, 12-й, книги «Розы Мира»:

«Во всей своей определённости и всей своей полноте Грядущее ведомо только Всеведущему. Перед нами же оно предстаёт как непрерывно ветвящаяся цепь дилемм. Каждое звено этой цепи двойственно: оно составляет пару взаимоисключающих возможностей. Мы никогда не смеем сказать с абсолютной уверенностью: при наступлении такого-то звена человечеством будет сделан выбор именно этой, а не другой возможности. Я не могу сказать, например: Роза Мира придёт к власти тогда-то и так-то, я даже не могу сказать, придёт ли она к власти вообще. Но если в момент наступления определённого исторического звена, определённой пары возможностей, человечеством будет сделан выбор в сторону призвания Розы Мира к власти, то с железной логичностью перед ним вскоре предстанет необходимость выбора одной из двух следующих возможностей. И если будет сделан выбор в такую-то сторону, вскоре возникнут очертания новой, третьей пары; если же в другую — следующая пара возможностей возникнет перед ним тоже, но она будет иной. Чем зорче метаисторическое зрение, тем дальше в туманах будущего различает оно эту цепь ветвящихся дилемм. История знает и такие явления, и даже таких личностей, которые подготавливались могущественными началами — светлыми или тёмными — так тщательно, так издавека, им придавалось такое огромное значение и столько сил на эту подготовку было брошено, что они сделались фактически неизбежными. Но как именно осуществляются эти явления в истории, будут они завершены или прерваны, выполнены согласно мечтавшемуся идеалу или искажены, а если искажены, то в какой именно степени — этого предсказать было невозможно, и не только людям, но и разуму высоких иерархий, потому что невозможно было предугадать, принадлежат ли одному из мировых станов, соотношение борющихся сил в роковую минуту их решающей битвы» (РМ, 238).

Задержим внимание на этом важном пункте метафилософии истории «Розы Мира». Ранее уже говорилось, что творческий, рационально непредсказуемый характер человеческой истории обуслов-

лен участием в ней трёх относительно самостоятельных деятельных начал: Провиденциального, демонического и человеческого. Таким образом, «Роза Мира» отрицает и исторический детерминизм, и хаос случайного в историческом движении. В известной степени, это движение предопределено некоторыми обязательными для прохождения пунктами, но сам процесс движения от пункта к пункту и характер их прохождения не могут быть предугаданы никем, кроме Бога.

«Таким образом, некоторые узловые события больших процессов пребывают в грядущем как бы неизбежно предрешёнными точками. Но их чрезвычайно мало, да и они, осуществляясь в истории, могут принять тот или иной вид, ту или иную степень желаемой полноты. Рождение Планетарного Логоса в человечестве было предрешено на тысячелетия раньше, чем оно совершилось в Палестине. Но в каком народе и в каком веке оно произойдёт, стало определяться несравненно позднее. Вопрос же о том, закончится ли оно Его победой, полным завершением Его миссии, частичным ли её выполнением, либо даже временным поражением, — этот вопрос оставался непредрешённым и непредрешимым до тех пор, пока борьба не закончилась предательством Искарриота. И никто, кроме Всеведущего, даже Сам Иисус, не мог заранее знать степени победы или поражения» (РМ, 239).

Описанная Андреевым модель исторического развития с «неизбежно предрешёнными точками» узловых событий и непредрешёнными путями их прохождения чрезвычайно напоминает известный военным и туристам способ движения по азимуту в условиях сильно пересечённой местности. Когда прямое движение в намеченном на карте азимутальном направлении оказывается невозможным, то группа выбирает на линии этого направления какой-нибудь естественный ориентир, «неизбежно предрешённую точку», например, высокое дерево, скалу, строение, и пробирается к нему окольными путями, постоянно держа его в поле зрения. Затем, достигнув, выбирает следующий ориентир и снова движется, петляя и уклоняясь в сторону от азимутальной линии...

Эта всегда присутствующая в живой истории непредугаданность точной траектории движения, причём не только людей, но и высших иерархий Шаданакара, и демонических начал, равно исключает и формулу пессимизма, и формулу оптимизма в отношении будущего, оставляя место чувству более глубокому и прочному — надежде.

Метафизическая история Андреева приводит нас к выводу, что XXI век обещает быть весьма мрачным, в особенности — для России, если откровения «Розы Мира» не будут восприняты теми, кто, так или иначе, причастен к историческому творчеству. Человечество, не ведающее о существовании планетарного космоса Земли и гнездящихся в его низших мирах высокоинтеллектуальных демонических сущностях, становится в решающие моменты истории беззащитным перед ними, и они получают возможность незаметно подвигать ход исторических событий в желательном для себя и опасном для человечества направлении.

Что такое утопия?

Книга 12-я «Возможности» в художественно-публицистической форме повествует об одном из возможных вариантов будущего, наиболее счастливом, к которому человечеству следовало бы стремиться, хотя его вероятность вызывает у самого автора немалые сомнения. На пути к нему человечеству предстоит решить ряд великих дилемм и каждый раз не ошибиться в выборе. В годы, когда создавалась «Роза Мира», дилеммой такого рода был выбор между третьей мировой войной и мирным сосуществованием. Противостояние двух политических лагерей было тогда столь острым и бескомпромиссным, что Андреев считал шансы на его мирный исход минимальными:

«Если же теперь будет сделан выбор в сторону мира — шансов на это, к сожалению, немного — Роза Мира получит возможность проявиться во всей полноте, — но это ещё только возможность» (РМ, 239).

В случае же мирного исхода противостояния, говорится далее, возможна дилемма: выбор объединения Земли под этическим руководством Розы Мира «либо объединение на какой-то иной основе, может быть, на основе космополитической концепции Америки... менее духовной, безрелигиозной, морально ущербной» (РМ, 239).

Мы были свидетелями тому, как уже в эпоху Брежнева стало ясно, что третья мировая война предотвращена. Кульминационным моментом в решении проблемы стал вывод советских войск из Афганистана. Мы видели далее, что с приходом к власти в Кремле Горбачёва

и его «команды» стремительно созрела идея перестройки СССР в духе принятия «общечеловеческих ценностей» и слияния с «мировым сообществом». Под этими псевдонимами, как оказалось далее, скрывалась совершенно неизвестная советским людям мондиалистическая идеология, морально не менее ущербная, чем коммунистическая, которую она явилась заменить в их головах. Её первым впечатляющим успехом, механизмы достижения которого покрыты мраком неизвестности, было разрушение СССР, вызвавшее цепную реакцию губительных событий: развал экономики, локальные, явно спровоцированные гражданские войны и межнациональные «конфликты», резкий рост преступности и т.д. На наших глазах эта идеология с помощью дикого капитализма, при активнейшем участии средств массового обольщивания принялась осуществлять жестокую антропологическую операцию над молодым поколением, выращая из него безликое космополитическое быдло, удобное для будущих манипуляций со страной и её природными богатствами. Прошло немного времени, и уже самые неповоротливые умы сообразили, что расчленённой на части России грозит участь сырьевого придатка для элитарных стран в «новом мировом порядке». Об этой опасности во всеуслышание заявил с экрана А. Солженицын.

Совершенно чётко обозначилась тенденция к превышению смертности перед рождаемостью среди русских, обещающая уменьшить население страны наполовину в течение ближайших уже десятилетий.

Вот что, оказывается, таило в себе андреевское определение космополитической концепции объединения как бездуховной, безрелигиозной, морально ущербной! Нас не должен сбивать с толку религиозный аспект мондиалистической стратегии — широкое распространение Библии, экуменические контакты, изобилие духовной литературы, хлынувшей на российский книжный рынок, и даже дозированное благоволение «мирового сообщества» Русской Православной Церкви. Тут необходимы некоторые пояснения.

«Новый мировой порядок» в условиях прогрессирующего истощения природных ресурсов планеты, экологических, демографических и пр. проблем рано или поздно объективно выльется в кастовую систему, подобную той, которая много раз была описана в фантастических антиутопиях (например, в «Часе быка» И.Ефремова). Проповедь смирения перед злом, повиновения властям, обращённая

к миллиардам «кжи»¹, которые составят фундамент этой системы, будет важным уравновешивающим фактором, совершенно необходимым для его существования.

Мы пребываем сейчас, то есть в девяностые годы двадцатого столетия, в промежутке между двумя обозначенными Андреевым дилеммами. Выбор мирного пути сосуществования можно считать свершившимся фактом, и теперь вступает в действие инспирируемая демоническими началами программа всемирного объединения по мондиалистическому варианту. В какой срок она будет завершена, сказать пока трудно, ибо против неё, как отмечалось ранее, выступили стихийные силы сопротивления в виде различных националистических и религиозных течений. Самая мощная из них — исламский мир, ислаимзм, предлагающий свою собственную программу всемирного объединения под зелёным знаменем Пророка.

Из сказанного следует (если, конечно, наша политическая модель верна), что время ещё есть, и мы, русские, должны употребить его на основательное изучение культуротворческих идей и метаисторических откровений «Розы Мира».

Андреев говорит об этом промежуточном времени с уверенностью ясновидящего, но его слова, разумеется, следует понимать только как призыв к действию:

«... за период от первой до второй дилеммы она успеет достигнуть широкого разветвления, создаст многочисленные кадры, выдвинет немало выдающихся деятелей, окажет своё влияние на ход общего культурного развития и разбросает семена по всему лицу земли» (РМ, 239).

Мондиалистическая идеология дезориентирует несведущих — тех, кто с самыми лучшими намерениями работает на неё. Они принимают совершаемые в её духовном поле глобальные деяния за нечто безусловно положительное, процесс, совершающийся в силу «объективных законов истории», якобы ведущих человечество к всё большей свободе, к всеобщему благу. В действительности же мы имеем тут дело всего лишь с тёмным вариантом объединения из двух возможных. Новый передел мира, вызванный мондиализмом, нару-

¹ КЖИ — короткоживущие. Так называет Ефремов в своём романе касту простых тружеников, рабов, обслуживающих элиту, узурпировавшую право на здоровую, долголетнюю жизнь.

шил неустойчивое политическое равновесие, существовавшее до гибели СССР. Он резко активизировал деятельность демонов национализма, исламского фундаментализма, породил дурную бесконечность сменяющих одна другую локальных войн, вызвал небывалый, грозящий стать опасностью номер один, всплеск международного терроризма, создал благоприятные условия для размножения всевозможных сатанических сект; он, наконец, нанёс тяжелейшую травму России. Мы видим, таким образом, что всемирное объединение по мондиалистскому проекту совершается средствами, ведущими к дальнейшему разрушению человека, и поэтому независимо уже от воли его исполнителей создаёт действительно объективные предпосылки для следующего исторического этапа — всемирной сатанократии. Это не путь к новой свободе, а путь к новому рабству...

Но существует, оказывается, и светлый вариант объединения. Его основные идеи изложены в первых трёх главах 12-й книги. Следует, прежде всего, определиться в оценке изображённого в них широкомасштабного живописного полотна. Оно воспринимается многими читателями как чистой воды социальная утопия наподобие утопий Платона, Мора или Чернышевского. А к утопии у здравомыслящих людей отношение известно. Под утопией они понимают организацию жизни, противоречащую «реальному человеку», каким он открылся психологии, психиатрии, социологии и другим «наукам о человеке», рождённым безрелигиозной эрой.

Но этот «реальный человек» — «технологический», «одномерный» — появился в результате разрушения христианских культур демоническими началами. Ориентироваться на него — как раз и означает строить утопию. Ведь с христианской точки зрения, основанной на Евангелии, утопия есть нечто прямо противоположное вышеприведённому расхожему мнению. Это любой социальный строй, создаваемый без божьего благословения в угоду греховному, открытому для дьявольских инспираций человеку, и вследствие этого обречённый уже при рождении. «Напрасно человек созиждет, если не созиждет Бог», — говорит псалом. Более точной и глубокой оценки сущности утопии пока не придумано.

Принято считать, что утопии трудноосуществимы или вообще неосуществимы, а там, где дело идёт легко и быстро, создаётся нечто долговечное и надёжное. И здесь перепутаны оценки. Легче всего осуществляются именно утопии — потому хотя бы, что имеют тёмную

природу, а мы переживаем сильно демонизированную эпоху, когда тёмные начинания получают мощную поддержку со стороны демонических сил. Бердяев отнюдь не оригинальничал, называя XX век веком сбывшихся утопий. Лёгкость, с которой начал осуществляться мондиалистский план, те великие потрясения, в которые он ввергает народы, может быть, более всего свидетельствуют о том, что мондиализм — это утопия и, как все утопии, будет иметь печальный конец.

В «Розе Мира» говорится, что главным духовным двигателем мировой политики во второй половине XX века станет Стэббинг, снижавший внимание верховного планетарного демона. Так оно, в общем, и получилось. Однако мы, русские, на собственном горьком опыте знаем, сколь ущербно творчество демонов. Значит, от Стэббинга, как и от Третьего Жругра, ничего хорошего, в итоге, ожидать не приходится. Его историческая задача, о которой американские политики, конечно, и понятия не имеют, состоит в том, чтобы «умостить историческую и социальную дорогу ко всемирной тирании» (РМ, 229), после чего его, скорее всего, ждёт судьба Третьего Жругра. Какой демон и когда сокрушит его, сказать сейчас трудно, но знаменитой американской демократии и американскому образу жизни, скорее всего, придёт тогда конец. Эта перспектива просматривается, впрочем, и без знания метаистории. США, начавшие свой путь как оригинальный, быстро развивающийся суперэтнос, за короткий исторический срок превратились в расплзающегося по земному шару политического монстра, неспособного к автономному существованию и поэтому очень уязвимого изнутри. Современная Америка далеко ушла от Америки времён войны Севера и Юга. Она развращена безудержным потребительством, ей глубоко чужда философия самоограничения, она, как наркоман, фатально зависит от поступления извне огромных объёмов сырья и от рынков сбыта, её экономика опутана чудовищными долгами и т.д. и т.п. Если будущий соперник Стэббинга нанесёт удар хотя бы по одному из этих или других уязвимых его мест, то США, скорее всего, рухнут. Сейчас это такой же «колосс на глиняных ногах», каким, ошибаясь во времени на два-три десятка лет, увидел СССР Адольф Гитлер.

Если на картину будущего, изображённую Даниилом Андреевым, взглянуть под предложенным углом зрения, то станет ясно, что утопией её назвать нельзя никак. Это художественно-философская интерпретация будущего — одна из множества возможных (поскольку

история есть всё-таки стихийный, творческий процесс), построенная на идеях, несколько не вступающих в противоречие с божественным откровением о человеке, но зато противоречащих «великому демоническому плану». Знакомясь с андреевской моделью, читатель имеет возможность убедиться, сколь велика пропасть, разделяющая мондиализм, все вообще социальные утопии и всемирное объединение под эгидой Розы Мира.

В человеке — единственном из всех земных существ — заключены образ и подобие Божие, гласит великая библейская истина. Что это значит? Это значит, что поскольку Бог является, прежде всего, свободной, творческой и деятельной сущностью, то эти три качества — свобода, творчество, деятельность — вложены Богом и в человека.

Но божественные дары в человеке уничтожались либо извращались всеми социальными утопиями. На них, увы, покушались иногда и христианские церкви (вспомним «Легенду о великом инквизиторе» Достоевского). Мондиализм не является исключением из этого правила, только он гораздо умнее своих предшественников. Это всё тот же бессмертный троянский конь, послуживший со времён Гомера многим политикам. В его брюхе — план создания на земле элитарного «нового порядка», при котором свободное в своих возможностях меньшинство будет управлять огромным цивилизованным стадом, лишённым всех божественных даров или довольствующимся их эрзацами. Идеологи мондиализма недалеко ушли от нацистской утопии, намеревавшейся разделить человечество на богоизбранную элиту и быдло, обречённое вовек оставаться быдлом. Оперировав «реальным человеком», мондиалисты принципиально исключают из своих проектов идею облагораживания человеческой природы, как якобы утопическую, несовместимую с экономической свободой. Но, в действительности, дело в том, что эта идея сильно ограничивала бы их в средствах и мешала достижению главной их цели — установлению власти над миром.

Мондиализм создаёт такую экономику, политику и мораль, которые сводят к минимуму усилия разнообразных протестантских проповедников облагородить человеческие души с помощью редуцированного слова Божьего. Поэтому мондиалистская элита, если ей всё-таки удастся реализовать свои планы, неизбежно столкнётся с проблемой тотального контроля над поведением духовно

разрушенного быдла, а истощение природных ресурсов и уменьшение нужды в рабочей силе, к которым объективно ведёт технический прогресс, заставят элиту думать о сокращении численности самого быдла. «Гуманными» методами, разумеется... Подобная модель, кажется, уже обкатывается в «перестраивающейся» России.

Считая воспитание человека делом третьестепенным и даже утопическим, мондиализм сам становится утопией, ибо вся мировая история, а история христианства — в особенности, свидетельствует о том, что человек подобен летящей птице. Если птица сложит крылья, прекратив полёт, то она упадёт и разобьётся. Если прекращается подъёмная, воспитательная работа культуры, человек начинает быстро разрушаться, так как за него тут же берутся демонические начала. Это основной закон духовной эволюции в нашем демонизированном физическом слое. Его нарушение всегда и везде приводило к однозначному результату....

Теперь вернёмся к «Розе Мира». В андреевской модели будущего на качественно новом уровне продолжается и развивается главная воспитательная идея христианства — максимальное выявление в человеке образа и подобия Божия. Жизнь человечества эпохи Розы Мира вся пронизана духом свободы, творчества, деятельности. Но энергия духа не ограничена тут поисками царства Божия внутри человеческой души, как в традиционном христианстве, и не направлена на богоборчество, борьбу с природой, устройство мировой казармы, как в утопиях. Она обращена и к высшим мирам, и к душе и, в не меньшей степени, направлена на просветление социальности и природы, на борьбу с демоническими искажениями земной жизни.

Бросается в глаза полная независимость Андреева от каких-либо идеологических клише. Она характерна для всей книги, но особенно впечатляет в футурологических главах. Уж он-то, знавший демоническую основу советского режима, видевший воочию его преступления и сам от него пострадавший, должен был стать непримиримым антикоммунистом. И тем не менее...

Читатель «Розы Мира», оглушённый обвальными антикоммунистической пропагандой времён «перестройки» и уже согласившийся с тем, что Советская Россия ушла далеко в сторону от «столбовой дороги мировой цивилизации», от «нормальных» стран, будет, конечно, шокирован, узнав из андреевской модели, что «столбовая дорога», если понимать под ней путь духовно-нравственного совершенство-

вания человека, пролегает как раз в том направлении, куда двинулся было Маркс, но подверженный демоническим влияниям, сильно заблудился, а не в том, куда с великими жертвами пытаются тащить Россию нынешние «строители капитализма». Андреев не раз говорит о принципиальной верности некоторых пунктов коммунистической педагогики, указывая при этом на погубившие её подмены. Почитаем эти любопытные места:

«Когда мне случилось говорить о системе воспитания коммунистического, я отмечал уже некоторые из самых существенных её достижений, хотя эти достижения были обкорнаны и обесценены рядом воспитательно-идеологических подмен. К ним относились воспитание воли и твёрдости, правдивости и чувства товарищества, смелости и стойкости, жизнерадостности и идейности. Конечно, и человек облагороженного образа будет смелым и волевым. Но смелость и воля направятся в нём не на борьбу какого-либо коллектива за гегемонию над остальными, а на деятельность, имеющую в виду совершенствование сперва себя, потом условий, в которых формируется другая личность, и, наконец, не насильственное, а исполненное любовью совершенствование других» (РМ, 240).

«Коммунистическая педагогика, которой мне удавалось лишь так бегло коснуться здесь, имела в виду развитие также ещё трёх свойств природы, трёх отличительных свойств огромной важности: подчинения личного общему, духа интернационализма и устремления к будущему» (РМ, 240).

«Тезис интернационализма — это грандиозная сила, и в основе её лежит абсолютная правда. Но ложь не замедлила вкрасться и сюда: мысль, будто все народы по своим характерам, по своей ода-рённости и по своему историческому долженствованию равны между собой, — пустая демагогия. Разумеется, одного или нескольких народов, особо предпочтённых Божеством перед остальными и которым поэтому позволено больше, чем остальным, — нет. Но каждый народ провиденциально предназначен — если угодно, избран — для решения некоторых особых исторических и культурных задач; и эти миссии неповторимо своеобразны. Есть народы, — обычно они бывают и численно весьма велики, — предопределённые к колоссальным ролям планетарного значения; другие — к заданиям более частным, более узким. Но кому больше дано, с того больше и спросится» (РМ, 241).

«Остаётся ещё третья черта старой (коммунистической — О.Л.) педагогики — устремление к будущему — великая черта! Черта, прекрасно и гордо отличающая людей, воспитанных этой системой. Такой человек мыслит перспективно. Он мечтает и верит в солнце грядущего, он вдохновляется благом будущих поколений, он чужд себялюбивой замкнутости. Это устремление к будущему — огромный шаг вперёд, но оно ещё не совершенно. Доктрина насытила это представление о будущем определённым содержанием, сниженным и упрощённым. Практически это представление сформировано из двух величин: материального изобилия и покорения природы. Такое представление прямолинейно, как рейсшина. Оно лишено духовности, как бетон, и материалистически наивно, как высказывания школьника 7-го класса у пионерского костра» (РМ, 241).

«В деятельности Розы Мира будет и нечто, совпадающее даже с коммунистической мечтой. Любой из граждан, независимо от нации, местожительства, рода занятий, должен быть обеспечен так, чтобы полностью были удовлетворены его потребности в пище, одежде, жилище, в подходящей к его характеру и навыкам работе, в отдыхе, в досуге, в лечении, в элементарных житейских удобствах, в повышении образования, в приобщении к искусствам и наукам, в религиозных действиях» (РМ, 249).

Таким образом, «Роза Мира», отвергая коммунистическую Доктрину за атеизм, материализм и насилие над личностью, отнюдь не отвергает полностью её педагогический опыт. Советский период для Андреева — это не разрыв в историческом развитии России, который следует перечеркнуть, как считают непримиримые антикоммунисты. Это продолжение её истории, страшно искажённое, но всё же продолжение. А вот путь американизации России — это действительно разрыв, полный и окончательный, это духовная смерть огромного народа. «Роза Мира» исключает деление истории на «эпохи света» и «эпохи тьмы», обнаруживая следы Провиденциальных инспираций даже в самые мрачные, самые глухие времена. Иначе, в самом деле, не Бога, а тёмную злую силу следовало бы считать творцом Вселенной. Попытки отбросить весь опыт советского периода и искать «империю света» на Западе, Востоке или в прошлом, в самодержавной России, по сути своей утопичны, а значит, ложны, ибо империй Света в нашем физическом слое, отравленном демонизмом, никогда в чистом виде не было и не может быть. Всё, что в наших силах, это попы-

таться, насколько это возможно, изменить в нашем собственном историческом движении соотношение между светом и тьмой в пользу света, *высветлить* наступающую эпоху. Не глупо ли в таком случае отказываться от тех находок на этом пути, которые, безусловно, сделала советская система?

Созданная творческой фантазией Андреева модель высокодуховной, открытой высшим мирам Планетарного космоса культуры будущего, имеет, как видим, некоторые точки соприкосновения с «советской культурой» и весьма далеко отстоит от человекоразрушительной идеологии мондиализма. Конечно, «советская культура» с её искажённой иерархией ценностей, квазирелигией, методами воспитания выглядит карикатурой на культуру Розы Мира, но именно поэтому она наиболее подходила для трансформации в эту подлинную культуру.

С точки зрения «Розы Мира», идеальный вариант перестройки без кавычек мог бы состоять в постепенном одухотворении системы без коренной её ломки. Вообразим себе мастера, который точными, уверенными движениями исправляет сделанную неопытным учеником скульптуру. Однако на практике этот путь оказался неосуществимым, и теперь можно точно сказать почему.

Антропологические разрушения, совершённые советской системой, по крайней мере, на порядок превысили положительный нравственный эффект от её педагогических удач. Материалистическое мировоззрение с его приземлёнными идеалами настолько глубоко вошло в сознание народа, что искалечило и народ, и его правителей. Прежде чем могла бы возникнуть благодатная психологическая атмосфера для трансформации советской системы в иную, более совершенную, пришлось бы долгим и настойчивым трудом многих просветителей и проповедников расшатывать материализм. Но попытки такого рода, предпринимаемые отдельными энтузиастами, встречали жёсткое сопротивление со стороны вездесущих «органов», всевидящей цезуры, всевластных политических структур компартии и комсомола. Поэтому и «архитекторы перестройки», внутренне отрёкшиеся от идеалов коммунизма, но оставшиеся при этом промозглыми материалистами, лишёнными мистического чувства истории, не могли додуматься до чего-либо более высокого, чем пошлое копирование западных образцов. Частная собственность, конкуренция, рынок — принципы, вполне заслуживающие внимания в экономическом

строительстве, но в системе взглядов «Розы Мира» — второстепенные и даже третьестепенные, были выдвинуты духовно не развитыми, малокультурными «основоположниками перестройки» (Горбачёвым, Яковлевым, Арбатовым, Шмелёвым, Абалкиным и др.) на передний план как высшие идеалы, якобы способные привести любое общество к материальному и духовному расцвету. Да и где и когда в истории народов мануфактура или торговля провозглашались основами национального бытия? Они существовали и развивались *сами по себе*, контролируемые, к тому же, обычаями, этикой, религиозными заповедями народов. Додуматься ради создания «рыночной экономики» разрушить целую социальную систему могли только законченные материалисты, совершенно непонимающие мистики истории, не знающие своего народа, либо тайные враги его, ведавшие, что они творят.

Великие империи прошлого имели единую скрепляющую политическую идею, единую государственность, их физическое существование обеспечивалось мощными духовными двигателями — уицраорами. А поскольку творчество демонов всегда ущербно, то, в конце концов, они запутывались в противоречиях, внутренне слабели и гибли от внешних ударов, от других уицраоров. По этой главной причине всемирное объединение с помощью энергии уицраоров, то есть силовым путём, оказалось делом неосуществимым. Переживаемая нами эпоха интересна тем, что силовой, военный путь всемирного объединения отброшен высшим демоническим разумом. Так утверждает метаисторик. Гораздо более перспективным оказался путь культурного всесмешения, унификация сознания на основе ценностей мондиалистской идеологии. Он позволяет осуществить объединение «естественным», почти безболезненным путём.

Разумеется, этот новый путь рекламируется как величайшее благо для всего человечества, поскольку он, де, ведёт народы к долгожданному миру, к процветанию. И вот мы видим, как в XX веке, во второй его половине, всё сильнее проявляется тенденция к перерождению прежних оригинальных культурных миров в космополитические суррогаты, носящие *маску* той или иной культуры. Повторяется на новом качественном уровне уже сыгранный исторический сюжет. Тогда социалисты призывали к уничтожению частной собственности как коренной причины всех зол в обществе. Догматически предполагалось, что «общественная собственность» сама собой положит ко-

нец всем несправедливостям и войнам и приведёт к всеобщему благоденствию. Коммунисты, как и нынешние утописты — мондиалисты, были бесконечно далеки от мысли, что за их действиями могут внимательно наблюдать сверхчеловеческие тёмные силы, которым только и надо, чтобы все средства производства, финансы, природные ресурсы стали «общественной собственностью». Мы знаем теперь, что получилось из эксперимента с уничтожением частной собственности — репетиция власти Антихриста в отдельно взятой стране.

Надо ли после этого доказывать, что настоящий Антихрист не замедлит явиться на землю из сатанинской лаборатории, как только бесчисленные микробы мирового всесмещения завершат свою слепую работу, и мир будет «обобществлён»?!

Свою модель будущей культуры Андреев создаёт, явно допуская возможность эволюции советской системы, за начало которой он принял хрущёвскую «оттепель». С точки зрения задач «Розы Мира», мондиалистическая «перестройка» в СССР означает для российского народа угрозу срыва, может быть, более тяжёлого, чем тот, что случился в феврале 1917 года. Как часто предупреждает Андреев об опасности такого рода срывов, могущих сильно осложнить приход к власти Розы Мира! Срыв — это всегда большая или малая антропологическая катастрофа, отбрасывающая народ далеко назад от подготовленной ему цели. Понимание того, что происходит сейчас с Россией, осложняется тем, что «перестройка» не имеет аналога в русской истории. Как бы ни трясло и ни ломало историческую Россию, она продолжала оставаться тождественной самой себе, была единым, протяжённым во времени организмом. Даже Смутное время, вызванное, как объясняет Ключевский, обрывом династической линии, не поможет нам разобраться в значении нынешних событий. Тогда достаточно было появиться на троне законному в глазах народа государю — царю Михаилу, как смута пошла на убыль, и русская государственность восстановилась.

Но «перестройка» не имеет аналога и в мировой истории! Это уникальное событие способно повлиять на судьбу всего человечества и может быть оценено только под телеологическим углом зрения.

...Россия предназначалась Провиденциальными силами для осуществления всемирно-исторической миссии объединения народов земли на религиозно-этических принципах с сохранением их национальной и этнической самобытности. Правда, в самом начале своей

книги Андреев говорит о предположительном характере этой миссии, о том, что возможны серьёзные осложнения, которые могут заставить Провиденциальные силы выбрать какую-либо другую страну в качестве исходного пункта для всемирного объединения (РМ, 13). Однако далее, на протяжении многих глав, на основе метаисторических откровений он убедительно доказывает, что именно российский сверхнарод подготавливается для осуществления этой миссии. В 1917 году произошёл первый срыв, в результате которого вместо оригинальной православно-языческой культуры возник коммунистический суррогат. Второй срыв грозит произойти в начале XXI века, если мондиалистическую стратегию «преобразования» России в новую социальную химеру не удастся пресечь. Тогда вместо России центром всемирного объединения окончательно станут США, и поэтому вполне закономерно, и в политическом, и в мистическом планах, что главные усилия американского уицраора направлены на инвольтацию политических сил и отдельных личностей (как в самих США, так и в России), которые стремятся превратить наш народ в скопище космополитизированных ублюдков. а поскольку страны, способной заменить Россию, по-видимому, всё-таки нет, то мы можем с большой долей уверенности сказать: если погибнет Россия, уникальная русская духовность, то погибнет — в лапах Антихриста — и мир. Если спасётся Россия, спасётся для «тысячелетнего царства» и мир.

В человеческой истории можно назвать, пожалуй, только два случая, когда точно так же от судьбы отдельного народа зависела судьба мира. Это война Ганнибала против Рима (218–201 гг. до Р.Х.), вошедшая в историю под названием Второй Пунической войны, и едва не удавшаяся попытка сирийского деспота Антиоха Эпифана, под властью которого находилась тогда Иудея (176–164 гг. до Р.Х.), уничтожить евреев как религиозно самобытный народ. Напомним суть обоих событий...

О всемирном значении Второй Пунической войны немецкий историк XVIII века К.Ф. Беккер пишет следующее:

«Тут дело уже шло не о том или другом завоевании большего или меньшего пространства, но о самом существовании, в самом тесном смысле этого слова, о всемирном владычестве или окончательной гибели одной из воюющих сторон, о победе греко-римской или финикийско-семитической культуры на Западе».

Поясним, что обозначают эти слова. Если бы Ганнибал, люто ненавидевший римлян и обладавший выдающимся военным гением, победил, то, по обычаю тех времён, стёр бы Рим с лица земли. И тогда бы не возникла позже великая Римская империя, серьёзно нарушился бы расклад событий, необходимый для осуществления миссии Христа.

Не менее драматичная ситуация сложилась спустя несколько десятков лет и в Иудее. Читаем у того же историка:

«Эпифан замечателен ещё своей попыткой заставить евреев отречься от веры и ввести в Иудее греческие нравы... Непокорных подвергали преследованию, обращались с ними жестоко, умерщвляли или продавали в рабство. Жертвенник в храме был осквернён принесением в жертву свиней. Тогда среди иудейских беглецов выступил священник Матафия и решился пожертвовать своей жизнью за дело Иеговы... Матафия поднял восстание по всей стране и повсюду разорял языческие алтари. Восстание усилилось ещё больше при третьем сыне Матафии Иуде Маккавее. Он разбил не только Апполония, но и два новых войска, посланных Антиохом... Тогда многие иудеи отпали от своей религии и между ними — первосвященник Алким. Но Иуда и его братья остались непоколебимы, не признавали первосвященника и разбили сирийского полководца Никанора... Тогда иудеи выбрали полководцем единственного оставшегося в живых сына Матафии — Симона, который очистил Иудею от язычников».

Таким образом, миссия Христа два раза подряд за короткое время оказывалась под угрозой срыва, но оба народа, вдохновляемые надо думать, Провиденциальными силами, с честью выдержали испытание и вышли из них победителями.

Приведённые примеры, при том что нам известно из «Розы Мира» о миссии России, приводят нас к заключению, что «перестройка» в СССР есть совсем не то, за что принимают её политики, интеллигенция и даже церковные деятели. «Перестройка» — это критический момент всей человеческой истории после пришествия Христа, когда мир оказался в преддверии нового фундаментального выбора: между мондиалистическим всесмешением и «цветущей сложностью» всемирного объединения под эгидой Розы Мира. По своему значению для судеб человечества этот момент нисколько не уступает временам Ганнибала и Антиоха Эпифана, но значительно превосходит их по сложности. Тогда конкретным народам угрожали конкретные враги,

действовал, следовательно, инстинкт национального самосохранения. Инстинкт самосохранения российского сверхнарода подавлен и обманут, операция по его ликвидации растянута во времени и совершается с помощью хитроумного механизма социальных игр и прикрывается мощной дымовой завесой дезинформации.

Неблагодарное занятие — сочинять рецепты спасения человечества, ибо история есть творчество и борьба, которые невозможно направить по заранее заданному руслу. Однако и плыть по воле стихий, вслепую, тоже нельзя. Слепой в нашем оккупированном дьяволом мире ни на минуту не остаётся один, но тотчас попадает в руки поводыря с копытами. Свидетельство тому — наш исход из коммунистического плена. До сих пор мы шли именно вслепую, проклиная своё прошлое, надеясь, что вот-вот наступит лучшее будущее. Но становилось не лучше, а хуже. Выражаясь афористическим языком «Протоколов», это был путь от разочарования к разочарованию. Так могут водить только бесы, и так долго продолжаться не может. Попробуем же хотя бы в самых общих чертах обрисовать ту сумму минимальных условий, которые необходимо выполнить, чтобы спасти страну от окончательного провала в бездны сатанинские.

Глава 6

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У РОССИИ?

Модель развития страны, которую описывает Андреев, не предполагает, как видим, революционной ломки коммунистической системы и отказа от тех положительных сторон, которые она имела. Поэтому разрушение советского государства во имя создания на его месте совершенно нового демократического государства западного типа с частной собственностью и рыночной экономикой не может быть квалифицировано, с точки зрения «Розы Мира», иначе, как срыв. Что и показал дальнейший ход событий. Абсурдные результаты, к которым успела за короткий срок привести эта идея, были предопределены уже тем, что её принялись осуществлять чисто большевистскими методами, не считаясь ни с историей страны, ни с менталитетом её народа, ни с конкретно сложившейся социальной ситуацией к началу «перестройки». Советский народ, этнически чрезвычайно пёстрый, с неразвитым правосознанием, политически инертный, воспринимающий властное насилие как норму, накопивший в своём теле множество токсинов в виде тёмных инстинктов,

порочных страстей, лютого безбожия, в виде всевозможных нравственных уродов и т.д., внезапно лишился государственности, которая как-то ещё сопротивлялась этим токсинам, не давая им действовать во всю силу. Были разрушены идеология, экономика, правоохранительные органы и секретные службы советского государства, и наступило время испытания свободой, время вседозволенности. Результат получился известный — творческие силы общества, на которые надеялись либеральные утописты, боровшиеся с советской системой, не выдержали конкуренции с силами хаоса из-за своей пассивности, политической инфантильности, разобщённости и стали быстро побеждаться последними. Очень скоро на политическом горизонте постсоветской России вместо желанной демократии и всеобщего процветания обозначились признаки приближающейся бандократии с её зловещими, известными ныне всем реалиями — заказными убийствами, терроризмом, чудовищно коррумпированным чиновничеством, беспощадным грабежом страны, жестокой и бессильной верховной властью. Разыгрался худший из сценариев, описанный в качестве предостережения И.А. Ильиным ещё в пятьдесятые годы:

«...Мы со своей стороны видим и предвидим обратное: если что-нибудь может нанести России после коммунизма новые тяжчайшие удары, то это именно упорные попытки водворить в ней после тоталитарной тирании демократический строй. Ибо эта тирания успела подорвать в России все необходимые предпосылки демократии, без которых возможно только буйство черни, всеобщая подкупность и продажность, всплывание на поверхность всё новых и новых антикоммунистических тиранов».

Но «освободители» народа от государства не читали Ильина и даже не знали о нём, как не знали и того, что власть денежного мешка сильнее и страшнее власти идеологии. Идеологии рано или поздно выдыхаются, власть денег может только укрепляться и углубляться.

Срыв налицо, и теперь, размышляя о путях выхода страны из пропасти, в которую она скатывается, необходимо исходить из существующего положения вещей, а не из того, которое имело место в 50-е годы, когда Андреев писал свою книгу. Тогда в самом начале «оттепели» некоторые послабления тоталитарного режима были восприняты им как признаки наступления новой, светлой эпохи,

и тогда Андрееву мог казаться вполне естественным сценарий продвижения к совершенному народоустройству через постепенное смягчение государственного начала — и не только у нас, но во всём мире. В виде некой универсальной схемы это сценарий набросан в книге 7 (РМ, 132).

Приходится констатировать, что Андреев, как это ни парадоксально для духовидца, знавшего о подлинной силе демонических миров, несколько упростил проблему создания человеческого братства. Вероятно, это было вызвано его глубокой верой в скорое излияние сил Женственности из высших миров Шаданакара, долженствующее привести здесь, на земле, ко всеобщему смягчению сердец. Однако по причинам, абсолютно недоступным нашему пониманию, этот мистический акт либо ограничился запредельными мирами, либо вообще был задержан и ещё только состоится в будущем. Так или иначе, но ясно одно — андреевский сценарий для современной, совершившей тяжёлый срыв России неприемлем. Сам ход событий заставляет нас думать не о смягчении государственного начала, а об его значительном усилении. Можно не сомневаться, что к такому же выводу пришёл бы и Андреев, будь он сейчас жив. Ведь его видение истории исключает раз и навсегда выработанные схемы, исторический детерминизм, оставляя для человека широкую полосу свободы.

Нет сейчас для России задачи более насущной и важной, чем создание сильного государства. Его главная функция — такая простая и такая сложная! — должна заключаться в том, чтобы подавлять в обществе начало хаоса и разрушения и одновременно предоставлять предельно возможную свободу для начал созидательно-творческих. И не имеет особого значения, каким будет это государство — демократическим, конституционно-монархическим или даже просто монархическим — важно, чтобы оно чётко выполняло указанную функцию. Ныне же мы имеем столь отвратительную и циничную карикатуру на государство и верховную власть, что она вполне заслуживает названия «антигосударства». Если эта живая карикатура просуществует достаточно долго, то Россия будет окончательно разорена и как субъект исторического процесса просто-напросто исчезнет. Великое благо жить в Государстве (ещё лучше в империи) оценили, наконец, даже те, для кого ещё не так давно само это слово казалось банальным и тусклым по сравнению с такими соблазнительными

словами, как «демократия», «свобода слова», «права человека», «рыночная экономика», «конкуренция». «Перестройка» преподнесла жестокий урок романтикам от политики, показав тем самым, что там, где разрушается государство, не может быть ни свободы, ни прав человека, ни рынка, ни конкуренции — ничего путного вообще.

Но возникает вопрос: как можно представить себе переход к государственному бытию из состояния нынешнего беспредела, породившего весьма сильные криминализованные и просто криминальные структуры, кровно в нём заинтересованные? Можно ли допустить, что переход произойдёт сам по себе на том пути, который был навязан стране после августа 91-го, то есть через полное освобождение всех стихий и сил, в том числе и ничем не ограничиваемых средств массовой информации?

Бандократия уже ответила на этот вопрос разгулом терроризма, невиданной коррупцией государственных органов, тотальным разграблением страны. Тем самым эта разрушительная стихия как бы заявила, что не позволит кому бы то ни было установить порядок в стране. Плевать она хотела на все четыре власти, в том числе и на СМИ. Главное преимущество бандократии перед созидательными началами общества в том, что она не связана в своих действиях ни нравственными принципами, ни законами. Она есть завуалированная разновидность жестокой диктатуры, которая безнаказанно грабит и насилует страну, сама выносит приговоры и исполняет их.

Судя по ряду признаков, Россия уже переступила черту, за которой можно победить бандократию и начать создавать государство, противопоставив ей такую же свободную и оперативную, но гораздо более организованную и мощную силу. Исторический опыт показывает, что в подобных случаях может быть только политическая диктатура. Здесь мы сталкиваемся с очень сложной проблемой, решить которую непросто. По мере продвижения страны по разрушительному «пути реформ» обжигающее и манящее слово «диктатура» всё чаще стало мелькать в СМИ, в статьях и дискуссиях о будущем нашего народа. Обездоленные миллионы, психологически уже созревшие для диктатуры, с надеждой ждут её. Погрязшие в воровстве люди власти страшатся диктатуры, а обслуживающая их печать пугает ею народ чуть ли не массовыми расстрелами и концлагерями. Интеллигенция толкует о ней, как о печальной уже неизбежности, к которой

толкают страну её неразумные правители.¹ Что можно сказать по поводу этой действительно очень сложной проблемы?

Проницательный И.А. Ильин ещё несколько десятков лет назад назвал национальную диктатуру единственным средством спасения России от разложения, которое неизбежно начнётся после гибели советской системы. В своей пророческой статье «Что сулит миру расчленение России?» он пишет следующее: «И вот когда после падения большевиков мировая пропаганда бросит во всероссийский хаос лозунг “Народы бывшей России, расчленийтесь!” (очень умело и настойчиво работает на эту тему радиостанция “Свобода”. — О.Л.), то откроются две возможности: или внутри России встанет русская национальная диктатура, которая возьмёт в свои руки “бразды правления”, погасит этот гибельный лозунг и поведёт Россию к единству, пресекая все и всякие сепаратистские движения в стране, или же такая диктатура не сложится, и в стране начнётся непредставимый хаос передвижений, возвращений, отмщений, погромов, развалов транспорта, безработицы, голода, холода и безвластия. Тогда Россия будет охвачена анархией и выдаст себя с головой национальным, военным, политическим и вероисповедальным врагам».

Мы не можем пренебрегать мнением философа-патриота, сумевшего с поразительной точностью описать сценарий, по которому пошла «перестройка», задолго до её начала. Но мы имеем право сказать об уже ставшей очевидной опасности, связанной с практической реализацией его идеи, которую он, не будучи метаисториком, представлял себе недостаточно ясно.

Эта опасность в том, что любая диктатура имеет сугубо демоническую природу, вследствие чего пользоваться ею нужно с величайшей осторожностью. Диктатура может быть употреблена только как временное средство, только с согласия народного большинства, доведённого до отчаяния диктатурой уголовщины, и только при наличии над ней Провиденциального контроля. В плане земных реалий

¹ Большой знаток криминального мира, режиссёр Станислав Говорухин в одном из своих интервью так и заявил:

«Я знаю, что впереди диктатура. Вот и всё. Будет ли это диктатура жуликов или военная диктатура — вот это ещё не ясно. Если военная диктатура, то наверняка она будет пронациональной. Я это уже ясно вижу. Другого даже не просматривается. А с нормальным правовым государством, как бы мы ни хотели, уже ничего не получится. Опоздали. Поезд ушёл».

последнее условие означает, что диктаторская власть может быть доверена только лицу с большим умом и безупречной нравственной репутацией, который руководствовался бы в своих действиях каким-то очень высоким идеалом.

С этой точки зрения, предполагаемая Ильиным «русская национальная диктатура» вызывает серьёзные опасения, прежде всего, тем, что в ней отсутствует указание на высший идеал, который давал бы онтологическое обоснование идее восстановления великой России. Не меньше опасений вызывает крайне неблагоприятная для диктатуры социальная ситуация, сложившаяся к настоящему времени в России. Эта ситуация характеризуется падением почти до нуля пассионарности русского народа, его равнодушием к национальным лозунгам, крайней слабостью вооружённых сил (что показала война в Чечне), беззащитностью страны перед иностранными разведками и, следовательно, возможными крупномасштабными провокациями, низким духовно-нравственным уровнем людей, стремящихся к власти, из-за чего место диктатора может занять очередной авантюрист и безбожник, приспособленчеством к власти церковных иерархов. Демонические силы сделали, кажется, всё возможное для жестокой профанации русской национальной диктатуры, едва она будет объявлена. Тогда окончательный развал России и множество жертв станут неизбежностью...

Метаисторические откровения «Розы Мира» позволяют уверенно заявить, что высшим идеалом и смыслом предлагаемой диктатуры может быть только построение государства, способного осуществить историческую миссию России. После того как оно будет создано, диктатура должна самоустраниться. Только диктатура, озарённая светом метаисторического откровения, способна спасти страну. Любые другие варианты смертельно опасны для неё!

Нам остаётся надеяться лишь на то, что мы не оставлены заботами Провиденциальных сил и что люди, способные создавать одухотворённую высшим идеалом диктатуру или режим авторитарной власти, потенциально уже существуют. Именно для них мы и пытаемся далее описать основные принципы государственности, к построению которой они должны стремиться.

Ранее уже отмечалось, что существующее в биологической эволюции единство телеологического и игрового принципов развития привело на этапе человеческой истории к двум извращениям — «то-

талитарному обществу» и «открытому обществу», последнее, впрочем, было бы справедливее называть «социальной редукцией». Тоталитарное общество вырастает из культа какой-либо идеи: национальной, религиозной, социальной или политической, догматически утверждаемой в качестве вершины человеческой мудрости. В жертву ей приносится сотворённая Богом личность. Личность искусственно деформируется, подгоняется под идею, утрачивая образ и подобие Божие. В этом вся противобожеская и противочеловеческая суть любого тоталитаризма.

Открытые общества, появившиеся только в XX веке, тоже считают себя вершиной человеческой мудрости. Они отвергают всякую телеологию и строятся на принципе игры. Главный порок этих молодых ещё обществ в том, что они лишены механизмов сдерживания игры, а поскольку это порок врождённый, то большого будущего у них нет. Биосфера их долго не выдержит. Неполнота тоталитарного и открытого обществ, проистекающая из абсолютизации отдельно взятого принципа, приводит нас к выводу, что истинным совершенством может обладать только общество, органически совмещающее в себе оба принципа. Мы уже нашли для него название — телеологическое общество открытого типа. Нет, это не продукт механического смешения элементов коммунистической системы с элементами западных демократий. Ничего, кроме самой вульгарной эклектики, из подобной попытки не вышло бы. Имеется в виду нечто совсем иное — общественная система, в которой оба принципа присутствовали бы на «генетическом» уровне, то есть являлись бы жизненно необходимыми условиями её существования. Такая система может стать реальностью, если сделать своей государственной философией не «демократию» или «рынок», не «удовлетворение постоянно растущих потребностей» (тоже ведь была философия!), не «освобождение человека», не какую-либо иную расплывчатую и преходящую ценность, подверженную извращениям, а нечто совершенно ясное и постоянное, именно — борьбу с разрушительными демоническими началами в обществе и в человеке. Она, следовательно, должна совершить акт величайшего интеллектуального мужества — признать существование демонических сущностей планетарного космоса земли как главного источника всех человеческих бед.

«Ищите прежде царства Божия, остальное приложится», — должно быть начертано на знамёнах нового общества. И «демократия»,

и «рынок», и «освобождение человека», и всё прочее «остальное» осуществимо в разумном, неискажённом виде только при условии постоянного подавления демонических начал. «Искать царства Божия» — значит бороться с демоническими началами — этому учит нас христианство. Но мы не можем больше искать его только в человеческой душе или на небесах. Ведь душа живёт в обществе, и, если оно сильно демонизировано, оно искалечит душу и не даст ей найти царство Божие. Этому учит нас исторический опыт.

Общество, принявшее телеологическую идею искания царства Божия здесь, на земле, с необходимостью должно быть открытым и именно потому, что основным содержанием его жизни будет борьба с демоническими началами, а мы знаем, что закрытые «общества борьбы» с кем бы или с чем бы то ни было нежизнеспособны. Они быстро демонизируются и деградируют.

Открытый, игровой характер нового общества будет гарантироваться необходимостью постоянного творчества, постоянных поисков в борьбе с высокоинтеллектуальным, неистощимо изобретательным, невероятно изворотливым метафизическим противником. Поскольку действовать этот противник может только опосредованно, через человеческие души, то главное внимание общества будет сосредотачиваться не на создании новых политических или экономических структур, а на том, *какие* люди будут занимать ключевые позиции в этих структурах.

Политический и экономический фетишизм, выраженный в уповании на магическую силу конституций, законов, экономических принципов и т.п. — одно из характерных заблуждений европейской цивилизации, которое теперь навязывается нашему народу. Дело не столько в том, какая политическая или экономическая форма совершеннее, сколько в том, как сделать, чтобы её содержание составляли нормальные, нравственные люди, а не одержимые нечистыми духами.

«Первая задача общежития заключается в защите своих членов от больных, одержимых зудом убийства, от туенядцев, стремящихся жить за счёт труда других и устраняющих с дороги всякое существо, мешающее удовлетворению их похоти. Особы с противообщественными наклонностями сделаются несомненным большинством, если здоровые люди перестанут вести с ними борьбу, не будут препятствовать их размножению. Если эти люди окажутся в большинстве, тогда общество и человечество погибнут».

Это суждение, сделанное сто лет назад, выглядит точным диагнозом смертельно опасной болезни, охватившей Россию в конце XX века, и одновременно рецептом спасения страны. Диктатура способна погасить нынешнюю, острую форму болезни, сбив высокую «температуру» общества, но добиться полного выздоровления не может. Более того, затянувшаяся диктатура сама способна дать новую тяжёлую вспышку той же болезни.

Чтобы иметь надежду на выздоровление, наше общество должно, прежде всего, осознать мистическую природу болезни, иначе победить её невозможно. Оно должно создать государственную систему, основанную на идеологии борьбы с социальными механизмами, группами, отдельными личностями, которые со всей очевидностью проявляют себя в качестве орудий демонических сил, разрушающих общество и человеческие души. Само собой разумеется, что борьба может вестись исключительно лишь в рамках закона. В противном случае, государственная власть сама становится орудием демонических сил, как это уже случалось не раз в мировой и русской истории.

Такое государство, названное нами ранее телеологической системой, обществом открытого типа, должно быть по своему духу одновременно и христианским и немного языческим. По древней русской традиции, оно должно иметь два лика — светлый и грозный, вызывать два чувства: любовь в честных и добрых душах и страх в душах преступных. Самодержавная Россия лишь в очень малой степени осуществила идею такого государства, ленинизм-сталинизм жестоко надругался над ней, хрущевизм-брежневизм превратил её в фарс.

Размышляя над тем, какими характерными чертами могло бы обладать российское государство нового типа, мы придём к интересным обобщениям, вытекающим непосредственно из его базовой мировоззренческой установки...

1. Политическое устройство

Не имеет принципиального значения, так как проблема заключается не в политической форме государства (монархия, парламентская республика, власть Советов, конституционная монархия и т.д.), а в том, насколько просветлены или демонизированы составляющие её структуры. А последнее зависит от качества людей, их наполняющих.

И диктатура может быть для народа великим благом (например, диктатура Франко или Пиночета), и либеральный строй — злом (Россия Ельцина). Но при любом строе должна существовать высшая этическая инстанция (блюстительная власть — программа ВСХСОН), осуществляющая нравственный контроль над действиями верховной власти (властей). Как сделать её независимой и эффективной — вот это действительно проблема проблем!

2. Экономика

Многоукладная, предполагающая различные виды собственности, определённую экономическую свободу и конкуренцию. Ничего лучшего в этой области человечество пока не придумало. Но телеологическое общество открытого типа накладывает нравственные ограничения на рыночную стихию. Государственная власть с помощью налогов, указов, гражданского и уголовного кодексов жестоко подавляет демонические тенденции в экономике — варварскую эксплуатацию природы, экологические нарушения и преступления, хищный монополизм, наживание прибылей на человеческих пороках и т.п. Рекомендации на этот счёт должна, очевидно, давать блюстительная власть.

3. Военное дело

Телеологическое общество открытого типа решительно отказывается от политики военной экспансии, в какой бы то ни было форме, провозглашая оборонительную доктрину. Это даёт ему моральное право иметь первоклассные вооружённые силы, способные отразить нападение любого агрессора, и высокопрофессиональную службу безопасности для работы внутри страны. Усвоим суровую истину, вытекающую из мировоззрения «Розы Мира». Пока существуют демонические силы планетарного космоса, будет существовать угроза войн, вооружённых мятежей, терроризм и пр. Можно и нужно стремиться к освобождению планеты от оружия массового поражения, объявить безнравственной торговлю оружием без учёта того, кто и для чего им будет пользоваться. Но наивно верить, что мир вступает в эпоху без войн. Пацифизм — опаснейшая из утопий, разделяемая людьми, не знающими о мистической природе войн. Разоружившееся государство рискует стать жертвой другого государства, а разоружившаяся планета — жертвой международного терроризма.

4. Внешняя политика

Отказ разделения мира на «лагеря», «блоки», «империи света» и «империи тьмы». Всё это бесовские игры без начала и конца, в которых противники демонизируют друг друга, не замечая демонизма в самих себе. У телеологического общества открытого типа не может быть врага в виде какого-то государства в целом, если только это не государство-агрессор. Но оно непримиримо по отношению к демоническим тенденциям того или иного государства. Оно сотрудничает со светлыми силами в этом государстве и обличает тёмные.

5. Средства массовой информации

Свобода слова подразумевается сама собой, но о средствах массовой информации разговор особый. В телеологическом обществе они должны быть приравнены к оружию, а право на ношение последнего в правовых государствах даётся, как известно, далеко не всем. В газеты и на телевидение должен быть надёжно закрыт вход для психически больных, сексуальных извращенцев, людей с уголовным прошлым или сомнительной нравственной репутацией, лживых по природе (легко проверяются с помощью «детектора лжи») и других аморальных личностей. Страшная разрушительная сила СМИ времён «перестройки», возможно, и объясняется преобладанием в них подлых лиц.

Как понимает читатель, изобразить полномасштабный портрет телеологического общества открытого типа совершенно невозможно, а главное, не нужно. Социальную систему нельзя выносить в голове, как вынашивается плод в материнском чреве, чтобы, родившись, она создалась по заданной программе. Важно понять главное: общество, основанное на принципах этического контроля над властью и борьбы с демоническими искажениями, есть единственная разумная альтернатива той монструальной социальной химере, которую громоздят ныне на развалинах СССР люди, явно одержимые нечистыми духами, что видно по их неумному стяжательству, политическому и экономическому дилетантизму, глупейшей вере в культуротворческий гений Золотого Тельца.

Важно также понять, что, соединяя в себе положительные стороны игровой и телеологической систем, новое общество будет качественно совершеннее обеих. Это будет общество самых широких правовых свобод, но оно же будет ограничивать свободу тех, кто

пытается воспользоваться ею для покушения на высшее из прав, данных человеку Богом, — право носить в себе Его образ и подобие.

Конвертировать нынешний, поражённый ядовитыми духовными миазмами российский хаос в новое, разумное и высокочестное общество — задача почти запредельной трудности. Но есть сила, потенциально способная решить её или, по крайней мере, увлечь ею миллионы индивидуальных сознаний. Эта сила — пассионарная, творческая интеллигенция, обладающая даром воспламенять человеческие души. В грозном её могуществе Россия имела несчастье убедиться дважды в XX столетии. Особенно впечатляюща гибель советского демона, на несколько порядков превосходившего своего предшественника по жестокости. Он был сокрушён без террористических актов, без вооружённого восстания и гражданской войны — почти исключительно с помощью Слова.

Нетрудно представить успешную «перестройку» массового сознания и сознания многих политиков в новом направлении, если за дело возьмутся все честные, творческие личности современной России. Но это может произойти не раньше, чем они поверят в серьёзность андреевского мифа о планетарном космосе и поймут, что ему нет альтернативы в качестве идейной закваски для возрождения нашего уникального народа, уничтожаемого сейчас человекоорудиями демонических сил. Необходимо, таким образом, объединение творческой интеллигенции на основе хотя бы нескольких принципиальных мировоззренческих установок.

Тут-то и обнаруживается главная трудность. Это простые, не мудрствующие лукаво люди стремятся к взаимопониманию и единомыслию. Отсюда их презируемая интеллигенцией «стадность», за которой в действительности скрывается необходимейший, присутствующий у всех живых существ инстинкт сохранения рода. У творческих личностей этот инстинкт атрофирован, поэтому единомыслие в их среде — пожалуй, такое же чудо, как мир и любовь в джунглях. Вполне уместное, хотя и совсем не лестное сравнение для людей, считающих себя мозгом общества. Как ни прискорбно, но этот мозг оказывается более уязвим для демонических воздействий, чем тело. Его клетки разъедаются радиацией гордыни, эгоизма, зависти, не давая ему полностью проявить свои могучие потенциальные возможности. Известно, что творческие люди гораздо труднее, чем простые смертные,

находят общий язык друг с другом, их союзы недолговечны, в их среде лучшие часто подвергаются жестоким избиениям. Это маленькие боги в своих закрытых маленьких духовных вселенных...

Всё это не могло не отразиться на читательской судьбе «Розы Мира». Дождавшись выхода в свет после долгого вынужденного заточения, она встретила холодный, а порой — враждебный приём со стороны как раз тех читателей, которым предназначалась прежде всего. Неприлично затянувшееся «молчание мэтров» в отношении столь необычного и, очевидно, неслучайного религиозного произведения, имеет явно субъективные, а не объективные причины. Главная из них, думается, в том, что «Роза Мира» лишает божественного ореола земных творцов, показывая, что все они всего лишь объекты Провиденциальных и демонических воздействий, далеко не всегда умеющие отличать одни от других. Какой укол для творческой гордыни и какая драма — понять, что в своём творчестве ты часто оказывался проводником внушённых тебе ложных и разрушительных идей и чувств!

Положение сильно осложняется тем, что в столичной элите, задающей тон всей российской интеллигенции, уже давно идёт жёсткая, до остервенелости, борьба двух лагерей, двух непримиримых идеологий — мондиалистической и почвеннической. «Роза Мира» не вписывается ни в ту, ни в другую и в то же время несёт в себе облагороженные высшей целью черты обеих. Именно поэтому её не принимают ни мондиалисты, ни националисты. Для мондиалистической, космополитической интеллигенции в ней слишком мощно звучит национально-религиозная тема. Мировые религии, великие культуры представлены в книге вневременными ценностями, поскольку не исчезают бесследно под «колесницей прогресса», а имеют продолжение в иноматериальных мирах планетарного космоса. Сделанный Андреевым метаисторический анализ русской истории, по необходимости беглый, уязвимый для критики, но в основе своей глубоко верный, не оставляет камня на камне от известной русофобской концепции: «Россия — страна дураков». Оказывается, эта страна имеет всемирно-историческую миссию, хотя дураков у нас действительно много. К числу их мы вынуждены отнести и сторонников названной концепции...

Столь же неприемлемой оказалась «Роза Мира» и для почвенников различных толков. В этом лагере есть немало честных и мужест-

венных людей, но нет ни одного оригинального мыслителя, способного синтезировать сложный опыт русской истории и предложить культурную парадигму планетарных масштабов, которая оказалась бы привлекательной не только для русских, но и для других народов земли. «Розу Мира» они совершенно не поняли, не увидели этой парадигмы и квалифицировали как мондиалистическую поделку или даже как сатанинскую книгу. Поэтому они до сих пор проигрывали своему идейному противнику, действующему в силовом поле широкомасштабной искусительной идеологии, получающему мощную информационную и финансовую поддержку со стороны заинтересованных политических структур Запада, делающих ставку на молодёжь. Лагерь почвенников имеет ту слабость, что за много лет не выработал единых, разделяемых всеми патриотами культуротворческих установок и держится, в основном, силой ненависти к антинародному режиму. Он крайне пёстр по своему составу, насыщен внутренними противоречиями и нестроениями, которые непременно обернутся традиционной русской междоусобицей, если почвенники не сумеют взять власть в стране. Но сумеют ли? Умный противник уже научился пользоваться ещё недавно ненавистной ему патриотической риторикой. Это свидетельствует о том, что у него есть опытные помощники, владеющие современными технологиями управления массовым сознанием.

Разобщённость русской интеллигенции, её хроническая неспособность организовать в долговременную культуротворческую силу, подобную той, которой многие века была на Руси Православная Церковь, — врождённый её порок. Как мы теперь понимаем, он имеет демоническую природу. Начиная с Радищева, когда интеллигенция впервые заявила о себе как независимая этическая инстанция, берущая на себя ответственность вершить нравственный суд над властью имущими, она сама попала под власть демонических начал. Больше всего это проявилось в том, что силы отталкивания и разрушения заметно преобладали в ней над силами объединения и созидания — тут не может быть даже сравнения с Церковью, которая неустанно обличала главный человеческий грех, порождающий рознь, — гордыню. Интеллигенция же считала его не грехом, а доблестью. В силу этой основной причины с самого рождения интеллигенция стала неиссякаемым резервуаром духовной смуты, за которой, как показало время, скрывалось творческое бесплодие её вождей. Ни один из

многочисленных «возмутителей спокойствия», вышедший из рядов интеллигенции, не смог противопоставить ненавидимому им режиму сколько-нибудь приемлемую для России парадигму. Поэтому, к примеру, Н.Г. Чернышевского как философа никто сейчас всерьёз не воспринимает, а размышления о парламентаризме его ровесника-оппонента К.П. Победоносцева оказались для нашего времени очень актуальны.

Нынешняя вражда интеллигентских лагерей, продолжающая и «развивающая» печальную традицию, настолько концентрирует внимание обеих сторон на собственных идеологиях, что мешает им увидеть третий, действительно верный путь.

Позволим себе высказать следующую гипотезу. Сложившаяся сейчас в России ситуация социального и духовного хаоса укладывается, пожалуй, в гумилёвскую теорию этногенезов — в ту её часть, где речь идёт об антисистемах. Мы пребываем в завершающей стадии распада антисистемы, возникшей в России после 1917 года и по ряду названных ранее причин не сумевшей совершить эволюционный переход в состояние системы. «Перестройку» можно считать финальным этапом её распада, ибо никаких серьёзных культуротворческих идей за всё время, пока она идёт, интеллигенцией выработано не было. Русский народ — униженный, деградирующий, разобщённый, однако сохраняющий ещё немалые жизненные силы и надежду на возвращение к нормальному человеческому существованию, напоминает сейчас биологический субстрат, из которого при наличии минимальной экономической стабильности и великой организующей идеи вполне мог бы начать формироваться организм новой культуры. Распад многонационального советского государства и появление Российской Федерации с большим преобладанием русского населения следует считать тогда благоприятным для этого фактором.

Антисистема, говорит Гумилёв, либо окончательно разрушается, губя этнос, либо в результате «пассионарного перегрева» переплавляется в новую систему с новыми мировоззренческими доминантами. Сопоставив выводы теории этногенеза с метаисторическими откровениями «Розы Мира», с самим фактом появления этой необычной книги в критический момент русской истории, мы вынуждены будем признать, что спасение русского народа, если наша гипотеза верна, — не в возрождении православно-самодержавной России или

России советской, не в синтезе обеих, ни тем более не в слепом копировании западных экономических и политических образцов, а в рождении новой России и только в русле общего Провиденциального замысла о человечестве на эпоху перед Вторым Пришествием Христа. Требуется, следовательно, пассионарный взрыв...

Здесь мы сходим с лёгкой критической тропы и вступаем в зыбкую область конструирования футурологических моделей. Как можно понимать «пассионарный взрыв» с точки зрения мифа о планетарном космосе? Это не просто извержение в этнос этически нейтральной биохимической энергии, которая непонятным образом приобретает вполне определённое эмоциональное наполнение, но прорыв в сознание пассионариев мощного потока психических излучений из планетарного космоса как провиденциальной, так и демонической природы. Это, следовательно, может быть либо богочеловеческий, либо дьяволочеловеческий по преимуществу процесс. И начаться он может только после того, как воля Сил Света или Сил Тьмы станет содержанием сознания достаточного числа пассионариев.

Но чтобы сделать светлый выбор, они должны знать о мистической природе пассионарности и уметь отличать светлые духовные воздействия от тёмных. Такое умение ищущей душе даёт православие, и только православие. Нужны, следовательно, люди, близкие к Церкви или, во всяком случае, не слишком далеко от неё ушедшие, образованные, духовно смелые, патриотичные, самых разных профессий, которые сумели бы проникнуться идеями «Розы Мира» и начали бы их обкатку через публикации, дискуссии, литературное творчество и т.д.

Есть ли такие люди среди нынешней российской, русской интеллигенции? Если есть, то вряд ли много их наберётся в столице с её мощным шрастром. Москва демонизируется прямо на глазах, превращаясь в город жёлтого дьявола, город-вампир.

Эти люди найдутся в остальной России. Возможно, это те, кто ощущает ложность навязываемого стране выбора между мондиализмом и национализмом и неполноту всех существующих мировоззренческих систем, включая православие. Это может быть та внушительная часть духовно развитых личностей, которые находятся в поиске новой, всеобъемлющей парадигмы — уходят в «космизм», агни-йогу, «федорианство», магию, различные восточные школы и т.д., фатально не понимая, что это распыление есть само по себе

великая ложь и что основные принципы новой парадигмы уже даны России Провиденциальными силами. Нужно, чтобы эти люди объединили свои усилия и создали своеобразную духовную чашу, способную принять излияние творческой энергии высших миров. Тогда, если мистический опыт Андреева истинен и верно его свидетельство, что Провиденциальные силы готовы в любой момент прийти на помощь людям — было бы лишь встречное движение с их стороны — то должен начаться открытый Гумилёвым процесс переплавки анти-системы в систему. Тогда начнётся рост «пассионарного напряжения», расширение ареала действия, вовлечение в поле творчества новой культуры всё большего числа людей, открывающих для себя великую радость единомыслия. Наука, искусство, литература, экономика, политика, медицина, педагогика — все сферы человеческой деятельности получают организационные принципы, необходимые для создания новой русской культуры и новой государственности...

Думается, нет необходимости объяснять, что описанная модель неосуществима до тех пор, пока Россия находится под мощным травмирующим воздействием энергии американского уицраора, то есть фактически подвергается завуалированному насилию. Непременным условием формирования новой культуры является создание справедливого и сильного государства, которое покончило бы с нынешней гегемонией мондиалистской идеологии, открыв телевидение, прессу, кинематограф — все сферы управления массовым сознанием — для высокодуховных творческих сил.

Таким образом, вопрос о том, есть ли у России будущее, есть вопрос, прежде всего, политический. Либо Россия и дальше будет гнить с перспективой стать громадной духовной помойкой, либо к власти в ней придут люди свободного и творческого духа, способные к пониманию национальных интересов и созданию сильного государства.

Как следует из мифа «Розы Мира», творчество новой культуры с железной неизбежностью вызовет сильное сопротивление со стороны демонических начал. Можно ожидать, что оно проявится в двух основных формах: 1) в агрессии различных паразитарных социальных групп и сатанических идеологий, чьи интересы окажутся ущемлёнными; 2) в профанации новой государственности и новой культуры, разложении их изнутри путём извращения ключевых идеологем.

Последняя опасность представляется наиболее серьёзной. Она обуславливается уже тем, что «Роза Мира» объявляет врагом рода

человеческого не какой-нибудь класс, народ, социальную систему или религию, но дьявола, а с дьяволом, как известно, шутки плохи. Едва эта идеологема войдёт в массовое сознание, как возникнет опасность «охоты на ведьм» — хорошо известного из истории сюжета, имеющего демоническую природу. Ибо нет лучшего способа погубить идею, чем довести её до абсурда, и никто не нанёс великим начинаниям больше вреда, чем бессмертный услужливый дурак, который опаснее врага. «Избавь меня, Господи, от друзей, а с врагами я сам справлюсь».

Приходится признать, что «Роза Мира» с её красочными описаниями демонических слоёв, специфической терминологией и общим оккультным привкусом представляет собой благодатное поле деятельности для экзальтированных, психически неуравновешенных и просто больных людей, легко становящихся жертвами демонических сил.

У нас есть пока только один способ предупредить эту опасность — раз и навсегда отказаться от апологетизации «Розы Мира», взглянуть на неё под критическим углом зрения.

До сих пор в адрес книги здесь не было высказано сколько-нибудь серьёзной критики, и у читателя может сложиться впечатление, что эта работа о ней носит апологетический характер. Критическая оценка «Розы Мира», хотя бы самая беглая, становится, таким образом, вдвойне необходимой. Этой теме мы посвятим заключительную главу, которую так и назовём:

Глава 7

«РОЗА МИРА» ПОД КРИТИЧЕСКИМ УГЛОМ ЗРЕНИЯ

Провиденциальное и человеческое в творчестве Андреева

История русской общественной мысли, отмечает один из авторов «Вех», делится не на этапы внутреннего развития, а на периоды господства той или иной иноземной доктрины. «Шеллингизм, гегельянство, сен-симонизм, фурьеризм, позитивизм, марксизм, ницшеанство, неокантианство, Мах, Авенариус, анархизм — что ни этап, то новое имя. Наше сознание в массе не вырабатывало для себя своих жизненных ценностей и не переоценивало их постепенно, как это было на Западе, поэтому у нас и в помине не было своей, национальной эволюции мысли; в праздной, хотя и святой жажде истины мы просто хватали то, что каждый раз создавала для себя западная мысль, и носились с этим даром до нового, лучшего подарка. И напротив, та истина, которую добывали, конечно, в личной работе сознания, лучшие наши умы — Чаадаев, славянофилы, Достоевский — мы не дорожили ею».

Согласимся, что в этом отрывке очень точно обрисована языческая черта русской интеллигенции XIX века — бухаться на колени перед очередным философским божком, а спустя время, убедившись, что он не всесилен, отвергать его.

Миновала громадная эпоха. В России возникла новая интеллигенция, мало похожая на старую. Она потянулась к новым духовным источникам: к русской религиозной философии, к трудам церковных авторов, к оккультным системам Востока. От марксизма и атеизма её тошнит. И что же мы видим? Картину очень знакомую. Только теперь интеллигенция многократно выросла числом и разбилась на племена «рериховцев», «блататчан», «фёдоровцев», «ивановцев», «кришнаитов» и т.д. и т.п., несть им числа, каждое из которых поклоняется своему божку, отрицая других. Труды вождей этих племён носят, как правило, апологетический характер, слово Учителя никакой критике не подлежит и может только проповедываться. Не хватало ещё в этом живописном собрании юного племени «андреевцев». Худшей доли для «Розы Мира» и представить невозможно...

Чтобы стала реальностью эволюция национальной мысли, которую Гершензон противопоставляет интеллигентному язычеству, надо раз и навсегда отказаться от апологетики как способа мышления. Надо понять, что любое самое выдающееся творение человеческого духа представляет собой сложную смесь Провиденциального, человеческого и, часто, демонического, из которой необходимо уметь извлекать Провиденциальное, отбраковывая человеческое и демоническое.

Само собой разумеется, что и «Роза Мира» не может составлять исключение из этого правила, ибо её автор был всё-таки человеком, а не Богом, к тому же, человеком, подверженным сильным чувствам и переживаниям. Мы уже разобрались, что «Роза Мира» не есть новое философское учение, претендующее подменить собой все существующие религии и учения. Это рассчитанный на современное сознание, очень сложный по своему содержанию и изобразительным средствам высокоинтеллектуальный миф. Он расширяет наш угол зрения на мир, сообщая о нём нечто такое, чего не знали традиционные религии и вряд ли когда-нибудь узнает наука. Будучи мифом, «Роза Мира» не могла, разумеется, избежать того, что сам Андрей называет абберациями творческого сознания, то есть всякого рода субъективных оценок, догадок, трактовок тех или иных собы-

тий истории, органически вплетённых в ткань мифа. Больше того, мы не можем исключить и демонических искажений, направленных на то, чтобы ухудшить качество произведения, и тем самым ограничить круг людей, способных оценить то главное, что в нём имеется. Ветхий Завет, как известно, изобилует такого рода искажениями. Андреев обнаруживает их следы даже в Евангелии. Он говорит об огромном интеллекте высших демонических иерархий, об их умении незаметно вторгаться в творческое сознание человека, а святоотеческие писания подтверждают, что демонические внушения всегда принимают вид собственных мыслей и чувств человека, обманывая его.

Совершенно невероятно, чтобы демонические силы не попытались внести искажения в опаснейшую для них книгу. Можно ли поручиться за то, что к потоку информации, которую Андреев получал из высших миров, — и вербальной («голоса»), и чувственной («видения») — не подмешивались незаметно для самого творца демонические «добавления»? Тут вполне уместна аналогия с помехами при приёме далёкой радиостанции. Безусловно, что Андреев, хорошо знавший дьявольскую кухню, был надёжно защищён от наиболее опасных форм демонических искажений, которые погубили многих земных творцов — от духа нетерпимости, насилия, жестокости и т.п. В этом отношении «Роза Мира» кристально чиста. Она в равной степени отрицает и революционное насилие, и нетерпимость к инакомыслящим, провоцирующую революцию. Она отрицает даже антикоммунизм, поскольку обнаруживает светлые начала и в коммунистическом учении. Безусловным, сознательным губителем человечества назван, в общем, только верховный демон Шаданакара — тот, которого христиане зовут сатаной, ибо это он, в конечном счёте, ответственен за трагедию всей земной жизни, за бессмысленное и жалкое существование демонических полчищ, нуждающихся в страданиях живых существ.

От грубых искажений «Роза Мира», таким образом, защищена. Но ведь можно снизить произведение и за счёт всевозможных частных. Поэтому, читая «Розу Мира», следует отличать в ней фундаментальные религиозные и культурные идеи, открывающие путь в будущее, от всего остального, менее существенного, иногда ошибочного. Миф «Розы Мира» ценен для нас, прежде всего, своими откровениями, которые не только не могут быть на руку демоническим силам, но способны помешать исполнению «великого демонического плана».

Это откровение о прерванности миссии Христа в Энрофе, о действительном содержании третьей ипостаси Пресвятой Троицы, о диалектике Провиденциального и демонического начал в человеческой истории, о демонической родословной технологической цивилизации, о мистике личности Сталина, о мрачной миссии американского уицраора во второй половине XX века и некоторые другие.

Но вполне оправдано недоверие, которое вызывает, например, потусторонняя конкретика «Розы Мира». Нет никаких оснований считать объективно-достоверными эпизоды с «переодеванием» монад, живописные картины демонических слоёв и портреты демонических существ, подробности посмертной судьбы Ленина, Грозного, Сталина, ибо они не подтверждаются и вряд ли когда-нибудь подтвердятся в опыте других мистиков. Если всё это удалить из книги, она, конечно, не потеряет своего главного информационного заряда, но сильно потускнеет, станет гораздо менее яркой и выразительной; нам, однако, трудно уже представить «Розу Мира» без её грандиозных панорам и удивительных красок — в виде сухого философского трактата. Парадокс в том, что, лишаясь игрового, живописного компонента, она лишилась бы и значительной доли своего эмоционального воздействия на читателя, а значит, и действенности. Подобного рода сочинения в изобилии плодит современная оккультная мысль, но, Боже, какую скуку они вызывают у истинно религиозных, истинно поэтических душ! Даниил Андреев обращается одновременно к интеллекту, чувству, совести, воле и воображению читателя, то есть к целостному человеку, а не к одной из сторон его личности. На этом пути невозможно избежать ошибок, но существует ли творчество без ошибок?

«Роза Мира» несёт в себе ярко выраженный элемент художественного творчества, хотя и названа «метафилософией истории», а художественное творчество по природе своей — процесс стихийный и органичный. Иным оно и не может быть, поскольку творческое сознание художника есть мятущийся хаос образов, откровений, идей, интуиций. С огромным трудом художник облакает его в формы, руководствуясь при этом своим эстетическим вкусом, знаниями, жизненным и духовным опытом. К провиденциальному, божественному в произведении примешивается тогда «человеческое слишком человеческое» (Ницше). Более того, человеческое становится непременным условием облечения в художественную форму идеального, имеющего Провиденциальную природу замысла.

Все эти соображения позволяют критически отнестись к тем суждениям, оценкам, гипотезам Андреева, которые плохо согласуются с нашими нынешними знаниями советской и русской истории, каких не могло быть у Андреева в глухую сталинскую эпоху.

Андреев, например, явно не ведал о подлинных масштабах совершённых Лениным злодеяний. Современному читателю, знающему о том, кто был главным инициатором Гражданской войны, кто санкционировал чудовищное убийство царской семьи в Екатеринбурге, разжигал кровавое пламя «красного террора», организовывал свирепую расправу над православным духовенством, щедро раздавал направо и налево смертные приговоры и т.д. — посмертная судьба Ленина, кратко описанная в «Розе Мира», кажется незаслуженно лёгкой. То, что натворил Ленин во имя своих утопических идей, называется на современном юридическом языке «преступлением против человечности» и не имеет срока давности. Почему же неумолимый закон кармы оказался столь милостив к Ленину, что позволил ему в считанные годы подняться со дна Шаданакара в более высокие слои? Остаётся только гадать, был ли этот оккультный сюжет плодом творчества фантазии самого автора или «подсказан» ему демоническими сущностями...

Вряд ли можно назвать объективным отношение Андреева к Николаю II и его ближайшему окружению. В расстреле царской семьи он видит акт кармического возмездия и не видит страшной человеческой трагедии.

Андреев обходит молчанием фигуру такого великого государственного мужа предреволюционной эпохи, как П.А. Столыпин, или отнюдь не однозначную личность обер-прокурора Священного Синода К.П. Победоносцева. Вообще, метаисторический анализ русской революции страдает упрощённостью, бросается в глаза диспропорция между масштабами и глубиной метаисторических откровений «Розы Мира» в целом и узостью, даже тенденциозностью того материала о революции, который имелся в распоряжении Андреева и которому он, похоже, доверял.

Андреев переоценивает возможности парламентского, демократического, способа правления в условиях современных индустриальных государств, огромных по численности населения, располагающих сверхэффективными средствами управления массовым сознанием. Вероятно, он не придавал значения нелестному отзыву

Пушкина об американской демократии, по вполне понятным причинам не был знаком с блестящими статьями Победоносцева, в которых убедительно опровергается миф о превосходстве парламентаризма над всеми другими видами правления. В эпоху «перестройки» они воспринимаются как пророческие, поэтому ещё неизвестно, какой принцип управления государством восторжествует в политической жизни XXI века, во всяком случае, в России — демократический, аристократический, монархический или какой-нибудь ещё.

Большие сомнения вызывает высказанная в самом начале «Розы Мира» идея объединения человечества на основе «интеррелигии». У нас не может быть сейчас твёрдой уверенности в том, что она имеет Провиденциальную, а не демоническую природу, поскольку все известные до сих пор попытки реализовать её приводили к эклектике. К настоящему времени она настолько скомпрометировала себя, что против неё решительно восстали все национальные культуры. Создаётся впечатление, что идею «интеррелигии» не принимают не только демоны национализма, но и синклиты метакультур и что объединение человечества возможно только как союз самобытных этнических целостностей. Художественная иллюстрация темы «интеррелигии», сделанная Андреевым в одной из последних глав «Розы Мира», отпугнёт от неё очень многих людей. Поэтому мы поступим правильно, если отнесём её к числу «человеческого, слишком человеческого» в творчестве Андреева и закроем до лучших времён. Центральная мысль «Розы Мира» о необходимости объединения человечества под эгидой этической надгосударственной инстанции от этого нисколько не пострадает. Здесь возникает другая проблема, без решения которой воплощение идей «Розы Мира» в жизнь может сильно осложниться — насколько совместимы эти идеи с учениями традиционных религий, охватывающих своим влиянием в настоящее время большинство населения нашей планеты? То есть можно ли, разделяя мировоззрение «Розы Мира», оставаться христианином, буддистом, ламаистом, иудаистом и т.д.? Вопрос особенно актуален для посткоммунистической России, где после семидесятилетнего вынужденного молчания начинает говорить Русская Православная Церковь. Православная часть нашей интеллигенции убеждена, что никакого нового мировоззрения нам не нужно, что возрождение России в XXI веке возможно только на основе православной идеологии и православной духовности. «Розу Мира» она считает опасным соблазном.

Необходимо, следовательно, разобраться, почему нельзя рассчитывать на культурное возрождение России путём простой замены коммунистической идеологии на православную и действительно ли «Роза Мира» враждебна Православию?

«Роза Мира» и Русская Православная Церковь

Сначала сделаем несколько обобщений. В XX веке произошло величайшее потрясение духовных основ тысячелетней России. В 1917 году был трагически прерван единственно спасительный для России эволюционно-реформаторский путь, найденный гениальным Столыпиным, и произошла смена социального строя в России. В девяностые годы из-за ужасающей тупости Третьего Жругра и инфантильности советской интеллигенции произошёл второй срыв. На наших глазах происходят необратимые изменения в человеческих душах, в результате которых известная формула Достоевского — «русский — значит православный» — утрачивает свою первоначальную силу. Мы уже не те русские, что жили в России до 1917 года, а идущие нам на смену поколения будут дважды не те. Это глубоко печальный факт, но это факт, с которым нельзя не считаться. Мы не те, потому что изменился, демонизировался за прошедшее столетие мир в целом. Чтобы выжить в нём, мы вынуждены играть в навязанные игры, совершенно неприемлемые для старой, православной души. Поэтому идея восстановления в народе чисто православного мироощущения наталкивается на вряд ли преодолимые трудности. Можно говорить о сохранении того православного ядра, которое, хоть оббитое и обожжённое, но ещё в нас есть, но никак не о буквальном возрождении кроткого православного человека с его бесконечным терпением, покорностью нужде и властному насилию. Эти качества были естественны в самодержавной России, в служилом государстве, когда народ воспринимал царей как помазанников Божьих, а терпением и верой только и держался в бесконечных испытаниях, которые на него обрушивались. Но в послереволюционной России, ставшей жертвой духовно-слепых, безрелигиозных властителей, оказавшейся под ними и в «перестройку», эти традиционные качества русского народа превращают его в безропотного раба, неспособного решать свою судьбу. Если уж говорить до конца горькую правду, то

весь кошмар «перестройки», казалось бы, давшей народу свободу слова, стал возможен во многом из-за его старой православной привычки повиноваться верховной власти, доведённой до полного извращения в советскую эпоху.

Внимательный читатель «Розы Мира» обязан признать, что всё то светлое, чем дорого для русского человека православие, есть и в «Розе Мира». Это любовь к Христу и Богородице, любовь к Богу, милосердие, сострадание к ближнему, ощущение своей неразрывной связи с предками, почитание святых, икон, молитвенное служение, негордость, нестяжание и многое другое. В отличие от протестантизма «Роза Мира» признаёт дух и плоть христианства, но критична к его букве.

Но есть в «Розе Мира» и то, чего Православная Церковь специально не воспитывала в своей пастве: любовь к земной жизни, призыв к религиозной и социальной активности, осознание самоценности земного отрезка вечного бытия, понимание того, что отнюдь не всякая власть от Бога, бывает и власть от дьявола, покоряться которой — значит изменять Богу. Эти добавления существенно корректируют традиционную русскую православную душу, но не калечат её. Они делают её более богатой, более содержательной и активной, более приспособленной к меняющемуся миру.

Существует грань между творческим переосмыслением учения Церкви в свете нового мистического опыта и реалий современной жизни и отрицанием Церкви, как якобы безнадёжно устаревшего и даже ложного института («Тайная Доктрина», «агни-йога», «Чаша Востока»). Переступить эту грань, значит перечеркнуть историю целого народа — попросту отменить народ, как нечто в истории не состоявшееся. Можно ли обвинить в подобной дерзости того, кому было открыто существование планетарного космоса, метакультур, Небесной России и её синклита, состоящего из праведников земли русской?! Другое дело, что само бытие планетарного космоса несовместимо с претензиями той или иной религии, в том числе православия, на истину в последней инстанции, а убеждение в этом сумело стать за века прямо-таки фундаментом православной души.

В сущности, Андреев расширяет выработанное христианством понятие соборного церковного разума до масштабов всего человечества, поскольку говорит, что любой сколько-нибудь значительный религиозный опыт несёт в себе зерно истины и в таком качестве обо-

гащает наши знания о мире. «Роза Мира» предлагает системный взгляд на духовную эволюцию человека, лишая силы обвинения её в том, что она враждебна Православной Церкви. Да, она в какой-то степени нарушает пресловутую «чистоту православной веры», но во имя спасения православной души. Даже признание подлинности духовного опыта язычества не вредит православной душе: не уводит её от Христа, не делает её националистической, жестокой и, главное, не провоцирует в ней дуалистическое видение мира. Зато тотальное отрицание Церковью эпохи язычества, как сплошного зловредного суеверия, не имеющего никакой культурной и религиозной ценности, компрометирует Православие, поскольку компрометирует Бога. Вот как сказано об этом в «Розе Мира»:

«Не только политеизм, но и анимизм, и праанимизм не исчерпываются мутными, случайными, субъективными образами, возникавшими в сознании первобытного человека: трансфизическая реальность стоит и за ними. Провидение именно потому и есть Провидение, что оно никогда не оставляло народы и расы быть игрищем фантазмов и иллюзий без всякой возможности соприкоснуться с высшей реальностью. Не Бога, а тёмную злобную силу пришлось бы признать за истинного вожатого человечества, если представить себе, что десятки тысяч лет первобытному человечеству преграждалась всякая возможность пережить что-либо духовное или по крайней мере иноматериальное, соприкоснуться с чем-либо, кроме физического мира да собственных фантазмагорий» (РМ, 28).

Что могут возразить на столь убедительный аргумент нынешние фанатичные поборники «чистоты православной веры»?

Чтобы раз и навсегда снять с Андреева несправедливое обвинение в том, что он создал антицерковное, антиправославное произведение, обратимся к основе основ православного вероучения — к Символу Веры.

Символ Веры есть своего рода религиозная конституция, «основной закон православия». В нём в виде кратких формул сосредоточена вся православная богословская мудрость. Предъявить обвинение в разрушении православной веры можно только тому, кто отвергает, как ложные, отдельные пункты Символа Веры или весь его целиком. Например, Блаватская, Рерихи, Махатмы полностью отвергают православный Символ Веры. Достаточно вспомнить, что «Живая этика» и «Чаша Востока» — атеистические и материалистические учения.

Можно показать, читая пункт за пунктом православный Символ Веры, что мировоззрение «Розы Мира» не затрагивает серьёзно ни один из них. Оно лишь раскрывает закодированное в них более глубокое содержание, свидетельствует о том, что Символ Веры создавался византийскими богословами под прямым воздействием Провиденциальных сил. Только этим можно объяснить, каким образом им удалось много веков назад создать на редкость прочную, не разрушаемую никаким новым духовным опытом конструкцию...

Итак, начнём.

1. *Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, видимым же всем и невидимым...*

Этот пункт «Роза Мира» подтверждает полностью.

2. *...и во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, Иже от Отца рожденного прежде всех век, Света от Света, Бога истина от Бога истина, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Им же вся быша...*

Христос в «Розе Мира» — высочайшая из духовных вершин Шаданакара. Он уникален и ни в коем случае не может быть поставлен в один ряд с «великими посвящёнными», коими оккультная традиция называет Гермеса Трисмегита, Моисея, Будду, Пифагора, Мухаммеда и др. Такую высоту Христос занимает потому, что в Нём выразил себя Логос Вселенной при посредстве Планетарного Логоса нашей земли. О последнем же говорится, что это «великая богорождённая монада, божественный разум нашей брамфатуры, древнейшая, самая первая из всех её монад. Её отличие от всех остальных заключается в том, что она выражает собой, как Слово выражает Говорящего, одну из ипостасей Троицы, Бога-Сына» (РМ, 111).

Таким образом, Христос через посредство Планетарного Логоса является *выражением второй* ипостаси Пресвятой Троицы, чего нельзя сказать ни об одном религиозном гении истории. В главе «Логос Шаданакара» Андреев расшифровывает догматическое утверждение Символа веры, что Христос рождён от Бога, а не сотворён, как все живые существа («рожденна, не сотворенна»). За этим скрывается одна из тайн творения. Читаем в «Розе Мира»:

«Все неисчислимыя мириады монад распадутся, насколько я теперь знаю, на две онтологически различные категории. Одна — монады богорождённые. Их немного. Они крупнее масштабнo, они непосредственно вышли из непостижимых глубин Творца, они

предназначены к водительству мирами и с самого начала приступают к нему, не зная ни падений, ни срывов, и в дальнейшем только возрастают от славы к славе, от силы к силе. Тайну их божественного рождения не постигает и не постигнет никогда никто... Другая категория — все остальные монады мира, монады богосотворённые. Тайна их творения Богом может быть постигнута каждой из них, хотя, конечно, на чрезвычайно высокой ступени восхождения» (РМ, 111).

Таким образом, Христос — это вочеловеченный Планетарный Логос, богорождённая монада, принявшая человеческий облик. «Роза Мира» разрешает, наконец, родившийся в коперниковой модели Вселенной и сформулированный впервые католиками парадокс «тиранирования крестного подвига Христа» в бессчётное число инопланетных копий. Суть его в том, что либо мы должны признать, что человечество уникально (что совершенно укладывается в птолемеевскую модель и совершенно не укладывается в коперникову, ньютонову, эйнштейнову), либо оставить без спасения все остальные цивилизации, либо допустить абсурдную мысль, что Христос, коль скоро Он уникален и без Него спасение невозможно, вынужден был повторить свой крестный подвиг и на миллионах других планет.

Что же получается из «Розы Мира»? Сколько существует планетарных космосов во Вселенной, столько существует и Планетарных Логосов. Каждый из них является богорождённой монадой, своего рода полномочным наместником Бога в данной брамфатуре. Нет ничего кощунственного в предположении, что и на других планетах, там, где демонические силы подавляют тамошние человечества, то есть развитие идёт приблизительно по земному сценарию, потребовалось божественное вмешательство. Значит, и там являлись личности, равновеликие Христу, а уж как они были приняты и удалось ли им выполнить свои миссии до конца — этого мы, конечно, знать не можем. Вполне вероятно, что на многих планетах это им удалось. Но именно поэтому Христос и Его крестный подвиг уникальны.

3. Нас ради человек и нашего ради спасения шедшаго с небес и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы и вочеловечшася...

«Роза Мира» сообщает, что Христос действительно приходил для того, чтобы спасти род человеческий от власти планетарного демона земли. Расхождение в понимании акта спасения между «Розой Мира» и Православной Церковью на Символе Веры никак не отражается.

По большому счёту, суть спасения в обоих пониманиях одна: освобождение людей от сил зла и обретение ими полноты жизни.

«Роза Мира» признаёт непорочное зачатие, что же касается воочеловечивания Бога, то Андреев, признавая и этот мистический акт, расширяет древнее наивное его понимание, уместное только в птолемеевской модели мира:

«Думается также, что некоторые выражения, укоренившиеся в христианском богословии, почти механически повторяемые нами и как раз являющиеся неприемлемыми для других верований, нуждаются в пересмотре и уточнении. Как понимать, например, слово “воочеловечение” в применении к Иисусу Христу? Неужели мы и теперь представляем себе так, что Логос вселенной облёкся составом данной человеческой плоти? Можем ли мы сделать допущение, что путём телеологической подготовки из поколения в поколение был создан, так сказать, телесный инструмент, индивидуальный физический организм, человеческий мозг, способный вместить Разум вселенной? Если так, то ведь надо полагать, что Иисус уже при жизни обладал всеведением, что не согласуется даже с фактами евангельской истории и с Его собственными словами. Не нестерпима ли для нас эта диспропорция масштабов: сближение категорий космических в самом предельном смысле с категориями планетарными, узкочеловеческими? И нестерпима не потому, что она превышает границы нашего разума, а наоборот, потому что в ней слишком очевиден продукт мышления на определённой, давно минованной культурной стадии, когда вселенная представлялась в миллиарды раз миниатюрнее, чем она есть на самом деле, когда казалось реально возможным падение на землю твёрдого небесного свода и жуткий град из звёзд, сорвавшихся с крюков, на которых они подвешены. Не точнее ли было поэтому говорить не о воочеловечивании Логоса в существе Иисуса Христа, а Его в Нём *выражении* при посредстве великой богорождённой монады, ставшей Планетарным Логосом Земли? Мы именуем Христа *Словом*. Но ведь говорящий не воплощает, а именно *выражает* себя в Слове. Бог не воплощается, а выражает Себя в Христе. Именно в этом смысле Христос есть воистину Слово Божие» (РМ, 27).

Рассуждение, с богословской точки зрения вполне, безупречное.

4. ...Распятого же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавша и погребенна. И воскресшаго в третий день по Писанием. И взошед-

шаго на небеса, и сидяща одесную Отца. И паки грядущаго со славою судити живым и мёртвым. Его же Царствию не будет конца...

Всё совпадает в точности. Что же касается формулы «сидяща одесную Отца. И паки грядущаго судити живым и мёртвым», то в ней нашло отражение древнее статичное видение «небеса» и судебное понимание христианства: Бог со своим Сыном *ожидает* завершения исторической драмы, чтобы начать суд над его участниками.

«Роза Мира», согласуясь с духом этой формулы, вносит две поправки в её букву:

а) Христос не сидит, сложив руки, а действует. Предводительствуя Провиденциальными силами Шаданакара, Он уже две тысячи лет ведёт успешную борьбу с демоническим станом, освобождая и преображая миры возмездия — ибо нет такого греха, совершённого смертным по слабости или неведению своему, который заслуживал бы вечных мук. Даже демоны, даже сам Гаггунгр могут быть спасены, пройдя через длительные, но всё же ограниченные по времени искупительные страдания.

б) На Землю, оккупированную демоническими силами, пережившую миллионы и миллионы человеческих трагедий, Христос явится как освободитель, а не как судья. Его царству, в отличие от царства демонов, действительно не будет конца.

5. ...И в Духа Святаго, Господа Животворящаго, Иже от Отца исходящаго, Иже с Отцем и Сыном спокланяема и сславима, глаголавшего пророки...

Дух Святой, исходящий от Бога, согласно богословию «Розы Мира», есть определение изначально присущих Богу качеств чистой, незамутнённой духовности и святости. Верить в Духа Святаго — значит верить в то, что Бог не является космическим, от мира сего существом, «мировым разумом» и т.п. Он трансцендентен и свят. Это представление о Боге исповедует и «Роза Мира».

6. ...Во единую Святую, Соборную, Апостольскую Церковь. Исповедую едино крещение во оставление грехов. Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь.

Этот пункт говорит о свободном выборе, совершаемом православными христианами в пользу своей Церкви, которая авторитетом Спасителя гарантирует, что их личности будут сохранены для вечной жизни и в обновлённой, нетленной плоти — то есть не распадутся и не подвергнутся реинкарнации.

«Роза Мира» не отвергает этого выбора, хотя и признаёт возможным путь реинкарнации — в восточных метакультурах. «Крещение во оставление грехов» в рамках мировоззрения «Розы Мира» можно понимать так, что таинство крещения избавляет человека от груза грехов, полученного от предыдущих существований, следовательно, от неблагоприятной кармы, заставляющей душу воплощаться вновь и вновь. Главная задача для крещёного — не совершать новые грехи, чтобы не нажить новую карму.

Особый разговор о воскресении мёртвых. Даниил Андреев специально не обсуждает в своей книге христианский догмат о воскресении мёртвых. Однако это умолчание не означает, что «Роза Мира» отрицает его сокровенный, эмоциональный смысл, состоящий в том, что после акта преобразования мира могут встретиться в новой, бессмертной плоти все любившие друг друга добрые христиане, временно разлучённые смертью, но верившие, что воскреснут. Как раз, наоборот, мировоззрение «Розы Мира» подтверждает истинность этого догмата, одновременно отвергая необоснованные претензии Церкви на его универсализм, несовместимый с идеалами религий, равнодушных к воскресению в телесной оболочке. Вдумаемся в то, что рассказывает нам «Роза Мира»...

...Мы живём в одном из многочисленных слоёв Шаданакара — в физическом слое, отрезанном демоническим вмешательством от высших миров, о чём иносказательно говорит нам библейский миф об изгнании человека из рая. Мы подобны глубоководным рыбам, которым законы природы не позволяют подыматься в верхние, пронизанные солнцем, тёплые слои океана. Но и в наши земные глубины проникает отсвет высших миров, волнует и беспокоит религиозные души, вызывая в них ощущение ущербности поражённой злом земной жизни. Грандиозный космический акт преобразования мира, как о нём рассказывает Андреев, есть по сути своей восстановление единства планетарного космоса и просветление всех его слоёв, в том числе и нашего, физического слоя. Силы тьмы навсегда уничтожаются (или изгоняются из Шаданакара), преобразуется человеческая природа, освобождаясь от своего дуализма, тягостной раздвоенности между земным и небесным, приходит естественный конец всем религиям спасения.

О духовности нового, преображённого человечества Андреев рассказывает высоким поэтическим слогом:

«Мировая Сальватэрра пронизывает весь Шаданакар, кроме четырёх миров демонической Основы и Суфэтха... Её наибольшая пол-

нота связана с высокими слоями атмосферы. Религиозный смысл слова «Небо» — не плод аберрации тёмных сознаний древности, а выражение реальности, которую предчувствовали высокие души уже тысячи лет назад... Непрерывные волны благодати и силы изливаются с этих высот, из этих глубин... Великие сущности и великие существа восходят и сходят ступенями материального бытия от Сальватэрры к земле и от земли к Сальватэрре. Она есть сердце планеты и её внутреннее Солнце (Мировая Сальватэрра — вершина нашего планетарного космоса, обитель высших иерархий Шаданакара. — *О.Л.*). Сквозь неё и только сквозь неё раскрываются выси, шири и глубины Духовной Вселенной, объемлющей и звёздные архипелаги, и океаны метагалактики, кажущиеся нам столь пустынными. Духовная Вселенная невыразима ни на каком языке и может быть пережита, конечно, лишь в отдалённых предчувствиях. Наивысшие духовные восхищения у мистиков христианства, высшая ступень экстаза у индуистов, «абхиджня» Будды — всё это суть состояния именно этих отдалённых предчувствий... Когда человечество — физическое и уже внефизическое — закончит свой колоссальный цикл, когда закончат его царства планетарной Природы, — они полностью совпадут с этим планетарным раем. Тогда начнётся раскрытие Мировой Сальватэрры, как цветка, в готовый принять её простор Духовной Вселенной. Солнце Мира будет сиять над этим цветком, принимая в свои небеса его благоухающее излучение» (РМ, 111).

В этом восстановившем свою целостность планетарном космосе, Открытом Духовной Вселенной, осуществляются чаяния всех великих религий, в том числе и христианства. Тогда станет возможным без умирания, путём телесных трансформ переходить в высшие слои и возвращаться обратно на землю. Некогда жившие на земле люди, облакаясь в физические тела, смогут посетить преобразённую землю:

«Синклиты же — все тридцать четыре синклита человечества, все мириады просветлённых душ — и положивших начало своему восходящему пути в древнейших цивилизациях Атлантиды, Гондваны или Египта, и вступивших на него в позднейшие века истории — все сойдут в Энроф следом за Спасителем Христом, — не родятся, но явятся и населят землю» (РМ, 272).

Иногда считают, что воскресение мёртвых как грандиозный финал эсхатологической драмы человечества, когда, по ветхозаветному пророчеству, сухие кости восстанут из могил и облечутся живой,

бессмертной плотью, составляет весь смысл христианства и его главное отличие от всех других религий. Обретение бессмертия через воскресение целостной личности предполагает, что смертно не только тело, но и душа, что со смертью сознание человека полностью исчезает. Так думают, например, адвентисты седьмого дня, так считал Н.Ф. Фёдоров. Фёдоров был убеждён в ошибочности идеи «миграции душ» в иные миры, противопоставляя ей единственно признаваемый им идеал воскресения мёртвых. В действительности, с христианством всё не так просто. В. Вышеславцев обращает внимание на то, что вера в переселение души в загробные миры и вера в воскресение мёртвых «спокойно стоят рядом в христианстве, тогда как они совершенно различны по духу и даже *антиномичны*».

«Эта антиномия, — пишет он далее, — в обычном христианском сознании даже и не замечается, и это потому, что “воскресение мёртвых” обычно не берётся всерьёз: в лучшем случае это робкая надежда; “чаю воскресения мёртвых” звучит как странный диссонанс, как мучительный вопрос. Бессмертие отрешённой души гораздо понятнее и влиятельнее. Но антиномия совершенно ясная, особенно в отчётливых формулировках Ап. Павла: с одной стороны смерть есть *друг*, ценность, “приобретение”, выигрыш: “разрешиться и быть с Христом — несравненно лучше”, “лучше желать выйти из тела и водвориться у Господа” (Фил. 1, 21–23 ; 2 Кор. 5, 8) — а с другой стороны, смерть есть *последний враг*, который должен “истребиться”, который должен быть погнан смертью Христа: смерть должна быть поглощена победою, ибо была бы сама победою ада (1 Кор. 15). Эта антиномия ещё совершенно не решена богословием и не осознана обычным церковным сознанием. Но в 15-й главе у Ап. Павла намечено её решение в словах: “не оживет, аще не умрет” и “сеется тело душевное, восстает тело духовное”. Решение, как и вся 15-я глава, всецело даёт перевес *воскресению в новой, преображённой* плоти — оно и остаётся центральной концепцией христианства, ибо “если Христос не воскресит и если мёртвые — то тщетна наша проповедь и тщетна наша вера”. А смерть есть необходимый, диалектический момент, подчинённый воскресению и в нём находящий свой смысл: *метаморфоза* зерна, страшная и трагическая, но спасительная и обогащающая бытие, ибо “восстаёт” более совершенное через распадение менее совершенного».

Нельзя сказать, что Вышеславцеву удалось в этих нескольких строках удовлетворительно решить названную антиномию. Остаётся

много вопросов. Где, например, пребывают души в ожидании воссоединения с телами? Чем они занимаются неисчислимые века? Хватит ли всем места на земле по воскресении и т.д.? «Роза Мира» подобных вопросов не вызывает. Она рисует нам картины «жизни с избытком», обещанной Христом, преодолевая и ущербность спиритуализма, устанавливающего неустрашимый разрыв между физическим миром и высшими мирами, и наивность иудеохристианских представлений о том, что вечная жизнь на преображённой земле есть последняя цель, к которой должен стремиться человек.

Резюмируя проблему совместимости «Розы Мира» и учения Православной Церкви, можно сказать следующее.

Мироощущению, создаваемому «Розой Мира», рамки православного учения, безусловно, тесны. В то же время оно ни в какой мере не порождает высокомерно-презрительного отношения к православию, как якобы примитивной и ложной вере — отношение характерное для многих универсалистских современных систем, например, для теософии Блаватской, «Живой этики», Интегральной йоги. Как раз наоборот, «Роза Мира» подтверждает, что православный миф в своих основных аспектах (учение о добре и зле, о греховности человека, об аде и рае, о небесных и демонических иерархиях и т.д.) отражает подлинную духовную реальность, несёт в себе, следовательно, свет высшей истины. Поэтому нет ничего удивительного, что автор «Розы Мира» был православным, хорошо знал и любил Церковь. Другое дело, что есть люди, исповедующие православную веру, которые по складу своей души и ума *не нуждаются* ни в каком расширении православия. Они освобождают себя от бремени мыслей о судьбах современного мира, полагаясь на авторитет Церкви и свято веря, что Церковь права, даже когда она не права. Но «Роза Мира» написана не для них...

Преодоление современного апокалипсиса

Да, «Роза Мира» написана не для тех, кто непоколебимо твёрд в православной вере и старается не обременять себя вопросами, на которые у неё нет удовлетворительного ответа. Но тем самым книга лишается читателя, способного спокойно и даже с радостью принять её апокалиптический финал.

Тут обнаруживается одно серьёзное противоречие в том варианте хилиастической идеи, который описывает Андреев. Традиционные хилиастические ожидания временного наступления царства праведников перед Вторым Пришествием замыкаются внутри христианства и носят, по преимуществу, характер пассивного социального прогноза, который может осуществиться, а может и не осуществиться — в зависимости от воли Божьей.

Хилиазм «Розы Мира» есть нечто качественно иное. Это планетарный процесс создания принципиально новой цивилизации, предполагающий не только «волю Божью», то есть помощь Провиденциальных сил, но и творчески-деятельное участие в нём миллионов людей разных национальностей и вер. Пойдёт ли он в направлении культурной интеграции народов, как полагал Андреев, или, что более вероятно, по пути автономизации культур, покажет время. Важно, что это будет культуротворческий процесс (процессы). Но культуротворчество в условиях духовного кризиса современного христианского мира возможно только на основе этичного и оптимистичного мировоззрения, что убедительно показывает А. Швейцер в своей «Культуре и этике». Первое условие — этичность — Андреев соблюдает полностью. Миф «Розы Мира» высокоэтичен. Со вторым же дело обстоит сложнее. Можно ли считать оптимистичной идею создания цивилизации, которая просуществует совсем недолго по историческому времени и будет разгромлена силами Антихриста? Изображаемая Андреевым мрачная картина ужасной деградации едва устоявшейся цветущей цивилизации Розы Мира гнетёт своей безысходностью. Андреев допускает ошибку психологического свойства, надеясь на появление породы людей, в чьих душах соединится нечто несоединимое: воля к историческому творчеству, питаемая гуманистической верой в прогресс, в перспективу бесконечного, незапокалиптического развития человечества и христианская вера во Второе Пришествие и конец света, решительно отрицающая такую перспективу для существа, глубоко поражённого грехом. Противоречие налицо. Поскольку оно ставит под сомнение осуществимость генеральной идеи «Розы Мира», то мы просто обязаны попытаться разрешить его...

Исторический оптимизм сформировался в поле идей европейской гуманистической философии, которая отвергла церковный тезис о коренной испорченности человеческой природы и поставила человека на место Бога. С точки зрения православия, исторический

оптимизм есть род духовного заблуждения, прелести. В этом пункте православное христианство и гуманизм расходятся кардинально.

XX век сделал, кажется, всё возможное для того, чтобы православие выиграло исторический спор с гуманизмом. Апокалипсис Иоанна Богослова беспокоит ныне даже умы атеистов.

Но в том же XX веке гуманистическая философия получила неожиданную и сильную поддержку со стороны Востока, также отрицающего иудео-христианское учение о грехопадении человека и невозможности его бесконечного прогресса. По совпадению, вряд ли случайному, разрушительные процессы планетарных масштабов, начавшиеся в XX веке, сопровождаются, и чем далее, тем интенсивнее, экспансией в Европу и США, а теперь и в Россию *новой* восточной духовности во всём её цветистом разнообразии. Первым проторил дорогу на Запад индийский философ и йог Свами Вивекананда, поразивший в начале века своими выступлениями американцев. За ним нескончаемым потоком пошли и другие проповедники. Они несли христианским народам благовест о том, что их апокалиптические страхи абсолютно беспочвенны. Человек, каждый человек, убеждали они, — это маленькое нераскрытое божество, способное к бесконечной духовной эволюции, к обретению беспредельных возможностей в управлении собой. А то, что христиане называют испорченностью человеческой природы, суть не что иное, как преодолеваемое личным духовным усилием эволюционное несовершенство. Христианское учение о дьяволе новые восточные учителя откровенно презирали, считая власть тёмных сил над человеком не слишком большой и вполне преодолимой. Читаем у одного из авторов:

«Человеческая природа может быть изменена вопреки всем утверждениям о невозможности этого. В нашем сознании или природе нет ничего, что было бы неотвратимо фиксировано, всё это только игра сил или вибраций, которые своей регулярной повторяемостью создают нам иллюзию естественной необходимости. Йога Шри Ауробиндо рассматривает возможность полного изменения обычного способа реагирования и нашего сознания. Господин отрицания так же для нас полезен, как и господин утверждения... Спихнуть ответственность за всё, что кажется нам плохим, на плечи полубессильного дьявола... или спихнуть ответственность на человека и его грехи, как будто его слово преобладало в создании мира или он мог создать что-то вопреки воле Бога — всё это неуклюже удобные

затеи. Мы воздвигаем Бога любви и милосердия, добра и правосудия и говорим: это не Он или это не Его, а создание какой-то дьявольской силы, которой он позволил по какой-то причине проявлять свою злую волю или дозволил какому-то тёмному Ариману действовать в противовес нашему милостливому Ормузду, или это было даже ошибкой эгоистичного и греховного человека, который испортил то, что было сделано совершенным Богом. Мы должны смело посмотреть в лицо действительности и увидеть, что это Бог и никто иной, кто создал миры в своей сущности. Если мир управляется плотью и дьяволом, то тем более есть основания детям Бессмертия быть тут, чтобы покорить их для Бога и духа. Если жизнь — это безумие, то многим миллионам душ надо принести свет божественного разума. Если всё это ложь, надо принести обманутым надежду и истину. Этот мир не закончен, он всё время образовывается. И это — прогрессивное завоевание Божественного Божественным для Божественного, чтобы стать бесконечно большим, чем мы должны быть. Наш мир находится в процессе эволюции, и она имеет своё духовное значение».

Эта мужественная и высокоинтеллектуальная философия встретила на Западе большой интерес у людей науки с их неустранимым тяготением к человекобожью и полнейшим непониманием метафизики зла. Она оказалась отчасти и в русле духовных искажений обмирщавшего протестантского христианства, желающего обеспечить человеку душевный комфорт на разрушаемой им планете. Попытки преодоления апокалипсиса в западной цивилизации приняли в XX веке характер широкого духовного направления, вобравшего в себя и «христианский эволюционализм» Тейяра де Шардена, и различные оккультные или сциентистские учения, и новейшие универсалистские системы Востока (те же Рерихи), и экуменизм, и научную фантастику. Подробный обзор этого направления в современной цивилизации даёт с позиции православного вероучения о. Серафим в книге «Православие и религия будущего». Чтобы лучше понять, сколь сомнительны попытки преодоления апокалипсиса через отрицание греховности человеческой природы, имеет смысл ещё раз обратиться к замечательному во многих отношениях труду о. Серафима Роуза.

Роуз крайне негативно оценивает религии, философии, научные идеи, христианские ереси и т.п., которые ставят своей задачей спасение от конца Света и Страшного Суда глубоко погрязшее в грехах, не желающее каяться человечество. Его книга интересна для нас сей-

час, прежде всего, как выражение иудео-христианского взгляда на человека, основанного на библейском мифе о грехопадении, отрицаемом учителями Востока.

Православного подвижника, гражданина одной из богатейших стран мира не может смутить сколь угодно широкий успех идей исторического оптимизма на Западе. Он твёрдо помнит евангельские эсхатологические пророчества о наступлении времён массовых духовных заблуждений. В его глазах современное человечество подобно стаду одержимых нечистым духом свиней из известного евангельского эпизода и мчится к своей гибели. И даже если весь мир примет активистскую философию спасения, она будет отторгнута горсткой оставшихся православных праведников как дьявольский соблазн.

Не будем здесь подвергать критике слишком уж жёсткую и бескомпромиссную позицию о. Серафима. Это традиционная позиция аскетического монашеского православия, привыкшего жить в режиме осаждённой крепости. О её издержках сказано достаточно в «Розе Мира». Нам сейчас важно убедиться в том, в чём Роуз, как православный богослов, безусловно, прав — в ложности исторического оптимизма, пренебрегающего христианской апокалиптикой, христианским учением о греховности человека и его порабощённости демоническими силами.

Исторический оптимизм, отрицающий бытие демонических сил, их мощное воздействие на ход человеческой истории, учит не бояться никаких, сколь угодно масштабных, разливов зла в мире, так как считает зло необходимым и вечным, наряду с добром, двигателем эволюции. Приведём характерное извлечение на эту тему из цитированного ранее источника:

«Все события нашего переходного времени с его предварительными катастрофами и бедствиями имеют целью вызвать этот сдвиг в человеческом сознании, доказать человеку, что материальный мир без духовной основы не прочен и должен рухнуть. Поэтому смена рас и наступление Новой Эпохи в окончательном результате сопровождаются грандиозной геологической катастрофой, которая уносит с лица земли всех отсталых, всех противодействующих наступлению Нового Мира... Всюду теории каббалистов изображают зло как силу противодействующую, но в то же время необходимую Добру, как дающую ему жизненную силу и существование, которого иначе оно никогда не могло бы иметь... Раз мы овладеем ключом к Книге Бытия, то научная

и символическая Каббала раскроет нам тайну. Великий Змий, Сад Эдема и «Господь Бог» тождественны так же, как Иегова и Каин — тот Каин, о котором теология говорит как об убийце и лжеце Богу».

В этих суждениях ярко проявляется недооценка человекобожескими системами Востока демонических начал и полное неведение о существовании демонической стратегии в отношении человечества. Наше время, более чем какое-либо другое, показало духовную слепоту идеи отождествления добра и зла, не желающей считаться даже с данными социологии, отрицающими сотворческую функцию современных, невиданных ранее по масштабам и глубине поражения, форм зла. Если древние примитивные войны ещё могли служить воспитанию благородных качеств души, росту материальной культуры, науки, если болезни, стихийные бедствия ещё способствовали в старых религиозных культурах нравственному совершенствованию человека, ибо понимались как наказание, посылаемое Богом человеку за его грехи,¹ то в эпоху технологической цивилизации всё явственнее обнажается отнюдь не промыслительная — сознательно-разрушительная сущность зла, стремление стоящих за ним метафизических сущностей создать на земле ад.

Из метафилософии истории «Розы Мира» можно заключить, что исторический оптимизм, оправдывающий антропоразрушительные процессы, очень на руку сейчас демоническим силам Шаданакара. Ведь для того чтобы Великий демонический план мог осуществиться, нужно не только духовно разрушать людей с помощью ложных учений и сверхмощных социальных потрясений, но также внушать им, чтобы люди не очнулись от дьявольского гипноза и не восстали, наконец, против самой идеи разрушения как таковой. *Ибо подлинный путь совершенствования жизни есть путь эволюционный и никакой другой!*

Какой бы несправедливой ни казалась исторически сложившаяся социальная система, пассионарная энергия должна направляться на её постепенную трансформацию, а не на разрушение. Это, конечно, более трудное дело, не сулящее ни скорых результатов, ни удовлетворения честолюбивых или корыстных помыслов «новым лю-

¹ Православие, напомним, говорит о попущении Божиим злу, ограничивая при этом права и возможности демонов: «они не имеют ни власти, ни силы в отношении к кому-либо, если не получают позволения от Бога для осуществления целей Его Домостроительства». Увы, в новых условиях и эта старая православная формула теряет свою силу перед реальной силой зла: «Ох, не всё, что сверху, от Бога!» (В.Высоцкий).

дям», рвущимся вытеснить «старых», но это движение *вперёд*, тогда как разрушение может отбросить назад, иногда на целую эпоху. Но можно ли встать на эволюционный путь, не имея, как говорилось, оптимистического мировоззрения, которое открывало бы стране, народу, цивилизации историческую перспективу? Ведь только оптимистическое мировоззрение способно укрепить души терпением, столь необходимым для постепенных, безреволюционных преобразований, для повседневной кропотливой борьбы со злом.

Здесь особенно бросается в глаза противоречивость хилиастической идеи «Розы Мира». Зная о метаисторической природе зла, о глубокой порабощённости человека демоническими силами, то есть, будучи в этом отношении христианином-апокалиптиком, Андреев не допускает и мысли об отмене Конца Света и царства Антихриста. В то же время его нравственное чувство протестует против социальной пассивности Православной Церкви, и не помышляющей об организации всемирного сопротивления демоническим силам. Андреева не удовлетворяет чисто церковный путь спасения человеческих душ от погубления их Антихристом, поскольку он действителен только для воцерковлённых православных христиан и за пределами церковной ограды неприменим. Не могут же все люди на земле стать православными, и нельзя вменять им это в вину. На основе своих метаисторических озарений Андреев намечает контуры высокодуховной цивилизации Розы Мира, способной спасти от гибели миллиарды душ.

Обнаруживается странный парадокс. Духовидец, постигший драму человека во всей её метафизической глубине, словно бы не понимает человеческой психологии. Попытка связать христианскую апокалиптику с творчеством новой цивилизации натывается на серьёзное препятствие в виде человеческой души, неспособной совместить два столь противоположных настроения.

Как же быть? Можно ли отыскать психологический ключ, с помощью которого на уровне *мироощущения* в человеческих душах соединились бы христианская вера в неизбежность и желательность Второго Пришествия и Преображения мира с волей к социальному творчеству?

Да, такой ключ, в принципе, существует. Его предлагает сам Андреев в своих рассуждениях о целях и задачах Розы Мира как высшей этической инстанции планеты. Цивилизация под эгидой Розы Мира — *не гуманистическая* цивилизация. В этом её коренное

отличие от нынешней, возглавляемой ООН. Она не ставит своей задачей отмену конца света и бесконечный прогресс человечества. Цивилизация Розы Мира, по Андрееву, есть своего рода нравственная необходимость. Её следует создать из чувства долга перед теми ещё не родившимися миллиардами душ, которым грозит неизбежная участь погибнуть в лапах Антихриста.

Рассуждение вроде бы верное, но всё портит слишком громкая апокалиптическая нота, его сопровождающая. Ведь Андреев, как истинный сын Православной Церкви, убеждён, что конец света близок, и даже указывает приблизительную дату этого события — XXII или XXIII век. Так стоит ли тогда суетиться? Мысль о близком финале апокалиптической драмы размагничивает волю, порождая неизбежное настроение пассивного его ожидания. Психологический ключ в таком виде не срабатывает...

И возникает гнетущий вопрос. Зачем же Провиденциальные силы вдохновляли Андреева, если главная цель «Розы Мира» оказывается неосуществимой? Апокалипсис Иоанна Богослова и быстротечная цивилизация Розы Мира никак не совмещаются. Значит, либо придётся признать, что Андреев создал утопию, что для нас абсолютно неприемлемо, либо допустить, что он ошибся со сроками и до Второго Пришествия ещё очень далеко — многие столетия, а может быть, тысячелетия. И тогда пассивное его ожидание становится величайшим позором для человека как творения Божия, фактическим предательством в отношении не только отдалённых потомков, но уже детей и внуков.

Предположение о значительной «отсрочке» конца света, не слишком приятное для современных ортодоксальных христиан, имеет основание и в Евангелии, и в человеческой истории. Христос говорит своим ученикам: «О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, ни Сын, но только Отец» (Марк. 13: 32). В самом деле, если в планетарном космосе идёт грандиозная борьба Сил Света с демоническими силами, а не просто «реализуется» программа, записанная на божественной ленте, то кто из её участников может точно знать о сроках её завершения? Сам факт появления «Розы Мира», Церковью никак не ожидавшийся и радости у неё не вызывающий, свидетельствует о том, что в метаистории произошли какие-то серьёзные изменения...

И наша земная история предостерегает об опасности ошибки в современной апокалиптической диагностике. Уже бывало не раз,

когда высокая концентрация зла в ту или иную эпоху вызывала в апокалиптически настроенных душах ощущение приближающейся мировой катастрофы. Но каждый раз конец света «откладывался», и происходило это, как можно предположить, не от долготерпения Божия, а благодаря активизации Провиденциальных сил, которые, действуя через своих избранников, создавали на земле противостояние силам тьмы. Классическим примером такого рода ситуаций можно считать эпоху императорского Рима в первые века после Р.Х. Тогдашний глубоко демонизированный мир зашёл в апокалиптический тупик, он не имел будущего, и среди подвергавшихся гонениям первохристиан были сильны апокалиптические ожидания. Но Второе Пришествие Христа не состоялось, и мир не сгорел в огне, как записано было в пророчествах. Вместо этих грандиозных событий началась многовековая героическая эпопея созидания Вселенской Церкви, сумевшей создать мощное противостояние демоническим силам. Мировая история продолжилась, и человечество вступило в новую эру — эру христианства. Только самые заскорузлые материалисты могут и в наше время объяснять чудесную победу безоружных первохристиан над жестоким языческим миром какими-то социальными или экономическими законами. Религия, учившая любить даже врагов, могла возникнуть только вопреки этим законам, отражающим поведение «природного», то есть эгоистичного человека. Победа христианства доказывает, что не законами определяется, в конечном счёте, путь человека на земле, а волей высших сил.

Нам остаётся предположить, что и человечество XX века, несмотря на многие признаки приближающейся мировой катастрофы, находится не в преддверии конца света, а в начале новой эры, нового громадного цикла развития, который завершится всё-таки Вторым Пришествием. Но какие силы возьмут в нём преобладание — добра или зла, будет ли это эра невиданной ещё борьбы за сохранение в человеке образа и подобия Божия или эра беспросветной духовной тьмы, зависит от нас, нынешних. Просветление мира не может произойти само собой в силу «законов космоса», как учат, например, провозвестники «эры Водолея». Этого не допустят демонические сущности Шаданакара, которые очень и очень сильны. Преодоление современного апокалипсиса возможно только при активном участии человека, а для этого в сознании миллионов людей должна утвердиться новая парадигма развития — качественно иная, чем та, что

двигала до сих пор нашей технологической цивилизацией. Она составляет главную мысль мифа «Розы Мира», о её необходимости свидетельствуют современные интеграционные процессы, неостановимые уже никакими национализмами и фундаментализмами. Ещё возможны акты сопротивления на этом пути, но в целом человечество неумолимо подталкивается к созданию суперсистемы. Но планетарная суперсистема способна нормально существовать только при условии постоянного её очищения от духовных токсинов, продуцируемых демоническими мирами, то есть при условии, что светлые силы человечества будут во всех сферах жизни вести постоянную борьбу с демонизмом, с разрушением человека. Всякий другой путь, отодвигающий эту цель как второстепенную или ложную, игнорирующий духовно-разрушительные воздействия из низших миров планетарного космоса, очень быстро приведёт к утверждению на земле царства духовной тьмы, может быть, на многие века.

Несомненно также и то, что для России, избиваемой ныне демонами «перестройки», но всё ещё живой, всё ещё способной встать на ноги, остаётся последний, может быть, шанс выполнить свою историческую миссию, начав претворять в жизнь новую парадигму. Выскажем даже более решительное суждение — только теперь, понеся огромные потери, пройдя через великие потрясения, искушения и разочарования, наш народ оказался подготовлен к такому шагу, потому что терять ему больше нечего. Тысячу лет православная Россия поклонялась Христу *потустороннему*, чьё царство там — по ту сторону жизни. Эта эпоха безвозвратно миновала, сделав великое дело, — создав уникальный русский тип. Но попытка сохранить и в будущем её главный духовный императив равносильна национальному самоубийству. Чтобы выполнить свою миссию, России будущего придётся вспомнить Христа попустороннего — изгоняющего бичом торговцев из Иерусалимского храма, обличающего лицемерие и ложь мира, исцеляющего бесноватых и недужных, *просветляющего* жизнь.

По-разному можно воспринимать уникальное творение Даниила Андреева. Можно оспаривать те или иные религиозные или культурные идеи «Розы Мира», отнести к жанру фантастики главы, посвящённые описанию будущего человечества, поставить под сомнение достоверность некоторых потусторонних сюжетов. Но представляется несомненным основной вывод, вытекающий из всего содержания «Розы Мира», — вне великого всепланетного противостояния разру-

шительным воздействиям из демонических миров Шаданакара ни у России, ни у остальных народов достойного будущего нет! Это звучит как приговор, но, к счастью, это приговор условный, как условны оказывались до сих пор апокалиптические пророчества о конце света.

Пусть не обольщаются успехами адепты «новых великих учений», гиганты политической и экономической мысли, консерваторы и либералы, клирики и философы, пацифисты и «зелёные», все те честные люди, что предпринимают искренние попытки найти выход из нынешнего системного кризиса цивилизации, не принимая в расчёт, не зная о существовании планетарного космоса Земли. Их благие начинания рано или поздно будут обязательно извращены, ибо такова судьба всех добрых человеческих начинаний, не защищённых от демонических радиаций. Путь человека в ад вымощен благими намерениями — истинно так, и теперь мы знаем, почему это так.

Мы переживаем время, требующее коренных сдвигов в сознании для правильного понимания феномена человека и стоящих за ним сверхъестественных сущностей. Эти сдвиги не нанесут серьёзного ущерба ни одной положительной религии или мировоззренческой системе, зато избавят их от нынешней разобщённости перед лицом общего грозного врага. Мы переживаем время, когда от человека более чем когда-либо за всё время его существования на земле зависит его будущее. Успех борьбы Провиденциальных сил за человека может быть гарантирован на новом её этапе только с участием самого человека. Очень глубоко взаимоотношение божественного и человеческого прочувствовал великий русский композитор XX века, чьими словами, слегка изменёнными, мы и закончим эту книгу: **ИСТОРИЧЕСКОЕ ВСЕПЛАНЕТНОЕ ЦАРСТВО АНТИХРИСТА НЕЛЕПО И НЕВОЗМОЖНО. НО СПАСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ОТ ДУХОВНОЙ ГИБЕЛИ МОЖНО ТОЛЬКО СРАЖАЯСЬ!**

Литература

1. А.Б.Ш. (псевдоним), Австрия. Чёрный кабинет // Наш современник, 1991, № 7.
2. Акофф Р. Планирование будущего корпорации / пер. с англ. — М: Прогресс, 1985.
3. Архиепископ Серафим (Соболев). Русская идеология. — Джорданвилль, США: Типография преподобного Иова Почаевского, 1994.
4. Баныкин Н. Семь лекций по Живой Этике. — Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 1991.
5. Барабанов Е.В. В.В. Розанов // Розанов В.В. Том 1. Религия и культура. — М.: Правда, 1990.
6. Беккер К.Ф. Древняя история, обраб. В. Мюллера. — СПб, издание А.С. Суворина, 1890.
7. Берг Л.С. Труды по теории эволюции. — Л.: Наука, 1977.
8. Бердяев Н. Смысл истории. — М.: Мысль, 1990.
9. Бердяев Н. Экзистенциальная диалектика Божественного и человеческого. — Париж, 1946.
10. Блаватская Е. Перевоплощение // Переселение душ. Сборник. — М.: Золотой век, 1994.
11. Брянчанинов И. Слово о смерти. — СПб, 1905.
12. Бультманн Р. Иисус // Путь: международный философский журнал, 1992, № 2.
13. Вагин Е. Что следует понимать под мондиализмом? // Слово, 1991, № 10.
14. Вандеман Дж. Игры тёмных сил / пер. с англ. — М., 1991.
15. Вейнингер О. Пол и характер. — М.: Терра, 1992.
16. Вернадский В. И. Живое вещество. — М.: Наука, 1978.
17. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. — М.: Наука, 1991.
18. ВСХСОН: Программа: Суд: В тюрьмах и лагерях. — Париж: YMCA-Press, 1975.
19. Вышеславцев В. Бессмертие, перевоплощение и воскрешение // Переселение душ. Сборник. — М.: Золотой век, 1994.
20. Гаврюшин Н. Литостротон или Мастер без Маргариты // Символ, Париж, 1990, № 23.
21. Гекертон Ч.У. Тайные общества всех веков и всех стран: в 2 ч. Ч.1. — СПб.: Издание Е.Н. Ахматовой, 1876
22. Герасимов Г. Физиогномика ядерного Марса. // Новый мир, 1982, № 1.
23. Гершензон М. Творческое самосознание // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. — М., 1909.
24. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. — М.: ТОО Мишель и К, 1993.
25. Дамаскин И. Точное изложение православной веры / пер. с греч. — СПб, 1894.

26. Две Ирины (псевд.). Послание с планеты Ядивод. — Киев, год издания отсутствует.
27. Дмитриев А., Русанов А. Неизбежность необычного. — Новосибирск: МПРИД при Новосиб. кн. изд-ве, 1991.
28. Доценко А. (Астрогор). Кармическая медицина. Книга первая: Энергетические вампиры. — М., 1993.
29. Евреи и христианство: Несовместимость двух подходов к миру / Сост. П. Полонский. — Иерусалим; М.: Маханаим, 1995.
30. Зиновьев А. Колониальная демократия // Завтра. 1993, № 4
31. И было утро... Воспоминания об о. А. Мене. — М., АО Вита-центр, 1992.
32. Иеромонах Серафим (Роуз). Православие и «Религия будущего» / пер. с англ. — М.: Скит, 1992.
33. Ильин И.А. Опасности и задания русского национализма / Ильин И. Наши задачи. — М.: МП Парог, 1992.
34. Ильин И.А. Мировые причины русской революции // Вече, № 17, Мюнхен, 1985.
35. Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. Собрание сочинений : в 10 т. / И. Ильин. — М.: Русская книга. Т. 5. 1995.
36. Ильин И.А. Очертания будущего России / Ильин И. Наши задачи. — М.: МП Парог, 1992.
37. Ильин И.А. Что сулит миру расчленение России? — М.: Русский центр Пересвет, 1992.
38. Иоанн Кронштадтский. Новые грозные слова (церковные проповеди 1906–1907) — М.: Скит, 1993.
39. Йогананда П. Автобиография йога / пер с англ. — М.: Сфера, 1995.
40. Кандыба Д. В. Техника гипноза СК. — СПб., 1994.
41. Кастанеда К. Учение Дона Хуана. Отдельная реальность. Путешествие в Икстлан. — Киев: София, 1992.
42. Катков Г.М. Февральская революция. — Париж: YMCA-Press, 1984.
43. Киль Дж. НЛО: операция «Троянский конь» / пер с англ. — СПб.: Интерстарт-сервис, 1992.
44. Клизовский А. Основы миропонимания Новой Эпохи: в 2 т. — Рига: Виета, 1991.
45. Клизовский А. Правда о масонстве. — Рига: Виета, 1990.
46. Ключевский В. Русская история. Полный курс лекций: в 3 т. — М.: Мысль, 1993.
47. Кузовкин А.С., Семёнов А.Е. Неопознанные объекты: досужие вымыслы или реальность? — М.: Знание, 1989 (Подписная научно-популярная библиотека «Знак вопроса», № 12).
48. Кюстин А. де. Николаевская Россия, — М.: Терра, 1990.
49. Лем С. Моим читателям // Нева, 1975, № 7.
50. Лемешев М. Роковой конфликт // Экос, 1990, январь.

51. Леонтьев К. Цветущая сложность: избр. статьи. — М.: Молодая Гвардия, 1992.
52. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. — М.: Мысль, 1993.
53. Лурье С. Антисемитизм в Древнем мире. — Берлин—Петербург—Москва: Издательство З.И. Гржебина, 1923.
54. Льюис К. Просто христианство. — Чикаго, 1990.
55. Мартынов А. Исповедимый путь. — М.: Прометей, 1989.
56. Митрополит Иоанн Петербургский и Ладожский. Торжество Православия // Наш Современник, 1992, № 4.
57. Митрополит Иоанн Петербургский и Ладожский. Самодержавие духа. — Саратов: Надежда, 1995.
58. Можейко И. Индийский океан: очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях XV–XX столетий. — М.: Наука, 1997.
59. Моррис Г. Начало мира. — М.: Протестант, 1993.
60. Мууди Р. Жизнь после жизни. — Л.: Лениздат, 1991.
61. Нордау М. Вырождение / пер. с нем. — СПб. Издание Ф.Павленкова, 1894.
62. Нострадамус М. Центурии. — М.: Манускрипт, 1991.
63. О вере и нравственности с точки зрения православного учения. — М.: Издание Московской Патриархии, 1991.
64. О пламенном хоре, которого нет на земле. Материалы «круглого стола», посвящённого творчеству Д. Андреева // Новый мир, 1996, № 10.
65. Обсуждение доклада В.А. Тернавцева «Русская Церковь перед великой задачей» // Новый путь, 1903, январь.
66. Платонов О. Правда о Григории Распутине. — Саратов: Приволжское кн. изд-во, 1993.
67. Победоносцев К. Великая ложь нашего времени. — М.: Русская книга, 1993.
68. Поппер К. Открытое общество и его враги / пер. с англ. : в 2 т. — М.: Феникс, 1992.
69. Православный катехизис. — М.: Издание Московской Патриархии, 1990.
70. Проблемы американистики. Сборник / под ред. Н.В. Сивачёва. — М.: Изд-во МГУ, 1983.
71. Пушкин А.С. Джон Тёрнер. // Полное собрание сочинений : в 10 т. Т. 7 / А.С. Пушкин. — Л.: Наука, 1978.
72. Радхакришнан С. Индийская философия / пер. с англ. : в 2 т. Т. 1 — М.: Иностранная литература, 1957.
73. Рерих Н.К. Избранное. — М.: Советская Россия, 1979.
74. Розанов В. Апокалипсис нашего времени. — М.: Современник, 1991.
75. Розанов В. Когда начальство ушло. — СПб, 1910.
76. Розанов В. Люди лунного света. — СПб, 1913.
77. Романов А. Время собирать камни // Волга, 1996, № 5.
78. Русский Государственный Орёл. — Саратов, МП Гонец Николай, Изд-во Надежда, 1992.

79. Сатпрем. Шри Ауробиндо или путешествия сознания. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.
80. Серафим (Роуз). Душа после смерти / пер. с англ. — СПб.: Изд-во Чернышёва, 1992.
81. Симанов С. Не выйдя из окопов // Завтра, № 45, ноябрь, 1995.
82. Соловьёв В. С. Смысл любви // Соловьёв В. С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990.
83. Соловьёв В.С. Еврейство и христианский вопрос // В сб. Тайна Израиля. «Еврейский вопрос» в русской религиозной мысли конца XIX — первой половины XX века. — СПб.: София, 1993.
84. Соловьёв В.С. Оправдание добра. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990.
85. Сорокин П. Современное состояние России // Новый мир, № 4, 1992.
86. Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. — М.: Политиздат, 1992.
87. Суворов В. День-М. — М.: АО Всё для вас, 1994.
88. Суворов В. Ледокол. — М.: Новое время, 1993.
89. Суворов В. Последняя республика. — М.: ТКО АСТ, 1996.
90. Тибетская книга мёртвых. — СПб.: Изд-во Чернышева, 1993.
91. Тростников В. Научна ли научная картина мира? // Новый мир, 1989, №12.
92. Фёдоров Н. Философия общего дела: в 2 т. Т. 1 / под ред. Н. Петерсона. — Верный (Алма-Ата), 1904.
93. Феоктистов К., Бубнов В. В ближнем и дальнем космосе // Новый мир, 1982, № 1.
94. Фест И. Адольф Гитлер. В 3 т. / пер с нем. — Пермь: Алетейя, 1993.
95. Философский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1983.
96. Флоренский П. Храмовое действо, как синтез искусств // Маковец, № 1, 1992.
97. Фрейд З. Будущее одной иллюзии // В сб. Сумерки богов, — М.: Политическая литература, 1990.
98. Хайек Ф. Дорога к рабству // Новый мир, 1991, № 7.
99. Хейзинга Й. НОМО ЛУДЕНС (человек играющий). — М.: Прогресс-академия, 1992.
100. Хэм К., Снеллинг Э., Вилэнд К. Книга ответов. — М.: Протестант, 1993.
101. Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. — М.: Мысль, 1976.
102. Читайте Юрия Власова // Завтра, № 4, 1966.
103. Шарден П. Т. де. Феномен человека. — М.: Наука, 1987.
104. Шаталов С. Даниил Андреев и его «Роза Мира» // Воронежский Епархиальный Вестник, № 1–2, 1995.
105. Шафаревич И. Две дороги к одному обрыву // Новый мир, 1989, № 7.
106. Швейцер А. Культура и этика. — М.: Прогресс, 1973.
107. Шевкунов Г. Не участвуйте в делах тьмы! // Журнал Московской Патриархии, 1989, № 12.

108. Шмеман А. За жизнь мира / пер. с англ. — М.: Весть, 1983.
109. Шпенглер О. Закат Европы. — Новосибирск: ВО Наука, 1993.
110. Штайнзальц А. Роза о тринадцати лепестках. — Иерусалим: Шамир, 1993.
111. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. — М.: Политиздат, 1986
112. Эткинс П. Порядок и беспорядок в природе / пер. с англ. — М.: Мир, 1987.
113. Эфроимсон В. Родословная альтруизма. // Новый мир, 1970, № 10.
114. Яковлев А. «Роза мира» и падшие духи // Русский Вестник, 1991, № 32.
115. Яковлев Н. Маршал Жуков. — М.: Известия, 1995.
116. Яковлев Н. Почему распался СССР? // Завтра, № 21, 1996.

Оглавление

От автора	5
-----------------	---

Книга первая За завесой физической материи

Глава 1. Сотворение человека, разрушение человека	11
Время, в которое мы живём	11
Главная загадка человека	16
Венец творения или промежуточное существо?	18
Сложность и простота в человеческой природе	34
Видовые психические качества человека	36
О форме и бесформенности	51
Что происходит с человеком?	53
Об иррациональной природе духовно-разрушительных сил	61
Глава 2. Существует ли дьявол?	69
Тема, закрытая для науки	69
Почему учёные не замечают дьявола?	75
Отрицание бытия дьявола как догматическая установка	82
Аргументы в пользу бытия дьявола	85
Глава 3. Сколько у дьявола личин?	93
Общие сведения о мире духов	93
Миф об инопланетянах	97
Маска, кто вы?	103
Ошибки современного космизма	110
Глава 4. Феномен «Розы Мира»	117
О религиозности «Розы Мира»	129
Глава 5. Бог смерти не создал	135
Загадка смерти	135
Хронический недуг биосферы	142
Глава 6. Несколько слов о венаучности «Розы Мира»	147
Глава 7. Онтология «Розы Мира». Миф о добре и зле	151
О структуре произведения	151
Об оригинальности андреевской онтологии	154
О материальности мира духов	156
О творчески волевым плане Бытия	160

Христианство и Восток	163
Почему демоны злы?	170
Глава 8. Онтология «Розы мира», продолжение. Человек и его посмертная судьба	175
О структуре человеческой личности	175
«География» планетарного космоса	178
Посмертная судьба души	185
Глава 9. Мистика пола у Даниила Андреева	193
Суть проблемы пола	193
Мистика пола	194
О неравенстве полов	197
Греховен ли половой акт?	202
Русская православная женщина	206
Онтология женственности у предшественников Андреева	210
Догмат о Пресвятой Троице и Вечная Женственность	215
Глава 10. Историософия «Розы Мира». В чём состояла миссия Иисуса Христа?	231
Три взгляда на человеческую историю	231
Об ущербности монистических и дуалистических взглядов на эволюцию	238
«Золотой путь» Даниила Андреева	245
Загадка Иисуса	254
Загадка Иуды Искариота	262
Пророчества Исаяи о Спасителе и Его судьбе	268
Загадка технологической цивилизации	273
Загадка Благой Вести	276
Второе распятие Христа	281
Глава 11. «Дуалистический монизм» «Розы Мира». Сцилла и Харибда всемирной истории	315
Великое противостояние	315
О двуединой природе государства	318
Антихрист: плод религиозных фантазий или реальная возможность?	323

Книга вторая Современный Вавилон и «Роза Мира»

Глава 1. Русский сфинкс	329
Россия на распутье	329

Слово метаисторику	336
Ошибки русского самодержавия	353
Русская Православная Церковь. Взгляд из запредельного.....	362
Метаистория русской культуры XIX века	392
Россия под знаком рока	399
Глава 2. Религиозная драма России.	407
Глава 3. «Роза Мира» об угрозе всемирной сатанократии	479
«Великий демонический план»	479
Андреев contra Нострадамус.....	494
Метаисторическая диалектика свободы и предопределенности	500
Глава 4. XX век: антропологическая агрессия демонических сил Шаданакара. Её стратегия и тактика	505
По следам «Красного колеса».....	506
Угроза мондиализма	531
Глава 5. Мир в преддверии фундаментального выбора	543
Принцип неопределенности в человеческой истории	543
Что такое утопия?.....	548
Глава 6. Есть ли будущее у России?	563
Глава 7. «Роза Мира» под критическим углом зрения.....	581
Провиденциальное и человеческое в творчестве Андреева	581
«Роза Мира» и Русская Православная Церковь	587
Преодоление современного апокалипсиса	597

ЛУКЬЯНОВ Олег Максимович

Миф о планетарном космосе

«Роза Мира» Даниила Андреева

Редактор: *Сячина С.В.*
Корректор: *Годунова Г.М.*
Вёрстка: *Троцкая Е.А.*
Оформление: *Плосконос И.А.*

Издательство ООО «МАКС Пресс». Лицензия ИД № 00510 от 01.12.99 г. Подписано к печати 04.06.2010 г. Печать офсетная. Бумага офсетная. Формат 60×90^{1/16}. Усл. печ. л. 38,5. Тираж 100 экз. Изд. № 262.

119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы,
МГУ им. М.В. Ломоносова, 2-й учебный корпус, 627 к.
Тел. 939-3890, 939-3891. Тел./Факс 939-3891.

Отпечатано в типографии ООО «АЗГ Дом упаковки»
123056, г. Москва, ул. Зоологическая, д. 28, стр. 2.

Заказ №

9 785317 032913